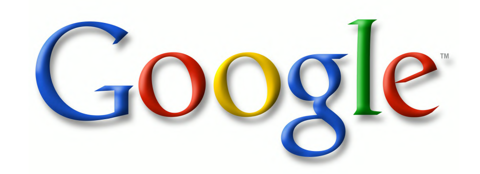

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

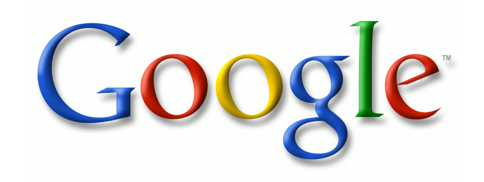
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

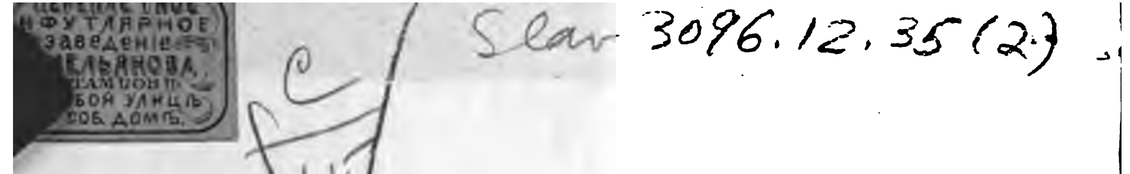
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Slav 3096.12.35 (2)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

XVIII-4-5

№ 2147

e-1/3258

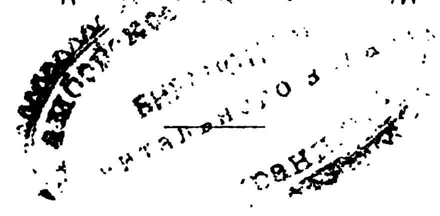
XVI-4-5

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

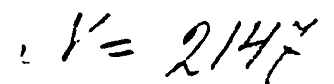
И

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

ВЪ РОССІИ И ДРУГИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Князя А. Васильчикова.

333.5

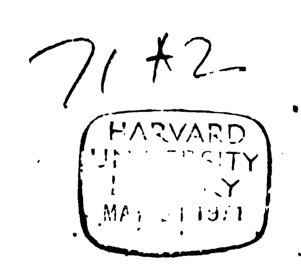
ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

Slav 3096.12.35 (2)

(267)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА X.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ ЕВРОПѢ.

Различіе между хозяйственнымъ трудомъ и наемнымъ.—Отношеніе земледѣльцевъ-хозяевъ къ наемнымъ рабочимъ.—Отхожіе промыслы.—Батраки, поденщики.—Регламентація рабочаго вопроса.—Урочная работа.—Испольная.—Праздничные дни и прогулы.—Приращеніе населенія.—Значеніе семейнаго быта въ сельскомъ хозяйствѣ. — Отношеніе женской работы къ мужской.—Высшее стремленіе рабочихъ есть пріобрѣтеніе недвижимаго имущества.—Возвышеніе рабочей платы.—Вздорожаніе продуктовъ.—Улучшеніе пищи.—Цѣны на мясо, молочные скопы, квартиры и топливо. — Отношеніе сельскихъ рабочихъ цѣнъ къ фабричнымъ и городскимъ.—Какія могутъ оказаться сбереженія у чернорабочихъ.—Арендныя и продажныя цѣны на земли.—Сравненіе американскихъ цѣнъ съ европейскими.—Несоразмѣрность между рабочей платой и цѣнностью недвижимыхъ имуществъ.

Означивъ въ предъидущихъ главахъ нашъ взглядъ на землевладѣніе, мы теперь перейдемъ ко второй сторонѣ аграрно-соціальнаго вопроса—къ **земледѣлію**. Изъ двухъ факторовъ—почвы и работы, землевладѣнія и земледѣлія, территоріи и народа, образуется общее понятіе о сельско-хозяйственномъ бытѣ данной мѣстности или цѣлой страны.

Исходное положеніе, которое мы постараемся здѣсь объяснить и оправдать, заключается въ томъ, что **человѣческій трудъ только тогда можетъ быть признанъ вполнѣ производительнымъ и вполнѣ вольнымъ, когда онъ примѣняется къ собственному имуществу или къ личнымъ способностямъ самого рабочаго.** Такой трудъ, къ чему бы онъ ни былъ приспособленъ, къ недвижимому ли имуществу, принадлежащему самому человѣку и имъ эксплуатируемому, или къ познаніямъ, искусству, мастерству по какой-либо отдѣльной отрасли земледѣлія, такой трудъ мы называемъ **хозяйственнымъ**; поэтому мы назовемъ хозяйственнымъ трудомъ какъ ручную работу пахаря, косаря,

сѣвца, когда онъ воздѣлываетъ собственную ниву, такъ и трудъ владѣльца, когда онъ употребляетъ свои агрономическія познанія и свои капиталы на обработку своей земли; сюда же мы причислимъ и всякія такія производства, которыя основаны на личныхъ способностяхъ: землемѣръ, агрономъ, ремесленникъ—вообще извлекаютъ свои доходы сами отъ себя, изъ тѣхъ познаній и искусства, которыя они пріобрѣли, и которыя составляютъ такое же собственное и свободное ихъ имущество, такой же капиталъ, какъ и земля, принадлежащая крестьянину или помѣщику на полномъ правѣ собственности.

Хозяйственному труду мы противополагаемъ наемный трудъ, когда человѣкъ снимаетъ, кортомитъ чужія земли или, нанимаясь работать на хозяина, вступаетъ съ нимъ въ такія отношенія, которыя лишаютъ его извѣстной, бо́льшей или меньшей, части продуктовъ и доходовъ, извлекаемыхъ его личнымъ трудомъ, именно той части, которую беретъ себѣ по уговору самъ хозяинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у него и нѣкоторую часть его свободной дѣятельности, ставя его въ зависимость отъ хозяина-собственника.

Зависимость эта можетъ быть полная (рабская) или частная (обязанная), потомственная, пожизненная (крѣпостная), или срочная, по найму на извѣстное число дней, мѣсяцевъ и годовъ; но собственно положеніе человѣка, отдающаго всю свою рабочую силу другому лицу въ его распоряженіе, остается таковымъ же подвластнымъ при переходѣ изъ крѣпостного состоянія въ свободное, если онъ долженъ постоянно или бо́льшую часть года работать не на себя, а на другого, на хозяина по найму.

Поэтому, наемный трудъ, по нашему мнѣнію, никакъ не можетъ быть признанъ вольнымъ, и выраженіе „вольнонаемный трудъ“ заключаетъ въ себѣ прекословіе. Онъ также не можетъ быть и вполнѣ производителенъ, потому что человѣкъ, работающій на другого и неимѣющій инстинктивнаго побужденія собственнаго своего интереса, никогда не напрягаетъ полной своей рабочей силы при исполненіи заданнаго ему труда, и этотъ законъ такъ непреложенъ, что примѣняется ко всѣмъ безъ исключенія отраслямъ хозяйственнаго быта. Сознавая этотъ порокъ наемныхъ работъ,

хозяева, какъ земледѣльцы, такъ и фабриканты, думали исправить его замѣной поденной работы урочною или посуточною, но тутъ оказалось, какъ и слѣдовало предвидѣть, что сколько утрачивается времени и количества работы при поденномъ наймѣ, столько же теряется качества при урочномъ, и въ итогѣ обнаруживается одинаковая утрата, недоимка въ народной производительности. Чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ недоразумѣній, мы еще разъ повторяемъ, что подъ словами „наемный трудъ" мы разумѣемъ только ручную, физическую работу, требующую напряженія мускуловъ и другихъ тѣлесныхъ силъ, какъ, напр., работу подносчиковъ при строеніи и перенесеніи тяжестей, молотьбу, сѣнокошеніе, жатье, бороньбу, дровосѣчество и т. п., гдѣ хотя и нужна нѣкоторая снаровка, пріобрѣтаемая навыкомъ, но особой ловкости и знанія не предполагается. Объ этой-то работѣ мы и говоримъ, что она можетъ быть вполнѣ производительна только въ рукахъ самого хозяина, располагающаго свободно и временемъ для отдыха, нужнаго для сбереженія силъ, и усиліями, требуемыми для преодолѣнія труда; добросовѣстность, трудолюбіе при такихъ работахъ не могутъ замѣнить энергіи, пробуждающейся въ человѣкѣ, когда онъ работаетъ на себя, и можно принять, что безъ всякаго притворства рабочій, трудящійся по принужденію, по уговору, изнемогаетъ гораздо раньше, чѣмъ тотъ же рабочій, если онъ работаетъ вольно, безъ заданнаго урока, безъ положенныхъ часовъ труда и отдыха. Всякое усиліе, дѣлаемое по доброй волѣ, съ охотой, изнуряетъ человѣка несравненно менѣе, чѣмъ таковое же усиліе, если оно обязательно, и сила мускуловъ и организма вообще удвоивается отъ силы воли и отъ вольности силъ.

Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что работа хозяина, разумѣется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ всегда производительнѣе труда наемника, и если новѣйшіе экономисты разсчитываютъ, что при вольномъ наймѣ выгадывается противъ обязанныхъ, крѣпостныхъ работъ 25—33 процента, то едва ли не столько же выгадывается и при работѣ самого хозяина въ сравненіи съ наемнымъ рабочимъ. При сельскихъ полевыхъ работахъ мы видимъ постоянно, что тѣ же крестьяне, которые у себя дома выкосятъ десятину двумя рабочими, спашутъ ее двумя сохами, выжнутъ ее шестью бабами, при воль-

номъ наймѣ становятся по 3 человѣка или 3 сохи или 10—12 бабъ на ту же десятину. Если же, для ускоренія работъ, ихъ ставятъ на урокъ, то работы производятся хотя и быстрѣе, но небрежнѣе, и только строжайшій надзоръ хозяина гарантируетъ его отъ убытковъ. Это и составляетъ предметъ постоянныхъ жалобъ хозяевъ на рабочихъ, жалобъ напрасныхъ, потому что этотъ недочетъ въ рабочей производительности происходитъ независимо отъ надзора хозяина и прилежанія рабочаго, а отъ самаго существа дѣла, отъ природнаго организма человѣка, поддерживающаго и удвоивающаго его силы сознанія, что онъ работаетъ на себя, и что всякое его усиліе приноситъ ему пропорціональную пользу, выгоду, прибыль.

Изъ этого мы позволяемъ себѣ сдѣлать заключеніе, что земледѣліе оказывается тѣмъ болѣе производительнымъ, чѣмъ болѣе изъ числа жителей страны и сельскихъ сословій имѣется земледѣльцевъ-хозяевъ. Хотя нельзя предположить такого общества, гдѣ бы всѣ хозяева сами орали свою пашню (это было бы царство непробуднаго застоя и закоснѣлаго невѣжества), но нельзя назвать благоустроенными обществами и такія, гдѣ большинство сельскихъ обывателей большую часть года, или даже весь свой вѣкъ, работаютъ по найму на немногихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ.

Обыкновенный пріемъ, употребляемый современными экономистами, показаніе числа земледѣльцевъ-собственниковъ (propriétaires cultivants eux mêmes leur sol, selbstbauende Landwirthe) заключаетъ въ себѣ также ошибочное представленіе: число такихъ хозяевъ можетъ быть велико, но притомъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, владѣнія ихъ могутъ быть до такой степени мелки, что они бо́льшею частію и бо́льшее число дней въ году должны отыскивать пропитаніе внѣ своего дома и хозяйства, и такимъ образомъ, числясь номинально собственниками, въ дѣйствительности превращаются въ наемниковъ. Если предположить въ данной мѣстности 1000 жителей, изъ коихъ 300 имѣютъ полное хозяйство, занимающее ихъ круглый годъ, и другую мѣстность съ такимъ же числомъ жителей и 400 собственниками, но изъ числа ихъ только

100 полныхъ хозяевъ, а остальные наемники, бобыли, малоземельные крестьяне, работающіе по найму 3/4 года, то общій итогъ наемнаго труда будетъ въ послѣднемъ случаѣ больше чѣмъ въ первомъ, хотя число безземельныхъ, неимущихъ обывателей будетъ менѣе, а поголовное число собственниковъ болѣе.

Чтобы сдѣлать нѣсколько правильный выводъ объ аграрномъ положеніи какой-либо мѣстности или страны, надо бы а) узнать число домохозяевъ-собственниковъ и рабочихъ рукъ, коими они въ своихъ семействахъ располагаютъ, и б) пространство ихъ владѣній; тогда, помноживъ одно число на другое, можно было бы опредѣлить примѣрно, какой изъ упомянутыхъ двухъ видовъ работы, хозяйственной или наемной, преобладаетъ въ данной мѣстности.

Къ сожалѣнію, статистика оффиціальная и научная намъ этихъ данныхъ не даетъ, люди науки и люди канцелярій, имѣя жительство преимущественно въ городахъ и столицахъ и собирая подробнѣйшія, даже мелочныя свѣдѣнія о городскихъ сословіяхъ, по сіе время мало заботились о разъясненіи положенія сельскихъ жителей; самая пропорція землевладѣльцевъ къ сельскимъ рабочимъ выведена только въ немногихъ странахъ и очень неточно, хотя эта пропорція и составляетъ самый существенный вопросъ соціальныхъ наукъ. Гнейстъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Das englische Verfassungsrecht) называетъ майоратное владѣніе и единонаслѣдіе неисчерпаемыми источниками пролетаріата (die unerschöpflichen Quellen des Proletariats). Это совершенно вѣрно, но поэтому-то, чтобы обсудить этотъ вопросъ о пролетаріяхъ и предупредить ихъ дальнѣйшее размноженіе, нужно бы обратить вниманіе на источники, изъ коихъ бьетъ струя неимущихъ бездомныхъ чернорабочихъ; при этомъ нужно сообразить, что пролетаріатъ является не изъ однихъ крупныхъ майоратныхъ имѣній, но также и еще болѣе изъ крестьянскихъ дворовъ, переходящихъ по наслѣдству къ одному сыну, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ.

Поэтому вопросъ о сельскихъ рабочихъ можно признать исходнымъ положеніемъ для разъясненія соціальныхъ вопросовъ вообще: изъ крестьянскихъ семействъ земледѣльцевъ выходятъ фабричные и городскіе рабочіе, и число сихъ послѣд-

нихъ прибываетъ по мѣрѣ того, какъ первые утрачиваютъ свои собственныя имущества и выгоняются изъ отцовскихъ домовъ на чужіе заработки.

Въ Англіи, какъ мы видѣли, этотъ переворотъ совершился уже вполнѣ: около 30,000 землевладѣльцевъ и 250,000 фермеровъ нанимаютъ для полевыхъ работъ 922,054 человѣка обоего пола. Земледѣліе производится наймомъ. Хлѣбопашцевъ, воздѣлывающихъ собственныя свои земли, болѣе не остается.

Во Франціи новѣйшіе статистики старались вывести по возможности точное число этого разряда крестьянъ-собственниковъ, называя ихъ propriétaires cultivants leur sol eux mêmes. По этимъ исчисленіямъ выходитъ:

землевладѣльцевъ, обработывающихъ лично свои земли, всѣхъ душъ обоего пола и разныхъ возрастовъ	7.825,777
и противъ нихъ сельскихъ жителей, не имѣющихъ собственности.	11.239,094

Это послѣднее число распредѣляется такъ:

управляющихъ (regisseurs)	266,636
арендаторовъ (fermiers).	2.506,663
половниковъ (metayers).	1.356,909
поденщиковъ (journaliers et manoeuvriers).	6.566,588
пастуховъ, дровосѣковъ (patres, bucherons).	541,698

Въ Пруссіи, по свѣдѣніямъ, которыя мы привели выше, считалось (см. главу V):

землевладѣльцевъ, воздѣлывающихъ лично свои земли, (selbstbauende Grundeigenthümer)	1.124,346
батраковъ (Knechte и Mägde)	1.053,967
поденщиковъ (Tagelöhner).	1.140,640
арендаторовъ (Pachter).	60,795
управляющихъ, прикащиковъ	32,651
хозяекъ (Wirtnschaftlerinnen)	13,745
Итого наемныхъ лицъ	2.306,798

Итакъ, во всѣхъ этихъ странахъ, не исключая и демократической Франціи, число сельскихъ рабочихъ превышаетъ число собственниковъ, и если принять въ соображеніе, что изъ французскихъ крестьянъ-собственниковъ болѣе половины

(около 4 милл.) имѣютъ въ средней сложности по 3 гектара на семью (2,9 дес.), а изъ прусскихъ около полумилліона владѣютъ по 7,8 моргеновъ на дворъ (2 дес.), то выходитъ, что вся эта масса мелкихъ владѣльцевъ, крестьянъ-бобылей должна также прибѣгать къ заработкамъ для своего пропитанія и принадлежать въ сущности скорѣе къ разряду наемныхъ рабочихъ, чѣмъ къ состоянію домохозяевъ-собственниковъ.

Изъ этого видно, что большинство сельскихъ сословій, не говоря уже о городскихъ, находится въ бóльшей части Европы въ состояніи наемныхъ рабочихъ или нанимателей чужихъ земель, и что собственно домашняя, хозяйственная обработка земли сдѣлалась повсемѣстно въ Европѣ исключеніемъ.

Въ общемъ разрядѣ наемныхъ рабочихъ надо различить нѣсколько категорій: a) крестьянъ-собственниковъ, нанимающихся временно, въ свободное время или въ мертвый сезонъ земледѣлія, на стороннія работы; b) батраковъ и служителей, проживающихъ круглый годъ на наемной работѣ или въ услуженіи, и получающихъ свое содержаніе, квартиру и харчи у хозяина; c) поденщиковъ, работающихъ по уговору за поденную или поштучную, урочную плату.

Первый родъ работъ составляетъ очень важное условіе народнаго благосостоянія; ихъ называютъ въ Россіи отхожими промыслами; они составляютъ полезное и необходимое дополненіе сельско-хозяйственнаго землевладѣнія, ибо очевидно, что экономическій законъ, нами выше приведенный, „что земледѣліе тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ народному благосостоянію, чѣмъ болѣе земли обработывается самими ихъ владѣльцами“, не можетъ быть примѣненъ, по нашему мнѣнію, безусловно ни къ какой странѣ, уже и по той естественной причинѣ, что полевыя работы прерываются въ извѣстный періодъ времени, и что уравненіе земли по рабочей силѣ домохозяевъ никогда не можетъ быть полное. Всегда и вездѣ находятся хозяева многосемейные, располагающіе бóльшими силами, чѣмъ требуется для домашняго хозяйства, а въ сѣверныхъ странахъ болѣе половины года проходитъ въ невольной праздности земледѣльческаго сословія.

Положеніе такой крестьянской семьи, которая работаетъ часть года на себя, а другую часть употребляетъ для сторонних наемныхъ промысловъ, существенно отличается отъ положенія наемниковъ двухъ другихъ категорій: хотя такіе рабочіе и вступаютъ временно въ обязательныя отношенія къ хозяевамъ, но они, имѣя за собой собственный домъ и хотя малѣйшій участокъ земли, пользуются несравненно бо́льшею независимостью, чѣмъ неимущій чернорабочій; они могутъ выжидать дома запроса нанимателей и лучшихъ цѣнъ, могутъ возвращаться домой въ случаѣ болѣзни или отказа въ работѣ, наконецъ (что̀ всего важнѣе), оставляютъ въ своемъ дворѣ на безплатной квартирѣ женъ и дѣтей, содержаніе коихъ въ городахъ или наемныхъ помѣщеніяхъ поглощаетъ значительную часть заработковъ.

Большая часть крестьянъ-собственниковъ въ Россіи находится въ этомъ положеніи, и положеніе это надо признать совершенно нормальнымъ, если оно пропорціональное, если, напр., при среднемъ надѣлѣ 3—4 десятинъ на душу изъ крестьянскаго двора, состоящаго изъ 3-хъ братьевъ, одинъ отходитъ на заработки и двое остаются дома для хозяйственныхъ работъ, или если въ зимнее время хозяева отлучаются для наемныхъ промысловъ и возвращаются весной для полевыхъ работъ. Далѣе, въ разныхъ мѣстностяхъ представляются и частные случаи: въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ мало сѣнокосныхъ угодій, крестьяне отходятъ на сѣнокошеніе въ другія мѣстности, изъ центральныхъ губерній въ степныя; въ тѣхъ полосахъ, гдѣ земли очень тощи, обработка ихъ предоставляется женамъ и недорослямъ, а бодрые люди нанимаются на болѣе тяжкія и выгодныя работы, напримѣръ бѣлоруссы на землекопныя.

Но эта пропорція можетъ и перейти мѣру, если земельный надѣлъ такъ тѣсенъ, что крестьянинъ бо́льшую часть года долженъ отыскивать работу и пропитаніе на сторонѣ, и если такіе хозяева составляютъ большинство населенія, то предложеніе наймовъ превышаетъ ихъ запросъ, заработки дешевѣютъ и положеніе такихъ собственниковъ все болѣе и болѣе приближается къ состоянію наемныхъ рабочихъ и пролетаріевъ.

Если справедливы выводы иноземныхъ экономистовъ и

хозяевъ, что для занятія рабочихъ силъ одной семьи земледѣльцевъ (полагая 3 рабочихъ души, мужика, бабу и подростка) въ средней сложности нужно около 10-ти дней, а для содержанія ея (полагая 6—7 душъ) около 150—200 руб. валового дохода, то очевидно, что положеніе французскихъ крестьянъ, изъ коихъ 4 милліона имѣютъ въ среднемъ числѣ по 2,9 дес. на дворъ и доходу всего по 64 фр. (16 руб.), или положеніе прусскихъ нетяглыхъ крестьянъ (nicht spannfähige Bauern, kleine ländliche Stellungen), владѣющихъ по 2 1/2 десятины, то положеніе ихъ скорѣе подходитъ къ наемному, чѣмъ къ хозяйственному быту. Они должны по крайней мѣрѣ 3/4 года работать на сторонѣ или (что̀ равно) отпускать изъ 4-хъ рабочихъ трехъ на заработки. Если же вѣрны показанія французскихъ экономистовъ (Moreau de Jones, Chateauvieux), что 3.600,000 домохозяевъ имѣютъ дохода только по 64 фр., то выходитъ, что они должны 10 или 11 мѣсяцевъ въ году проживать отхожими промыслами.

Несмотря на это, пріобрѣтеніе въ собственность участка земли съ хижиной и огородомъ составляетъ завѣтную мечту всѣхъ европейскихъ рабочихъ и скудное положеніе французскихъ крестьянъ—предметъ зависти англійскихъ и нѣмецкихъ фабричныхъ, городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ [1]).

Вторую категорію рабочихъ составляютъ батраки и разные служители (Gesinde, Dienstboten, Insleute), которые, не имѣя собственнаго имущества, поселяются въ усадьбахъ другихъ владѣльцевъ, получая отъ нихъ содержаніе и отдавая всю свою рабочую силу на опредѣленный срокъ въ распоряженіе хозяевъ. Батрацкое хозяйство (Knechtwirhtschaft) было въ Германіи переходнымъ положеніемъ отъ барщиннаго труда къ вольному, и первоначально устроено было на такихъ строгихъ правилахъ, что помѣщики нѣмецкихъ земель съ помощью этихъ вольныхъ (?) батраковъ хозяйничали еще выгоднѣе, чѣмъ съ барщинниками. Такъ, напр., введены были правила, что отпущенные на волю люди должны были отдавать дѣтей въ услуженіе къ своимъ прежнимъ господамъ до положеннаго возраста; что помѣщикъ имѣлъ право тѣлеснаго наказанія надъ своими батраками; что молодые крестьяне,

если они отпускаются на заработки изъ отцовскаго дома, должны пріискивать себѣ работу внутри извѣстнаго округа (im inländischen Dienst). Далѣе принимались очень строгія мѣры противъ запроса лишней рабочей платы (wucherischen Dienstforderungen) и противъ покушеній переманивать рабочихъ отъ ихъ хозяевъ (Abspänstigmachen der Dienstboten von ihrer Herrschaft); Фридрихъ Великій издалъ, въ 1769 году, особое положеніе о батракахъ (Gesindeordnung), по коему за излишнюю противъ таксы рабочую плату подвергались взысканію не только сами наемники, но и хозяева-наниматели. Въ курфюршествѣ гессенскомъ, по положенію 1766 года, запрещено было принимать крестьянъ въ городскія общества, если они прежде того не прослужили 4 лѣтъ батраками въ сельскомъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ содержаніе холостыхъ батраковъ было выгоднѣе для помѣщиковъ, то имъ разрѣшалось немедленно отпускать служителей, если они вступаютъ въ бракъ. Въ Бранденбургѣ, по закону 1764 года, поденная работа даже запрещалась людямъ холостымъ и бездѣтнымъ. Отказные сроки (Kündigungstermin) полагались долгіе, не менѣе года, а экономисты и камералисты ученой Германіи требовали даже, чтобы батраки нанимались по крайней мѣрѣ на 4—5 лѣтъ.

Вообще порядокъ отказовъ (Kündigung) составлялъ, по понятіямъ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ, одно изъ главныхъ средствъ для закрѣпленіи рабочихъ; заявленія объ отказахъ со стороны рабочихъ требовались за годъ, полгода или три мѣсяца впередъ, большею частію въ Михайлову дню (Michaelis), 1 октября, т.-е. именно къ такому сроку, когда рабочіе всего менѣе нужны хозяину и, напротивъ, всего болѣе нуждаются, при наступленіи стужи, въ пріютѣ, топливѣ, зимней одеждѣ.

Въ Англіи, напротивъ, срокъ отказа рабочимъ падалъ въ срединѣ лѣта, въ самую пору уборки хлѣба, и это обстоятельство такъ стѣсняло землевладѣльцевъ и фермеровъ, что батрацкое хозяйство считалось всегда въ Англіи невыгоднымъ; въ Шотландіи, въ крупныхъ фермахъ и помѣстьяхъ батраки различаются на годовыхъ (hinds), полугодичныхъ (farm-servants) пастуховъ, получающихъ извѣстную плату съ доходовъ скотоводства (shepherds), и cotters—поселянъ-огородниковъ,

надѣленныхъ обыкновенно небольшимъ участкомъ (примѣрно, въ половину противъ полнаго надѣла, нужнаго на пропитаніе) и обработывающихъ за это извѣстное число дней или платящихъ оброкъ, очень высокій, до 20 L. (150 рублей) [2].

Третій разрядъ наемныхъ рабочихъ составляютъ поденщики (Tagelöhner, Journaliers).

Положеніе ихъ въ соціальномъ и хозяйственномъ отношеніи совершенно иное, чѣмъ батрацкое; они пользуются лично бо́льшею независимостью, но въ матеріальномъ отношеніи меньшею обезпеченностью; батрацкая служба выгоднѣе для людей семейныхъ, поденная для холостыхъ; первая обезпечиваетъ рабочаго отъ случайнаго, непредвидѣннаго вздорожанія съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ они обыкновенно содержатся на харчахъ хозяина, вторая даетъ рабочимъ возможность пользоваться временами года и настоятельными нуждами сельско-хозяйственнаго промысла, чтобы поднимать рабочую плату до наивысшей цѣны.

Вообще крестьяне, имѣющіе свою хотя и мелкую собственность, поставлены въ наилучшее положеніе для поденныхъ заработковъ; въ батраки, годовые или лѣтніе рабочіе они идутъ неохотно и потому, какъ въ Россіи, такъ и во Франціи, батрацкое хозяйство (нѣмецкая Knechtwirthschaft) не принимается. Но здѣсь надо различить два вида поденщины — одну, справляемую хозяевами, имѣющими собственную осѣдлость, временно и срочно, во времена года свободныя отъ домашнихъ работъ, и вторую, производимую постоянно круглый годъ людьми, неимѣющими ни хозяйства, ни своего жительства. Первый видъ поденной работы мы здѣсь не разсматриваемъ и называемъ отхожими промыслами. Поденщиками, въ тѣсномъ смыслѣ слова, мы называемъ только вторую категорію безземельныхъ, неимущихъ рабочихъ.

Въ сельскихъ сословіяхъ нашего времени замѣтно общее стремленіе переходить отъ батрацкаго положенія къ поденному. Въ Англіи и Германіи поденщина постепенно вытѣсняетъ годовые или мѣсячные наймы. Въ Англіи это движеніе началось уже 40—50 лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время противъ 914 тысячъ поденщиковъ считается всего 157

тысячъ батраковъ въ сельскомъ сословіи. Наймы и разсчеты производятся понедѣльно.

Въ Пруссіи на 100 жителей сельскаго сословія было:

	въ 1805 г.	въ 1858 г.
батраковъ	11,6	8
поденщиковъ	3,4	12,5

Всего считалось сельскихъ рабочихъ:

	въ 1858 г.		въ 1861 г.	
батраковъ . . .	1.072,323	1.908,745	945,638	2.086,776 [3]).
поденщиковъ . .	836,422		1.141,138	

Такой быстрый переходъ очевидно указываетъ, что и сельскій пролетаріатъ предпочитаетъ независимое, хотя и очень невѣрное положеніе поденщика, болѣе обезпеченному, но подвластному состоянію батрака.

Въ отношеніи же сельскаго хозяйства, земледѣльческой культуры, вообще трудно рѣшить, который изъ этихъ двухъ видовъ наемнаго труда лучше или хуже. Для тѣхъ работъ, которыя требуютъ нѣкоторой снаровки, напр. плужнаго паханья, метанья скирдъ и вообще обращенія съ усовершенствованными орудіями, годовые батраки необходимы; но съ другой стороны за ними пропадаетъ значительное количество рабочихъ дней, не говоря уже о прогулахъ, по естественнымъ и неизбѣжнымъ перерывамъ отъ ненастья, распутицы и болѣзней.

По санитарнымъ разсчетамъ въ Англіи и Франціи (Gillermé, „Hygiéne publique“) на одного взрослаго человѣка (отъ 15 до 50 лѣтъ) приходится среднимъ числомъ дней болѣзни въ году отъ 7,2 дней до 11,6 по разнымъ возрастамъ, или въ средней сложности—9,4 дней изъ 365. Въ нашихъ сѣверныхъ климатахъ пропорція эта больше, и мы имѣли возможность убѣдиться на опытѣ, что за каждымъ батракомъ пропадаетъ въ теченіи года не менѣе 12 дней болѣзни. Поэтому выгоды батрацкихъ хозяйствъ сами по себѣ очень сомнительны, если допустить полную свободу договоровъ о наймѣ. Но въ нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ усвоилась Knechtwirthschaft, она поддерживалась строгой регламентаціей, и помѣстное сословіе съ помощью патримоніальной своей власти успѣло удержать очень дешевыя цѣны батрацкаго хозяйства. Въ Саксон-

скомъ королевствѣ денежное жалованье батрака было въ 1843 г. въ 30—40 талеровъ, женская прислуга нанималась по 1 — 2 т. въ мѣсяцъ. Въ Помераніи батраку платилось 40—50 тал., въ Мекленбургѣ 22—24, въ прусской Саксоніи 12 — 18, въ восточной Пруссіи и въ нашихъ литовскихъ губерніяхъ годовая плата была еще въ сороковыхъ годахъ 25 — 30 рублей. При этомъ полагалось хлѣбное содержаніе (ординаріи), соотвѣтствующее приблизительно продовольствію двухъ рабочихъ, но за то семейный батракъ обязывался еще выставлять одного вспомогательнаго работника (alternik, scharwerker) изъ подростковъ или молодыхъ дѣвушекъ и обязывался высылать жену на нѣкоторыя сгонныя работы, жатье, уборку сѣна по уменьшенной, очень дешевой цѣнѣ, 3 — 5 зильбергрошей (10 — 15 коп.) въ день. Въ итогѣ выходило, что, получая рублей 80 деньгами и хлѣбомъ, онъ ставилъ двухъ рабочихъ круглый годъ и, кромѣ того бабу на 40—50 дней.

Но, кромѣ сравнительной дешевизны, развитію батрацкаго хозяйства также способствовала власть суда и расправы, предоставленная помѣщикамъ, коею они воспользовались для приведенія сельскихъ своихъ наемныхъ служителей въ такое дисциплинарное послушаніе, что они въ этомъ отношеніи оказались для землевладѣльцевъ еще болѣе удобными, чѣмъ прежніе барщинники.

Вообще, стремленіе регламентировать человѣческій трудъ— не новое явленіе; оно проявлялось во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе выходили изъ крѣпостной зависимости и личнаго рабства. Въ Кастиліи и во Франціи въ XIV-мъ столѣтіи уже издавались Ordonances, опредѣлявшіе поденную плату натурой; въ Англіи при Генрихѣ VIII и Елисаветѣ установлена была плата, обязательная для нанимателя и наемника, и статутомъ о хлѣбопашествѣ (Statute of Labourers) установлена была по всей Англіи цѣна по 3 пенса въ день за рабочаго мужскаго пола. Тѣмъ же статутомъ запрещено сельскимъ рабочимъ переходить въ города и даже мѣнять жительство безъ приказа мироваго судьи. Но въ Англіи эти

средневѣковыя законоположенія не устояли противъ развитія политической свободы и исчезли безслѣдно.

Въ нѣмецкихъ земляхъ они появились, напротивъ, позднѣе, въ XVIII столѣтіи, и по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали узы крѣпостной зависимости, закрѣплялись вольнонаемные рабочіе къ помѣщичьимъ хозяйствамъ. Мы выше упомянули о рабочихъ уставахъ, издаваемыхъ подъ именемъ Gesindordnungen, посредствомъ коихъ поддерживались батрацкія хозяйства до 1848 года; главныя ихъ распоряженія состояли въ томъ, во-первыхъ, что при отпускѣ рабочаго требовалась аттестація, и, во-вторыхъ, что при всякомъ наймѣ полагался болѣе или менѣе длинный срокъ для предъявленія отказа. Но ни та, ни другая мѣра не оказалась удобоисполнимой. Въ 1846 году издано было въ Пруссіи положеніе о рабочихъ книжкахъ; оно въ дѣйствительности не было примѣнено. Стѣсненіе это непосредственно подѣйствовало на уменьшеніе числа батраковъ, цѣны на нихъ возвысились и наниматели сами начали уклоняться отъ закона, изданнаго въ ихъ пользу, принимая по крайней нуждѣ батраковъ дурно аттестованныхъ или даже вовсе не предъявляющихъ своихъ рабочихъ книжекъ. Мѣра эта оказалась столь неудачною, что когда, по примѣру Пруссіи, такой же законъ былъ предложенъ въ 1856 году въ Мекленбургѣ, ландтагъ, состоявшій изъ огромнаго большинства землевладѣльцевъ, отвергнулъ проектъ правительства.

Отказные сроки (Kündigungstermin), соблюдавшіеся очень строго до послѣднихъ годовъ, тоже привели къ нѣкоторымъ замѣшательствамъ; стѣсняясь слишкомъ долгими сроками — 6-мѣсячными, батраки во многихъ имѣніяхъ сговорились объявлять объ отказѣ всѣ вмѣстѣ въ одинъ срокъ и ежегодно, чтобы такимъ образомъ пользоваться свободой возобновлять контракты или отойти отъ хозяина. Такимъ образомъ, батрацкое хозяйство во второй половинѣ этого столѣтія видимо разстроивалось даже въ Германіи, гдѣ оно держалось всего долѣе. Помѣщики и арендаторы постоянно жаловались на распущенность рабочихъ (Liederlichkeit), на ихъ строптивость (Widerspänstigkeit), и домогались отъ правительства разныхъ мѣръ къ удержанію своихъ служителей въ должномъ повиновеніи, но все это не только не помогло

ихъ горю, но, напротивъ, его усиливаю: батраки уходили изъ помѣщичьихъ имѣній въ казенныя и королевскія фермы или на фабрики и заводы, сельскія же работы отъ недостатка рукъ дорожали съ каждымъ годомъ.

Впрочемъ, переходъ сельскихъ жителей съ батрацкаго положенія на поденное едва ли означаетъ улучшеніе ихъ быта: общая масса пролетаріевъ не только не уменьшилась въ послѣдніе годы, но постоянно возрастаетъ.

Въ Пруссіи считалось на 100 жителей сельскихъ сословій:

батраковъ		поденщиковъ	
въ 1805 г.	11,6	въ 1805 г.	3,5
» 1810 »	9,4	» 1846 »	9
» 1822 »	8,3	» 1855 »	12,5
» 1843 »	7,9		
» 1848 »	8,25		

Значитъ, число батраковъ съ 1805 — 1858 г. уменьшилось почти на 3%, а число поденщиковъ увеличилось съ 1805—1858 г. на 9%. Общее же число наемныхъ рабочихъ возрасло пропорціонально съ 15% на 20,3%.

Изъ этого видно, что сельскій пролетаріатъ, дорожа своею независимостью болѣе чѣмъ обезпеченностью своего пропитанія, все болѣе обращается къ поденному и поштучному найму, избѣгая черезъ это правила, устанавливаемыя для найма рабочихъ. Впрочемъ, и изъ прежнихъ уставовъ видно, что эти правила поддерживались только принудительными мѣрами не только противъ рабочихъ, но и противъ самихъ помѣщиковъ; по англійскимъ статутамъ за наемъ безъ предъявленія аттестата наниматель наказывался 10-дневнымъ арестомъ, а наемникъ 20-дневнымъ; также и по положенію о батракахъ Фридриха Великаго, за переплату лишней цѣны противъ таксы наказывались тюремнымъ заключеніемъ рабочій и хозяинъ.

Спрашивается: въ чью же пользу издавались эти строгія законоположенія? Очевидно, въ пользу и по настоянію тѣхъ хозяевъ и помѣщиковъ, которые содержали своихъ служителей похуже и отъ коихъ рабочіе по этой самой причинѣ уходили при первой возможности.

Мы должны еще упомянуть о двухъ особыхъ видахъ земледѣльческихъ работъ: урочной, или поштучной (Stücklohn, travail à la tâche), и испольной (theilbau, Métayage).

Въ Россіи, гдѣ при краткости лѣтней рабочей поры, требуется особенно быстрая, споркая работа, бо̀льшая часть полевыхъ работъ сдается урками по-десятинно или по-штучно, напр. жатье съ копны или снопа; но, какъ мы уже выше сказали, при этихъ порядкахъ теряется столько же въ качествѣ, т.-е. въ исправности работы, сколько выгадывается въ количествѣ или быстротѣ. Если требуется аккуратная, внимательная работа, напр. полотье или пашня, бороньба, то едва ли сдача огуломъ, десятинами, окажется выгодною для хозяина. Вообще, при экстензивной культурѣ и обширныхъ запашкахъ обыкновенно преобладаютъ урочныя работы; въ мелкихъ хозяйствахъ, напротивъ, поденныя.

Испольное хозяйство или половничество признается вообще низкой степенью сельско-хозяйственной культуры. Замѣчательно однако, что эта система хозяйства до сихъ поръ преобладаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ, безспорно-стоящихъ на очень высокой степени культуры; въ Италіи въ 1861 году считалось противъ 1.264,753 крестьянъ-собственниковъ 1.248,286 половниковъ (mezzajuolo), во Франціи противъ 2.506,663 арендаторовъ (fermiers) 1.356,909 половниковъ (métayers). Очевидно, что такая высокая плата, какъ половина урожая, составляетъ для хозяина большую выгоду, для рабочаго большую тягость и что поэтому распространеніе этой системы означаетъ вообще преобладаніе земледѣльческаго элемента надъ рабочимъ населеніемъ, стѣсненіе крестьянскаго сословія отъ малоземелья или отъ безденежья, однимъ словомъ, положеніе—невыгодное для земледѣльцевъ [4]).

Сравнивая эти различные порядки исправленія земледѣльческихъ работъ, очень трудно придти къ какому-либо заключенію о выгодности той или другой системы. Сколько можно судить о довольствѣ низшихъ народныхъ классовъ, по изслѣдованіямъ людей, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ, наиболѣе удовлетворительное положеніе земледѣлія оказывается въ тѣхъ областяхъ Европы, гдѣ рядомъ съ нѣсколькими крупными помѣстьями и сельско-промышленными заведеніями обитаютъ земледѣльцы на собственныхъ земляхъ.

Выгоды тутъ обоюдныя: хозяева-наниматели находятъ во всякое время рабочихъ сколько и когда имъ требуется, а земледѣльцы-наемники прибѣгаютъ къ наемному труду только въ такихъ случаяхъ и въ такое время года, когда ихъ домашнія работы прерываются.

Въ этомъ положеніи находятся нѣкоторые округа сѣверо-восточной Франціи, Бельгіи и прирейнскихъ провинцій Пруссіи. Но существенныя условія при этомъ: а) чтобы земледѣльцы были поселены на собственныхъ земляхъ, и б) чтобы участки имѣли размѣръ, соотвѣтствующій до извѣстной степени понятію о хозяйствѣ.

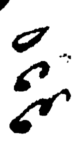
Въ Англіи, въ большей части Германіи и во многихъ провинціяхъ Франціи этихъ условій не представляется. Въ первой изъ этихъ странъ такъ-называемыя cotters и craftes суть арендаторы, мелкіе фермеры, снимающіе господскія земли по страшно высокой цѣнѣ: 20 франковъ за такой участокъ, который доставляетъ имъ пропитаніе только на половину года. Bündner, Häusler, Einlieger въ нѣмецкихъ земляхъ большею частію поселены на однихъ усадьбахъ; въ Мекленбургѣ Bündner водворены въ казенныхъ имѣніяхъ на участкахъ, имѣющихъ по 100 кв. рутень (300 кв. саженъ), а Häusler имѣютъ только усадьбы въ 25 кв. рутень и огородъ въ 60 кв. с., всего на русскую мѣру около 550 кв. саж. По среднему разсчету на все прусское королевство мелкіе крестьянскіе участки имѣютъ средняго размѣра около 2 десятинъ.

Если руководствоваться разсчетомъ англійскихъ и нѣмецкихъ писателей, что для содержанія одной семьи рабочихъ нужно въ Англіи 33 акра (около 12 дес.), въ Германіи 40 морг. (около 10 дес.), то выходитъ, что эти поселяне почти круглый годъ должны работать по найму на чужихъ земляхъ. Въ мекленбургскихъ казенныхъ имѣніяхъ такимъ образомъ поселено до 10,105 бобыльскихъ семействъ, которые держатъ земли въ безсрочномъ пользованіи и доставляютъ на казенныя фермы до 40 т. поденщиковъ въ день; хотя работа ихъ признается вольнонаемною, но она по крайней нуждѣ такъ же обязательна для поселянъ, какъ и барщина.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что рабочій вопросъ тѣсно,

неразрывно связанъ съ аграрнымъ: тамъ, гдѣ сельскіе жители, или, по крайней мѣрѣ, большее ихъ число не имѣютъ вовсе ни осѣдлости, ни имущества, они опредѣляются въ коренные, годовые рабочіе, въ батраки, чтобы имѣть жительство на готовыхъ харчахъ; тамъ, гдѣ они поселены на небольшихъ усадьбахъ и огородахъ, они предпочитаютъ испольную работу; тамъ, гдѣ они владѣютъ полевыми угодьями, но въ незначительномъ количествѣ, крестьяне отпускаютъ часть своихъ рабочихъ на отхожіе промыслы, но съ обязанностью возвращаться въ извѣстные сроки для экстренныхъ полевыхъ работъ; наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянское населеніе обезпечено собственными землями, оно прибѣгаетъ къ поденному найму, какъ къ подспорью своему домашнему хозяйству.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для преуспѣянія земледѣлія, для усовершенствованія культуры всего выгоднѣе та комбинація, при коей, рядомъ съ крупными господскими запашками, имѣется много мелкихъ крестьянскихъ участковъ, владѣльцы коихъ, прикрѣпленные къ одному мѣсту жительства, принуждены искать заработковъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Это распредѣленіе поземельной собственности и составляетъ главное преимущество нѣкоторыхъ странъ Европы, много способствовавшее процвѣтанію сельскаго хозяйства: англійскіе crafters et cotters, нѣмецкіе Bündner, Häussler, литовскіе кутники и огородники составляютъ для смежныхъ помѣщичьихъ имѣній рабочій инвентарь, прикрѣпленный къ господскимъ запашкамъ уздой, еще болѣе крѣпкой, чѣмъ барщинный или крѣпостной трудъ—нуждой. Но при этомъ всѣ выгоды оказываются на одной сторонѣ, и вольнонаемный трудъ въ этихъ условіяхъ едва ли выгоденъ для наемника.

Другое соображеніе, сильно вліяющее на земледѣліе и благосостояніе сельскихъ рабочихъ — это число праздничныхъ дней. По разсчету одного извѣстнаго экономиста (Rau), въ протестантскихъ странахъ выходитъ праздничныхъ дней съ воскресеньями 65, въ католическихъ 90. Въ нѣкоторыхъ округахъ Баваріи, гдѣ религіозный фанатизмъ особенно развитъ, еще въ недавнее время насчитывали до 204

праздниковъ. Въ Россіи по самому строгому разсчету надо считать около 100 праздничныхъ дней, т.-е. собственно такихъ, которые празднуются повсемѣстно; если же къ нимъ причислить храмовые и приходскіе праздники, разные завѣты съ крестными ходами и молебствіями, наконецъ прогулы, неминуемо слѣдующіе за праздничнымъ гуляньемъ, то можно безъ преувеличенія считать, что русское земледѣліе теряетъ въ году $1/3$ или 120 дней, а противъ протестантскихъ странъ отъ 30 до 50 рабочихъ дней.

Полагая среднюю цѣну рабочаго дня мужскаго пола въ 25 коп., женскаго пола въ 15 коп. и подростка въ 10, итого 50 коп., выходитъ, что семейный рабочій терпитъ отъ годовыхъ праздниковъ потери, если онъ:

протестантъ	65 дней,	по 50 коп.,	$32\frac{1}{2}$ руб.
католикъ	90 „	„ „ „	45 „
православный	100 „	„ „ „	50 „ [5])

Изъ этого видно, что каждый семейный рабочій православнаго вѣроисповѣданія заработываетъ въ годъ противъ англійскаго и нѣмецкаго меньше на 17 рублей 50 копѣекъ. Число крестьянскихъ семействъ или дворовъ въ великороссійскихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ народонаселеніе исключительно православное, равно 6.122,902, за исключеніемъ колонистовъ и евреевъ; помноживъ это число на $17\frac{1}{2}$, мы получимъ сумму 78.273,365 рублей, выражающую недочетъ нашего народнаго хозяйства противъ другихъ странъ въ одинъ годъ; другими словами, что русская земля производила бы на 78 мил. въ годъ болѣе, еслибъ была населена народомъ другого вѣроисповѣданія.

Разсчетъ этотъ менѣе дѣйствительнаго, потому что мы приняли каждый дворъ за одно хозяйство, между тѣмъ какъ во многихъ крестьянскихъ дворахъ вмѣщается по нѣскольку семействъ и хозяйствъ.

Этому обстоятельству надо приписать огромное вліяніе на народное хозяйство; оно объясняетъ едва ли не удовлетворительнѣе, чѣмъ всякія сужденія о политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, первенство протестантскихъ государствъ Англіи, Германіи, Голландіи, Даніи, даже такихъ суровыхъ странъ, какъ Норвегія, Швеція и наша Финляндія

надъ другими плодороднѣйшими землями, какъ Италія, Испанія, южная Франція, въ отношеніи богатства страны и благосостоянія жителей. Если еще принять во вниманіе, что каждый день праздника, кромѣ сокращенія производительности, т.-е., прихода, причиняетъ еще хозяйству значительный убытокъ отъ самыхъ непроизводительныхъ расходовъ, пьянства, гулянья, подчиванія гостей, то общая сумма недочета выйдетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое значительнѣе, и каждый лишній день праздника составитъ въ народномъ хозяйствѣ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію очень сложнаго и спорнаго вопроса о рабочей платѣ. Извѣстно, что главная аргументація партій, защищающихъ современную соціальную организацію въ западной Европѣ, заключается въ томъ, что рабочая плата, прогрессивно возвышаясь, достигла нынѣ высоты, соотвѣтствующей вздорожанію съѣстныхъ и другихъ припасовъ; что она болѣе или менѣе покрываетъ насущныя нужды простого народа; что пища, одежда и домашній бытъ чернорабочихъ, не говоря о ремесленникахъ и мастеровыхъ, много улучшились, то это улучшеніе должно быть приписано высокой рабочей платѣ установившейся въ новѣйшее время. Неурядицу и неудовольствія рабочихъ приписываютъ большею частью распущенности нравовъ, неразсчетливости и мотовству этихъ людей; между тѣмъ, какъ противная партія утверждаетъ наоборотъ, что порочность ихъ проистекаетъ изъ необезпеченности ихъ состоянія и бродячей жизни, къ коей они присуждены по своему круглому неимуществу. Нашлись и такіе глубокіе мыслители (послѣдователи великаго экономиста Мальтуса), которые придумали и законъ для предотвращенія пролетаріата. Они пишутъ и повторяютъ за своимъ учителемъ, что приращеніе народонаселенія должно имѣть свои предѣлы и останавливаться на рубежѣ, указываемомъ средствами пропитанія (die Grenzen der Unterhaltungskosten, loi de limitation), другими словами, что бѣдные люди не должны вступать въ бракъ, покуда не заработали суммы нужной для содержанія семейства, и, женившись, должны соображать свое брачное сожитіе съ средствами пропитанія

дѣтей, рожать ихъ не болѣе, какъ сколько могутъ прокормить, и покидать брачное ложе, коль скоро число дѣтей превзошло эту мѣру. Несоблюденію этого хозяйственнаго закона, неразсчетливости отцовъ семейства, размножающихъ свой родъ при недостаточности средствъ, приписываютъ эти глубокомысленные экономисты развитіе пауперизма и пролетаріата, и проповѣдуютъ, нешутя, роду человѣческому законъ воздержанія и цѣломудрія.

Не разбирая по существу этого ученія, которое намъ кажется несерьёзнымъ, хотя и поддерживается высокими авторитетами науки, мы скажемъ только, что оно противорѣчитъ народному чувству, по коему дѣти признаются божьимъ благословеніемъ; замѣтимъ также, что это мнѣніе подрываетъ еще болѣе, чѣмъ всѣ коммунистическія ученія, семейныя узы и супружество, что оно прямо ведетъ къ расторженію брака послѣ извѣстнаго числа лѣтъ и узаконяетъ блудъ и прелюбодѣяніе. Кромѣ того, законъ обязательной воздержности просто немыслимъ въ народномъ быту по образу жизни и устройству мѣстъ жительства, и, прежде чѣмъ его вводить, нужно бы размѣстить крестьянъ и рабочихъ на широкія квартиры съ особыми спальными покоями для женъ и мужей.

Чтобы удержаться на почвѣ дѣйствительнаго народнаго быта надо, напротивъ, допустить противуположный законъ, что въ рабочемъ и въ особенности крестьянскомъ сословіи бракъ составляетъ хозяйственную необходимость, условіе правильнаго веденія хозяйствъ, распредѣленіе работъ, такъ что въ русскомъ сельскомъ быту пріемъ пашни, выдѣлъ сыновей и вообще заведеніе особаго дома, самостоятельнаго хозяйства, всегда совпадаетъ съ женитьбой. Какъ только подростаетъ парень, отецъ семейства проситъ отвести ему полевую полосу и вмѣстѣ съ тѣмъ старается его женить, по совершенно-вѣрному разсчету, что мужикъ безъ бабы „въ полѣ не воинъ“, что многія важнѣйшія работы, жатье хлѣба, сушка сѣна, уходъ за скотомъ, вареніе пищи требуютъ женскихъ рукъ; холостой или вдовый крестьянинъ неизбѣжно стѣсняется въ своемъ хозяйствѣ и очень часто,

не находя по своей бѣдности невѣсты, отъ безбрачнаго своего состоянія окончательно погибаетъ и бросаетъ пашню. Поэтому, какъ консервативные экономисты, такъ и революціонные коммунисты, проповѣдующіе объ ограниченіи или отмѣнѣ супружества, черезъ это самое прямо ограничиваютъ и земледѣльческую эксплуатацію, по крайней мѣрѣ дѣлаютъ ее недоступною для простого рабочаго, не имѣющаго средствъ нанимать для себя помощницу.

Итакъ, нормальное положеніе земледѣльцевъ есть и должно быть семейное; оно подраздѣляется, по справедливому разсчету одного французскаго писателя, на слѣдующіе пять періодовъ или возрастовъ: a) въ малолѣтствѣ онъ содержится и прокармливается отъ труда своихъ родителей; b) достигая 14—15-лѣтняго возраста, поступаетъ въ подростки, полурабочіе и заработываетъ нѣкоторую часть своего пропитанія; c) затѣмъ, женится и, прижívая дѣтей, вступаетъ въ самый тяжкій періодъ своего существованія, выращивая малолѣтковъ, которые обременяютъ его безвозвратными расходами на ихъ содержаніе; d) затѣмъ, по мѣрѣ того какъ дѣти подрастаютъ, положеніе хозяина улучшается, полевыя работы распредѣляются между членами семейства, сообразно ихъ возрасту и силамъ: младшіе пасутъ скотъ, средніе боронятъ, грабятъ сѣно, возятъ навозъ; e) наконецъ, послѣдній возрастъ престарѣлости соотвѣтствуетъ первому — малолѣтнему: домохозяинъ содержится трудами своихъ домочадцевъ.

Таково коловратное движеніе, чрезъ которое проходятъ всѣ земледѣльцы; одно и то же семейство въ разныя эпохи жизни нуждается то въ бóльшемъ, то въ меньшемъ количествѣ пашни, и каждое семейство проходитъ сначала очень тяжкій періодъ, именно третій, гдѣ нужды много превышаютъ рабочія силы домохозяина. Поэтому, при подворномъ надѣлѣ, отведенномъ разъ навсегда хозяину, онъ очень часто не можетъ преодолѣть труда обработки всего своего участка и распродаетъ его по частямъ, а затѣмъ, когда дѣти подростаютъ и поступаютъ въ работу, терпитъ недостатокъ въ землѣ и старается ее прикупить или взять въ аренду. Этимъ объясняются значительныя измѣненія (Mutations, Besitzwechsel), происходящія ежегодно въ крестьянскихъ владѣніяхъ въ Европѣ. Такъ, во Франціи въ одномъ 1841 году совершено

было 1.059,441 купчихъ на сельскія имущества, изъ коихъ 701,021 приходились на крестьянскіе участки, цѣнностью менѣе 150 франковъ.

Въ Пруссіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ крестьянскіе дворы не подлежатъ раздѣлу и продажѣ (geschlossene Bauernhöfe), пропорція эта меньше; но однако въ 15 лѣтъ, 1837—1851, въ 355,454 тягловыхъ хозяйствахъ произошли слѣдующія перемѣны:

отмежевано по разнымъ актамъ и сдѣлкамъ моргеновъ	2.522,324
прирѣзано къ тѣмъ же участкамъ моргеновъ	1.844,094
Итого. . .	4.366,418

Среднимъ числомъ на каждый крестьянскій дворъ приходится по 12 моргеновъ (3 десятины) отрѣзки или прирѣзки. Эти колебанія надо преимущественно приписать той причинѣ, что самыя рабочія силы періодически измѣняются въ каждой семьѣ.

Чтобы представить себѣ полное крестьянское хозяйство въ нормальномъ его положеніи надо его взять въ томъ періодѣ, въ коемъ оно пользуется наибольшими рабочими силами, т.-е. когда дѣти, не отдѣлившіяся отъ отца, помогаютъ ему отчасти въ работѣ, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ и насущныя нужды семьи достигаютъ высшаго размѣра.

Во Франціи разсчитываютъ, что для прокормленія двухъ малолѣтнихъ дѣтей отецъ семейства долженъ заработывать вдвое противъ того, что ему нужно для собственнаго пропитанія, и что жена рабочаго можетъ содержать себя собственнымъ трудомъ; на сельскаго рабочаго полагается 300 рабочихъ дней въ году по 1¼ фр. поденной платы, на женщину 200 дней по 75 сантимовъ и на 3 дѣтей всѣхъ вмѣстѣ 250 дней по 50 сантимовъ. По этимъ цѣнамъ семейный земледѣлецъ можетъ заработать въ годъ 650 фр. (162 р. 50 к.).

Въ Англіи полевой рабочій поденщикъ заработываетъ въ годъ 27 L. 17 шил., жена съ 4 дѣтьми 13—19, итого около 300 рублей.

Въ Германіи собраны были общія подробныя свѣдѣнія о сельскихъ заработкахъ; среднимъ числомъ на 1 семейство

земледѣльцевъ считается $4^1/_2$ души, при поденной работѣ женщина заработываетъ не болѣе $^1/_3$ того, что̀ можетъ заработать крестьянинъ, и поэтому трудъ домохозяина долженъ покрывать $^2/_3$ всѣхъ семейныхъ расходовъ, покуда не подросли дѣти.

Изъ этого видно, что женскій и дѣтскій трудъ составляютъ очень значительное подспорье въ крестьянскихъ хозяйствахъ въ Европѣ, а именно во Франціи $^1/_2$ всего семейнаго заработка, въ Англіи и въ Германіи около $^1/_3$. Но это именно зависитъ отъ системы полеводства и степени развитія сельскихъ промысловъ, и въ этомъ отношеніи русскій крестьянинъ находится въ положеніи совершенно иномъ и несравненно худшемъ.

Во-первыхъ, у насъ разведена гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ культура корнеплодныхъ растеній, картофеля, свеклы, турнепса, которая доставляетъ женщинамъ, подросткамъ и даже дѣтямъ обильные заработки; во-вторыхъ, слабое развитіе сельско-промышленныхъ производствъ, фабрикъ и заводовъ лишаетъ земледѣльцевъ возможности примѣнять свой трудъ къ этимъ статьямъ. Но еще болѣе вліяетъ на стѣсненіе женскихъ и дѣтскихъ заработковъ суровость нашего климата и краткость рабочаго сезона; въ лѣтнюю пору, въ рабочую страду всѣ работы такъ внезапно скопляются, что крестьянинъ, даже многосемейный, не можетъ отпускать жену и дѣтей на посторонніе заработки; въ ненастье и въ зимнюю стужу эти заработки вовсе превращаются, не столько отъ ихъ недостатка, сколько отъ невозможности высылать женъ и дѣтей на дальнее разстояніе безъ теплой одежды; только зажиточнѣйшіе изъ крестьянъ, то-есть тѣ именно, которые въ заработкахъ нуждаются меньше другихъ, могутъ снабжать своихъ бабъ и мальчишекъ полушубками и сапогами, и даже съ этими предосторожностями не рѣшаются выгонять ихъ въ поле въ вьюгу или распутицу. Изъ этого слѣдуетъ, что заработки женщинъ и дѣтей въ Россіи, по неволѣ и независимо отъ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, ограничиваются временами года и ближайшими разстояніями. Если на сельскую работницу во Франціи разсчитываютъ до 200 дней въ году, то у насъ приходится ихъ никакъ не болѣе 50 (20 на сѣнокосъ, 20 на жатье хлѣба озимаго и яроваго и 10 на

разныя мелкія работы). Хотя поденная плата у насъ немного ниже, чѣмъ во Франціи, а на сѣнокосѣ и жатьѣ гораздо выше, но въ общемъ годовомъ бюджетѣ заработки скудны, и положеніе семейнаго поденщика гораздо труднѣе въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Между тѣмъ, ни въ какой другой странѣ сельское населеніе женскаго пола не обнаруживаетъ столько энергіи и устойчивости въ полевыхъ работахъ, какъ въ великороссійскомъ краѣ; во всей западной Европѣ, отъ Двины и Днѣпра до Рейна, крестьянскія жены выходятъ только на свои спеціальныя работы: граблю сѣна, жатье хлѣба, тяганье льна, рытье картофеля, полотье и т. п.; въ великороссійскихъ губерніяхъ они исполняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ мужскія работы, орутъ сохой, косятъ траву. Въ подмосковныхъ промышленныхъ губерніяхъ, Калужской, Ярославской и др., гдѣ мужики отходятъ на промыслы на все лѣто, женщины справляютъ всѣ хозяйственныя работы съ помощью ребятъ и стариковъ.

Но тѣмъ не менѣе положеніе многосемейнаго домохозяина было и будетъ всегда въ Россіи тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, потому что онъ не можетъ разсчитывать на помощь и заработки домочадцевъ, чѣмъ отчасти и объясняется стремленіе нашихъ крестьянъ къ семейнымъ раздѣламъ, стремленіе, которое обыкновенно приписывается ихъ неразсчетливости и легкомыслію, между тѣмъ оно имѣетъ естественное основаніе —желаніе избѣгнуть обязанности прокормленія чужихъ дѣтей. Изъ этого также слѣдуетъ, что при обсужденіи вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ нужно имѣть въ виду, кромѣ возвышенія рабочей платы, и стоимость расходовъ на содержаніе не-рабочихъ душъ.

По удостовѣренію бóльшей части европейскихъ публицистовъ, по отзывамъ разныхъ министровъ и политическихъ дѣятелей, матеріальное благосостояніе низшихъ классовъ, въ томъ числѣ и земледѣльцевъ, видимо улучшается; въ доказательство улучшенія выводится параллель между вздорожаніемъ цѣнъ на хлѣбъ и возвышеніемъ рабочей платы: выходитъ, что послѣднія повышаются быстрѣе и больше, чѣмъ первыя,

и изъ этого заключаютъ, что общее положеніе рабочихъ классовъ постепенно и непрерывно улучшается.

Мы полагаемъ, что разсчетъ этотъ вѣренъ, но выводъ и заключеніе изъ него не вѣрны: пища, одежда дѣйствительно стали лучше, заработки дѣйствительно сдѣлались обильнѣе и дороже, но отъ этого бытъ земледѣльцевъ, разумѣя подъ словомъ „бытъ" хозяйственное и житейское ихъ положеніе, очень немного улучшился; улучшеніемъ быта можно назвать только упроченіе хозяйственной самостоятельности, обезпеченіе человѣка отъ случайностей, лишающихъ его средствъ пропитанія. Всякій человѣкъ, трудящійся или нанимающійся въ должность, на службу, имѣетъ въ виду заработать столько, чтобы, за покрытіемъ насущныхъ нуждъ, сберечь извѣстный процентъ на черный день, на случай болѣзни, перерыва работъ или на старость.

Сбереженія эти зависятъ отъ разницы между его заработками и расходами; чѣмъ больше послѣдніе, чѣмъ сложнѣе становятся потребности простого народа, чѣмъ прихотливѣе его нужды и вкусы, тѣмъ менѣе оказываются сбереженія, несмотря на соразмѣрное возвышеніе поденной платы и заработковъ вообще. Стремленіе всякаго работника, если онъ трудолюбивъ и бережливъ, состоитъ не столько въ томъ, чтобы улучшить временно свое пропитаніе, одѣяніе, жилье, сколько въ томъ, чтобы выдти когда-либо изъ зависимости наемнаго труда, завестись собственнымъ хозяйствомъ и проживать изъ ренты капитала или изъ дохода имущества, и хотя бы эта рента или доходъ покрывали только часть его расходовъ, онъ уже находитъ большое наслажденіе въ чувствѣ независимости, отдохновенія, доставляемомъ ему собственнымъ домашнимъ бытомъ.

Если это такъ, то надо признать, что бытъ земледѣльца, имѣющаго свой кровъ и свою небольшую полосу земли,—лучше, чѣмъ состояніе бездомнаго батрака или поденщика, хотя бы первый ѣлъ черный хлѣбъ и одѣвался въ нагольный тулупъ, а второй питался бы цеклеванымъ и бѣлымъ хлѣбомъ и носилъ суконныя платья.

Но всего хуже выходитъ положеніе рабочихъ, когда они не видятъ исхода изъ своего наемнаго состоянія; когда цѣны, какъ продажныя, такъ и арендныя, на недвижимыя

имущества доходятъ до такой несоразмѣрной дороговизны, что пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ становится недоступнымъ низшимъ классамъ народа, когда, однимъ словомъ, разница между рабочей платой и цѣной поземельныхъ имуществъ такъ велика, что и при всевозможныхъ трудолюбіи и бережливости земледѣлецъ не можетъ надѣяться когда-либо пріобрѣсть въ собственность какой-либо уголокъ земли. Тогда главное побужденіе къ бережливости и труду замираетъ въ народѣ; между землевладѣніемъ и земледѣліемъ проводится и все болѣе углубляется рознь, превращающаяся въ озлобленіе и антагонизмъ, и это-то и есть положеніе большей части сельскаго населенія въ современныхъ европейскихъ обществахъ.

Это положеніе мы теперь изслѣдуемъ въ главныхъ его чертахъ, обращая преимущественно вниманіе на сельскія работы, такъ какъ городскія и фабричныя не входятъ въ нашъ предметъ.

Сельская рабочая плата значительно возвысилась во всей Европѣ въ настоящемъ столѣтіи. Еще въ началѣ его, и даже во второй четверти, она стояла очень низко. Всего ниже въ Ирландіи, гдѣ въ 1821 г. платилось взрослому полевому рабочему 5 пенсовъ (12 коп.), въ настоящее время около 12—14 шил. въ недѣлю (67 коп. въ день); въ другихъ частяхъ Англіи цѣны стояли около 8—10 шил. въ недѣлю (48—50 коп. въ день), и затѣмъ возвысились нынѣ вдвое, до 18 - 20 шил. Во Франціи повышеніе рабочей платы произошло ранѣе: непосредственно послѣ революціи 1789 г. французскій экономистъ Moreau de Jones свидѣтельствуетъ, что заработки семейнаго чернорабочаго составляютъ въ годъ 135 фр. въ 1700 г., 126 въ 1760, 161 въ 1788; затѣмъ, они дошли до 400 фр., въ 1840 г. до 500, а нынѣ составляютъ около 650 фр. въ густонаселенныхъ и промышленныхъ департаментахъ. Въ Парижѣ и его окрестностяхъ плата еще выше, не менѣе 3—4 фр. въ день. Однако въ общей сложности въ сельскомъ быту поденная плата возвышается гораздо менѣе, чѣмъ въ городахъ, и въ земледѣльческой полосѣ Франціи почти незамѣтно. Въ началѣ настоящаго столѣтія она была

въ 20—25 су; въ настоящее время въ западныхъ департаментахъ отъ Финистера до Пириней отъ $1^1/_2$ до 2 фр.; въ южныхъ еще ниже, въ 1,25.

Высшая плата оказывается только въ центральной полосѣ, на Сенѣ, Марнѣ и Маасѣ, гдѣ она достигаетъ $2^1/_2$ и 3 фр. По свѣдѣніямъ, собраннымъ enquête agricole въ 1870 г., средняя цѣна на сельскихъ рабочихъ разныхъ половъ и возрастовъ по 80 департаментамъ была $1^1/_4$ франка.

Въ Бельгіи полевымъ рабочимъ платилось въ 1856 г. отъ 69 сантимовъ ($17^1/_2$ коп.), въ провинціи Лимбургъ, до 1 фр. 88 с. (47), въ Намюрѣ; въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ 1830—46 г. 30 копѣекъ.

Въ Германіи, въ первой четверти этого вѣка, поденщина была очень дешева, въ восточной Пруссіи и Галиціи 14 копѣекъ, въ средней Германіи 20—30; въ Мекленбургѣ, Помераніи, годовому батраку платилось не болѣе 24 руб., нынѣ 40—50.

Въ Польшѣ и Литвѣ еще въ сороковыхъ годахъ батраку давалось жалованья не болѣе 25—30 руб. въ годъ, нынѣ не менѣе 40 руб. на готовыхъ харчахъ.

Итакъ, несомнѣнно, что сельскіе заработки, слѣдуя общему возвышенію рабочей платы, возвысились во всей Европѣ въ послѣднее полустолѣтіе; наиболѣе въ Ирландіи и Англіи, вдвое и впятеро; въ Германіи на 50—75%; всего менѣе во Франціи, гдѣ, за исключеніемъ центральныхъ и сѣверовосточныхъ департаментовъ, цѣны на сельскихъ работниковъ сначала столѣтія почти не измѣнились [6].

Затѣмъ слѣдуетъ второй вопросъ, насколько въ тотъ же періодъ, въ теченіи нынѣшняго столѣтія, возвысились цѣны на предметы первой потребности, и главное на зерновые хлѣба? Хлѣбъ принимается обыкновенно за мѣрило хозяйскаго состоянія простого народа, потому что онъ составляетъ самую крупную статью расхода въ бюджетѣ бѣдныхъ людей, а также и потому, что онъ представлялъ (по крайней мѣрѣ въ европейскихъ государствахъ) менѣе колебаній, чѣмъ другіе предметы. Дѣйствительно, если въ прежнія времена и еще въ прошломъ столѣтіи мѣстные неурожаи имѣли страшное влія-

ніе на народное продовольствіе, то нынѣ, при усовершенствованіи путей сообщенія и развитіи торговли, хлѣбныя цѣны установились твердо, и въ общей сложности держатся почти неизмѣнно на одномъ уровнѣ.

Въ Пруссіи, по разсчетамъ, сдѣланнымъ въ двухъ мѣстностяхъ, въ Берлинѣ и Кёльнѣ, шефель (2 четверика) ржи стоилъ въ 50-лѣтній періодъ, 1774—1833, 48 зильб. (144 коп.); въ 13-лѣтній періодъ, 1816—1828, 53 зильб. (159 коп.), и въ настоящее время тоже около 53.

По другимъ разсчетамъ, средняя цѣна шефеля ржи была въ періодъ 1816—37 гг. 40 зильб., а въ 1837—60 гг. 53,5.

Во Франціи гектолитръ пшеницы стоилъ, при общемъ во всей Франціи урожаѣ:

въ 1817 г.	48 мил. гектор.	42 фр.	20 сант.
„ 1818 „	52 „ „	27 „	27 „
„ 1819 „	63 „ „	18 „	34 „
„ 1853 „	63 „ „	28 „	82 „
„ 1857 „	110 „ „	16 „	75 „
„ 1861 „	75 „ „	23 „	24 „

По другому разсчету, гектолитръ пшеницы стоилъ въ періодъ:

1797—1813 годовъ	20 фр.	87 сант.
1814—1830 „	20 „	45 „
1831—1847 „	20 „	03 „
1848—1863 „	20 „	55 „

Въ Англіи, гдѣ цѣны искусственно поддерживались запретительной системой, онѣ значительно понизились вслѣдствіе хлѣбной реформы, проведенной Р. Пилемъ.

Такимъ образомъ, если считать хлѣбныя цѣны мѣриломъ для прочихъ расходовъ, то дѣйствительно оказывается, что онѣ возвысились несравненно менѣе, чѣмъ рабочая плата. Можно, пожалуй, вывести изъ этого успокоительное заключеніе, что содержаніе рабочаго населенія обходится нынѣ если не дешевле, то по крайней мѣрѣ немного дороже, чѣмъ тому 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ заработки его почти удвоились. Заключеніе утѣшительное.

Но тутъ представляются разныя соображенія, совершенно опровергающія эту аргументацію. Первое изъ нихъ, это постепенный переходъ рабочихъ классовъ къ такъ называемой улучшенной пищѣ — и, главное, къ замѣнѣ ржаного хлѣба, черной муки — ситными, пеклеванными сортами и пшеничной мукой; но насколько эта улучшенная пища дѣйствительно лучше, это еще подвержено нѣкоторому сомнѣнію. Хотя во всѣхъ новѣйшихъ календаряхъ и печатаются таблицы сравнительной питательности разныхъ хлѣбовъ, но мнѣнія ученыхъ техниковъ расходятся по этому предмету, а нѣкоторые изъ нихъ даже утверждаютъ, что излишнее просѣваніе и процищеніе муки отнимаетъ у нея много питательныхъ веществъ. Съ другой стороны, нельзя не усумниться въ превосходствѣ пшеничнаго хлѣба надъ ржанымъ, видя, какъ русскій крестьянинъ и русскій солдатъ выдерживаютъ если не болѣе, то навѣрно не менѣе труда и лишеній, чѣмъ французъ и итальянецъ, кормящіеся пшеничнымъ хлѣбомъ; въ австрійской арміи лучшими и наиболѣе выносливыми солдатами считаются венгерскіе и славянскіе, питающіеся ржанымъ хлѣбомъ.

Перемѣна пищи произошла очень недавно. Во Франціи въ 1700 г. пшеничнымъ хлѣбомъ питалась только $^1/_3$ народа, въ 1760 г.—40%, въ 1791 г.—37%, въ 1818 г.—45%, въ 1839 г.—60%; въ настоящее время около $^3/_4$. Въ Англіи считалось жителей, питающихся пшеницей, въ 1758 г. 3.759,000 душъ, прочими хлѣбами — рожью, ячменемъ и овсомъ — 2.242,000; въ сѣверныхъ графствахъ большая часть жителей питалась овсянымъ хлѣбомъ; въ кн. валлійскомъ $^9/_{10}$ населенія ѣли ржаной хлѣбъ; въ Ирландіи еще въ 1838 г. картофель и овсяная мука составляли почти исключительную пищу простого народа.

Въ Пруссіи среднее потребленіе на жителя было:

	пшеницы.	ржи.	всего.
въ 1831 г.	0,76	3,00	3,76 шефеля
„ 1839 „	0,98	2,75	3,71 „
„ 1842 „	0,92	2,97	3,89 „
„ 1845 „	1,15	2,95	4,10 „
„ 1848 „	1,06	3,00	4,06 „

Относительная цѣнность разныхъ хлѣбовъ опредѣляется въ разныхъ странахъ Европы такъ: если извѣстная мѣра ржи стоитъ 100, то такая же мѣра пшеницы будетъ стоить 143—153, ячмень 75—82, овесъ 47—52, то-есть, что переходя отъ грубой пищи—отъ сѣрыхъ и черныхъ хлѣбовъ къ бѣлымъ, къ ситней и пшеничной мукѣ, каждый человѣкъ долженъ затратить около 50% болѣе на свои харчи, а если онъ еще подмѣшивалъ въ хлѣбъ и приварокъ ячменную или овсяную муку, то разница выйдетъ и больше. Итакъ, отъ перехода къ такъ-называемой улучшенной пищѣ произошло огромное увеличеніе расходовъ.

Второй главнѣйшій предметъ улучшенной пищи есть мясо. По всѣмъ свѣдѣніямъ, имѣющимся о положеніи скотоводства и мясного продовольствія въ Европѣ, оказывается, что мясо, несмотря на прежнюю его дешевизну, можно сказать безцѣнность, вовсе или очень мало употреблялось простымъ народомъ. До начала настоящаго столѣтія, точно такъ, какъ въ Россіи и въ наше время, мясная пища, въ особенности говядина—мясо крупнаго скота не могло входить въ насущное пропитаніе сельскихъ жителей, по той причинѣ, что говядина одного быка составляетъ такую массу пищи (400—500 фунт.), какую одно семейство, даже и зажиточное, не можетъ израсходовать менѣе какъ въ 100 дней, считая по 4—5 фун. на семейство; и такъ какъ годность говядины зависитъ отъ ея свѣжести, то понятно, что даже и при дешевыхъ цѣнахъ сельскіе хозяева не могли ею пользоваться, такъ какъ не имѣли возможности ни сохранять ее, ни сбывать. Только впослѣдствіи, при усилившемся населеніи и устройствѣ мясныхъ дворовъ, скотобоенъ и рынковъ въ городахъ и густонаселенныхъ мѣстностяхъ, устроилась и раздробительная, фунтовая продажа мясныхъ продуктовъ, сдѣлавшая эту пищу доступною среднему и, наконецъ, низшему классу народа. Такимъ образомъ, независимо отъ цѣны, потребленіе мясной пищи обусловливается бóльшимъ или меньшимъ скопленіемъ потребностей въ однихъ поселеніяхъ, быстрымъ израсходованіемъ припасовъ, подверженныхъ, особенно въ теплую погоду, внезапной порчѣ, такъ что эта пища была преимуще-

ственно пищей городскихъ сословій и промышленныхъ фабричныхъ мѣстечекъ. Въ Пруссіи, въ 1806 г., среднее потребленіе говядины составляло на 1 жителя 33 ф., въ 1842 г. 35 ф., въ 1845 г. 37 фунтовъ. Этотъ средній разсчетъ по всему государству распредѣляется по областямъ совершенно различно: въ восточной Пруссіи приходилось на жителя 61 ф., въ Силезіи и Рейнской провинціи по 83—86 ф., въ Бранденбургѣ 104 ф., въ Берлинѣ 114 ф. Въ Саксоніи на жителя расходовалось всего говядины по 60 ф., но въ одномъ городѣ Лейпцигѣ 133 ф.; въ Лондонѣ полагается среднимъ числомъ по 9 пудовъ мяса на годовое продовольствіе жителя средняго сословія, и по $^1/_4$ до $^1/_2$ ф. въ день на низшій классъ (3—4 пуда въ годъ). Въ Парижѣ въ 1831 г. потреблялось мяса среднимъ числомъ по 77 ф. на человѣка, въ 1871 г. уже считалось почти вдвое—137 фунтовъ.

Очевидно, что внезапное приращеніе городского населенія во второй половинѣ нашего столѣтія имѣло громадное вліяніе на народное продовольствіе и въ особенности на мясную торговлю; Парижъ и Лондонъ одни уже потребовали 12—13 мил. лишнихъ пудовъ говядины. Запросъ этихъ двухъ столицъ подѣйствовалъ на всѣ рыночныя цѣны; по мѣрѣ того, какъ этотъ родъ пищи проникалъ все далѣе въ ряды простого народа и по привычкѣ становился для рабочихъ уже не прихотью, а насущной потребностью, по той же мѣрѣ возрастали и растутъ непрерывно цѣны на всѣ мясные и молочные продукты.

Третья статья расхода есть наемъ квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Эти три статьи, въ особенности двѣ первыя, возвышаются въ цѣнѣ съ такой быстротой, что составляютъ предметъ постоянныхъ жалобъ европейскихъ рабочихъ; въ большихъ городахъ вздорожаніе квартиръ сдѣлалось въ послѣднее время настоящимъ бѣдствіемъ для бѣдныхъ обывателей; но и въ сельскомъ быту плата за наемную квартиру въ Англіи, Франціи, средней Германіи составляетъ очень крупную статью расхода: въ Англіи считаютъ, что изъ 275 руб. расхода семейнаго рабочаго приходится за квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ $11^1/_2$ проц. или 30 руб.;

во Франціи изъ 600 фр. всего расхода за квартиру съ дровами 91 фр. (15°/о). Въ особенности чувствительно для сельскихъ жителей сѣверныхъ странъ вздорожаніе топлива; въ южной Германіи считаютъ, что цѣна дровъ возвысилась втрое съ 1800 по 1840 г.; въ сѣверо-восточной Пруссіи, прилегающей къ нашей границѣ, сельскіе жители заѣзжаютъ за дровами въ лѣсныя дачи русскихъ владѣльцевъ, и русская трехполѣнная сажень обходится имъ съ провозомъ 25—30 тал. Торфяныя болота исчезаютъ по мѣрѣ ихъ осушенія и эксплуатаціи: даже угольныя копи, слывшія неистощимымъ запасомъ топлива, въ послѣднее время (въ Англіи) нѣсколько оскудѣли, такъ что цѣны ихъ поднялись внезапно на 25—30°/о.

Несмотря на всѣ усилія правительства и городскихъ управленій размѣстить жителей со всѣмъ удобствомъ, постройка новыхъ домовъ отстаетъ отъ приращенія населенія, и помѣщенія дѣлаются все болѣе тѣсными. Только въ Англіи, повидимому, при дружныхъ усиліяхъ мѣстныхъ властей и частныхъ лицъ, соблюдается въ этомъ отношеніи правильная пропорція; съ 1821—1831 г. приращеніе населенія составляло 15°/о, новыхъ домовъ построено 16°/о, съ 1831 по 1841 жителей прибыло 14°/о, строеній 20°/о.

Въ Пруссіи, напротивъ, съ 1819 по 1858 г. число жителей возрасло на 60,8°/о а число жилыхъ домовъ только на 30,1°/о.

Среднимъ числомъ на 1 домъ приходилость жильцовъ:

въ 1816 г.	6,59
„ 1834 „	7,52
„ 1858 „	8,30

Жилыхъ домовъ считается:

	на 100 жит. домовъ.	на 1 домъ жильцовъ.
Во Франціи.	20 . . .	5,0
„ Бельгіи	19 . . .	5,2
„ Англіи	18 . . .	5,5
„ Голландіи	16 . . .	6,2
„ Австріи	14 . . .	7,1
„ Пруссіи	12 . . .	8,23

Въ Бельгіи разсчитано, что на 100 жильцовъ приходится въ селеніяхъ 62 комнаты. Во Франціи, изъ числа всѣхъ жи-

лыхъ строеній 7.462,545 было въ 1846 г. домовъ съ двумя отверстіями (à deux ouvertures), т.-е. съ однимъ окномъ и дверью—2.120,123. Цѣны топлива возвысились въ теченіи настоящаго столѣтія во всѣхъ странахъ, гдѣ дрова не могли быть замѣнены другими горючими матеріалами. Въ южной Германіи сажень дровъ (однополѣнныхъ въ 6 фут.) стоила въ 1760 г.—1 гул. 10 кр., въ 1800 г.—2 гул. 34 кр., въ 1830 г.—5 гул. 6 кр. Въ новѣйшее время, въ періодъ 1831—1858 г., цѣны на дрова возвысились въ Баваріи на 154—161 проц.

Изъ всего вышесказаннаго можно, кажется, видѣть, что вздорожаніе разныхъ предметовъ перваго потребленія въ новѣйшее время идетъ параллельно возвышенію рабочей платы и не много отъ него отстаетъ.

На это могутъ намъ замѣтить, что самое употребленіе улучшенной пищи, высшихъ сортовъ хлѣба, мяса и разныхъ молочныхъ скоповъ, сыра, масла, также и помѣщеніе жителей въ лучшихъ квартирахъ указываетъ на приращеніе средствъ, на нѣкоторое довольство. Относительно помѣщенія улучшеніе почти сомнительно; просторъ жилищъ, это первое условіе гигіеническаго благоустройства, не увеличивается, а скорѣе уменьшается, по мѣрѣ того какъ сельскіе жители скопляются на фабрикахъ и въ городахъ. Что же касается пищи, то дѣйствительно употребленіе мяса, бѣлой муки, сыра и масла составляетъ замѣтное улучшеніе въ бытѣ простого народа нашего времени; но не надо думать, чтобы оно указывало на усиленіе денежныхъ средствъ въ общей массѣ народа. Низшіе классы, бѣдные люди въ этомъ отношеніи находятся въ прямой зависимости отъ среднихъ классовъ; покуда они (купцы, мѣщане, городскіе обыватели вообще или сельскіе зажиточные домохозяева) довольствуются простой пищей, она и составляетъ общій предметъ народнаго продовольствія; коль скоро вводится въ средніе слои общества обыденное потребленіе другихъ продуктовъ, они незамѣтно входятъ и въ употребленіе низшихъ классовъ, дѣлаются для нихъ сначала лакомствомъ, потомъ привычкой, наконецъ и потребностью. Нищіе во Франціи и въ Англіи

кормятся исключительно бѣлымъ хлѣбомъ; рабочіе въ городахъ и по фабрикамъ, привыкая къ мясной пищѣ, требуютъ ее и въ домашнемъ сельскомъ своемъ быту, по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни. Мальтусъ справедливо говоритъ, что хлѣбъ оттого можетъ служить масштабомъ обыденныхъ нуждъ народа, что никогда не выходитъ изъ моды; но надо прибавить, что на потребленіе того или другого сорта хлѣба отчасти также дѣйствуютъ прихоть, перемѣна вкуса и привычекъ.

Итакъ, въ бюджетѣ семейнаго рабочаго произошли въ наше время слѣдующія главныя измѣненія:

Заработки, какъ его личные, такъ и его домочадцевъ, возрасли въ однихъ странахъ на 50 проц., въ другихъ на 100 проц. и болѣе, противъ цѣнъ, бывшихъ въ первой четверти XIX столѣтія. Это можетъ быть поставлено въ кредитъ его хозяйственнаго баланса. За то въ дебетъ надо ему поставить: разницу цѣнъ между пшеницей и рожью около 50 проц., прибавку расхода на мясную порцію отъ 2 до 4 пудовъ говядины и свинины въ годъ, возвышеніе цѣнъ на квартиру и отопленіе и нѣсколько другихъ статей расхода, сапоги вмѣсто лаптей и французскихъ sabots, пива вмѣсто воды и проч. Балансъ изъ этого можно вывести только по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и всякіе общіе разсчеты были бы гадательные.

Но еще болѣе гадательно предположеніе, что благосостояніе народа возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ улучшается его пища, одежда и растутъ его потребности и расходы. Дѣйствительной мѣрой благосостоянія можетъ служить только одно—это способность рабочаго населенія дѣлать изъ своихъ поденныхъ или годовыхъ заработковъ такія сбереженія, чтобъ онъ могъ на эти суммы завести собственное хозяйство, прикупить недвижимое имущество или проживать хотя часть года изъ ренты капитала. Этотъ-то предметъ мы теперь и разсмотримъ.

Чтобы опредѣлить бóльшую или меньшую способность сбереженія, нужно прежде всего взять разницу между рабочей платой и насущными нуждами рабочаго; при этомъ,

разумѣется, слѣдуетъ имѣть въ виду человѣка семейнаго въ полномъ рабочемъ возрастѣ, когда силы его достигаютъ наивысшаго развитія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличиваются и расходы его на прокормленіе малолѣтнихъ дѣтей.

На одного рабочаго мужскаго пола можно положить всего 4—5 душъ обоего пола, изъ коихъ нѣкоторые, жена и старшія дѣти, отчасти помогаютъ ему въ работѣ; основываясь на томъ предположеніи, что кромѣ своихъ рабочихъ дней домохозяинъ располагаетъ и трудомъ своихъ домочадцевъ, европейскіе экономисты, какъ мы выше видѣли, насчитываютъ 300 рабочихъ дней мужскихъ, 200 женскихъ и 250 дѣтскихъ и, помножая эти числа на среднія цѣны заработковъ, выводятъ итогъ ихъ въ Англіи 300 руб., во Франціи 162½, въ Германіи 160.

Затѣмъ представляется вопросъ, какъ распредѣляются эти заработки по статьямъ расхода?

По этому предмету мы приводимъ два разсчета, взятые изъ оффиціальной статистики двухъ странъ, гдѣ эти свѣдѣнія разработаны съ особенною точностью.

Расходы семейнаго рабочаго распредѣляются такъ:

	въ Бельгіи.	въ Саксоніи.
на пищу выходитъ изъ всей суммы расхода. .	61 проц.	62 проц.
» одежду.	15 »	16 »
» квартиру	10 »	12 »
» отопленіе и освѣщеніе.	5 »	5 »
» прочіе расходы.	9 »	5 »

Здѣсь надо замѣтить, что процентъ расходовъ на пищу исчисленъ огульно; если же отдѣлить особо хлѣбъ, то онъ составитъ, полагая на семейство 5 четвертей по цѣнѣ 10 рублей (20 фр. за гектолитръ), около 35 проц., а на остальные съѣстные припасы: мясо, молоко, сыръ, масло около 27 проц. Относительно хлѣбныхъ цѣнъ надо дѣйствительно признать, что онѣ возвышаются гораздо менѣе, чѣмъ рабочая плата, а потому, слѣдуя общепринятому пріему—исчислять соразмѣрность этой платы по отношенію ея къ хлѣбнымъ цѣнамъ, выходитъ, что въ наше время четверть хлѣба или куль муки заработывается легче и скорѣе, чемъ въ прежнія времена. Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь эти разсчеты, которые приводятся и повторяются во всѣхъ новѣй-

шихъ политико-экономическихъ сочиненіяхъ. Вездѣ выходитъ, что цѣны на хлѣбъ, въ особенности на высшіе сорты, какъ пшеницу, вслѣдствіе улучшенія культуръ и ускоренія сообщеній, или вовсе не измѣнились въ теченіи настоящаго столѣтія, напр. во Франціи, или даже упали, какъ въ Англіи, при введеніи свободной торговли, такъ что, при повышеніи поденной платы вдвое, куль пшеничной муки заработывается нынѣ вдвое скорѣе, чѣмъ въ 1815 — 1820 годахъ, т.-е. въ половинное число рабочихъ дней.

Можно сказать, что на этомъ соображеніи вращаются всѣ сужденія публицистовъ, всѣ заявленія общественныхъ дѣятелей, отвергающихъ справедливость жалобъ рабочихъ. На всѣ неудовольствія, заявляемыя низшими классами, наука и практика отвѣчаютъ математически вѣрно: что въ такомъ-то году пудъ муки стоилъ 1 рубль, а поденщикъ 25 коп., нынѣ же хлѣбъ стóитъ не дороже, а работнику платится вдвое, 50 коп.; значитъ—у работника отъ каждаго рабочаго дня остается 25 коп. сбереженія.

Но разсчетъ этотъ, вѣрный по математикѣ, совершенно ложенъ по практикѣ. Во-первыхъ, какъ мы уже выше сказали, для сравненія расходовъ нужно взять не цѣны пшеницы, которая 50 лѣтъ назадъ почти не шла на продовольствіе народа,—а цѣны ржи, ячменя и овса, и ихъ сравнить съ стоимостью пшеницы; тогда въ годовомъ бюджетѣ семейства и окажется на этой статьѣ увеличеніе расхода не менѣе 50 проц.

Относительно квартиры, отопленія и освѣщенія можно безошибочно принять, что цѣны удвоились; мясо также не входило почти вовсе въ продовольствіе простого народа въ началѣ этого столѣтія, и составляетъ также новую, небывалую статью расхода въ хозяйствѣ.

Наконецъ, относительно прочихъ предметовъ домашняго хозяйства, молочной пищи, одежды, чая, сахара, надо дѣйствительно допустить, что цѣны нѣсколько понизились на нѣкоторые товары, но за то возвысились на другіе (напр., въ Россіи на овчинные тулупы и полушубки), такъ что этотъ отдѣлъ хозяйственныхъ расходовъ, повидимому, не измѣнился.

Но главная ошибочность этихъ разсчетовъ заключается въ томъ, что они смѣшиваютъ вмѣстѣ городскихъ и сель-

скихъ рабочихъ, и выводятъ цѣны изъ средней пропорціональной между заработками въ городахъ, подгородныхъ мѣстностяхъ и въ селеніяхъ. Первые, городскіе заработки, дѣйствительно возвысились настолько, что поденщикъ можетъ откладывать нѣсколько сбереженій; но это доказывается значительнымъ накопленіемъ капиталовъ въ сберегательныхъ кассахъ и рабочихъ ассоціаціяхъ (Vorschuss Vereine въ Германіи, Trades Unions и Friendly-Societis въ Англіи), положеніе же сельскихъ рабочихъ, земледѣльцевъ, совершенно иное; оно менѣе извѣстно, мало изслѣдовано и очень часто представляется въ ложномъ свѣтѣ, потому что хозяева-нанимателм преувеличиваютъ затрудненія, будто бы ими встрѣчаемыя при наймѣ рабочихъ, а правители и писатели, бо̀льшею частію проживающіе въ столицахъ и чуждые сельскому быту, не имѣютъ возможности провѣрить основательность этихъ жалобъ и вѣрятъ на слово заявленіямъ этихъ алармистовъ.

Вообще, не подлежитъ сомнѣнію, что до послѣднихъ годовъ сельскіе заработки стояли несравненно ниже городскихъ и фабричныхъ, и вовсе не слѣдовали за общимъ движеніемъ вздорожанія всѣхъ предметовъ перваго потребленія.

Самый добросовѣстный изъ всѣхъ нѣмецкихъ экономистовъ, Rau (Grundsätze der Volkswirthschaft), говоритъ, что до 1848 г. цѣны на сельскія полевыя работы почти вовсе не измѣнялись, и что только въ послѣднія 20—30 лѣтъ онѣ постепенно возвысились на 1/3.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ бюро въ Бельгіи (Statistique général d. l. Belgique, 1853), рабочая плата была:

	Въ городахъ.	Въ селеніяхъ.			
Въ Бельгіи	218 сант.	118 сант. въ день	— руб.	30 коп.
„ Гессенъ-Касселѣ .	88 тал.	69 тал. „ годъ	69 „	— „
„ Англіи	55 фунт.	31 фунт. „ „	240 „	— „

По изслѣдованіямъ, произведеннымъ англійскими консулами и напечатаннымъ въ Лондонѣ въ 1871 г., сельскіе заработки въ разныхъ странахъ свѣта были слѣдующіе: въ Германіи, до изданія закона 1860 г. о вольномъ переходѣ

(Freizügigkeit), рабочая плата была до крайности низка, съ 1829 до 1851 г. она вовсе не возвышалась; въ Саксоніи и Силезіи поденщики еще недавно получали—мужчины 5 зилб. (15 коп.), женщины 3 (10), затѣмъ съ 1860 года плата возвысилась въ первой провинціи на 20 проц., во второй на 50 проц., а нынѣ доходитъ до 30 коп. за работника и 20 к. за работоницу. Въ Богеміи плата упадаетъ въ нѣкоторыя времена гда такъ низко, что крестьянинъ находитъ себѣ съ трудомъ работу за 10—20 коп. въ день, дѣти въ средней сложности заработываютъ на полевыхъ работахъ не болѣе 6—10 коп. Въ королевствѣ Саксонскомъ сельская поденная плата равна 30—40 коп., городская 40—50, ремесленники получаютъ отъ 70 коп. до 1 рубля. Въ Бельгіи, по показаніямъ тѣхъ же консуловъ, сельскій чернорабочій стóитъ отъ $1^1/_2$ фр. до $2^1/_4$ (40—55 коп.). Въ Голландіи отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ франковъ. Въ Англіи цѣны нѣсколько выше и среднимъ числомъ составляютъ на полеваго рабочаго муж. пола отъ 375 до 475 к. въ недѣлю, или въ день 62—79 к. Во Франціи поденная плата колеблется между $1^1/_2$ и 2 фр. въ день. Мы приводимъ эти свѣдѣнія, какъ новѣйшія, собранныя одновременно по разнымъ странамъ и провѣренныя англійскимъ правительствомъ чрезъ разныхъ должностныхъ своихъ лицъ и частныхъ агентовъ. По показаніямъ Рау, въ первой половинѣ XIX стол. рабочія цѣны въ разныхъ частяхъ Германіи и средней Европы были слѣдующія:

Въ восточной Пруссіи, Богеміи, Баваріи отъ 14 до 18 крейцеровъ въ день, чтó равно	14—18 коп.
Въ другихъ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ	20—26 „
Въ Ломбардіи	36 „
Въ Бельгіи въ 1856 г. отъ 69 сант., въ провинціи Лимбургъ до 1 ф. 88 сан., около Намюра въ средней сложности 1 ф. 20 сант.	30 „
Во Франціи чистая плата (въ 1851 г.) была въ Бретани 30 коп., средняя 45—50 коп., около Парижа и въ департаментахъ Сены, Марны и другихъ центральныхъ болѣе 2 фр.	50 „
Въ Швеціи въ 18 южныхъ округахъ поденная плата 19 шил., въ 6 сѣверныхъ 26 шил.	28 „
Въ Даніи отъ 18—34 крейцеровъ	26 „
Въ Швейцаріи около 2 франковъ	50 „
Въ Ирландіи средняя плата 8 пенсовъ (24 коп.) въ день держалась до 1850 года и нынѣ возвысилась до 8 шил. въ недѣлю, чтó равно поденной платѣ	40 „

Въ Англіи, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ и чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, платится и нынѣ полевымъ рабочимъ не болѣе 7 шил. въ недѣлю или въ день	35 коп.
Въ южной Англіи 9½ шил. въ недѣлю или въ день.	47 „
Въ сѣверной Англіи 11½ шил. въ недѣлю или въ день	58 „
Въ гр. Ньюіоркѣ 14 шил. въ недѣлю или въ день	70 „

Сопоставляя эти свѣдѣнія съ изслѣдованіями бельгійскаго статистическаго бюро и съ показаніями англійскихъ консуловъ и имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Германіи, въ послѣднее 25-лѣтіе цѣны возвысились на 33%, мы выводимъ слѣдующую среднюю рабочую плату полевымъ рабочимъ въ Европѣ:

Въ восточныхъ и сѣверныхъ государствахъ Европы (Пруссіи, Даніи, Швеціи, Австріи) около	35 коп.
Въ среднихъ (Франціи, Бельгіи, Голландіи и въ прирейнскихъ провинціяхъ Германіи)	50 „
Въ Англіи и Ирландіи среднимъ числомъ.	60 „ [7])

Годовая плата рабочаго будетъ, приблизительно, въ первыхъ мѣстностяхъ около 70 руб. на хозяйскихъ харчахъ и 120 на своихъ; во вторыхъ (Франціи, Бельгіи)—около 600 ф. или 150 р., въ Англіи 180 р. и до 240 на своихъ харчахъ.

Цѣны эти мы принимаемъ для сравненія съ нашими русскими цѣнами, а также и для дальнѣйшихъ выводовъ о степени благосостоянія сельскихъ рабочихъ въ Европѣ. Онѣ оказываются нѣсколько ниже тѣхъ цѣнъ, которыя обыкновенно показываются въ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ статистикахъ, имѣющихъ въ виду доказать, что заработки вполнѣ удовлетворяютъ нужды рабочихъ. Разница эта происходитъ большею частію неумышленно оттого, что всѣ подобныя свѣдѣнія собираются преимущественно по большимъ трактамъ, въ окрестностяхъ городовъ; въ глухіе же, отдаленные околотки ни туристы, ни изслѣдователи не проникаютъ по неудобству сообщеній. Жалобы хозяевъ-нанимателей относятся также къ этимъ подгороднымъ и промышленнымъ мѣстностямъ, между тѣмъ отзывы изъ другихъ мѣстъ очень рѣдко доходятъ. Во Франціи особенно пишутся цѣлые томы о заработкахъ фабричныхъ и ремесленниковъ въ Парижѣ, Ліонѣ, въ сѣверныхъ и восточныхъ департаментахъ, но о сельскихъ рабочихъ въ западной и южной части Франціи

ничего и не слышно, между тѣмъ оказывается, что въ Бретани, Вандеѣ, Пиринеяхъ плата вдвое дешевле, чѣмъ въ центральныхъ департаментахъ, около $1^1/_2$ фр. (40 коп.), въ Бельгіи, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ—еще ниже, 69 сант. (18 коп.). Поэтому средняя пропорція и выходитъ много ниже тѣхъ цѣнъ, которыя обыкновенно приводятся европейскими экономистами.

Окончательное заключеніе, которое мы хотимъ вывести изъ всѣхъ этихъ разсчетовъ, заключается въ вопросѣ — можетъ ли сельскій рабочій, земледѣлецъ, неимѣющій осѣдлости и имущества, накопить изъ своихъ заработковъ довольно сбереженій, чтобы послѣ извѣстнаго числа лѣтъ, хотя бы и въ концѣ своей трудовой жизни, пріобрѣсть въ собственность такой участокъ земли или другую недвижимость, которая дозволяла бы ему завести собственное хозяйство, жить своимъ домомъ, и содержать себя если не круглый годъ, то часть года, если и не все семейство, то бо́льшую его часть — изъ дохода такого имущества? Само собой разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только о возможности такого пріобрѣтенія, а такъ какъ оно зависитъ отъ личныхъ качествъ рабочаго, отъ его трудолюбія и бережливости, то предпосылаемъ нашимъ сужденіямъ предположеніе, что то и другое качество имѣется въ данномъ случаѣ, что семейный рабочій дѣйствительно трудился посильно въ теченіи своего взрослаго возраста, и спрашиваемъ: открывается ли ему въ такомъ случаѣ въ преклонныхъ лѣтахъ возможность обезпечить свое существованіе, помимо наемной работы, покупкой собственнаго недвижимаго имущества? Это обусловливается отношеніемъ, какое существуетъ въ данной странѣ между рабочей платой, расходами на содержаніе семейства и цѣной поземельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ.

Разберемъ сначала первые два члена пропорціи, чтобы изъ ихъ отношеній вывести заключеніе о возможности сбереженій и накопленій капитала.

О рабочей платѣ мы представили выше свѣдѣнія, на которыя и ссылаемся; относительно же расходовъ мы имѣемъ слѣдующія указанія, заимствованныя изъ достовѣрныхъ источниковъ, оффиціальныхъ статистикъ Англіи, Бельгіи, Пруссіи и изъ частныхъ изслѣдованій европейскихъ экономистовъ.

Считая на семейство круглымъ счетомъ $4\frac{1}{2}$ или 5 душъ обоего пола, въ сѣверной Германіи разсчитываютъ сумму, нужную на содержаніе, отъ 104 до 204 талеровъ, въ средней сложности выходитъ 160 т.; въ восточной Пруссіи и въ Познани нѣсколько менѣе—78 и 93, въ Рейнской провинціи болѣе 204 т.

Пропорціонально хлѣбнымъ цѣнамъ нѣмецкіе экономисты полагаютъ, что для насущнаго своего пропитанія холостой работникъ долженъ заработывать въ день $\frac{1}{6}$ шефеля, что соотвѣтствуетъ поденной платѣ 20—25 коп., а семейный не менѣе 10 зильб.—30 коп. (Rau).

Во Франціи, въ юго-восточныхъ департаментахъ, содержаніе семейнаго рабочаго стóитъ 638 фр., по другимъ свѣдѣніямъ 620, въ Бельгіи 730 (Gasparin, Villeneuve, Moreau de Jones); въ Англіи стоимость содержанія семейнаго рабочаго полагается примѣрно въ 41 L. (Senior); въ Германіи расходъ батрака при готовой квартирѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, полагается въ 50—78—82 т., а при полномъ содержаніи въ 131—160 т. Въ южной Баваріи харчи семейнаго служителя цѣнятся въ 120 т. (Rau, Roscher).

Сравнивая эти цѣны содержанія семейнаго рабочаго съ суммами заработковъ, мы находимъ между ними очень небольшую разницу: въ Англіи первые относятся ко вторымъ какъ 41 L. къ 45; во Франціи какъ 600 франк. къ 650; въ Германіи колебанія цѣнъ такъ значительны, что трудно вывести пропорцію. Если считать Саксонію, какъ представительницу центральной Германіи, то по всѣмъ свѣдѣніямъ сельскіе заработки въ этой странѣ очень низки и составятъ всего въ годъ около 120—150 талеровъ, а расходы 160 тал. Такимъ образомъ излишекъ заработковъ составитъ:

въ Англіи	около	5 L. . .	40	рублей
во Франціи	„	50 фр. .	$12\frac{1}{2}$	„
въ Саксоніи	„	10 тал. .	10	„

Улучшеніе быта обнаруживается въ дѣйствительности только между городскими и фабричными рабочими, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, какъ въ центральныхъ графствахъ Англіи, въ Бельгіи и на Рейнѣ, гдѣ эти заработки обильны и гдѣ земледѣльцы, отлучаясь на отхожіе промыслы, имѣютъ возмож-

ность накоплять нѣкоторыя и довольно значительныя сбереженія.

Но затѣмъ представляется вопросъ, могутъ ли таковыя накопленія обезпечить когда-либо самостоятельное существованіе земледѣльца и дать ему достаточные способы для пріобрѣтенія собственности? — Мы полагаемъ, что этотъ вопросъ есть самое существенное условіе для опредѣленія благосостоянія народа.

Несравненно быстрѣе, чѣмъ рабочая плата, несравненно болѣе, чѣмъ хлѣбныя цѣны, растутъ и возвышаются цѣны на недвижимыя имущества всѣхъ родовъ: земли, лѣса, жилыя строенія, цѣны, какъ арендныя, такъ и продажныя.

Въ Пруссіи, въ 15 лѣтъ, съ 1849—1864 гг., арендныя платы по казеннымъ имѣніямъ возвысились съ 0,59 тал. за моргенъ до 0,76 т.—въ восточныхъ областяхъ, и съ 2,35 т. до 3,03 т.—въ центральныхъ, что составляло уже въ это время, тому 10 лѣтъ, около 30 проц. въ обѣихъ мѣстностяхъ. Если это повышеніе продолжится, то оно составитъ въ концѣ столѣтія около 150 проц. прибавки къ оброчнымъ цѣнамъ 1849 года.

Въ Бельгіи арендная плата за гектаръ (0,91 д.) была въ 1830 году 57 фр. 25 въ 1835 г. 62 фр. 48, въ 1840 г. 70 фр. 44, въ 1846 г. 74 фр. 50; тоже въ 16 лѣтъ возвышенія около 50 процентовъ.

Во Франціи, между 1794 и 1864 гг., продажныя цѣны на сельскія имущества удвоились въ общей сложности, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возвысились втрое и вчетверо. Въ настоящее время цѣны полагаются за гектаръ:

	продажныя.	арендныя.
въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ . .	3538 фр.	88,79 фр.
„ среднихъ	2863 „	80,11 „
„ мало-населенныхъ	2300 „	64,07 „
„ отдаленныхъ департаментахъ . . .	597 „	31,12 „

Въ Англіи, въ теченіи 8 лѣтъ, 1861—1869 гг., среднія оброчныя цѣны возвысились на 7 проц., въ Шотландіи на 8, въ Ирландіи на 5 проц. Въ 1815 году оброчныя цѣны на земли были въ Англіи за 1 акръ 17 талеровъ (около 15—16 р. за дес.),

въ Ирландіи 12,9, въ Шотландіи 5,1. Въ теченіи первой половины столѣтія произошло громадное возвышеніе цѣнъ; среднюю арендную плату можно теперь считать въ 2 L. за акръ (около 40 р. за дес.), но въ Ирландіи, при раздробленіи имѣній на мелкія фермы, и въ Англіи, при такъ-называемой conacre-system, цѣны доходятъ до невѣроятныхъ размѣровъ [8]).

Вообще, по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы могли собрать, средняя стоимость 1 десятины средняго качества (пашни и луговъ) въ мѣстностяхъ, не очень густо населенныхъ, равняется:

въ Англіи	отъ 1350	до	2000	рублей.
„ Франціи	„ 600	„	700	„
„ Средней Германіи	около		700	„

Обращаясь затѣмъ къ тѣмъ странамъ, куда направляется современная эмиграція, Америкѣ, Австраліи, мы встрѣчаемъ, при разсмотрѣніи рабочихъ и земледѣльческихъ отношеній, нѣкоторую сбивчивость, которая можетъ привести читателя къ заключенію, что бытъ простаго народа не обезпеченъ въ Америкѣ болѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи.

Это ложное понятіе въ особенности проводится англійскими писателями, по враждебному ихъ чувству непріязни къ американской республикѣ; даже въ такихъ достовѣрныхъ документахъ, какъ вышеупомянутые reports консуловъ, замѣтно стараніе разными натяжками доказать сравнительно лучшее состояніе англійскихъ рабочихъ. По этимъ свѣдѣніямъ выходитъ, что въ восточныхъ штатахъ чернóрабочіе получаютъ платы 1—$1^1/_2$ доллара въ день (1 дол.=133 к.), ремесленники 2—4, но при этомъ харчи, квартира, масло, пиво и уголь, по показаніямъ консуловъ, обходятся до 40 и 60 проц. дороже чѣмъ въ Англіи. Квартирная плата особенно высока, въ мѣсяцъ отъ 10—12 дол., въ городахъ Буфало, Филадельфіи и другихъ; въ центральныхъ штатахъ квартира семейнаго рабочаго обходится отъ 150 до 200 руб. въ годъ. Филантропическое общество штата Мэна даже пришло къ такому заключенію, что заработки чернорабочихъ простираются на сумму 683 дол. въ годъ, а расходы его на 700 долларовъ, и что первые не покрываютъ вторыхъ.

Относительно же западныхъ штатовъ и территорій, въ отчетѣ показаны среднія цѣны отъ 2 до $3^1/_2$ дол. въ день, причемъ на нѣкоторыя ремесленныя работы цѣны внезапно поднимаются вдвое и втрое и доходятъ нерѣдко до 6—8 дол. въ день; но вмѣстѣ съ тѣмъ и такимъ же колебаніямъ подвергаются и цѣны на съѣстные припасы и всякіе продукты, такъ что общее положеніе рабочихъ классовъ въ Америкѣ, по мнѣнію консуловъ, очень шатко и необезпечено. Но эти выводы и заключенія очевидно сдѣланы pour les besoins de la cause, для успокоенія возникающихъ волненій англійскихъ рабочихъ, такъ какъ по всѣмъ свѣдѣніямъ, поступающимъ изъ другихъ источниковъ, дѣло представляется иначе. Дѣйствительно, расходы содержанія гораздо выше въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ, и отчасти поглощаютъ излишекъ рабочей платы; но процорція эта не такая, какъ показываютъ англичане, и отъ поденщины даже простого чернорабочаго остаются всегда сбереженія, если только они не истрачиваются на пьянство и разгулъ.

Разногласія происходятъ собственно оттого, что одни принимаютъ для сравненія ремесленныхъ и мастеровыхъ, другіе— чернорабочихъ; относительно первыхъ разницы въ заработкахъ между европейскими и американскими рабочими оказывается очень мало, но за то положеніе послѣднихъ несравненно лучше въ Америкѣ. По сличеніи поденной платы въ Филадельфіи и другихъ приатлантическихъ городахъ съ таковыми же мѣстностями въ Англіи оказывается слѣдующее:

		въ Америкѣ.			въ Англіи.		
		ф.	ш.	п.	ф.	ш.	п.
ремесленникъ	получаетъ поден. платы въ недѣлю	3	6	7	2	2	—
„	расходуетъ на свое содержаніе	2	14	3	1	11	10
„	имѣетъ сбереженій	0	13	4	0	10	2
чернорабочій	получаетъ	2	—	2	1	4	—
„	расходуетъ	1	2	—	0	19	—
„	имѣетъ сбереженій	1	—	—	0	5	—

Кромѣ того, надо замѣтить, что въ Европѣ рабочія цѣны поднялись очень недавно, между тѣмъ какъ въ Америкѣ онѣ стояли въ концѣ прошлаго столѣтія довольно высоко: 0,62

доллара за плотника, 0,75 за каменьщика. Въ 1835 г. сельскій полевой рабочій получалъ платы въ мѣсяцъ 9 долл. (12 р.) и хозяйскіе харчи, которые приблизительно стоили въ годъ 65 долл., такъ что годовой его заработокъ составлялъ не менѣе 217 р. Вообще, по свѣдѣніямъ, взятымъ изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ, можно, кажется, заключить, что въ средней сложности, при добропорядочномъ поведеніи, простой рабочій въ восточныхъ штатахъ Америки можетъ откладывать сбереженій въ недѣлю около половины своихъ заработковъ, отъ 1 до 1½ долл. Такимъ образомъ оказывается, что хотя расходы содержанія и гораздо выше въ Америкѣ, но остатки больше; въ высшихъ разрядахъ рабочаго класса разница между европейскими и американскими цѣнами не такъ чувствительна, но за то черная работа несравненно выгоднѣе, и за вычетомъ расходовъ оставляетъ сбереженій въ 4 раза больше — въ Америкѣ 20 шилл., въ Англіи 5. Высаживаясь на гостепріимный берегъ Новаго Свѣта, европейскій эмигрантъ находитъ непосредственно средства пропитанія, независимо отъ своихъ техническихъ способностей, отъ своего ремесла и искусства, и, прибѣгая на первое время къ простой, такъ-называемой черной работѣ, получаетъ возможность выжидать случая для приспособленія своего труда къ другимъ занятіямъ и промысламъ.

Но, сколько мы понимаемъ, не въ этомъ—не въ разницѣ цѣнъ и сравнительной дороговизнѣ и дешевизнѣ рабочей платы—заключается различіе между соціально-аграрнымъ бытомъ Стараго и Новаго Свѣта, а въ отношеніи продажныхъ и оброчныхъ цѣнъ на земли къ рабочей платѣ.

Это отношеніе, по нашему разумѣнію, составляетъ высшее роковое условіе, опредѣляющее и соціальныя отношенія земледѣлія къ землевладѣнію, труда къ капиталу, наемной работы къ поземельной собственности, условіе столь существенное, что отъ него зависитъ непосредственно матеріальное и хозяйственное благосостояніе рабочихъ классовъ.

Эти отношенія представляютъ громадную разницу въ разныхъ странахъ свѣта, и объясняютъ неудовольствія и смуты, волнующія европейскія общества. Мы выше видѣли, до ка-

кихъ высокихъ цѣнъ дошли поземельныя имущества въ западной Европѣ; исключенія составляютъ развѣ только крайнія, восточныя области Пруссіи и Австріи, земли славянскаго племени, гдѣ средняя цѣнность десятины въ 1860 г. была въ 148 тал., арендная плата отъ 3 до 12 рублей въ годъ. Въ западныхъ частяхъ Германіи, въ Бельгіи и во всемъ прирейнскомъ краѣ арендныя цѣны стоятъ нынѣ въ 20 р. за десятину, что̀ соотвѣтствуетъ по капитализаціи изъ 3 процентовъ продажной цѣнѣ 650—700 руб.; во Франціи среднія арендныя цѣны 64--80 фр., а продажныя 2,300—2,800 за гектаръ, или за десятину около 600—700 рублей. Наконецъ, въ Англіи оброчная плата доходитъ до громадной цѣны 40 руб. за десятину, а такъ какъ стоимость имѣній разсчитывается изъ 3—4 процентовъ доходности, то цѣнность 1 десятины равняется по меньшей мѣрѣ 1,000 руб.

Сличая эти цѣны съ рабочей платой, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: чтобы заработать сумму, нужную для покупки 1 десятины, рабочій долженъ отработать дней:

въ восточной Пруссіи, при поденной платѣ	35 коп.,	428	дней
„ Бельгіи, западной Германіи и Франціи	50 „	1250	„
„ Англіи	10 „	1660	„

Противъ этого разсчета мы выведемъ таковой же въ Америкѣ.

Извѣстно, что, независимо отъ вольной продажи, правительство Соединенныхъ Штатовъ присуждаетъ за извѣстную плату казенныя земли (public-lands) участками въ 40—80 и 160 акровъ (15—30—60 д.), по цѣнѣ отъ $1^1/_4$ до $2^1/_2$ долл. за акръ ($4^1/_2$ до 9 р. за десятину), а такъ какъ рабочая плата около 1 долл. въ день, то цѣна акра соотвѣтствуетъ среднимъ числомъ $1^1/_4$—$2^1/_2$ рабочимъ днямъ, а цѣнность десятины $3^3/_4$—$7^1/_2$ рабочимъ днямъ.

Такимъ образомъ, независимо отъ расходовъ и сбереженій, пропорція между поденной платой и цѣной 1 дес. будетъ:

въ Англіи какъ 1 къ . . .	1660
„ Франціи „ „ „ . . .	1250
„ Пруссіи „ „ „ . . .	423
„ Америкѣ „ „ „ . . .	7

Если же вѣренъ разсчетъ, выше нами приведенный, что сбереженія рабочаго составляютъ въ недѣлю въ Америкѣ 20, въ Англіи 5 шиллинговъ, то для покупки 1 десятины достаточно въ Америкѣ $1^{1}/_{2}$ и 2 недѣли заработковъ, а въ Англіи нужно 850 недѣль, то-есть около 16 лѣтъ.

Мы не будемъ продолжать далѣе этихъ выводовъ и сравненій; еслибъ, напримѣръ, исчислить приблизительно участокъ, нужный для прокормленія одной рабочей семьи и принять средній размѣръ нѣмецкой гуфы, т.-е. подворнаго участка, въ 30 моргеновъ ($7^{1}/_{2}$ дес.), то выходитъ, что цѣнность такого участка превышаетъ въ нѣсколько разъ сумму заработковъ и возможныхъ сбереженій человѣка во весь его вѣкъ, другими словами, что *европейскій наемникъ никогда не можетъ имѣть даже малѣйшей надежды пріобрѣсть въ собственность участокъ земли, достаточный для хозяйственнаго своего содержанія.*

Несоразмѣрность между цѣнностью имуществъ и платой за трудъ, выведенная въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ, и составляетъ, по нашему мнѣнію, главную характеристику земледѣльческаго быта въ Европѣ. Правда, въ новѣйшее время рабочія цѣны много возвысились, и обыденный бытъ рабочихъ классовъ замѣтно улучшается; можно даже допустить, что разность между суммою заработковъ и итогомъ домашнихъ расходовъ семейнаго рабочаго даетъ ему возможность, при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и строжайшей бережливости, откладывать нѣкоторыя сбереженія; наконецъ, можно также признать, что вздорожаніе съѣстныхъ продуктовъ, хлѣба и другихъ предметовъ перваго потребленія идетъ не такъ быстро, какъ вздорожаніе заработковъ, и что поэтому насущное пропитаніе бѣдныхъ людей становится съ года на годъ обильнѣе и лучше; но этимъ еще не разрѣщается вопросъ о благосостояніи рабочихъ классовъ.

Разумѣется, если мы будемъ разсматривать рабочаго человѣка только какъ орудіе производства, и предположимъ, что удовлетвореніе его насущныхъ матеріальныхъ нуждъ обезпечиваетъ вполнѣ и окончательно его благосостояніе; если мы признаемъ, что для простолюдина ничего болѣе не тре-

буется, какъ сытная пища, теплая одежда и помѣстительное жилище, то во всѣхъ этихъ отношеніяхъ бытъ рабочихъ классовъ видимо и замѣтно улучшается съ половины настоящаго столѣтія.

Но, не вдаваясь ни въ какія псевдо-гуманныя соображенія и оставаясь, напротивъ, на почвѣ житейскихъ, практическихъ нуждъ и пользъ, нельзя не признать, что въ простомъ народѣ вездѣ и во всѣ времена появлялось, кромѣ естественнаго побужденія улучшить свою пищу, одежду и жительство, еще другое сильнѣйшее высшее стремленіе — имѣть свою собственную осѣдлость, свою недвижимую собственность, причемъ наивысшимъ его пожеланіемъ всегда было и есть, чтобы такое имущество было довольно велико и доходно для покрытія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ бо́льшей части его семейныхъ потребностей и домашнихъ расходовъ, и дало ему возможность отдыхать дома по нѣскольку мѣсяцевъ въ году, или часовъ въ день отъ наемныхъ и отхожихъ работъ.

Это осѣдлое житье на собственномъ хозяйствѣ и выражаетъ въ воззрѣніяхъ простолюдина настоящее полное понятіе объ освобожденіи, вольности и равноправности. Оно освобождаетъ его отъ наемнаго труда, даетъ ему возможность распоряжаться вольно своей рабочей силой, пріурочиваетъ его интересы къ интересамъ другихъ классовъ собственниковъ.

Въ тѣхъ странахъ и обществахъ, гдѣ это пріобрѣтеніе имуществъ сдѣлалось недоступно рабочему классу, онъ поставленъ въ безвыходное положеніе: выйдя изъ крѣпостной и политической зависимости, онъ подпалъ подъ рабочую кабалу. Понятно, что никакія гуманныя мѣропріятія о регулированіи рабочихъ цѣнъ или часовъ, объ ассоціаціи хозяевъ и рабочихъ, о товариществахъ и артеляхъ, его не утѣшатъ и не успокоятъ.

Цѣнность недвижимыхъ имуществъ будетъ безпрерывно возрастать, и еще быстрѣе, чѣмъ заработная плата; разность между ними будетъ все болѣе и болѣе усиливаться, и возможность пріобрѣтать имущества и заводить свои хозяйства изъ трудовыхъ сбереженій будетъ окончательно утрачена для земледѣльцевъ и ремесленниковъ европейскихъ странъ.

Главныя черты, которыя мы должны подмѣтить въ земледѣльческомъ бытѣ европейскихъ странъ, будутъ слѣдующія:

1. Сельско-хозяйственныя работы производятся во всей Европѣ преимущественно наймомъ, наймомъ земель, т.-е. арендой, фермерствомъ и наймомъ рабочихъ батраковъ и поденщиковъ. Бóльшая часть крестьянъ поставлена въ такое положеніе, что не могутъ обойтись безъ арендованія помѣщичьихъ земель или безъ заработковъ на сторонѣ. Меньшая часть, а именно тотъ разрядъ крестьянъ, которые въ Германіи называются Vollbauern, полные хозяева, напротивъ, достигаютъ такой зажиточности, что сами не обработываютъ своихъ земель, а бóльшею частію нанимаютъ батраковъ для полевыхъ работъ или сдаютъ земли мелкимъ съемщикамъ.

2. Послѣ отмѣны барщины и прекращенія крѣпостного труда въ серединной Европѣ введено было батрацкое хозяйство, система полеводства самая выгодная для землевладѣльцевъ, и самая стѣснительная для рабочихъ. Она поддерживалась особенно въ нѣмецкихъ земляхъ строгими дисциплинарными мѣрами (Gesinde-ordnungen) и дешевою платой, которая еще въ началѣ настоящаго столѣтія существовала во всей Европѣ для сельскихъ работъ: въ Ирландіи 5 пенсовъ (12 коп.) въ день, въ Бельгіи 69 сантимовъ (17 коп.); въ Мекленбургѣ, Помераніи 24 тал. годовому батраку, въ Литвѣ и Польшѣ 25—30 руб. въ годъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ господскія запашки процвѣли и земледѣліе достигло высшей степени совершенства.

3. Послѣ бурнаго 1848 года и въ особенности съ изданія закона о вольномъ переходѣ въ Германіи и о свободѣ хлѣбной торговли въ Англіи, эти обстоятельства начали измѣняться; батрацкая служба стала повсемѣстно замѣняться поденщиной или урочнымъ, поштучнымъ наймомъ, farm-serwants a hinds въ Англіи, Knechte u. Gesinge въ Германіи начали переходить въ состояніе вольныхъ наемниковъ, Zagelahner, journaliers, предпочитая такое независимое свое положеніе подвластному, хотя и болѣе обезпеченному, служенію у хозяевъ на готовомъ содержаніи.

4. Съ этого только времени и начали возвышаться цѣны сельскихъ работъ; но конкурренція городскихъ и фабричныхъ промысловъ была такъ сильна въ первой половинѣ нашего

вѣка, что громадныя массы простаго народа въ это время уже перешли отъ земледѣлія къ другимъ занатіямъ, а большая часть мелкихъ владѣльцевъ, если и занимаются еще хлѣбопашествомъ, то только какъ побочнымъ промысломъ, als Nebengewerbe.

Что эти перевороты имѣли благопріятное дѣйствіе на оживленіе всѣхъ промысловъ и самаго земледѣлія—это несомнѣнно. Но едва ли вліяніе ихъ на соціальный бытъ было благодѣтельно; сельскій, домовитый бытъ имѣлъ во всякомъ случаѣ болѣе вліянія на поддержку семейныхъ связей, чистоты нравовъ, чѣмъ бродячая жизнь въ городахъ, по фабрикамъ или на отхожихъ сельскихъ промыслахъ. Поэтому, если со всѣхъ сторонъ въ наше время слышатся сѣтованія объ упадкѣ нравственности въ простомъ народѣ, о разслабеніи семейныхъ связей, родительской власти и т. п., то нельзя не признать, что этому всего болѣе содѣйствовало выселеніе сельскихъ жителей изъ деревень въ города, а выселеніе это произошло оттого, что большая часть крестьянъ была обезземелена помѣстными сословіями.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Содержаніе одной рабочей семьи въ Пруссіи разсчитывается нѣкоторыми экономистами по хлѣбнымъ цѣнамъ, и принимается равнымъ 1655 и до 2552 фунтамъ ржи (отъ 50 до 75 пудовъ), причемъ полагается отъ 60 до 160 фунтовъ мяса (на русскій вѣсъ около 2—4 ½ пудовъ). По среднимъ цѣнамъ, выведеннымъ изъ справокъ по всѣмъ уѣздамъ, расходы одного семейства чернорабочихъ составляли въ самыхъ дешевыхъ мѣстностяхъ (Гумбиненъ, около нашей границы) 71 талеръ, въ самыхъ дорогихъ (Кобленцъ) 204 талера, среднимъ числомъ 115 талеровъ. Въ Англіи Lôve, въ 1823 году, разсчитывалъ, что семейству однодворца (cottier) нужно на свое содержаніе 37 фунтовъ стерлинговъ, около 275 рублей; изъ того числа 74 проц. на продовольствіе, 13 на одежду, 4½ на наемъ квартиры, 7 на отопленіе и освѣщеніе, и 1½ на подати. Во Франціи (Villeneuve) принимаетъ семейные расходы равными 600 франкамъ (150 рублямъ), изъ коихъ 303 франка за 2168 фунтовъ хлѣба, 91 на прочіе съѣстные припасы, 36 на вино, 70 на квартиру съ отопленіемъ и свѣчами, 100 на одежду; въ Эльзасѣ по подробнымъ свѣдѣніямъ многихъ фабрикантовъ расходъ одной семьи фабричныхъ рабочихъ полагается въ 610 франковъ.

¹) Въ Шотландіи сельскіе рабочіе различаются на hinds, поденьщиковъ, которые составляютъ большинство около ²/₃ всѣхъ рабочихъ; farmservants, батраковъ, нанимающихся обыкновенно на полугодіе лѣтнее или зимнее; crofters, поселянъ, снимающихъ господскія земли по очень высокой цѣнѣ, до 20 L. (140 рублей) за участокъ такого размѣра, что они получаютъ изъ урожая не болѣе половины своего пропитанія, а остальные заработываютъ поденщиной; cotters, кутники, имѣющіе только усадьбу (Macneil. State of the highlands of Scotland).

²) Земледѣльческое сословіе въ Пруссіи. По классификаціи, принятой въ оффиціальной статистикѣ Пруссіи, сельскія сословія раздѣляются на двѣ категоріи: a) предприниматели (Unternehmer) или хозяева, и b) рабочіе и служители (Hülfspersonal der Landwirthschaft).

a) По первому разряду еще различаются постоянные и потомственные владѣльцы (Eigenthümer, Erbpächter, Erbzinsleute), и временные оброчники и арендаторы (Zeitpächter, Zeitbesitzer).

Въ 1816 году считалось по имѣніямъ въ 300 моргеновъ и болѣе — собственниковъ	7,593	арендаторовъ	4,633
по имѣніямъ отъ 15 до 300 моренговъ	317,736	„	56,113
по имѣніямъ менѣе 15 моргеновъ	489,860	„	61,926

Всѣхъ собственниковъ и временныхъ владѣльцевъ домохозяевъ 937,863, а съ домочадцами (Angehörige) около 4.800,000.

Въ 1858 году принято еще новое распредѣленіе: владѣльцы, занимающіеся земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ (Hauptgewerbe), отдѣлены отъ тѣхъ сельскихъ обывателей, для коихъ земледѣліе составляетъ побочное занятіе (Nebengewerbe).

Первыхъ считалось:	въ 1858 г.	въ 1861 г.
собственниковъ	762,157	761,503
арендаторовъ	33,218	30,348
при нихъ женъ, дѣтей и пр.	3.367,499	3.469,221
вторыхъ: владѣльцевъ хозяевъ	421,544	387,927
„ женъ дѣтей и пр.	1.560,635	1.500,463
Всего земледѣльческаго сословія	6.145,053	6.149,462

Рабочихъ и служителей было:	въ 1858 г.	въ 1861 г.
батраковъ мужскаго пола	559,967	558,424
дѣвокъ и бабъ	515,106	500,500
поденщиковъ мужскаго пола	435,835	574,934
„ женскаго „	401,954	565,704
управляющихъ и пр.	—	32,649
Всего	1.912,862	2.132,201

(Die landwirthschaftliche Bevölkerung in Preussen. Amtliche Statistik v. Engel. S. 279).

[4]) Испольное хозяйство (Theilbau, Halbpacht по-нѣмецки, mezzeria по-итальянски, métayage по-французски). Въ Венеціанской области не находится вовсе съемщиковъ, которые могли бы выплатить задатокъ или залогъ за аренду, и на 1000 крестьянъ едва ли найдется одинъ собственникъ (Мартенсъ—„Путешественникъ по Венеціи"); то же самое показываетъ другой путешественникъ Бронъ объ округѣ Пизѣ. Sismondi (Tableau de l'agriculture Toscane) пишетъ, что половники въ этомъ краѣ при всякомъ неурожаѣ прибѣгаютъ къ пособію землевладѣльцевъ.—Во Франціи половничество очень распространено въ юго-восточныхъ провинціяхъ, а также въ Бретани. Въ прежнее время это была преобладающая система хозяйства. Quesnay свидѣтельствуетъ, что изъ 18 милліоновъ гектаровъ только $^1/_6$ сдавалась въ аренду, а $^5/_6$ исполу. Въ департаментѣ Haute-Vienne половники находились въ самомъ бѣдномъ положеніи, хотя и снимали довольно крупные участки, по 18—21 гект. на хозяина. Въ оффиціальной статистикѣ 1847 г. пишутъ изъ департамента Aude: si le métayer ne depend plus d'un seigneur, il n'est pas moins l'esclave de sa position misérable. Sans argent, sans crédit il ne peut sortir du cercle ou l'enferment ses besoins.—Впрочемъ, нѣкоторые экономисты (Sismond de Sismondi, Bastiat) отзываются лучше объ испольномъ хозяйствѣ и находятъ большое улучшеніе въ бытѣ половниковъ сѣверной Испаніи и Франціи; но это должно быть приписано тому, что во Франціи въ новѣйшее время земли сдаются уже не изъ $^1/_2$ урожая, а только изъ $^1/_3$ или даже изъ $^1/_4$.—Въ Ломбардіи бѣдные крестьяне находятъ выгоду снимать мелкіе участки въ $2^1/_2$ десятины, которые воздѣлываются ручной работой, а за наемъ усадьбы они платятъ очень дешево, по 20—40 лиръ (5—10 руб.) въ годъ. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что работа исполу урожая очень стѣснительна и убыточна для земледѣльца, и гдѣ эта система принялась, тамъ можно заключить о бѣдномъ положеніи крестьянъ и скудости ихъ средствъ.

---

[5]) Вотъ примѣрный разсчетъ русскихъ праздниковъ:

воскресныхъ дней	56
табельныхъ праздниковъ	12
послѣдніе 3 дня страстн. недѣли	3
Святая недѣля	6
Рождество	2
масляница	2
мѣстныхъ и храмовыхъ не менѣе	15
Итого	96

---

[6]) Рабочія цѣны, по показаніямъ иностранныхъ экономистовъ, возвысились болѣе, чѣмъ цѣны на хлѣбъ, и, принимая эти послѣднія за основаніе, они приходятъ къ заключенію, что положеніе рабочихъ улучшается.

Въ Англіи, чтобы заработать 1 квартеръ пшеницы, нужно было въ XVII столѣтіи 43 дня, въ 1700—1766 гг. 32 дня, въ первой половинѣ XIX ст отъ

19 до 27 дней, въ 1860 г. только 14 дней. Макауле пишетъ, что при Карлѣ II рабочія цѣны были вдвое дешевле, чѣмъ въ 1848 г., но продовольствіе болѣе чѣмъ на половину дороже. Между 1737 и 1797 гг. въ Англіи произошло повсемѣстно возвышеніе рабочей платы почти вдвое. Въ Шотландіи въ 1817 г. плата за семейнаго батрака была на 30% выше, чѣмъ въ 1792 г.

Во Франціи въ прошломъ столѣтіи считали поденную плату за полеваго работника въ 7—8 су. Вобанъ показываетъ, что въ его время сельскій рабочій стоилъ въ день 12—13 су, городской и фабричный—отъ 22 до 45 су. Въ 1819 г. (Chaptal, „De l'industrie française")—полевой рабочій получалъ въ средней сложности 25 су (1,25 фр.), въ 1841 г. по среднему разсчету 80-ти департаментовъ сельская поденная плата составляла отъ 1 до 1¼ фр. Moreau de Jones показываетъ, что заработки крестьянскаго семейства составляли въ 1700 г. 135 фр., въ 1760—126, въ 1788—161, въ 1813—400, въ 1840—500 фр. Joung въ 1787 г. показываетъ среднюю поденную плату во Франціи въ 20 су (1 фр.). Levasseur (Hist. d. classes ouvriéres) полагаетъ, что съ 1830 по 1848 г. рабочая плата возвысилась на 30%.

Въ Соединенныхъ Штатахъ поденная плата въ концѣ прошлаго столѣтія была за плотника и каменьщика 0,62—0,75 долл., въ 1885 году 1,25—1,50 долл. Средній заработокъ 0,75 долл. Въ 1835 г. сельскій рабочій получалъ въ мѣсяцъ 9 долл. на готовыхъ харчахъ, которые обходились въ годъ 45 долл., всего въ 12 мѣсяцевъ 173 долл. Вообще рабочіе въ Америкѣ могутъ откладывать сбереженій не менѣе 1½ долл. въ недѣлю. Въ Канадѣ заработки чернорабочаго 3—3½ шил. въ день, мѣсячная плата за батрака 40—50 шил., за женщину 20—28 шил. Въ новыхъ колоніяхъ поденная плата доходитъ до 6, 7 и 12 шиллинговъ.

Въ 1848 г. Hildebrandt разсчитывалъ, что въ Германіи рабочій получаетъ въ годъ 100 тал., въ Англіи 300 тал., а что расходы въ Англіи только въ 1½ раза больше, чѣмъ въ Германіи.

Въ Англіи съ 1767 по 1810 годы рабочая плата возвысилась на 100%, цѣна пшеницы на 125, говядины на 146, масла на 149, сыра на 153.

---

[7]) Заработная плата. Въ 1869 г. англійское правительство, озабоченное вопросомъ о рабочихъ стачкахъ, затребовало отъ своихъ дипломатическихъ агентовъ подробныя свѣдѣнія о рабочей платѣ въ разныхъ странахъ свѣта. Свѣдѣнія эти были представлены въ числѣ болѣе ста записокъ; но они оказались на первый разъ недостаточными и сбивчивыми. Лордъ Кларендонъ, циркуляромъ 7 іюня 1870 г., вновь предписалъ всѣмъ англійскимъ консуламъ собрать болѣе точныя свѣдѣнія по формамъ, приложеннымъ къ циркуляру. Сводъ этихъ справокъ и донесеній, просмотрѣнный и систематически редактированный въ Foreign-Office, напечатанъ въ 1871 г., и представляетъ самый полный и новѣйшій обзоръ заработныхъ платъ нашего времени. Извлеченіе изъ него помѣщено въ „Revue de deux Mondes" въ статьѣ Une enquête anglaise sur la condition des travallieurs, par Leroy-Beaulieu, Decemdre 1871, коей мы воспользовались, къ сожалѣнію, съ пропускомъ цѣлаго параграфа о русскихъ рабочихъ, зачеркнутаго русской цензурой. Сводъ донесеній консуловъ начинается съ Малой Азіи и Турціи, затѣмъ переходитъ къ Россіи и далѣе

на западъ. Изъ Трапезунта, Ерзерума и Смирны свѣдѣнія совершенно однообразны; положеніе рабочихъ описывается въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Не смотря на огромныя пространства незаселенныхъ и пустыхъ земель, надѣлы мелкихъ поселянъ рѣдко простираются до 8 акровъ (2,96 д.) на семейство; цѣна пахатныхъ земель 20—30 шилл. за акръ (15—20 р. за десят.); поденная плата отъ 15 до 30 к. въ селеніяхъ, и до 40 коп. въ городахъ. Въ европейской Турціи плата нѣсколько выше, отъ 30 и до 70 к. Донесенія о русскихъ рабочихъ очень многочисленны—изъ Керчи, Николаева, Одессы, Риги, Таганрога и Варшавы; какъ изъ этого видно, они касаются только приморскихъ нашихъ губерній и потому не могутъ дать вѣрнаго понятія о рабочихъ цѣнахъ внутри имперіи; притомъ же, какъ сказано, эти страницы перечеркнуты цензурой: читая однако между зачеркнутыми строками, мы находимъ довольно вѣрныя показанія, что средняя цѣна поденщины въ Россіи колеблется между 31 и 70 коп.

Затѣмъ слѣдуютъ разныя германскія государства. Всѣ консулы единогласно свидѣтельствуютъ, что до изданія закона 1860 г. о вольномъ переходѣ (Freizügigkeit) заработная плата была низка до крайности, и что только съ этого времени замѣчено нѣкоторое возвышеніе и улучшеніе быта рабочихъ вообще. Съ 1829 по 1855 г. въ Саксоніи заработки оставались неизмѣнны, и только въ 1860 г. возвысились на 20%, а въ Силезіи на 50%; въ этой послѣдней области поденщики получали еще недавно 5 зильб., женщины 3 зильб. (15 и 10 к.) Въ настоящее время они доходятъ до 30—40 к. для мужчинъ и 15—20 для женщинъ. Въ Богеміи плата упадаетъ по временамъ года до 10 и 20 к. на день; дѣти заработываютъ на полевыхъ работахъ не болѣе 6—10 к. Въ Саксоніи сельскіе рабочіе получаютъ отъ 30—40 коп., городскіе 40—50 к; ремесленники до 70 к. и 1 рубля.

Изъ Лейпцига консулъ прилагаетъ къ своему донесенію сравнительную таблицу рабочихъ цѣнъ.

	въ Англіи.	въ Саксоніи.
Сельскій рабочій заработываетъ въ недѣлю	отъ 3 р. 75 к. до 4 „ 75 „	2 р. 50 к.
Фабричные рабочіе	10 „	3 „ 80 „
Машинисты и др. мастеровые . .	10 „	5 „ 50 „

Женскій трудъ въ особенности гораздо дешевле въ Германіи, чѣмъ въ Англіи; на фабрикахъ около Лейпцига женщины получаютъ въ средней сложности не болѣе 1 р. 55 к. въ недѣлю, въ Англіи 4 р. 30 к. При этомъ консулъ представляетъ сравнительную вѣдомость цѣнъ на разные продукты. Въ 10-лѣтній періодъ 1860—70 гг. хлѣбныя цѣны стояли: за квартеръ пшеницы въ Англіи 2 ф. 41 ш., въ Саксоніи 2 ф. 13 ш.; цѣна говядины была равная: за 8 ф.— 3 шил. 5 пенс.; баранина и свинина дешевле въ Германіи (3 ш. 5 п. за 8 ф.), чѣмъ въ Англіи (4 ш.); но за то чай, кофе и сахаръ дороже.

Въ Бельгіи сельскіе рабочіе получаютъ поденную плату—мужчины отъ 1 фр. 50 с. до 2—25 с. (40—50 к.), женщины 1 фр. (25 к.). Фабричные заработываютъ въ день до 2½ и 3 фр. Въ угольныхъ копяхъ отъ 90 сантимовъ до 3 ф. 40 с. Ремесленники (плотники, каменьщики) отъ 3 до 4 фр.

По разсчетамъ англійскаго консула въ Антверпенѣ средняя заработная плата равняется $2^1/_2$ фр., въ Лондонѣ $7^1/_4$ фр. Прочіе расходы въ обоихъ городахъ почти одинаковы: за квартиру холостую отъ 3 фр. до $3^1/_2$ въ недѣлю (3—70 и 3—85 въ мѣсяцъ), за семейную отъ 8 до 12 фр. (около 10—12 въ мѣсяцъ). Изъ съѣстныхъ припасовъ масо дешевле въ Бельгіи, картофель и сахаръ дороже, хлѣбъ въ одной цѣнѣ.

Въ Голландіи на главныхъ фабрикахъ выплачивается поденной платы отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ фр. чернорабочимъ, отъ 3 до 4 фр. мастеровымъ: общество поощренія промышленности, собирая свѣдѣнія о положеніи рабочихъ, пришло, между прочимъ, къ такому выводу, что кузнецъ (семейный), заработывая $9^1/_2$ гульд. (около 6 р.), тратитъ на свое производство и содержаніе не менѣе 15 гул. (9 р.).

Отчеты консуловъ заканчиваются очень подробными свѣдѣніями о Соединенныхъ Штатахъ. Они показываютъ, что въ восточныхъ штатахъ плата чернорабочимъ немного выше европейскихъ цѣнъ, отъ 1 до $1^1/_2$ дол. въ день (133 до 200 к.), но что плата ремесленникамъ и мастеровымъ несравненно дороже, отъ 2 до 4 д. (266—532 к.). Харчи и квартиры дороже, масло, пиво, уголь на 40 и до 60% выше англійскихъ цѣнъ; хлѣбъ въ одной цѣнѣ. Квартиры въ городахъ Буфало и Филадельфіи стоятъ 10—12 д. въ мѣсяцъ (33—40 р.), въ прочихъ штатахъ обходятся не дешевле 500—750 фр. въ годъ (125—187 р.). Филантропическое общество штата Мэна, сводя бюджетъ семейнаго рабочаго, пришло къ такому же заключенію, какъ и голландское общество поощренія промышленности, т.-е. что средняя сумма прихода одной семьи простирается на $683^1/_2$ долл., а расходъ на 700 д. въ годъ, и что разница между этими суммами покрывается только займами и долговыми обязательствами.

Наконецъ, послѣднюю страницу этого сложнаго отчета занимаетъ Калифорнія и западныя территоріи Америки, обѣтованные края вольнаго труда. Тамъ среднія цѣны чернорабочаго 2 и $2^1/_2$ дол. (2 р. 66 к. до 4 р.) и доходятъ часто до 4 долл. (5 р. 32 к.) въ день. Женщины получаютъ отъ 2 р. до $2^1/_2$ въ день. За разныя ремесленныя работы никакихъ справочныхъ цѣнъ вывести нельзя, потому что они, смотря по запросу и временамъ года, дорожаютъ внезапно въ 3 и 4 раза и поднимаются съ 2 долл. до 6 и 8 дол. въ день (8—10 р.).

Выписывая эти цифры, собранныя англійскимъ консуломъ съ замѣчательною добросовѣстностію, мы должны однако предостеречь читателя отъ слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ нимъ. Намъ сдается, что хотя рабочія цѣны и показаны вѣрно, но за то разсчеты о стоимости содержанія рабочихъ и съѣстныхъ припасовъ нѣсколько преувеличены въ пользу Англіи. Такъ, напр., трудно повѣрить, чтобы мясное продовольствіе обходилось не дороже въ Англіи, чѣмъ въ Германіи, или чтобы хлѣбъ стоилъ въ Англіи не дороже, чѣмъ въ Америкѣ, ибо изъ обѣихъ этихъ странъ вывозятся огромныя количества мяса и хлѣба въ Англію, а вызовъ возможенъ только при значительной разницѣ цѣнъ.

Относительно американскихъ рабочихъ сравненіе ихъ съ европейскими нѣсколько неточно; самыя низкія цѣны въ Америкѣ ставятся наравнѣ съ высшими платами въ Европѣ; такъ, напр., плата чернорабочаго въ Нью-Іоркѣ 1 р. 33 к. въ день, сравнивается съ платой мастеровыхъ и ремесленниковъ въ Лондонѣ.

---

[8]) Conacre-system. Эта система хозяйства, введенная въ нѣкоторыхъ округахъ Англіи и Ирландіи, представляетъ крайнюю степень обѣднѣнія и стѣсненія земледѣльческаго класса. Она состоитъ въ томъ, что владѣлецъ фермы, хутора, самъ пашетъ, боронитъ и унавоживаетъ землю, потому что у мѣстныхъ жителей не имѣется ни рабочаго скота, ни орудій—и затѣмъ готовую пашню сдаетъ крестьянамъ на посѣвъ. Плата при этомъ доходитъ до невѣроятныхъ цѣнъ. За 1 акръ (0,37 десятинъ) унавоженной земли фермеръ платитъ отъ 6 до 10 фунтовъ стерлинговъ, за готовую пашню безъ навоза отъ 3 до 5 ф. ст. Это составляетъ на десятину отъ 59 дó 202 рублей ежегодной арендной платы!! Свѣдѣнія эти заимствованы изъ извѣстнаго сочиненія Rau, Grundsätze der Volkswirthschaft. 2 Abth. S. 211.

Другіе писатели приводятъ подобные же примѣры дороговизны земель въ Англіи: Рошеръ (Nat. Oecon d. Ackerbahes, § 67, п. 4) говоритъ, что за унавоженную и вспаханную землю взимается арендной платы до 7—15 фн. за акръ, 150—300 р. за десятину!! Дж. Ст. Миль (Principles, ch. 9) пишетъ, что участки, купленные за 50 L., при разбивкѣ на мелкія усадьбы сдаются въ аренду по цѣнѣ 450 L. въ годъ. Въ графствѣ Ланкаширъ и въ другихъ англійскій акръ сдается иногда въ аренду за 121—131 L., чтó составитъ за десятину 2500 руб.!! и считаютъ, что въ теченіи послѣднихъ 150 лѣтъ арендныя цѣны возвысились на 1500—3000 процентовъ (Edinburgh. Rew. 1843. Februar, 223).

ГЛАВА XI.

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ РОССІИ.

Раздѣленіе Россіи на полосы.—Обзоръ состоянія земледѣлія въ настоящее время въ разныхъ полосахъ Россіи.—Нечерноземная или навозная полоса.—Черноземныя губерніи.—Степныя.—Новороссійскій край.—Малороссія.—Юго-западный край.—Литва и Бѣлоруссія.—Остзейскія губерніи.—Земледѣльческая производительность усилилась въ Россіи со дня освобожденія крестьянъ.—Отпускъ хлѣба увеличился.—Продажныя и арендныя цѣны на земли, а равно и рабочая плата постоянно возрастаютъ.—Недостатки нашего земледѣлія: сокращеніе и упадокъ луговодства, арендованіе помѣщичьихъ земель оптовыми съемщиками, абсентеизмъ владѣльцевъ.—Мірскіе передѣлы.—Вліяніе податной системы на сельское хозяйство.—Неравномѣрное обложеніе земледѣльческаго сословія и земель.—Общіе выводы о платежахъ крестьянъ, превышающихъ доходность ихъ владѣній.—Вредное вліяніе на земледѣліе частыхъ передѣловъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ и краткосрочныхъ арендъ въ помѣщичьихъ.—Необходимо принять мѣры къ регулированію передѣловъ въ сельскихъ обществахъ и арендованія въ частныхъ имѣніяхъ.

Имѣя въ виду представить общую картину настоящаго положенія земледѣлія въ Россіи, мы приняли въ руководство свѣдѣнія, собранныя разными правительственными коммиссіями съ послѣднее время, свѣдѣнія, взятыя изъ показаній мѣстныхъ жителей и учрежденій и потому дающія очень разнообразныя, отчасти и разнорѣчивыя, но правильныя понятія о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ со всѣми его безчисленными оттѣнками, различіями и противоположностями.

Чтобы дать этому описанію какую-либо опредѣлительную форму, чтобы не смутить читателя массой сбивчивыхъ и отдѣльныхъ свѣдѣній, мы раздѣлимъ Россію на нѣсколько группъ, представляющихъ наиболѣе рѣзкія особенности и примемъ 8 таковыхъ группъ или полосъ:

1) нечерноземную полосу великороссійскихъ губерній;

2) черноземную } въ тѣхъ же губерніяхъ;
3) степную }
4) Новороссійскій край;
5) Малороссію;
6) юго-западный край;
7) Литву и сѣверо-западный край;
8) Остзейскія губерніи.

Раздѣленіе этихъ полосъ не можетъ быть точное: къ первой, нечерноземной, относится весь обширный край, протянувшійся отъ верховьевъ западной Двины черезъ Москву до Урала; черноземная полоса отъ степной не отдѣляется никакимъ положительнымъ рубежомъ; Новороссійскій край тоже сливается на сѣверныхъ своихъ предѣлахъ и съ Малороссіей, и съ черноземно-степными губерніями великороссійскихъ уѣздовъ; однимъ словомъ, группировка нами принятая основана больше на хозяйственныхъ и земледѣльческихъ соображеніяхъ, чѣмъ на территоріальныхъ и географическихъ различіяхъ; изъ каждой группы надо перечислить въ другую нѣсколько округовъ и уѣздовъ. Мы полагаемъ, однако, что этотъ способъ изложенія есть единственный, представляющій нѣкоторую ясность и возможность дѣлать какіе-либо выводы изъ частныхъ явленій и случаевъ.

Нечерноземная полоса великороссійскихъ губерній представляетъ ту особенность въ отношеніи земледѣлія, что мелкій и тощій слой почвы требуетъ повсемѣстно сильнѣйшаго удобренія, и это условіе, совокупно съ рѣдкостью населенія и краткостью рабочаго сезона, значительно возвышаетъ цѣнность земледѣльческой обработки. Господскія запашки въ этой полосѣ составляли и въ прежнія времена исключеніе; большая часть крестьянъ жили на чисто-оброчной повинности, владѣя дѣйствительно всѣми помѣщичьими угодьями. Въ этой полосѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, пострадали отъ прекращенія крѣпостнаго труда помѣщичьи хозяйства, и тѣ изъ нихъ, которыя еще понынѣ устояли, сократились на половину и на двѣ трети.

Но, съ другой стороны, въ этомъ краѣ произошелъ и происходитъ по сіе время переворотъ, очень выгодный для

землевладѣльцевъ; такъ какъ при крѣпостномъ правѣ и при слабомъ казенномъ управленіи прежнихъ временъ крестьяне привыкли, какъ выше сказано, къ полному приволью и пользовались беззапретно или, по крайней мѣрѣ, безнаказанно всѣми помѣщичьими и казенными землями, то отрѣзка земель по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ крайне стѣснила ихъ. Хотя въ сущности они и владѣютъ бóльшимъ пространствомъ угодій, чѣмъ могутъ правильно обработать и удобрить, но привычка къ распашному хозяйству, удобство выпускать скотъ на пастбище безъ присмотра, повадка забирать новыя земли и залужать старую пашню,—все это вселило въ крестьянахъ неодолимое стремленіе къ пріобрѣтенію въ вѣчное владѣніе или въ годы, въ аренды, пустыхъ мѣстъ, оставшихся за надѣломъ у помѣщиковъ и у казны; отъ этого сдаточныя цѣны на земли стали быстро возвышаться, и землевладѣльцы пріобрѣли новые источники доходовъ отъ такихъ пустошей, лѣсныхъ покосовъ и пустырей, которые крестьяне признавали неудобными, а сами помѣщики бездоходными.

Итакъ, мы полагаемъ, что въ общей сложности помѣстное сословіе въ этой полосѣ болѣе выгадало отъ усилившейся сдачи своихъ земель, чѣмъ проиграло отъ сокращенія своихъ запашекъ, но народное хозяйство отъ этого не выгадало, и земледѣліе приняло характеръ хищнической культуры, которая грозитъ крестьянству близкимъ и бѣдственнымъ разореніемъ.

Во главѣ этого движенія стоитъ Псковская губернія и прилегающіе къ ней уѣзды губерній: Новгородской, Тверской, Смоленской, гдѣ уже издавна ведется самая безобразная система хозяйства; наемъ земель подъ посѣвъ льна, подъ рѣзку, приняли особенное развитіе послѣ освобожденія крестьянъ. Ленъ составляетъ въ этомъ краѣ почти единственный промыселъ крестьянъ; по свѣдѣніямъ статистическаго комитета, его производится въ годъ до 269,873 берковцевъ (въ 1870 году), чтó соотвѣтствуетъ при среднемъ урожаѣ 2 берковцевъ на десятинѣ—134,921 дес. Разсчитано, что еслибы крестьяне засѣвали льномъ всѣ свои надѣльныя земли, то подъ посѣвъ другихъ яровыхъ растеній осталось бы не болѣе 38,000 дес. Поэтому, занявъ льняными посѣвами возможно бóльшую пло-

щадь собственныхъ земель, они еще нанимаютъ большія пространства помѣщичьихъ угодій. Этотъ усиленный запросъ ежегодно возвышаетъ цѣну сдаточныхъ земель, такъ что въ этомъ краѣ, гдѣ земли вообще дурного качества и продажныя цѣны не выше 20 руб. за десятину пашни и луговъ, сдаточныя цѣны поднялись въ послѣднее время до 5—10 руб. за пашню и до 20 р. за десятину подъ ленъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ послѣднія цѣны доходятъ до 60 и даже до 80 рублей.

Послѣдствія этой хищнической культуры уже проявились издавна и все болѣе усиливаются; съ 1844 по 1867 годъ, изъ 24 лѣтъ было 8 неурожайныхъ; въ три года 1867—1869 изъ Псковской губерніи по желѣзнымъ дорогамъ было ввезено хлѣба и вывезено льна:

въ 1867 г.	ввезено	хлѣба	491,666 пуд.,	вывезено	льна	851,587	пуд.
„ 1868 „	„	„	1.824,240 „	„	„	1.254,934	„
„ 1869 „	„	„	1.780,647 „	„	„	1.069,525	„

Крестьянскаго скота считано было въ 1861 г. 765,537 головъ, а въ 1869 г. 666,173 головы, т.-е. менѣе на 99,344.

Общій характеръ земледѣлія въ этой мѣстности есть усиленное безпощадное извлеченіе изъ почвы всѣхъ ея производительныхъ силъ, непомѣрное возвышеніе арендныхъ цѣнъ, а вслѣдствіе этого и временное усиленіе доходности помѣщичьихъ имѣній; въ итогѣ же, неминуемое оскудѣніе всего сельскаго хозяйства въ близкомъ будущемъ. Эта группа, 10 или 12 уѣздовъ, лежащая на окраинѣ великороссійскихъ губерній, занимаетъ, какъ намъ кажется, послѣднее мѣсто въ отношеніи земледѣльческой производительности, а положеніе крестьянъ въ этой полосѣ признается мѣстными учрежденіями и начальствами безвыходнымъ [1]).

Переходя изъ этой крайней западной полосы къ сѣверовостоку въ сѣверные уѣзды Новгородской, Тверской губ., въ Костромскую и далѣе, мы встрѣчаемъ другую систему полеводства, похожую на вышеописанную и точно также временно повышающую сдаточныя цѣны на земли и доходы имѣній, но также расхищающую производительность почвы и капитальную цѣнность земель. Это такъ-называемые лядины или суки, или дербакй [2]), нивы, поросшія болѣе или менѣе густымъ, молодымъ лѣсомъ, который подсѣкается, т.-е. рубится

съ корня, не старѣе 25—40 лѣтъ; затѣмъ лѣсъ, годный на дрова, вывозится, суки и маковки сжигаются, но выгорѣлой почвѣ проводится борона и сѣется хлѣбъ, преимущественно ячмень (жито) или ленъ, овесъ, греча. Хорошими лядинами считаются 25-лѣтніе, онѣ снимаются на 5 лѣтъ, иногда на 8—9, съ платою по 25 р. за десятину за все время, или изъ доли, первый годъ исполу, второй и третій изъ трети, четвертый и пятый изъ четверти. Въ Псковской губерніи ляды нанимаются на 3 года изъ 3 или 4 сноповъ; затѣмъ земля возвращается помѣщику, но снова пользоваться ею можно не раньше какъ черезъ 25 лѣтъ, а если снято было 8—9 хлѣбовъ, то не прежде какъ черезъ 40 лѣтъ.

Дербаками называются старыя пашни, нѣкогда тоже бывшія подъ льномъ и усиленнымъ сѣвооборотомъ, и запущенныя по совершенному ихъ истощенію; послѣ 15—20 лѣтъ онѣ опять поступаютъ подъ посѣвъ яровыхъ и опять пашутся и засѣваются до окончательнаго безплодія.

Эти системы полеводства подъ рѣзку и лядинное, если можно ихъ назвать системами, составляютъ главное подспорье помѣщичьихъ хозяйствъ въ сѣверо-западной группѣ великороссійскихъ губерній, и дѣйствія ихъ можно признать безусловно вредными для земледѣлія.

Вольнонаемное хозяйство въ этомъ краѣ ведется съ большимъ трудомъ, потому собственно, что помѣщичьи имѣнія, бо̀льшею частью состоявшія въ прежнее время на оброкѣ, не были подготовлены къ хозяйственной эксплуатаціи; но, впрочемъ, во многихъ мѣстностяхъ устроился уже, послѣ освобожденія крестьянъ, порядокъ обработки полей очень удобный и выгодный для владѣльца; этотъ порядокъ—сдача земель на кругъ или на гнѣздо. Крестьянинъ нанимается на всѣ полевыя работы, на круговую десятину, т.-е. по 1 десятинѣ пашни во всѣхъ 3 поляхъ, и, кромѣ того, 1 десятину покоса; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ исключается изъ работъ молотьба, въ другихъ вывозка навоза, прочія работы производятся наемщиками, съ своимъ рабочимъ скотомъ и орудіями, по цѣнѣ за кругъ 23 — 26 р. въ Новгородской губерніи, 28 въ Псковской, 29 въ Тверской. Такъ какъ отдѣльная обработка по десятинамъ обходится дороже (въ озимомъ полѣ 15 — 16 руб., въ яровомъ 10 — 12 руб.), то

эти сдѣлки на круговую десятину, или на гнѣздо, представляютъ нѣкоторыя выгоды для землевладѣльцевъ и несомнѣнную пользу для крестьянъ, давая имъ возможность распредѣлять наемныя работы уравнительно на все время полевыхъ работъ и обезпечивая имъ вѣрные заработки въ мѣстахъ ближайшихъ отъ селеній [3]).

Если мы вступимъ еще далѣе къ сѣверу и сѣверо-востоку, то перейдемъ линію земледѣльческой полосы и вступимъ въ край тундръ и лѣсовъ. Сюда принадлежатъ губерніи: Олонецкая, Вологодская, Архангельская, отчасти Пермская и Вятская. Здѣсь земледѣліе перестаетъ быть промысломъ и служитъ только подспорьемъ къ другимъ ремесламъ и занятіямъ: звѣроловству, бурлачеству, лѣснымъ сплавамъ и т. п. Край этотъ однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ отношеніи средней зажиточности крестьянъ, выше смежныхъ съ нимъ уѣздовъ Новгородской, Тверской, Псковской и Смоленской губерній, что надо приписать тому, что процентъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ здѣсь меньше и платежи казенныхъ крестьянъ почти вдвое легче, чѣмъ повинности крестьянъ другихъ вѣдомствъ, при надѣлѣ большемъ, чѣмъ въ два раза.

На 1,000 жителей обоего пола приходится помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ: Архангельской 1,6, Вятской 16,4, Олонецкой 50, Новгородской 422, Псковской 518, Смоленской 688, Тверской 497. Между тѣмъ, разница въ платежахъ громадная; всѣхъ сборовъ причитается: въ Вологодской губерніи, при надѣлѣ 15 десятинъ на душу, съ казенныхъ крестьянъ 5 рублей 58 копѣекъ, а съ помѣщичьихъ, при 6 — 7 десятинахъ одного оброка, 9 рублей, и не менѣе 7 рублей 20 копѣекъ. (Донесеніе Кадниковской управы).

Въ Пермской губерніи средняя цифра платежа выходитъ:

у государственныхъ крестьянъ	съ души 6,76	съ десятины 0,76
» помѣщичьихъ »	» » 5,80	» » 1,27
» удѣльныхъ »	» » 6,13	» » 1,83

Понятно, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ преобладаетъ населеніе государственныхъ крестьянъ, эта разница въ платежахъ вліяетъ болѣе или менѣе на зажиточность и благосостояніе сельскихъ обывателей, независимо отъ качества почвы и приволья края [4]).

Наконецъ, послѣднюю группу навозной нечерноземной полосы составляютъ промышленныя губерніи: Ярославская, Владимірская, Калужская, Московская и др. Здѣсь земледѣліе вытѣсняется дурнымъ качествомъ почвы и болѣе выгодными промыслами, фабричными, кустарными, отхожими и другими. Явленіе это сдѣлалось въ послѣднее время такъ рѣзко, что во Владимірской губерніи были случаи, что цѣлыя деревни въ полномъ составѣ сельскаго общества отказывались отъ земли, передавали ее въ удѣльное вѣдомство и переписывались въ мѣщанство. (Донесенія Александровской управы).

Съ другой стороны, замѣчательно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развита фабричная промышленность, напримѣръ въ селѣ Ивановѣ, около города Шуи, по свѣдѣніямъ, представленнымъ мѣстною управой, жители вовсе не отличаются своимъ благосостояніемъ отъ другихъ мѣстностей, чисто-земледѣльческихъ. Вообще, во всей этой полосѣ, земледѣліе составляетъ побочное занятіе, производится большею частію бабами, подростками и слабѣйшими крестьянами, между тѣмъ какъ бодрые и здоровые рабочіе отходятъ на промыслы, или даже круглый годъ торгуютъ въ другихъ мѣстностяхъ, пріѣзжая къ своимъ семьямъ только на побывку. Большая часть лавочниковъ, офеней, разносчиковъ, красноторговцевъ, коробейниковъ, снующихъ по всей россійской имперіи, выѣзжаютъ, какъ извѣстно, изъ Владимірской и Калужской губерній.

Въ черноземной полосѣ земледѣліе находится несомнѣнно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ прочихъ краяхъ Россіи; но чтобы опредѣлить приблизительно это положеніе, надо принять въ этой полосѣ нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Мы сперва разсмотримъ ту группу великороссійскихъ губерній, которая, начинаясь съ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, тянется на юго-востокъ до Курской губерніи, оставляя въ сторонѣ заволжскій край и на западѣ Малороссію, новороссійскія губерніи и юго-западный край.

Въ этой полосѣ мы находимъ слѣдующія главныя черты: довольно густое населеніе, усиливающееся по мѣрѣ перехода на западъ, и глубокій слой плодороднѣйшаго чернозема, т.-е. именно тѣ условія, которыя должны обезпечить процвѣтаніе

сельскаго хозяйства, хлѣбородную почву и обиліе рабочей силы. При этомъ однако заявляется очень часто, что край этотъ страдаетъ малоземельемъ, въ особенности крестьяне до крайности стѣснены въ своихъ надѣлахъ, и это мнѣніе распространяется все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ жалобъ отдѣльныхъ лицъ и сельскихъ обществъ. Но въ общей сложности едва-ли можно признать, чтобы въ этихъ губерніяхъ (за исключеніемъ развѣ Курской и нѣкоторыхъ уѣздовъ Орловской) населеніе было уже нынѣ чрезвычайно густо. Мы видѣли въ предъидущихъ главахъ, что хотя надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ въ этой полосѣ очень скуденъ, но за то надѣлъ казенныхъ очень достаточенъ. Въ средней сложности, считая крестьянъ разныхъ наименованій, приходится земли на крестьянскій дворъ въ Саратовской губерніи 16,70 десятинъ, Воронежской губерніи 14,55, въ Тамбовской 13, въ Симбирской 10,73, въ Курской 11,05, въ Пензенской 10,08, въ Орловской 11,32. Если сравнить этотъ надѣлъ съ нѣмецкой гуфой, которая равна 40—60 моргенамъ (10—15) или даже съ польской и литовской уволокой въ 20 десятинъ и принять въ разсчетъ, что по достоинству почвы десятина чернозема равняется по меньшей мѣрѣ $1^1/_2$ или 2 десятинамъ тощихъ угодій западнаго края или восточныхъ областей Германіи, то едва-ли можно повѣрить, чтобы малоземелье и густота населенія составляли уже нынѣ преграду къ развитію земледѣлія даже въ центральныхъ губерніяхъ, какъ Орловская или Курская. Въ слѣдующихъ главахъ мы укажемъ, что по опыту всѣхъ странъ средней рабочей силѣ крестьянскаго семейства соотвѣтствуетъ извѣстная норма и что даже въ такой малонаселенной странѣ, какъ Америка, полагается для нормальнаго надѣла одного семейнаго домохозяина 40 акровъ (14,8 десятинъ).

Поэтому мы думаемъ, что несправедливо выставлять недостатокъ земли какъ главную причину стѣсненія крестьянъ, и если мы дѣйствительно слышимъ отъ нихъ постоянныя сѣтованія о малоземельѣ, постоянныя ходатайства о дополненіи надѣла, то это должно быть приписано другимъ причинамъ, которыя мы здѣсь и разсмотримъ.

Весь этотъ юго-восточный край черноземной полосы находится нынѣ въ переходномъ положеніи отъ залежной си-

стемы полеводства къ трехпольной. Онъ отсталъ отъ одного берега и не присталъ къ другому: старики еще помнятъ тѣ блаженныя времена, когда они переходили каждое лѣто на новыя земли, снимали съ цѣлины баснословные урожаи, съ ковыльныхъ степей громадные запасы корма и жили въ привольѣ, залужая мягкія земли по мѣрѣ ихъ истощенія; новыя поколѣнія еще не примирились съ необходимостью вести сѣвообороты правильно, а, переходя къ трехпольному хозяйству, сохраняютъ еще бо́льшею частію всѣ распашные пріемы прежняго степнаго своего быта. Это причина общая, вліяющая повсемѣстно на благосостояніе земледѣльцевъ и возбуждающая ихъ безсознательныя жалобы на малоземелье. Понятно, что хлѣбопашцу, привыкшему сѣять хлѣбъ безъ удобренія, жечь солому и распахивать перелоги и но́ви, дѣлается тѣсно, когда онъ тѣ же изстаринные свои обычаи хочетъ перенести въ трехпольное полеводство, и эта-то тѣснота и составляетъ въ настоящее время главный предметъ жалобъ крестьянъ.

Затѣмъ слѣдуютъ и другія причины: вся эта полоса, представляется уже нынѣ въ видѣ сплошнаго пахатнаго поля съ тощими покосами и безплодными полями: естественные луга всѣ распаханы, травосѣяніе не принимается, солома, которая могла бы хотя отчасти замѣнить траву и сѣно, требуется для топлива, все земледѣліе вращается въ безвыходномъ кругу; кормовъ нѣтъ, скотоводство упадаетъ, навозные скопы уменьшаются и по мѣрѣ того, какъ выпаханныя земли начинаютъ требовать удобренія, сокращаются средства для унавоживанія полей. Особенно рѣзко проявляются эти признаки въ западной части этой полосы: въ Курской губерніи уже въ началѣ 60-хъ годовъ пашни занимали 67% всей площади губерніи, сѣнокосовъ приходилось на 100 дес. 14,1 и вмѣстѣ съ лѣсами луга составляли только 9,5% территоріи. Луга цѣнятся въ этомъ краѣ гораздо выше пашни, арендныя цѣны показываются въ Курской губ. за пашню отъ 5 до 10 руб., за луга отъ 8 до 20; въ южныхъ уѣздахъ Орловской губерніи за пашню 7,9 руб., за луга обыкновенные 8,10 руб., за поемные 15—22.

Наконецъ, высшая причина, вліяющая косвенно, но всесильно на земледѣліе, есть истребленіе лѣсовъ, порождающее

и всѣ прочія вредныя явленія: мелководье рѣкъ, высыханье почвы, стѣсненіе водопоевъ, неурожай травъ и всѣхъ кормовыхъ растеній.

Подъ вліяніемъ этихъ-то причинъ, бо́льшею частью происходящихъ по винѣ самихъ жителей (помѣщиковъ и крестьянъ) сельско-хозяйственный бытъ черноземной полосы дѣйствительно стѣсняется гораздо болѣе чѣмъ отъ малоземелья, на которое постоянно они жалуются, и мы не думаемъ, чтобы новая нарѣзка земель помогла бы ихъ горю, покуда не исправится самая система полеводства. Этимъ также объясняется и общее стремленіе жителей этихъ губерній къ отхожимъ промысламъ. Въ другихъ краяхъ, какъ въ навозной полосѣ Россіи, такъ и во всей Европѣ, полевыя работы распредѣляются поровну на разныя времена года: съ открытіемъ весны начинаются яровые посѣвы, по окончаніи ихъ наступаетъ навозница, въ концѣ іюня сѣнокосъ, далѣе уборка хлѣбовъ, посѣвъ озимаго и т. д. Но въ черноземной полосѣ съ окончаніемъ ярового посѣва, въ первыхъ числахъ мая, наступаетъ совершенно праздное время до жатья озимаго хлѣба, около 15 іюля, такъ что изъ лѣтней рабочей поры исключается ровно половина, $2^1/_2$ мѣсяца, въ которые крестьянинъ на своей землѣ, въ своемъ хозяйствѣ какъ бы оно ни было обширно, работы не находитъ за исключеніемъ развѣ взмета пара, иногда пересорки, потому что для однихъ работъ яровыхъ посѣвовъ время ушло, для другихъ, жатья хлѣба, время не пришло, сѣнокосовъ не имѣется и вывозки навоза не полагается. Отъ этого проистекаютъ два явленія, особенно характезирующія этотъ край: первое—это скопленіе всѣхъ земледѣльческихъ работъ въ одну краткую 6-недѣльную страду, съ 15 іюля по 31 августа, причемъ, разумѣется, все жертвуется для успѣшности и скорости уборки хлѣба и посѣва его; второе—это распространеніе обычая отходить на промыслы въ это промежуточное время, между яровымъ посѣвомъ и жатьемъ.

Относительно перваго мы позволимъ себѣ замѣтить, что такое распредѣленіе полевыхъ работъ крайне невыгодно для земледѣльцевъ и совершенно противорѣчитъ стремленію крестьянъ расширить свои владѣнія. Даже и при нынѣшнемъ ограниченномъ размѣрѣ надѣла, по 3—4 дес. на душу, онъ не

успѣваетъ ни правильно, порядочно обработать свою пашню, ни во-время убрать свой хлѣбъ, и, тратя непроизводительно половину лѣта, въ другую половину, несмотря на всѣ напряженія рабочихъ силъ, производитъ всѣ свои работы торопливо, небрежно, лишь бы не пропустить урочной поры для посѣва и не дать просыхаться простоявшему хлѣбу. Обычай прихватывать чужую землю, брать въ пахань посторонняя пашни происходитъ оттого, что дѣйствительно для взмета и пересорки, которая происходитъ въ маѣ и іюнѣ, у хлѣбопашца черноземной полосы остается много свободнаго времени, но для самаго посѣва (по крайней мѣрѣ озимаго) и для своевременной уборки у него едва-ли хватаетъ силъ и на свои полосы, и всѣ тѣ постороннія работы, которыя онъ забираетъ, обращаются въ ущербъ его собственному хозяйству [5]).

Изъ тѣхъ же самыхъ причинъ проистекаютъ и такъ-называемые отхожіе промыслы, которые имѣютъ почти всѣ одно общее направленіе—изъ сѣверо-западной полосы чернозема, гдѣ введено трехпольное полеводство, въ юго-восточную степную полосу, гдѣ еще преобладаетъ переложное хозяйство. Главныхъ линій этихъ передвиженій можно принять три: одну—изъ сѣверной части черноземной полосы, Симбирска и Пензы въ Самарскую губернію и на Уралъ; другую—изъ средней части Тамбова и Воронежа на Донъ и низовье Волги; третью—изъ западной оконечности той же черноземной полосы, Курска и Харькова въ Новороссійскій край и на Кавказъ. Главный характеръ этихъ отходовъ состоитъ въ томъ, что крестьяне, отсѣявъ кое-какъ и какъ можно раньше (по пословицѣ: сѣй овесъ въ грязь ?!) свое яровое поле, спѣшатъ уйти на промыселъ, одни на строительныя работы, нанимаясь въ каменьщики, плотники, кирпичники, пильщики, другіе на извозныя, третьи на полевыя, преимущественно на косовицу въ приволжскій и новороссійскій края. Первая категорія рабочихъ ремесленниковъ нанимается на срокъ помѣсячно или на лѣто, до Покрова или заговѣнья; но двѣ послѣднія промышляютъ посторонней работой только случайно и временно, покуда ихъ не востребуютъ обратно домашнія работы, и послѣ Петрова дня (29 іюня) возвращаются во-свояси. Исключенія бываютъ только въ такіе годы, когда въ одной полосѣ уро-

жаи хлѣбовъ особенно обильны, а въ другой средній или скудный, и тогда цѣны на жатье и уборку такъ возвышаются, что мужики, бросая собственныя поля на попеченіе бабъ и ребятишекъ, сами уходятъ на частныя работы до осени.

Изслѣдованія отхожихъ промысловъ въ Россіи составляютъ такой предметъ, который по своей сложности требуетъ особенно усидчивыхъ трудовъ, и мы здѣсь не беремся за ихъ описаніе. Мы хотимъ только изъ этого явленія и изъ прочихъ главныхъ чертъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ въ черноземной полосѣ-вывести общую характеристику земледѣлія въ этой мѣстности.

Мы не думаемъ, какъ увѣряютъ многіе, чтобы эта страна уже являла признаки пресыщенія населеніемъ и не полагаемъ также, чтобы крестьянское сословіе въ общей сложности было стѣснено малоземельемъ. По крайней мѣрѣ не это обстоятельство составляетъ главную причину ихъ стѣсненія, и если бы надѣлы крестьянъ были и увеличены вдвое, то это не удовлетворило бы ихъ и немного бы способствовало улучшенію ихъ быта. Главная причина, какъ мы выше сказали, другая—это та, что, переходя по необходимости къ трехпольной системѣ хозяйства, они еще живутъ, можно сказать, на преданіи переложнаго полеводства, засѣвая свои поля два года сряду колосовыми хлѣбами, не кладутъ подъ нихъ навоза; выпахавъ до конца свои надѣльныя пашни и вытравивъ выгоны, бросаются на чужія земли и тоже ихъ выпахиваютъ и разоряютъ съ вѣдома и согласія дворянъ-помѣщиковъ, и такимъ образомъ все расширяютъ пространство чужихъ культурныхъ земель, вмѣсто того чтобы обработывать какъ слѣдуетъ свои надѣльныя угодья, унавоживать свои парные луга и убирать своевременно свой собственный хлѣбъ. Отхожіе промыслы являются бо̀льшею частью не вслѣдствіе малоземелья, а вслѣдствіе того, что половина лѣта проходитъ у этихъ хлѣбопашцевъ въ полнѣйшей праздности, по неимѣнію покосовъ и по закоснѣлому норову не унавоживать полей. Распространеніе этихъ хищническихъ культуръ и увеличеніе надѣловъ крестьянъ не принесло бы пользы ни сельскому хозяйству вообще, ни крестьянамъ въ особенности, а только ускорило бы окончательно расхищеніе плодоноснаго чернозема. Поэтому нашу характеристику земледѣлія въ этой по-

лосѣ мы сводимъ въ слѣдующія главныя черты: земледѣльческая производительность очень усилилась со времени освобожденія крестьянъ, площадь культурныхъ земель увеличилась, цѣны какъ продажныя и арендныя на земли, такъ и рабочая плата возвысились, и все это несомнѣнно указываетъ, что и доходность земледѣлія возрасла. Но надо опасаться, чтобы этотъ временный и усиленный прогрессъ не повелъ за собой еще сильнѣйшую реакцію оттого собственно, что хлѣбопашцы неудержимо стремятся къ расширенію запашекъ, пренебрегая самими элементарными правилами трехпольнаго хозяйства, коему они покорились поневолѣ, все еще вспоминая и мечтая о невозвратномъ привольѣ прежнихъ временъ.

Къ степной полосѣ мы относимъ (за исключеніемъ новороссійскихъ губерній и казачьихъ земель) губерніи: Саратовскую, Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую, Астраханскую и часть Пензенской. Къ этой же группѣ можно причислить и все степное пространство, лежащее къ востоку до Урала и къ югу до Кавказа. Всю эту полосу можно разсматривать, какъ территорію еще не организованную въ отношеніи землевладѣнія и земледѣлія, какъ колоніальныя земли, еще неокончательно заселенныя. Сѣверная окраина сливается по характеру земледѣлія отчасти съ черноземными губерніями, отчасти съ сѣверной нечерноземной полосой; но, начиная съ южныхъ уѣздовъ Самарской губерніи, Николаевскаго, Новоузенскаго, сходство это становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ юго-востоку, гдѣ болѣе выступаютъ черты различія. Главная изъ нихъ—преобладаніе крестьянскаго элемента. Частныя владѣнія становятся рѣже по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ юго-востоку. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, всѣхъ помѣщиковъ 17. Во всей Оренбургской губерніи частныхъ владѣльцевъ 199, наконецъ, въ Астраханской губерніи число ихъ сходитъ до 47, владѣющихъ всего 74,732 десятинами противъ 95,782 душъ крестьянъ, имѣющихъ 1.657,019 десятинъ.

Вслѣдствіе этого измѣняется и характеръ земледѣлія: помѣщичьи запашки исчезаютъ, очень немногіе изъ частныхъ

владѣльцевъ обработываютъ свои земли за свой счетъ; вольнонаемная, издѣльная, испольная системы полеводства встрѣчаются только въ видѣ исключенія и общій, по крайней мѣрѣ, преобладающій порядокъ эксплуатаціи есть сдача земель за денежную плату съемщикамъ изъ крестьянъ. Сдача эта происходитъ въ громадныхъ размѣрахъ, и хотя общихъ свѣдѣній объ этомъ и не имѣется, но по частнымъ показаніямъ мѣстныхъ жителей и управъ можно видѣть, что это распашное хозяйство, которое такъ по нраву русскому хлѣбопашеству, принимаетъ здѣсь большое развитіе. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ, гдѣ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ 27,793, при очень достаточномъ надѣлѣ по 6,28 десятинъ на душу, они снимаютъ ежегодно до 90,000 десятинъ. Въ Астраханской губерніи, несмотря на очень широкій надѣлъ (19 десятинъ въ Черноярскомъ уѣздѣ, 30 въ Царевскомъ, 52 въ Красноярскомъ), крестьяне арендуютъ еще большія пространства казенныхъ и калмыцкихъ земель [6]).

Здѣсь представляются также нѣкоторыя явленія, особенно характеризующія этотъ край, явленія новыя, зародившіяся въ послѣдніе годы и на которыя, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ обратить вниманіе. Мы уже выше сказали, въ главѣ IX, что въ этой восточной окраинѣ Россіи водворяются ирландскіе порядки оптовыхъ съемокъ земель крупными арендаторами, которые переоброчиваютъ ихъ мелкимъ съемщикамъ; обычай этотъ, какъ мы объяснили, отнимаетъ у обѣихъ сторонъ, землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, бóльшую часть прибылей, и составляетъ едва ли не самую зловредную изъ всѣхъ возможныхъ системъ хозяйства. Она въ особенности развилась на двухъ краяхъ описываемой полосы, въ Самарской губерніи и въ Закубанской области, гдѣ пожалованы были въ новѣйшее время большія имѣнія разнымъ генераламъ и заслуженнымъ чиновникамъ. Не имѣя ни охоты, ни способности заняться управлѐніемъ своихъ отдаленныхъ владѣній, новые господа заключаютъ условія объ арендованіи земель съ разными промышленниками, которые выгадываютъ громадные барыши, переоброчивая земли по мелкимъ участкамъ; такъ, въ одномъ имѣніи Новоузенскаго уѣзда, оптовый съемщикъ, снимая 3600 десятинъ пашни и 10,884 десятины покосовъ, по цѣнѣ 3 р. 45 коп. за десятину, всего 4100 рублей, раздаетъ

ежегодно подъ бѣлотурку 904 десятины отъ $4^1/_2$ и до 6 рублей, остальную землю отдаетъ подъ нагулъ скота, и, не имѣя никакого собственнаго хозяйства, выручаетъ чистаго дохода 7200 рублей, чтó составляетъ барыша около 75 проц. арендной платы.

Очевидно, что этотъ барышъ поглощаетъ и ренту землевладѣльца и прибыль земледѣльца, и что при такихъ условіяхъ сельское хозяйство превращается въ чисто спекулятивное предпріятіе, истощающее почву, разоряющее владѣльцевъ и изнуряющее хлѣбопашцевъ.

Новороссійскій край отъ освобожденія крестьянъ выгадалъ едва ли не болѣе черноземной полосы, и если вздорожаніе цѣнъ на земли можетъ быть принято за доказательство выгодности земледѣлія, то здѣсь оно оказывается въ цвѣтущемъ состояніи. По свѣдѣніямъ управленія государственныхъ имуществъ, простирающихся на очень значительное пространство— 43,000 десятинъ, арендная плата за нихъ въ Екатеринославской губерніи, въ теченіи 12 лѣтъ, 1860—1872 гг., возвысилась съ 18,822 рублей на 54,180, т.-е. втрое.

Въ Таврической губерніи цѣны также утроились, въ Θеодосійскомъ учетверились; въ Бердянскомъ уѣздѣ поднимаются ежегодно на $10^0/_0$. Одинъ землевладѣлецъ изъ Θеодосіи заявляетъ, что имѣніе его, которое 20 лѣтъ назадъ сдавалось за 300 рублей, теперь арендуется за 1,500.

Но еще болѣе отличается Новороссійскій край отъ другихъ полосъ обильными и выгодными заработками, представляющимися для хлѣбопашцевъ. Здѣсь нужно замѣтить, что ни въ одной изъ вышеописанныхъ полосъ великороссійскихъ губерній не представляется такой значительной пропорціи владѣльческихъ земель въ сравненіи съ крестьянскими, а именно:

	десятинъ	
	владѣльч.	крестьян.
въ Екатеринославской губ. . . .	2.990,531	2.604,556
» Херсонской »	4.161,377	1.912,129
» Таврической »	3.611,858	1.403,256
Итого . .	10.763,766	5.919,941

Это обстоятельство, разумѣется, сильно повліяло на запросъ рабочихъ и на повышеніе цѣнъ. Между тѣмъ какъ въ смежныхъ великороссійскихъ губерніяхъ владѣльческія земли составляютъ: въ Харьковской губерніи 51% всей площади, въ Воронежской 31, въ Курской 37, въ Новороссійскихъ губерніяхъ онѣ составляютъ: въ Херсонской 69 и въ Таврической 72 проц. Поэтому земледѣліе производится здѣсь бо́льшею частію пришлыми рабочими. Благодаря умѣренному климату и раннему открытію весны, яровые посѣвы еще справляются мѣстными жителями по цѣнамъ довольно сходнымъ, напр.: за десятину съ переоркой 2, 4, 6 руб. и съ платой пѣшему рабочему 50—60 к., конному отъ 75 до 1 р. 30 к. Но какъ только наступаетъ сѣнокосъ и уборка хлѣбовъ, то цѣны возвышаются непомѣрно. Мѣсячные работники лѣтомъ стоятъ 10, 12 и 25 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Поденщики въ сѣнокосъ заработываютъ въ Екатеринославской губ. 75—90 к. и въ Ростовскомъ уѣздѣ 1 р. 60 к., въ уборку хлѣбовъ 1 и 1½ руб.; въ Таврической губерніи цѣны стоятъ лѣтомъ около 1 руб. за пѣшаго рабочаго и на южномъ берегу доходятъ до 1 р. 75 к.

За уборку хлѣбовъ за десятину платятъ 7, 10 и 13 р. въ Екатеринославской губ., между тѣмъ какъ въ смежныхъ русскихъ губерніяхъ уборка 1 десятины ржи стоитъ 3, 4 и 6 р.; въ Воронежской за уборку 1 десятины сѣраго хлѣба платится 2 р. 50 к., за пшеницу и бѣлотурку 3 р. 50 к. и 4 р.

Такое значительное различіе рабочихъ цѣнъ составляетъ, разумѣется, сильнѣйшую приманку для хлѣбопашцевъ центральныхъ губерній и между ними и новороссійскимъ краемъ устроилось правильное передвиженіе, принимающее съ каждымъ годомъ бо́льшее развитіе; оно начинается въ южныхъ уѣздахъ Харьковской губ. (Изюмскомъ и Змiевскомъ); лѣтнія работы справляются бо́льшею частію пришлыми рабочими изъ Орловской, Черниговской и Курской губерній. Въ Екатеринославскую губ. приходятъ рабочіе еще изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, изъ Кіева, Полтавы, Чернигова, а въ 1872 г. въ Александровскомъ уѣздѣ было много рабочихъ изъ Смоленска.

Чѣмъ выше рабочія цѣны, тѣмъ далѣе простирается районъ этого срочнаго передвиженія. Въ дальнѣйшіе уѣзды Крыма приходятъ рабочіе даже изъ Витебской и Могилев-

свой, совершая ежегодно въ самую рабочую пору путь въ 3,000 верстъ, а въ Херсонской губ. появились въ послѣдніе годы и чужестранцы изъ Галиціи.

Такое правильное и соразмѣрное повышеніе цѣнъ, съ одной стороны, на земли, съ другой — на работу, есть, по нашему мнѣнію, вѣрнѣйшій признакъ улучшенія быта сельскихъ сословій. Но не такъ смотрятъ на это мѣстные помѣщики; умалчивая про свои выгоды, возвышеніе ренты вдвое и втрое, они жалуются на вздорожаніе рабочей платы, на своеволіе рабочихъ и представляютъ свое положеніе въ мрачномъ цвѣтѣ. Но едва ли можно вѣрить, чтобы сельское хозяйство упадало въ странѣ, гдѣ продажныя и арендныя цѣны въ 12 лѣтъ утроились.

Какъ только мы поворачиваемъ изъ новороссійскаго края къ сѣверо-западу, то эти признаки благосостоянія начинаютъ ослабѣвать. Между тѣмъ, какъ въ новороссійскихъ губерніяхъ при высшихъ рабочихъ цѣнахъ вольнонаемное хозяйство еще поддерживается и даетъ хорошіе доходы, въ Малороссіи уже заявляются справедливыя или притворныя, но, во всякомъ случаѣ, всеобщія жалобы о невыгодности хозяйственной эксплуатаціи, причемъ представляются, между прочимъ, такія наивныя соображенія: „что вольнонаемная система мало приноситъ урожая вслѣдствіе недобросовѣстности рабочихъ (вѣчная пѣсня русскихъ хозяевъ), что надъ работою надо присматривать самому хозяину, и что, въ противномъ случаѣ, работа не выполняется въ требуемыхъ условіяхъ“ (sic!). И вотъ, вслѣдствіе того, что хозяева не желаютъ присматривать за работой, хуторскія хозяйства сокращаются, господскія запашки упраздняются; владѣльцы оставляютъ себѣ небольшіе участки подъ такія культуры, которыя наиболѣе истощаютъ почву,—табачныя плантаціи, льняные посѣвы,—а остальныя земли сдаютъ въ аренду или крупнымъ арендаторамъ изъ евреевъ, или крестьянамъ-казакамъ.

Той же системѣ хозяйства слѣдуютъ отчасти и сами хуторяне-казаки; зажиточнѣйшіе изъ нихъ держатъ въ своихъ хуторахъ по нѣскольку семействъ, такъ-называемыхъ „подсосѣдковъ“; эти подсосѣдки, не имѣющіе собственной осѣд-

лости, живутъ въ хозяйскихъ хатахъ, пользуются огородомъ въ нѣсколько саженъ, производятъ полевыя работы и въ вознагражденіе получаютъ часть изъ урожая. Часть эта, составляющая плату за трудъ, здѣсь уже гораздо меньше, чѣмъ въ смежныхъ уѣздахъ новороссійскаго края. Рожь убирается въ Харьковской губерніи изъ 9—10 снопа, въ Полтавской губерніи изъ 4-го, но съ нѣсколькими рабочими днями, называемыми „басаринками". Эти басаринки выговариваются бо́льшею частію на сѣнокосъ и составляютъ для нанимателей очень выгодную сдѣлку; безъ басаринки хлѣбъ убирается изъ 6-го снопа. Особый способъ веденія хозяйства въ Малороссіи есть такъ-называемая „скопщина"; онъ состоитъ въ томъ, что наниматель обработываетъ землю безъ мѣры и даетъ владѣльцу 1/3 урожая, который обмолачивается на счетъ нанимателя.

Недостатокъ луговъ и пастбищъ чувствуется и здѣсь, какъ въ черноземной полосѣ, и проявляется въ особенности въ высокой платѣ за пастьбу скота: въ Золотоношскомъ уѣздѣ крестьяне платятъ 2 р. за крупную скотину, 1 р. за мелкую, или даютъ 8 рабочихъ дней за штуку; въ Прилукскомъ уѣздѣ по 2 1/2 р. за штуку.

Вольнонаемное хозяйство здѣсь также принимается туго; въ двухъ уѣздахъ Черниговской губ., Черниговскомъ и Городищенскомъ, находится въ каждомъ только по одному имѣнію съ собственной запашкой; всѣ прочія сдаются въ аренду или въ погодное содержаніе крестьянамъ. Вообще, въ Малороссіи начинается другой порядокъ сельско-хозяйственной эксплуатаціи, который отличаетъ всю нашу западную страну отъ центральной и восточной Россіи, — это долгосрочное арендованіе, на подобіе европейскаго фермерства. Между тѣмъ какъ въ великороссійскомъ краѣ всѣ арендныя сдѣлки заключаются словесно, безъ контракта, на одно слѣтье, иногда и безъ мѣры, по мелкимъ участкамъ, здѣсь уже начинаютъ появляться крупныя и долговременныя аренды. Въ то время, какъ въ Россіи, за исключеніемъ одной Самарской губерніи, съемщиками земель являются почти исключительно сами хлѣбопашцы-крестьяне, въ Малороссіи уже показываются промышленники, посредники, эксплуатирующіе всю территорію нашего западнаго края—евреи, арендующіе цѣлыя имѣ-

нія и передающіе землю мелкимъ оброчникамъ изъ крестьянъ. За ними слѣдуютъ и польскіе шляхтичи, конкурирующіе съ крестьянами и повышающіе изъ года въ годъ арендныя цѣны на земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣны эти очень высоки; въ Прилукскомъ уѣздѣ цѣны доходятъ до 8 р. за десятину въ кругъ, а одно имѣніе въ 7000 дес. арендуется за 49,000 р. въ годъ.

Но рабочая плата здѣсь сравнительно низка; годовой рабочій на хозяйскихъ харчахъ получаетъ въ Харьковской губ. 40—60 руб., въ Полтавской 50—60 р., въ Черниговской 30—48 р. Поденная плата лѣтомъ: въ Харьковѣ 30—40 коп., въ Полтавѣ 20—40 коп., въ Черниговѣ 20—50 коп.

Такимъ образомъ здѣсь, на рубежѣ, отдѣляющемъ великороссійское племя отъ западныхъ славянъ, начинается поворотъ въ пользу крупнаго землевладѣнія и въ ущербъ земледѣлію; цѣны на земли, рента владѣльца повышаются быстрѣе и больше, чѣмъ рабочія цѣны; трудъ обработки оплачивается скудно, между тѣмъ какъ арендованіе земель безъ всякой иниціативы и труда самого владѣльца приноситъ ему значительный доходъ.

Малороссія однако составляетъ въ этомъ отношеніи только переходный пунктъ; за Днѣпромъ, въ юго-западномъ краѣ этотъ характеръ земледѣлія получаетъ уже преобладающее значеніе; крупное землевладѣніе вступаетъ въ свои права и вслѣдствіе этого измѣняются порядки и системы сельско-хозяйственной культуры.

Вольнонаемное хозяйство, которое въ Россіи признается крайне убыточнымъ для владѣльца, здѣсь, напротивъ, распространено повсемѣстно. Долгосрочное арендованіе, которое принимается такъ трудно даже въ хлѣбороднѣйшей полосѣ имперіи, здѣсь, наоборотъ, составляетъ преобладающую систему. Батрацкое хозяйство, которое въ великороссійскихъ губерніяхъ, даже въ малоземельныхъ, не удается по трудности находить годовыхъ рабочихъ, здѣсь введено издавна и сохранилось въ бо́льшей части имѣній. Помѣщичьи запашки, которыя въ Россіи повсемѣстно сократились и отчасти упразднились, въ Заднѣпровскомъ краѣ, несмотря на политическій

кризисъ, постигшій помѣстное сословіе, несмотря на аресты, контрибуціи и повѣрочныя коммиссіи, будто бы разорившія пановъ, продолжаютъ обработываться по цѣнамъ, сравнительно съ другими мѣстностями, очень выгоднымъ для землевладѣльцевъ.

Относительно вольнонаемнаго хозяйства мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: система эта принята вообще, какъ самими владѣльцами, такъ и арендаторами помѣщичьихъ имѣній, и производится наемными рабочими всякихъ видовъ: годовыми, лѣтними, мѣсячными и поденными. Сдача земель крестьянамъ за деньги или на другихъ условіяхъ встрѣчается рѣдко. Въ Подольской губерніи, въ 4 уѣздахъ, показывается слѣдующая пропорція: въ Проскуровскомъ уѣздѣ $^2/_3$ имѣній сданы арендаторамъ, преимущественно евреямъ; въ Литинскомъ уѣздѣ арендныя хозяйства составляютъ 40 проц., арендаторы поляки и евреи;—въ Брацлавскомъ уѣздѣ изъ 101 имѣнія 56 въ арендномъ содержаніи; — въ Ольгопольскомъ уѣздѣ въ 49 имѣніяхъ хозяйничаютъ сами владѣльцы, и въ 43—арендаторы.

Оптовая съемка земель крупными арендаторами здѣсь — правило, раздробительное—исключеніе. Русскіе и иностранные землевладѣльцы, купцы и купеческія компаніи, пріобрѣтая земли, прежде всего отыскиваютъ арендаторовъ, которые избавляли бы ихъ отъ труда и непосильныхъ имъ заботъ хозяйственнаго управленія, и находятъ таковыхъ, во-первыхъ, въ евреяхъ, во-вторыхъ, — въ польской шляхтѣ. Оптовыя цѣны арендъ не высокія: въ Подольской губ. 4—6 р., въ Волынской тоже, въ Кіевской средняя цѣна 4 р. 50 к. Около сахарныхъ заводовъ арендная плата выше; въ Полѣсьѣ ниже 1 р. 50 к., въ Овручскомъ и Балтскомъ уѣздахъ не болѣе 3 р.; за казенныя земли въ Овручскомъ уѣздѣ платили въ 1871 г. 32 коп. за десят., а нынѣ 80. Имѣнія, снятыя такимъ образомъ оптовыми съемщиками, отчасти передаются изъ вторыхъ рукъ крестьянамъ съ значительнымъ повышеніемъ платы. Арендаторы-евреи, переоброчивая земли крестьянамъ, обыкновенно берутъ съ нихъ часть урожая: въ Волынской губ. крестьяне отдаютъ имъ иногда половину, но чаще $^2/_3$ и даже $^3/_4$ урожая, съ сѣнокосовъ до $^3/_4$ всего количества сѣна. За луговые сѣнокосы въ Кіевской губ. кресть-

лне платятъ отъ 8—12 и отъ 12—20 р.; за пастьбу скота 1—2 р. за штуку.

Такимъ образомъ, арендная система обнаруживаетъ здѣсь обыкновенное свое дѣйствіе, понижая настолько же ренту землевладѣльцевъ, насколько она же возвышаетъ платежи мелкихъ оброчниковъ; люди смѣтливые и оборотливые становятся посредниками между знатными и богатыми барами, проживающими вдали отъ своихъ помѣстьевъ, и мѣстными земледѣльцами, которые ищутъ земли для обработки и предлагаютъ свой трудъ для хлѣбопашества. Посредничество это обходится дорого обѣимъ сторонамъ; оптовые съемщики соблазняютъ безпечныхъ владѣльцевъ вѣрными платежами, большими задатками, и, снимая съ нихъ вмѣстѣ съ землей и весь трудъ хозяйственнаго распоряженія, получаютъ обыкновенно значительную скидку съ рыночныхъ арендныхъ цѣнъ; но сами они рѣдко принимаютъ на свой счетъ земледѣльческую эксплуатацію имѣній.

По недостатку техническихъ свѣдѣній въ агрономіи, по привычкѣ къ спекулятивнымъ оборотамъ, арендаторы, принадлежащіе большею частію къ торговому сословію, стараются извлечь всю возможную доходность изъ земли, не обращая вниманія на ея производительность; лучшія культуры для нихъ суть тѣ, которыя при наименьшей затратѣ даютъ наибольшее количество цѣнныхъ продуктовъ, каковы: бахчи, конопляники, ленъ и просо, а лучшая система хозяйства есть переоброчка мелкимъ съемщикамъ отдѣльныхъ участковъ подъ одинъ или два посѣва. Живя на мѣстѣ, зная по торговымъ своимъ дѣламъ нужды крестьянъ, они дѣйствуютъ на нихъ, точно такъ какъ и на господъ, соблазнительными предложеніями денегъ впередъ, переводами денежныхъ разсчетовъ на натуральныя повинности, работу или издѣльную плату, и, запутывая простолюдиновъ этими сложными счетами, обыкновенно выгадываютъ въ свою пользу громадные проценты.

Сѣверо-западный край, къ коему мы причисляемъ и Бѣлоруссію, составляетъ въ отношеніи сельскаго хозяйства продолженіе юго-западнаго, съ тою только разницею, что почва здѣсь несравненно хуже, а потому и выгоды земледѣлія меньше. Долгосрочныя аренды и здѣсь составляютъ преобладающую систему хозяйства; въ бѣлорусскихъ губ. арендаторы

бо́льшею частію евреи, въ Литвѣ мелкіе дворяне, официанты и шляхтичи изъ поляковъ. Въ послѣднее время появилось въ Ковенской и Виленской губ. много выходцевъ изъ сосѣдней Пруссіи и прибалтійскаго края, которые усилили запросъ на аренды и подняли цѣны на земли. Но, впрочемъ, въ этой полосѣ Россіи замѣтно менѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, повышеніе арендныхъ цѣнъ; изъ нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ даже положительно заявляется, что цѣны понизились.

Изъ Минской губ. доносятъ, что въ Минскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ цѣны съ 1861 г. понизились, и приводятъ въ примѣръ имѣнія, гдѣ арендная плата упала съ 4 р. 72 к. за десятину на 3 р. „вслѣдствіе,—какъ пишетъ губернскій предводитель, уничтоженія крѣпостнаго права“ (?).

Изъ Виленской губ. также доносятъ мѣстные землевладѣльцы, что цѣны на долгосрочныя аренды понизились, и это приписывается также отмѣнѣ крѣпостнаго труда. Только въ Ковенской губ., въ Жмуди, гдѣ земли лучше, показывается нѣкоторое повышеніе отъ 10 до 20 проц., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже вдвое.

Кромѣ оптоваго арендованія имѣній по цѣлымъ фольваркамъ и мызамъ, здѣсь въ большомъ обыкновеніи сдача земель по уволокамъ въ 20—30 десятинъ; на эти уволочныя аренды является много охотниковъ изъ шляхты, евреевъ, прежнихъ управляющихъ, экономовъ, а также изъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ.

Арендныя цѣны здѣсь, сравнительно съ великорусскими губерніями, умѣренныя, несмотря на то, что хлѣбныя цѣны постоянно выше; пура (1/3 четверти ржи) въ послѣднее десятилѣтіе стоила около 3 р., что́ соотвѣтствуетъ 9 р. за русскую четверть, а арендная плата держалась въ Гродненской губ. 2—3 р. на пашню, въ Минской 3—4 р. на сѣнокосъ, въ Могилевской около 4 р. на кругъ, въ Виленской 2—3 1/2 р., въ Ковенской 1 1/2—4 р. за десятину общаго пространства. Только въ исключительныхъ случаяхъ показываются цѣны 8—10 р. (въ Ковенскомъ у.), 7—15 р. (въ Поневѣжскомъ у.), 6—10 р. (въ Новогрудскомъ у.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочая плата оказывается въ Литвѣ и Бѣлоруссіи самая дешевая изъ всѣхъ полосъ имперіи. До 1861 года она была такъ низка, что не по-

нятно, какъ могли помѣщики находить наемныхъ работниковъ за эту цѣну; годовой батракъ мужскаго пола стоилъ:

	до 1861 г.	послѣ 1861 г.
въ Гродненской губ. . . .	20 р.	30 р.
„ Минской „	20 „	35—40 „
„ Витебской „	8—12 „	45—50 „

Въ настоящее время годовому батраку платится на хозяйскихъ харчахъ отъ 30 до 50 руб., въ Поневѣжскомъ уѣздѣ 70 руб., работницѣ 12—18 и не болѣе 24 р. въ годъ [7]).

Такое экономическое положеніе никакъ не можетъ быть признано благопріятнымъ: низкія цѣны на аренду, съ одной стороны, и на полевыя, съ другой, при относительно очень высокихъ цѣнахъ на продукты, указываютъ несомнѣнно на какой-либо грубый порокъ въ народномъ хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ, на ненормальное его положеніе; приписывать же это отмѣнѣ крѣпостнаго труда было бы невѣрно, ибо въ прежнее время арендныя цѣны были еще ниже, а рабочая плата дешева до невѣроятности. Въ Рѣжицкомъ и Лепельскомъ уѣздахъ Витебской губерніи до 1861 года платилось вольнонаемнымъ батракамъ при хозяйскихъ харчахъ 8—19 руб., работницамъ 4—6 р., или помѣсячно (считая въ мѣсяцъ 24 рабочихъ дня) 1 р. 50 к., и зимой 75 к. Въ Минской губерніи поденная плата была за пѣшаго работника 10 коп., за коннаго 15 коп., въ Витебской за пѣшаго 15 коп., 12 коп. зимой.

Понятно, что при такихъ ничтожныхъ платахъ за работу владѣльческія хозяйства процвѣтали, но несомнѣнно также, что вольнонаемный трудъ былъ невыгоденъ и убыточенъ для земледѣльцевъ. Перемѣна, послѣдовавшая въ бытѣ крестьянъ послѣ 1861 г., была здѣсь менѣе чувствительна, чѣмъ въ Великороссіи; улучшеніе цѣнъ было самое слабое, въ большей части уѣздовъ онѣ даже понизились, и изъ всѣхъ полосъ Россіи этотъ край, несмотря на близость рынковъ, внутреннихъ и заграничныхъ, Риги, Кёнигсберга, несмотря на двойную и тройную цѣну хлѣбныхъ продуктовъ, въ сравненіи съ цѣнами черноземныхъ губерній, отличается дешевизной сель-

скихъ заработковъ и низкими арендными платами за земли, признаками бѣдности и хозяевъ, и рабочихъ.

Въ послѣдніе годы нѣкоторые уѣзды Витебской и смежныхъ губерній нѣсколько поправились отъ вновь открывшихся землекопныхъ работъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; но, несмотря на это, большая часть Литвы и Бѣлоруссіи стоитъ еще понынѣ на самой послѣдней ступени народнаго благосостоянія; угнетенія прежней панщины только отчасти объясняютъ эту всенародную нищету сельскихъ сословій; еще суровѣе, чѣмъ крѣпостное право, дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать на крестьянъ хозяйственная эксплуатація евреевъ и польской шляхты, и безземелье нѣкоторой части крестьянъ. Эти послѣдніе—бездомные батраки, кутники, бобыли, огородники—составляютъ около $^1/_4$, въ другихъ уѣздахъ $^1/_5$ сельскаго населенія, и они-то, понуждаемые бѣдностью, предлагаютъ свои услуги за ничтожную цѣну, понижаютъ рабочія цѣны до суммы, недостаточной для прокормленія семейнаго рабочаго.

Послѣдняя группа, подлежащая нашему разсмотрѣнію, есть прибалтійскій край; онъ слыветъ, и по всей справедливости, образцовой страной земледѣлія, разсадникомъ ученыхъ и образованныхъ агрономовъ. Нѣкоторыя части этого края, Курляндія и южные округа Лифляндіи, не отстаютъ по культурѣ отъ наилучше воздѣланныхъ провинцій западной Европы.

Въ Курляндіи въ послѣднее время сельское хозяйство получило сильное развитіе; плодосмѣнная система съ травосѣяніемъ и корнеплодными ввелась не только въ помѣщичьи имѣнія, но и въ крестьянскія хозяйства; почти всѣ полевыя работы исполняются годовыми батраками, поденщиковъ нанимаютъ рѣдко, задѣльная или урочная плата встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ. Батрацкое хозяйство ведется не только помѣщиками, но и крестьянами, и домохозяинъ изъ крестьянъ держитъ среднимъ числомъ 2—3 работниковъ, приблизительно на 20 лофштелей (6—7 дес.) 1 работника. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ пропорція полагается нѣсколько бо́льшая, на 1 работника 10 десятинъ запашки.

Число рабочихъ слѣдующее:

	годов. рабоч.	поденьщиковъ	работницъ.
въ Доблинск. уѣздѣ на 51 имѣн.	1430	261	382
„ Туккумск. „ „ 54 „	1739	240	601

Вольно-наемное хозяйство на собственный счетъ владѣльца есть преобладающая система; арендованіе цѣлыхъ имѣній и помѣщичьихъ фольварковъ встрѣчается рѣдко; подворные крестьянскіе участки сдаются въ оброчное содержаніе по особымъ правиламъ, которыя мы изложимъ ниже.

Въ Лифляндіи хозяйства ведутся отчасти самими владѣльцами, отчасти, почти на половину, управляющими по формальнымъ контрактамъ и на счетъ владѣльцевъ. Переоброчиваніе крестьянамъ встрѣчается рѣдко. Въ 8 уѣздахъ Лифляндской губ. считается 445 имѣній, гдѣ хозяйство ведется самими помѣщиками, 374—гдѣ управляютъ арендаторы или повѣренные экономы, приказчики.

Полевыя работы производятся почти повсемѣстно годовыми рабочими, которые нанимаются по двумъ способамъ: а) батраки (Hofesknechte) живутъ въ усадьбахъ помѣщиковъ, получаютъ жалованья около 50 р., хлѣбное положеніе, примѣрно на 72 р., и, кромѣ того, женатые держатъ на господскомъ кормѣ 2—3 коровы, 4 овцы, и получаютъ огородъ для посѣва овощей и картофеля, что̀, все вмѣстѣ, равняется по цѣнности 175 руб. За эту плату батракъ выставляетъ, кромѣ себя, жену на 60—100 дней въ году, преимущественно на сѣнокосъ и жатье, что составляетъ по цѣнѣ 40—60 коп. въ день, отъ 35—60 руб. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, вмѣсто бабы, батракъ обязывается держать подростка или дѣвку (Alternik, Scharwerker). Такимъ образомъ, при 175 р. жалованья, батракъ работаетъ съ своимъ семействомъ не менѣе 400 дней въ году, что̀ составляетъ средняго заработка около 44 коп. въ день. Въ лѣтнее время поденная плата не менѣе 50—80 коп. за пѣшаго работника, 40—60 коп. за женщину, 1 р. 50 к. за коннаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ батраки нанимаются исключительно латыши и эсты, также нѣмцы, переселяющіеся въ послѣдніе годы изъ Германіи, между тѣмъ какъ русскіе по-

селенцы, обитающіе въ сѣверныхъ округахъ Лифляндіи, около Чудскаго озера, никогда не поступаютъ въ батраки и поденщики, а промышляютъ рыбной ловлей, плотничествомъ и другими ремеслами.

Другой видъ батрачества, такъ называемая Häuslerwirthschaft, бобыльское хозяйство, которое состоитъ въ томъ, что работники, нанимаясь отработывать по 3—4 дня въ недѣлю, получаютъ въ плату жилище, огородъ и небольшую пашню отъ 1—4 десятинъ; работы производятъ господскими орудіями и лошадьми, по цѣнѣ, установленной по контракту. Такіе батраки называются Landknechte. Изъ общихъ свѣдѣній, представленныхъ статистическимъ комитетомъ и другими мѣстными учрежденіями и землевладѣльцами, оказывается, что изъ всего числа 946 имѣній частныхъ владѣльцевъ, въ 301 введено настоящее батрацкое хозяйство (Knechtwirthschaft), въ 341 бобыльское (Häuslerwirthschaft); отъ остальныхъ свѣдѣній не получено.

Эстляндская губ. въ отношеніи земледѣльческой культуры стоитъ много ниже другихъ двухъ остзейскихъ губерній; хотя система хозяйства та же, батрацкая, съ годовыми рабочими, но цѣны еще выше. Недостатокъ рабочихъ рукъ проявляется здѣсь съ бо́льшею рѣзкостію, чѣмъ въ южной части прибалтійскаго края, вслѣдствіе краткости рабочей поры и сосредоточенія всѣхъ мелкихъ работъ въ 2—3 мѣсяца; цѣна поденьщиковъ въ лѣтніе мѣсяцы 80 коп. за мужика, 50—60 за бабу, и, несмотря на эти высокія платы, поденщики не находятся; помѣщики вынуждены заключать особыя условія съ своими крестьянами оброчниками, обязывая ихъ выходить на помощь при уборкѣ хлѣба (Hülfsgehorch) за особую выговоренную въ контрактѣ и очень высокую плату. Вообще, землевладѣльцы Эстляндской губерніи отзываются неблагопріятно о положеніи своихъ хозяйствъ; жалуются на недостатокъ рабочихъ, на постоянное возвышеніе рабочей платы, на переселеніе мѣстныхъ жителей въ русскія губерніи, и заключаютъ изъ этого, что землевладѣльцамъ Эстляндіи слѣдуетъ ограничить свои запашки, упразднить мызы и фермы, и обратиться къ скотоводству, по примѣру ирландскихъ ландлордовъ.

За исключеніемъ Эстляндіи, прочая часть прибалтійскаго

края находится безъ сомнѣнія въ очень цвѣтущемъ сельско-хозяйственномъ положеніи, и это процвѣтаніе мы приписываемъ той причинѣ, что бóльшая часть территоріи всѣхъ трехъ губерній принадлежитъ кровнымъ потомкамъ Ливонскаго рыцарства. Рыцарство это всегда ревниво охраняло свои землевладѣльческія пользы и нужды, управляло страной и народомъ исключительно въ духѣ землевладѣльческихъ интересовъ, а главное, никогда не выпускало изъ рукъ своихъ хозяйствъ, не гнушалось провинціальною жизнію, не передавало своихъ имѣній въ безотчетное распоряженіе арендаторовъ и управляющихъ, и завѣдывало непосредственно на свой счетъ сельско-хозяйственной эксплуатаціей.

Но улучшеніе земледѣльческихъ культуръ, введеніе раціональной агрономіи, процвѣтаніе сельскаго хозяйства, вообще не всегда совпадаетъ съ улучшеніемъ быта народа, т.-е. самихъ земледѣльцевъ, и прибалтійскій край, какъ передовой постъ западно-европейской цивилизаціи, показываетъ намъ всѣ достоинства и недостатки, присущіе соціальному быту нѣмецкихъ земель, т.-е. земель забранныхъ нѣмецкими дворянами.

Здѣсь тоже значительная часть крестьянства (60,772 души мужск. пола) лишена вовсе земли и осѣдлости, другая часть живетъ на бобыльскомъ положеніи, и только третья (74,198 домохозяевъ) пользуется всѣми благами улучшенной культуры, всѣми плодами раціональнаго сельскаго хозяйства, участвуя до извѣстной степени въ общемъ благоустройствѣ помѣщичьихъ имѣній.

Здѣсь, какъ и въ другихъ земляхъ, забранныхъ рыцарскими орденами, представляются факты, повидимому, другъ другу противорѣчащія и поражающія своею странностію. Такъ, между прочимъ, рабочія цѣны стоятъ здѣсь выше цѣнъ смежныхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, а по заявленію мѣстныхъ землевладѣльцевъ, даже въ Курляндіи, лучшей части остзейской окраины, переселенія въ Литву сдѣлались въ послѣднее время такъ сильны, что повліяли на возвышеніе рабочей платы и стѣснили помѣщичьи хозяйства. Въ Эстляндіи движеніе переселенцевъ въ Псковскую, Новгородскую губерніи продолжается безостановочно, и ряды крестьянскаго сословія съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ, такъ что

выходитъ такая странная комбинація, что изъ благоустроенныхъ странъ люди переходятъ въ неустроенныя, съ привольныхъ земель Курляндіи на дикіе пустыри литовскихъ губерній или тощія почвы Новгородской, и изъ края, гдѣ поденщина доходитъ до 80 коп. за лѣтній пѣшій день, и плата годового батрака до 120—175 рублей, въ такія мѣстности, гдѣ работникъ стóитъ въ годъ 80—100 р., а въ день 40—50 коп.!!

Чему же приписать такое ненормальное явленіе, опровергающее всѣ соображенія экономическихъ ученій, которыя, напротивъ, утверждаютъ, что люди, какъ и товаръ, всегда стремятся къ тѣмъ рынкамъ, гдѣ плата за трудъ человѣка и за произведенія труда выше? Не тому ли, что въ человѣкѣ дѣйствуетъ еще другое чувство, кромѣ матеріальнаго инстинкта насущнаго пропитанія, чувство независимаго и обезпеченнаго состоянія, заставляющее его предпочитать собственное имущество при самой скудной обстановкѣ привольному, но униженному житью на чужихъ харчахъ и на наемной работѣ? [8]).

Обойдя такимъ образомъ разныя полосы Россіи, мы постараемся вывести нѣкоторыя заключенія отдѣльно, по каждой изъ нихъ, относительно ихъ сельско-хозяйственнаго положенія.

Первое мѣсто по развитію земледѣлія принадлежитъ, какъ мы думаемъ, двумъ группамъ губерній новороссійскихъ и остзейскихъ; второе — черноземной полосѣ, низовому краю и Малороссіи; послѣднее—сѣверной группѣ нечерноземныхъ губерній, Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Указать по возможности на главнѣйшія причины упадка или развитія сельскаго хозяйства, разстройства или улучшенія земледѣльческаго быта—такова задача, тяжелая задача, которую мы желаемъ хотя нѣсколько разъяснить, не имѣя достаточныхъ данныхъ для ея разрѣшенія.

Земледѣльческая производительность въ послѣднее 12-лѣтіе, 1861—1872 г., положительно усилилась въ Россіи, и находится понынѣ въ періодѣ непрерывнаго

развитія, чтó доказывается двумя непреложными фактами: усиленіемъ отпуска хлѣба на 50 слишкомъ милліоновъ въ сравненіи съ таковымъ же 12-лѣтнимъ періодомъ до 1861 г., несмотря на цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, падающихъ на этотъ новѣйшій періодъ, вздорожаніемъ продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на земли, явленій, засвидѣтельствованныхъ всѣми мѣстными учрежденіями всѣхъ губерній россійской имперіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ крайней сѣверной полосы и нѣсколькихъ губерній сѣверо-западнаго края [9]).

Усиленіе это происходитъ отъ разныхъ причинъ — отъ улучшенія путей сообщенія, поднявшихъ и уравнявшихъ цѣны на сельскіе продукты; отъ прекращенія крѣпостнаго труда; отъ эксплуатаціи новыхъ земель, лежавшихъ при помѣщичьемъ владѣніи впустѣ; отъ распашки громаднаго пространства земель, дербаковъ, старыхъ залежей и лядинъ, производимой крестьянами на владѣльческихъ пустошахъ и степяхъ.

Хотя помѣщичьи запашки нѣсколько сократились, а въ сѣверной полосѣ отчасти упразднились, но общее количество культурныхъ земель отъ этого не уменьшилось; и земледѣліе, переходя въ руки самихъ хлѣбопашцевъ, ежегодно увеличиваетъ на нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ площадь пахатныхъ угодій.

Въ средней сложности, за исключеніемъ крайне-сѣверной полосы и литовскаго края, доходность помѣщичьихъ имѣній и цѣнность ихъ съ 1861 г. возрастаетъ непрерывно; также прогрессивно регулярно возвышается и рабочая плата въ великороссійскихъ, новороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, такъ что изъ этого можно бы заключить о всестороннемъ улучшеніи народнаго хозяйства и благосостояніи обоихъ сельскихъ сословій — землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ.

Однако на этой свѣтлой картинѣ уже начинаютъ выступать нѣсколько темныхъ пятенъ. Самое грозное и, къ сожалѣнію, повсемѣстное бѣдствіе, угрожающее русскому земледѣлію, есть сокращеніе луговодства, уменьшеніе запасовъ корма и происходящее отъ этого стѣсненіе скотоводства.

На эту прискорбную сторону нашего сельскаго хозяйства до сихъ поръ обращали мало вниманія; въ то время, какъ мѣстные и частные неурожаи хлѣбовъ производятъ всякій разъ взрывъ человѣколюбивыхъ чувствъ и порождаютъ цѣлый рядъ патріотическихъ демонстрацій и правительственныхъ пререканій, въ то же время постоянный, повсемѣстный и изъ году въ годъ усиливающійся недородъ травъ проходитъ незамѣченнымъ. Уменьшеніе скота выставляется какъ признакъ или послѣдствіе обѣднѣнія крестьянъ, между тѣмъ какъ, наоборотъ, — малопроизводительность крестьянскихъ земель и бѣдность многихъ сельскихъ обществъ происходитъ отъ недостатка корма и упадка скотоводства.

Въ этомъ отношеніи, со времени освобожденія крестьянъ, происходитъ переворотъ, пагубный для народнаго хозяйства; крестьяне уже въ первые годы послѣ отмѣны крѣпостнаго права распахали почти всѣ свои луговыя угодья; затѣмъ, не заботясь о залуженіи распашекъ и бросая ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали рожать хлѣбъ, устремились на помѣщичьи земли, наддавая цѣны по произволу владѣльца и тоже выпахивая чужія земли, какъ и свои, до полнаго истощенія.

Переворотъ этотъ, впрочемъ, происходитъ не одновременно во всей Россіи; въ черноземной полосѣ уже въ пятидесятыхъ годахъ луговодство почти прекратилось, и только поемные луга еще снабжали этотъ край скудными кормами. Въ степной и сѣверной полосѣ распашка помѣщичьихъ луговъ началась очень недавно, но за то совершается въ такихъ размѣрахъ, что цѣнность хорошихъ луговъ вездѣ превышаетъ цѣну средней пашни, а такихъ покосовъ, которые бы давали 15—20 кучъ или около 50 пуд. сѣна, остается очень немного. Землевладѣльцы въ этомъ отношеніи соперничаютъ съ земледѣльцами, и образованный класъ сельскихъ жителей какъ будто тягается съ необразованнымъ—кто скорѣе извлечетъ изъ почвы послѣдніе соки и производительныя силы.

Новѣйшія свѣдѣнія, собранныя правительственными органами (на этотъ разъ они, къ сожалѣнію, не ошиблись), представляютъ новѣйшую картину хищнической культуры, водворившейся не только въ крестьянскихъ, но и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Во всей сѣверо-западной полосѣ главный источникъ доходовъ помѣщичьихъ имѣній есть сдача земель подъ ляды, подъ рѣзы, дербаковъ подъ распашку, лѣсныхъ порослей на суки, причемъ цѣны доходятъ до невѣроятной дороговизны (въ Порховскомъ уѣздѣ 25, 35, 50 руб., въ Псковскомъ до 70 р.). Въ восточномъ приволжскомъ краѣ бѣлотурка, въ Малороссіи табачныя плантаціи, въ центральныхъ губерніяхъ конопляники, въ степныхъ бахчи играютъ ту же роль, какъ ленъ на сѣверѣ. Бросая свои хозяйства, землевладѣльцы сдаютъ свои земли подъ эти болѣе тяжелые посѣвы, выручаютъ отъ нихъ очень высокія, небывалыя цѣны, и, по мѣрѣ того, какъ выбираются цѣлина, лядины, старыя залежи, растутъ цѣны на нихъ, обогащая временно владѣльцевъ, но истощая почву и растрачивая народное богатство.

Какъ быстро падаетъ цѣнность и доходность земель при такой системѣ хозяйства, можно видѣть изъ примѣра тѣхъ губерній, гдѣ еще имѣются запасы цѣльной земли.

Въ Самарѣ за десятину платится въ годъ: за цѣлину и старую залежь до 6 р., подъ бахчи за десятину 15 р., подъ второй посѣвъ до 6 р., за мягкія земли отъ 75 к. до 4 р. 60 к., за земли въ сѣвооборотѣ отъ 1 р. до 4 р.

Въ Саратовской губерніи, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ еще остаются нови и ковыльныя степи, арендная цѣна ихъ 8, 10, 12 р., за послѣдующій озимый посѣвъ 2, 4, 5 р., за яровой отъ $1^1/_2$ р. до 4 р.

Такимъ образомъ, съ каждымъ посѣвомъ цѣны упадаютъ на 25 и 50%, и временное приращеніе доходности угрожаетъ безпечнымъ хозяевамъ близкимъ и неминуемымъ разореніемъ.

Съ этимъ явленіемъ непосредственно связано и другое, которымъ оно и обусловливается. Это—вырубка и истребленіе лѣсовъ, явленіе слишкомъ извѣстное, чтобы о немъ распространяться. Нужно однако замѣтить, что этому грубому расхищенію народнаго богатства содѣйствуютъ дружно оба сословія сельскихъ жителей, землевладѣльцы и крестьяне, и оба, несогласныя въ прочихъ своихъ интересахъ, какъ будто сговорились совокупными усиліями изводить лѣса по всей русской землѣ. Извѣстно, что русскій крестьянинъ особенно лакомъ на лѣсъ и ничѣмъ нельзя ему угодить, какъ уступ-

кой ему уголка лѣсной дачи. Зная эту его слабость, многіе общественные дѣятели, администраторы и присутствія, играя въ либерализмъ, старались пополнить крестьянскіе надѣлы отрѣзкой лѣсныхъ угодій, чѣмъ и ускорили окончательное обезлѣсенье нашего отечества. Можно утвердительно сказать, что изъ всѣхъ лѣсовъ, отведенныхъ крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, не осталось и одной сотой части подъ лѣсомъ, и, надо прибавить, что это не могло и быть иначе. Лѣсъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, представляетъ самую долгосрочную изъ всѣхъ культуръ; изъ всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ самый продолжительный; поэтому очевидно, что владѣлецъ, нуждающійся въ деньгахъ и неимѣющій запаснаго капитала, не можетъ, хотя бы и хотѣлъ, соблюдать правильные обороты періодическихъ рубокъ, и самымъ своимъ положеніемъ, случайностями своего хозяйственнаго быта, напр. неурожаемъ, принуждается къ сплошной вырубкѣ лѣса и продажѣ его за безцѣнокъ. Поэтому народолюбивые общественные дѣятели и таковые же агитаторы, потворствующіе стремленію крестьянъ къ завладѣнію казенными и частными лѣсами, способствуютъ только скорѣйшему расхищенію лѣсного матеріала и спекуляціи лѣсопромышленниковъ, которые перекупаютъ ихъ у крестьянъ за полцѣны. Съ другой стороны, право истребленія лѣсовъ защищается въ виду интересовъ землевладѣльцевъ, какъ одно изъ священѣйшихъ правъ собственности. Мы также думаемъ, что всякое ограниченіе этого права можетъ быть допущено не иначе, какъ съ крайнею осмотрительностью; но въ настоящемъ случаѣ можно дѣйствовать не принудительными, но понудительными средствами, напр. освобожденіемъ отъ всякихъ налоговъ высокоствольныхъ лѣсовъ, заказныхъ рощей—умѣренной, легкой поденной платой за матеріалъ, вырубаемый по правильной системѣ лѣсного хозяйства—и высшимъ обложеніемъ лѣсныхъ дачъ необмежеванныхъ, неразбитыхъ на лѣсосѣки и эксплуатируемыхъ безпорядочно. Впрочемъ, и здѣсь надо сдѣлать строгое различіе между разными полосами россійской имперіи, и всякія общія мѣропріятія были бы столько же вредны для однѣхъ мѣстностей, сколько полезны для другихъ.

Въ сѣверо-западной полосѣ Россіи, примѣрно между бас-

сейнами Западной Двины и Камы, въ губ. Псковской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Ярославской и далѣе на востокъ—можно опасаться только истребленія строевого, но не дровяного лѣса, и молодая поросль лиственныхъ породъ обсѣменяется и растетъ въ этихъ сырыхъ почвахъ такъ быстро, что рѣдкое народонаселеніе этой полосы, несмотря на все свое желаніе, не успѣваетъ изводить лѣса внутри страны. Но за то онъ безпощадно губится вдоль судоходлыхъ и сплавныхъ рѣкъ.

Другое очень вредное явленіе, принявшее въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ полосахъ имперіи весьма сильное развитіе—арендованіе помѣщичьихъ земель оптовыми съемщиками, передающими свои аренды по мелкимъ участкамъ крестьянамъ-оброчникамъ.

Эта система хозяйства есть зародышъ той системы, которую мы описали въ Ирландіи, и гибельныя послѣдствія коей для самихъ ирландцевъ и англійскаго правительства слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ здѣсь описывать. Въ Самарской и Оренбургской губ. она проявляется въ размѣрахъ уже нынѣ очень крупныхъ, хотя ввелась только въ послѣднее десятилѣтіе; въ Малороссіи и во всемъ западномъ краѣ она существуетъ издавна, но развивается въ настоящее время съ возрастающей быстротой. Хотя дѣйствіе ея въ Россіи, гдѣ бо́льшая часть крестьянъ надѣлена собственными землями, не такъ вредна, какъ въ странахъ съ безземельными хлѣбопашцами, но тѣмъ не менѣе этотъ порядокъ эксплуатаціи есть безусловно самый пагубный для сельскаго хозяйства вообще, ибо дѣйствуетъ, какъ обоюдо-острый ножъ, противъ интересовъ обѣихъ сторонъ — владѣльцевъ и земледѣльцевъ.

Арендаторъ, воздѣлывающій землю на свой счетъ, еще до извѣстной степени заинтересованъ въ поддержаніи ея плодородія, и, чѣмъ длиннѣе срокъ аренды, тѣмъ рѣже наступаетъ срокъ, когда арендаторъ теряетъ этотъ интересъ; но когда ему предоставляется право переоброчивать землю, то прямая его выгода — извлечь изъ сдаточныхъ участковъ наивысшую плату, а для этого предоставить мелкимъ съем-

щикамъ полнѣйшій произволъ культуръ, т.-е. посѣвъ наиболѣе цѣнныхъ хлѣбовъ и продуктовъ.

Такими продуктами слывутъ въ заволжскомъ краѣ бѣлотурка и просо, на сѣверѣ ленъ, на югѣ бахчи, конопля, сурѣпица, подсолнечникъ и другія масляныя растенія. Можно безошибочно принять, что большая часть арендныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ съ оптовыми съемщиками, купцами въ великороссійскихъ губерніяхъ, евреями и шляхтичами въ западномъ краѣ, основаны на томъ разсчетѣ, чтобы въ теченіи арендняго срока обойти всѣ снятыя земли этими посѣвами, выбирая съ десятины по 20, 30, 50 р., выплачивая владѣльцу на кругъ 8—10 р. и оставляя въ пользу промышленника громадные барыши, извлеченные изъ недвижимой, поземельной собственности, изъ нѣдръ русской земли, и обращенные въ движимый капиталъ, переселяющійся вмѣстѣ съ капиталистомъ, по минованіи срока, въ города или въ чужія страны.

Если правительства имѣютъ какія-либо обязанности въ отношеніи сельскаго и народнаго хозяйства вообще, то, намъ кажется, главною изъ нихъ должно быть охраненіе производительныхъ силъ страны. Администраторы не должны бы вмѣшиваться въ распоряженія частныхъ лицъ и обществъ, покуда эти распоряженія не посягаютъ на плодородіе почвы, растительность лѣсовъ, обиліе водъ; но если они, подъ предлогомъ охраненія священныхъ правъ собственности, допускаютъ расхищеніе собственности самими владѣльцами, то такія правленія дѣйствуютъ наперекоръ прямымъ интересамъ страны и народа.

Всего страннѣе то, что вмѣшательство правительства и всякихъ властей всегда, во всѣхъ странахъ, кромѣ развѣ Англіи, допускалось, даже признавалось полезнымъ и необходимымъ въ отношеніи крестьянскихъ хозяйствъ, для которыхъ издавались инструкціи полеводства. Въ Германіи, Польшѣ, Остзейскомъ краѣ системы хозяйства имѣли для крестьянъ обязательную силу и излагались подробно въ сельскихъ уставахъ, инвентаряхъ и грамотахъ. Еще и нынѣ въ Россіи предлагаются и обсуждаются мѣры къ отмѣнѣ такихъ вредныхъ обычаевъ, какъ мірскіе передѣлы. Но въ частномъ земледѣліи, и въ самомъ крупномъ, заводятся и упрочиваются безпрепятственно обычаи и порядки столь же вредные для сель-

скаго хозяйства, и когда рѣчь коснется до нихъ, то принципъ невмѣшательства правительства, искони нарушаемый относительно мелкихъ владѣльцевъ, провозглашается какъ палладіумъ личной и хозяйственной свободы. Справедливѣе было бы признать, что право собственности до извѣстной степени обусловливается пребываніемъ, дѣйствительнымъ владѣніемъ и собственнымъ хозяйствомъ, и что оно ограничивается и теряетъ нѣкоторыя преимущества и права, когда передается другому лицу или въ третьи руки; когда владѣлецъ, постоянно отсутствуя, отчуждается отъ среды мѣстныхъ жителей, когда другое лицо ведетъ хозяйство на свой счетъ, на свой рискъ и на своемъ иждивеніи.

Рента, такимъ образомъ извлекаемая, могла бы быть по всей справедливости облагаема высшимъ налогомъ, чѣмъ доходъ получаемый землевладѣльцемъ крупнымъ или мелкимъ, помѣщикомъ или крестьяниномъ, эксплуатирующимъ свои земли на собственный свой счетъ. Это было бы справедливо, потому что всякій доходъ, получаемый безъ труда, безъ риска, въ установленные сроки, имѣетъ бо́льшія преимущества и удобства передъ приходомъ, добываемымъ личными усиліями, искусствомъ или знаніемъ, хотя бы номинальная сумма ихъ и была бы равная. Такая мѣра, т.-е. обложеніе арендныхъ платъ высшимъ налогомъ, была бы полезна и въ томъ отношеніи, что устранила бы отъ этого дѣла промышленниковъ-спекулянтовъ, занимающихся арендованіемъ имѣній какъ подрядомъ, безъ малѣйшихъ заботъ и познаній о сельскомъ хозяйствѣ, съ единственной цѣлью заоброчивать мелкимъ съемщикамъ земли по высшей цѣнѣ противъ той, которую они платятъ владѣльцамъ.

Послѣдняя статья, которую мы должны разсмотрѣть, есть вліяніе податной системы на русское земледѣліе.

Въ историческомъ очеркѣ, выше изложенномъ, мы объяснили, что земледѣліе и именно пашня составляла издревле на Руси главную, почти исключительную основу всѣхъ прямыхъ налоговъ; пашенный и тягловой крестьянинъ признавался окладнымъ предметомъ, и соха, выть, впослѣдствіи тягло, разсчитывались не по общему числу угодій, а только

по посѣву хлѣбовъ въ трехпольной, коренной пашнѣ. Эта система, несмотря на свою грубость, имѣла то косвенное вліяніе на земледѣліе, что хлѣбопашцы не находили выгоды въ чрезмѣрномъ расширеніи своихъ запашекъ, отчего и гулящей земли, пустошей, выгоновъ, цѣлины оставались громадные запасы.

Когда этотъ счетъ былъ переведенъ съ пашни на души, соображенія землевладѣльцевъ должны были измѣниться, и такъ какъ казенный окладъ падалъ на общество по числу обывателей, то эти послѣдніе старались извлечь изъ всѣхъ своихъ угодій наивысшій доходъ, обращая ихъ въ пашню, выпахивая ихъ безъ удобренія, покуда урожался хлѣбъ, и переходя съ сохой и косой на новыя земли, когда старыя отказывались производить.

Подушная подать имѣла поэтому то послѣдствіе, что усилила экстензивную культуру. Въ настоящее время русское земледѣліе отличается обширной площадью пахатныхъ земель, истощенныхъ до крайности, залуженныхъ и запущенныхъ подъ лѣсъ, но не дающихъ ни травъ, ни лѣсной поросли. Въ этомъ-то положеніи реформа 1861 г. и выкупная операція захватили русское крестьянство.

Къ выкупнымъ платежамъ прибавилось еще возвышеніе всѣхъ прямыхъ налоговъ, возвышеніе, достигшее въ послѣдніе годы громаднаго процента.

Въ настоящее время, по всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціальнымъ путемъ и подтвержденнымъ губернскими и земскими учрежденіями, податные оклады, наложенные на крестьянъ, почти равняются доходу ихъ земель, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ превышаютъ весь приходъ ихъ хозяйства. Такимъ образомъ, прямые налоги всѣ вмѣстѣ, и какъ бы они ни назывались—подушными, поземельными, казенными, земскими или общественными,—падаютъ на земли, надѣленныя крестьянамъ, а такъ какъ земли не покрываютъ платежей, то извѣстная, или, вѣрнѣе сказать, неизвѣстная, часть платежей взимается съ труда, съ промысловъ и заработковъ крестьянъ, т.-е. собственно все-таки съ земледѣлія, такъ какъ оно составляетъ преобладающій промыселъ всей массы податныхъ плательщиковъ.

Предметъ этотъ, т.-е. отношеніе средствъ крестьянъ къ

уплачиваемымъ ими сборамъ, былъ изслѣдованъ въ послѣдніе годы съ такою полнотою, что намъ остается только выписать выводы и заключенія, сдѣланныя самимъ правительствомъ изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ 238 уѣздовъ россійской имперіи.

Первый и самый замѣчательный изъ этихъ общихъ выводовъ есть тотъ, что изъ вышеозначенныхъ 238 уѣздовъ только изъ 7 сдѣланы заявленія объ удовлетворительности средствъ сельскаго населенія, а именно: изъ всѣхъ 5 уѣздовъ Астраханской губ., изъ Павловскаго, Корожескаго и Бендерскаго Бессарабской обл. Всѣ прочія земскія управы и губернскія присутствія заявляютъ: или о несоразмѣрности существующихъ сборовъ съ средствами плательщиковъ, или о томъ, что доходъ съ земель недостаточенъ для уплаты сборовъ, падающихъ на личный трудъ.

Чтб разумѣется подъ словами „личный трудъ", это опять видно изъ тѣхъ же заявленій мѣстныхъ учрежденій. Преобладающее значеніе въ крестьянскомъ быту имѣютъ промыслы только въ 29 уѣздахъ: въ Астраханской губ. (рыболовство), въ Витебской губ. (землекопство), въ Олонецкой, Вятской, Вологодской (лѣсные промыслы и звѣроловство), въ Владимірской и Ярославской (кустарные и фабричные), въ Курской (отхожіе промыслы на косовицу въ Новороссійскій край). Во всѣхъ прочихъ 209 уѣздахъ, по заявленію всѣхъ мѣстныхъ учрежденій и начальствъ, личный трудъ есть хлѣбопашество; промыслы означаютъ тѣ же земледѣльческія работы, которыя извлекаютъ доходъ изъ земли, и поэтому, употребляя обыкновенное выраженіе налогъ на трудъ, мы въ Россіи должны разумѣть подъ этими словами налогъ на земледѣліе.

Итогъ всѣхъ податей съ выкупными платежами составляетъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, 177 мил. рублей; земель же удобныхъ считается—крестьянскихъ 122 мил. десятинъ и владѣльческихъ 77 мил. десятинъ, всего 199 мил. десятинъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ на 1 десятину падаетъ прямыхъ налоговъ 90 коп. Но эта пропорція сильно измѣнится, если мы примемъ въ разсчетъ, что земли обложены не одинаково по разнымъ сословіямъ и вѣдомствамъ; землевладѣльцы платятъ меньше, чѣмъ крестьяне, крестьяне, бывшіе государственные, менѣе чѣмъ, помѣщичьи.

Въ западномъ краѣ по имѣніямъ польскихъ помѣщиковъ

приходится процентнаго сбора 19 коп. за десятину и, кромѣ того, на земскія повинности отъ $3^1/_2$ до 7,4 коп. съ десятины, итого 22,5 — 26,4 коп. Въ великороссійскихъ и другихъ губерніяхъ поземельные сборы съ частныхъ владѣльцевъ составляютъ на десятину въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, отъ 2,06 коп. до 12 — 15 коп., среднимъ числомъ 6,64 коп.; въ губерніяхъ же, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій, отъ 0,9 коп. до 7,46 к., среднимъ числомъ 4,18 коп. [10]).

Сравнительно съ этими платежами землевладѣльцевъ оказывается на крестьянахъ разныхъ наименованій въ 46 губерніяхъ среднимъ числомъ оклада съ десятины—84,8 коп., т.-е. около 12 разъ больше, чѣмъ съ помѣщичьихъ земель въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія и около 20 разъ въ прочихъ.

Но между самими крестьянами оказывается громадная разница окладовъ, смотря потому, къ какому вѣдомству они причислены, хотя бы самыя селенія и земли лежали смежно въ одной волости или даже въ одномъ селеніи.

Подушные сборы падаютъ уравнительно на всѣхъ крестьянъ по числу душъ, составляя среднимъ числомъ 174 коп. съ рев. души, но при разсчетѣ на земли разница между ними значительная, такъ какъ на бывшихъ государственныхъ крестьянъ причитается надѣльной земли среднимъ числомъ около 5 д. на душу, а на помѣщичьихъ около $3^1/_2$.

Относительно выкупныхъ платежей разница еще бóльшая: изъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ извѣстно, выкупилась до сихъ поръ только часть, около $^2/_3$; если же предположить, что выкупная операція будетъ продолжаться въ такихъ же размѣрахъ, какъ она шла доселѣ, то по капитализаціи всѣхъ оброчныхъ и барщинныхъ повинностей, общій итогъ всѣхъ выкупныхъ платежей составитъ около $61^1/_2$ м. въ годъ, или съ 1 ревиз. души 577 коп.

Съ государственныхъ крестьянъ платежей за земли сходитъ менѣе, несмотря на то, что надѣлъ ихъ больше; оброчной подати, соотвѣтствующей оброчнымъ платежамъ помѣщичьихъ крестьянъ, причитается на душу 364 к., т.-е. на 213 к. менѣе [11]). Разность эта оказывается гораздо значительнѣе, если принять въ соображеніе, что многія по-

мѣщичьи имѣнія состоятъ еще на оброкѣ или барщинѣ и что въ такихъ имѣніяхъ, при полномъ надѣлѣ, оброкъ составляетъ не 5 р. 77 к., какъ выше исчислено по среднимъ числамъ выкупныхъ платежей, а 9 руб., т.-е. на душу въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ оброчная плата казенныхъ крестьянъ.

Въ Тверской губерніи сдѣланъ слѣдующій разсчетъ: дворъ крестьянскій, при 3 рев. душахъ и надѣлѣ по 5 дес. на душу у казеннаго крестьянина и 4 дес. у помѣщичьяго (высшій надѣлъ Тверской губерніи), уплачиваетъ разныхъ сборовъ:

	казенный.	помѣщичій.
подушной подати	5 р. 43	5 р. 43
государственнаго земскаго сбора . . .	1 „ 68	1 „ 68
оброчной платы	18 „ 15	27 „ —
губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ.	1 „ 27	1 „ 1
общественнаго сбора	1 „ 17	—
Итакъ съ 1 двора	27 „ 70	35 „ 12
„ 1 души	9 „ 23	11 „ 70
„ 1 десятины	1 „ 84	2 „ 92.

Это соображеніе очень важно для сужденія объ относительномъ благосостояніи крестьянъ въ разныхъ полосахъ имперіи: тамъ, гдѣ процентъ государственныхъ крестьянъ больше, платежи меньше, и наоборотъ.

Такъ, напримѣръ, на 1 десятину крестьянскаго владѣнія въ средней сложности приходится всѣхъ платежей въ губерніяхъ:

Бессарабской, гдѣ госуд.	кр.	706,402,	а помѣщ.	3,060	— 38 к.
Таврической „	„	439,709	„	34,532	— 29 „
Астраханской „	„	207,814	„	12,997	— 10 „

Въ губерніяхъ, гдѣ процентъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ больше, платежи по разсчету на десятину въ два, четыре и почти четырнадцать разъ выше.

Въ Минской, гдѣ государ.	кр.	110,453	помѣщ.	613,110	— 49 к.
„ Лифляндской „	„	128,360	„	670,565	1 р. 10 „
„ Подольской „	„	157,558	„	1.215,192	1 „ 36 „

Если послѣ этого мы читаемъ въ донесеніяхъ губернаторовъ и управъ, что въ Астраханской губерніи состояніе крестьянъ признается вообще удовлетворительнымъ, а въ

Минскѣ, Лифляндіи крайне стѣсненнымъ, то не объясняется ли это отчасти тѣмъ, что въ первой земля (и лучшаго качества) обложена въ 5 разъ меньше, чѣмъ въ Минской и въ 11 разъ меньше, чѣмъ въ Лифляндской—и нужно ли послѣ этого еще выводить глубокомысленныя соображенія о причинахъ упадка крестьянскихъ хозяйствъ.

Всѣ вышеприведенные разсчеты относятся только къ денежнымъ сборамъ, утвержденнымъ правительствомъ и земствомъ. Къ нимъ еще надо причислить такъ-называемые мірскіе сборы, натуральныя повинности, страховые платежи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особыя добровольныя складчины на сельскія школы. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, имѣющіяся по этимъ статьямъ, такъ отрывисты и неполны, что общихъ выводовъ нельзя сдѣлать. О суммахъ мірскихъ повинностей представлены свѣдѣнія только изъ 12 губерній и нѣкоторыхъ уѣздовъ другихъ 4 губерній, по коимъ средній размѣръ этихъ сборовъ составляетъ съ двора 2 р. 21 к., а съ ревизской души $83^1/_4$ коп.

Оцѣнка натуральныхъ повинностей произведена только въ 4 губерніяхъ: въ Пермской выходитъ на душу $34^3/_4$ к., въ Владимірской $68^1/_2$, въ Рязанской, гдѣ принята въ разсчетъ и стоимость рекрутскихъ повинностей по цѣнѣ зачетной квитанціи, 2 р. 28 к., въ Черниговской губ. съ казаковъ 6,3 к., съ крестьянъ 8,9 к.

Страховыхъ платежей сходитъ съ души въ Пензенской губ. 57 коп., въ Рязанской 43 к., въ Харьковской 24 к. Въ Костромской губ. страховые платежи исчислены вмѣстѣ съ мірскими и составляютъ съ души 1 р. 10 к., и въ Вятской губерніи $32^3/_4$ коп.

Доходность крестьянскихъ земель исчислена по 42 губерніямъ и составляетъ по среднимъ выводамъ 1 руб. 63 коп. съ десятины.

Поэтому очевидно, что прямые налоги, взимаемые съ крестьянъ, не могутъ быть покрыты рентой съ земли, что они значительно ее превышаютъ и падаютъ непосредственно на личный трудъ.

Когда земскія управы и собранія, запрошенныя правительствомъ о податной реформѣ, единогласно, за исключеніемъ одного гласнаго Порховского уѣзда, представили поло-

жительные выводы, что сумма крестьянскихъ платежей превышаетъ доходность ихъ земель, то оффиціальные экономисты поспѣшили замѣтить, что подушная подать не есть поземельный сборъ, что она взимается не съ земли, а съ личнаго труда, съ промысловъ и заработковъ, и что сопоставленіе личныхъ платежей съ доходностью угодій есть разсчетъ обманчивый, противный теоріи налоговъ и финансовой наукѣ.

Дѣйствительно, наука и практика другихъ странъ гласятъ, что въ государствахъ, гдѣ бо̀льшая часть или половина населенія, лишенная осѣдлости и поземельнаго владѣнія, промышляетъ личнымъ и притомъ наемнымъ трудомъ, тамъ бо̀льшая часть налоговъ взимается прямо или косвенно съ этого труда, независимо и отдѣльно отъ налоговъ на имущество. Тамъ это различіе можетъ быть проведено, потому что недвижимыя имущества находятся въ однѣхъ рукахъ, а работа, личный трудъ— въ другихъ.

Но въ Россіи землевладѣніе и земледѣліе соединено въ одномъ сословіи, владѣющемъ ²/з всѣхъ удобныхъ земель и воздѣлывающемъ и остальную треть частныхъ, владѣльческихъ земель. Промыслъ всего населенія есть земледѣліе, отчасти свое домашнее, хозяйственное, отчасти наемное, отхожее, но все-таки земледѣльческое. Въ такой странѣ надо признать, не играя словами, что всякій прямой налогъ, взимаемый съ сельскихъ сословій, ложится на земледѣліе, и если рента, чистый доходъ съ земли, не покрываетъ суммы платежей, то излишняя часть ихъ взимается съ той же земли, только не съ доходности ея, а съ труда, употребляемаго на ея воздѣлываніе [12]). Такъ оно и есть въ Россіи.

Чтобы представить полную картину тягостей, лежащихъ на русскомъ земледѣліи, мы приведемъ здѣсь слѣдующіе разсчеты.

Всѣхъ сельскихъ сословій въ Россіи считалось въ 1870 г.— частныхъ землевладѣльцевъ (въ 49 губ.) 313,509 семействъ и крестьянъ всѣхъ наименованій (со включеніемъ Сибири) 7.640,362 домохозяевъ, т.-е. крестьянскихъ дворовъ.

Общее пространство угодій, т.-е. культурныхъ земель, по

новѣйшимъ изслѣдованіямъ опредѣляется такъ (Статистическій Временникъ, Военно-Статистическій Сборникъ):

пахатныхъ земель	95.053,000 десят.
луговыхъ „	54.676,000 „
лѣсовъ (193 мил. десят., изъ коихъ предполагаемъ, что эксплуатируемы по 50-лѣтнему обороту 2%).	3.860,000 „
Итого культурныхъ земель. . .	153.589,000 десят.

Чтобы опредѣлить отношеніе рабочей силы въ этой необъятной площади культурныхъ земель, мы должны означить хотя примѣрное число рабочихъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отчасти земскими управами, отчасти нашими экономистами, гг. Буняковскимъ и Веселовскимъ, крестьянъ-работниковъ муж. пола считается 13.410,000 (земскія управы)—14.768,000 (Веселовскій). Такъ какъ послѣднее число выведено изъ соображеній одного возраста, а первое по дѣйствительному, наличному числу рабочихъ, то надо несомнѣнно принять первое за болѣе достовѣрное; мы получимъ такой итогъ, что для обработки 153½ мил. десятинъ имѣется въ Россіи 13.410,000 работниковъ, или на 1 человѣка около 11½ дес. [13]).

Но мы видѣли въ предъидущихъ нашихъ изслѣдованіяхъ, что самая высшая пропорція, какая полагается для земледѣльческихъ работъ въ благоустроенныхъ хозяйствахъ при помощи машинъ и орудій, при содержаніи рабочихъ (батраковъ) на готовыхъ харчахъ на самомъ мѣстѣ эксплуатаціи (въ фермахъ, хуторахъ), и притомъ въ умѣренныхъ климатахъ, гдѣ полевыя работы продолжаются 7—8 мѣсяцевъ,—что эта пропорція, говоримъ, принимается въ 10 десят. на 1 работника. Курляндскіе крестьяне-собственники держатъ по 1 работнику на 6—7 десят.

Поэтому, если принять въ соображеніе, что означенныя 153½ м. десятинъ разбиты по всей площади европейской Россіи и что для отысканія заработковъ русскіе крестьяне теряютъ много дней на проѣздъ и проходъ, то очевидно, что пропорція 11½ дес. на рабочаго далеко превышаетъ силы рабочаго населенія, и что за покрытіемъ этого запроса земледѣльческихъ работъ сельскимъ жителямъ не остается ни досуга, ни возможности заняться другими промыслами.

Промыслами выгодными и удобными въ Россіи могутъ быть признаны только тѣ, которые производятся независимо отъ земледѣлія, въ мертвый сезонъ полевыхъ работъ, какъ-то: работы на свеклосахарныхъ и винокуренныхъ заводахъ, открывающіяся послѣ уборки хлѣбовъ, лѣсные, извозчичьи промыслы, и т. п. Всѣ прочія производятся въ ущербъ земледѣлію, и сколько выигрываетъ отъ нихъ фабричная промышленность, столько же теряетъ сельское хозяйство. Центральныя, подмосковныя губерніи, Владимірская, Калужская, Ярославская, Московская, гдѣ особенно развиты фабричные промыслы, отличаются въ то же время малопроизводительностію земледѣлія, запущенностью полевыхъ угодій, бѣдностью и распущенными нравами крестьянства.

Мы ведемъ рѣчь къ тому, чтобы указать, что глубокомысленныя соображенія о различеніи налога на земли отъ налога на трудъ, могущія быть вѣрными для другихъ странъ, въ Россіи не имѣютъ основанія, такъ какъ почти весь трудъ русскаго народа примѣняется къ землѣ, и, облагая его особо, мы только облагаемъ земли вдвойнѣ. Изъ 13 слишкомъ милліоновъ сельскихъ работниковъ считалось въ Россіи (въ 1870 г.) фабричныхъ, постоянно занятыхъ мануфактурною промышленностью, всего 463,093; замѣчательно, что въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ число ихъ осталось почти неизмѣнно (въ 1851 г. считалось фабричныхъ рабочихъ 456,586). Въ то же время число фабрикъ и заводовъ удвоилось (въ 1851 г.— 9,256, въ 1870—18,892), а сумма произведеній утроилась— съ 157 милл. въ 1851 г. достигла 452 милл. въ 1870 г.

Изъ этого видно, во-первыхъ, что развитіе мануфактурной промышленности вовсе не способствуетъ развитію личнаго труда; обогащая хозяевъ-предпринимателей, оно не умножаетъ заработковъ, благодаря замѣнѣ труда человѣка силою паровъ и машинъ; во-вторыхъ, что, за исключеніемъ менѣе чѣмъ полмилліона фабричныхъ рабочихъ, около 13 милл. работниковъ посвящаютъ свой трудъ земледѣлію и сельскохозяйственнымъ промысламъ; и въ-третьихъ, что вся сумма прямыхъ налоговъ, именуемыхъ подушными, земскими, мірскими, или натуральными, и составляющихъ 177 милл. руб., падаетъ на эти 13 милл. рабочихъ земледѣльцевъ, среднимъ числомъ по 13 р. 61 к. на человѣка.

Таковы главныя черты современнаго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи.

Постараемся теперь привести ихъ къ одному общему знаменателю, а это особенно трудно, потому что многія изъ нихъ находятся другъ къ другу въ прямомъ и, повидимому, непримиримомъ противорѣчіи. Такъ, между прочимъ, мы выше засвидѣтельствовали, что земледѣльческая производительность положительно усилилась со времени освобожденія крестьянъ. Площадь культурныхъ земель, угодій увеличилась; арендная плата и продажныя цѣны на земли и ихъ продукты постоянно и прогрессивно возрастаютъ,—все это несомнѣнно доказываетъ, что сельское хозяйство не упадаетъ, а, напротивъ, развивается. Но, съ другой стороны, мы также должны признать, что много господскихъ запашекъ въ этомъ же періодѣ упразднилось и что значительный процентъ крестьянъ отказался отъ хлѣбопашества, уступивъ свои надѣльныя земли другимъ владѣльцамъ, безъ приплаты, за одни податные оклады, взимаемые съ этихъ земель;—и это указываетъ опять противное, что землевладѣніе само по себѣ сдѣлалось промысломъ невыгоднымъ, бездоходнымъ и даже убыточнымъ.

Какъ же это согласить?

Относительно крестьянскихъ земель можно объяснить это дѣйствіемъ податной системы, которая, какъ мы выше сказали, облагаетъ ихъ сборами, почти равными ихъ доходности. Но частныя имѣнія, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, пользовались по сіе время почти полною льготою и облагались поземельными сборами почти номинально, отъ 0,9 до 7,46 съ десят., среднимъ числомъ 4,18 коп. Между тѣмъ, отъ землевладѣльцевъ слышно еще болѣе жалобъ на бездоходность земледѣлія, чѣмъ отъ кретьянъ, несмотря на то, что они платятъ въ 12 и до 20 разъ менѣе налоговъ, чѣмъ послѣдніе.

Чтобы разъяснить это смутное положеніе нашего сельскаго хозяйства, надо прежде вспомнить, какимъ порядкомъ оно велось въ предъидущій періодъ крѣпостного права. Въ сѣверной и центральной полосѣ, во всемъ не-черноземномъ краѣ, хлѣбопашество признавалось издавна бездоходнымъ промысломъ, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что помѣщики предпочитали отпускать крестьянъ на оброкъ, чѣмъ

заводить запашки, хотя и пользовались даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ людей; крестьяне же выручали оброкъ и прочіе свои доходы не столько изъ промысловъ, которые были крайне скудны, сколько изъ безпрепятственнаго пользованія всѣми господскими и казенными угодьями, сколько ихъ по смежности было: они пасли свои стада по всему пространству лѣсовъ и пустошей, своихъ и чужихъ, поджигали молодую поросль подъ ляды и суки, рѣзали луга подъ лёнъ, распахивали нивы, рубили лѣса, и все это безъ спроса и вѣдома, но и безъ запрета помѣщиковъ и казны, которые требовали и заботились только объ одномъ—о полномъ поступленіи оброчныхъ и податныхъ платежей.

Въ черноземной полосѣ помѣщичьи запашки дѣйствительно процвѣтали, благодаря крѣпостному труду, но земледѣліе, какъ въ дворянскихъ имѣніяхъ, такъ и въ крестьянскомъ быту, развивалось также ненормальнымъ путемъ: распашкой луговъ и степей и усиленными посѣвами на поляхъ и старыхъ залежахъ бахчей, проса, льна, бѣлотурки и гирки, т.-е. тѣхъ продуктовъ, которые наиболѣе истощаютъ почвы. Такимъ образомъ, валовая доходность земель прогрессивно возрастала, но сельское хозяйство развивалось на счетъ будущей производительности, въ ущербъ плодородію почвы, растительности лѣсовъ, урожаямъ травъ и соломы, и мы быстро приближались къ тому кульминаціонному пункту, когда земля, надѣливъ своихъ владѣльцевъ всѣми дарами, какіе можно изъ нея извлечь въ природномъ ея состояніи, отказывается давать болѣе, или, по крайней мѣрѣ, требуетъ для дальнѣйшей своей обработки другого порядка эксплуатаціи, другихъ системъ хозяйства.

Въ настоящій моментъ нашего экономическаго развитія земледѣліе въ Россіи находится именно на этомъ поворотномъ пунктѣ въ восточной окраинѣ, въ Заволжьѣ, на Уралѣ, въ казацкихъ земляхъ. Кочевой бытъ инородцевъ стѣсняется подходящими русскими поселеніями и скотоводство замѣняется земледѣліемъ; въ другой полосѣ, на Волгѣ и Дону, переложное хозяйство замираетъ и требуетъ неминуемо скорѣйшаго перехода къ трехпольному полеводству; въ черноземныхъ губерніяхъ недостатокъ травъ и кормовъ прямо указываетъ на необходимость ввести въ сѣвооборотъ или траво-

сѣяніе, гдѣ оно принимается, или культуру корнеплодныхъ, т.-е. плодопеременную систему; наконецъ, въ центральной навозной полосѣ усиленные посѣвы льна, распашка пустошей и луговъ, дикая лядинная культура привели сельское хозяйство къ наивысшей, но и послѣдней степени производительности, послѣ которой должна наступить и уже наступаетъ неизбѣжная реакція.

Это и составляетъ, по нашему разумѣнію, характеристическую черту нашего современнаго сельско-хозяйственнаго быта. Явленіе это, впрочемъ, не имѣетъ ничего сверх-естественнаго и чрезвычайнаго, и мы должны признать, что во всѣхъ населенныхъ странахъ наступаетъ въ извѣстное время такой же кризисъ, такой же періодъ перехода отъ экстенсивной культуры къ интенсивной. Но въ другихъ государствахъ Европы перевороты эти совершались гораздо постепеннѣе, между тѣмъ какъ въ Россіи они были задержаны долгимъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, и потому обнаружились, хотя и въ разныхъ видахъ, но почти одновременно въ разныхъ краяхъ имперіи, такъ что восточныя окраины начали населяться и переходить къ осѣдлому хлѣбопашеству въ то же самое время, какъ въ приволжскомъ и новороссійскомъ краѣ трехпольное хозяйство начало вытѣснять переложное, а въ центральныхъ губерніяхъ трехпольная система оказывалась несостоятельной и безнадежной.

Въ серединной Европѣ, какъ мы сказали, переходы эти не были такими общими и внезапными. Кочевой скотоводный бытъ едва ли когда-либо и существовалъ между европейскими народами. Переложное хозяйство, повидимому, велось въ Германіи во времена римлянъ, и Тацитъ свидѣтельствуетъ, что германцы ежегодно мѣняли свои поля (agros per annos mutant), но уже въ началѣ среднихъ вѣковъ трехпольное хозяйство было введено въ бóльшей части саксонскихъ и франкскихъ земель. Перелоги (Koppeln) встрѣчались только въ пограничныхъ округахъ (die Markgegenden), на скандинавскихъ островахъ и въ горныхъ мѣстностяхъ южной Германіи; переложное хозяйство называлось Wechselwirthschaft; впослѣдствіи, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, оно было приведено въ систематическій порядокъ, состоявшій въ томъ, что каждый клинъ переходилъ поочереди, послѣ 2—3 лѣтъ обра-

ботки, подъ выгонъ и залужался на нѣсколько лѣтъ, и эта система называлась Koppelwirthschaft.

Но трехпольное полеводство было уже въ VIII и IX столѣтіяхъ общепринятымъ порядкомъ хозяйства, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, Англіи, Даніи и даже въ южной части Скандинавскаго полуострова. Поэтому можно принять, что въ бо́льшей части Европы трехпольные сѣвообороты съ удобреніемъ существуютъ уже около 1000 лѣтъ.

Точно также и плодоперемѣнное полеводство было введено въ концѣ XVIII столѣтія почти повсемѣстно въ Англіи, потомъ перешло и на континентъ, и въ настоящее время преобладаетъ во всей Европѣ. Въ настоящее время подъ паромъ оставляется самая незначительная часть пашни; въ Саксоніи только 1%, пахатныхъ полей, въ Бельгіи $4^1/_2$%, въ рейнскихъ провинціяхъ 10%, во всей Германіи, въ общей сложности, не болѣе 15—20%.

Но въ Россіи эти переходы, которые въ Европѣ происходили разновременно и исподволь, сошлись всѣ вмѣстѣ, хотя и въ разныхъ полосахъ имперіи, но въ одну эпоху и именно въ настоящую, совпадая притомъ съ другимъ, не менѣе важнымъ, хозяйственнымъ переворотомъ—съ отмѣной крѣпостного труда. Въ одно и то же время проявились самыя разнородныя нужды и требованія, имѣющія однако одно общее значеніе:—старыя системы хозяйства оказываются несостоятельными, а новыя принимаются туго, неохотно, съ колебаніями и ропотомъ. Кочевые инородцы не находятъ болѣе въ своихъ степяхъ прежняго приволья для пастьбы скота и должны для своего спасенья перейти отъ скотоводства къ осѣдлому хлѣбопашеству. Переселенцы прежнихъ временъ, станичники, раскольники, сходцы, послѣ вѣкового разгульнаго житья на Волгѣ, на Дону, на Уралѣ, все болѣе стѣсняются въ пріисканіи новыхъ земель для своей излюбленной системы переложнаго хозяйства, но отъ нея не отстаютъ; бросаютъ свои надѣльныя пашни, чтобы снимать взамѣнъ башкирскія и калмыцкія степи, и залужаютъ подворныя поля, чтобы арендовать дальнія помѣщичьи запашки.

То же самое происходитъ и въ сѣверной, лѣсной полосѣ: собственныя мірскія поля крестьянъ и коренныя пашни помѣщиковъ все болѣе запускаются, лѣсныя нивы расчищаются

и выпахиваются, и пристрастіе земледѣльцевъ къ лядинному хозяйству и къ посѣву льна довело арендную плату на новыя земли или старыя залежи (дербаки) до баснословныхъ цѣнъ (20 и 60 руб. арендной платы въ одинъ годъ за десятину) въ странѣ, гдѣ и капитальная стоимость десятины не выше 30—40 руб.!!

Наконецъ, въ центральной черноземной полосѣ трехпольное полеводство оказывается столь же несостоятельнымъ, какъ переложное на востокѣ; недостатокъ травъ и корма для скота, упадокъ скотоводства, старый обычай не унавоживать полей,—все это привело этотъ благодатный край къ роковому кризису, который нынѣ и наступаетъ и изъ котораго единственный исходъ есть введеніе плодоперемѣннаго хозяйства.

Однимъ словомъ, сельское хозяйство въ Россіи доживаетъ въ наше время до того критическаго момента, когда экстенсивное полеводство разныхъ видовъ должно перейти поочереди къ слѣдующей системѣ интенсивной культуры: кочевое скотоводство къ осѣдлому хлѣбопашеству, переложная система къ трехпольной, и трехпольная—къ плодоперемѣнной,—и то, чтó мы признаемъ разстройствомъ сельскаго хозяйства и приписываемъ разнымъ внѣшнимъ причинамъ, есть прямое послѣдствіе этого явленія, неотвратимаго и наступающаго во всѣхъ странахъ, въ извѣстную эпоху, ихъ населенія и хозяйственнаго устроенія. Но особенность нашего современнаго положенія состоитъ въ томъ именно, что этотъ переломъ обнаружился у насъ почти одновременно на разныхъ ступеняхъ нашей хозяйственной культуры, и что башкиры и калмыки на восточной окраинѣ почувствовали стѣсненіе въ своихъ кочевьяхъ—въ то же время, какъ обыватели Псковской и Смоленской губ. должны были отстать отъ своихъ лядинныхъ и пустошныхъ запашекъ, а жители приволжскихъ и Новороссійскихъ губерній—отъ переложнаго хозяйства. Понятно, что такой переворотъ въ старыхъ обычаяхъ и привычкахъ долженъ былъ произвести всеобщее смущеніе въ классахъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, смущеніе, которое выражается обыкновенно въ жалобахъ на бездоходность земледѣлія и приписывается двумъ главнымъ причинамъ: со стороны землевладѣльцевъ—своеволію рабо-

чихъ, дороговизнѣ рабочей платы и необезпеченности вольнонаемнаго труда, а со стороны крестьянъ — малоземелью. Насколько эти жалобы справедливы — это мы теперь постараемся изслѣдовать.

Первое обвиненіе, повторяемое на всѣхъ толкахъ, со дня освобожденія крестьянъ, о своеволіи рабочихъ, очень трудно констатировать. Нужно бы было собрать болѣе положительныя свѣдѣнія, напримѣръ—о числѣ дѣлъ, производимыхъ по жалобамъ хозяевъ на рабочихъ у мировыхъ судей и въ другихъ инстанціяхъ — или, выбравъ нѣсколько крупныхъ имѣній и хозяйствъ въ разныхъ полосахъ Россіи, запросить у владѣльцевъ: какой процентъ ихъ рабочихъ оказался, въ извѣстное число лѣтъ, неисправнымъ, недобросовѣстнымъ, или обратиться съ такимъ же вопросомъ къ земскимъ собраніямъ, гдѣ засѣдаютъ бòльшею частью наниматели, сельскіе землевладѣльцы, и отобрать у нихъ мнѣнія: признаютъ ли они своеволіе рабочихъ фактомъ, преобладающимъ въ ихъ мѣстности и требующимъ карательныхъ или предупредительныхъ мѣръ?

Покуда эти предварительныя свѣдѣнія не собраны, обвиненіе русскихъ рабочихъ въ своеволіи остается вопросомъ открытымъ, недоказаннымъ.

Что же касается дороговизны сельскихъ рабочихъ въ Россіи, то мы можемъ судить о ней только по сравненію съ другими странами, причемъ должны и опредѣлить среднюю рабочую плату у насъ.

Вслѣдствіе краткости нашего полевого сезона и скопленія всѣхъ рабочихъ въ такъ - называемую лѣтнюю страду, поденныя цѣны въ Россіи колеблются еще болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и средній выводъ изъ нихъ былъ бы очень неточенъ. Вѣрнѣе считать цѣну годового работника и раздѣлить ее на число рабочихъ дней. Въ настоящее время можно принять за среднюю цѣну годового батрака въ большей части Россіи 50—60 р., а съ харчами по 3 и $3^1/_2$ р. въ мѣсяцъ, 86—102 р., или среднимъ числомъ —94 руб. въ годъ.

Рабочихъ дней надо считать у насъ не болѣе 260, за исключеніемъ воскресеній и праздниковъ, и, раздѣливъ годо-

вую плату на это число, мы получимъ среднюю поденную плату полевого работника 36 копѣекъ. Эту плату мы теперь сравнимъ съ иностранными. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что поденщикъ стóитъ въ Англіи 60 коп., во Франціи 50, въ Германіи 35. Поэтому наша цѣна выходитъ нѣсколько ниже англійской и французской и почти равна германской.

Но, разумѣется, такія абсолютныя исчисленія не могутъ рѣшить вопроса, такъ какъ рабочія цѣны во всѣхъ странахъ обусловливаются, съ одной стороны цѣной жизненныхъ припасовъ, съ другой—большей или меньшей населенностью края. Если принять въ разсчетъ хлѣбныя цѣны то, по исчисленіямъ англійскаго экономиста Mac-Culloch-а, выходитъ, что для заработка 3 пудовъ пшеницы или ржи, нужно рабочихъ дней въ разныхъ странахъ свѣта:

	На 3 пуда.	
	Пшеницы.	Ржи.
	Дней.	
Въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ, по свѣдѣніямъ за 1850 г.	12	9,5
„ Ганноверѣ за 1827 г.	—	8,7
„ Округѣ Грацъ (въ Австріи) за 1845 г.	11	8,6
„ Бранденбургѣ (въ Пруссіи) „ 1833 „	7,6	5,4
„ Манчестерѣ (въ Англіи) „ 1820 „	5,5	—
„ Бѣлградѣ (въ Сербіи) „ 1852 „	3	—
„ Канадѣ въ 1852 году	2	1,5
„ Австраліи въ 1849 году	1,5	—
„ Россіи, считая цѣну 1 пуда пшеницы 1 руб., 1 пудъ ржи 50 коп., а поденную плату 36, выйдетъ на 3 пуда пшеницы или ржи рабочихъ дней	8,3	4,1

Итакъ, сравнительно съ хлѣбными цѣнами поденная плата въ Россіи нѣсколько выше, чѣмъ въ Германіи и въ Англіи, но по той же пропорціи много ниже, чѣмъ въ славянскихъ земляхъ, какъ Сербія, или въ малонаселенныхъ странахъ, какъ Канада или Австралія.

Если же принять въ разсчетъ населенность края, то Россія населена настолько же гуще западной Европы, насколько рѣже Канада или Австралія, и поэтому можно признать, что настоящая рабочая плата въ Россіи, занимая средину между высокими и низкими цѣнами, очень близко подходитъ къ нормальной и никакъ не можетъ быть

признана чрезмѣрно дорогой. Но всего болѣе сходства съ Россіей представляютъ, въ отношеніи сельско-хозяйственнаго быта, Соединенные Штаты; сходство состоитъ въ томъ, что коренные, приантлантическіе штаты такъ же густо населены какъ коренныя великороссійскія губерніи; далѣе, въ бассейнѣ Миссиссипи населеніе почти равняется нашему въ Новороссійскомъ краѣ; еще далѣе, за Миссиссипи, населеніе все рѣже, и какъ у насъ за Волгой кончается пустынями и тайгами Сибири, такъ въ Америкѣ преріями Far-west-a. Цѣны хлѣбовъ по мѣстамъ производства тоже невысокія и очень подходящія къ нашимъ: квартеръ пшеницы (11 четвер.) стóитъ на Миссиссипи около 5 долл. (6 р. 60 к.), чтó соотвѣтствуетъ на нашу мѣру 4 р. 85 к. за четверть. Но заработки несравненно выше въ Америкѣ чѣмъ въ Россіи. До 1818 года сельскіе рабочіе стоили такъ дорого, чтó вольнонаемный трудъ дѣйствительно не оплачивался доходами отъ хлѣбопашества; но съ того времени цѣны начали упадать, и съ 1833 года стоятъ почти безъ перемѣнъ. Чернорабочимъ въ восточныхъ штатахъ платятъ отъ 7 до 12 долл. въ мѣсяцъ, на готовыхъ харчахъ ($8^1/_2$ до 16 руб.); въ среднихъ штатахъ полевой рабочій получаетъ въ мѣсяцъ 9 долл. (12 руб.) и хозяйскіе харчи, которые стоютъ въ годъ 65 долл., итого—въ 12 мѣсяцевъ 164 долл. (217 руб.). Наконецъ, въ крайне западныхъ территоріяхъ поденная плата 2 и $2^1/_2$ долл. (266—333 коп.), а мѣсячная плата, кромѣ харчей, 10 долл. ($13^1/_3$ руб.). Изъ этого видно, что при одинаковыхъ условіяхъ населенности, при подобномъ же запросѣ рабочихъ рукъ для обработки пустыхъ земель, наконецъ, при такой же дешевизнѣ сельскихъ продуктовъ, рабочая плата въ Америкѣ выше, а земледѣліе все-таки процвѣтаетъ. Поэтому жалобы хозяевъ-нанимателей на дороговизну наемныхъ рабочихъ не имѣютъ основанія сами по себѣ; по крайней мѣрѣ, не этой причинѣ можетъ быть приписано разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ; цѣны въ Россіи относительно ниже чѣмъ въ другихъ краяхъ, гдѣ хлѣбъ и другіе сельскіе продукты помѣстнаго производства стоютъ не дороже, чѣмъ у насъ; неисправность рабочихъ, уходъ съ работъ происходятъ оттого, что поденная плата у насъ еще не установилась, не достигла того уровня, который бы привлекалъ и удерживалъ поденщиковъ.

Если же, несмотря на эту относительную дешевизну рабочихъ людей и рабочаго скота, земледѣліе у насъ не оплачиваетъ расходовъ обработки, то это происходитъ отъ другихъ причинъ, которыя всѣ сельскіе хозяева смутно сознаютъ, но не имѣютъ силы и способности устранить.

Эта причина—хищническая культура, свирѣпствовавшая безпрепятственно въ Россіи въ теченіи многихъ вѣковъ и понизившая плодородіе нашихъ почвъ до того минимума, при коемъ вольно наемный трудъ дѣлается убыточнымъ и правильное хозяйство немыслимымъ.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса — къ жалобамъ крестьянъ на малоземелье и недостаточность надѣла. Какъ со стороны хозяевъ-нанимателей раздаются безъ умолку жалобы на своеволіе и дороговизну рабочихъ, такъ отъ крестьянъ часто слышатся заявленія о невозможности вести хозяйство на надѣльныхъ участкахъ, по ихъ малымъ размѣрамъ. Прислушиваясь къ этимъ отзывамъ, нѣкоторые русскіе публицисты, ревнуя о народномъ благѣ, уже начинаютъ завѣрять, что надѣлъ крестьянъ вообще былъ крайне скудный и что они нынѣ уже терпятъ стѣсненіе отъ малоземелья. Вообще, въ наши экономическія понятія, и даже въ нѣкоторыя законоположенія новѣйшаго времени вкралась грубая ошибка—что чѣмъ хуже качество почвы, тѣмъ болѣе требуется пространства для содержанія рабочей семьи и тѣмъ шире долженъ быть надѣлъ крестьянскаго двора для его безбѣднаго содержанія и исправнаго отбыванія повинностей. Если взять это положеніе наоборотъ, что при дурномъ свойствѣ почвы слѣдуетъ облегчить податные и выкупные оклады, то выводъ былъ бы основательнѣе; но расширеніе владѣнія можетъ быть скорѣе допущено на плодородныхъ земляхъ, на мелкихъ почвахъ, чѣмъ на тяжелыхъ и малопроизводительныхъ; скорѣе въ умѣренныхъ и теплыхъ климатахъ, чѣмъ въ полуночныхъ и суровыхъ, какъ наша русская земля, гдѣ рабочая пора, вмѣсто 7—9 мѣсяцевъ, продолжается только 4—5.

Пространство владѣнія обусловливается прежде всего рабочей силой владѣльца; денежной, если онъ нанимаетъ рабочихъ, или наличной, семейной, если онъ самъ

воздѣлываетъ свою пашню; надѣлять земледѣльца бо́льшимъ пространствомъ угодій, чѣмъ онъ можетъ обработать тщательно и прилежно, значитъ сулить ему благо, воспользоваться которымъ ему невозможно.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ этотъ предметъ подробнѣе; здѣсь же должны только засвидѣтельствовать, что въ общей массѣ наше крестьянство надѣлено такимъ пространствомъ угодій, какое вполнѣ соотвѣтствуетъ рабочей силѣ этого сословія и едва ли ее не превышаетъ. Здѣсь мы должны опять прибѣгнуть къ сравненію и опыту другихъ странъ. Извѣстно, что въ Германіи, Англіи и во всей средней Европѣ нарѣзка земель подъ крестьянскіе дворы происходила на основаніи точнаго разсчета, сколько рабочая семья, при среднемъ и обыкновенномъ своемъ составѣ, могла обработать. При такомъ нормальномъ крестьянскомъ семействѣ полагалась пара рабочаго скота, воловъ или лошадей, и изъ этого выводилась норма надѣла, называемая гуфой, которая состояла изъ 30, 40 и до 60 моргеновъ ($7^1/_2$, 10 и 15 дес.); въ Англіи — hilde, состоявшая изъ 30 акровъ (11 дес.); въ остзейскихъ губерніяхъ, по мнѣнію всѣхъ мѣстныхъ, безпристрастныхъ и компетентныхъ судей, норма подворныхъ крестьянскихъ участковъ полагается въ 5 талеровъ, примѣрно 15 — 20 дес.; но здѣсь надо замѣтить, что въ нѣмецкомъ и остзейскомъ крестьянскомъ дворѣ выходитъ вдвое и втрое больше душъ, чѣмъ въ русскомъ; въ Пруссіи около 6 душъ м. п., въ Курляндіи 10, въ Лифляндіи 9, въ великороссійскихъ губерніяхъ 3,5.

Вообще, по выводамъ всѣхъ европейскихъ сельскихъ хозяевъ, оказывается, что на 1 рабочаго нельзя полагать болѣе 10 дес. угодій, т.-е. пашни и луговъ; въ остзейскихъ губерніяхъ крестьяне-хозяева держатъ по одному батраку на 6—7 дес. Въ Англіи, при фермерскомъ хозяйствѣ, считаютъ на одного рабочаго отъ 15 до 20 акровъ ($5^1/_3$ и 8 дес.). Сравненіе это тѣмъ болѣе убѣдительно, что какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи рабочая пора продолжается 3—4 мѣсяца долѣе чѣмъ въ Россіи, и поэтому разсчетъ 10 дес. на одного рабочаго въ Германіи, или 8 въ Англіи, соотвѣтствуетъ 7 или 6 въ Россіи. Предпосылая этотъ разсчетъ нашимъ дальнѣйшимъ выводамъ, мы находимъ слѣдующее:

Въ общей сложности, во всемъ крестьянскомъ сословіи въ европейской и азіатской Россіи считается работниковъ муж. п. отъ 13 до 14 милліоновъ, и у нихъ всего удобной земли—122 мил. дес., т.-е. на 1 работника отъ 8,71 до 9,38 десят. собственнаго владѣнія. Пропорція эта нѣсколько превышаетъ средній размѣръ, полагаемый въ другихъ странахъ на работника. Если считать по дворамъ, полагая на 1 дворъ, какъ въ Германіи, 10 дес., или какъ въ Англіи—11, то мы находимъ, что у насъ только въ 6 губерніяхъ размѣръ крестьянскаго двора ниже этой нормы, во всѣхъ же прочихъ много выше и даже въ самыхъ многолюдныхъ губерніяхъ почти равный: въ Курской, по средней сложности, причитается на дворъ 11,05 дес., въ Орловской 11,32, въ Тульской 10,23.

Итакъ, не принимая даже въ разсчетъ чужихъ незаселенныхъ земель: помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ, однихъ собственныхъ надѣльныхъ угодій приходится у нашихъ крестьянъ даже нѣсколько больше, чѣмъ при правильной системѣ хозяйства могутъ они воздѣлать. Но этотъ разсчетъ еще не полный, ибо очевидно, что чужія земли, господскія запашки, казенныя оброчныя статьи, казацкія и инородческія степи обработываются тѣми же крестьянами и неизбѣжно отвлекаютъ часть ихъ рабочей силы; если же причислить къ вышеозначенному итогу, 122 м. десят., прочія удобныя земли частныхъ владѣльцевъ, обществъ, казны и удѣловъ, то мы получимъ на 13—14 мил. сельскихъ работниковъ около 210 мил. дес. въ европейской Россіи (за исключеніемъ казенныхъ лѣсовъ), или на 1 работника своихъ и чужихъ земель 15—16 десят.

Спѣшимъ оговориться, что эти средніе выводы не доказываютъ, чтобы во многихъ мѣстностяхъ крестьяне не были стѣснены малыми надѣлами, но положительно утверждаемъ, что такое стѣсненіе представляется у насъ, по сіе время, только какъ исключеніе, что оно не могло имѣть вліянія на общее благосостояніе крестьянскаго сословія, и что для массы нашего землевладѣльческаго класса настоящій надѣлъ долженъ быть признанъ совершенно достаточнымъ, при одномъ только условіи, чтобы земли воздѣлывались прилежно и правильно.

Наконецъ, мы сошлемся и на другой примѣръ, еще болѣе подходящій къ нашему русскому быту,—это американскіе по-

рядки аграрнаго устройства. Когда въ Америкѣ въ шестидесятыхъ годахъ приступлено было къ распродажѣ казенныхъ земель (public-lands) подъ поселенія, то конгрессъ, имѣя въ виду демократическую цѣль обезпечить мелкимъ собственникамъ пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ, старался опредѣлить такой размѣръ участковъ, который бы соотвѣтствовалъ рабочимъ силамъ семейнаго владѣльца, и принялъ эту норму въ 40 акровъ, т.-е. 14,80 десят. на одинъ дворъ. Норма эта принята огуломъ по всему пространству республики, между прочимъ и для такихъ территорій, гдѣ, какъ у насъ на Кавказѣ или Уралѣ, большая часть земель лежала впустѣ. Поэтому, тоже для сравненія, мы можемъ взять средній размѣръ надѣла одного двора по всей имперіи. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ податной коммиссіей, считалось всего крестьянскихъ дворовъ во всей Россіи, кромѣ Польши, Финляндіи и Закавказскаго края,—7.640,362 и при нихъ десятинъ удобной земли — 122.730,534, т.-е. на 1 дворъ не много болѣе 17 десят.

Изъ этихъ данныхъ считаемъ себя вправѣ заключить, что стѣсненіе нѣкоторыхъ домохозяевъ и обществъ происходитъ не отъ малоземелья, а отъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, и что равномѣрность владѣнія сама собой бы возстановилась, еслибъ были возстановлены вольный переходъ и переселенія. Если въ частности оказывается въ нѣкоторыхъ краяхъ недостатокъ земли, то въ другихъ земледѣліе еще болѣе стѣсняется недостаткомъ рукъ, и въ окончательномъ итогѣ площадь угодій, культурныхъ земель превышаетъ силы рабочаго населенія.

При описаніяхъ экономическаго состоянія какой-либо страны или отдѣльной отрасли ея промышленности, очень легко составить себѣ о нихъ приблизительное понятіе по заявленіямъ заинтересованныхъ лицъ; но такіе отчеты очень часто пристрастны и ошибочны, и когда въ государствѣ нѣтъ общаго представительства, гдѣ частныя и одностороннія мнѣнія, встрѣчаясь, уравновѣшаются и обоюдно поправляются, общіе выводы изъ такихъ отдѣльныхъ мнѣній оказываются очень часто ошибочными.

Такъ, у насъ въ Россіи бездоходность помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ приписывается то неисправности и дороговизнѣ рабочихъ, то малому размѣру мірскихъ надѣловъ.

Государственные люди, защищающіе первый изъ этихъ тезисовъ, точно такъ, какъ и общественные дѣятели или публицисты, ратующіе за увеличеніе надѣловъ крестьянъ, могутъ дѣйствительно ссылаться на безчисленныя заявленія мѣстныхъ жителей въ томъ и другомъ отношеніи.

Мы, однако, думаемъ, что тѣ и другіе ошибаются и что земледѣліе въ Россіи падаетъ по другой причинѣ: хищническая культура прежнихъ временъ отжила свой вѣкъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, и это совпаденіе общественнаго преобразованія съ переворотомъ (еще не совершившимся, но неизбѣжнымъ) въ системѣ полеводства составляетъ главное замѣшательство нашей эпохи.

Но, по непреложному закону всякаго промышленнаго развитія, нельзя ожидать улучшенія ни отъ насильственнаго задержанія рабочихъ, ни отъ расширенія крестьянскихъ надѣловъ. Рабочія цѣны должны еще значительно возвыситься, чтобы придти въ уровень съ запросомъ рабочихъ силъ, и дальнѣйшее вздорожаніе поденной платы неминуемо, покуда свобода передвиженія не будетъ обезпечена сельскимъ жителямъ. Увеличеніе пространства культурныхъ земель будетъ только служить къ продолженію хищнической системы хозяйства, отъ коей необходимо намъ отстать, и чѣмъ шире будетъ надѣлъ крестьянъ-домохозяевъ, тѣмъ долѣе продолжится грубая, небрежная обработка, отъ коей они бѣднѣютъ. Что земледѣліе или, вѣрнѣе сказать, хлѣбопашество не оплачиваетъ расходовъ вольнонаемнаго труда, это вѣрно, но это происходитъ не отъ вины рабочихъ, а отъ самихъ землевладѣльцевъ, которые, запустивъ луга, засоривъ лѣса и выпахавъ пашню, довели свои имѣнія до такого минимума доходности, каковой не покрываетъ расходовъ раціональной земледѣльческой эксплуатаціи.

Что крестьяне и на своихъ собственныхъ земляхъ не находятъ выгодъ отъ хлѣбопашества, это тоже вѣрно и должно быть приписано той же причинѣ, тому именно, что, прихватывая все далѣе и шире чужія пустыя земли, они тратятъ

на нихъ бо́льшую часть своихъ рабочихъ силъ и рабочей, уже и безъ того очень краткой поры, пренебрегая своимъ домашнимъ хозяйствомъ, своими коренными пашнями, для воздѣлыванія отдаленныхъ пустошей и степей.

Такимъ образомъ и землевладѣльцы, и земледѣльцы какъ будто сговорились для скорѣйшаго опустошенія страны и продолжали свою дикую систему хозяйства беззаботно до того рокового часа, когда потребовалось первымъ замѣнить крѣпостной трудъ вольнонаемнымъ, а вторымъ—выплачивать, кромѣ текущихъ расходовъ, экстренную плату за выкупъ своихъ земель. Ни у тѣхъ, ни у другихъ не хватило средствъ и еще менѣе духа и способности для преодолѣнія этого кризиса, который требовалъ съ одной стороны бережливости, перемѣны образа жизни, изученія сельскаго хозяйства, съ другой—трудолюбія и измѣненія грубыхъ пріемовъ залежнаго и ляди́ннаго хозяйства.

Вмѣсто того, оба класса сельскихъ жителей начали приписывать свою неудачу внѣшнимъ причинамъ, сваливая другъ на друга всю вину своего хозяйственнаго разстройства; землевладѣльцы на рабочихъ, земледѣльцы на недостаточный надѣлъ.

Мы полагаемъ и осмѣлимся выразить это мнѣніе, что никакія мѣропріятія не помогутъ сельскому хозяйству въ Россіи, покуда не будутъ выяснены нѣкоторыя общія причины его разстройства и осмыслены главнѣйшія его нужды и пользы.

Общая причина упадка земледѣлія есть истощеніе почвы, истребленіе лѣсовъ, высыханіе луговъ и пастбищъ.

Главнѣйшая нужда есть сбереженіе остальныхъ производительныхъ силъ и возстановленіе ихъ по возможности.

Это сбереженіе выражается, во-первыхъ, въ облегченіи податныхъ окладовъ съ земли или по крайней мѣрѣ въ ихъ уравненіи, по дѣйствительной ихъ стоимости и доходности. Во-вторыхъ, въ разрѣшеніи вольнаго перехода и переселенія крестьянъ, какъ единственнаго средства возстановить пропорцію между запросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ. Въ-третьихъ, въ охраненіи лѣсовъ отъ рубокъ и распашекъ, и пашни отъ хищнической культуры.

Въ слѣдующихъ главахъ мы объяснимъ, что́ нужно раз-

умѣть подъ словами хищнической „системы хозяйства“ и какими способами можно ее ограничить. Само собой разумѣется, что законодательныя и административныя мѣры не могутъ исправить непосредственно самыя системы полеводства; но онѣ могутъ, а если могутъ, то и должны, способствовать скорѣйшему переходу отъ грубой культуры къ раціональной, и на этотъ переходъ болѣе всего имѣетъ, хотя и косвенное, но сильное вліяніе податная система. Она, по сіе время, основана на принципѣ, что вся масса прямыхъ налоговъ падаетъ на земли, заселенныя хлѣбопашцами, и на трудъ самихъ этихъ хлѣбопашцевъ—земледѣліе. Эти земли и люди дали все, чтó могли дать, и приходятъ въ истощеніе отъ непомѣрныхъ усилій на устроеніе такого громаднаго государства, какъ Россія, между тѣмъ какъ всѣ остальныя земли лежатъ впустѣ и на основаніи этой пустоты пользуются льготой отъ податей и повинностей.

По всѣмъ соображеніямъ мы можемъ, какъ кажется, успокоиться на счетъ мнимаго разстройства сельскаго хозяйства въ Россіи, происходящаго будто-бы вслѣдствіе распущенности правъ, слабости управленія, своеволія рабочихъ и пр. и пр. и пр.

Отложивъ излишнія заботы объ упадкѣ, вовсе не существующемъ въ дѣйствительности, нужно вникнуть въ тѣ существенныя, а не побочныя и случайныя преграды, воздвигаемыя обществомъ и попечительнымъ начальствомъ. Главная изъ нихъ, о коей мы выше достаточно распространились, есть нынѣ существующая податная система, завѣщанная намъ прежними поколѣніями привилегированныхъ сословій.

Затѣмъ представляется и нѣсколько другихъ, противъ коихъ нужно принять мѣры:

Частые мірскіе передѣлы въ неопредѣленные сроки есть положительное зло, сознаваемое самими крестьянами. Мы объяснили въ главѣ объ общинномъ землевладѣніи, что признаемъ срочные передѣлы столь же полезными, сколько вредными и разорительными самовольныя разверстанія въ неопредѣленные сроки.

Арендованіе частныхъ земель на короткіе сроки,

безъ обезпеченія съемщика отъ произвола владѣльцевъ, есть такое же зло, какъ и частые передѣлы, и имѣетъ точно такія же и еще худшія послѣдствія, побуждая арендатора извлекать изъ почвы всевозможные продукты при наименьшей затратѣ удобрительныхъ туковъ, и расхищая такимъ образомъ производительныя силы страны.

Оптовое арендованіе помѣщичьихъ земель, съ передачей ихъ по мелкимъ участкамъ крестьянамъ-земледѣльцамъ, есть система несравненно болѣе пагубная для сельскаго хозяйства, чѣмъ общинное землевладѣніе. Чтобы убѣдиться въ дѣйствіи и послѣдствіяхъ, мы просимъ читателя вспомнить объ Ирландіи, и сообразить, что въ Россіи является цѣлый классъ таковыхъ же посредниковъ (middlemen) евреевъ и поляковъ — въ западномъ краѣ, купцовъ — въ восточной полосѣ.

Само собой разумѣется, что можно пріискать и много другихъ частныхъ явленій, въ которыхъ выражается то улучшеніе, то ухудшеніе сельскаго хозяйства. Мы прочли одну замѣчательную записку, гдѣ выведены въ отдѣльныхъ рубрикахъ (такъ это названо) 40 статей улучшенія и 93 ухудшенія, и такъ какъ за вычетомъ 40 изъ 93 остается 53, то изъ этого баланса и сдѣлано заключеніе объ упадкѣ сельскаго хозяйства. Но мы здѣсь старались удержаться въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ и упомянули только о тѣхъ явленіяхъ, противъ коихъ можно принять мѣры, которыя можно регулировать законодательствомъ.

Установленіе сроковъ для передѣла крестьянскихъ земель и арендованіе частныхъ владѣній, по нашему разумѣнію, первый, наиболѣе нужный и дѣйствительный шагъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Постановленіе о вознагражденіи срочнаго владѣльца за удобреніе, и вообще за затраты, сдѣланныя имъ на чужую землю, на счетъ общества въ мірскихъ земляхъ, или на счетъ помѣщика въ частныхъ имѣніяхъ была бы также существенно полезная мѣра. Съемка земель изъ вторыхъ рукъ, раздробительная передача арендъ отъ оптовыхъ съемщиковъ мелкимъ оброчникамъ должна быть безусловно запрещена не однимъ евреямъ, а всѣмъ и каждому, безъ различія національностей и сословій.

Всѣ таковыя мѣры, а ихъ не много, имѣютъ одинъ ха-

рактеръ и одно направленіе: поощреніе собственной эксплуатаціи самого хозяина, или долгосрочнаго арендатора на его собственный счетъ—такъ, чтобы первый былъ заинтересованъ въ поддержаніи производительныхъ силъ почвы, а второй имѣлъ бы ручательство, что затраты, дѣлаемыя на улучшеніе культуры въ чужомъ имуществѣ, не останутся безъ приличнаго вознагражденія. Тотъ же законъ можетъ быть примѣненъ и къ общинному владѣнію, въ такомъ смыслѣ, что хозяинъ, не удобрившій свою полосу въ теченіи одного сѣвооборота, лишается права обмѣна своей полосы на другую.

По крайнему нашему разумѣнію, цѣль—сбереженіе производительности, плодородія, растительности—и составляетъ единственный предметъ сельско-хозяйственнаго управленія, къ коему можетъ, а если можетъ, то и должно быть приложено попеченіе правительства, земства и общества. Не ихъ дѣло завѣдывать разными отраслями земледѣлія, оказывать предпочтеніе такой-то системѣ хозяйства передъ другой, крупной культурѣ передъ мелкой, или участковому владѣнію передъ мірскимъ, испытывать орудія, заводить образцовыя фермы, регулировать отношенія рабочихъ къ хозяевамъ, осушать болота, насаждать лѣса.

Сельско-хозяйственное управленіе можетъ имѣть въ виду только одно—устраненіе тѣхъ дѣйствій и порядковъ, которые расхищаютъ богатство страны или силы народа; а такъ какъ они устраняются сами собой, когда интересъ землевладѣльца совпадаетъ съ интересомъ земледѣльца, когда эксплуатація производится непосредственно хозяиномъ—то высшій законъ сельско-хозяйственнаго управленія, по нашему мнѣнію, можетъ быть формулированъ такъ:

Поощрять по возможности хозяйственный трудъ какъ помѣщика, такъ и крестьянина, воздѣлывающихъ землю на свой счетъ и рискъ, и, наоборотъ, устранять системы хозяйства, основанныя на арендованіи, фермерствѣ, переоброчиваніи имѣній, съемкѣ земель по мелкимъ участкамъ и на короткіе сроки, потому собственно, что эти системы приводятъ неминуемо большую часть хозяйствъ къ хищнической культурѣ.

Мѣры эти, очевидно, не могутъ быть приняты безъ нѣкотораго стѣсненія распорядительной власти собственниковъ.

На этомъ основаніи онѣ по сіе время отвергаются наукой и цивилизаціей европейскихъ обществъ. Наука и цивилизація допускали, чтобы правительство и всякія власти распоряжались хозяйствами мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, расторгали общинное владѣніе, переселяли домохозяевъ, сочиняли для нихъ уставы, инвентари, положенія; но не терпѣли никакого вмѣшательства въ право распоряженія другого разряда собственниковъ — дворянъ-землевладѣльцевъ.

Хищничество было формально организовано и привилегировано во многихъ странахъ подъ названіемъ арендныхъ системъ, выгоннаго хозяйства, и подъ прикрытіемъ священныхъ правъ собственности. Тѣ же самые ученые экономисты и практическіе хозяева, которые не усумнялись предписывать сельскимъ обществамъ порядокъ сѣвооборотовъ, лѣсныхъ рубокъ, прогона и выгона скота, приходили въ ужасъ отъ предположенія ограничить въ чемъ либо распоряженія землевладѣльцевъ, регулировать право арендованія или предоставить наемникамъ равныя права съ нанимателями.

Такимъ образомъ, для сельскихъ хозяевъ приняты двѣ мѣры и два вѣса: если они люди простые и называются крестьянами (cultivateurs, Bauern), то вмѣшательство въ ихъ хозяйственное управленіе признается первымъ долгомъ попечительныхъ правительствъ, если же они люди образованные и именуются помѣщиками (propriétaires, Gutsbesitzern), то такое вмѣшательство признается посягательствомъ на священныя права собственности. Это отличіе отчасти объясняется или даже оправдывается тѣмъ предположеніемъ, что люди образованные лучше постигаютъ свои пользы и выгоды, болѣе способны къ самостоятельному веденію хозяйства. Мы, пожалуй, согласны допустить и эту нѣсколько казуистическую аргументацію, хотя и сомнительно, чтобы общее образованіе безъ практики давало высшимъ сословіямъ вѣрный взглядъ на сельское хозяйство.

Во всякомъ случаѣ надо уже довести такую аргументацію до конца, до практическихъ выводовъ: если образованный хозяинъ самъ ведетъ свое хозяйство, прилагаетъ къ нему свой трудъ или свои познанія, то онъ можетъ пользоваться полною самостоятельностью. Но когда онъ добровольно отказывается отъ своей распорядительной власти и передаетъ

другимъ эксплуатацію своего имѣнія, то этотъ доводъ теряетъ уже всю свою силу; его личный интересъ въ такомъ случаѣ совершенно отрывается отъ земледѣлія; получая чистую, неизмѣнную ренту, независимую отъ урожая и доходности, онъ вовсе отчуждается отъ сельскаго хозяйства и на его мѣсто становятся другіе промышленники, интересъ коихъ, противный раціональной агрономіи, состоитъ въ болѣе или менѣе хищнической культурѣ, въ извлеченіи изъ почвы наибольшей доходности въ кратчайшій срокъ и съ наименьшими затратами.

Въ такомъ случаѣ правительство или земство должно замѣнить отсутствующаго хозяина и принять мѣры къ огражденію высшаго интереса страны и народа — производительности почвы.

Мы приходимъ къ заключенію, что право арендованія подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ:

a) владѣлецъ, сдающій свои земли въ аренду, теряетъ имущественный цензъ, соотвѣтственно числу сданныхъ десятинъ земли; крестьянинъ, передающій свою полосу другому поселянину, теряетъ голосъ на общественныхъ сходахъ.

b) всякія арендныя сдѣлки, заключенныя на сроки менѣе 3 лѣтъ, не имѣютъ законной силы, не принимаются къ засвидѣтельствованію и не подлежатъ судебному или исковому разбирательству.

c) въ арендныхъ условіяхъ, заключенныхъ на сроки болѣе 3 лѣтъ, должно быть выговорено, что, въ случаѣ желанія съемщика продолжать срокъ аренды, владѣлецъ обязывается допустить его къ дальнѣйшему арендованію на одно трехлѣтіе, съ надбавкой цѣны не болѣе такихъ-то процентовъ. Если это не оговорено, то процентъ установляется по закону не болѣе 2% въ годъ первоначальной арендной платы.

d) арендаторъ имѣетъ право требовать вознагражденія за улучшеніе и капитальныя работы, произведенныя въ имѣніи, а именно: проводъ новыхъ канавъ и прочистку старыхъ, расчистку лѣса подъ сѣнокосъ и пашню, постройку или поправку хозяйственныхъ (не жилыхъ) строеній, плотинъ, га-

тей, полевыхъ дорогъ и мостовъ; мѣра вознагражденія, если о томъ не послѣдуетъ соглашенія, опредѣляется по суду.

е) съемщикъ, заключившій контрактъ объ арендѣ имѣнія съ землевладѣльцемъ, не имѣетъ права переоброчивать земли другимъ съемщикамъ по цѣнѣ высшей чѣмъ та, которую онъ самъ платитъ владѣльцу, и всѣ таковыя лихвенныя арендныя платы, по заявленію о нихъ плательщикомъ, понижаются до размѣра той платы, которая установлена по контракту въ пользу владѣльца.

Такое ограниченное право распоряженія своимъ имуществомъ покажется, вѣроятно, какъ мы уже выше сказали, нарушеніемъ правъ собственности и возбудитъ, безъ сомнѣнія, ярое сопротивленіе того тунеяднаго класса землевладѣльцевъ, который споконъ вѣка пріютился къ столицамъ, при дворахъ государей; который, извлекая изъ обширныхъ и отдаленныхъ своихъ имѣній громадныя ренты, проживаетъ ихъ въ другой средѣ на предметы прихоти и роскоши или въ чужихъ краяхъ и обществахъ.

Для такого класса стѣсненіе арендной системы хозяйства будетъ, дѣйствительно, очень чувствительно, и въ извѣстныхъ случаяхъ заставитъ ихъ распродавать слишкомъ пространныя помѣстья, которыя не могутъ быть воздѣланы собственными силами владѣльца; въ другихъ случаяхъ также принудитъ ихъ покинуть службу и свѣтскую жизнь, чтобы посвятить свои силы и способности эксплуатаціи своихъ имѣній. Но если абсентеизмъ крупныхъ и образованныхъ собственниковъ признается вообще вреднымъ; если для успѣховъ земледѣлія, для улучшенія внутренняго быта и общественнаго мѣстнаго управленія признается полезнымъ, чтобы сельская интеллигенція усилилась и была на мѣстахъ; если желательно, чтобы крупная и мелкая культура, господскія запашки и крестьянскія хозяйства уживались дружно и мирно въ одной общественной средѣ, помогая и не мѣшая другъ другу, то нѣтъ, по нашему мнѣнію, другого способа для привлеченія землевладѣльцевъ къ сельскому хозяйству, какъ ограниченіе и до извѣстной степени регламентація права арендованія.

Воображать себѣ, что предоставленіе богатымъ собственникамъ особыхъ привилегій или власти въ дѣлахъ внутрен-

няго управленія можетъ удержать ихъ въ своихъ помѣстьяхъ, это намъ кажется мечтательнымъ предположеніемъ, которое, въ особенности въ Россіи послѣ опыта послѣдняго столѣтія, допущено быть не можетъ. Во все время дворянской вольности, съ изданія дворянской грамоты до 1861 г., вся власть, помѣщичья по крѣпостному праву и общественная по уставу о службѣ по выборамъ, была предоставлена землевладѣльцамъ и сосредоточена въ рукахъ самыхъ богатыхъ изъ нихъ, такъ какъ для ценза требовалось не менѣе 100 душъ или 1000 десятинъ. Между тѣмъ въ этомъ-то періодѣ и произошло совершенное отчужденіе высшаго разряда нашихъ дворянъ отъ сельскаго быта и народной жизни.

Абсентеизмъ сдѣлался и въ Россіи нормальнымъ явленіемъ, какъ въ Ирландіи, въ царствованія Александра и Николая Павловичей, и нѣсколько уменьшился послѣ 1861 г., когда помѣщичья власть была отмѣнена, а право самоуправленія отнято у дворянства, когда преобразованіе помѣщичьихъ хозяйствъ потребовало личнаго присутствія господъ.

Поэтому мы думаемъ, что на сословіе землевладѣльцевъ надо дѣйствовать, въ виду ихъ собственныхъ пользъ и пользы народнаго хозяйства, понудительно, связывая ихъ личные интересы съ интересами страны и народа. Точно такъ, какъ въ главѣ объ общинномъ землевладѣніи мы признали необходимымъ ограничить произволъ сельскаго общества по разверстанію угодій и передѣламъ, такъ и въ частномъ владѣніи считаемъ нужнымъ регулировать арендованіе помѣщичьихъ имѣній по одному и тому же высшему праву, первостатейному интересу—что передѣлы мірскихъ полей и краткосрочныя аренды, если они производятся самовольно безъ нормальныхъ сроковъ и безъ обезпеченія временныхъ съемщиковъ отъ произвола обществъ и владѣльцевъ, одинаково расхищаютъ производительныя силы государства.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Псковская управа описываетъ такъ положеніе крестьянъ этой губерніи: „Что касается до мѣстности, гдѣ льняного промысла не существуетъ, то положеніе крестьянъ въ ней съ каждымъ годомъ становится безъисходнѣе чтó фактически показалъ Холмскій уѣздъ, потребовавшій значительныхъ льготъ для себя.

„Но и льняной промыселъ нельзя еще считать прочнымъ. Крестьяне годъ отъ году усиливаютъ льняныя запашки; но такъ какъ ленъ сѣется у насъ безъ всякаго удобренія земли, то, очевидно, должно слѣдовать постепенное истощеніе почвъ. Это замѣтно уже и теперь, когда крестьяне начинаютъ роптать, что ленъ на ихъ яровыхъ поляхъ родится дурно и требуетъ новой земли или найма ея. Вслѣдствіе бóльшаго занятія земли подъ ленъ, крестьяне перестаютъ обращать особенное вниманіе на обработку своихъ полей подъ хлѣбъ.

„Это видно изъ того, что въ льняныхъ уѣздахъ скота содержится вдвое меньше противъ тѣхъ, гдѣ льна на продажу не обработывается. Такимъ образомъ, поля крестьянскія должны все болѣе и болѣе приходить въ запустѣніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рядъ послѣднихъ неурожаевъ зависѣлъ какъ отъ климатическихъ условій, такъ и отъ истощенія крестьянскихъ полей посѣвомъ льна.

„Чтобы наглядно представить, какъ съ увеличеніемъ льняныхъ засѣвовъ уменьшается количество получаемаго хлѣба, представляется слѣдующая таблица о движеніи льна и хлѣба по желѣзной дорогѣ за послѣднія 9-ть лѣтъ:

Вывезено изъ губерніи			Ввезено въ губернію	
1860 г.	льна	233,555 п.	хлѣба въ зернѣ и мукѣ	20,677 п.
1861 „	„	278,220 „	„ „ „ „ „	66,180 „
1862 „	„	482,067 „	„ „ „ „ „	неизвѣстно
1863 „	„	566,448 „	„ „ „ „ „	420,456 „
1864 „	„	535,724 „	„ „ „ „ „	508,923 „
1865 „	„	993,292 „	„ „ „ „ „	654,124 „
1866 „	„	592,711 „	„ „ „ „ „	1.030,982 „
1867 „	„	851,587 „	„ „ „ „ „	491,666 „
1868 „	„	1.254,934 „	„ „ „ „ „	1.824,240 „
1869 „	„	1.069,525 „	„ „ „ „ „	1.780,647 „

„При этомъ нельзя не обратить вниманія на существенно важный недостатокъ губерніи въ прямомъ водяномъ или рельсовомъ сообщеніи съ низовьемъ Волги и черноземною, хлѣбородною полосою имперіи. Вслѣдствіе этого недостатка, губернія поставлена въ необходимость получать недостающій ей хлѣбъ окольными желѣзными дорогами, причемъ цѣна его по доставкѣ на мѣсто значительно увеличивается сравнительно даже съ петербургскими цѣнами, и затѣмъ еще гораздо болѣе возрастаетъ при перевозкѣ его въ дальніе уѣзды на

подводахъ, особенно во время распутицы". (Труды под. ком. Часть 3-я. Отд. 2, стр. 582).

в) Подсѣчное или огневое хозяйство представляетъ, какъ извѣстно, ту первобытную форму земледѣлія, при которой, для обращенія новой нерасчищенной еще земли въ состояніе годное для хлѣбопашества, прибѣгаютъ къ выжиганію лѣса, а иногда кустарника или дерна.

Выжигъ лѣса называется вообще лядомъ, кустарника—сыросѣкомъ, а дерна—кубышомъ. Сущность ляднаго хозяйства состоитъ въ томъ, что весной срубаютъ деревья, сначала болѣе крупныя, а за ними и молоднякъ; осенью обрубаютъ съ поваленныхъ деревьевъ сучья и вѣтви, и, отобравъ строевой и дровяной лѣсъ для своза по первозимью, весь остающійся хворостъ сносятъ въ кучи или костры, которые остаются всю зиму подъ снѣгомъ; раннею весною ляду выжигаютъ и по охладившейся (всю зиму) гари тотчасъ производятъ посѣвъ безъ всякаго приготовленія почвы, или же съ легкимъ перепахиваніемъ земли, если лядо вышло неровное. Выжженные участки обсѣваютъ безъ всякаго удобренія на второй, третій и даже четвертый годъ и болѣе; есть лѣсные участки, гдѣ отъ опадавшихъ въ теченіи долгаго времени листьевъ образовалось до полуаршина чернозема, на которомъ получается безъ удобренія до 10-ти жатвъ. Въ самыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, на полядкахъ высѣваютъ лишь одинъ ячмень, нѣсколько южнѣе,—рожь, ленъ, а въ среднихъ губерніяхъ даже яровую пшеницу. Урожаи на лядахъ бываютъ весьма обильны, наприм., рожь и ячмень—самъ-7, овесъ—самъ-5, а нерѣдко и гораздо болѣе.

Сыросѣки, для которыхъ выжигается мелкій кустарникъ, уступаютъ лядамъ въ плодородіи, и рѣдко даютъ болѣе двухъ жатвъ, послѣ которыхъ пользуются еще двумя укосами сѣна; чаще всего сыросѣки обращаютъ подъ ленъ и тогда они получаютъ названіе льницъ, на которыхъ для посѣва льна дѣлаютъ такъ называемые рѣзы. Наконецъ, кубыши или мѣста подъ выжженнымъ дерномъ засѣваютъ лишь рожью, которая на первый годъ даетъ большею частью хорошій урожай, на второй годъ урожай кубышей уже ничтоженъ, а на третій и овесъ выходитъ лишь самъ-другъ. Выжиганіе дернины усвоено преимущественно финнами, а потому кубыши въ большомъ употребленіи въ Финляндіи, въ Петербургской и въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Система огневого хозяйства принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ и особенно долго держится тамъ, гдѣ народу приходится занимать обширныя лѣсныя пространства, расчистка коихъ подъ пашню легче всего дѣлается при помощи огня.

Эта система можетъ быть названа вообще хищническою, ибо она только беретъ изъ земли составныя ея части, но ничего ей не возвращаетъ.

У насъ она господствуетъ въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской, почти во всей Финляндіи, кромѣ прибрежной полосы, а также переходитъ въ смежныя губерніи: Новгородскую (Бѣлозерскій уѣздъ), Костромскую (уѣзды Солигаличск. и Ветлужск.), Вятскую (уѣзды Слободской и Глазовскій) и Пермскую (уѣзды Чердынскій и Верхотурскій). Впрочемъ, и въ предѣлахъ господства подсѣчнаго хозяйства встрѣчаются полосы, гдѣ огневая система уже оставлена и замѣнена трехпольною, напр., въ Шенкурскомъ уѣздѣ

Архангельской губерніи, въ Грязовецкомъ, Вологодскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, Вологодской губерніи (Военно-статистическій сборникъ, стр. 234.)

---

[3]) Работа съ гнѣзда есть новая форма вольнонаемнаго труда, сдѣлавшаяся общеупотребительной и извѣстной въ новѣйшее время послѣ освобожденія крестьянъ въ помѣщичьемъ быту, хотя она въ крестьянскомъ существуетъ издавна; она состоитъ въ томъ, что за извѣстную плату отдается вся обработка и уборка одной десятины, въ каждомъ изъ трехъ полей, и, сверхъ того, 1 дес. луга, т.-е. посѣвъ, уборка, вывозка и запашка навоза, сѣнокошеніе съ выставкой скирдъ, иногда и молотьба. Обыкновенно, цѣлое селеніе или нѣсколько крестьянъ-домохозяевъ берутъ за круговой отвѣтственностію нѣсколько гнѣздъ и принимаютъ на себя не только молотьбу, но и подвозку дровъ къ ригѣ для сушки хлѣба.

За гнѣздо, состоящее такимъ образомъ изъ 3-хъ дес. пашни и 1 сѣнокоса, платится въ Смоленской губ. 18 руб. и 22 руб., а съ молотьбою 25 руб.

Обычай этотъ очень распространился въ Псковской, Смоленской, Новгородской, Тверской и прочихъ сѣверо-западныхъ губ. Въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губ., на обработку круглой десятины въ 3 поляхъ платятъ 25 руб. За эту плату крестьянинъ обязанъ: 2 раза вспахать паръ, вывезти навозъ, 2 раза вспахать подъ яровое, сжать рожь и овесъ и зимой вымолотить (подвезти и высушить долженъ самъ помѣщикъ); кромѣ того выставить 3 погонныя сажени сѣна, полагая на сажень 60 пудовъ.—Въ Тверской губ. за круговую десятину платятъ безъ молотьбы 18—20 руб, съ молотьбой 29. Въ Псковской губ. отъ 25 до 31 рубля. Сдѣлки этого рода пришлись очень по нраву многимъ помѣщикамъ, по причинѣ простоты и ясности хозяйственныхъ разсчетовъ, облегчающихъ трудъ эксплуатаціи; для крестьянъ онѣ представляютъ ту выгоду, что работа ихъ распредѣляется по ровну на все время рабочей страды, и эта выгода,—неоцѣненная для русскаго хлѣбопашца, который, по краткости лѣта, обрекается въ извѣстное время года на непосильный трудъ; въ этомъ отношеніи работа съ гнѣзда или съ круга заслуживаетъ предпочтеніе передъ другими формами издѣльнаго найма. Къ сожалѣнію, она не выходитъ изъ извѣстнаго круга волостей и уѣздовъ, и, кажется, неизвѣстна въ центральной и южной Россіи (Труд. комм. для изслѣдованія сельск.-хоз. Сводъ свѣдѣн. Отд. 1, стран. 123).

---

[4]) Несоразмѣрность платежей разныхъ разрядовъ крестьянъ замѣчается не въ однѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ другихъ губерній:

	въ Московской губ.		въ Псковской губ.		въ Рязанской губ.	
	съ ревизской души.				съ двора.	
Съ государственныхъ крестьянъ взимается всѣхъ платежей.	9	32	12	19	28	65
Съ помѣщичьихъ.	12	47	19	76	36	61
Съ удѣльныхъ.	7	96	—	—	—	—

---

*) Вотъ примѣръ распредѣленія работъ въ Курской губ., который мы заимствуемъ изъ интересной статьи г. Чаславскаго, „Торговля въ Ригѣ".

„Чтобъ сдѣлать очеркъ быта курскихъ крестьянъ въ южныхъ уѣздахъ, приводимъ въ примѣръ Ракитнянскую волость въ Грайворонскомъ уѣздѣ. Въ этой волости считается 2645 ревизскихъ душъ. Крестьяне принадлежали прежде кн. Юсупову, теперь они на выкупѣ и имѣютъ надѣлъ по 2,75 десятины на ревизскую душу. Съ своего надѣла крестьяне не могутъ имѣть достаточно средствъ для продовольствія. Поэтому они снимаютъ у Ракитнянской экономіи до 3000 десятинъ въ озимомъ полѣ и до 2500 десятинъ въ яровомъ, частью за деньги (по 7 р. 50 к. за дес.), частью съ отработкою десятины за десятину (экономія, по переходѣ крестьянъ на выкупъ, обработываетъ только часть земли, около 1000 десятинъ, отдавая ихъ на обработку крестьянамъ, десятину за десятину; остальную, около 4500 десятинъ, сдаетъ крестьянамъ въ аренду за деньги).

„Но дохода съ съемныхъ земель, за уплатою аренды, составляющей до 35,000 руб., далеко недостаточно на покрытіе недостатковъ въ продовольствіи, кормахъ и проч.. и на уплату налоговъ, такъ какъ крестьяне, кромѣ подушной подати, земскихъ и мірскихъ повинностей, платятъ еще по 7 руб. 20 коп. выкупныхъ платежей съ души и по 3 руб. дополнительнаго платежа владѣльцу (разсроченнаго на 40 лѣтъ); такъ что всѣхъ налоговъ приходится платить болѣе 14 руб. съ ревиз. души. Поэтому почти половина взрослаго мужскаго населенія уходитъ ежегодно на заработки, преимущественно на лѣто, на югъ, въ Таврическую и Екатеринославскую губерніи. Изъ 2645 ревизскихъ душъ, въ числѣ которыхъ можно считать не болѣе 1350 взрослыхъ работниковъ мужчинъ, въ 1871 году уходило въ заработки до 900 человѣкъ, въ томъ числѣ 650 мужчинъ и 250 женщинъ. Въ числѣ уходившихъ шло на ближайшіе заводы безъ паспортовъ до 200 человѣкъ (100 мужчинъ и 100 женщинъ), и по паспортамъ на югъ, преимущественно въ Бахмутскій и Днѣпровскій уѣзды (и бóльшею частью въ экономіи Фаньцъ-Фейна и Фурсона) до 700 человѣкъ (550 мужчинъ и 150 женщинъ); изъ нихъ на все лѣто до 560 человѣкъ, и на косовицу до 200. Крестьяне, уходящіе на все лѣто, не принимаютъ уже почти никакого участія въ домашнихъ полевыхъ работахъ; идущіе же на одну только косовицу, т.-е. на покосъ и жатву, возвращаются обыкновенно къ началу уборки хлѣба, такъ какъ уборка на югѣ оканчивается гораздо раньше; такимъ образомъ они участвуютъ дома въ работахъ въ самое горячее время. Поэтому можно считать, что дома принимало участіе въ лѣтнихъ работахъ до 800 рабочихъ мужчинъ. Въ теченіи лѣта имъ приходилось обработать:

снимаемыхъ въ экономіи подъ óзимью	3,000	дес.
„ „ „ „ яровымъ	2,500	„
и своихъ земель, изъ 7287 дес. надѣла, пашни въ двухъ поляхъ до	4,500	„
да еще въ пользу экономіи	1,000	„
Всего	11,000	„

т.-е. каждому оставшемуся дома работнику-мужчинѣ приходилось обработать и убрать до 14 десятинъ пашни въ двухъ поляхъ. Понятно, до какой степе-

ни несовершенна должна быть обработка при такихъ размѣрахъ запашки на работника.

„Уходящіе въ заработки крестьяне, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ заработывать:

100 годовыхъ рабочихъ, уходящихъ на заводы, по 50 руб. . . .	5,000 руб.
150 уходящихъ на 2 мѣсяца, по 20 руб.	3,000 „
400 идущихъ на все лѣто, по 40 руб.	16,000 „
250 женщинъ по 20 руб.	5,000 „
Всего	29,000 „

что составляетъ около 11 руб. на ревизскую душу, т.-е. около $^3/_4$ налоговъ, составляющихъ 14 руб. на душу.

„Въ Дмитровской волости, сосѣдней съ Ракитнянской, изъ 1600 душъ уходило въ 1871 году болѣе 1000 человѣкъ, вмѣстѣ съ женщинами; изъ нихъ до 200 человѣкъ на косовицу, остальные на все лѣто на югъ.

„Развитіе отхожихъ промысловъ породило особые, специальные центры найма сельскихъ рабочихъ для южныхъ степныхъ губерній. Однимъ изъ такихъ центровъ служитъ г. Богодуховъ, Харьковской губерніи. Но бо̀льшею частью агенты южныхъ хозяевъ разъѣзжаютъ весною по волостямъ и здѣсь нанимаютъ недоимщиковъ, выдавая задатки, идущіе тутъ же въ уплату прежнихъ недоимокъ. Платится обыкновенно рабочему въ лѣто 45—50 руб.; если крестьянинъ нанимается на косовицу, т.-е. мѣсяца на два, то назначается по 12—13 рублей въ мѣсяцъ; женщина получаетъ въ лѣто 25—30 рублей“.

Возьмемъ для примѣра Тамбовскую губернію, гдѣ средній надѣлъ крестьянъ выходитъ по 4,08 дес. на душу, 13 на дворъ и во дворѣ тоже по средней сложности считается 3,17 рев. душъ или $1^1/_2$ рабочихъ муж. пола и $1^1/_2$ женскаго. Полагая, что изъ числа 13 дес. будетъ 1 дес. сѣнокоса и по 4 десятины въ каждомъ пахатномъ полѣ, мы получимъ слѣдующій итогъ рабочихъ дней на означенныя 6 недѣль страды:

Сжать и убрать 4 дес. озимаго	по 10 дн.	40
Скосить и убрать 4 д. ярового	„ 6 „	24
Запахать, посѣять и заборонить 4 дес. озимаго по 6 дней		24
Итого.		88 дней.

Если исключить изъ 6 недѣль, 42 дня, 6 воскресеньевъ и столько же праздниковъ, то остается по 30 дней мужскихъ и 30 женскихъ и всего на дворъ приходится (считая по $1^1/_2$ мужика и $1^1/_2$ бабы) рабочихъ дней 90.

Такимъ образомъ при 4-десятинномъ надѣлѣ у крестьянина не остается ни одного лишняго дня отъ этихъ самонужнѣйшихъ работъ.

---

*) Преобладаніе сдаточной системы хозяйства и исчезаніе помѣщичьихъ запашекъ свойственно всему восточному приволжскому краю: въ Ардатовскомъ

уѣздѣ Нижегородской губ. всѣхъ помѣщичьихъ хозяйствъ было въ 1870 г. не болѣе 10. Въ Симбирской губ., по отзыву управы, помѣщичьихъ хуторовъ съ хозяйственнымъ обзаведеніемъ и своими рабочими всего 16. Въ Казанской губ. изъ 911 имѣній было на издѣльной повинности 26, на оброкѣ съ отработкой оброка на господской запашкѣ 121, всѣ прочія 764 имѣнія сдавались крестьянамъ въ арендное содержаніе.

---

[7]) Въ сѣверо-западномъ краѣ и въ Бѣлоруссіи рабочія цѣны были:

	до 1861 г.	послѣ 1861 г.
Въ Минской губ.		
годовыя безъ харчей.	20 р.	35—40 р.
„ съ содержаніемъ. . .	45 „	80 „
поденныя съ лошадью. . . .	— „ 25—40 к.	40—75 к.
„ пѣшіе.	— „ 15—25 „	30—60 „
Въ Гродненской губ.		
годовому батраку безъ харчей.	20 „ — к.	30 р.
поденщику	— „ 20 „	30—40 к.
Въ Витебской губ.		
годовой батракъ на полномъ хозяйственномъ содержаніи. . .	8—12 „ — „	30 р.
работница тоже.	4— 6 „ — „	12—15 р.
мѣсячный.	1 „ 75 „	5— 6 „
поденщикъ.	— „ 10—15 к.	30—45 к.

Можно себѣ представить, въ какомъ цвѣтущемъ положеніи было рабочее населеніе, заработывая до 1861 г. въ годъ—20 рублей, въ день 10—15 копѣекъ. (Докладъ Ком. для изслѣдованія сел. хоз. Цѣны на рабочихъ, стр. 137 и 140).

---

[8]) Рабочія цѣны въ остзейскихъ губерніяхъ несравненно выше, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи: годовой батракъ женатый получаетъ съ хозяйскими харчами всего платы: въ Курляндіи 100—120 руб., въ Лифляндіи 103—105 р., въ Эстляндіи—91 р. Поденщики въ Курляндіи 30—50 к., въ Лифляндіи 36—70 к., въ Эстляндіи 50—80 к.

Цѣны эти почти вдвое выше, чѣмъ въ сосѣднихъ литовскихъ и бѣлорусскихъ (см. примѣч. 7) губерніяхъ, и даже выше рабочихъ цѣнъ смежныхъ великороссійскихъ губерній. Въ Псковской, Новгородской губ. годовой рабочій получаетъ 50—60 р. жалованья и по 3—3½ р. въ мѣсяцъ харчевыхъ, итого 86—102 р.

Спрашивается: отчего же переселенія направляются изъ благоустроеннаго края, гдѣ заработки выше, въ страну тундръ и болотъ, гдѣ рабочая плата ниже?

Тутъ очевидно дѣйствуютъ другія побужденія, кромѣ рабочей платы, и мы думаемъ, что главнѣйшее изъ нихъ — надежда пріобрѣсти осѣдлость и собственность, которая въ остзейскомъ краѣ недоступна бѣднымъ людямъ по высокимъ цѣнамъ, установленнымъ произвольно землевладѣльцами и неограниченнымъ закономъ.

---

⁹) Свѣдѣніе о количествѣ хлѣба, вывезеннаго за-границу по европейской торговлѣ въ 1850—1873 гг.

Вывезено въ 12 лѣтъ при крѣпостномъ правѣ.	Количество четвертей.	Вывезено въ 12 лѣтъ по освобожденіи крестьянъ.	Количество четвертей.
Въ 1850 году. . . .	3.950,862	Въ 1862 году. . . .	7.535,315
„ 1851 „	4.720,075	„ 1863 „	6.860,855
„ 1852 „	7.543,566	„ 1864 „	9.353,412
„ 1853 „	10.439,291	„ 1865 „	9.919,932
„ 1854 „	2.905,172	„ 1866 „	12.249,073
„ 1855 „	652,315	„ 1867 „	15.059,829
„ 1856 „	7.391,834	„ 1868 „	12.222,068
„ 1857 „	7.853,553	„ 1869 „	10.337,322
„ 1858 „	8.859,462	„ 1870 „	21.071,185
„ 1859 „	9.640,457	„ 1871 „	23.244,191
„ 1860 „	9.442,420	„ 1872 „	15.950,449
„ 1861 „	9.609,072	„ 1873 „	20.705,131
Итого въ 12 лѣтъ.	83.008,079	Итого въ 12 лѣтъ.	133.508,762
Въ средней сложности въ 1 годъ. . .	6.917,339	Въ 1 годъ.	11.125,730
		Болѣе въ 12 лѣтъ. .	50.500,683
		„ „ 1 годъ. .	4.208,391

---

¹⁰) Рязанская губернская управа дѣлаетъ слѣдующій сравнительный разсчетъ платежей крестьянъ и дворянъ; въ отзывѣ, помѣщенномъ въ трудахъ податной коммиссіи, она пишетъ (стр. 597):

„Чтобы нагляднѣе представить размѣръ обремененія крестьянъ, управа сравниваетъ это обремененіе съ обремененіемъ другихъ землевладѣльцевъ, напр., съ сословіемъ дворянъ.

„Дворянинъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ платитъ земскихъ сборовъ съ дес. 10 к. и на содержаніе депутатскаго собранія, опекъ, предводительскихъ канцелярій и александровскаго дворянскаго заведенія $2^1/_2$ к. съ дес., всего $12^1/_2$ к. съ десятины.

„Слѣдовательно, въ Егорьевскомъ уѣздѣ только дворянинъ, владѣющій 253 десятинами земли, платитъ повинностей столько же, сколько крестьянскій дворъ, имѣющій 9,4 десятины надѣла.

„При обложеніи дворянскихъ земель наравнѣ съ крестьянскими, дворянину, владѣющему 250 десят., пришлось бы платить 975 руб.

„По тому же разсчету дворянину, владѣющему 250 десятинами, пришлось бы платить:

въ Раненбургскомъ уѣздѣ		1245 р.
„ Данковскомъ	„	1115 „
„ Сапожковскомъ	„	1125 „
„ Рязанскомъ	„	1125 „

[11]) Платежи крестьянъ разныхъ наименованій различны не только по вѣдомствамъ, но и по разнымъ другимъ условіямъ, и потому должны быть для ясности исчислены отдѣльно.

Слѣдуя порядку, принятому податной коммиссіей, учрежденной при министерствѣ финансовъ, мы перечислимъ здѣсь всѣ различные сборы, падающіе на крестьянъ, т.-е. на земледѣльцевъ:

а) Подушный сборъ, какъ извѣстно, считается вообще съ души, но замѣняется по разнымъ областямъ и другими соотвѣтствующими налогами: ясачнымъ, кибиточнымъ, съ дыма и съ десятины. Всѣхъ таковыхъ подушныхъ и замѣняющихъ ихъ податей взимается съ 23.709,628 душъ и 5.573,375 десятинъ— 44.140,163 руб. или

среднимъ числомъ съ души	1	р.	79 к.
и съ десятины	—	„	$2^1/_2$ „

б) Общественнаго сбора, который по росписанію податной коммиссіи причисленъ къ подушнымъ, считается всего 9.660,179 руб., или среднимъ числомъ съ души—$34^1/_4$ к.

в) Государственнаго земскаго сбора (до преобразованія онаго) взималось поземельнаго:

	число десятинъ.	число рублей.	приходится на 1 десят.
съ земель помѣщиковъ.	63.734,697	2.765,697	4,3 к.
„ „ крестьянъ	116.103,720	4.669,916	4— „
„ „ купцовъ, дворянъ и другихъ жителей	24.654,991	526,807	2,1 „
съ земель удѣльныхъ	5.517,232	95,013	1,7 „

и подушнаго тоже на государственныя повинности всего 13.781,300 р., или съ души 54,3.

г) Разныхъ платежей за земли считается по вѣдомству государственныхъ имуществъ по 45 губерніямъ: оброчной подати, уплачиваемой ими на основаніи

владѣнныхъ записей или по оцѣночнымъ и люстраціоннымъ инвентарямъ, всего съ 9.859,987 душъ—36.371,116 рублей, или съ души 3 р. 64 к., съ десятины 70 к.

д) Лѣсной подати съ тѣхъ же крестьянъ—1.230,143 рубля, съ души 14,1 коп.

е) Относительно помѣщичьихъ крестьянъ разсчетъ платежей затрудняется тѣмъ, что они постепенно переходятъ съ оброчной и барщинной повинности на выкупъ, отчего и измѣняется размѣръ ихъ платежей. Податная коммиссія чтобы сдѣлать примѣрное исчисленіе всѣхъ сборовъ, разсчитала сумму выкупныхъ сборовъ, какъ будто бы всѣ крестьяне уже перешли на выкупъ, придерживаясь среднему размѣру платежей тѣхъ крестьянъ, которые нынѣ приступили уже къ выкупу. Итогъ сборовъ за земли въ такомъ предположеніи составилъ бы въ 46 губерніяхъ 61.502,025 р. въ годъ, или съ души 5 р. 77 к.

ж) Съ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства выкупныхъ платежей сходитъ 3.064,368 р., или съ души 3 р. 56 к. Земскіе сборы съ земель крестьянскихъ исчислены не во всѣхъ губерніяхъ; изъ тѣхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, 28 представили отдѣльный счетъ этихъ сборовъ, изъ коего оказывается, что съ 65.249,192 дес. поступило поземельнаго оклада съ крестьянъ 6.788,912 р., съ десят. 10,4 к.; въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій, взимается съ 43 мил. дес. только 426,068 р., съ дес. 1 коп.; на мировыя учрежденія въ тѣхъ же губерніяхъ съ дес. 2,4 коп. и на губернскія земскія повинности 943,276 р. подушнаго оклада съ души.

з) Мірскія повинности и земскія также не вполнѣ извѣстны только по 12 цѣлымъ губерніямъ и нѣкоторымъ уѣздамъ 5 губерній. Ихъ причитается на душу въ губерніяхъ:

Архангельской . . .	187 коп.	Новгородской . . .	76 коп.
Бессарабской . . .	155 „	Орловской.	64 „
Петербургской . . .	127 „	Тамбовской	54 „
Московской	103 „	Рязанской.	34 „
Псковской	100 „	Виленской.	24 „
Владимірской . . .	97 „	Черниговской . . .	14½ „

Страховые платежи составляютъ въ Пензенской губ. 57 коп. съ души, въ Рязанской 43¾. Мірскихъ и страховыхъ платежей вмѣстѣ насчитано въ 3 уѣздахъ Вятской губ. только по 31—34 коп. на душу, а въ Костромской по всей губерніи по 110 коп.

и) Натуральныхъ повинностей показано:

Въ 7 уѣздахъ Пермской губ. на душу по	34¾ к.
Во Владимірской по всей губерніи по.	56¾ „
и Рязанской тоже „ по.	228 „
Въ Черниговской на одни расходы по рекрутской повинности отъ	6¾ до 8⁹⁄₁₀ „

Огромная разница между этими числами происходитъ оттого, что въ Рязанской губ. къ стоимости натуральныхъ повинностей причислена и рекрутская, по оцѣнкѣ рекрута соотвѣтственно стоимости казенной квитанціи, что составляетъ на 2363 рекрута, сдаваемыхъ въ средней сложности въ губерніи ежегодно, сумму 1,349,760. р. Въ прочихъ губерніяхъ эта статья вовсе опущена.

[18]) Заявленіе объ обременительности крестьянскихъ платежей составляетъ такую извѣстную и избитую тему, что не стоило бы о ней и распространяться, еслибъ, съ другой стороны, изъ лагеря консерваторовъ не возражалось очень часто, что эти жалобы и заявленія будто бы преувеличены и внушены желаніемъ блеснуть гуманными чувствами въ пользу меньшей братіи и поиграть въ популярность.—На это мы отвѣчаемъ, что заключенія наши выведены не голословно: они почерпнуты изъ единственнаго источника, напечатаннаго, но, къ сожалѣнію, неопубликованнаго, который выражаетъ въ положительныхъ цифрахъ доходность крестьянскихъ земель, платежныя средства крестьянъ и общія суммы податныхъ окладовъ, на нихъ падающихъ. Источникъ этотъ оффиціальный — Труды податной коммиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ для разсмотрѣнія системы податей и сборовъ,и въ этихъ трудахъ, томъ III, отд. I, заключающій сводъ отзывовъ губернскихъ земскихъ собраній съ выводомъ и заключеніями членовъ податной коммиссіи; одна часть этого труда принадлежитъ администрація, другая губернскимъ земскимъ собраніямъ, и эти два авторитета едва ли могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ не было ни одного голоса отъ крестьянъ. Свѣдѣнія эти, напротивъ, неполны и далеко не выражаютъ общей суммы платежей, лежащихъ на крестьянахъ; остаются неизвѣстными—a) сумма мірскихъ платежей, b) натуральныхъ повинностей и c) обязательныхъ страховыхъ платежей.

Но независимо отъ этого, по выводамъ податной коммиссіи, оказывается, что въ средней сложности платежи превышаютъ доходность. По 46 губерніямъ выведены итоги казенныхъ прямыхъ налоговъ и платежей за земли, коихъ выходитъ съ 21.902,105 ревизскихъ душъ и 114.816,965 десят. 156.708,187 рублей и приходится на 1 душу 7 р. 15 к., на 1 десятину 1,36½ коп.

Въ 19 губерніяхъ причислены къ этому итогу и земскіе сборы (пропущенные въ первомъ разсчетѣ), и съ таковыми приходится съ 9.551,803 рев. душъ и 47.034,127 дес.—всѣхъ платежей 76.970,730 р., на 1 душу 8 р. 6 к.,—на 1 дес. 1 р. 64 к. Только въ 8 губерніяхъ сдѣланъ сравнительный разсчетъ платежей съ доходностью, и все-таки сравненіе неполное, потому что не приняты въ разсчетъ ни страховые платежи, ни натуральныя повинности. Въ этихъ губерніяхъ платежъ составляетъ:

ГУБЕРНІИ.	Съ души.		Съ двора.		Съ десятины.		Процентъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	дохода.	цѣнности.
Московская	11	21	31	61	3	35	205	—
Архангельская	5	84	17	37	3	32	137	—
Петербургская	—	—	—	—	—	—	134	—
Пензенская	8	56	24	96	2	42	128	—
Новгородская	8	32	16	10	1	25	122	—
Вятская	7	88	22	17	—	99	49	—
Костромская	10	21	—	—	1	98	—	12,9
Псковская	9	59	23	57	1	97	—	10,7

Эти числовыя данныя убѣдительнѣе всякихъ политико-экономическихъ, финансовыхъ и агрономическихъ умоврѣній. Если же для своего успокоенія и утѣшенія правительства нѣкоторые экономисты утверждаютъ, что излишній процентъ противъ доходности земель взимается съ личнаго труда и промысловъ крестьянъ, то мы спрашиваемъ, какіе промыслы процвѣтаютъ въ Архангельской, Новгородской, Костромской губерніяхъ?

При этомъ нужно помнить, что и къ вышепоказаннымъ суммамъ нужно еще прибавить неизвѣстныя суммы страховыхъ платежей (въ 5 губерніяхъ отъ 24 коп. до 1 р. 10 к. съ души), мірскихъ сборовъ (въ 9 губерніяхъ среднимъ числомъ 84 коп. съ души) и натуральныхъ повинностей (въ 4 губерніяхъ отъ 89 к. до 2 р. 28 к.).

И вотъ, послѣ этого, собравъ свѣдѣнія изъ всѣхъ краевъ россійской имперіи, что платежи крестьянъ-земледѣльцевъ превышаютъ доходность ихъ земель на 105—37—34—28 и 22 проц., мы и принялись глубокомысленно разсуждать о другихъ причинахъ упадка сельскаго хозяйства въ Россіи, когда и этой вполнѣ достаточно для разстройства крестьянскаго быта и для задержанія успѣховъ земледѣлія.

---

[13]) Свѣдѣнія о числѣ дворовъ, работниковъ и надѣлѣ крестьянъ позаимствованы изъ трудовъ податной коммиссіи. О работникахъ, впрочемъ, свѣдѣнія не полныя: по разсчетамъ, сдѣланнымъ нѣкоторыми нашими учеными, процентъ рабочихъ къ нерабочему населенію будетъ слѣдующій по всей имперіи:

	Веселовскій.	Буняковскій.
Рабочихъ 18—60 лѣт. возраста	52,44	50,18
Полурабочихъ 14—18 и 60—65 лѣтъ.	10,58	10,60
Нерабочихъ прочихъ возрастовъ	36,38	39,22
Всего по имперіи рабочихъ муж. п.	17.829,600	17.061,200
„ „ „ „ жен. „	18.379,246	17.587,177
„ „ полурабочихъ муж. п.	3.576,800	3.604,000
„ „ „ „ жен. „	3.707,107	3.704,077

Свѣдѣнія эти относятся къ прежнимъ ревизіямъ и основаны на разсчетахъ нѣсколько произвольныхъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ управами, процентъ рабочихъ выходитъ другой и очень различный въ разныхъ губерніяхъ:

ГУБЕРНІИ.	Число работниковъ м. п.	Процентъ.	
		Къ числу душъ.	Къ числу дворовъ.
Архангельская	58,052	54,8	1,6
Воронежская	271,306	53,3	1,6
Вятская	49,342	57,5	1,6
Казанская	369,375	56,4	1,4

ГУБЕРНІИ.	Число работниковъ м. п.	Процентъ.	
		Къ числу душъ.	Къ числу дворовъ.
Новгородская муж. пола:	911,098	49,9	0,9
„ жен. „	128,058	49,4	1,1
„ подростковъ муж. пол.	54,595	—	—
„ „ жен. пол.	54,626	—	—
Пензенская	286,108	58,2	1,7
Псковская	176,020	59,7	1,5
Петербургская	118,026	57,5	1,5
Саратовская, 3 уѣзда	138,141	57,3	1,5
Симбирская	267,190	56,4	1,5
Тамбовская	433,250	55	1,7
Тульская, 5 уѣздовъ	88,572	54,6	1,8
Черниговская	44,279	55,8	1,4

Всего по 96 уѣздамъ душъ м. п. 4.526,661
„ „ „ работниковъ 2.521,325
„ „ „ дворовъ. 1.678,563
„ „ проц. работ. къ числу душъ. 55, 7
„ „ „ на 1 дворъ работниковъ. 1, 5
По свѣдѣніямъ (таблицамъ) гг. Буняковскаго и Веселовскаго проц. мужчинъ къ числу душъ выходитъ . . . . 50,18 и 52,44

Разница противъ показаній управъ происходитъ оттого, что управы считали ревизскія души по послѣдней ревизіи. Если принять среднiй приростъ въ 1 проц., то въ 1872 г. на каждыя 100 домовъ по ревизіи надо считать 113 наличныхъ; число работниковъ тогда будетъ по разсчету Буняковскаго 57,10, а по разсчету Веселовскаго 59,68.

Если пропорцію 55,7% всего населенія приложить къ другимъ губерніямъ, то общее число рабочихъ (полныхъ и муж. пола) по Европейской и Азіятской Россіи, за исключеніемъ Польши, Финляндіи и Кавказа, будетъ:

По свѣдѣніямъ земскихъ управъ. 13.410,000
„ „ Буняковскаго. 13.747,000
„ „ Веселовскаго 14.368,000

Мы придерживаемся цифры, показанной управами. Другое отношеніе крестьянскихъ дворовъ къ числу душъ, къ нимъ приписанныхъ, и десятинъ земли представляется также очень различно по разнымъ полосамъ имперіи:

	На 1 дворъ приходится рев. душъ.	десят.	На 1 рев. д. приходится десят.
Въ 2 малороссійскихъ грберніяхъ....	2,57	7,75	3,02
„ 31 великороссійскихъ „	2,94	15,69	5,34
„ 5 новороссійскихъ и Ставроп.....	3,29	58,31	17,67
„ 9 западныхъ „	3,36	11,55	3,44
„ 3 прибалтійскихъ „	9,44	22,63	2,42

Изъ этой таблицы видно, что крестьянскіе дворы дѣлаются многолюднѣе по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ изъ русскихъ губерній въ западный край, и что вмѣстѣ съ тѣмъ подворные участки крупнѣе, чѣмъ въ первыхъ. Но въ то же время надѣлъ крестьянъ по числу душъ становится все меньше, какъ только мы переходимъ въ такъ-называемыя привилегированныя губерніи, въ страны подворнаго (необщиннаго) владѣнія. Прибалтійскія губерніи занимаютъ первое мѣсто по многолюдству крестьянскихъ дворовъ и послѣдніе по пропорціи подушнаго надѣла крестьянъ. Населенность губерній не имѣетъ тутъ никакого вліянія, такъ какъ центральныя великороссійскія губерніи гуще населены, чѣмъ западныя. Мы возьмемъ для сравненія двѣ губерніи литовскія, гдѣ крестьяне живутъ на подворныхъ участкахъ и двѣ русскія съ равнымъ населеніемъ:

	Виленская.	Ковенская.	Саратовская.	Казанская.
Число жителей на кв. милѣ	1176	1429	1137	1440
На 1 дворъ приход. душъ	3,62	4,97	6,01	2,75
„ „ „ десят.	16,61	19,37	16,70	13,51
На 1 рев. душу десятинъ	4,10	3,89	5,36	4,90

Такимъ образомъ, почти при одинаковой густотѣ населенія подушное владѣніе крестьянъ оказывается въ Виленской губ. на 1,26 дес. меньше, чѣмъ въ Саратовской, а въ Ковенской губерніи на 1,01 меньше, чѣмъ въ Казанской.

ГЛАВА XII.

РАЗНЫЕ ВИДЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Общинное или мірское владѣніе—и участковое или подворное.

Значеніе мірскаго быта и различіе его отъ общиннаго. — Германская Gemeinde и французская Commune устроены на другихъ началахъ.—Главныя черты русскаго мірского владѣнія.—Сравненіе ихъ съ участковымъ владѣніемъ.—Черезполосность. — Переходы имѣній во Франціи (mutations).—Подворное владѣніе въ нашихъ западныхъ губерніяхъ.—Размежеваніе общинныхъ земель въ другихъ государствахъ.—Общинное владѣніе въ Швейцаріи, Баденѣ, Голландіи.—Существо мірского быта заключается въ правѣ на землю всѣхъ обывателей русской земли.—Онъ основанъ на брачномъ и семейномъ союзѣ.—Коммунистическія начала совершенно противны русскому быту. — Настоящее положеніе мірского владѣнія въ Россіи; приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ.—Положеніе крестьянъ, живущихъ на подворныхъ участкахъ.—Крестьяне сознаютъ вредъ слишкомъ частыхъ передѣловъ и съ 1861 года начинаютъ ихъ отмѣнять. Срочные передѣлы, напротивъ, признаются нужными и полезными. — Подворное владѣніе, разобщая крестьянъ, лишаетъ ихъ общественнаго духа: литовскіе и остзейскіе крестьяне. — Положеніе сельскихъ обывателей въ прибалтійскомъ краѣ. — Нѣмецкія колоніи въ Россіи. — Арендованіе частныхъ имѣній вліяетъ также вредно на сельское хозяйство какъ мірскіе передѣлы; мѣры, принятыя въ Англіи противъ злоупотребленія арендныхъ правомъ.—Ограниченія арендованія въ Бельгіи и Даніи.—Примѣненіе этихъ мѣръ къ русскому сельскому быту.

Мы не возобновимъ здѣсь спора, исчерпаннаго въ русской литературѣ и публицистикѣ, о преимуществахъ общинпаго и участковаго землевладѣнія. Если не ошибаемся, полемика по этому предмету пріостановилась на заключеніи, что община представляетъ много неудобствъ и вредныхъ сторонъ, искупаемыхъ и нѣкоторыми безспорными выгодами; что первыя болѣе относятся къ агрономіи и хозяйственному быту, вторыя—къ общежитію и управленію, и это мнѣніе обыкновенно формулируется такъ, что надо удержать общину административную, отмѣнивъ хозяйственную, оставить и по

возможности укрѣпить связи житейскія, общественныя, административныя, но ослабить и постепенно отмѣнять узы общаго землевладѣнія, задерживающія земледѣльческую культуру.

Но съ тѣхъ поръ, какъ происходили эти живыя, страстныя словопренія (это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ), прошло 15 лѣтъ, періодъ не долгій въ жизни народовъ, но въ теченіи коего вопросъ этотъ перешелъ изъ области умозрѣній и разсужденій на практическую почву, и такъ какъ рядомъ съ великороссійскими губерніями, гдѣ преобладаетъ мірское владѣніе, мы имѣемъ и цѣлую полосу губерній литовскихъ и прибалтійскихъ, гдѣ водворено участковое, то мы можемъ изъ сравненія быта и улучшеній быта въ этихъ странахъ пріобрѣсти нѣсколько полезныхъ указаній.

Прежде, чѣмъ перейти къ этимъ изслѣдованіямъ, мы должны однако возстановить настоящій смыслъ того порядка владѣнія, которое мы называемъ мірскимъ. Мы уже замѣтили, что выраженіе „община", принятое въ наукѣ и публикѣ, въ народномъ русскомъ нарѣчіи никогда не употребляется для означенія сельскаго общественнаго быта, и что оно, переведенное слово въ слово съ другихъ языковъ (Gemeinde, Commune), у насъ примѣняется къ другому понятію, именно къ общему сожительству, складчинѣ, братству людей, содержащихся на общемъ коштѣ, на иждивеніи сборныхъ суммъ, покрывающихъ всѣ ихъ издержки; такъ, между прочимъ, общинами называются мѣста общежительства, устроенныя для богоугодныхъ цѣлей, также монашескія и другія братства, товарищества; но сельское мірское общество никогда не называется общиной, и еслибы наши ученые изслѣдователи руководствовались понятіемъ русскаго народа, то они бы называли этотъ союзъ по-русски мірскимъ, а не общиннымъ.

Различія между этими двумя понятіями существенныя; они изложены были съ замѣчательною ясностью и полнотою въ статьяхъ Ю. Ф. Самарина въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. (Т. IV) и „Русскомъ Вѣстникѣ" 1868 г. (№ 1—6), и намъ остается только выписать главныя черты полной, яркой картины, живо написанной этимъ авторомъ, лучшимъ знатокомъ русскаго сельскаго быта.

„Отношенія земледѣльческаго класса къ землѣ представляются въ различныхъ формахъ, изъ коихъ главныхъ три:

а) всѣ жители владѣютъ и пользуются сообща всѣми полевыми угодьями, или б) они владѣютъ сообща землей, но пользуются каждый отдѣльно своимъ участкомъ, или же, наконецъ, с) владѣютъ подворно, посемейно, главными коренными угодьями, пашней и лугами, и пользуются тоже отдѣльно всѣми произведеніями почвы.

„Первая изъ этихъ формъ, и только первая, можетъ быть названа общиннымъ владѣніемъ, она примѣняется какъ при мірскомъ, такъ и при подворномъ бытѣ къ нѣкоторымъ земельнымъ угодьямъ, преимущественно къ выгонамъ, иногда и къ лѣсамъ; но намъ неизвѣстно, чтобы гдѣ-либо, кромѣ развѣ празднаго воображенія и неудачныхъ попыткахъ нѣкоторыхъ друзей человѣчества, въ родѣ Cabet, Fourrier и друг., эта форма владѣнія была примѣнена земледѣльцами къ культурной, пашенной и луговой землѣ; вездѣ, гдѣ прилагается трудъ, человѣкъ трудящійся присвоиваетъ себѣ плоды этого труда“.

„Вторая форма владѣнія—наша мірская; міръ, какъ первое звено общественнаго союза, какъ юридическое лицо, владѣетъ землей, прирѣзанной къ селенію, и на основаніи этого коллективнаго права владѣнія, опредѣляетъ способы пользованія ею, сдаетъ одну часть въ оброчное содержаніе, другою пользуется сообща для выгона, прогона скота, для водопоя, третью—дѣлитъ поровну между домохозяевами, и эту послѣднюю часть, обыкновенно главную, оставляетъ на извѣстное число лѣтъ въ отдѣльномъ пользованіи каждаго крестьянскаго двора особо.

„Наконецъ, при третьей формѣ—участковой—и владѣніе и пользованіе есть одноличное право, принадлежащее главѣ семейства, и переходящее отъ него по наслѣдству къ другимъ членамъ“.

Изъ этого видно, что главное различіе между мірскимъ и участковымъ владѣніемъ есть то, что при первомъ—право собственности принадлежитъ обществу, а при второмъ—отдѣльному домохозяину; но право пользованія при обѣихъ этихъ формахъ есть одноличное, раздѣльное, посемейное, и потому мірской бытъ никакъ не можетъ быть смѣшанъ съ общиннымъ, который, напротивъ, означаетъ со-

вокупное пользованіе и раздѣлъ продуктовъ между общинниками.

Въ западной Европѣ мірского землевладѣнія никогда не существовало. То учрежденіе, которое у германцевъ и франковъ называлось Gemeinde, Commune, построено было на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ русскій міръ; мнѣніе, очень распространенное въ иностранной наукѣ и принятое на вѣру и русскими писателями, будтобы наша община есть просто историческій обломокъ общественныхъ союзовъ, существовавшихъ на Западѣ, будтобы эти союзы были во всѣхъ странахъ общей формой зарождающейся гражданственности, мнѣніе это, говоримъ, не выдерживаетъ исторической критики.

Мы постараемся здѣсь доказать это.

Въ изслѣдованіяхъ, изложенныхъ въ предъидущихъ главахъ, мы представили главныя черты сельскаго общественнаго быта Германіи и Франціи. Отдѣльныя группы крестьянскихъ дворовъ, иногда построенныя вмѣстѣ, на одной улицѣ, иногда, и бо́льшею частію, разсѣянныя особняками въ видѣ мызъ и хуторовъ, соединялись подъ названіемъ сельскаго общества. Какая же была ихъ внутренняя, хозяйственная связь? Каждому семейству надѣлялись коренныя земли, пашня, луга и усадьба отдѣльно; распорядителемъ, владѣльцемъ состояло по каждому участку одно лицо, старшее въ семьѣ, и право его, какое бы оно ни было, полное какъ собственника, или подначальное какъ крѣпостного, оставалось за нимъ пожизненно и переходило по наслѣдству къ одному сыну, или по раздѣлу ко всѣмъ домочадцамъ.

Такимъ образомъ, коренныя угодья, поля, луга, огороды, сады, даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣ времена, когда селенія приписывались къ обществу, состояли бо́льшею частію, за весьма немногими исключеніями, въ подворномъ владѣніи.

Общинную ихъ связь составляли другого рода земли, запольныя, дикія и малопроизводительныя, отдаленные пустыри, кустарники, кочкарники, торфяныя болота, которыя назывались Communaux во Франціи, Allmend — въ Германіи, openfields, wastes — въ Англіи; они отводились, по

неудобству для всякихъ другихъ культуръ, преимущественно подъ выгонъ скота, а иногда и присуждались по жеребью (lots, allotissments, loosen) отдѣльнымъ домохозяевамъ, обыкновенно бѣднѣйшимъ, которымъ дозволялось съ разрѣшенія другихъ полныхъ зажиточныхъ крестьянъ распахать уголокъ, развести огородъ, держать на общемъ выгонѣ корову, козу или свинью. Изъ этого видно, что общинныя земли, составлявшія единственную связь сельскаго населенія въ Европѣ, состояли изъ худшихъ земель, между тѣмъ какъ лучшія были всѣ подѣлены между частными владѣльцами, что онѣ поэтому сами собой и независимо отъ формы владѣнія должны были далеко отстать отъ производительности другихъ полевыхъ угодій, и что плачевный видъ, въ коемъ онѣ состояли, долженъ быть отчасти приписанъ и природному безплодію, неудобству этихъ земель.

Но главное указаніе, которое изъ этого выдѣляется, есть то, что европейская община, какая существовала у германцевъ и франковъ въ первобытныя времена ихъ историческаго развитія и сохранилась отчасти до новѣйшихъ, не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ міромъ, кромѣ развѣ общаго пользованія выгономъ; что корень землевладѣнія былъ поэтому, въ нѣмецкой и французской такъ-называемой общинѣ, вовсе не общинный, а участковый, и что поэтому хозяйственная ихъ связь была такъ же слаба, какъ тощи и безплодны были земли, состоявшія въ общемъ пользованіи.

Самый порядокъ разселенія, разверстки земель былъ совершенно другой, чѣмъ въ Россіи: въ серединной Европѣ изстари выработалось общее опредѣленное понятіе, что для земледѣльческаго промысла крестьянской семьи, состоящей по среднимъ выводамъ изъ извѣстнаго числа душъ, нужно и опредѣленное пространство; и хотя это пространство измѣнялось по условіямъ климата и почвы, но можно принять, что средній размѣръ тягловаго крестьянскаго двора полагался въ 40 мор. (10 дес.); въ Польшѣ и Литвѣ нѣсколько больше (уволока 20 дес.), на Рейнѣ и въ Франкскихъ земляхъ меньше. Такой участокъ назывался Hufe — въ Лифляндіи, уволока—въ Польшѣ и Литвѣ, и во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ составлялъ нормальный надѣлъ крестьянскаго двора, хозяина со всѣми домочадцами, сколько

бы ихъ ни было. Основаніемъ такого надѣла полагалось не наличное число душъ и не рабочія силы каждаго отдѣльнаго домохозяина, а общее соображеніе, что для земледѣльческаго промысла, для содержанія скота, для удобства полевыхъ работъ, требуется извѣстный размѣръ собственности; по этому разсчету и опредѣляется нормальный размѣръ тяглового участка полнаго хозяйства, spannfähiger Bauernhof, т.-е. такого, на коемъ съ одной стороны можно прокормить одну пару рабочаго скота, лошадей или воловъ, а съ другой — можно воздѣлать пашню однимъ пароконнымъ плугомъ.

Каждый самостоятельный земледѣлецъ бралъ или получалъ такой участокъ, владѣлъ имъ пожизненно или наслѣдственно, затѣмъ прочіе земледѣльцы устраивались, какъ знали, на остальныхъ земляхъ; у кого была одна лошадь и одна корова, получалъ половинный участокъ и, разумѣется, на худшихъ почвахъ, потому что лучшія были разобраны зажиточными односельцами; у кого рабочаго скота вовсе не было, тотъ садился на усадебный участокъ безъ полевого надѣла; наконецъ, послѣдній разрядъ крестьянъ оставался ни причемъ, потому что всѣ земли были заняты. — Всѣ они вмѣстѣ считали однако общимъ своимъ достояніемъ болѣе или менѣе пространный участокъ, который неудобно было загородить и выдѣлить; онъ назывался въ Германіи Gemeindeflur и состоялъ, какъ сказано, изъ такихъ угодій, на которыхъ селиться было крайне неудобно.

Таковы были главныя основы крестьянскаго землевладѣнія въ Европѣ; общинами назывались группы отдѣльныхъ дворовъ, отдѣльныхъ частныхъ владѣльцевъ, соединенныхъ общимъ пользованіемъ деревенской улицы, базарной площади, выгона и мѣста для пастьбы скота; общія земли составляли только придачу и самую незначительную и малоцѣнную къ кореннымъ угодьямъ, которыя всѣ состояли въ участковомъ владѣніи. Равноправности и соразмѣрности не было никакой между крестьянами-односельцами; при надѣлѣ не принимались въ разсчетъ ни нужды домохозяина, т.-е. число душъ, которыя онъ долженъ прокормить, ни его рабочія силы, т.-е. число работниковъ, состоящихъ въ его семьѣ.

Первоначальный отводъ земель и послѣдующая ихъ разверстка производились по степени зажиточности

домохозяевъ; если домохозяинъ признавался состоятельнымъ, имѣлъ нѣсколько штукъ рабочаго скота, то ему, хотя и одинокому, отводился полный участокъ, и, наоборотъ, бѣдному, хотя и семейному земледѣльцу, надѣлялся половинный участокъ, а бѣднѣйшему вовсе отказывалось въ полевомъ надѣлѣ. Такая разверстка дѣлалась иногда и съ политическими цѣлями, для подавленія той части населенія, отъ которой преобладающее племя опасалось сопротивленія; такъ, въ славянскихъ земляхъ туземцамъ славянскаго происхожденія надѣлялось земли въ половину противъ нѣмцевъ, потому будто бы, что они пашутъ одноконной сохой, а не пароконнымъ плугомъ. Однимъ словомъ, община германская съ самаго начала ея историческаго существованія была не равноправный союзъ земледѣльцевъ, но, напротивъ, классное учрежденіе, гдѣ сельскіе обыватели подраздѣлялись на разряды, точно такъ какъ въ городскихъ обществахъ обыватели различались на купцовъ разныхъ гильдій, мастеровъ, подмастерьевъ и чернорабочихъ.

Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что европейскіе общинные союзы вовсе не могутъ быть признаны первообразами нашихъ мірскихъ обществъ; мнѣніе, будто бы русскій славянскій міръ есть форма землевладѣнія, свойственная всѣмъ первобытнымъ гражданственностямъ, грубое преданіе первоначальнаго народнаго быта,—это мнѣніе основано на поверхностномъ и ложномъ понятіи. Названіе, произвольно данное этимъ союзамъ въ Россіи, слово „община", позаимствованное изъ другихъ языковъ, могло привести въ заблужденіе ученыхъ изслѣдователей, незнакомыхъ съ простонароднымъ бытомъ; но кромѣ этого названія, непонятнаго для русскаго простолюдина, между германской Gemeinde, французской Commune и русскимъ „міромъ" нѣтъ ничего общаго. Они построены на началахъ прямо противоположныхъ, на народныхъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ безусловно различныхъ.

Мірское землевладѣніе есть учрежденіе своеобразное и исключительно свойственное великороссійскому племени. Въ другихъ славянскихъ земляхъ оно потерпѣло разныя исправленія и искаженія; только въ центрѣ

Россіи, вдали отъ европейскихъ вліяній удержалось оно въ первобытномъ своемъ видѣ; удержалось оно потому, что земли эти никогда не были завоеваны, что ихъ никто не дѣлилъ и не отбиралъ отъ первобытныхъ жильцовъ, что они такъ и остались во владѣніи тѣхъ людей, которыми были заняты.

Чтобы понять по существу значеніе этой формы владѣнія, надо возвратиться къ первобытному акту перваго занятія, поселенія. Акты эти не такъ отдалены отъ насъ, чтобы нельзя было воспроизвести ихъ въ главныхъ чертахъ, ибо заимка новыхъ земель, начавшаяся въ IX и X вѣкѣ, продолжалась въ Россіи до конца XVIII. — Порядокъ ихъ, удержавшійся до новѣйшихъ временъ, былъ слѣдующій: артель рыболововъ (кочетниковъ) или пахарей (изорниковъ), товарищество лѣсопромышленниковъ, или въ позднѣйшія времена ватага бѣглыхъ и бродягъ, бѣжавшихъ отъ крѣпостного права, или, еще позднѣе,—общество раскольниковъ, укрывающихся отъ гоненій за старую вѣру—уходили отъ новыхъ порядковъ и, идя все далѣе, наконецъ выбирали себѣ для поселенія незаселенныя земли, никому не принадлежащія; proprio motu они признавали ихъ государевою собственностью, и такъ какъ сами себя считали государевыми людьми, то и присвоивали ихъ себѣ въ качествѣ подданныхъ Бѣлаго Царя.

Первое дѣло было раздѣлить эти земли, для чего представлялось три способа: разверстать занятое пространство по числу душъ, или по числу семействъ и дворовъ, или по числу взрослыхъ работниковъ.

Первый изъ этихъ способовъ, впослѣдствіи принятый правительствомъ, никогда не былъ примѣняемъ народомъ, потому что заключаетъ въ себѣ вопіющую несправедливость, надѣляя отца семейства такимъ пространствомъ угодій, которое онъ воздѣлать не состояніи. Второй, посемейный надѣлъ показался также неравномѣрнымъ товарищамъ, вышедшимъ на промыслы на равныхъ правахъ; хотя сами товарищи, артельщики, были вѣроятно всѣ полные взрослые работники, но у каждаго изъ нихъ оставались на родинѣ, откуда онъ вышелъ, дѣти, жена, братья, которыхъ онъ надѣялся вывести на новыя мѣста жительства и, соображаясь съ своими рабочими силами, требовалъ бóльшаго или меньшаго надѣла.

Оставался только третій способъ: метать жеребій на земли по числу взрослыхъ работниковъ и отводить на каждую крестьянскую семью столько полосъ, сколько было у него въ домѣ совершеннолѣтнихъ братьевъ или сыновей; этотъ порядокъ и былъ принятъ въ большей части русскихъ поселеній, и главное его отличіе отъ европейскаго порядка поселенія, главное и единственное есть то, что домохозяинъ надѣляется не какъ одноличный собственникъ, но какъ представитель всѣхъ членовъ своего семейства, способныхъ къ работѣ.

Семья, крестьянскій дворъ при обоихъ порядкахъ разверстки остается единицей, ядромъ землевладѣнія, но размѣры владѣнія, одинаковые и неизмѣнные при первомъ, различны и измѣнчивы при второмъ; участковое и наслѣдственное пользованіе прямо истекаетъ изъ подворнаго надѣла, полосное и срочное изъ тягловой разверстки. Итакъ, при самомъ первобытномъ населеніи русскій бытъ рѣзко отдѣляется отъ европейскаго, избираетъ совершенно другіе пути и расходится съ нимъ все далѣе во всѣхъ отношеніяхъ аграрнаго своего положенія. Этотъ бытъ нельзя назвать общиннымъ въ полномъ значеніи этого слова (communauté, Gemeinnutzung), ибо въ общемъ пользованіи состоятъ только нѣкоторыя отдѣльныя угодья, выгоны, иногда и лѣса, точно такъ, какъ и при подворномъ владѣніи; онъ называется мірскимъ, и выраженіе это не имѣетъ соотвѣтствующаго въ другихъ языкахъ, потому что и самое это понятіе чуждо другимъ народамъ. Мірское землевладѣніе есть тоже посемейное. подворное, какъ и участковое, но съ тою только разницей, что дворы надѣляются не поровну по числу домохозяевъ, а различно, пропорціонально числу рабочихъ душъ, состоящихъ въ крестьянскомъ дворѣ.

„Русскій народъ,—говоритъ Самаринъ,—разрѣшаетъ посвоему вопросъ о поземельномъ владѣніи: онъ извлекаетъ изъ понятія о сельскомъ обществѣ понятіе о рабочей силѣ и средствахъ пропитанія, и создаетъ себѣ условную единицу, называемую тягломъ. Тягло представляетъ, во-первыхъ, извѣстное количество рабочихъ силъ, и потому въ тяглѣ считается полный здоровый работникъ, совершеннолѣтній, не убогій, или увѣчный; во-вторыхъ, предполагается, что тяглу соотвѣт-

ствуетъ и извѣстная сумма потребностей, хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, а потому тягловымъ считается крестьянинъ женатый и семейный, не холостой, или вдовый; тягло накладывается по женитьбѣ, и съ мужика, по его востребованію, въ случаѣ смерти бабы, скидывается полъ-тягла. По этой единицѣ опредѣляется отношеніе дворовъ семействъ къ мірскому обществу, дѣлается переложеніе дворовъ и домовъ на тяглы.—Каждый дворъ, переложенный на тягло, получаетъ значеніе дроби, въ которой знаменатель выражаетъ сумму единицъ, состоящихъ въ цѣломъ обществѣ, а числитель—количество такихъ единицъ, приходящихся на дворъ, между тѣмъ какъ міръ представляетъ цѣлое, совокупность всѣхъ дробей и долей.

„Общество владѣетъ 420 дес. мірской земли, домохозяевъ въ немъ 20, рабочихъ тягловыхъ мужиковъ 35, а ревизскихъ душъ, положимъ,—80. Число душъ, хотя по оному и опредѣляются казенные сборы и самый земельный надѣлъ по уставной грамотѣ, вовсе не принимается въ разсчетъ при разметѣ земли. Общее число десятинъ 420 дѣлится на число тяголъ и получается дробь $^{320}/_{35}$—12 десят., слѣдующихъ на тягло; затѣмъ эта тягловая единица помножается на число рабочихъ, состоящихъ во дворѣ въ данный моментъ, при ревизіи или въ другой срокъ, и получается на одинъ дворъ $^{3}/_{12}$ или 36, на другой $^{2}/_{12}$ или 24 дес., на третій $^{1}/_{12}$ или 12 дес. Тѣмъ же порядкомъ, не по душамъ, а по тягламъ, и всегда за счетъ цѣлой семьи, раскладываются и вещественныя повинности, господскій оброкъ, подушные и поземельные сборы, мірскіе платежи, натуральныя повинности“.

Итакъ, тягло есть общій дѣлитель, единица пропорціональнаго отношенія рабочихъ силъ и хозяйственныхъ нуждъ въ землѣ, принадлежащей міру. Вопросъ, разсматриваемый въ Германіи съ такой глубокомысленной ученостью, о нормальномъ размѣрѣ владѣнія (Nahrungsfläche и Arbeitsfläche) изстари разрѣшается русскими хлѣбопашцами насколько онъ вообще можетъ быть разрѣшенъ на практикѣ. Но въ Германіи норма земельнаго надѣла выведена была изъ рабочей способности отдѣльныхъ домохозяевъ, изъ большей или меньшей его самостоятельности, выражавшейся въ числѣ рабочаго скота, а въ Россіи изъ рабочихъ силъ самихъ земле-

дѣльцевъ и отношенія этихъ силъ къ землѣ. Отношенія эти поэтому были совершенно различныя: въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣ времена, когда въ распоряженіи міра находилось количество земли превышающее рабочія силы и хозяйственныя нужды населенія, только личный составъ мірского общества, т.-е. число рабочихъ крестьянъ, полагалъ предѣлъ дробленію, и на тягло нарѣзалось количество угодій, много превышающее нужды домохозяевъ; такъ, въ казацкихъ земляхъ приходится еще понынѣ по 30 и по 60 дес. на душу. Тамъ же, гдѣ количество земли, отведенной обществу, или имъ занятой недостаточно, тамъ мірская земля продолжаетъ дробиться до извѣстнаго минимума, наименьшаго размѣра пахатнаго хозяйства, но все-таки ровно по числу тяголъ и неровно по числу хозяйствъ и, все-таки, съ тѣмъ условіемъ, чтобы на каждаго рабочаго приходилась пахатная и луговая земля, сколько ее въ наличности остается.

Уменьшеннаго надѣла вообще не полагается; разрядовъ крестьянъ полутяглыхъ, огородниковъ и безземельныхъ не допускается или, вѣрнѣе сказать, уменьшеніе и увеличеніе семейнаго участка происходитъ въ извѣстные сроки, по возможности, такъ что одинъ и тотъ же домохозяинъ переходитъ съ однотягольнаго хозяйства на многотягольное, если у него подростаютъ сыновья, или сходитъ съ 2—3 тяголъ на одно, если дѣти и братья умираютъ.

Такимъ образомъ весь составъ мірского землевладѣнія есть подвижной, срочный, измѣнчивый, зависящій отъ наличности рабочихъ силъ въ данный моментъ, между тѣмъ какъ подворное владѣніе на западѣ имѣетъ характеръ прочной, пожизненной или наслѣдственной собственности, и изъ этихъ двухъ главнѣйшихъ ихъ свойствъ вытекаютъ и всѣ послѣдствія, благія и вредныя, той и другой формы владѣнія [1]).

Участковое владѣніе по своему свойству прочности, по долгосрочному и преемственному состоянію земли въ пользованіи одного и того же семейства, имѣетъ, собственно для земледѣлія, большія преимущества передъ общиннымъ.

Эти преимущества были такъ часто и такъ подробно исчислены, что мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь эту

азбуку раціональной агрономіи; главное изъ нихъ есть то— что при продолжительномъ владѣніи одного лица, или рода собственниковъ, избѣгается черезполосность и предупреждаются передѣлы и раздѣлы, а отъ этого облегчаются и всякія улучшенія, удобреніе почвы, и затраты на введеніе многолѣтнихъ плодоперемѣнныхъ сѣвооборотовъ.

Это истина безспорная; но при этомъ надо опредѣлить— насколько и при какихъ формахъ землевладѣнія эти неудобства дѣйствительно избѣгаются, и въ этомъ-то отношеніи и происходитъ обыкновенно смѣшеніе двухъ понятій, двухъ видовъ частнаго владѣнія, по существу столь же различныхъ между собой, какъ и съ общиннымъ владѣніемъ.

Въ помѣстномъ крупномъ землевладѣніи они дѣйствительно устраняются при той формѣ собственности, которая называется майоратной или заповѣдной, удерживающей изъ рода въ родъ цѣлыя имѣнія въ нераздѣльномъ ихъ составѣ преемственно въ однѣхъ рукахъ; при этомъ порядкѣ избѣгаются безусловно и черезполосность, дробленіе имуществъ и передѣлы, раздѣлы, переходы отъ одного владѣльца къ другому. Преимущества этой формы владѣнія въ агрономическомъ отношеніи безспорны, и примѣръ Англіи подтверждаетъ это блистательными успѣхами земледѣлія, въ странѣ скудныхъ почвъ и туманнаго неба.

Но и въ помѣстномъ сословіи, при частномъ, но свободномъ правѣ собственности, при наслѣдственномъ, но подлежащемъ раздѣлу владѣніи, не избѣгаются ни черезполосность, ни передѣлы. Извѣстно, что въ Россіи, въ дворянскихъ имуществахъ, закрѣпленныхъ за помѣщичьими родами въ XVIII столѣтіи, уже въ первой четверти XIX-го, завелась такая черезполосность, что правительство вынуждено было приступить повсемѣстно къ такъ-называемому спеціальному размежеванію, сначала добровольному, впослѣдствіи понудительному; что операція эта продолжалась болѣе 30 лѣтъ и оказалась такою сложною, что никогда не могла быть приведена къ окончанію.

Этого примѣра кажется достаточно, чтобы доказать, что при частномъ помѣстномъ владѣніи неудобства черезполосности вовсе не устраняются.

То же самое оказывается и въ крестьянскомъ быту.

Здѣсь прежде всего нужно различить два вида крестьянскаго участковаго владѣнія, заповѣдное (geschlossenes gebundenes Eigenthum) и вольное (freie Besitzung).

Въ главѣ о германскомъ землевладѣніи мы изслѣдовали эти два вида, изъ коихъ первое, соотвѣтствующее майоратному, введено въ бо́льшей части сѣверныхъ государствъ Германіи, въ земляхъ саксонскихъ, второе—въ прирейнскихъ и юго-западныхъ частяхъ Германіи и во всей Франціи, въ земляхъ франкскаго племени. При первомъ изъ этихъ двухъ порядковъ, крестьянскій дворъ, точно такъ какъ и дворянскій фидеикомиссъ, составляетъ нераздѣльное имущество, переходящее по наслѣдству въ цѣломъ, недробимомъ составѣ къ одному изъ членовъ семейства; при второмъ—семейные раздѣлы допускаются безпрепятственно.

Поэтому надо рѣшить, съ которымъ изъ этихъ двухъ родовъ участковаго владѣнія сравнивается общинное: если съ первымъ, то дѣйствительно большая часть неудобствъ черезполосности и передѣловъ устраняется; если со вторымъ, то едва ли даже въ этомъ сельско-хозяйственномъ отношеніи представляются какія-либо выгоды на сторонѣ подворнаго владѣнія.

Очевидно, что для избѣжанія черезполосности и мелкопомѣстности, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и въ помѣщичьемъ, нѣтъ другого средства, какъ закрѣпленіе за родами потомственнаго, нераздѣльнаго земельнаго владѣнія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ порядокъ былъ принятъ, дѣйствительно образовались, рядомъ съ крупными вотчинами дворянъ (Gütercomplexe), самостоятельныя, зажиточныя крестьянскія хозяйства (Meiergüter). Въ Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ, въ нѣкоторыхъ округахъ Тюрингена, въ Шлезвигѣ и Голштейнѣ, въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, удержались по сіе время, отчасти по закону, отчасти по обычаю, таковые порядки преемственнаго владѣнія; Hufe, Bauernhof, въ остзейскихъ губерніяхъ гакъ, составляютъ цѣльныя замкнутыя владѣнія (geschlossene Höfe), лежащія въ одной окружной межѣ, съ усадьбой въ срединѣ, полями и лугами кругомъ, и эти хозяйства, пользуясь всѣми удобствами земледѣлія, дѣйствительно процвѣтаютъ.

Но совершенно иное представляется при системѣ воль-

наго владѣнія и семейныхъ раздѣловъ; ни черезполосности, ни мелкопомѣстности, ни передѣловъ нельзя избѣгнуть при такомъ порядкѣ наслѣдованія, хотя бы оно было участковое; и чтобы сравнить въ этомъ отношеніи послѣдствія подворнаго и общиннаго владѣнія, достаточно взглянуть на Францію.

Территорія въ 45 мил. десят. разбита на 127 мил. дѣлянокъ (parcelles), и около 12 мил. поземельныхъ окладовъ (cotes foncières), принадлежащихъ $5^1/_2$ мил. собственниковъ, такъ что въ средней сложности дѣлянка или полоса имѣетъ размѣра не болѣе 900 квадратныхъ саженъ, и на каждаго собственника приходится 23 полосы.

Въ виду этихъ фактовъ нельзя утверждать, что черезполосность, исключительно будто бы свойственная общинному владѣнію, избѣгается при частномъ подворномъ надѣлѣ.

То же самое надо замѣтить и о передѣлахъ, которые составляютъ безспорно самую вредную сторону нашего мірского быта. Если вредъ этотъ состоитъ въ томъ, что пользованіе слишкомъ часто переходитъ изъ рукъ въ руки, что отъ этихъ перемѣнъ нарушается послѣдовательность культуры, преграждаются улучшенія и удобренія, то и при частномъ владѣніи, помѣстномъ—въ высшихъ классахъ, участковомъ—въ низшихъ, эти перемѣны неизбѣжны, если только допускается принципъ равнаго наслѣдованія и вольной продажи.

Въ сочиненіяхъ французскихъ экономистовъ (PIOGEY, du morcellement du sol en France; WOLOWSKY, de la division du sol) мы находимъ горькія сѣтованія о чрезмѣрной подвижности (mobilisation) поземельной собственности; они заявляютъ, что въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1826 г. по 1835 г., въ недвижимыхъ имуществахъ послѣдовало перемѣнъ, mutations:

по наслѣдованію раздѣловъ на сумму	9,317 милліоновъ фр.	
по дару (donation) » » »	2,145	» »
по продажѣ и мѣнѣ » » »	11,885	» »
всего на сумму болѣе	23 милліардовъ фр.	

Если принять, согласно показаніямъ тѣхъ же писателей, что въ этотъ періодъ общая цѣнность поземельной собственности колебалась между 40 и 50 милліардами (въ 1821 г.

она оцѣнялась въ $39^1/_2$ милліардовъ), то выходитъ, что въ теченіи 10 лѣтъ болѣе половины всѣхъ имуществъ перешло изъ однѣхъ рукъ въ другія, и что ежегодно перемѣны простираются слишкомъ на 5 процентовъ всей стоимости поземельной собственности.

Другой фактъ еще болѣе поразителенъ: въ теченіи одного 1841 г. совершено купчихъ актовъ на недвижимыя имущества на 1.059,441, а такъ какъ всѣхъ окладныхъ участковъ (cotes foncières) по кадастру считалось въ то время около 12 милліоновъ, то оказывается, что $^1/_{12}$ изъ нихъ въ одинъ годъ была перепродана. Почти вся эта распродажа относится къ мелкимъ крестьянскимъ участкамъ; изъ всего вышеприведеннаго числа купчихъ было мелкихъ—цѣною не выше 150 фр.— 701,021. Изъ этого видно, что при частномъ участковомъ владѣніи, на полныхъ правахъ собственности, мелкое крестьянское землевладѣніе подвергается большимъ превратностямъ. Правда, общихъ передѣловъ всѣхъ полосъ цѣлаго селенія при этой формѣ владѣнія не бываетъ, но въ частности, земли, при раздѣлахъ наслѣдствъ, при выдѣлѣ дочерей и при продажѣ, точно также дробятся, подраздѣляются, переходятъ отъ одного хозяина къ нѣсколькимъ, причемъ въ отдѣльномъ участкѣ происходитъ такой же передѣлъ, перебой въ хозяйствѣ, перестановка межъ. Вредъ отъ этого одинаковый; хозяинъ, имѣющій въ виду продать свое имущество, точно также его запускаетъ, какъ и общинникъ, имѣющій въ виду мірской передѣлъ; наслѣдники, получающіе извѣстную долю отцовскаго наслѣдства, точно также принуждены его дѣлить, переносить строенія, ставить новые пограничные и межевые знаки; сверхъ того, при всякомъ такомъ актѣ, они уплачиваютъ, въ видѣ пошлинъ, бо́льшую или меньшую сумму денегъ. Итакъ, если постоянство владѣнія признается главнымъ условіемъ процвѣтанія земледѣльческой культуры, то это условіе не достигается и при подворномъ владѣніи. Во Франціи mutations, перемѣны, повторяются едва ли не чаще, чѣмъ передѣлы въ Россіи.

Единственное средство обойти эти вредныя колебанія—это установить майоратное право по всѣмъ классамъ и родамъ владѣнія, сдѣлать всѣ недвижимыя имущества нераздѣльными и неотчуждаемыми, учредить преемственность наслѣдства въ

обоихъ сословіяхъ, помѣстномъ и крестьянскомъ. Тогда дѣйствительно право собственности будетъ прочно, земледѣліе обезпечено и всякія усовершенствованія и улучшенія доступны всякому собственнику. Такъ сдѣлано было въ Англіи, и поземельная собственность такъ прочно утвердилась въ этой странѣ, что изъ 24 мил. жителей осталось землевладѣльцевъ всего 30,000. Такъ дѣлалось и дѣлается въ восточной Германіи и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ; число крестьянъ-собственниковъ быстро уменьшается (въ Пруссіи полныхъ крестьянъ-хозяевъ 359,000; въ 3-хъ прибалтійскихъ губерніяхъ изъ общаго числа 75,152 крестьянскихъ дворовъ въ частныхъ имѣніяхъ хозяевъ-собственниковъ 10,540); другими словами, параллельно съ закрѣпленіемъ правъ собственности въ преемственномъ владѣніи дворянскихъ родовъ и крестьянскихъ семействъ, число землевладѣльцевъ сокращается, имущества консолидируются и въ то же время выкидываются изъ сельскихъ сословій новыя поколѣнія младшихъ сыновей и братьевъ, образующія такъ-называемое плавучее населеніе (population flottante) современныхъ европейскихъ обществъ.

Итакъ, мы смѣемъ думать, что вопросъ, такъ часто предлагаемый въ Россіи о преимуществахъ участковаго владѣнія передъ общиннымъ, вопросъ, разрѣшаемый обыкновенно пристрастно, то въ ту, то въ другую сторону, что вопросъ этотъ не былъ поставленъ какъ слѣдуетъ: нужно прежде рѣшить, съ какимъ частнымъ владѣніемъ сравниваютъ наше мірское.

Если сравниваютъ съ вольнымъ, свободо-дѣлимымъ правомъ собственности, какое существуетъ во Франціи, западной Германіи и другихъ странахъ полуденной Европы, то разница выходитъ незначительная; дробленіе имуществъ и передѣлы не избѣгаются при этой формѣ владѣнія.

Если—съ майоратнымъ, заповѣднымъ владѣніемъ, существующимъ въ Англіи, Пруссіи, то дѣйствительно въ культурномъ агрономическомъ отношеніи всѣ выгоды представляются на сторонѣ этого замкнутаго права собственности. Тамъ, гдѣ оно соблюдалось неуклонно въ теченіи многихъ лѣтъ (entails въ Англіи, geschlossene Bauernhöfe, fideicomissen въ Мекленбургѣ), тамъ въ настоящее время оказываются два результата: земледѣліе процвѣтаетъ, помѣстное сословіе богатѣетъ, крестьянское землевладѣніе исчезло окончательно и земле-

дѣльцы уже всѣ поголовно обращены въ батраковъ и чернорабочихъ.

Тамъ, гдѣ эти мѣры вводились, но еще окончательно не проведены, въ восточныхъ областяхъ Пруссіи, въ Голштейнѣ, Шлезвигѣ, Даніи, Ганноверѣ и въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, тамъ и результаты были не такіе полные; не всѣ, но только часть крестьянъ была обезземелена, другая же сохраняетъ еще свои имущества, и, пользуясь всѣми правами полной родовой собственности, также обогащается и процвѣтаетъ.

Изъ всего этого можно заключить, что заповѣдное, замкнутое землевладѣніе имѣетъ безспорно превосходство въ агрономическомъ отношеніи не только надъ мірскимъ или общиннымъ, но и надъ участковымъ, допускающимъ раздѣлы и дробленіе, такъ-называемымъ мобилизированнымъ, но что превосходство это относится только къ землѣ и ея культурѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надо признать, какъ пишетъ Gneist, что эта форма владѣнія была и остается „неизсякаемымъ источникомъ пролетаріата“ и, какъ говоритъ Самаринъ, отъ нея „разорялись крестьяне, но торжествовала наука“.

Мірской бытъ, въ томъ грубомъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ Россіи, есть, безъ сомнѣнія, вредное учрежденіе, задерживающее успѣхъ сельскаго хозяйства; но, чтобы исправить его недостатки, не слѣдовало бы обращаться за примѣрами къ соціальному быту западной Европы, потому что въ немъ пороки другіе, и едва ли не бóльшіе. Эти-то пороки и недостатки, свои и чужіе, надо изучать и изслѣдовать.

Для сравненія мы имѣемъ много данныхъ, не только въ чужихъ краяхъ, но и въ своемъ отечествѣ.

Во-первыхъ, мы имѣемъ цѣлую, широкую полосу Россіи, отъ Кіева до Ревеля, гдѣ существуетъ подворное владѣніе по европейскому образцу и на сѣверномъ краѣ этой полосы, въ Лифляндіи и Курляндіи, вѣрный снимокъ германской формы землевладѣнія, заповѣдныхъ подворныхъ участковъ (geschlossene Bauernhöfe). Богаче ли эти страны и сельскіе ихъ обыватели, чѣмъ соотвѣтствующія имъ восточныя наши окраины, гдѣ наиболѣе развито мірское владѣніе? Общая масса населенія живетъ ли привольнѣе, зажиточнѣе въ Лифляндіи,

чѣмъ въ Вяткѣ и Перми, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чѣмъ въ Пензѣ и Симбирскѣ? Которая изъ этихъ двухъ полосъ снабжаетъ другую хлѣбомъ и сырыми продуктами; откуда переселяются жители—изъ благословенныхъ ли краевъ подворнаго владѣнія въ варварскія страны мірского, или наоборотъ? и, переходя отъ матеріальныхъ соображеній къ болѣе возвышеннымъ, нравственнымъ, мы также спрашиваемъ: кто изъ двухъ развитѣе и смышленѣе, чухны и литовцы прибалтійскихъ и литовскихъ губерній, или великороссійскіе крестьяне-общинники?

При этомъ сравненіи, разумѣется, надо устранить смѣшеніе, которое обыкновенно дѣлается защитниками участковаго надѣла: они сравниваютъ общую массу русскаго крестьянства, надѣленнаго землей поголовно, съ тѣми крестьянами-домохозяевами, которые надѣлены участками въ западныхъ областяхъ, и тогда выходитъ, что размѣръ владѣній сихъ послѣднихъ больше, а бытъ ихъ много зажиточнѣе русскихъ общинниковъ; но это значитъ сравнивать цѣлое съ дробью. Если же разсматривать вопросъ въ общемъ смыслѣ народнаго благосостоянія и хозяйственной производительности, то едва ли окажется какое-либо превосходство на сторонѣ обывателей западныхъ окраинъ.

Отзывы мѣстныхъ властей и жителей, собранные правительственными коммиссіями въ новѣйшее время, не представляютъ никакихъ фактовъ, указывающихъ на такое превосходство: такъ, напримѣръ, выкупъ крестьянскихъ земель идетъ несравненно быстрѣе въ великороссійскихъ губерніяхъ, чѣмъ въ остзейскихъ. Къ 1-му января 1872 г. крестьянъ, приступившихъ къ выкупу, было среднимъ числомъ по 46 губерніямъ 62 проц. всѣхъ крестьянъ и въ остзейскомъ краѣ изъ 75,162 дворовъ только 10,530, или около 14 проц., что̀ во всякомъ случаѣ не доказываетъ бо̀льшей зажиточности послѣднихъ. Въ послѣдніе годы въ Лифляндіи и Эстляндіи все болѣе стало распространяться бобыльское хозяйство (Hauslerwirthschaft), состоящее въ томъ, что работники нанимаются на 1 годъ и въ плату получаютъ жилище, огородъ и пашню, въ размѣрѣ 1—4 дес., что̀ несомнѣнно надо признать гибельной системой хозяйства, разорившей Ирландію и всѣ страны, гдѣ она была введена.

Состояніе крестьянъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ до новѣйшихъ временъ было, какъ извѣстно, худшее изъ всей Россіи, и въ самыхъ разоренныхъ имѣніяхъ мелкихъ помѣщиковъ великороссійскихъ губерній не встрѣчалось такой голой нищеты, такого кругового неимущества, какъ въ богатѣйшихъ вотчинахъ знатнѣйшихъ литовскихъ дворянъ.

Изъ Волынской и Подольской губ., этого благословеннѣйшаго по почвѣ и климату края, мы имѣемъ также свѣдѣнія, вполнѣ подтверждающія наши выводы: губернскій предводитель дворянства Волынскій и разныя лица изъ мѣстныхъ жителей пишутъ: „Конные дворы, имѣющіе воловъ или лошадей, получили полные надѣлы, а пѣшіе половинные. Послѣ надѣла, само собой разумѣется, произошли перемѣны: конные сдѣлались пѣшими и наоборотъ. — Тѣ дворы, которые считались конными и получили полный надѣлъ, если вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ не потеряли скотъ, значительно поправились, и нѣкоторые изъ нихъ стали играть роль крестьянской аристократіи. Напротивъ, тѣ пѣшіе, которые въ теченіи почти десяти лѣтъ не завелись рабочимъ скотомъ, не представляютъ никакого улучшенія въ своемъ быту; для обработки земли они нанимаютъ скотъ, а также и для возки хлѣба, и за это платятъ коннымъ дворамъ работою очень дорого, или же отдаютъ свою землю за извѣстную часть урожая. Такимъ образомъ, пѣшіе имѣютъ главный источникъ содержанія въ заработкахъ годовыхъ, мѣсячныхъ, поденныхъ или урочныхъ. Несмотря на подворный надѣлъ землею, крестьяне, вслѣдствіе перемѣны въ своемъ составѣ, не пользуются землею по тому надѣлу, который былъ сдѣланъ, что̀ въ особенности оказалось при люстраціи. Мало того, многія общества или селенія передѣляютъ землю по дворамъ ежегодно, смотря по числу дворовъ, и этимъ объясняется, что тамъ, гдѣ крестьяне сознаютъ необходимость удобренія полей, они этого не производятъ именно вслѣдствіе передѣловъ полей. Хотя крестьяне и пользуются участковыми надѣлами, но участки ихъ нерѣдко мѣняются по волѣ общества, и неувѣренность въ постоянномъ правѣ собственности много вредитъ улучшенію хозяйства. Необходимо для пользы дѣла упрочить за крестьянами право владѣнія ихъ участками“.

Изъ Волынской губерніи доносятъ:

„Крестьянскіе земельные надѣлы произведены не въ близкомъ разстояніи отъ мѣстечка; у многихъ хозяевъ пахатныя поля находятся за 10 или 12 верстъ, а сѣнокосы даже за 15 верстъ отъ усадебъ, поэтому, несмотря на существованіе участковаго хозяйства, значительная часть крестьянской земли или вовсе не удобряется, или удобряется не такъ, какъ слѣдовало бы“.

Мы вполнѣ сознаемъ, что эти неудобства происходятъ не отъ подворнаго надѣла, и что они также представляются и при подушномъ; но мы спрашиваемъ, если справедливо мнѣніе, что общинное владѣніе составляетъ главную преграду къ улучшенію сельско-хозяйственнаго быта русскихъ крестьянъ, то отчего же въ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ оно не существуетъ и гдѣ введена обще-европейская форма участковаго владѣнія, мы не видимъ ни высшаго благосостоянія крестьянъ, ни особеннаго преуспѣянія сельскаго хозяйства; наоборотъ, находимъ въ одной части, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, самую низкую степень культуры, самое разоренное положеніе крестьянскихъ хозяйствъ, въ другой, въ юго-западномъ и прибалтійскомъ краяхъ, при сравнительной зажиточности одной части крестьянства полныхъ тяглыхъ хозяевъ, постепенный упадокъ, разстройство всѣхъ прочихъ разрядовъ крестьянъ; мы спрашиваемъ,—гдѣ и какъ подтверждается общепринятое мнѣніе, что бѣдность русскихъ сельскихъ сословій, застой нашего земледѣлія проистекаютъ именно отъ мірского ихъ быта? Не вѣрнѣе ли сказать, что на крестьянское хозяйство вліяли одинаково вредно невѣжество—съ одной стороны, крѣпостное право—съ другой, одинаково на участковое и общинное крестьянское землевладѣніе, но что въ великороссійскомъ краѣ мірская организація, привычка общаго обсужденія общественныхъ дѣлъ, солидарность интересовъ служила до извѣстной степени противовѣсомъ помѣщичьему самовластію и поправкой грубости нравовъ; между тѣмъ, какъ на западныхъ окраинахъ, разрозненность жилищъ, одиночество домохозяевъ и раздѣленіе крестьянъ на разряды дали помѣстному сословію полную волю низвести ихъ до послѣдней степени угнетенія и удержать ихъ въ самомъ приниженномъ, безотвѣтномъ положеніи.

Примѣры европейскаго аграрнаго строя также не разрѣшаютъ нашихъ сомнѣній о превосходствѣ подворнаго владѣнія надъ мірскимъ: исторія сельскихъ общинъ на Западѣ пережила уже нѣсколько фазисовъ и представляетъ рядъ колебаній.—До половины XVIII вѣка, общинныя земли во всей Европѣ считались какъ-бы запасомъ для прибылыхъ душъ сельскаго населенія, достояніемъ бѣднѣйшихъ обывателей—того мелкаго люда, который былъ не въ силахъ завестись полнымъ хозяйствомъ, и, еще въ концѣ столѣтія, французскіе революціонеры называли, на своемъ напыщенномъ нарѣчіи, общинныя земли—le patrimoine des pauvres—вотчиной неимущихъ.

Но когда замѣчательные труды Тэера, Юнга и другихъ ознакомили публику съ блистательными успѣхами англійскаго земледѣлія, описали отсталость сельскаго хозяйства въ континентальной Европѣ и въ особенности запущенность общинныхъ угодій, тогда и успѣхи англійской культуры и упадокъ всѣхъ прочихъ—были приписаны пагубному дѣйствію общиннаго хозяйства.

Со всѣхъ концовъ Европы поднялось гоненіе на эту форму владѣнія отъ лица ученыхъ агрономовъ, во имя науки и того приторнаго либерализма, который преобладалъ въ школахъ физіократовъ и другихъ политико-экономистовъ этого времени. Самые крайніе демократы французской революціи, только-что провозгласившіе высокіе принципы, „что общинныя земли достояніе бѣдныхъ“ и что поземельныя имущества должны быть также свободны какъ граждане,—сами эти апостолы равенства не усумнились наложить руку на коммунальныя земли и конфисковать достояніе бѣдныхъ въ пользу казны, для распродажи его другимъ собственникамъ средняго сословія.

Въ Германіи и Англіи помѣстное сословіе, ландлорды и ритергутбезитцеры очень ловко воспользовались этими научными выводами, чтобы присвоить себѣ лучшую часть общинныхъ земель; для большаго преуспѣянія сельскаго хозяйства они приступили къ разверсткѣ ихъ и къ округленію своихъ дачъ и тѣхъ крестьянскихъ участковъ, которые состояли у нихъ на оброчной повинности или на арендѣ. Въ теченіи 20 лѣтъ, 1830 — 1850, издано было въ сѣверо-германскихъ

государствахъ до 7 уставовъ о консолидаціи имуществъ (Consolidations-Gesetzen), а съ начала столѣтія до 1848 г. издавались постоянно положенія о размежеваніи черезполосныхъ и общинныхъ угодій (Gemeinheitstheilungen). Главная ихъ цѣль — пріостановить дальнѣйшее дробленіе, причемъ поля разбивались на новыя дѣлянки извѣстной величины и формы, которыя признавались недѣлимыми, а разные отрѣзки, выходящіе изъ правильной фигуры, прирѣзались къ сосѣднимъ дачамъ для ихъ округленія и поправленія межъ.

Въ то же время, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, быстро подвигалась и разверстка общинныхъ земель: въ Англіи изъ 7.800,000 акровъ — open fields (общинныхъ полей), числившихся въ 1778 г., — было размежевано въ 1853 г. около 3 мил. и оставалось неразверстанныхъ 4.800,000 акровъ (1.776,000 дес.). Во Франціи, послѣ конфискацій и распродажи лучшихъ общественныхъ земель, оставалось еще въ пятидесятыхъ годахъ, biens communaux, 4.718,856 гектаровъ (4.294,158 дес.).

Въ Пруссіи, къ 1-му января 1860 г., было размежевано между 1.472,022 владѣльцами общественныхъ земель 56.683,305 моргеновъ (14.170,826 десятинъ) и оставалось въ общемъ пользованіи (въ 1866 — 67 гг.) 2.316,530 морг. (579,132 десят.); чистый доходъ считался въ 1.406,292 талера.

Такимъ образомъ, въ двухъ государствахъ, Англіи и Пруссіи, имѣвшихъ въ началѣ настоящаго столѣтія около 10 мил. жителей муж. пола, подѣлено было между 30,000 землевладѣльцами въ Англіи и 1.472,022 въ Пруссіи слишкомъ 15 мил. дес., такъ что можно сказать, что земель этихъ, еслибъ онѣ были надѣлены поровну, хватило бы для поселенія нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ.

Въ трехъ государствахъ: Англіи, Франціи и Пруссіи считается еще понынѣ общественныхъ земель около 6½ мил. десятинъ.

Когда, такимъ образомъ, большая и лучшая часть общественныхъ владѣній уже перешла въ руки частныхъ собственниковъ, крупныхъ въ Англіи, среднихъ во Франціи и Пруссіи, тогда, въ половинѣ настоящаго столѣтія, въ обществен-

номъ мнѣніи и въ научныхъ взглядахъ произошла нѣкоторая перемѣна.

Многіе экономисты въ Германіи и Англіи начали смотрѣть иначе на это дѣло: не отрицая вреднаго дѣйствія общиннаго владѣнія на сельское хозяйство, они однако признавали за нимъ и нѣкоторыя пользы, и подавали мнѣніе, что общія угодья могутъ быть употреблены съ бо̀льшею выгодою для общихъ экономическихъ цѣлей, чѣмъ для раздѣла между домохозяевами, уже надѣленными землей и помѣщиками, заявлявшими свои права (очень голословныя) на общественныя земли.

Съ одной стороны, противниками общины выставлялись громадные успѣхи земледѣлія послѣ размежеванія; прежнія пустыя земли, folklands, wastes въ Англіи, Feldmark, Gemeindeflur, allmend въ Германіи превращались въ плодоносныя нивы; доходность ихъ, по многимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Англіи и Германіи, удвоилась и утроилась; въ бѣднѣйшей области Пруссіи, въ Познанскомъ герцогствѣ, она увеличилась на 50—100%. Въ средней сложности считали, что общинныя земли, переходя въ частную собственность, выигрываютъ 25% доходности. Изъ этого заключали, что при высокой степени культуры (hohe culturstufe) общинное владѣніе подлежитъ упраздненію.

Но, съ другой стороны, даже и между защитниками этого мнѣнія проявлялись нѣкоторыя недоумѣнія; опытъ также указывалъ, что послѣ раздѣловъ число сельскихъ пролетаріевъ возрастало; многочисленные бобыли, однодворцы (Häuslinge), снимавшіе эти земли за дешевую плату, лишались своихъ угодій и превращались въ поденщиковъ; неимущіе, безземельные обыватели, державшіе на общихъ выгонахъ коровъ, козъ или свиней для своего пропитанія, теряли это послѣднее средство для своего скуднаго продовольствія;—операція расчистки этихъ пустошей (clearing въ Англіи) производилась не только надъ почвой, но и надъ людьми, которыхъ тоже вырывали съ мѣстъ ихъ жительства, какъ негодные корни, мѣшающіе высокой культурѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ корчеваніемъ пней, производилось и искорененіе бѣдныхъ поселянъ.

Гуманныя чувства, вѣроятно, не скоро бы порѣшили этотъ

вопросъ, если бы къ нимъ не присовокупились и денежные разсчеты: отъ раздѣла общинныхъ земель домохозяева богатѣли, валовой доходъ сельскихъ имуществъ возвышался, но и расходы, сборы на разныя общественныя надобности, тоже росли; разныя мелочныя издержки, содержаніе сельскихъ учителей, причетниковъ, сельскихъ больницъ, которыя прежде отчасти покрывались доходами отъ общинныхъ земель, выдѣломъ служащимъ лицамъ огородовъ, усадьбъ, теперь — обращались непосредственно на домохозяевъ. Безземельные батраки и малоземельные бобыли, изгнанные изъ прежнихъ своихъ жительствъ, пали на попеченіе и призрѣніе сельскихъ обществъ, и сборы на бѣдныхъ начали поглощать большую часть сельскихъ доходовъ.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ соображеній, въ особенности второго, денежнаго разсчета, мнѣнія о зловредномъ дѣйствіи общиннаго владѣнія нѣсколько смягчились: во Франціи, какъ мы видѣли, уже вскорѣ послѣ первой конфискаціи общинныхъ земель (biens communaux) признано было, что онѣ составляютъ неотъемлемую собственность сельскихъ обществъ и продажѣ и раздѣлу не подлежатъ, что, впрочемъ, не помѣшало Наполеону I конфисковать ихъ вторично, въ видахъ государственной пользы (raison d'état).

По закону 21 февр. 1838 г. запрещенъ всякій раздѣлъ общинныхъ земель (qui comprendrait la propriété du fond et serait définitif), если онъ касается самого имущественнаго фонда и былъ бы окончательнымъ.

Въ Пруссіи, послѣ того какъ 56 мил. моргеновъ были отобраны изъ собственности общинъ, сдѣлана была тоже поправка въ положеніи о разверстаніи; закономъ 26-го іюля 1847 г. предписано не дѣлить тѣхъ общинныхъ имуществъ, которыя служатъ для покрытія общественныхъ расходовъ (Kämereivermögen) или состоятъ въ общемъ пользованіи членовъ общества (Bürgervermögen).

Въ Австріи разверстаніе общинныхъ земель было обязательно съ 1768 г. по 1808 г.; въ этомъ году предписано было начальству не принуждать, а только побуждать къ раздѣлу, а въ 1849 г. раздѣлы были вовсе пріостановлены, и на отмѣну общиннаго владѣнія приказано испрашивать разрѣшеніе правительства.

Такимъ образомъ, послѣ долгаго гоненія, принципъ общиннаго владѣнія вновь возникалъ, или, по крайней мѣрѣ, не преслѣдовался болѣе такъ безусловно, какъ прежде. Общинныя земли начинали приносить доходъ, и въ Пруссіи онѣ давали чистаго дохода—въ $18^{66}|_{67}$ г. 1.406,292 тал., что̀ составляетъ около $2^1/_8$ тал. съ десятины. Если принять въ соображеніе, что эти земли были послѣдніе остатки общинныхъ владѣній, оставшіеся неподѣленными, потому что, по своему неудобству, они никому не требовались, и что въ теченіи 50 лѣтъ уже было раздѣлено и разверстано (verkoppelt und getheilt) около 56 мил. моргеновъ (14 м. десятинъ), то можно себѣ представить, какую огромную потерю понесли нѣмецкія сельскія общества отъ принудительнаго раздѣла этихъ имуществъ.

Представились также и другія недоразумѣнія, въ прежнія времена неимѣвшія вѣса, нынѣ заявляемыя болѣе или менѣе настойчиво. Кто собственно должны считаться соучастниками въ общинномъ владѣніи, одни ли крестьяне, или вмѣстѣ съ ними и помѣщики? и изъ числа крестьянъ одни ли домохозяева, или всѣ обыватели, приписанные къ обществу? какъ дѣлать разверстку: пропорціонально подворнымъ участкамъ крестьянъ-хозяевъ, или посемейно, или по числу скота (въ выгонахъ), или по числу дымовъ печей (въ лѣсахъ)? наконецъ, кому принадлежитъ голосъ въ рѣшеніи вопроса о разверсткѣ: однимъ ли тяглымъ хозяевамъ, или и другимъ полу-тяглымъ, огородникамъ, бобылямъ?

Всѣ эти вопросы въ юридической послѣдовательности вытекаютъ изъ перваго — кто признается соучастниками въ общинномъ землевладѣніи? Вопросъ этотъ разрѣшается такъ различно и такъ двусмысленно, что и всѣ выводы изъ него были и оставались до новѣйшихъ временъ темными и шаткими.

Въ Англіи, какъ выше объяснено, первоначальное владѣніе всей землей принадлежало королю и составляло регалію, коронное право верховной власти. Только при Карлѣ II вотчины были закрѣплены за феодальными владѣльцами (tenants in capite); тогда-то и возникъ вопросъ, распространяется ли это закрѣпленіе на одни помѣстныя усадьбы и дворы (manors),

или и на общія земли (Volklands). На эти послѣднія заявляли свои права и прочіе обыватели: вольные, мелкопомѣстные владѣльцы (frieholders) считали себя соучастниками въ пользованіи этими угодьями; обязанные поселяне (copyholders) считали за собой право въѣзда, сервитуты, въ общіе лѣса и выгоны; даже арендаторы (leaseholders) заявляли, что пользованіе общинными землями входило въ кондиціи ихъ первоначальныхъ оброчныхъ сдѣлокъ и контрактовъ.

Актъ Карла II (1676) порѣшилъ всѣ эти претензіи въ пользу ландлордовъ, и съ того времени общія угодья признавались въ Англіи пустошами лордовъ (the waste of the lord), вслѣдствіе чего и всѣ дальнѣйшія разверстки (clearing, inclosure) были подчинены общему условію — согласію землевладѣльца.

Въ Германіи эти отношенія были также очень смутны: Allmend, Feldmark считались собственностью сельскихъ обществъ, но землевладѣлецъ тоже пользовался на этихъ земляхъ разными въѣзжими правами (Weide, Blumensuchrecht), а права крестьянъ размѣрялись или пространствомъ ихъ подворныхъ участковъ, или вообще ихъ правами состоянія; тяглые и полутяглые хозяева имѣли положительное участіе въ общихъ лѣсахъ и выгонахъ, другіе классы крестьянъ, огородники и бобыли допускались условно; впослѣдствіи укоренился обычай считать собственностью помѣщика (des Grundesherren) всѣ тѣ прежнія общинныя земли, которыми крестьяне не пользовались непосредственно для пашни и сѣнокоса, такъ что всѣ пустыя земли, выгоны, кустарники и лѣса постепенно обращались въ исключительное владѣніе помѣстнаго сословія, подъ предлогомъ, что крестьяне ими не пользуются непосредственно.

Эта запутанность первобытныхъ правъ повліяла и на рѣшеніе всѣхъ прочихъ вопросовъ о разверстаніи.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ, Ганноверѣ, Саксоніи, предоставлено было сельскимъ обществамъ рѣшать раздѣлъ по постановленію простого большинства голосовъ, если притомъ эти лица владѣютъ не менѣе какъ $^2/_3$ всѣхъ общинныхъ земель; обыватели, имѣвшіе не болѣе 2 моргеновъ ($^1/_3$ дес.), исключались изъ голосованія. Эта комбинація даетъ очевидно огромный перевѣсъ зажиточнымъ домохозяевамъ.

Въ герцогствѣ Нассаускомъ допускалось даже понудительное разверстаніе, по усмотрѣнію начальства.

Въ Баваріи, Баденѣ, Саксенъ-Готѣ требовалось большинство $^{3}/_{4}$ голосовъ.

Въ Люксбургѣ и королевствѣ Саксоніи всякій домохозяинъ имѣлъ право требовать выдѣла своей части изъ общественныхъ земель.

Въ Англіи всѣ соучастники имѣли право голоса, но такъ какъ по каждому раздѣльному акту (inclosure-bill) требовалось утвержденіе парламента и предстояли громадные расходы, то бѣднѣйшіе обыватели, не имѣя средствъ для веденія дѣла, обыкновенно устранялись отъ всей процедуры, черезъ чтó терпѣли большіе убытки.

Далѣе представился вопросъ: по какому размѣру дѣлить общинныя земли? Такъ какъ сельскія общества составлялись изъ разныхъ разрядовъ, то въ бóльшей части нѣмецкихъ земель принято правило допускать къ раздѣлу только тѣхъ хозяевъ, которые имѣютъ свои подворные участки (Hüfenbesitzer) и надѣлять имъ части, соразмѣрныя ихъ участковому владѣнію, или числу скота.

Въ Австріи, полные хозяева получали изъ общихъ угодій цѣлый участокъ, полутяглые $^{1}/_{2}$, прочіе крестьяне по $^{1}/_{4}$ и $^{1}/_{3}$.

Только впослѣдствіи, когда уже эта операція разверстаній приближалась къ концу, были приняты нѣкоторыя мѣры, ограждающія мелкихъ собственниковъ; въ Англіи (по акту 1845 г.) имъ надѣляется во всякомъ случаѣ участокъ (allotment) въ $^{1}/_{4}$ акра (около 200 кв. саж.), — въ Пруссіи выгонъ примѣрно на $1^{1}/_{2}$ коровы,—въ Саксоніи не менѣе 2 акровъ (1 десят.).

Наконецъ надо было также рѣшить и вопросъ — слѣдуетъ ли дѣлить всѣ земли безъ остатка, или оставлять извѣстную часть изъ нихъ въ общемъ владѣніи или пользованіи? Вопросъ этотъ, какъ главный, возникъ въ европейской литературѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, когда уже лучшія, удобнѣйшія земли были всѣ выбраны, подѣлены, и тогда только начали ученые экономисты (Knaus, Stein въ Германіи, St. Mill въ Англіи) доказывать, что окончательное разверстаніе общественныхъ земель расплодило въ новѣйшее время сельскій пролетаріатъ; что выдѣлъ въ на-

турѣ, или въ видѣ денежнаго вознагражденія мелкой полосы въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, или суммы въ нѣсколько рублей, никакъ не замѣняетъ для бѣдныхъ обывателей выгодъ, коими они пользовались отъ общиннаго владѣнія; что, притомъ, разверстка всѣхъ земель стѣсняетъ селенія въ нѣкоторыхъ самонужнѣйшихъ предметахъ — въ водопоѣ, прогонѣ скота, добычѣ строительныхъ матеріаловъ: камня, песку, глины, топлива, торфа, и что, наконецъ, сельское населеніе лишается отъ этого того простора (улицъ, площадей, прогоновъ), который, какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи, составляетъ главную основу и связь односельцевъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, сдѣланы были нѣкоторыя поправки въ дѣйствовавшихъ до этого времени уставахъ: въ Англіи предписано оставлять въ каждомъ селеніи не менѣе 2—4 акровъ подъ общественную прогулку (for the recreation of the inhabitants) и на каждаго домохозяина по 1/4 акра на усадьбу; въ Германіи и Франціи, какъ мы видѣли, дальнѣйшія разверстанія были пріостановлены, или подчинены особымъ разрѣшеніямъ администраціи.

Описавъ положеніе общинныхъ земель въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ были разверстаны и подѣлены, мы теперь упомянемъ о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ до новѣйшихъ временъ сохранились, гдѣ къ ихъ устройству было приложено нѣкоторое стараніе, гдѣ, однимъ словомъ, онѣ пережили время общаго агрономическаго и экономическаго прогресса, наступившаго, какъ извѣстно, очень недавно,—въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія.

Въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи общинныя земли составляютъ главную часть сельскихъ имуществъ. Онѣ называются Almend и подраздѣляются на лѣса, выгоны и поля— Holz, Alp und Feld.

Право пользованія общинными землями обусловливается осѣдлостью, жительствомъ въ селеніи, и выражается словами огонь и свѣтъ (Feuer und Licht), т.-е. что обыватель, имѣющій постоянно отопленіе и освѣщеніе въ селѣ, пользуется топливомъ, выгономъ и извѣстной долей въ общей запашкѣ. Въ это право пользованія онъ вступаетъ точно такъ, какъ

въ Россіи, не по достиженіи совершеннолѣтія, а тогда, когда онъ дѣйствительно принимаетъ хозяйство, женится и отдѣляется отъ дома родителей; въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ завелось и преемственное право пользованія, такъ что оно предоставлено только стариннымъ домохозяевамъ, которые называются Bürger, между тѣмъ какъ новосельцы—Beisassen, хотя и приписанные къ обществу, этими угодьями не пользуются.

Общинные лѣса содержатся вообще въ строжайшемъ порядкѣ; разбитые на лѣсосѣки, они вырубаются по всѣмъ правиламъ лѣсного хозяйства; какъ на топливо, такъ и на строеніе отпускается только высокоствольный лѣсъ, достигшій полнаго возраста, полному хозяину по 6 деревъ, бобылю 2; вообще же распредѣленіе лѣсного матеріала дѣлается по числу строеній и печей.

Выгоны, Alpe, лежатъ, какъ извѣстно, на вершинахъ швейцарскихъ горъ; пастбища распредѣляются по числу головъ каждаго хозяина и по извѣстной поземельной мѣрѣ, которая называется Kuhessen и соотвѣтствуетъ пространству, нужному для двухъ коровъ въ теченіи 5—6-мѣсячнаго лѣтняго выгона. Наконецъ, кромѣ лѣсовъ и выгоновъ, лежащихъ бóльшею частію въ горахъ, около самыхъ селеній, въ долинахъ имѣются пашенныя земли, тоже состоящія въ общемъ владѣніи.

Передѣлы въ нихъ производятся въ сроки, установленные изстари, по приговорамъ и уставамъ сельскихъ обществъ; сроки не менѣе 10 лѣтъ и обыкновенно 15—20; въ нѣкоторыхъ обществахъ владѣніе пожизненно. Эти полевые надѣлы, несмотря на большую густоту населенія (3392 жителя на квадр. милю), составляютъ еще по сіе время довольно крупную собственность по 1400, 1500 и 2500 квадр. клафтеровъ (Klafter—6 футовъ) на хозяина; и если къ этому прибавить пастбища на 2 головы крупнаго скота, и топлива отъ 2—5 куб. саж. на дворъ, то оказывается, что и бѣднѣйшіе домохозяева могутъ проживать безбѣдно на такомъ положеніи.

Вообще швейцарская община имѣетъ очень твердыя, законныя основанія. Всѣмъ членамъ обществъ принадлежитъ право владѣнія (jus possessionis) на томъ же основаніи, какъ гражданамъ Рима предоставлялось право пользованія обще-

ственными землями (ager publicus); право собственности (dominium) принадлежитъ общинѣ. Участіе въ общихъ выгонахъ и лѣсахъ, сроки и порядки передѣловъ, управленіе общинными землями—все это утверждено уставами, соблюдаемыми ненарушимо изъ рода въ родъ. Пространство и цѣнность общинныхъ земель по настоящее время очень значительны; во многихъ сельскихъ обществахъ приходится на жителя по $^1/_2$ и по 1 десят. полей и, кромѣ того, пастбищъ на двѣ коровы. Лѣсовъ въ кантонѣ Ури считается по оцѣнкѣ на 4 милл. фран., такъ что на каждаго домохозяина приходится по 1300 фр. Лучшимъ доказательствомъ, что эти общественныя земли находятся въ совершенномъ порядкѣ, служитъ то, что онѣ оцѣниваются очень высоко: такъ, между прочимъ, при городѣ Золотурнѣ считается 6509 юхартовъ общественныхъ земель (юхартъ—около $^1/_3$ дес.), которыя оцѣнены въ 2.330,000 франковъ, но въ дѣйствительности стóятъ втрое дороже. Это равняется цѣнѣ 1100 фр. за десятину по оффиціальной оцѣнкѣ, или 3300 по дѣйствительной ихъ стоимости.

Въ герцогствѣ Баденскомъ также еще сохранилось кое-гдѣ общинное владѣніе; въ нѣкоторыхъ округахъ надѣлъ довольно значительный, по 3 и по 5 моргеновъ на хозяина.

Извѣстный экономистъ Рау, описывая бытъ этихъ сельскихъ обществъ, признаетъ его очень благоустроеннымъ и совѣтуетъ только сдѣлать слѣдующія измѣненія въ порядкѣ владѣнія: во-первыхъ, установить болѣе долгіе сроки для передѣловъ, которые нынѣ производятся или ежегодно, или по трехлѣтіямъ; во-вторыхъ,—назначить премію вознагражденія хозяину, сдающему свою полосу, если онъ во время своего пользованія произвелъ улучшеніе и удобреніе почвы.

Изъ этого видно, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ общинное владѣніе не было преждевременно осуждено и отмѣнено, гдѣ оно получило разумную и твердую организацію, положеніе общинныхъ земель оказывается нисколько не хуже частныхъ владѣній.

Другой примѣръ основательнаго устройства общиннаго владѣнія представляетъ Голландія, тоже, какъ Швейцарія, страна крестьянскаго землевладѣнія, гдѣ помѣстный элементъ имѣлъ мало силы. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ этой страны въ новѣйшее время произведена была въ значительныхъ раз-

мѣрахъ разверстка мірскихъ земель, такъ-называемыхъ Marken; въ провинціи Дрентѣ считалось еще въ 1828 году 116 маркъ, имѣвшихъ около 125,000 десятинъ, а въ 1860 году оставалось изъ нихъ только 43 марки съ 30,000 десятинами. Но эти увлеченія скоро прошли, и въ настоящее время сельскія общества не только удерживаютъ прежнія марки, но, при образованіи новыхъ обществъ, отводятъ большіе участки подъ общественныя запашки; въ трехъ обществахъ, открытыхъ послѣ 1860 года, устроено 30 таковыхъ участковъ (Marken), имѣющихъ около 9000 десятинъ. Какъ въ Швейцаріи, такъ и въ Нидерландахъ, общественные лѣса составляютъ главное богатство крестьянъ-собственниковъ (Böers); въ одномъ обществѣ Гертеншельборгъ на 60 домохозяевъ имѣется 720 десятинъ лѣсу, въ другомъ на 53 обывателя 324 десятины.

При этомъ надо замѣтить, что въ обѣихъ этихъ странахъ порядокъ пользованія и эксплуатація опредѣляются формальными грамотами и уставами, изъ коихъ многіе восходятъ до среднихъ вѣковъ и могутъ быть исправлены и измѣнены не иначе, какъ по приговору $^2/_3$ и $^3/_4$ голосовъ и съ утвержденіемъ высшаго кантоннаго или провинціальнаго начальства.

Изъ этого видно, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ демократическіе интересы имѣли право голоса, гдѣ они не были подавлены самоуправствомъ крупныхъ собственниковъ, тамъ общинныя владѣнія въ извѣстныхъ размѣрахъ и въ опредѣленныхъ условіяхъ сохранились до новѣйшихъ временъ, и сохранились въ самомъ цвѣтущемъ видѣ, посреди самой интенсивной, усовершенствованной культуры, въ странахъ и обществахъ, нисколько неотставшихъ отъ современной цивилизаціи и едва ли, по благосостоянію жителей, не опередившихъ другія великія державы и народы, какъ-то: Швейцарія и Голландія [2]).

Изъ этого очерка общиннаго владѣнія въ Европѣ и сравненія его съ нашимъ мірскимъ можно, какъ намъ кажется, сдѣлать слѣдующіе выводы:

а) къ разверсткѣ и раздѣлу общинныхъ земель приступ-

лено было въ западной Европѣ преждевременно и легкомысленно, подъ вліяніемъ одностороннихъ агрономическихъ соображеній и предвзятыхъ, нѣсколько пристрастныхъ мнѣній. Подѣлены и распроданы были сначала, разумѣется, лучшія части этихъ земель, такъ какъ на нихъ было болѣе охотниковъ и покупателей; остались худшія, которыя, по естественному своему безплодію, находились въ положеніи запущенномъ и дикомъ; это разстройство общинныхъ угодій было приписано исключительно формѣ владѣній, между тѣмъ, какъ оно проистекало отчасти изъ природнаго свойства этихъ неудобныхъ земель, отчасти изъ самой системы разверстанія, ибо понятно, что сельскія общества не заботились объ улучшеніи такихъ угодій, которыя подлежали раздѣлу и часть коихъ (при томъ же часть неизвѣстная) должна была отойти къ землевладѣльцу, лорду или ритергутсбезицеру. Тамъ же, наоборотъ, гдѣ право крестьянскихъ обществъ осталось неприкосновенно, гдѣ приняты были мѣры къ сохраненію общинныхъ угодій, въ Швейцаріи, Голландіи, эти земли нисколько не отстали отъ другихъ въ благоустройствѣ и производительности. Наконецъ, даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ лучшая часть общинныхъ владѣній была похищена и распродана частнымъ владѣльцамъ, другая, худшая, даетъ въ настоящее время очень удовлетворительные доходы;

b) всѣ европейскія правительства и бóльшая часть современныхъ экономистовъ (такіе авторитеты, какъ Rau, Stein, St. Mill, Laveleye) въ послѣднее время нѣсколько измѣнили свои взгляды на общину, не осуждаютъ ее безусловно, какъ impendiment всякаго прогресса; дальнѣйшее и окончательное размежеваніе пріостановлено и отсрочено во Франціи, Германіи, Австріи. Рядомъ съ неудобствомъ общиннаго владѣнія выставляются на видъ и такія еще бóльшія неудобства участковаго, подворнаго надѣла, и вопросъ, нѣкогда разрѣшенный категорически и обратившійся въ символъ вѣры сельскаго хозяйства, о превосходствѣ частнаго владѣнія надъ общиннымъ, въ настоящее время подвергается новому разсмотрѣнію въ апелляціонномъ порядкѣ.

Эти два факта мы просимъ замѣтить, потому что они должны внушить намъ, въ Россіи, нѣкоторую осмотрительность и предостеречь насъ отъ легкомысленнаго подражанія

такимъ реформамъ, которыя въ Европѣ начинаютъ признаваться не вполнѣ удачными, и возбуждаютъ въ лучшихъ представителяхъ науки и политики опасенія и недоумѣнія.

Мы должны также объяснить то глубокое, существенное различіе, которое отличаетъ нашъ мірской бытъ отъ общинныхъ и такъ-называемыхъ коммунистическихъ воззрѣній, проявляющихся въ наше время на Западѣ, ибо, какъ извѣстно, противники русскаго міра между прочимъ приводятъ и доводъ, что будто бы наша община есть грубый, но живой зародышъ коммунизма, какъ ее разумѣютъ европейскіе революціонеры, и, съ другой стороны, наши народолюбивые юноши тоже мечтаютъ найти въ руссомъ мірѣ элементы для излюбленныхъ ими ученій объ упраздненіи собственности и хозяйства.

Въ этомъ отношеніи тѣ и другіе одинаково ошибаются, какъ и часто случается съ людьми крайнихъ мнѣній, принимающихъ свои личныя опасенія и увлеченія за всенародныя угрозы и стремленія.

Нашъ мірской бытъ не имѣетъ ничего общаго съ коммунистическими стремленіями европейскихъ рабочихъ, и не представляетъ никакихъ элементовъ для разрушенія собственности и семейства; онъ, напротивъ, выросъ на двухъ основахъ: правѣ поземельной собственности, обусловленномъ семейнымъ бытомъ.

Это мы постараемся доказать.

Если не ошибаемся, то суть всѣхъ коммунистическихъ ученій состоитъ въ томъ, что доходъ недвижимыхъ имуществъ, и земли въ особенности, по справедливости, принадлежитъ не столько собственнику, сколько лицу, эксплуатирующему имущество, воздѣлывающему землю, и это ученіе, доведенное до крайнихъ своихъ афоризмовъ, приводится окончательно къ тому, что не принадлежность имущества, а трудъ, на него употребленный, основываетъ право на полученіе дохода; далѣе, возводя эту теорію въ общій законъ человѣческихъ обществъ, коммунисты отвергаютъ всякое семейное право на владѣніе, замѣняютъ брачный союзъ сожитіемъ рабочихъ мужескаго и женскаго пола, дворъ и общество—казармой и ар-

телью, и, по пресловутому принципу — à chacun selon ses oeuvres, распредѣляютъ прибыли и убытки по заработкамъ, добытымъ работою сообща.

Общее пользованіе, общинный трудъ, вольная ассоціація, дѣлежъ продуктовъ и заработковъ между членами общества — таковы главныя основанія новѣйшихъ коммунистическихъ вымысловъ.

Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу.

Нашъ русскій міръ имѣетъ въ виду не общее владѣніе и пользованіе, а, напротивъ, общее право на надѣлъ каждаго домохозяина отдѣльнымъ участкомъ земли; обработка сообща и дѣлежъ продуктовъ, хлѣба или сѣна въ натурѣ, при уборкѣ, никогда не были въ обычаѣ русскаго крестьянства и совершенно противны мірскому быту.

Общественныя запашки, огульныя работы всегда внушаютъ нашимъ общинникамъ неодолимое отвращеніе, и когда подобныя мѣры принимались помѣщиками или начальствомъ (въ удѣльныхъ имѣніяхъ и военныхъ поселеніяхъ), то они исполнялись только по принужденію и часто съ помощью насильственныхъ средствъ, военныхъ командъ и экзекуцій, а при освобожденіи крестьянъ были повсемѣстно отмѣнены.

При нарядахъ на общественныя работы, починки дорогъ, проводъ канавъ и т. п., крестьяне всегда избѣгаютъ работы сообща, разбиваютъ дорогу или канаву посаженно, по тягламъ или душамъ, и исполняютъ нарядъ подъ личною отвѣтственностью каждаго домохозяина. Вообще, коммунистическій принципъ общественнаго обязательнаго труда такъ противенъ разгульному нраву русскихъ рабочихъ, что они, безъ сомнѣнія, встрѣтили бы проповѣдниковъ подобныхъ иноземныхъ ученій съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ принимали сельскихъ начальниковъ и аракчеевскихъ офицеровъ, выгонявшихъ ихъ, по наряду, на сельскія полевыя работы.

Существо мірского общиннаго быта заключается въ равномъ правѣ на земли всѣхъ членовъ общества пропорціонально ихъ рабочимъ силамъ; но земля, однажды надѣленная, разверстанная, воздѣлывается, пашется, боронится и косится отдѣльно каждымъ владѣльцемъ. Коренное понятіе, изъ коего выросло русское мірское общество, есть равноправ-

ность всѣхъ членовъ общества по земельному владѣнію, равное разверстаніе всѣхъ полевыхъ угодій между всѣми взрослыми рабочими, но вовсе не совмѣстное, общинное пользованіе, о коемъ мечтаютъ легковѣрные реформаторы-соціалисты, отвергающіе право собственности и семейныя связи. Русскій міръ есть, напротивъ наивысшее, даже нѣсколько преувеличенное подтвержденіе правъ собственности и семейнаго быта, ибо полагаетъ основаніемъ всякаго общества—право на землю всѣхъ его членовъ и ставитъ одно условіе, одинъ срокъ для полученія земельнаго надѣла—вступленіе въ бракъ и въ семейную жизнь. Полное тягло слагается изъ двухъ рабочихъ душъ мужского и женскаго пола, совершеннолѣтняго мужика и замужней бабы, и они, совокупно въ одномъ общемъ хозяйствѣ, выражаютъ единицу рабочей силы, первое звено хозяйственнаго и мірского общественнаго быта.

Поэтому можно смѣло утверждать, что мірское землевладѣніе въ томъ видѣ, въ коемъ оно устроилось въ великороссійскихъ губерніяхъ на мѣстахъ первобытныхъ поселеній славянскихъ племенъ, имѣетъ главною основою рабочую семейную силу, полнымъ выраженіемъ коей служатъ не отдѣльныя личности, не индивидуальныя способности и нужды, а хозяйственный бытъ мужа съ женой, совокупный ихъ трудъ, скрѣпленный брачнымъ союзомъ и потребностями, истекающими изъ супружества, пропитаніемъ дѣтей, прокормленіемъ престарѣлыхъ родителей. Земельный надѣлъ есть не только право, но и обязанность; женатый крестьянинъ не только можетъ, но и долженъ держать землю; холостой или вдовый мужикъ долженъ отыскивать невѣсту, потому что домъ, крестьянскій дворъ, безъ бабы признается неполнымъ, разстроеннымъ хозяйствомъ. Всѣ эти понятія, права и обязанности домохозяйства и супружества, равноправности и равнотягости соединяются въ выраженіи тягло, которое есть основное понятіе русскаго крестьянскаго землевлавѣнія, точно такъ какъ подворный участокъ (Hufe, Bauernhof, Hake) есть основа германскаго аграрнаго строя.

Итакъ, весь вопросъ о преимуществахъ и выгодахъ участковаго и общиннаго владѣнія можетъ быть сведенъ къ сравненію двухъ главныхъ основаній крестьянскаго полеводства— тягла и гуфы. — Тягловая разверстка имѣетъ въ виду рабочую силу—то, что нѣмецкіе экономисты называютъ Arbeitsfläche; вторая — подворная, принимаетъ въ разсчетъ семейныя нужды, расходы насущнаго пропитанія Nahrungsfläche. Въ нѣмецкимъ земляхъ семейные, домовитые хозяева получали по возможности такой участокъ, какой, по среднимъ примѣрнымъ вычисленіямъ, требовался для прокормленія семьи, не менѣе 30 морг. и болѣе, если земли было достаточно; прочіе обыватели оставались, если можно такъ выразиться, за штатомъ. Въ русской землѣ всѣ поселяне, приходя на мѣсто, разверстывали полевыя угодья тоже по семьямъ, но принимали въ разсчетъ не среднюю постоянную норму семейныхъ нуждъ и расходовъ, а рабочую силу, какая въ данный моментъ состояла въ отдѣльныхъ семействахъ; семья, дворъ получали не нормальный участокъ, равный всѣмъ прочимъ, подворнымъ, но бо́льшій или меньшій, смотря потому, сколько считалось рабочихъ душъ въ одномъ домѣ.

Изъ этого различнаго размѣщенія первыхъ поселянъ, должны были произойти и произошли дѣйствительно существенныя различія въ общественномъ строѣ этихъ земель.

Въ Германіи крестьянскія семьи точно такъ, какъ и дворянскіе роды, стремились къ закрѣпленію за собой потомственнаго владѣнія отведенными имъ участками, къ прочному, порядочному устройству своихъ хозяйствъ, къ округленію своихъ владѣній, вообще къ интенсивной культурѣ; для обезпеченія одной части своего семейства жертвовали другой, передавая недвижимыя имущества одному наслѣднику и выдѣляя прочимъ движимость или денежную часть, если успѣвали накопить сбереженія. Аккуратность, бережливость, порядокъ вообще сдѣлались отличительными качествами германскихъ земледѣльцевъ, и коль скоро они освободились отъ гнета феодальныхъ повинностей, сельское хозяйство и культура страны быстро подвинулись къ наивысшей производительности.

Въ Россіи домохозяинъ стремился только къ уравненію

своихъ владѣній со всѣми прочими надѣлами своихъ односельцевъ, и когда у него оставалась излишняя рабочая сила, то старался или прихватить земли у смежныхъ владѣльцевъ, или отпускать домочадцевъ на отхожіе промыслы, на сторонніе заработки. — Распашка новыхъ земель, подъемъ цѣлины, рѣзка луговъ подъ ленъ, расчистка лѣсныхъ пустошей, вообще экстенсивная культура сдѣлалась отличительнымъ свойствомъ крестьянскаго земледѣлія въ Россіи; но эти добавочные промыслы служили только подспорьемъ собственному хозяйству, такъ какъ всякій рабочій сохраняетъ во всякомъ случаѣ свою долю въ общественныхъ угодьяхъ, какъ бы эта доля ни была велика, или мала.

Итакъ, первый результатъ этихъ двухъ системъ поселеній былъ тотъ, что подворное владѣніе ускорило развитіе и усовершенствованіе сельскаго хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и расплодило сельскій пролетаріатъ, а тягловое, наоборотъ, задержало улучшеніе земледѣлія, понизило общій уровень народнаго богатства, но удержало все сельское населеніе въ хозяйственномъ, домовитомъ и осѣдломъ состояніи.

При первомъ изъ этихъ двухъ порядковъ много выиграла страна, почва, земледѣльческая культура, цивилизація; но вообще общенародному экономическому прогрессу была пожертвована бо́льшая часть народныхъ массъ, принесена чувствительная жертва нѣсколькихъ милліоновъ хлѣбопашцевъ, искупившихъ невольный грѣхъ своего неимущества — лишеніемъ послѣднихъ своихъ владѣній.

При второй, мірской организаціи всѣ сельскіе обыватели почти поголовно остались при своихъ дворахъ и земляхъ, къ коимъ закрѣплены были помѣщичьей властью и, по упраздненіи этой власти, получили право собственности на эти угодья въ силу давности владѣнія; но стѣсненные сначала крѣпостною зависимостію, впослѣдствіи круговой порукой и мірскимъ самоуправствомъ, они мало склонны къ нововведеніямъ и улучшеніямъ и вообще стоятъ на низшей степени культуры и благосостоянія, чѣмъ та часть крестьянскаго населенія, которая въ другихъ странахъ получила подворный надѣлъ.

Но, взвѣшивая эти обоюдныя пользы и вредъ, нужно всегда

имѣть въ виду, что здѣсь часть сравнивается съ цѣлымъ, одинъ разрядъ крестьянъ—со всѣмъ крестьянскимъ сословіемъ, и что поэтому выводы изъ такого сравненія въ общенародномъ отношеніи невѣрны. Средняя пропорціональная народнаго богатства можетъ быть выше въ той странѣ, гдѣ меньше богатыхъ владѣльцевъ и зажиточныхъ крестьянъ.

Теперь переходимъ къ разсмотрѣнію того же вопроса объ общинномъ владѣніи въ настоящемъ его положеніи въ Россіи. Послѣ очень долгаго періода словопреній, онъ въ послѣднее время началъ переходить на практическую почву: по распоряженію правительства собирались свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и вліяніи этой формы владѣнія на хозяйственный бытъ крестьянъ. Изъ отзывовъ земскихъ управъ, губернскихъ присутствій и другихъ мѣстныхъ властей и жителей можно уже составить себѣ довольно полную картину мірского быта въ великороссійскихъ губерніяхъ и участковаго владѣнія въ западномъ краѣ.

Первый фактъ, который выдѣляется очень ярко изъ отзывовъ, представленныхъ изъ 46 губерній, это то, что, въ теченіи 14 лѣтъ со дня освобожденія, было очень мало случаевъ перехода крестьянъ съ общиннаго пользованія на участковое. Во всей Россіи упоминается только о слѣдующихъ случаяхъ: въ Самарской губ. 17 деревень, въ коихъ числится домохозяевъ 1,926 и у нихъ земли 12,823 десятины. Въ Тульской губ. число крестьянъ, подѣлившихъ свои земли на участки, простиралось до 15,731 человѣкъ. Въ Курской губ. только два селенія (число душъ не показано) замѣнили общинное пользованіе участковымъ. Въ Могилевской губ. составлено 26 приговоровъ о раздѣленіи земель на подворные учатски, изъ коихъ 1 по Гомельскому уѣзду, на 760 десятинъ въ одномъ селеніи и 25 по Чериковскому уѣзду, гдѣ въ 25 селеніяхъ раздѣлено подворно 12,000 десятинъ на 1,030 наслѣдственныхъ участковъ. Въ Нижегородской губ. крестьяне раздѣлили свои земли на подворные участки въ 4 селеніяхъ Нижегородскаго уѣзда (192 дес.) и въ 49 Сергачскаго уѣзда (10,540 дес.).

Это и были по сіе время (1873 г.) единственные случаи замѣны общиннаго владѣнія участковымъ, а такъ какъ приговоры о такой замѣнѣ восходятъ на утвержденіе губернскихъ присутствій и не могутъ быть скрыты, то можно положительно заключить, что другихъ случаевъ не было.

При этомъ оказывается, что приговоры, составленные по внушенію нѣкоторыхъ посредниковъ, радѣющихъ объ отмѣнѣ мірского владѣнія, или по настоянію наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, радѣющихъ о собственныхъ выгодахъ, что приговоры, составленные на бумагѣ, не всегда приводились въ исполненіе: изъ Симбирской губ. доносятъ, что „общественные приговоры о раздѣлѣ земель существуютъ только на бумагѣ и составлены для того, чтобы можно было нѣкоторымъ крестьянамъ (болѣе богатымъ) выкупить сразу свои надѣлы отдѣльно отъ прочихъ односельцевъ, въ дѣйствительности же, земля находится по прежнему въ общинномъ пользованіи и передѣляется по прежнему“. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ „удѣльные крестьяне раздѣлили свои земли на подворные участки, но это служитъ имъ только средствомъ для болѣе удобной сдачи земель и избѣжанія круговой поруки; улучшенія хозяйства не замѣчается“. Въ Екатеринославской губ. „нѣкоторые крестьяне высказываютъ желаніе выдѣлиться изъ общества, но все-таки съ цѣлію опять составить между собой, т.-е. между выкупившимися, общину на прежнемъ основаніи; это люди болѣе зажиточные, желающіе избѣжать круговой поруки“.

Вообще, изъ всѣхъ отзывовъ мѣстныхъ учрежденій и землевладѣльцевъ оказывается, что: 1) въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ послѣдовали приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ, они состоялись подъ вліяніемъ богатѣйшихъ крестьянъ, и 2) что при томъ имѣлось въ виду обойти только законъ о круговой порукѣ, а вовсе не упразднить мірское владѣніе.

„Въ Путивльскомъ и Грайворонскомъ уѣздахъ, Курской губ., были примѣры подворнаго владѣнія надѣловъ, но не съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться собственниками, а чтобы избавиться отъ круговой поруки“ [3]).

Относительно дѣйствія и вліянія общиннаго быта на благосостояніе крестьянъ, замѣтны въ собранныхъ свѣдѣніяхъ

противоположные взгляды и мнѣнія; изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ участковое владѣніе вовсе не существуетъ, нѣкоторыя учрежденія, управы и губернскія присутствія и многіе землевладѣльцы заявляютъ, что замѣна общины участковымъ надѣломъ была бы высшимъ благодѣяніемъ для крестьянъ, и краснорѣчиво описываютъ всѣ благотворныя послѣдствія, ожидаемыя отъ этого порядка владѣнія, имъ неизвѣстнаго.

Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, кое-гдѣ, рядомъ съ мірскимъ бытомъ завелся и участковый, **заявляется, что между тѣмъ и другимъ никакой разницы не оказывается, и что трудно рѣшить, который изъ двухъ—хуже.**

Въ Саратовской губ. съ давнихъ лѣтъ „государственные крестьяне, бывшіе питомцы воспитательнаго дома, надѣленные семейными участками, живутъ до крайности скудно, попортили и засорили свои участки небрежною обработкой, такъ что большая часть ихъ семейныхъ участковъ обратилась въ залежи или перешла за дешевую плату въ пользованіе другихъ хлѣбопашцевъ".

Въ Тульской и Орловской губ. подворное хозяйство болѣе всего встрѣчается у государственныхъ крестьянъ, бывшихъ однодворцевъ, которые владѣютъ такъ-называемыми четвертными землями. Примѣръ такого хозяйства не увлекателенъ; на 10 зажиточныхъ хозяевъ считается 60 совершенныхъ бѣдняковъ, и на такихъ обществахъ числится наиболѣе недоимокъ.

Изъ многихъ уѣздовъ поступаютъ свѣдѣнія, что крестьяне пріобрѣтаютъ покупкой отъ помѣщиковъ довольно большіе участки земель, по 10—20 дес. въ частное и вѣчное владѣніе. По ст. 143 общ. полож. о крест., они имѣли бы право въ такихъ случаяхъ выдѣляться изъ обществъ и переходить на свои купленныя земли. Между тѣмъ, изъ разныхъ губерній показывается, что въ бо́льшей части случаевъ эти покупатели, заводя запашки на новыхъ земляхъ, не переселяются на нихъ, не селятся хуторами и не выписываются изъ обществъ; главное затрудненіе, которое препятствуетъ имъ переходить на жительство на такія пустоши, есть въ сѣверныхъ губерніяхъ неудобство сообщеній и болотистый грунтъ, а въ южныхъ, наоборотъ, недостатокъ воды, отдаленность отъ рѣкъ и ручьевъ, которые всѣ заняты селеніями и господскими усадьбами.

Въ Волынской губ., гдѣ изстари существуетъ подворное владѣніе, крестьянскія усадьбы почти всѣ устроены въ селеніяхъ, а „надѣлы произведены не въ близкомъ разстояніи; у многихъ хозяевъ поля находятся за 10 — 12 верстъ отъ дворовъ, а сѣнокосы—верстъ за 15; поэтому, несмотря на существованіе участковаго хозяйства, значительная часть крестьянской земли не удобряется“.

Особенный характеръ имѣетъ положеніе крестьянъ въ Бессарабской области, гдѣ вопросъ между общиннымъ и участковымъ владѣніемъ, можно сказать, остается открытымъ; до изданія устава 1868 г., какъ царане, такъ и бо́льшая часть прочихъ крестьянъ были надѣлены землей по дворамъ; но, послѣ отвода надѣловъ обществомъ, разверстаніе участковъ приняло характеръ смѣшаннаго, участковаго и общиннаго владѣнія; выпасъ (выгонъ) состоитъ въ общинномъ пользованіи, пахатныя земли—въ подворномъ. Примѣръ многихъ мелкихъ собственниковъ, издавна владѣющихъ землей подворно, также не подтверждаетъ благодѣтельнаго дѣйствія этой формы владѣнія; многіе изъ нихъ, „по крайней мѣрѣ половина, обнищали, хотя и пользуются полнымъ правомъ собственности“.

Предсѣдатель одной управы даже доноситъ, что „на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно предсказать развитіе общиннаго начала въ Бессарабской области, гдѣ оно доселѣ не существовало“.

Другой фактъ, который также выясняется въ настоящемъ быту русскихъ общинниковъ, есть то, что сознаніе о вредѣ слишкомъ частыхъ передѣловъ проникаетъ всюду, и что, по иниціативѣ самихъ крестьянъ, мірскіе раздѣлы пахатныхъ полей во многихъ мѣстностяхъ сдѣлались уже нынѣ болѣе рѣдкими и долгосрочными.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ равнозначущіе отзывы и показанія изъ 32 великороссійскихъ губерній.

Всѣ управы и мѣстные жители, запрошенные коммиссіями о состояніи общиннаго владѣнія, свидѣтельствуютъ, что со времени освобожденія крестьянъ, передѣлы становятся гораздо рѣже, и совершаются на болѣе продолжительный срокъ, 10—15 лѣтъ; во многихъ селеніяхъ составлены при-

говоры о допущеніи передѣловъ только послѣ 20-лѣтняго срока, положеннаго для переоцѣнки оброка по пол. о крест. или въ годы ревизіи, когда таковыя назначены будутъ правительствомъ.

Во Владимірской губ. старшины и крестьяне 4-хъ волостей доносятъ, что передѣлы бываютъ только отъ ревизіи до ревизіи, причемъ поля дѣлятся такъ: вся земля дѣлится на полувыти, въ коей 24 души; она же подраздѣляется на 2 четвертухи по 12 дес., или въ другихъ селеніяхъ на жеребьи, въ коемъ по 10 душъ, и каждому домохозяину отводится полоса во всю длину четвертухи, шириной соотвѣтствующая числу тяголъ и душъ въ семьѣ.

Изъ Ярославской губ. пишутъ, что передѣлы полей совершаются не часто, только въ случаѣ накопленія пустыхъ участковъ отъ прибылыхъ душъ, или при сдачѣ въ міръ сиротскихъ надѣловъ; передѣлы въ первое время были каждый годъ, теперь гораздо рѣже; въ одной волости показываютъ, что до 1871 г. передѣловъ и не помнятъ, въ другой — что передѣловъ не было съ 10-й ревизіи.

Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, существуетъ общинное пользованіе, но съ весьма рѣдкими передѣлами — черезъ 20 и 30 лѣтъ; въ Черньскомъ уѣздѣ, той же губерніи, у государственныхъ крестьянъ земли передѣляются съ ревизіи до ревизіи. Изъ Орловской губ. землевладѣльцы показываютъ, что почти вездѣ составляются приговоры не дѣлить земли ранѣе 6 лѣтъ. Въ Воронежѣ передѣлы у малороссіянъ частые, у великороссовъ отъ ревизіи до ревизіи.

Таковые же отзывы представлены почти изъ всѣхъ коренныхъ русскихъ губерній. Явленія эти однако частныя; передѣлы въ неопредѣленныя и слишкомъ частые сроки составляютъ еще по сіе время общій законъ, подъ коимъ живетъ бо́льшая часть крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, отчасти и государственные. Но вредъ этихъ передѣловъ сознается повсемѣстно самими крестьянами, и, какъ видно, однимъ изъ первыхъ дѣйствій прекращенія крѣпостной зависимости, было удлиненіе сроковъ неизмѣннаго владѣнія, установленіе извѣстныхъ періодовъ отъ ревизіи до ревизіи, или на 10—15—20 лѣтъ и закрѣпленіе этихъ рѣшеній формальными приговорами. Эти рѣшенія, какъ сказано, соста-

вляютъ по сіе время не общее правило, а исключеніе; но достаточно того, что примѣры эти встрѣчаются повсемѣстно и приводятся изъ самыхъ различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей Россіи, чтобы заключить, что народъ сознаетъ эту вредную сторону мірского своего быта и стремится ее исправить.

Но, сознавая вредъ слишкомъ частыхъ передѣловъ, ни сельскія общества, ни управы и мѣстные жители не видятъ возможности и не признаютъ пользы безусловнаго ихъ запрещенія. Правда, въ этомъ отношеніи замѣтно нѣкоторое разногласіе; многіе землевладѣльцы (но ни одно крестьянское общество и ни одна волость), жалуясь вообще на вредъ передѣловъ и общиннаго владѣнія, предлагаютъ, будто-бы, переходъ къ участковому, но предложенія эти останавливаются на общихъ фразахъ, не формулируются ни въ какія положительныя мѣры и никто изъ этихъ поборниковъ частной собственности не выражаетъ даже своего мнѣнія о порядкѣ перехода къ участковому землевладѣнію.

Напротивъ, въ отзывахъ многихъ волостныхъ правленій и немногихъ землевладѣльцевъ, описывающихъ вредъ слишкомъ частыхъ передѣловъ, почти всегда дѣлается заключеніе, что передѣлы въ извѣстные, болѣе или менѣе продолжительные сроки все-таки необходимы и полезны и что мірская разверстка съ этой поправкой есть наиболѣе справедливая система уравненія.

Замѣчанія нѣкоторыхъ волостей поразительны не только по своей, нѣсколько наивной редакціи, но и по твердой увѣренности въ пользѣ мірскаго владѣнія.

Старшины и крестьяне одной волости Боровичскаго уѣзда пишутъ такъ: „но какъ ни худы передѣлы, а еще хуже, если ихъ не будетъ совсѣмъ; предположимъ, что мы перейдемъ отъ общиннаго къ участкому пользованію землей; положимъ, что крестьянину достанется земли на 4 души; обработывать ее и заплатить повинности онъ теперь еще будетъ въ состояніи, а что́ ему дѣлать потомъ, когда семья его уменьшится, когда работниковъ у него въ семьѣ станетъ меньше? тогда ему всей земли не обработать, а рабо-

чихъ нанимать не изъ чего; имъ придется, пожалуй, больше переплатить, чѣмъ добудешь съ земли, и откуда онъ достанетъ тогда денегъ для уплаты повинностей?"

Изъ Вышневолоцкаго уѣзда одна волость доноситъ: „въ 1864 г. былъ послѣдній передѣлъ, при которомъ, вмѣсто общиннаго, введено участковое пользованіе землей; въ настоящее время больше половины крестьянъ этимъ нововведеніемъ недовольны, являются жалобы на неоднокачественность отведенныхъ участковъ; тѣ изъ крестьянъ, въ чьихъ семьяхъ уменьшилось число членовъ, жалуются на тяжесть повинностей, и наконецъ на то, что появилась выморочная земля, которая пользы никому не приноситъ, подати же и повинности за нее взыскиваются. О снятіи этихъ повинностей со стороны крестьянъ было ходатайство въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, но оно не привело до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ".

Старшина и крестьяне двухъ волостей Владимірскаго уѣзда представляютъ слѣдующее мнѣніе: „если бы было введено участковое землевладѣніе вмѣсто общиннаго, то крестьяне остались бы въ черезполосномъ владѣніи, а потому невыгоды остались бы тѣ же самыя. Конечно, поля стали бы лучше удобряться и обработка ихъ стала бы совершеннѣе, но, съ другой стороны, увеличеніе членовъ въ одной семьѣ, и уменьшеніе въ другой, вызвало бы аренды земли у крестьянъ, причемъ возможна аренда полосъ, лежащихъ другъ отъ друга очень далеко, что̀ ведетъ къ еще бо̀льшей разбросанности участковъ, принадлежащихъ одному хозяину, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь".

Отъ частныхъ лицъ и землевладѣльцевъ заявляются слѣдующія возраженія противъ отмѣны общиннаго владѣнія:

1) Въ сѣверной полосѣ разнородность почвы и угодій; обстоятельство это такъ сильно вліяетъ не только на общинную, но и на помѣстную собственность, что черезполосность ни при какой формѣ владѣнія не можетъ быть избѣгнута и точно также заводится въ частныхъ запашкахъ, какъ и въ мірскихъ поляхъ; обыкновенный аргументъ, приводимый противъ общинной разверстки, состоитъ въ томъ, что полосы въ пахатныхъ поляхъ нарѣзаются слишкомъ узкія; но при разбивкѣ полей на подворные участки то, что̀ выигрывается въ

ширинѣ, утрачивается въ длинѣ и, вмѣсто полосы въ 100 саж. длины,—4 саж. ширины, получается квадратъ въ 20 саж.; въ первомъ случаѣ, при паханіи, будетъ (считая примѣрно по 12 бороздъ на сажень) всего 48 поворотовъ, во второмъ 240, и, считая на каждый поворотъ сохи по одной минутѣ, будетъ истрачено лишнихъ 192 мин. или 3 часа 12 мин. на ораніе 1/6 десятины. Если же фигура участка выйдетъ неправильная, съ острыми углами или съ клинообразнымъ концомъ, или съ извилистой кривой межой, то паханье такихъ мелкихъ угловъ еще затруднительнѣе, и употребленіе плуга на такихъ поляхъ дѣлается вовсе неудобнымъ. Поэтому выдѣлъ подворныхъ участковъ былъ бы возможенъ только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ почва ровная, и полный крестьянскій надѣлъ на одинъ дворъ, 10—15—20 дес., могъ бы быть отведенъ къ одному мѣсту; въ лѣсистыхъ и болотныхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи такихъ селеній немного.

2) Другой аргументъ, будто бы при подворномъ владѣніи полевыя угодья остаются всегда въ ближайшемъ разстояніи отъ усадьбы, имѣетъ силу только при первоначальномъ отводѣ земли; впослѣдствіи, когда число душъ въ одной семьѣ увеличивается, въ другой уменьшается, первая снимаетъ, а вторая сдаетъ свои земли или часть ихъ въ оброчное содержаніе, и тогда переѣзды съ одной полосы на другую становятся еще длиннѣе и затруднительнѣе, такъ какъ пахарю приходится переѣзжать съ сохой черезъ чужія владѣнія, гдѣ проѣздъ ему можетъ быть запрещенъ.

3) Въ черноземной и степной полосѣ вышеуказанное неудобство, разнородность почвы, отпадаетъ; угодья, вездѣ ровныя по свойству почвы, могли бы быть отведены къ однимъ мѣстамъ въ полномъ размѣрѣ и правильными фигурами съ прямыми межами. Но здѣсь представляется другое сильнѣйшее, можно сказать безусловное, препятствіе къ разселенію жителей по отдѣльнымъ участкамъ—это безводье. Какъ извѣстно, въ этомъ хлѣбородномъ краѣ недостатокъ воды также чувствителенъ, какъ излишекъ влаги въ сѣверной полосѣ; всѣ рѣки, ручьи, озера, пруды, самыя ничтожныя лужи заняты сплошнымъ населеніемъ; береговыя угодья, бо́льшею частью поемныя, цѣнятся такъ высоко (не менѣе 25 руб. аренды), что пріобрѣтеніе ихъ въ собственность отдѣльными мелкими

домохозяевами немыслимо; при значительной распродажѣ помѣщичьихъ земель крестьянамъ въ Орловской и Курской губ. замѣчено, что землевладѣльцы продаютъ только дальнія поля, гдѣ нѣтъ воды, и что по этому самому крестьяне, даже и купившіе земли въ полную собственность, не селятся на нихъ хуторами, а, владѣя ими какъ отхожими пустошами, остаются на жительство въ селеніи и въ мірскомъ обществѣ.

4) Наконецъ, изъ южныхъ губерній, новороссійскихъ и другихъ, также заявляется, что раздѣлъ полей на участки крайне затруднилъ бы содержаніе того значительнаго количества скота и овецъ, который составляетъ главное богатство сельскихъ обывателей.

Противъ этихъ сомнѣній и возраженій заявляются также, съ другой стороны, положительные и еще болѣе многочисленные отзывы о вредѣ общиннаго пользованія, преимущественно, можно сказать даже исключительно, въ томъ отношеніи, что частые въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Тверской и въ другихъ губерніяхъ ежегодные передѣлы пахатныхъ полей затрудняютъ удобреніе почвы, — что̀ безъ сомнѣнія, составляетъ самую вредную сторону нашего мірского землевладѣнія. Но прежде, чѣмъ обвинять самое учрежденіе въ этомъ зловредномъ его дѣйствіи, нужно разсмотрѣть, откуда, изъ какихъ побужденій вышелъ этотъ обычай и какими мѣрами онъ можетъ быть исправленъ и искоренёнъ [1]).

Мы видѣли, что въ древней Руси въ черныхъ вольныхъ волостяхъ семьи владѣли землей повытно, и когда въ семьѣ подростали молодые мужики, то имъ предоставлялся выборъ, или садиться на тягло, или уходить на заработки. Право на земли оставалось за ними; они имъ и пользовались, если земли было вдоволь и земля была привольная, и если при томъ оказывались пустыя, сдаточныя выти, сиротскія или вымороченныя; въ противномъ случаѣ крестьянскія дѣти уходили на промыслы и, оставаясь въ обществѣ, признавались не тяглыми, а гулящими людьми, все-таки государевыми, но не пашенными, а промышленными крестьянами.

При этомъ порядкѣ передѣлы избѣгались, или по крайней мѣрѣ производились очень рѣдко. Сдѣлались же они не-

обходимыми и вошли во всенародный обычай отъ закрѣпленія крестьянъ за помѣщиками, и отъ податной системы, введенной правительствомъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщичья власть дѣйствовала слабо, заочно, и гдѣ господа были не алчны, тамъ крестьяне обыкновенно облагались оброкомъ огульно, однимъ окладомъ на все селеніе, и въ такомъ случаѣ они передѣляли свои земли очень рѣдко, соблюдая по возможности, чтобы съ тягла спускать столько стариковъ или сиротъ, сколько являлось новыхъ хозяевъ принимать тягловыя земли; поэтому въ сѣверной полосѣ, гдѣ преобладало оброчное положеніе, мірскія поля дѣлились на болѣе или менѣе продолжительные сроки, обыкновенно отъ ревизіи до ревизіи.

Но были и такіе господа, которые взимали оброкъ не по землѣ, нарѣзанной деревнѣ, а по наличному числу рабочихъ душъ; какъ только подросталъ парень, приказывали его женить, зачесть въ тягло и обложить оброкомъ; въ такомъ случаѣ передѣлъ дѣлался необходимымъ и совершался ежегодно по приказу.

То же самое и еще съ бо́льшею настойчивостію проводилось въ барщинныхъ имѣніяхъ средней полосы; каждый взрослый крестьянинъ выгонялся на работу пѣшую и конную, и хотя и можно было предположить, что мужикъ прокормится самъ собой, чѣмъ Богъ послалъ, безъ земли, но на коня надо было положить кормъ и пастбище, чтобы имѣть доброконныхъ работниковъ; подростки 15—14-лѣтняго возраста записывались въ тягло, старики не спускались съ тягла до преклонныхъ лѣтъ. Передѣлы въ такихъ имѣніяхъ производились ежегодно, для усиленія рабочаго состава барщины.

Итакъ, частые передѣлы были неотвратимыя послѣдствія помѣщичьей эксплуатаціи.

Подушный окладъ также повліялъ на раздѣлъ полей, но гораздо слабѣе и почти безвредно, потому что ревизіи производились на длинные сроки и заставляли крестьянъ передѣлять земли только черезъ 15—20 лѣтъ, что́ едвали имѣло вліяніе на обработку полей и систему хлѣбопашества. Но какъ только исчезла главная понудительная причина—крѣпостное право, то и передѣлы начали сокращаться. Этотъ фактъ, едва ли не важнѣйшее и благодѣтельное послѣдствіе

крестьянской реформы, свидѣтельствуется изъ всѣхъ великороссійскихъ губерній безъ исключенія.

Правда, онъ нигдѣ еще (кромѣ одной Пензенской губерніи) не принялъ вида общаго мѣропріятія, или формальнаго постановленія, но достаточно того, что почти изъ всѣхъ уѣздовъ и губерній показывается, что передѣлы становятся рѣже, что, со дня выхода на волю, крестьяне не дѣлили своихъ полей и что во многихъ селеніяхъ состоялись приговоры о неизмѣнномъ владѣніи отъ ревизіи до ревизіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ заявленія, поступившія въ правительственныя коммиссіи, также свидѣтельствуютъ, что, признавая вредъ слишкомъ частыхъ передѣловъ, нигдѣ крестьяне не видятъ возможности и не признаютъ полезнымъ отмѣнить передѣлы безусловно навсегда. Въ этомъ отношеніи отзывы волостей и многихъ управъ такъ же согласны, какъ и мнѣнія ихъ о необходимости передѣлять поля на болѣе продолжительные сроки.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ голословныхъ заявленій немногихъ землевладѣльцевъ, мы не встрѣчаемъ серьёзнаго предложенія объ отмѣнѣ самыхъ передѣловъ; въ принципѣ они признаются нужными, полезными и возраженія относятся только къ злоупотребленію этимъ правомъ. Злоупотребленіемъ признается раздѣлъ пахатныхъ полей ежегодно, или вообще на сроки менѣе 3 лѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ унавоживанье при 3-хъ-лѣтнемъ сѣвооборотѣ становится немыслимымъ; большая часть приговоровъ принимаетъ сроки не менѣе 6 лѣтъ, т.-е. двухъ сѣвооборотовъ или 15 годовъ, т.-е. пяти сѣвооборотовъ, или же отъ ревизіи до ревизіи.

На счетъ луговъ и сѣнокосныхъ угодій, напротивъ, ежегодные передѣлы допускаются, и это оправдывается тѣмъ, что во многихъ селеніяхъ на траву мечется жребій не по душамъ и тягламъ, а по числу скота въ каждомъ дворѣ; это число такъ измѣнчиво при частыхъ падежахъ и неурожаяхъ кормовъ, свирѣпствующихъ въ Россіи, что разверстка луговъ по этому способу дѣйствительно оказывается болѣе справедливою и равномѣрною. Наконецъ, относительно пастбищъ, выгоновъ, ухожей, нѣтъ и сомнѣнія, что общинное пользованіе есть наилучшая система ихъ эксплуатаціи и подворный раз-

дѣлъ этихъ угодій былъ бы смертный приговоръ для крестьянскаго скотоводства.

Итакъ, сколько мы могли прослѣдить настоящее положеніе вопроса объ общинномъ владѣніи въ Россіи, онъ представляется въ настоящій моментъ, черезъ 14 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

1) Крестьяне стѣсняются двумя обстоятельствами,—круговою порукой и частыми передѣлами пахатныхъ полей. Противъ обоихъ этихъ стѣсненій въ особенности протестуютъ лучшіе домохозяева, разсчетливые и трудолюбивые, и стѣсняются до такой степени, что составляютъ подложные приговоры о переходѣ на участковое владѣніе для того только, чтобы избѣгнуть круговой поруки, оставаясь въ дѣйствительности по прежнему на самомъ дѣлѣ въ общинномъ пользованіи и продолжая дѣлить земли по душамъ и тягламъ.

2) Относительно мірского порядка владѣнія вообще, т.-е. подушнаго или тяглового надѣла, передѣла полей въ извѣстные сроки, сѣнокосовъ ежегодно, и общиннаго пользованія выгонами не только не обнаруживается противодѣйствія, но, напротивъ, единодушное стремленіе удержать эти порядки съ нѣкоторыми только исправленіями. Формальныхъ постановленій объ отмѣнѣ общиннаго пользованія мы имѣемъ только по 98 селеніямъ и, кромѣ того, отъ 15,731 души Тульской губ. (гдѣ число селеній не показано), что́ составляетъ въ общей массѣ крестьянъ такую ничтожную дробь, что можетъ быть признано полнымъ отрицаніемъ потребности такого перехода; всѣхъ селеній въ 31 великороссійскихъ губерніяхъ считается 178,280.

Извѣстно, что при введеніи крестьянскаго положенія противники общины всего болѣе настаивали на томъ доводѣ, что оно—положеніе—насильственно закрѣпляетъ мірскую связь, не допуская раздѣла на участки иначе, какъ по большинству $^2/_3$ голосовъ, и задерживая такимъ образомъ въ общественной кабалѣ меньшинство рачительныхъ домохозяевъ въ пользу нерадивыхъ, разгульныхъ крестьянъ.

Такъ какъ во главѣ этой оппозиціи всегда стояли и стоятъ понынѣ представители германскаго элемента, то мы

не находимъ противъ нихъ аргумента болѣе убѣдительнаго, какъ примѣръ той страны, откуда они черпаютъ свои воззрѣнія на русскій бытъ.

Въ Пруссіи и другихъ областяхъ Германіи долго существовало правило, что выдѣлъ изъ общиннаго владѣнія допускается по одноличному требованію каждаго отдѣльнаго домохозяина; но въ новѣйшее время право это было вездѣ ограничено и отмѣнено; разверстка общинныхъ угодій въ Пруссіи, по уставу 1821 г. (Gemeinheitstheilung-Ordnung 7 Juli), допускается только по приговору большинства обывателей и запрещается вовсе по тѣмъ имуществамъ, которыя предназначены для покрытія общественныхъ расходовъ. Въ Баваріи, по уставу 1-го іюля 1834 г., требуется большинство $^3/_4$ голосовъ; въ Баденѣ, Саксенъ-Готѣ то же самое большинство, какъ у насъ.

Но, кромѣ примѣра нѣмецкихъ земель, мы можемъ привести изъ собственнаго нашего опыта данныя, доказывающія, что опасенія о притѣсненіи меньшинства большинствомъ не подтверждаются. Значительныя покупки земель крестьянами, о коихъ мы выше упомянули, дали бы имъ полную возможность воспользоваться правомъ выхода изъ обществъ, независимо отъ приговора большинства, на основаніи ст. 143 общаго положенія или ст. 165 положенія о выкупѣ. Между тѣмъ оказывается, что случаи такого выхода изъ мірскихъ обществъ очень рѣдки; что покупатели не пользуются своимъ правомъ, не выселяются на хутора и пустоши, пріобрѣтенныя ими въ полную собственность, а оставляютъ эти купленныя земли какъ-бы въ запасѣ, продолжая держать коренныя угодья въ общихъ мірскихъ поляхъ.

Изъ этого видно, что не большинство голосовъ препятствуетъ разверсткѣ общинныхъ земель на подворные участки, а другія причины,—бытовыя и естественныя: неудобство разселенія на пустыхъ земляхъ, въ безводныхъ степяхъ, или топкихъ болотахъ и вообще отвращеніе русскаго люда отъ односелія, одиночнаго житья [5]).

Участковое или подворное владѣніе имѣетъ также въ Россіи своихъ представителей, и очень многочисленныхъ: въ

Малороссіи, въ юго-и сѣверо-западномъ краѣ, въ остзейскихъ губерніяхъ и отчасти въ бѣлорусскихъ.

Смѣшанное владѣніе, участковое и общинное, мы находимъ также въ губер. Херсонской, Кіевской, и въ Бессарабіи.

Вообще, характеръ землевладѣнія начинаетъ измѣняться въ юго-западной оконечности Россіи, на тѣхъ рубежахъ, гдѣ русское крестьянское сословіе встрѣтилось съ иноземными помѣстными и торговыми классами и подпало владычеству польскихъ пановъ и евреевъ. Но сначала преобладаніе подворнаго владѣнія очень слабое: въ Полтавской, Черниговской, Кіевской губ. хотя бо́льшая часть крестьянъ надѣлена подворно, но во многихъ мѣстностяхъ сохранилось и общинное пользованіе съ передѣлами; хуторскихъ хозяйствъ мало, мѣстные жители опасаются одиночнаго поселенія вслѣдствіе увеличившихся въ послѣднее время преступленій, грабежей и убійствъ, въ которыхъ часто замѣшаны евреи. Поэтому селенія въ этихъ губерніяхъ очень крупныя: среднее число дворовъ въ одномъ селеніи въ Черниговѣ 104, въ Полтавѣ 133, въ Кіевѣ 112; много селеній въ 1000 — 2000 ревизскихъ душъ; причемъ отдаленность надѣловъ отъ усадебныхъ осѣдлостей очень затрудняетъ полевыя работы.

Въ Подольской и Волынской губ. общинный бытъ уже вполнѣ замѣняется участковымъ, и тутъ уже начинаютъ проявляться и неизбѣжныя послѣдствія этой формы владѣнія: расколъ крестьянъ на разряды полныхъ и половинщиковъ и эксплуатація бѣднѣйшихъ домохозяевъ зажиточными. Во многихъ селеніяхъ внутренніе распорядки сельскихъ обществъ, какъ-бы протестуя противъ этого порядка, введеннаго польскимъ дворянствомъ, отмѣняютъ по существу подворный надѣлъ, формально для нихъ установленный; крестьяне, вслѣдствіе перемѣны въ составѣ семействъ, не пользуются тѣмъ надѣломъ, который имъ отведенъ по люстраціи, мѣняютъ ихъ съ общаго согласія, по приговору большинства обывателей; многія общества и селенія передѣляютъ земли по дворамъ ежегодно, смотря по рабочимъ силамъ каждой семьи. Такимъ образомъ, въ этомъ краѣ русской земли, населенномъ еще чисто русскимъ племенемъ, несмотря на вѣковое владычество инородческаго помѣстнаго сословія, главныя черты мірского, тяглового владѣнія пробиваются сквозь форму подвор-

наго надѣла, введеннаго извнѣ; неравномѣрность, установленная по закону, по возможности исправляется самими крестьянами, безъ спроса и вѣдома попечительнаго начальства, наперекоръ инвентарей и люстрацій, узаконенныхъ правительствомъ, точно такъ, какъ въ Великой Россіи подушныя разверстки, установленныя самодержавною властью великихъ государей, замѣнялись тягловой, упорно сохраненной народомъ, по самовластному праву народныхъ обычаевъ.

Но, какъ только мы выходимъ изъ областей русскаго населенія, подворное владѣніе принимаетъ уже другой характеръ; оно дѣлается уже не только формой, но и существомъ народнаго быта, и проявляется прежде всего въ порядкѣ разселенія. Крупныя селенія замѣняются мелкими для бо́льшаго удобства надѣла по участкамъ: въ Гродненской губ. на 1 деревню въ средней сложности приходится дворовъ 17, въ Минской 19, въ Могилевской 23, въ Виленской 7½, въ Ковенской 6½, наконецъ въ Витебской только 5,47. Односелье здѣсь становится правиломъ, сельско-общественный бытъ — исключеніемъ, передѣлы неизвѣстны; участковое владѣніе разобщило крестьянъ, какъ въ житейскихъ ихъ отношеніяхъ, такъ и въ аграрныхъ ихъ интересахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе положенія 1861 г., крестьяне воспользовались правомъ принять по собственному своему усмотрѣнію тотъ или другой порядокъ владѣнія, они часто принимали общинную форму, но безсознательно; каждый хозяинъ, пишутъ изъ Могилева, захотѣлъ все-таки и въ общинѣ жить отдѣльно; не только землю, но и усадьбы раздѣлили настолько участковъ, сколько взрослыхъ мужчинъ въ деревнѣ, такъ что число дворовъ удвоилось, и на каждый приходилось нарѣзать новые сады, огороды, дворы и поля.

Послѣдствія подворнаго владѣнія также уже обнаруживаются и во всемъ сѣверо-западномъ краѣ размноженіемъ безземельныхъ батраковъ и малоземельныхъ кутниковъ; крестьяне также подраздѣляются на категоріи; полные хозяева изъ крестьянъ, точно такъ, какъ и помѣщики, принимаютъ на свои земли жильцовъ, арендаторовъ, держатъ батраковъ; домохозяева выходятъ на полевыя работы рѣдко для важнѣйшихъ хозяйственныхъ работъ, посѣва, или уборки сѣна и хлѣба; хозяйки, деревенскія бабы, еще рѣже. Крестьянскій

быть все болѣе и болѣе сближается съ помѣстнымъ, и подъ обоими этими классами образуется третій—чернорабочій, или, лучше сказать, чисто рабочій, потому что на него падаетъ все бремя хлѣбопашества, между тѣмъ какъ крестьяне-хозяева, по примѣру дворянъ-помѣщиковъ, все болѣе отвыкаютъ отъ личнаго труда.

Высшимъ проявленіемъ участковаго владѣнія является въ Россіи прибалтійскій край, и оно здѣсь рѣзко отличается отъ той же формы владѣнія на югѣ Россіи тѣмъ, что, по примѣру Германіи и по саксонскому правилу, крестьянскій дворъ считается здѣсь нераздѣльнымъ, замкнутымъ имуществомъ, переходящимъ по старшинству къ одному наслѣднику (Geschlossener Bauernhof), между тѣмъ какъ въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ участки подлежатъ семейнымъ раздѣламъ по французскому обычаю.

Прежде всего, при сравненіи сельскаго быта остзейскаго съ русскимъ бросается въ глаза рѣзкое различіе между размѣщеніемъ жителей; въ лучшей части этого привилегированнаго края, въ Курляндіи, гдѣ дворянство искони отличается высшимъ образованіемъ и аристократическимъ духомъ, крестьянскія селенія, сплошныя жилища земледѣльцевъ, уже почти исчезли, какъ и въ аристократической Англіи; здѣсь, какъ и тамъ, именитое дворянство, сплоченное въ тѣсные родовые и родственные союзы, успѣло провести, какъ главное основаніе своего могущества, полное разобщеніе крестьянскаго сословія не только въ соціальномъ отношеніи, но и въ житейскомъ, аграрномъ. Здѣсь, какъ и въ Англіи, деревень, селеній, нѣтъ; только въ одномъ еще уѣздѣ, Иллукстскомъ, кое-гдѣ остаются небольшія группы отдѣльныхъ дворовъ, носящихъ общее названіе.

Большая часть крестьянскихъ хозяйствъ состоитъ изъ сплошныхъ пашень и луговъ, посреди коихъ расположена усадьба; въ западной части Курляндіи, крестьянскія жилища далеко разсѣяны, нерѣдко на одну и нѣсколько верстъ другъ отъ друга; иногда два-три двора расположены вмѣстѣ, отдѣляясь большимъ пространствомъ отъ всякаго другого жилья. Средній нормальный размѣръ подворнаго участка полагается

въ 40—60 десятинъ; по мнѣнію самихъ крестьянъ-домохозяевъ, крестьянскій дворъ долженъ имѣть не менѣе 33 десят. и до 65. Такой участокъ (среднимъ числомъ 50—60 десят.), по оцѣнкѣ курляндскаго страхового общества, имѣетъ стоимость отъ 2,500 до 3,000 руб. и требуетъ оборотнаго капитала на содержаніе строеній и хозяйственнаго инвентаря не менѣе 300 рублей.

Изъ этого видно, что состояніе крестьянъ-собственниковъ въ Курляндіи и по размѣрамъ, и по цѣнности ихъ имуществъ ближе подходитъ къ русскому мелкопомѣстному сословію, чѣмъ къ крестьянскому; крестьянскій дворъ есть одноличное владѣніе, состоящее въ исключительномъ распоряженіи одного хозяина и служащее мѣстомъ жительства для домочадцевъ, родственниковъ и посторонних обывателей, наемниковъ и рабочихъ; между тѣмъ какъ въ Россіи онъ представляетъ только временное сожительство отца съ дѣтьми, покуда послѣднія не отдѣлились. Соціальное значеніе крестьянскаго двора или семейства выражается и въ составѣ его: въ великороссійскихъ губерніяхъ среднее число ревизскихъ душъ въ одномъ дворѣ выходитъ 2,94, въ прибалтійскомъ краѣ 9,44.

Въ Лифляндіи, которая въ культурномъ отношеніи стоитъ нѣсколько ниже, крестьянскіе участки дѣлятся на разные разряды: полный дворъ полагается не менѣе 25—30 дес. (Minimalsatz въ 10 талеровъ), обыкновенно они больше, среднимъ числомъ въ 46 дес. Но такъ какъ и въ прежніе годы допускался свободный раздѣлъ дворовъ, то въ Лифляндіи, рядомъ съ полными участками, образовались половинные въ 13—15 дес. и въ казенныхъ имѣніяхъ—мелкіе, около 5—6 дес. Въ настоящее время раздѣлы прекратились и крестьяне, слѣдуя примѣру рыцарства, также стремятся къ закрѣпленію земель и къ замкнутости владѣнія. Мелкія хозяйства постепенно падаютъ отъ соперничества крупныхъ и распродаются полнымъ хозяевамъ, или помѣщикамъ; ихъ хлѣбопашество, и особенно выгонъ скота все болѣе и болѣе стѣсняется смежными владѣльцами, и округленіе крупныхъ имѣній на счетъ мелкихъ (Consolidation des Grundbesitzes) подвигается и здѣсь такъ же быстро, какъ и въ Германіи.

Полныя хозяйства принимаютъ все болѣе значеніе помѣстной, господской запашки: при такомъ хозяйствѣ полагается

среднимъ числомъ пахатной и луговой земли около 22 десят., заросли, кустарника и лѣсу 13 десят., неудобной земли 11 дес.; инвентарь крестьянина-хозяина состоитъ не менѣе какъ изъ 3—4 лошадей, 8—10 коровъ и соотвѣтствующаго числа мелкой скотины, телятъ, свиней, овецъ; полевыя работы производятся отчасти домочадцами, отчасти батраками, и при каждомъ крестьянскомъ дворѣ держатся годовые рабочіе, не менѣе двухъ семействъ. Самъ хозяинъ хотя и выходитъ иногда на важнѣйшія работы, но болѣе для присмотра и поощренія другихъ; главные же хозяйственные труды исполняются у такихъ крестьянъ, какъ и у помѣщиковъ, наемными работниками, годовыми и поденными. По отзыву лифляндскаго статистическаго комитета и мѣстныхъ землевладѣльцевъ, положеніе этого разряда крестьянъ настолько же удовлетворительно, даже зажиточно, насколько состояніе мелкихъ хозяевъ скудно и стѣснено; большая часть этихъ послѣднихъ не могутъ даже содержать рабочаго скота, и для своихъ надобностей нанимаютъ лошадей отъ сосѣдей за очень высокую плату. Этой черты достаточно, чтобы дать понятіе о той разорительной эксплуатаціи, которая производится въ средѣ крестьянства богатыми хозяевами надъ бѣдными, ибо отношеніе безлошаднаго хлѣбопашца къ смежнымъ доброконнымъ хозяевамъ не можетъ быть иное, какъ зависимое и униженное.

Въ Эстляндіи отношеніе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ къ крупнымъ еще сильнѣе. Первыхъ (Lostreiberstellen) считается 9,917, вторыхъ 16,383. Но порядокъ населенія въ этой губерніи отличается отъ другихъ двухъ губерній прибалтійскаго края; большая часть крестьянскихъ дворовъ соединены въ одно селеніе, а селенія иногда очень велики, рѣдко менѣе 5—10 дворовъ; отдѣльные подворные участки встрѣчаются рѣдко. Поля и луга обыкновенно нарѣзываются кругомъ деревни полосами, которыя и состоятъ въ потомственномъ пользованіи домохозяевъ, но въ черезполосномъ владѣніи. Сплошныхъ крестьянскихъ участковъ было въ 1867 г. 6,281, черезполосныхъ 10,292. Полные крестьянскіе дворы имѣютъ отъ 31 до 40 десятинъ; мелкіе отъ 3—5. Участки менѣе 3 десятинъ воспрещены закономъ (Minimum Gesetz).

Изъ этого краткаго обзора положенія участковаго владѣнія въ этомъ краѣ, гдѣ оно наиболѣе процвѣтаетъ, можно

представить себѣ полную картину его послѣдствій и дѣйствій, картину, рисующую вліяніе этой формы владѣнія въ ея пользу, такъ какъ всѣ свѣдѣнія заимствованы отъ мѣстныхъ начальниковъ и землевладѣльцевъ, приверженцевъ подворнаго и противниковъ мірского надѣла.

Картина выходитъ съ перваго взгляда такая же красивая и веселая, какъ и наружный видъ прочихъ европейскихъ странъ, съ пышными господскими виллами и зáмками, и съ крупными крестьянскими фермами.

Остзейскіе экономисты и агрономы съ чувствомъ справедливой гордости описываютъ благосостояніе своихъ крестьянъ-хозяевъ, исчисляя всѣ выгоды ихъ сплошного, полнаго и потомственнаго владѣнія, по праву первородства. Выгоды эти несомнѣнны, но, съ другой стороны, есть и неудобства, на которыя они не указываютъ.

Во-первыхъ, оказывается, что описываемое благосостояніе относится только къ высшему разряду полныхъ хозяевъ, и что въ сравненіи съ ними мелкіе хозяева находятся въ положеніи очень стѣсненномъ и даже худшемъ, чѣмъ русскіе крестьяне, если справедливы показанія, что у бóльшей части изъ нихъ нѣтъ лошадей; поэтому, чтобы судить не о достаткѣ отдѣльныхъ лицъ, но объ общемъ благополучіи народа, нужно бы прежде всего вывести пропорцію между этимъ высшимъ разрядомъ и низшимъ.

Мы имѣемъ эти свѣдѣнія только по Курляндской губ., гдѣ, противъ 214,564 крестьянъ-осѣдлыхъ, показано 60,772 неимѣющихъ земли.

Во-вторыхъ, при исчисленіи крестьянъ-хозяевъ и описаніи ихъ благоденственнаго житья, обыкновенно въ реляціяхъ остзейскихъ властей смѣшиваются и подводятся подъ одинъ итогъ крестьяне-арендаторы и крестьяне-собственники. Правда, при системѣ безсрочнаго и потомственнаго пользованія, эти оба состоянія имѣютъ въ данный моментъ нѣкоторое сходство; но сходство это не прочное и очень обманчивое. Если за землевладѣльцемъ остается право возвышать арендную плату, то всѣ прочія гарантіи сами собой блѣднѣютъ передъ этимъ высшимъ правомъ, и обезпеченное благоденствіе арендаторовъ можетъ мгновенно, по волѣ лорда (at will of the Lord) или барона, превратиться въ совершенно необез-

печенное злополучіе. Поэтому, чтобы судить опять по общимъ, а не по частнымъ даннымъ, нужно сличить число крестьянъ-собственниковъ, выкупившихъ по сіе время свои земли, съ числомъ арендаторовъ, ожидающихъ еще соизволенія землевладѣльцевъ.

Въ Лифляндіи въ 1871 г. было крестьянскихъ дворовъ, проданныхъ крестьянамъ, 7,080 (19,15 проц.) и въ нихъ земли 384,590 дес. (20,29 проц.); состоящихъ въ арендѣ было 29,878 (80,85 проц.) и въ нихъ земли 1.368,869 дес. (79,7 проц.).

Въ Эстляндіи, изъ общаго числа 26,300 крестьянскихъ дворовъ и бобыльскихъ мѣстъ продано было къ концу 1871 г. всего 904, или 3,42 процента, въ Курляндіи изъ 11,906 дворовъ продано 2,556, или 21,47 проц.

Такимъ образомъ, огромнѣйшее большинство крестьянъ состоитъ еще по сіе время на арендномъ положеніи и арендные ихъ платежи возвысились въ послѣднія 6—10 лѣтъ на 10, 25 и 30 проц.

Такъ какъ въ этихъ привилегированныхъ областяхъ уступка надѣла совершается не въ видѣ выкупа по нормальной цѣнѣ, какъ въ Россіи, а на правахъ вольной продажи, то понятно, что, по мѣрѣ вздорожанія продажныхъ и арендныхъ цѣнъ, выгоды крестьянскаго участковаго владѣнія будутъ все болѣе выясняться для продавцовъ-землевладѣльцевъ и дѣлаться менѣе доступными для покупателей-крестьянъ, покуда, наконецъ, вся операція не остановится на извѣстномъ разрядѣ наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе будутъ признаны несостоятельными и неспособными къ содержанію собственнаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ, пропорція крестьянскаго благосостоянія къ крестьянскому неимуществу, хозяевъ-собственниковъ къ бобылямъ и чернорабочимъ, можетъ еще сильно измѣниться, и для окончательныхъ выводовъ о благихъ послѣдствіяхъ подворнаго владѣнія надо еще обождать исхода этой поземельной ликвидаціи. Она должна неминуемо идти туго и медленно, и подъ конецъ выключить изъ крестьянскаго домовитаго быта еще бо̀льшее число нынѣшнихъ крестьянъ-арендаторовъ.

Нѣсколько интересныхъ указаній для сличенія участковаго владѣнія съ общиннымъ даетъ намъ исторія поселенія нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи.

Извѣстно, что по первоначальному плану правительства, изложенному въ манифестѣ 1763 г. и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ, поселеніе этихъ выходцевъ было устроено на началахъ германскаго подворнаго владѣнія; земельный надѣлъ пріуроченъ къ семьѣ — „дать земли каждой семьѣ особо", право владѣнія предоставлено старшему, „только бы одинъ изъ нихъ (членовъ семейства) хозяиномъ былъ"; наслѣдованіе установлено въ однѣхъ колоніяхъ по старшинству (майоратство), въ другихъ по меньшинству (минoратство).

Вскорѣ однако представились обстоятельства, измѣнившія эти предначертанія: уже въ 1770 г. появились чехо-моравскія братства, бѣжавшія отъ гоненія германской культуры, которыя искали въ Россіи убѣжища, не столько отъ религіозныхъ преслѣдованій, сколько отъ аграрныхъ притѣсненій нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, и просили у русскаго правительства земель для своего водворенія на началахъ общиннаго владѣнія. Сначала такъ и было сдѣлано, и первыя колоніи такъ-называемыхъ гутерцевъ основаны были въ видѣ общинъ; но, въ началѣ настоящаго столѣтія, по личнымъ интригамъ и ссорамъ, община распалась, и въ 1818 году послѣдовало распоряженіе о раздѣлѣ земель на семейные участки, согласно манифесту 1763 г. Вскорѣ однако обнаружились и неблагопріятныя послѣдствія нововведеннаго порядка. Въ одной изъ этихъ колоній (Радичевъ) обстоятельства были слѣдующія: при первоначальномъ водвореніи имъ отведено было на 44 семейства и 99 ревизскихъ душъ 775 дес., чтó при общинномъ пользованіи сами колонисты признавали достаточнымъ; но, когда послѣдовалъ подворный раздѣлъ, семействъ уже оказалось больше: въ 1834 г. 50, въ 1841 — 69, и число душъ возросло до 889. Семейные участки были разбиты на 43 отдѣльныя дачи, лежащія черезполосно за тремя русскими селеніями и въ разстояніи 10—15 верстъ отъ усадьбъ.

Съ 1864 года начались горькія жалобы и сѣтованія колонистовъ о неудобствѣ подворнаго владѣнія и ходатайства

о возвращеніи къ старому порядку; въ 1842 г. они получили разрѣшеніе переселиться въ Таврическую губернію, но и тамъ не ужились. Въ 1856 г. 40 семействъ составили приговоръ „возвратиться къ прежнимъ порядкамъ общежительства". Распродавъ свои хозяйства въ колоніи, купили близъ города Орѣхова, въ Екатеринославской губ., участокъ въ 1500 дес., гдѣ они и водворились общиной. Но, повидимому, это искусственное общежительство, пересаженное на новыя мѣста и перестроенное по произволу, все-таки не принимается, и колонія, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, все болѣе пустѣетъ и распадается.

Въ колоніяхъ менонитовъ, Самарской и Саратовской губ., принципъ посемейнаго надѣла также не былъ проведенъ въ дѣйствительности; колонистскія общества сами усвоили себѣ окончательно крестьянскій общинный порядокъ пользованія земель съ его срочными передѣлами на наличное число душъ, и правительство приравняло приволжскія колоніи къ порядкамъ русскаго крестьянства, установивъ нормальный надѣлъ, въ 1797 г. по 20 десятинъ на душу 5-й ревизіи, а въ 1841 г. по 15 десятинъ.

Но особенно упорная борьба была между участковымъ и общиннымъ надѣломъ въ колоніяхъ петербургскихъ, которыя должны были въ глазахъ высшаго правительства служить примѣромъ благоустройства и сельскаго домоводства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строжайшаго примѣненія началъ, предначертанныхъ въ манифестѣ 1764 года.

Однако и здѣсь отводъ всѣхъ угодій каждой семьѣ особо, въ одномъ обрубѣ, встрѣтилъ непреодолимыя препятствія; разнообразіе почвы и многія общественныя неудобства съ самаго начала затруднили размежеваніе участковъ; всѣ общества протестовали противъ отвода усадебъ въ разбивку и приводили противъ этой мѣры безчисленныя возраженія: одни жаловались на неудобства мѣстъ для жительства и строенія, другіе—на отдаленность водопоя, третьи—на стѣсненіе выгона и прогона скота, четвертые — на трудность посѣщенія церкви и школы изъ дальнихъ усадебныхъ участковъ, иногда лежащихъ за непроходимыми поемными полями; приводились также и возраженія, что охраненіе отдѣльныхъ участковъ отъ потравъ слишкомъ обременительно для особыхъ хозяйствъ, и

наконецъ, что воздѣлываніе дикихъ земель, требующихъ провода канавъ, осушенія болотъ, корчеванія пней, каковыя и были отведены петербургскимъ колонистамъ, превышаетъ рабочія силы многихъ семействъ, одинокихъ хозяевъ, и возможно только при дружныхъ усиліяхъ цѣлаго общества. Вслѣдствіе этого всѣ петербургскія колонистскія общества распорядились своими надѣлами такимъ образомъ: a) усадьбы для цѣлаго поселенія устроены были на одномъ сплошномъ участкѣ по уравнительной разверсткѣ между семьями; b) выгоны и лѣсныя угодья оставлены въ общемъ пользованіи; c) пахатныя поля разбиты на три клина, и каждый клинъ на нѣсколько дѣловъ или жеребьевъ, изъ коихъ каждому домохозяину по уравненному раздѣлу и передѣлу отводится пай или полоса.

Въ бѣловежскихъ колоніяхъ Черниговской губ. аграрный бытъ нѣмецкихъ выходцевъ еще болѣе приближается къ русскому мірскому: колонисты приняли обычай выдѣлять женатыхъ сыновей въ особыя хозяйства, и каждая семья подраздѣляетъ свой участокъ по мѣрѣ образованія изъ ея среды молодыхъ семействъ. Въ 1801 году, черезъ 34 года послѣ ихъ водворенія (въ 1765 г.), неравномѣрное распредѣленіе первоначальнаго надѣла дошло до того, что нѣкоторыя семейства владѣли 1/2 десят., другія — 35 дес., а 13 семействъ вовсе не имѣли земли. Мельчаніе участковъ и обезземеленіе однихъ поселянъ шли рядомъ съ округленіемъ и распространеніемъ владѣній другихъ и при потомственномъ пользованіи угодья постепенно стягивались въ однѣ руки наиболѣе зажиточныхъ хозяевъ.

Число семействъ уже значительно прибыло; въ 1805 г., вмѣсто 147 дворовъ, получившихъ при водвореніи по 30 дес., было ихъ 194; главы семействъ старожиловъ, считая себя представителями первобытныхъ поселянъ, доказывали свое преимущественное право на полный 30 дес. надѣлъ, и требовали дополненія участковъ до этого размѣра, оспаривая права младшихъ хозяевъ; послѣдніе, напротивъ, настаивали на передѣлѣ всѣхъ земель по наличному числу семействъ. Силы обѣихъ партій были такъ равны, междуусобіе такъ упорно, что правительство не могло ихъ примирить, и въ 1830 г. 131 семейство были выселены въ Екатеринославскую губернію.

Въ рибенсдорфской колоніи тѣ же смуты и междуусобія. Воронежскій губернаторъ въ 1832 г. доноситъ, что при размноженіи семействъ, число коихъ возрасло съ 65 на 140, наслѣдственные участки, дѣлясь поровну между наслѣдниками, дошли до крайняго измельчанія; иныя семейства, кои еще не такъ размножились, владѣютъ землей въ большомъ количествѣ, другія, числомъ до 30, дошли до крайняго мелковладѣнія и такой бѣдности, что не могутъ оплачивать повинностей.

Хотя здѣсь правительство и приняло мѣры къ возстановленію порядка колонизаціоннаго закона 1764 г., запретивъ раздѣлъ посемейныхъ участковъ по указу сената 8 декабря 1848 г., но съ обѣднѣвшими и обезземеленными семействами не могло ничего подѣлать и вынуждено было въ 1852 году, послѣ многолѣтней и безплодной переписки , прибѣгнуть къ той же дорогой и тяжелой мѣрѣ, какъ и въ другихъ колоніяхъ,—къ переселенію 30 семействъ на новыя земли около города Ейска.

Всего болѣе заслуживаетъ вниманія въ исторіи этихъ колоній то обстоятельство, что въ тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ былъ принятъ съ самаго начала душевой надѣлъ или русская мірская организація съ передѣлами, тамъ всѣ колонисты, по прошествіи цѣлаго столѣтія, остались при землѣ; а, напротивъ, въ тѣхъ, гдѣ введено было подворное владѣніе и единонаслѣдіе, въ настоящее время уже половина колонистовъ остается безъ земли, хотя первоначальный надѣлъ и былъ у всѣхъ равный, и несмотря на то, что большое число этихъ переселенцевъ было уже переселено вторично на новые надѣлы—добавочные.

Къ первой категоріи относятся, во-первыхъ, поволжскія колоніи чеховъ и моравовъ; они должны были получить по 15 дес. на душу, но, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній или злоупотребленій, получили земли менѣе, чѣмъ слѣдовало по нормальному размѣру; несмотря на это, у нихъ считается нынѣ въ двухъ губерніяхъ, Саратовской и Самарской, у 102,982 рев. душъ—871,411 десят., что составляетъ еще очень широкій надѣлъ слишкомъ по 8 дес. на душу, и безземельныхъ считается всего 8 душъ въ 3-хъ дворахъ. Къ той же категоріи принадлежатъ болгарскія и сербскія колоніи, которыя

нынѣ владѣютъ на 46,000 душъ и 17,491 двор. 605,000 десят.; между ними безземельныхъ считается только 1,032 души.

Вторую категорію составляютъ колоніи чисто нѣмецкаго племени, гдѣ введены были, хотя и не вполнѣ усвоились, участковое владѣніе и германскіе порядки наслѣдованія; тамъ земельный надѣлъ бытъ первоначально самый щедрый, по 60—65 десят. на семью, нынѣ же, по 10-й ревизіи, при 607,603 десят. всѣхъ колонистскихъ земель, крестьянъ, надѣленныхъ землей, 49,020 душъ, 11,968 дворовъ; крестьянъ безземельныхъ 25,739 душъ, 6,280 семействъ.

Просимъ замѣтить, что этотъ опытъ обнимаетъ цѣлое столѣтіе, что обезземеленіе цѣлой половины нѣмецкихъ колонистовъ не можетъ быть приписано недостатку земли, такъ какъ ея и нынѣ, по 10-й ревизіи, причитается на душу около 7 дес. на все населеніе, и что изъ этого примѣра можно заключить, что хотя и при мірскомъ владѣніи безземелье и пролетаріатъ неизбѣжно заводятся въ извѣстной пропорціи (какъ оказывается въ болгаро-славянскихъ колоніяхъ), но не съ такою быстротою, какъ при участковомъ владѣніи съ единонаслѣдіемъ, гдѣ, какъ оказывается въ колоніяхъ нѣмцевъ, пролетаріатъ въ теченіи одного вѣка, двухъ поколѣній, достигъ громадной пропорціи $^1/_2$ всего населенія [6]).

Мы выбрали изъ исторіи нашей колонизаціи только наиболѣе крупные факты, могущіе служить для поясненія нашего предмета. Изъ нихъ мы выводимъ слѣдующія замѣчанія.

1) Большая часть колонистовъ, вошедшихъ въ Россію въ царствованіе Екатерины II, какъ чехи, моравы, такъ и нѣмцы, мениониты, искали при переселеніи не столько защиты отъ религіозныхъ преслѣдованій, сколько лучшаго устройства своего земельнаго быта; они уходили именно отъ тѣхъ аграрныхъ законовъ и порядковъ, которые въ то время вводились окончательно германскими помѣстными сословіями и прославлялись наукой, какъ спасеніе рода человѣческаго, — отъ родоначальнаго заповѣдного владѣнія, примѣняемаго къ крестьянскому быту съ такою же строгостью, какъ и къ помѣстному.

2) Русское правительство, не угадавъ этихъ побужденій, думало, напротивъ, угодить выходцамъ и поощрить дальнѣйшую эмиграцію, принявъ тѣ же самыя начала въ основу своей колонизаціонной политики и узаконивъ ихъ по мани-

фесту 1764 г. Поверхностное изученіе и бѣглое изслѣдованіе германскаго сельскаго быта, чтеніе ученыхъ трактатовъ и правительственныхъ законоположеній, могло, дѣйствительно, ввести въ заблужденіе нашихъ правителей того времени, алкавшихъ просвѣщенія, ибо всякая нѣмецкая интеллигенція была на сторонѣ этихъ принциповъ, замкнутаго крестьянскаго землевладѣнія и недѣлимости подворныхъ участковъ.

3) Первые опыты разселенія доказали непримѣнимость этихъ порядковъ къ сельскому быту въ Россіи; многія колоніи прямо отказались отъ отвода отдѣльныхъ подворныхъ участковъ; другія, „не протестуя формально, но сопротивляясь пассивно", продолжали дѣлить и владѣть по стариннымъ своимъ обычаямъ, подраздѣляя свои надѣлы на участки по мѣрѣ размноженія семействъ и рабочихъ душъ. Порядки эти все болѣе и болѣе приближались къ русскому мірскому землевладѣнію, но съ тою разницей, что они не представляли никакого правильнаго исхода для возстановленія равномѣрности, нарушенной раздѣлами семейныхъ участковъ, и что требованія о передѣлахъ, возбуждаемыхъ бѣднѣйшими хозяевами, отвергаемыя зажиточными отцами семействъ, приводили многія общества къ смутамъ и междоусобіямъ.

4) Въ первой четверти XIX столѣтія, значитъ черезъ 40—50 лѣтъ послѣ водворенія, разстройство нѣкоторыхъ колоній было уже полное или, вѣрнѣе сказать, разстройству, обѣднѣнію и малоземелью однихъ семействъ соотвѣтствовало обогащеніе другихъ и процвѣтаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ Бѣловѣжскомъ округѣ изъ 147 семействъ, получившихъ въ 1765 г. надѣла по 30 десят., было уже въ 1806 г. 13 семействъ вовсе безъ земли и много съ бобыльскими дворами, по 1/2 десят. Въ Рибендорфскомъ—изъ 140 семействъ оказалось въ 1832 г. 30 въ такомъ положеніи, что не могли уплатить повинностей.

5) Не находя исхода изъ этихъ замѣшательствъ, не видя возможности производить передѣлы и уравненія по участкамъ, находящимся въ потомственномъ пользованіи, русское правительство принуждено было приступить въ нѣмецкихъ колоніяхъ, въ этихъ крошечныхъ обломкахъ европейскаго міра, къ той же самой мѣрѣ, которая принимается въ громадныхъ

размѣрахъ въ Англіи и Германіи, къ выселенію бѣднѣйшихъ обывателей на счетъ казны.

Такимъ образомъ, въ Россіи при первомъ опытѣ подворнаго населенія и участковаго владѣнія обнаружились и всѣ послѣдствія онаго; противъ замкнутаго, нераздѣльнаго владѣнія протестовали сами колонисты такъ живо и упорно, что манифестъ 1764 г., провозгласившій эти начала, не былъ исполненъ и уступилъ мѣсто обычному праву—дѣлимости участковъ между всѣми наслѣдниками. Съ другой стороны, этотъ порядокъ свобододѣлимости имуществъ при семейномъ и подворномъ надѣлѣ привелъ многія колоніи, и не далѣе, какъ черезъ 30—50 лѣтъ послѣ ихъ водворенія, къ крайнему измельченію поземельной собственности и неравномѣрности владѣній.

Въ Новороссійскихъ менонитскихъ колоніяхъ мы находимъ слѣдующій образчикъ поземельной классификаціи домохозяевъ; получивъ при поселеніи равные надѣлы, они въ настоящее время разбились на слѣдующія категоріи.

Въ 1867 году считалось:

	Десятинъ.	Семействъ.
Хозяевъ съ полнымъ надѣломъ въ	65	1,715
» » половин. » »	$32^1/_2$	681
» » четверти. » »	$16^1/_4$	51
Кутниковъ, поселенныхъ на запасныхъ земляхъ съ надѣломъ въ	12	1304
Бобылей съ одной усадьбой		996
Беземельныхъ крестьянъ		1,363

Можно себѣ представить, какая должна быть общественная связь между семействами, владѣющими 65 десятинами, и другими, не владѣющими ничѣмъ [7]).

Подводя итогъ этимъ разнороднымъ свѣдѣніямъ и справкамъ, мы не видимъ, чтобы участковое владѣніе, подворный надѣлъ имѣлъ бы самъ по себѣ абсолютное преимущество передъ мірскимъ тягловымъ бытомъ.

Для полнѣйшаго обсужденія этого вопроса нужно еще сличить мірское крестьянское владѣніе съ помѣщичьимъ. Такъ какъ главнымъ вредомъ общиннаго владѣнія признаются, и по всей справедливости, передѣлы, временное поль-

зованіе, то мы здѣсь разсмотримъ, насколько это неудобство устраняется при помѣстной, частной поземельной собственности и составляютъ ли они исключительную принадлежность мірского быта,—зло присущее крестьянскимъ общественнымъ хозяйствамъ.

Въ предъидущихъ главахъ мы старались различить двѣ системы помѣщичьихъ хозяйствъ. Одну мы назвали въ тѣсномъ смыслѣ хозяйственной, когда владѣлецъ самолично или черезъ повѣреннаго, но за свой счетъ и на свой рискъ, эксплуатируетъ свое имѣніе, и этотъ порядокъ мы признали, при извѣстныхъ среднихъ размѣрахъ запашекъ, наивыгоднѣйшей и общеполезной формой землевладѣнія.

Другая система есть арендная, съемочная. Ее-то мы хотимъ сравнить съ общиннымъ владѣніемъ, и указать, что она представляетъ столько же и такія же неудобства въ отношеніи сельскаго и народнаго хозяйства, какъ и мірскіе передѣлы, и что если краткосрочность, необезпеченность владѣнія составляетъ неодолимое препятствіе къ улучшеніямъ земледѣлія, то фермерское арендное хозяйство подвергается этимъ вреднымъ вліяніямъ столько же, какъ и общинное.

Главная черта ихъ сходства есть та, что при обоихъ этихъ хозяйственныхъ порядкахъ пользованіе землей, культура, переходитъ въ извѣстные сроки изъ однѣхъ рукъ въ другія, что при краткосрочности таковыхъ оборотовъ, арендъ или передѣловъ, временной владѣлецъ не имѣетъ возможности дѣлать затратъ на удобреніе и улучшеніе почвы, а напротивъ, находитъ прямую выгоду, передъ наступленіемъ срока сдачи, извлекать изъ почвы наиболѣе цѣнные и тяжелые продукты; однимъ словомъ, что какъ при арендной системѣ, такъ и при общинномъ владѣніи, производительность почвы, растительность лѣсовъ, сохранность строеній и хозяйственнаго инвентаря, недостаточно оберегаются временнымъ хозяиномъ, неимѣющимъ въ томъ прямого интереса.

Сходство это полное, и если противники общины считаютъ себя въ правѣ осуждать ее на томъ основаніи, что передѣлы препятствуютъ улучшеніямъ сельскаго хозяйства, то на томъ же основаніи слѣдуетъ отвергнуть фермерство, арендованіе, какъ таковую же или еще болѣе зловредную систему полеводства.

Но это заключеніе было бы такъ же неосновательно, какъ и первое; фермерское хозяйство оказалось разорительнымъ для страны и народа тамъ, гдѣ оно было введено, какъ, напр., въ Ирландіи, заочно и самовластно корыстолюбивыми землевладѣльцами и оптовыми съемщиками земель, гдѣ допущены были краткіе сроки, однолѣтнія условія и полный произволъ владѣльца въ пріемѣ и отказѣ арендаторовъ; мірскіе передѣлы оказались вредными тамъ, гдѣ, по настоянію помѣщиковъ или по ослабленію сельскаго общества, они были производимы въ неопредѣленные сроки и слишкомъ часто, хотя надо замѣтить, что мірскіе передѣлы въ Россіи все-таки наступаютъ гораздо рѣже, чѣмъ смѣна фермеровъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы.

Но разность въ томъ, что подъ вліяніемъ справедливыхъ жалобъ фермеровъ, въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Даніи приняты были и принимаются еще нынѣ мѣры къ огражденію ихъ интересовъ, регулированію аренднаго права, между тѣмъ какъ въ Россіи произволъ помѣщичьей власти въ прежнія времена и сельскихъ обществъ въ настоящее время былъ неограниченный.

Изъ этого слѣдуетъ, что если мы примѣнимъ къ нашему мірскому быту нѣкоторыя правила, введенныя въ другихъ странахъ для обезпеченія временныхъ владѣльцевъ, то мы этимъ отклонимъ большую часть вреда, причиняемаго краткосрочнымъ пользованіемъ и парализуемъ вредныя дѣйствія мірского владѣнія. Эти правила мы здѣсь изслѣдуемъ.

Главное неудобство временнаго владѣнія (все равно, аренднаго или мірского), какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, заключается въ томъ, что фермеръ или тягловой крестьянинъ, не зная напередъ, когда ему будетъ отказано, не приступаетъ къ коренным улучшеніямъ, или зная срокъ отказа, въ послѣднее время передъ истеченіемъ срока запускаетъ хозяйство. Противъ этихъ двухъ золъ принимаемы были многоразличныя мѣры.

Самые обыкновенные способы, посредствомъ коихъ разсчетливые землевладѣльцы предполагаютъ предупредить расхище-

ніе своихъ хозяйствъ и интересовать арендаторовъ въ улучшеніи имѣній, есть, во-первыхъ, удлиненіе сроковъ аренды, затѣмъ, запрещеніе вывоза сѣна и соломы, или обязательство держать извѣстное число скота для позема, наконецъ и установленіе сѣвооборота, обязательнаго для фермера.

На этихъ главныхъ правилахъ основано было въ Англіи, Германіи фермерское хозяйство въ XVIII столѣтіи, и оно дѣйствительно процвѣтало, удовлетворяя до извѣстной степени, обоюдно, владѣльцевъ и фермеровъ, и развиваясь повсюду, куда проникало германское, саксонское помѣстное сословіе.

Первое изъ этихъ условій, долгіе сроки, 6—12—18-лѣтнія аренды, обезпечивали арендаторовъ; послѣднее, обязательность удобренія и сѣвооборотовъ, удовлетворяло владѣльцевъ; казалось, ключъ къ соглашенію ихъ обоюдныхъ интересовъ былъ найденъ, и эти два класса, сливаясь постепенно въ одинъ въ Англіи, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, едва даже различались. Но въ половинѣ нашего вѣка это согласіе начало разстраиваться; мы не знаемъ, чему приписать это странное явленіе, но должны засвидѣтельствовать, по показаніямъ англійскихъ писателей и политическихъ дѣятелей, что въ новѣйшее время долгосрочныя аренды и формальные контракты въ Англіи выходятъ изъ обычая, что они замѣняются вольными съемками земель на одно слѣтье безъ всякаго письменнаго вида, и съ отказомъ по предъявленію за 3—6 мѣсяцевъ, и что на этотъ пагубный переворотъ жалуются и сѣтуютъ всѣ авторитеты науки и политики. Владѣльцы въ свое оправданіе приводятъ слѣдующіе доводы: что въ наше время цѣнность недвижимыхъ имуществъ возрастаетъ такъ быстро, что долгосрочное законтрактованіе для нихъ невыгодно; что кромѣ нормальнаго, постепеннаго вздорожанія земель представляются еще мгновенныя, непредвидѣнныя колебанія цѣнъ отъ провода желѣзнодорожныхъ линій; что при употребленіи новѣйшихъ удобрительныхъ туковъ, гуано и другихъ азотныхъ удобреній, выгоняющихъ растенія съ особенной быстротой, долгіе сроки совсѣмъ и не нужны для фермеровъ, такъ какъ они въ одинъ сѣвооборотъ могутъ извлечь изъ почвы всѣ ея производительныя силы; наконецъ, они также опираются и на одно высшее политическое соображеніе: будто бы долгосрочное арендованіе помѣстій отчуж-

даетъ собственниковъ отъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ, даетъ слишкомъ большой вѣсъ временнымъ владѣльцамъ-фермерамъ, и умаляетъ настолько же вліяніе и значеніе землевладѣльцевъ въ средѣ мѣстнаго самоуправленія.

Мы не беремся рѣшить, насколько эти соображенія вѣрны; иноземцу очень трудно судить о такихъ сложныхъ отношеніяхъ, какъ фермерскія въ Англіи; но несомнѣнно, что прежнее обезпеченное состояніе англійскихъ фермеровъ было нѣсколько разстроено въ послѣднее время, и что въ виду этого правительство и парламентъ вынуждены были приступить къ другимъ мѣрамъ для огражденія ихъ отъ самовластія собственниковъ. Эти мѣры, различныя въ своихъ примѣненіяхъ, основаны однако на одномъ общемъ принципѣ, который можно формулировать такъ: арендатору, въ случаѣ отказа, принадлежитъ право вознагражденія за произведенныя имъ затраты; и такъ какъ мы признаемъ это начало вполнѣ примѣнимымъ и къ русскому мірскому землевладѣнію, то и разсмотримъ его съ нѣкоторою подробностію.

Это право вознагражденія, какъ нынѣ оказывается, существовало издревле въ разныхъ мѣстностяхъ Европы, правда, въ очень мелкихъ округахъ, гдѣ оно какъ будто ускользало отъ вниманія помѣстныхъ классовъ: въ Ирландіи, въ провинціи Ольстеръ, гдѣ оно называлось tenant-right, въ Англіи въ графствѣ Линкольнширѣ, въ провинціи Фландріи подъ именемъ pachtersregt, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Даніи. Оно сдѣлалось извѣстно въ современной литературѣ подъ именемъ ольстерскаго обычая только въ послѣдніе годы, 1860—1870.

Существо ольстерскаго tenant-rigth состоитъ въ томъ, что какіе бы ни были сроки и условія аренды, фермеръ, сдающій участокъ, имѣетъ право требовать вознагражденія или отъ новаго съемщика, или отъ самого владѣльца. Мы уже описали главныя черты этой системы въ главѣ объ Англіи; здѣсь мы постараемся объяснить, по какимъ причинамъ этотъ ольстерскій обычай вдругъ, въ новѣйшее время, пріобрѣлъ такую популярность, что сдѣлался лозунгомъ современныхъ сельскихъ хозяевъ въ Англіи.

Долгосрочныя аренды, какъ мы выше сказали, уже сначала этого столѣтія стали выходить изъ обычая; всѣ прочія условія не обезпечивали фермеровъ, и хотя во всей Англіи соблюдалось правило не отказывать арендатору, покуда онъ исправно платитъ аренду, но владѣльцы, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ правомъ возвышать плату, могли во всякое время вытѣснить съемщиковъ и этимъ правомъ пользовались широко [8].

Тогда-то сдѣлалось извѣстно, что въ одномъ изъ округовъ Ирландіи издавна введенъ обычай требовать отъ каждаго новаго съемщика, good-will, вкупныя или отступныя деньги; сумма ихъ установлялась по взаимному соглашенію отъѣзжающаго и въѣзжающаго фермеровъ; она колебалась между 6—12 ф. ст. на ирландскій акръ лучшей почвы (1/2 дес.), обыкновенно доходила до 20—30 L.; наконецъ были примѣры, что уплачивалось до 40 ф. отступныхъ денегъ за акръ: good-will, такимъ образомъ, почти равнялся продажной стоимости земель. Онъ поступалъ въ пользу отъѣзжающаго фермера, но вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ оцѣночный фондъ для семейства новаго съемщика, и въ случаѣ раздѣла фермы между членами семьи или выдѣла сыновей и братьевъ, наслѣдникъ, принимающій хозяйство, обязанъ былъ выплатить ту же сумму прочимъ членамъ въ видѣ отступного.

Въ графствѣ Линкольнширѣ tenant-right былъ нѣсколько различенъ; фермеру при отказѣ предоставлялось подать счетъ произведеннымъ имъ затратамъ на улучшеніе хозяйства, и новый съемщикъ, а за его несогласіемъ, владѣлецъ фермы—обязанъ былъ вознаградить его за таковые расходы.

Изъ этихъ-то двухъ правилъ и извлечено было новое арендное положеніе, которое вошло въ видѣ краткаго очерка въ Land-bill 1870 г. Оба они были утверждены закономъ: во-первыхъ, право фермеровъ соглашаться о суммѣ вступныхъ денегъ; во-вторыхъ, обязанность новаго съемщика или землевладѣльца вознаграждать фермера, сдающаго аренду, за его затраты; затраты эти признаются или временными (temporary), покупка удобрительныхъ туковъ и корма для скота извнѣ, сверхъ урожая и посема самой фермы,—или прочными (durable), напр. паханіе подпочвеннымъ плугомъ, удобреніе жмыхами, мергелемъ, известкой, глиной,—или, наконецъ, постоян-

нымъ, капитальнымъ (permanent), къ каковымъ относятся расчистка пашни изъ-подъ лѣса, осушеніе болотъ, лѣсонасажденіе, устройство плотинъ, гатей, мостовъ и т. п.

Сумма вознагражденія, если она не опредѣляется по взаимному соглашенію, устанавливается третейскимъ судомъ, а если и судъ не приходитъ къ единогласному рѣшенію, то искъ восходитъ до центральнаго учрежденія, Inclosure-Comission; коммисія наряжаетъ посредника изъ мѣстныхъ жителей, который рѣшаетъ дѣло окончательно.

Съ другой стороны, собственнику предоставляется право встрѣчнаго иска, но только противъ тѣхъ фермеровъ, которые арендуютъ земли по контрактамъ и на срокъ не менѣе 20 лѣтъ. Отъ такихъ фермеровъ владѣлецъ можетъ требовать вознагражденія за упущенія, неисправное содержаніе строеній, или истощеніе почвы отъ недостаточнаго унавоживанія.

Излагая эти правила въ законодательной формѣ, Land-bill однако не дѣлаетъ ихъ обязательными и ограничивается постановленіемъ—„что, по утвержденіи этого акта, всякій контрактъ, лишающій арендатора права вознагражденія, долженъ считаться недѣйствительнымъ".

Въ бельгійской провинціи, Фландріи, арендаторское право (pachtersregt) состоитъ въ томъ, что фермеръ, сдающій аренду, получаетъ вознагражденіе: а) за солому и навозъ, остающіеся на дворѣ фермы, б) за хлѣба, стоящіе на корню (recoltes en terre) и в) за удобреніе, положенное въ землю въ предшествующіе годы. Этотъ послѣдній разсчетъ дѣлается различно по селеніямъ: въ однихъ фермеръ получаетъ $^1/_3$ стоимости навоза, употребленнаго въ послѣдній годъ, въ другихъ $^1/_2$, въ третьихъ по 21 франку за гектаръ, унавоженный въ послѣдніе два года. Общая сумма этихъ платежей простирается отъ 70—80 фр. за гектаръ, если аренда сдается осенью, когда еще навозъ не накопленъ, и яровыя не посѣяны, и до 400—500 фр. (около 150 руб. за десятину) весной.

Въ Даніи существуетъ такой же обычай; если размѣръ вознагражденія не опредѣляется по взаимному соглашенію сторонъ, то назначаются посредники; они производятъ оцѣнку улучшеній, произведенныхъ фермеромъ, принимая въ разсчетъ, съ одной стороны, сумму затратъ, съ другой—про-

должительность времени, въ теченіи коего арендаторъ пользовался арендой: суммы, употребленныя за 30 лѣтъ до сдачи аренды, признаются всѣ сполна погашенными приходомъ, и за нихъ вознагражденія не полагается; затраты, сдѣланныя за 10 лѣтъ, принимаются только въ извѣстныхъ случаяхъ, если предметы расходовъ были капитальные, и такъ далѣе. Тѣ же посредники облагаютъ фермера и неустойкой, если будетъ доказано, что онъ запустилъ строенія и истощилъ почву [9]).

Мы привели эти иноземные примѣры для того, чтобы указать, что арендная система имѣетъ сама по себѣ, по своему принципу тотъ же характеръ, какъ мірское владѣніе; она тоже ставитъ временнаго владѣльца на мѣсто собственника, тоже вводитъ въ сельское хозяйство срочное пользованіе и внушаетъ арендатору точно такъ, какъ и общиннику, опасеніе, чтобы произведенныя имъ улучшенія не успѣли бы принести ему ожидаемой пользы, не достались бы другому, постороннему лицу. Вредное ихъ дѣйствіе на земледѣліе безспорно и одинаково. При отсутствіи самого землевладѣльца арендованіе имѣній даже гораздо вреднѣе, чѣмъ мірское владѣніе, потому что при послѣднемъ собственникѣ сельское общество всегда на лицо и можетъ соблюдать свои интересы, которые отсутствующему помѣщику обыкновенно неизвѣстны и чужды.

Значитъ, если мірское крестьянское земледѣліе въ Россіи такъ далеко отстало отъ фермерскихъ хозяйствъ въ Англіи, то причину такой отсталости надо искать не въ самомъ порядкѣ владѣнія, а въ другихъ соображеніяхъ. Главное изъ нихъ то, что въ Англіи нравы и обычаи, свобода и образованность сдерживали отчасти помѣщичій произволъ ландлордовъ; когда же въ началѣ настоящаго столѣтія этотъ произволъ разыгрался, то возстанія крестьянъ въ Ирландіи, ропотъ и жалобы фермеровъ въ Англіи заставили правительство принять мѣры къ обузданію аграрнаго самовластія и ввести въ законодательство новый принципъ: обезпеченіе временныхъ владѣльцевъ неустойкой въ случаѣ отказа.

Мы полагаемъ, что этотъ принципъ можетъ быть одинаково примѣненъ въ Россіи и къ арендованію помѣщичьихъ

частныхъ имѣній, и къ передѣлу мірскихъ земель, и что справедливость и общая польза требуютъ, чтобы оба эти права, право распоряженія землевладѣльца и сельскихъ обществъ были ограничены настолько, сколько нужно для охраненія народнаго капитала, плодородія почвы отъ хищнической культуры частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ. Требовать отъ крестьянъ, чтобы они, въ виду собственной своей пользы и интересовъ народнаго хозяйства, установили сроки и нѣкоторыя правила для передѣловъ, совершенно справедливо; но въ такомъ случаѣ надо примѣнить такую же мѣру и къ помѣщичьимъ хозяйствамъ, и также ограничить закономъ систему аренднаго хозяйства, столь же вредную, какъ и мірскіе передѣлы.

Это предложеніе, имѣющее въ виду регулировать равномѣрно частное и мірское земледѣліе, можетъ быть, покажется многимъ дерзкимъ нарушеніемъ права собственности. Но пора же, наконецъ, принять для сужденія о правахъ и обязанностяхъ одинаковыя мѣры и вѣсы для разныхъ классовъ жителей, не называть посягательствомъ на права однихъ то же самое, что признается пользой и нуждой для другихъ, не провозглашать попеременно то принципъ полной экономической свободы для высшихъ классовъ, то необходимость опеки для низшихъ. Общепринятая аргументація, будто бы попечительство правительства, вмѣшательство законодательной власти, руководство высшихъ сословій необходимо для охраненія народнаго хозяйства отъ растратъ,—аргументація эта будетъ только тогда справедлива, когда будетъ приложена ко всѣмъ видамъ хищничества безъ различія сословій.

Крупные землевладѣльцы своей системой хозяйства способствовали столько же расхищенію производительныхъ силъ, истощенію почвы, сколько и наши крестьяне-общинники. Въ Ирландіи, горной Шотландіи, средней Италіи, Испаніи фермерство оптовое, арендованіе при абсентеизмѣ самихъ собственниковъ разорили страну и народъ. Въ Россіи едва ли можно признать, чтобы помѣщичьи хозяйства велись благоразумнѣе, чѣмъ крестьянскія; съ уничтоженіемъ барщины, едача земель, и притомъ на самые краткіе сроки, безъ вся-

каго обезпеченія, на одно слѣтье, сдѣлалась преобладающей системой эксплуатаціи, и милліоны десятинъ частнаго владѣнія переходятъ ежегодно изъ однѣхъ рукъ въ другія несравненно чаще, чѣмъ мірскіе поля и луга.

Возлагать надежду на будущее, дальнѣйшее просвѣщеніе сельскихъ хозяевъ для пресѣченія этого зла тоже не совсѣмъ основательно, хотя, безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ, уразумѣвъ свои настоящія выгоды, и обратятся со временемъ къ интенсивной культурѣ; но этимъ благимъ стремленіямъ будутъ все-таки противодѣйствовать въ Россіи многоразличныя причины: нравы и образъ жизни имущественныхъ классовъ, привлекающіе ихъ къ столицамъ и большимъ городамъ, запросъ людей образованныхъ на разныя службы, предпріятія, казенныя, общественныя и частныя должности. Поэтому едва ли можно надѣяться, чтобы частные землевладѣльцы въ нашемъ отечествѣ обратились скорѣе, чѣмъ крестьяне на Руси, къ правильной агрономіи, и чтобы они отреклись отъ возлюбленнаго порядка экстенсивнаго (по-русски—распашного) сельскаго хозяйства, т.-е. сдачи земель въ арендное содержаніе, порядка, оставляющаго имъ полную свободу проживать беззаботно свои доходы, гдѣ и какъ имъ угодно.

Успѣхи англійскаго фермерства не могутъ служить намъ примѣромъ, потому что того класса сельскихъ жителей, изъ коихъ набирались фермеры (мелкопомѣстные владѣльцы, распродавшіе свои имѣнія, младшіе сыновья, исключенные изъ наслѣдства), этого класса у насъ нѣтъ, и едва ли онъ когда и образуется въ странѣ, гдѣ вся масса народа надѣлена поземельной собственностью.

Точно также ошибочно и предположеніе, часто заявляемое нѣкоторыми нашими публицистами и повторяемое въ безчисленныхъ статьяхъ свода законовъ, что всякая внутренняя организація крестьянскаго быта разрѣшается „мѣстными обычаями“; большая часть дѣлъ крестьянской расправы рѣшается и перерѣшается не на основаніи какихъ-либо „мѣстныхъ обычаевъ“, на которые ссылается законъ, но безъ всякихъ основаній, по вдохновенію и разумѣнію присутствующихъ членовъ сельскаго общества и вліянію ихъ начальниковъ.

Поэтому намъ кажется, что въ интересахъ самого кре-

стьянскаго самоуправленія и для охраненія и подтвержденія коренныхъ началъ мірского быта нужно ихъ внести въ законъ, и не въ общихъ выраженіяхъ, какія приняты нынѣ: „что такія-то и такія дѣла рѣшаются по мѣстнымъ обычаямъ“, или: „что такія-то рѣшенія предоставляются распоряженію крестьянъ внутри обществъ“, но въ болѣе точной и полной формѣ, т.-е. съ объясненіемъ, какіе это обычаи и какимъ порядкомъ они примѣняются внутри обществъ.

Примѣняя вышесказанное къ нашему предмету, земельному устройству крестьянъ, мы полагаемъ необходимымъ опредѣлить закономъ главныя его основанія, не для того, чтобы непремѣнно требовать ихъ исполненія, но для того единственно, чтобы имѣть при судѣ и расправѣ по крестьянскимъ дѣламъ норму для сужденія о правильности или неправильности мѣстныхъ распоряженій.

Такъ, напр., мы не признаемъ нужнымъ опредѣлять сроки мірскихъ передѣловъ или порядки наложенія тягла и увольненія съ онаго, но, съ другой стороны, считаемъ необходимымъ установить правила:

Что передѣлы полей производятся въ сроки, установленные формальнымъ приговоромъ сельскаго общества;

что сроки, однажды установленные, не могутъ быть измѣнены таковымъ же приговоромъ и что дѣла о новыхъ передѣлахъ требуютъ рѣшенія высшей инстанціи (волостного суда или присутствія по крестьянскимъ дѣламъ);

что домохозяева, неудобрившіе своихъ полосъ въ теченіи послѣдняго трехлѣтія передъ передѣломъ, могутъ быть изъяты изъ новой разверстки;

что никто изъ крестьянъ не можетъ быть ни принужденъ къ принятію тягла прежде 18 лѣтъ, ни принудительно уволенъ съ онаго прежде 60 лѣтъ, если самъ не изъявитъ на то желаніе;

что вдовы и дѣти женскаго пола имѣютъ право на выдѣлъ извѣстной части, которая опредѣляется разъ навсегда мірскимъ приговоромъ, хранимымъ въ волостномъ правленіи.

Мы не продолжаемъ этого перечня разныхъ предметовъ, подлежащихъ законному опредѣленію, потому что онъ вышелъ бы длинный, но хотимъ только указать, въ какомъ духѣ и смыслѣ долженъ быть редактированъ этотъ сводъ граждан-

скихъ правъ и обязанностей нашего крестьянства; предоставить мѣстнымъ обычаямъ полную свободу высказаться въ постановленіяхъ самихъ сельскихъ сходовъ, но потребовать отъ нихъ, чтобы они дѣйствительно и положительно высказались, въ формѣ опредѣлительнаго приговора, а не въ видѣ случайнаго, частнаго рѣшенія, измѣняемаго ежедневно по прихоти и произволу. Установить нѣкоторыя самыя общія нормы, какъ предѣлы того круга дѣйствій, въ средѣ коего сельскія общества дѣйствуютъ самостоятельно, и такой нормой считать распоряженія, явно нарушающія пользы и нужды отдѣльныхъ членовъ, какъ, напримѣръ, оставленіе вдовъ и сиротъ безъ помощи и призрѣнія, или отнятіе земли у рабочаго мужика, или принужденіе дряхлыхъ и убогихъ людей держать землю для исправленія повинностей. Наконецъ, дать руководство, твердую основу самимъ крестьянамъ для ихъ суда и расправы. Сколько намъ извѣстно настроеніе большинства сельскихъ обществъ, этотъ недостатокъ положительнаго руководства есть предметъ ихъ неусыпныхъ сѣтованій и смущеній; они стѣсняются не излишней регламентаціей, а, напротивъ, отсутствіемъ всякихъ правилъ и законоположеній, всякаго точнаго указанія ихъ подсудности и порядка разсмотрѣнія ихъ дѣлъ, исковъ и тяжбъ. Намъ никогда не случалось отъ нихъ слышать жалобъ на излишнее или докучное вмѣшательство постороннихъ людей или начальниковъ въ ихъ сельскія расправы, но, напротивъ, постоянно слышимъ заявленіе, что они не могутъ найти суда и расправы по своимъ дѣламъ, что ихъ пересылаютъ съ инстанціи въ инстанцію, безъ окончательнаго рѣшенія, часто и безъ всякаго отвѣта, отсылая ихъ въ послѣдней крайности къ своему сельскому начальству или сходу, который предаетъ дѣло божьей волѣ.

И, по правдѣ, никто въ этомъ не повиненъ, ни присутствія и инстанціи, отклоняющія дѣла, ни сельскія власти, оставляющія ихъ безъ вниманія или рѣшающія ихъ наобумъ, потому что ни тѣ, ни другія, ни даже сами истцы и отвѣтчики не вѣдаютъ, чтó такое тѣ „мѣстные обычаи“, которые преподаны нашимъ законодательствомъ, какъ единственное и высшее руководство крестьянскаго судопроизводства по гражданскимъ правамъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Мы выписали предъидущія строки почти слово въ слово изъ статьи Ю. Ф. Самарина „О поземельномъ общинномъ владѣніи“ (Русская Бесѣда, 1857, т. IV). Къ нимъ надо прибавить слѣдующія слова автора:

„Я старался со всевозможною ясностью и не избѣгая частыхъ повтореній, изложить теорію тяглового надѣла въ томъ видѣ, въ какомъ ее понимаетъ нашъ народъ, или по крайней мѣрѣ смыслъ, извлеченный мною изъ внимательныхъ наблюденій и частыхъ разспросовъ. Къ этому я долженъ прибавить (разумѣется, не для васъ, а для предупрежденія возраженій со стороны тѣхъ, которые въ народѣ предполагаютъ безсиліе смысла, подавленнаго привычкою), что, конечно, народъ дѣйствуетъ не по теоріи, точно такъ, какъ онъ склоняетъ существительныя, спрягаетъ глаголы, строитъ періоды, не зная грамматики; что я не отъ крестьянъ узналъ выраженія: „отвлеченная единица, пропорція, тройное правило“ и т. п.; что крестьяне ихъ бы и не поняли; но что понятія числа, мѣры, пропорціональности народу присущи на степени врожденныхъ идей; что не должно смѣшивать смысла съ сознаніемъ, облеченнымъ въ логическую форму, и, наконецъ, что самый обычай есть ни что иное, какъ одно изъ выраженій народнаго смысла. Въ настоящее время, мы слышимъ иногда такія неожиданныя возраженія, что и это объясненіе будетъ не лишнимъ.

„Теорія тяглового надѣла, какъ и всякая другая, на практикѣ рѣдко гдѣ осуществляется во всей своей чистотѣ и строгости. Постороннія вмѣшательства и побочныя обстоятельства разнаго рода очень часто возмущаютъ ея примѣненіе. Это особенно бываетъ замѣтно тамъ, гдѣ мѣстная администрація, изъ собственныхъ своихъ выгодъ, вступается въ распоряженія мірскихъ обществъ или ограничиваетъ ихъ обязательными правилами. Такъ, во многихъ имѣніяхъ установлено нормальное число тяголъ въ половину числа мужскихъ душъ; въ другихъ принято за правило непремѣнно налагать тягло на взрослаго работника, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, причемъ на его долю нарѣзывается участокъ земли, и оставлять его въ тяглѣ также до опредѣленныхъ лѣтъ; иногда накладываются новыя тягла по мѣрѣ умноженія народонаселенія, но безъ прибавки земли; иными словами, повинности и тягости увеличиваются, а средства къ ихъ удовлетворенію остаются неизмѣнными, что̀ уже не только возмущаетъ народный обычай, а прямо противорѣчитъ ему. Въ такихъ случаяхъ, обычай хотя и уступаетъ давленію и, такъ сказать, сжимается, но не вымираетъ; живучесть его знаменуется въ немногихъ, остающихся за нимъ проявленіяхъ, и какъ упругое тѣло, онъ наполняетъ собою болѣе или менѣе тѣсные предѣлы, въ которые заключена его свобода“.

Хотя Самарина многіе обвиняютъ въ нѣкоторомъ доктринерствѣ, но надо сказать, что еслибъ всѣ доктрины были извлечены изъ такихъ живыхъ источниковъ, какъ его теорія тяглового надѣла, изъ такихъ же реальныхъ, практическихъ данныхъ народнаго быта, то онѣ бы принесли больше пользы, чѣмъ умозрѣнія, основанныя на отвлеченныхъ понятіяхъ о правѣ собственности и

на правительственныхъ распоряженіяхъ, никогда не примѣненныхъ къ народному быту. Такъ, между прочимъ, исписаны были у насъ цѣлые томы о вліяніи петровскихъ реформъ на земельный бытъ въ Россіи, о вредномъ или полезномъ дѣйствіи подушныхъ раскладовъ и окладовъ, и нѣкоторые писатели, повидимому, повѣрили, что владѣніе у насъ такое и было, какъ установлено въ многочисленныхъ указахъ со временъ Петра до положенія 1861 г.,—а именно подушное по ревизскимъ душамъ. Между тѣмъ счетъ этотъ никогда не былъ принятъ народомъ, нигдѣ не былъ примѣненъ къ землѣ и остался мертвой буквой на бумагѣ, въ канцеляріяхъ и присутствіяхъ; русскіе крестьяне, какъ крѣпостные, такъ и казенные, разбирались, какъ справедливо замѣчаетъ Самаринъ, по своему, держали земли по внутреннему счету рабочихъ силъ, называли эту форму владѣнія мірскою и пропускали помимо себя замысловатые порядки, вводимые царскими указами.

---

[2]) Полныхъ свѣдѣній объ общинныхъ земляхъ въ Швейцаріи мы не могли найти; въ сочиненіи Laveley (De la proprıété, Paris, 1874) мы находимъ слѣдующія отдѣльныя исчисленія швейцарскихъ алмендъ. Въ кантонѣ Ури приходится выгоновъ 5417 (Kuhessen), т.-е. на каждаго домохозяина пастбищъ на 2 коровы, лѣсовъ по оцѣнкѣ на 4 мил. франк. и огородной земли около 350 дес. на 2700 домохозяевъ. Въ округѣ Obwald въ кантонѣ Апенцель, при 13000 жителей обоего пола, общинныхъ земель считается по оцѣнкѣ на 11.350,000 фр.; въ другомъ округѣ, Rhodes, того же кантона, при 9.840 жителяхъ алменды оцѣнены въ 3 мил. франковъ. Гор. Золотурнъ владѣетъ на общинномъ правѣ 2,650 десят., которыя оцѣнены въ 2.300,000 фран. Въ кантонѣ Сангальскомъ имѣется общинныхъ выгоновъ слишкомъ на 36,000 коровъ; при городѣ Санъ-Галь общественныя земли оцѣнены въ 6.291,000 фр. Въ кантонѣ Шафгаузенѣ считается общинныхъ угодій 28.140 юхартовъ (9,104 дес.), что составляетъ около ⅓ всей территоріи кантона.

Изъ этого видно, что общинное владѣніе въ Швейцаріи очень развито, и высокая цѣнность этихъ земель прямо доказываетъ, что онѣ находятся въ хорошемъ культурномъ состояніи.

---

[3]) Извѣстно, что въ числѣ вопросовъ, поднятыхъ въ послѣдніе годы въ административныхъ сферахъ, былъ и вопросъ о выгодахъ и неудобствахъ общиннаго владѣнія. Высшая администрація сочла нужнымъ запросить мнѣнія мѣстныхъ учрежденій и землевладѣльцевъ о вліяніи той или другой формы владѣнія (общинной и участковой) на сельское хозяйство, и получила, какъ и слѣдовало ожидать, самые разнорѣчивые отвѣты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эти отзывы даютъ намъ и нѣкоторые факты, указывающіе, въ какой степени крестьяне стѣсняются мірскимъ владѣніемъ и стремятся къ участковому. Изъ всѣхъ 49 губерній, отъ коихъ представлены отзывы, только въ 5-ти упомянуто о случаяхъ формальнаго перехода сельскихъ обществъ къ подворному владѣнію, а именно:

НАЗВАНІЯ ГУБЕРНІЙ И УѢЗДОВЪ.	Число перешедшихъ на участковое владѣніе.				Общее число въ уѣздѣ и губерніи.	
	Селеній.	Ревизскихъ душъ.	Домохозяевъ.	У нихъ десятинъ.	Ревизскихъ душъ.	Селеній.
Нижегород. губ. и уѣзда . .	4	192	—	—	49,463	281
„ „ Сергач. уѣз.	49	10,540	—	—	55,415	190
Симбирской губ. и уѣзда . .	2	179	42	796	50,893	129
„ „ Сызран. уѣз.	8	1,307	500	4,977	67,469	198
„ „ Алатыр. „	1	2,039	855	4,316	50,448	119
„ „ Ардатов. „	6	1,723	539	2,734	66,355	219
Тульской губер.	—	15,731	свѣд.	не им.	456,805	4,485
Курской „	2	свѣд.	не	им.	709,786	3,591
Могилев. губ. Гомельск. уѣз.	1	—	—	760	40,978	183
„ „ Черниковск. „	25	—	1,030	12,000	30,586	344

4) Вѣдомость о населеніи крестьянъ разныхъ наименованій.

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	Число душъ м. п.	Число дворовъ.	Въ 1 дворѣ душъ.	Число селеній.	На одно селеніе.		Всего десятинъ земли.	На 1 душу земли.	На 1 дворъ земли.
					Душъ.	Двор.			
31 Великороссійскихъ . . .	15.151,954	5.147,711	2,94	178,280	85,10	28,87	80.911,287	5,34	15,69
2 Малороссійскихъ	1.287,657	499,785	2,57	4,208	306,00	118,87	3.894,243	3,02	7,75
5 Новорос. и Ставропольской.	1.027,492	457,406	3,01	6,753	212,00	70,41	9.756,868	6,80	20,40
9 Юго и Сѣверо-западныхъ .	3.589,715	1.071,180	3,36	53.414	67,48	20,05	12.410,214	3,44	11,55
3 Прибалтійскихъ	685.610	74,198	9,44	1,912	359,54	38,88	1.595,992	2,42	22,84
Итого. . . .	21.742,428	7.250,225		244,567			108.568,554		

Вѣдомость эта, заимствованная изъ оффиціальныхъ и новѣйшихъ источниковъ, поясняетъ многое въ крестьянскомъ быту и раскрываетъ непосредственныя дѣйствія и послѣдствія общиннаго и участковаго владѣнія на поземельное владѣніе поселянъ. Въ особенности мы просимъ обратить вниманіе на взаимное отношеніе третьей графы (о числѣ душъ въ 1 дворѣ) къ послѣднимъ двумъ (о числѣ десятинъ, причитающихся на 1 душу и на 1 дворъ). Въ губерніяхъ великороссійскихъ и новороссійскихъ, странахъ общиннаго владѣнія,

душъ въ одномъ дворѣ меньше, но подушный надѣлъ больше—5,34 и 6,80 десятинъ на душу, и крестьянскій дворъ владѣетъ среднимъ числомъ 15, 69 дес. въ первыхъ и 20,40 дес. во вторыхъ. Въ Малороссіи и западныхъ губерніяхъ, гдѣ владѣніе подворное, но съ семейными раздѣлами, душевой надѣлъ и подворные участки выходятъ гораздо меньше, чѣмъ въ русскихъ коренныхъ имѣніяхъ, почти вполовину. Наконецъ, въ прибалтійскомъ краѣ, гдѣ тоже преобладаетъ подворное владѣніе, но нераздѣльное и преемственное, тамъ мы находимъ совершенно обратныя пропорціи: въ семьѣ въ крестьянскомъ дворѣ оказывается втрое больше душъ домочадцевъ и служителей, чѣмъ въ Россіи, слишкомъ 9 мужскаго пола, а въ крестьянскомъ дворѣ наибольшее число десятинъ, безъ малаго 23. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на душу причитается наименьшая пропорція земли, отъ двухъ и почти до трехъ разъ меньше, чѣмъ въ велико и новороссійскомъ краѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что при замкнутомъ подворномъ владѣніи съ наслѣдованіемъ по старшинству, домохозяева, отцы семействъ, имѣютъ больше пространства въ своихъ угодьяхъ, но несравненно больше нужды и расходовъ на прокормленіе многочисленныхъ членовъ семейства; каждый крестьянскій дворъ становится средоточіемъ сельскохозяйственнаго быта на подобіе помѣщичьей усадьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ на каждаго изъ жителей таковыхъ усадьбъ приходится меньше земли, чѣмъ въ краяхъ мірского землевладѣнія.

Мы уже нѣсколько разъ въ этомъ сочиненіи замѣчали, что это распредѣленіе земли вовсе независимо отъ густоты населенія: въ данномъ случаѣ, для бо́льшей точности сравненія, мы возьмемъ губерніи великороссійскія, которыя по населенію почти равны остзейскимъ.

	Число жителей на 1 кв. милю.	Причитается земли на 1 душу.	на 1 дворъ.	На 1 дворъ причитается душъ.
Курляндская . . .	1,166	4,50	45,09	10,02
Лифляндская . . .	1,120	1,80	15,94	9,86
Саратовская. . . .	1,137	5,36	32,42	6,05
Смоленская	1,117	3,82	13,02	3,41

Итакъ, при равномъ населеніи, выходитъ въ Саратовской губ. земли больше, чѣмъ въ Курляндіи на 1 душу по 0,86 десят., а въ Смоленской больше, чѣмъ въ Лифляндской на 2,02 десят.

---

*) Мы, къ сожалѣнію, не нашли свѣдѣній о числѣ крестьянъ-собственниковъ, которые вышли изъ обществъ и поселились на собственныхъ купленныхъ земляхъ; по вѣдомству государственныхъ имуществъ показано было таковыхъ:

по 8-й ревизіи въ 1835 г. душъ 330,607 и у нихъ 722,570 десят.
„ 10-й „ „ 1858 „ „ 268,473 „ „ „ 1.113,281 десят.

Здѣсь надо замѣтить, что покупка земель была разрѣшена казеннымъ крестьянамъ по указу 12 декабря 1801 г. съ правомъ отказываться отъ всего мірского надѣла и переселяться на купчія земли. Но въ теченіи 57 лѣтъ, съ 1801 по 1858 г., этимъ правомъ выхода изъ общества воспользовались только 29,101 крестьянинъ, которые считали за собой 386,973 десятины. Остальные 239,732 души, владѣя 726,373 десятинами собственной земли, остались жить на казенныхъ земляхъ и не вышли изъ обществъ; у первыхъ выходитъ земли по 13 дес. на душу, у вторыхъ только 3 дес. Изъ этого видно, что къ выходу изъ общества и къ односеленію склоняются только зажиточные крестьяне и очень крупные землевладѣльцы.

---

*) Приводимъ изъ сочиненія Клауса „Наши Колоніи", слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о числѣ душъ и дворовъ, надѣленныхъ землей и безземельныхъ:

Губерніи, гдѣ поселены колонисты.	Какой націи.	Число десятинъ надѣла.	Число колонистовъ. Надѣленныхъ землей.		Безземельныхъ.		Нормальный надѣлъ на душу или дворъ.
			Душъ.	Двор.	Душъ.	Двор.	
Саратовская.	Чехи и Мор.	214,756	48,677	10,789	—	—	15 на душу.
Самарская. .	тоже	656,655	54,295	12,885	8	3	15 „
Бессарабск. .	Нѣмцы	132,561	6,992	2,204	5,637	2,680	60 „
	Болгары	298,036	261,812	10,724	—	—	50 „
Херсонская .	Нѣмцы	178,128	17,360	3,525	7,156	1,763	60 „
	Болгары	65,457	5,498	1,075	183	47	53 „
Екатериносл.	Нѣмцы	94,981	5,985	1,474	6,272	744	60—65 „
Таврическая.	Нѣмцы	201,393	12,998	2,765	6,674	1,093	60—65 „
	Болгары	242,262	14,335	5,692	849	102	50—53 „
Воронежск. .	Нѣмцы	3,420	771	262	—	—	65 „
Полтавская .	Нѣмцы	778	290	68	—	—	25 „
Лифляндская	Нѣмцы	5,330	1,551	146	—	—	30 „
Петербургск.	Нѣмцы	5,905	1,940	252	230	—	30—35 „
Черниговск. .	Нѣмцы	3,667	1,133	205	—	—	30 „
Итого:	Нѣмцевъ	624,163	49,020	10,898	25,969	6,280	—
	Болгаръ	605,755	281,645	17,491	1,032	149	—
	Чех. и Мор.	871,411	102,972	23,674	8	3	—
		2.101,329	433,637	52,063	27,009	6,432	

[1]) Мы позаимствовали эти свѣдѣнія о нашихъ колоніяхъ изъ сочиненія Клауса (Наши Колоніи. С.-Петербургъ, 1869 г., выпускъ 1-й), и совершенно сходимся съ мнѣніемъ ученаго автора, „что этотъ очеркъ вполнѣ указываетъ совершенную ложность понятія нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, доказывающихъ, будто сельско-общинное устройство нашихъ крестьянъ тождественно съ началами коммунизма и соціализма; что каждое изъ нашихъ сельскихъ обществъ, едва ли не черезъ край, переполнено этими теоріями и т. д. Примѣръ коммуны слишкомъ осязателенъ; онъ можетъ убѣдить каждаго въ глубокомъ различіи между коммуною и сельско-общиннымъ началомъ, преобладающимъ въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ" (стр. 55).

Но при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ мы встрѣчаемъ нѣкоторое смѣшеніе понятій о мірской общинѣ, которая существуетъ въ русскомъ крестьянствѣ, съ другой формой тоже общиннаго владѣнія, которую авторъ называетъ обычной общиной. Онъ называетъ „обычной" ту общину, которая, по принятому у насъ порядку, дѣлитъ и передѣляетъ угодья по числу душъ, а мірской ту, которая принимаетъ въ основаніе надѣла дворъ-хозяйство.

Эти названія очень затемняютъ самое различіе, ибо въ Россіи второй видъ общиннаго союза вовсе неизвѣстенъ, между тѣмъ какъ первый есть именно обычная форма владѣнія, называемая собственно „мірскою"; но терминологіи, принятой авторомъ, выходитъ наоборотъ, что порядокъ владѣнія, принятый въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ остзейскихъ губерніяхъ, т.-е. подворный или посемейный, надо называть мірскимъ, терминомъ, вовсе неизвѣстнымъ въ этихъ краяхъ, а нашъ великороссійскій бытъ, который всегда носилъ названіе мірского, означать терминомъ обычной общины, столько же мало-употребительнымъ въ Россіи, какъ слово „міръ" въ нѣмецкихъ земляхъ.

Исходною точкою своихъ сужденій авторъ принимаетъ законъ 19-го марта 1764 года и характеризуетъ его такъ (стр. 124):

„Сущность этого закона заключается въ томъ, что онъ пріурочилъ угодья посемейнаго надѣла колонистовъ не къ семьѣ или душѣ, а ко двору или хозяйству, разумѣя подъ послѣдними терминами посемейный надѣлъ нормальнаго размѣра съ хозяйственнымъ обзаведеніемъ на немъ."

„Прочитавъ со вниманіемъ указываемый нами законъ, всякій легко убѣдится, что основная мысль законодателя состояла въ томъ, чтобы каждая семья получила всѣ угодья нормальнаго надѣла въ одномъ обрубѣ; чтобы въ этомъ видѣ участокъ, образуя съ хозяйственными обзаведеніями дворъ, хозяйство, оставался изъ рода въ родъ въ нераздробленномъ и единоличномъ распоряженіи одной только семьи или главы ея, и чтобы распорядитель двора былъ, по возможности, полнымъ хозяиномъ ио эксплуатаціи участка, не лишая однако общества правъ владѣнія на землю и рѣшительнаго голоса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда личный произволъ участковаго хозяина могъ бы быть несовмѣстнымъ съ интересами общины—землевладѣльца. Выражаясь иначе, законъ 19 марта 1764 г. вводитъ въ тѣсные предѣлы поселенскаго „двора-хозяйства" начало единоличнаго потомственнаго пользованія, какъ лучшій, болѣе энергическій двигатель хозяйственнаго успѣха. Подчинивъ это начало принципу общиннаго землевладѣнія, тотъ же законъ гарантируетъ какъ цѣлостность и самобытность каждаго отдѣльнаго хозяйства, такъ и всегдашнее преобладаніе общиннаго принципа надъ произвольными поползновеніями личнаго начала,

которое не имѣетъ власти участковъ своихъ ни продать, ни заложить, ни въ дробныя части раздѣлить, съ тѣмъ, чтобы участки эти оставались нераздѣльно во власти той деревни.

„Мы позволимъ себѣ называть эту комбинацію поселенскаго землевладѣнія—лично-общинною или просто мірскою, въ отличіе отъ господствующихъ двухъ системъ: обычно-общинной, которой держится огромное большинство нашихъ крестьянъ,—и личной, основанной на правѣ полнаго частнаго владѣнія. Такимъ образомъ, каждая изъ нашихъ колоній есть поземельный собственникъ; отдѣльные же члены общины, хозяева, владѣютъ подворными участками лишь на правѣ потомственнаго пользованія.

„Посмотримъ же, какъ эта вновь созданная сельско-хозяйственная комбинація примѣнялась на практикѣ" (стр. 124).

Мы не оспариваемъ относительныхъ выгодъ этой формы замкнутаго подворнаго владѣнія и мудрости законоположенія, изданнаго великой государыней для Россіи непосредственно по выѣздѣ Ея Величества изъ княжества Ангальтъ-Цербстъ. Но дѣло въ томъ, что эти премудрыя нѣмецкія учрежденія никогда не освоились въ Россіи, хотя и примѣнялись къ выходцамъ изъ той же Германіи, и что законъ 1764 г., по свидѣтельству самого автора, не получилъ примѣненія. Только въ однѣхъ петербургскихъ колоніяхъ, пишетъ г. Клаусъ, удалось правительству поддержать въ теченіи прошлаго вѣка правила лично-общинной системы.

Во всѣхъ прочихъ хотя и былъ принятъ семейный надѣлъ при первомъ водвореніи, но дальнѣйшія дѣйствія были предоставлены мѣстнымъ обычаямъ а мѣстные обычаи всюду отвергли это начало майоратнаго и минoратнаго владѣнія. Сказавъ, что въ петербургскихъ колоніяхъ удержалось лично-общинное владѣніе (стр. 130), на слѣдующей же страницѣ (131) г. Клаусъ говоритъ, что указомъ 17 августа 1793 г. разрѣшено было петербургскимъ колонистамъ, въ числѣ 57 семействъ, переселеніе въ Екатеринославскую губернію, и что вслѣдъ затѣмъ допущены были раздѣлы дворовъ, такъ что уже въ 1806 г. всѣ дворы четырехъ петербургскихъ колоній были подѣлены каждый на два хозяйства.

Въ другихъ колоніяхъ, какъ мы видѣли, принципъ замкнутости владѣнія не былъ и введенъ, и тамъ, гдѣ его пробовали вводить, протесты и неудовольствія были такъ сильны, что колонисты распались на партіи и разошлись на новыя поселенія.

Законъ 1764 г. Екатерины II, точно такъ, какъ указъ 1714 г. Петра I были двѣ неудачныя попытки переводить въ Россію начало майоратнаго родоначальнаго владѣнія. Первая—еще отличается тѣмъ, что относилась къ нѣмецкимъ выходцамъ, сыновьямъ той Германіи, гдѣ процвѣтали эти порядки и прославлялись высшими классами, европейской интеллигенціей, какъ наивысшій прогрессъ поземельной культуры.

Даже и они, кровные германцы, выйдя изъ своего отечества, единодушно отвергли эти правила, и надо полагать, что однимъ изъ главныхъ побужденій ихъ эмиграціи было стремленіе уйти отъ того аграрнаго строя, который имъ навязывали имущественные классы Германіи.

Но русское правительство этого не поняло; изученіе пользъ и нуждъ простого народа не входило въ то время въ кругъ занятій образованныхъ клас-

совъ, и попечительное русское правительство думало, напротивъ, угодить переселенцамъ, выписавъ для нихъ цѣликомъ изъ научныхъ агрономическихъ и экономическихъ сочиненій и изъ законодательствъ Мекленбурга и Гессена правила объ одноличномъ, родовомъ и заповѣдномъ владѣніи, изложенныя въ законѣ 1764 г. Такимъ образомъ колонисты встрѣчены были въ Россіи такими же правительственными мѣропріятіями, какія угрожали имъ въ своихъ отечествахъ, и это вѣроятно много подѣйствовало на прекращеніе переходовъ въ Россію; съ начала XIX столѣтія германская эмиграція перемѣнила свое направленіе и потекла въ Америку. Но здѣсь, надо замѣтить, что колонисты, обжившіеся въ Россіи, все-таки много выгадали въ сравненіи съ тѣми своими соотечественниками, которые остались на мѣстахъ, выгадали въ томъ отношеніи, что обошли законъ, чего въ Германіи имъ бы сдѣлать не удалось: пользуясь отдаленностью высшаго начальства и послабленіями низшихъ властей, они устроились тоже по-своему, какъ и русскіе крестьяне, и управлялись нѣсколько смутно и безпорядочно въ первое время, руководствуясь не указами, а своими обычаями, раздѣляя участки признанные нераздѣльными, выдѣляя дѣтей изъ семейныхъ надѣловъ и испрашивая у казны новыя земли, когда на первыхъ угодьяхъ имъ становилось тѣсно.

Въ Германіи тотъ разрядъ крестьянъ, къ коему принадлежали бо́льшею частію наши колонисты, т.-е. мелкіе хозяева, въ теченіи этого періода подверглись систематической экспропріаціи, по всѣмъ правиламъ раціональной агрономіи, и перешли бо́льшею частію въ состояніе батраковъ и поденщиковъ—сельскихъ пролетаріевъ.

---

[8]) Мы позаимствовали нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи фермерства въ Англіи изъ замѣчательнаго труда г. Посникова—„Общинное землевладѣніе вып. 1. Москва. 1875 г. Г. Посниковъ поставилъ этотъ спорный вопросъ объ общинѣ на новую почву, подвергнувъ его, вмѣсто голословной полемики, прямому сравненію с другими видами владѣнія, между прочимъ и съ фермерствомъ въ Англіи и въ другихъ странахъ. Мы такъ сходимся съ нимъ въ главныхъ воззрѣніяхъ, что хотѣли бы выписать все его сочиненіе, подтверждающее на каждой страницѣ положительными фактами нашъ взглядъ на землевладѣніе вообще, и сравнительное достоинство мірского и участковаго владѣнія. Мы пришли съ нимъ, кажется, къ однимъ, почти тождественнымъ выводамъ: что неопредѣленность и произвольность мірскихъ передѣловъ составляютъ главнѣйшее неудобство русскаго сельскаго быта,—что неопредѣленность сроковъ аренды, произволъ собственниковъ и необезпеченность арендаторовъ причиняютъ помѣстному и частному владѣнію такой же вредъ, какъ передѣлы общинному,—но что и тѣ и другія, и передѣлы и аренды, дѣлаются безвредными, если они подвергаются нѣкоторымъ ограниченіямъ, гарантирующимъ право временнаго владѣльца на вознагражденіе за произведенныя улучшенія.

Это заключеніе формулируется авторомъ совершенно ясно и точно въ слѣдующихъ словахъ:

„Доказывая экономическую несостоятельность порядка, при коемъ каждому

члену общины принадлежитъ только право владѣнія (точнѣе, пользованія) землей, необходимо признать, что и система арендняго хозяйства также несостоятельна, потому что фермеръ ни что иное, какъ владѣлецъ (и мы прибавимъ: временный) чужой земли" (стр. 75).

Эта аргументація совершенно правильна, такъ что мы сходимся съ авторомъ и въ доводахъ, и въ выводахъ. Но вотъ въ чемъ оказывается между нами нѣкоторое разногласіе: г. Посниковъ какъ будто признаетъ, что въ неудобствахъ фермерства „виноватъ не принципъ временного владѣнія" (стр. 81),—что нельзя утверждать, „что всякій фермеръ стремится къ истощенію почвы" (стр. 82)—и, ссылаясь на примѣръ Англіи, указываетъ, что краткосрочность арендныхъ сдѣлокъ не препятствуетъ процвѣтанію сельскаго хозяйства.

Нашу аргументацію мы ведемъ нѣсколько иначе, хотя и приходимъ къ однимъ результатамъ: временное владѣніе само по себѣ мы признаемъ вреднымъ въ земледѣльческомъ отношеніи, тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ чаще переходитъ хозяйство изъ однѣхъ рукъ въ другія, все равно при передѣлѣ ли въ сельскихъ обществахъ, или при раздѣлѣ между наслѣдниками въ преемственной собственности, или при сдачѣ въ аренду при арендной системѣ. Но мы стараемся доказать, что сроки арендъ въ Англіи, и другихъ странахъ также, очень короткіе, и что если они не повредили земледѣлію, то безъ сомнѣнія сильно угнетали земледѣльцевъ вездѣ, гдѣ народные обычаи, общественное мнѣніе и свободная пресса не ограничивали произволъ собственниковъ. Въ Ирландіи краткосрочное фермерство привело страну и народъ на край гибели. Въ Англіи оно было парализовано въ прежнія времена обычнымъ правомъ, по коему собственнику не дозволялось (хотя и не запрещалось закономъ) согнать фермера исправнаго въ платежахъ. Но какъ только патріархальные обычаи ослабѣли и земли возвысились въ цѣнѣ, и эта узда ослабѣла, и всѣ неудобства фермерства обнаружились такъ ярко, что англичане поспѣшили принять мѣры къ обузданію произвола землевладѣльцевъ.

Изъ этого мы приходимъ прямо къ заключенію, что временное владѣніе, фермерское и общинное, само по себѣ въ принципѣ, дѣйствуетъ вредно на культуру страны, но что этотъ вредъ можетъ быть устраненъ нравами и обычаями или положительными узаконеніями, ограждающими фермера или общинника отъ произвола собственника или сельскаго общества. Мы также полагаемъ, что въ принципѣ всякій фермеръ долженъ стремиться къ истощенію почвы, или, другими словами, къ извлеченію изъ нея наибольшаго дохода при наименьшихъ затратахъ, что это прямой его интересъ и разсчетъ, въ особенности въ послѣднее время передъ сдачей аренды, и что, поэтому, чѣмъ чаще наступаетъ срокъ передачи и передѣла, тѣмъ чаще и повторяются эти періоды хищнической эксплуатаціи.

Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ упомянутаго сочиненія, что долгосрочность арендъ не устраняетъ этого зла, что и при 40, 50-лѣтнихъ арендахъ, когда наступаетъ срокъ ея сдачи, фермеръ запускаетъ строенія, пашню и все хозяйство; но очевидно, что чѣмъ рѣже наступаютъ эти сроки, тѣмъ менѣе причиняется ими вреда, и что поэтому долгосрочныя аренды безвреднѣе краткосрочныхъ.

Описывая положеніе Фландріи, гдѣ при краткосрочности арендъ земледѣліе

процвѣтаетъ, но цѣны непомѣрно возвышаются, г. Посниковъ замѣчаетъ, что „если краткость срока арендъ имѣетъ неблагопріятное вліяніе на плату за землю и если она отзывается тягостно на фермерѣ, все же земледѣліе тамъ процвѣтаетъ“.—Этими словами совершенно подтверждается нашъ взглядъ на арендную систему и аграрныя отношенія вообще: при естественныхъ благопріятныхъ условіяхъ климата, почвы, путей сообщенія, при изобиліи водъ, топлива (каменнаго угля), руды и всякихъ даровъ природы, всякія системы хозяйства хороши: „земледѣліе все-таки процвѣтаетъ“. Но земледѣльцы? Если они не собственники, а только фермеры, то могутъ ли они выдержать конкурренцію? Если въ Англіи отступныя суммы (good-will) достигаютъ громадныхъ цѣнъ, 20—40 ф. ст. на акръ, 405 р.—810 р. за десятину, то спрашивается, доступна ли аренда земель хлѣбопашцамъ? и не обращается ли и фермерство въ привилегію среднихъ и высшихъ сословій? Во всякомъ же случаѣ, примѣры такихъ странъ, какъ Англія, сѣверная Франція, Бельгія и прирейнскія провинціи Германіи ничего не доказываютъ для другихъ странъ: въ агрономическомъ отношеніи онѣ поставлены въ исключительно-благопріятныя условія самой природой.

Но въ какомъ положеніи находятся сельскіе обыватели, земледѣльцы въ этихъ краяхъ фермерскаго хозяйства—это другой вопросъ, который мы и старались по возможности прослѣдить въ этомъ сочиненіи.

---

[9]) Въ вышеупомянутомъ сочиненіи г. Посникова, „Общинное землевладѣніе“, приведено много данныхъ, бросающихъ новый свѣтъ на фермерскій и аграрный вопросъ въ Англіи. Такъ, между прочимъ, мы находимъ цѣлый рядъ отзывовъ новѣйшихъ публицистовъ, свидѣтельствующихъ, что и при долгосрочныхъ арендахъ происходитъ систематическое истощеніе почвы.

„Въ первые годы фермеръ по возможности старается привести свое хозяйство въ исправность (in condition), но въ теченіи не менѣе 4 послѣднихъ лѣтъ, интересъ фермера заставляетъ его извлечь изъ земли все, что онъ вложилъ въ нее, если только онъ не намѣренъ поднести своему лэндлорду любезный подарокъ“ (Bear. the difficulties of tenant farmers).—„Даже и при арендахъ въ 21 годъ только первыя 7 лѣтъ посвящаются улучшеніямъ, затѣмъ въ слѣдующія 9 лѣтъ они поддерживаются, а въ послѣднія 5 лѣтъ достоинство почвы постепенно упадаетъ“ (G. Latham, the Landlaws). „Встрѣчаются фермы, которыя, по истеченіи аренды въ 50, 60, 70 лѣтъ, приходятъ въ полный упадокъ“. (Lord Dufferin. On Irish Emigration and the tenure of Land in Ireland). „На языкѣ англійскихъ фермеровъ самое это выраженіе „in condition“ (high condition, law condition), означаетъ именно такія условныя поверхностныя, или временныя улучшенія, которыя способствуютъ скорѣйшему извлеченію изъ почвы всѣхъ ея производительныхъ силъ; земля приводится въ condition точно какъ скаковая лошадь ко дню скачки, или гончая, лягавая собака къ сезону опыта, или гребцы при рѣчныхъ гонкахъ ко дню состязанія; это означаетъ извѣстную выдержку, которая развиваетъ въ человѣкѣ и животномъ всю силу и игру мускуловъ и другихъ органовъ; точно также фермеръ старается привести почву въ такое состояніе, которое бы, независимо отъ естественнаго ея

плодородія, дозволяло бы ему воспользоваться всѣми ея производительными силами, и это искусство доведено въ Англіи до такого совершенства, что тремя и четырьмя посѣвами можно окончательно выбрать изъ земли все, чтб она можетъ дать. Эти соображенія и заставили англичанъ въ новѣйшее время принять мѣры къ огражденію не только интересовъ фермеровъ, но и плодородія почвы. Мѣры эти, введеніе Ольстерскаго и Линкольнширскаго обычаевъ, нами описаны прежде. Исторія ихъ введенія очень назидательна.

Такъ какъ всякой коренной реформѣ въ Англіи предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительное движеніе, агитація, то это движеніе объ обезпеченіи фермеровъ началось уже въ началѣ столѣтія. Въ графствѣ Линкольнъ, уже около 1812 г., нѣсколько фермеровъ испробовали съ большимъ успѣхомъ удобреніе мергелемъ и глиной, и, затративъ на это большіе капиталы, подняли вопросъ о вознагражденіи за произведенныя улучшенія; съ другой стороны, собственники, видя благотворное дѣйствіе этихъ удобреній и возрастаніе урожаевъ на такихъ земляхъ, возвышали арендную плату, и дѣло уже доходило до распри, когда лэндлорды съ благоразуміемъ, отличающимъ англійскую аристократію отъ континентальныхъ, уступили требованіямъ фермеровъ и приняли съ нѣкоторыми измѣненіями систему tenant-right, существовавшую въ ирландскомъ графствѣ Ольстеръ. По линкольнширской системѣ полагается, что всякій разъ, когда фермеръ сдаетъ свою аренду, производится изслѣдованіе состоянія (condition) хозяйства черезъ посредниковъ, изъ коихъ одинъ выбирается лэндлордомъ, другой фермеромъ, а третій назначается съ общаго согласія первыхъ двухъ посредниковъ. Тогда фермеръ объявляетъ свои претензіи на вознагражденіе за всѣ удобренія и улучшенія, которыя не окупились въ теченіи его арендного содержанія, и на каждое изъ нихъ полагается срокъ: на дренажъ 7 лѣтъ, на мергелованіе отъ 5 до 7, на костяное удобреніе 3 года; по этому разсчету, если онъ, напримѣръ, не додержалъ аренды 7 лѣтъ послѣ дренажа, ему присуждается за каждый недостающій годъ $^1/_7$ той суммы, которую онъ издержалъ на дренажъ и т. д.

Порядки эти установились въ графствѣ Линкольнъ около 1826 г., и вскорѣ обратили на себя вниманіе англійской публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1835 г. начались въ парламентѣ попытки ирландскихъ членовъ узаконить такъ называемый Ольстерскій обычай (good-will) и дать ему во всей Ирландіи обязательную силу. Но долго и упорно сопротивлялась старая Англія этимъ аграрнымъ нововведеніямъ. Въ 1848 г. назначена была отъ парламента слѣдственная коммиссія для изслѣдованія обычаевъ Линкольна; заключенія ея были уклончивы: одобряя и рекомендуя tenant-right, она не рѣшалась вводить этого правила въ законодательство. Тогда предсѣдатель коммиссіи, Пюсси, внесъ отъ себя проектъ билля о регулированіи отношеній фермеровъ, и четыре раза, съ 1848 по 1850 г., повторялъ свои предложенія, оставаясь всякій разъ въ огромнѣйшемъ меньшинствѣ, но и всякій разъ выгадывая въ свою пользу по нѣсколько голосовъ. Затѣмъ вопросъ этотъ засыпаетъ до 1870 г., когда Гладстонъ внезапно его поднялъ и провелъ знаменитый свой ирландскій поземельный билль, и съ этого же времени возбуждается и аграрный вопросъ во всемъ англійскомъ королевствѣ; главные органы печати, „Times“, „The Economist“ прямо высказываютъ, что недалеко время, когда тѣ же мѣры распространятся изъ Ирландіи на всю Великобританію; члены парламента агитируютъ вопросъ объ обязательномъ вве-

деніи tenant-right, указывая что приглашенія коммиссіи 1848 г. о добровольномъ регулированіи фермерскихъ отношеній не привели къ ожидаемымъ результатамъ; въ апрѣлѣ 1872 г. сэръ Гоуардъ, членъ палаты общинъ и одинъ изъ богатѣйшихъ сельскихъ хозяевъ, вноситъ формальное предложеніе о вознагражденіи фермеровъ за улучшенія, которое формулируется въ биллѣ 13 февр. 1873 г. (Bill 56, for the improvement of the relation between Landlord and tenant in England).

Мы описали съ нѣкоторою подробностью эту длинную процедуру, чтобы указать, съ какою послѣдовательностію и зрѣлостью произведена эта первая попытка аграрныхъ реформъ въ Англіи. Мы называемъ ее попыткой, потому что она очевидно открываетъ только путь къ болѣе радикальному преобразованію англійскаго земскаго быта. Вознагражденіемъ за улучшенія вопросъ не исчерпывается. Если сроки арендъ остаются такіе же короткіе, какіе нынѣ установляются, большею частію годовые или просто произвольные (at will), то разумѣется собственники, при усиленной конкурренціи фермеровъ, будутъ съ года на годъ возвышать арендную плату. Плата старому фермеру будетъ въ дѣйствительности уплачиваться не ландлордомъ, а новымъ арендаторомъ, такъ какъ его плата будетъ возвышена настолько, сколько нужно, чтобы покрыть процентъ капитала, уплаченнаго первому за улучшенія. Эта система долго продолжиться не можетъ и приведетъ неизбѣжно къ другой коренной мѣрѣ, къ выкупу. („Общинное землевладѣніе", А. Посникова, вып. I, Ярославль, 1875 г., стр. 89—101).

ГЛАВА XIII.

РАЗМѢРЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Крупное и мелкое землевладѣніе.

Шаткость различія между крупной и мелкой собственностью. — Аристократизація землевладѣнія въ древнемъ мірѣ; Греція, Римъ, Испанія, Campagnia di Roma. — Различіе между правомъ собственности и дѣйствительнымъ владѣніемъ. — Чтó слѣдуетъ признать крупною аристократическою собственностью и мелкимъ крестьянскимъ владѣніемъ. — Нормальный размѣръ крестьянскаго надѣла слѣдуетъ ли разсчитывать по средней рабочей силѣ (Arbeitsfläche) или по объему, нужному для продовольствія (Nahrungsfläche).— Наименьшій размѣръ подворнаго участка.—Различіе между полными, тяглыми хозяевами и бобылями.—Не размѣръ владѣній, а способъ эксплуатаціи составляетъ главное различіе между помѣстнымъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ.—Отношеніе собственниковъ къ фермерамъ и съемщикамъ въ западной Европѣ.—Абсентеизмъ крупныхъ собственниковъ.— Отношеніе помѣщичьихъ земель къ крестьянскимъ въ разныхъ полосахъ Россіи.—Сравнительная польза крупныхъ и мелкихъ культуръ. — Арендованіе земель надо признать по существу вредной системой хозяйства.

Вопросъ о преимуществѣ крупнаго и мелкаго землевладѣнія уже около 19-ти столѣтій занимаетъ цивилизованный міръ. Еще Плиній Старшій предвѣщалъ своимъ согражданамъ, римскимъ патриціямъ, что ихъ обширныя помѣстья погубятъ Италію: latifundia perdidere Italiam, и Плиній былъ правъ: лучшія провинціи этой благодатной страны опустѣли, и дикія земли римской Кампаньи свидѣтельствуютъ передъ современнымъ свѣтомъ, что именно эта метрополія древней цивилизаціи, откуда повѣщались міру, urbi et orbi, священныя права собственности, являетъ примѣръ такого опустошенія и разоренія, что послѣ двухъ тысячелѣтій еще не оправилась отъ хищнической культуры римскихъ землевладѣльцевъ.

Съ того времени это изреченіе Плинія и примѣръ сред-

ней Италіи и приводятся всякій разъ въ доказательство вреднаго дѣйствія крупной собственности.

Но и защитники аристократическаго землевладѣнія съ своей стороны представляютъ другой, противоположный примѣръ страны, достигшей высшей сельско-хозяйственной культуры, при самыхъ крупныхъ размѣрахъ поземельныхъ имуществъ, именно Англію, гдѣ вся территорія подѣлена между 30,000 владѣльцами. Далѣе, они сравниваютъ съ Англіей Францію, страну мелкопомѣстной, демократической собственности, и сравненіе выходитъ въ пользу первой, какъ по количеству и качеству продуктовъ, такъ и по раціональности агрономическихъ системъ.

Такимъ образомъ, пренія эти, повидимому, не имѣютъ исхода, и доводы обѣихъ сторонъ оказываются равносильными; но это происходитъ оттого, что стороны не согласились предварительно ни въ своихъ взглядахъ на пользу или вредъ той или другой системы культуръ, ни въ самомъ предметѣ спора: что́ признавать крупнымъ или мелкимъ землевладѣніемъ?

Если разсматривать аграрное положеніе съ точки зрѣнія благосостоянія народныхъ массъ, большинства жителей, то мелкое владѣніе земель имѣетъ несомнѣнное преимущество, такъ какъ оно обезпечиваетъ самостоятельность бо́льшаго числа сельскихъ обывателей. Если же судить о пользѣ землевладѣнія по интенсивной силѣ культуръ, по усовершенствованіямъ и раціональному веденію хозяйства, то крупныя имѣнія заслуживаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпочтеніе передъ мелкими, гдѣ земледѣліе весьма часто принимаетъ характеръ хищничества и безпощадной эксплуатаціи.

Которое изъ этихъ двухъ соображеній важнѣе, благосостояніе ли жителей или усиленіе производительности страны, улучшеніе быта людей или улучшеніе почвы и земледѣлія? Эти два интереса не такъ тѣсно связаны, какъ обыкновенно это полагаютъ, и исторія древнихъ и новыхъ народовъ намъ являетъ много примѣровъ такихъ странъ, гдѣ высшая культура совпадаетъ съ крайнимъ истощеніемъ страны и народа, въ ней обитающаго.

Централизація и аристократизація поземельной собственности были у многихъ народовъ какъ будто предвѣстниками ихъ паденія и растлѣнія гражданственности. Это паденіе, разумѣется, наступало не непосредственно за усиленіемъ помѣстнаго элемента; имущественные классы сохраняли еще нѣкоторое время довольно силы, чтобы противодѣйствовать алчности демократической партіи, и даже подавляли ее могуществомъ капиталовъ и другихъ матеріальныхъ средствъ, коими располагали самовластно. Борьба обыкновенно кончалась торжествомъ высшихъ классовъ надъ низшими; но послѣ такихъ побѣдъ вскорѣ наступалъ періодъ разложенія гражданскихъ обществъ, затѣмъ возникали внутреннія смуты и междуусобія, и за ними быстро слѣдовало распаденіе самого государства.

Съ того времени, какъ гражданскія общества водворились въ Европѣ, соціально-аграрный строй имѣлъ у всѣхъ народовъ этой части свѣта почти одинаковыя основанія: гражданское устроеніе начиналось съ единодержавія и съ владѣнія всей землей сообща отъ имени государя или казны; затѣмъ переходило къ многодержавію, и высшіе классы забирали бо̀льшую часть земель, а иногда, какъ въ Англіи, и всю территорію; тогда выступали въ свою очередь и низшія сословія съ своими притязаніями на свободу и равенство, разумѣя подъ этими словами не политическія права, а имущественныя: право на землю, или на полученіе извѣстной рабочей платы, или на общественное призрѣніе, panem et circenses въ Римѣ, poor-taxe въ Англіи, droit au travail во Франціи.

Но это такъ-называемое демократическое движеніе нигдѣ, по крайней мѣрѣ, до новѣйшихъ временъ, не достигло своей цѣли, потому что народныя массы сами собой совершенно неспособны организовать собственность, а ихъ предводители, народные трибуны и агитаторы, тоже люди, съ такими же слабостями, какъ и другіе. При каждомъ демократическомъ переворотѣ выдѣлялись изъ слоевъ народа лучшіе, способнѣйшіе люди, которые сами лично и достигали того, къ чему вели народъ, т.-е. власти, богатства и всякихъ земныхъ благъ, и затѣмъ передавались въ лагерь противниковъ, притворяясь, для приличія, либералами и демократами, но въ сущности раздѣляя мнѣнія и настроенія аристократическихъ

классовъ, и усиливая ихъ ряды свѣжими силами выслужившейся и обогатившейся демократіи.

Такъ было въ древнихъ и новѣйшихъ обществахъ Европы.

Мы хотимъ прослѣдить этотъ процессъ въ древнихъ гражданствахъ, потому что въ нихъ онъ представляется полнѣе, во всѣхъ своихъ фазахъ, съ начала до конца, т.-е. до паденія греческихъ республикъ и римской имперіи, между тѣмъ какъ въ исторіи новѣйшихъ обществъ мы видимъ тотъ же ходъ цивилизаціи, но не видимъ еще исхода, и доживаемъ только до того момента преобладанія крупной собственности и плутократіи, съ коего началось паденіе Греціи и Рима. Поэтому для полноты обзора лучше взять древній міръ, и въ немъ прослѣдить эти превращенія, подложно называемыя то аристократіей, то демократіей, по существу же означающія стремленіе разныхъ классовъ народа къ пріобрѣтенію осѣдлости и собственнаго хозяйства.

Въ Аѳинахъ и Спартѣ, послѣ персидскихъ и пелопонезскихъ войнъ, наступило, вмѣстѣ съ полнымъ развитіемъ демократіи, и быстрое усиленіе денежной олигархіи; она состояла изъ людей простого званія, которые означались только названіемъ „порядочныхъ, благопристойныхъ людей“, въ томъ же смыслѣ, какъ англичане называютъ всякаго приличнаго господина „джентльменомъ“.

Въ IV-мъ столѣтіи передъ Р. Х. уже слышались постоянныя жалобы объ обѣднѣніи народа и чрезмѣрномъ обогащеніи немногихъ гражданъ. Въ 321 году по Р. Х., при введеніи новой конституціи, Антипаторъ разсчитывалъ, что изъ 31,000 дворянъ въ Аѳинахъ только 9,000 имѣли цензъ, имъ установленный, въ 9,000 драхмъ (500 руб.) капитала, т.-е. сумму, едва достаточную для насущнаго пропитанія; черезъ 3 года, въ 318 г., Касандеръ принужденъ былъ понизить цензъ на половину.

Въ послѣднее время республики считалось въ Аѳинахъ изъ 21,000 гражданъ 300 человѣкъ, имѣвшихъ дохода 31,000 драхмъ (1,750 руб.), изъ коихъ нѣкоторые владѣли цѣлыми островами. Въ Спартѣ, гдѣ прежде числилось до 9,000 полноправныхъ гражданъ, въ 369 году оставалось таковыхъ только 2,000, въ 344 г. только 1,000, а въ слѣдующемъ столѣтіи всѣхъ собственниковъ считалось 700, изъ коихъ 100 владѣли

всѣми сельскими имуществами, а остальные считали за собой болѣе долговъ, чѣмъ имуществъ; тогда, по наущенію этихъ задолжавшихся и промотавшихся дворянъ, возникли въ греческихъ республикахъ самыя радикальныя предложенія о принудительномъ погашеніи долговыхъ суммъ, о раздѣлѣ земель, и богачи откупались отъ этихъ соціальныхъ вымогательствъ постоянными пожертвованіями то денежныхъ суммъ, то хлѣбныхъ запасовъ. Случалось, что эти коммунистическія реформы временно и удавались; въ 206 г. въ Спартѣ и Аргосѣ нѣкто Набисъ успѣлъ возмутить черный народъ, умертвилъ многихъ богатыхъ гражданъ и роздалъ ихъ дома и имѣнья мятежникамъ; въ 146 г. во всѣхъ штатахъ Іонійскаго союза изданъ законъ, прекратившій всякія взысканія и иски по долговымъ обязательствамъ; въ томъ же году, для веденія войны противъ Рима у богатѣйшихъ гражданъ взято насильно нѣсколько сотъ тысячъ драхмъ. Также испробовано было въ греческихъ республикахъ и другое средство, нынѣ восхваляемое, какъ панацея противъ угнетенія капитала: начиная съ четвертаго столѣтія по Р. Х. въ главныхъ городахъ Греціи и въ ея колоніяхъ устраиваются ассоціаціи, кредитныя общества, производительныя и потребительныя товарищества, которыя, повидимому, способствовали процвѣтанію промысловъ и мелочной торговлѣ, но не могли пріостановить обѣднѣнія народа среди всеобщаго экономическаго кризиса.

Римскіе и греческіе писатели, Полибій, Фламиній положительно свидѣтельствуютъ, что греческій міръ въ ихъ время, въ III ст. пер. Р. Х., распадался на два элемента, богатыхъ людей и бѣдныхъ, и что между ними не было больше никакой связи, ни общественной, ни государственной; имущественные классы ожидали спасенія отъ внѣшнихъ враговъ, призывали римлянъ, и по словамъ Полибія, знатнѣйшіе греки прямо отзывались — „что если они скоро не погибнутъ, то нѣтъ для нихъ спасенія"; черный народъ жилъ подаяніемъ богачей, исторгая у нихъ суммы для своего пропитанія и общественныхъ расходовъ и, при выборѣ въ должности, прямо торговался о суммѣ пожертвованій, сколько кандидатъ можетъ уплатить. Изъ этого видно, что блистательная цивилизація древней Греціи была подорвана и разрушена преимущественно неравенствомъ имуществъ, и что вольные и полно-

правные граждане демократическихъ республикъ были приведены въ такое нищенское состояніе, что, диктуя законы своимъ отечествамъ, они сами продавали себя и свои голоса съ публичнаго торга богатѣйшимъ своимъ согражданамъ.

Въ римской имперіи этотъ процессъ обогащенія высшихъ классовъ и оскудѣнія низшихъ проявляется еще съ бо̀льшею рѣзкостію чѣмъ въ Греціи. Онъ начался еще во времена республики и именно съ того времени, какъ, по провозглашеніи законовъ Лицинія о равенствѣ всѣхъ римскихъ гражданъ, воцарилась въ Римѣ чистая демократія и полная свобода правъ собственности; этой свободой немедленно и воспользовались плебейскія фамиліи, дотолѣ устраняемыя отъ владѣнія патриціями, и богатѣйшія изъ нихъ, задобривая бѣдныхъ предложеніями въ демократическомъ духѣ о смягченіи закона по взысканіямъ долговыхъ суммъ, или о раздѣлѣ государственныхъ земель (ager publicus), ловили въ мутныхъ волнахъ и общественныя должности, и большія помѣстья.

Въ особенности напустилась эта новая олигархія на провинціи, на разныя предпріятія въ новозавоеванныхъ краяхъ; консулы и преторы, рыцари (equites) и сенаторы, родовая знать (census equester) и новое дворянство (nobilitas) подѣлили между собой государственныя имущества уже за два столѣтія до Р. Х.

Римскій писатель Аппіанъ описываетъ такъ происхожденіе этихъ необъятныхъ latifundia. Римляне, пишетъ онъ, по мѣрѣ того какъ они завоевывали по частямъ Италію, отбирали въ каждой провинціи часть земель; тѣ изъ нихъ, которыя были уже воздѣлываемы, отдавались поселянамъ въ собственность или въ аренду; прочія дикія земли уступались или безплатно, или за десятину изъ урожая желающимъ. Этими-то пустыми землями завладѣли бо̀льшею частію богатѣйшіе изъ римскихъ гражданъ и понемногу скупили или насильственно отобрали у смежныхъ жителей всѣ ихъ участки, изъ коихъ образовались огромныя помѣстья. Впрочемъ, въ это время, при общемъ еще весьма низкомъ уровнѣ народнаго богатства и рѣдкости денежныхъ знаковъ, разстояніе между людьми богатыми и бѣдными не было такъ чувствительно.

Попытки Лицинія и Гракховъ нѣсколько обнадежили плебейцевъ; запрещеніе отводить изъ казенныхъ земель большіе участки (сверхъ 126 десят.) обѣщало обильную поживу людямъ средняго состоянія. Но послѣ пуническихъ войнъ государственное могущество Рима разразилось, съ одной стороны, громаднымъ обогащеніемъ правительственныхъ классовъ, съ другой—быстрымъ разореніемъ всѣхъ прочихъ гражданъ. Цицеронъ приводитъ показаніе трибуна Маркафили, что въ 183 г. до Р. Х. всѣхъ собственниковъ въ Римѣ было не болѣе 2.000 семействъ и сравниваетъ римское гражданство съ пирамидой, основаніе коей все расширяется и вершина заостряется, такъ что на нее ничего поставить нельзя, и что вся масса, потерявъ равновѣсіе, расползается.

Онъ же повѣствуетъ, что въ 4 сельскихъ обществахъ Сициліи было въ 70 году по Р. Х. до 778 домохозяевъ-земледѣльцевъ (aratores), имѣвшихъ каждый по 700 югеровъ (около 175 дес.), но послѣ трехлѣтняго правленія Верреса ихъ осталось только 333, а у самого проконсула было 5 милліоновъ дохода. По свидѣтельству Тацита, у многихъ патриціевъ было по 6.000 рабовъ.

Половина всей Африканской провинціи принадлежала, по свидѣтельству Плинія, шести патриціямъ; въ другихъ областяхъ всѣ общественныя земли состояли во владѣніи двухъ-трехъ семействъ; на пространствѣ шести римскихъ миль, онъ же, Плиній, нашелъ всего 6 имѣній.

Главнымъ поприщемъ расхищенія была въ это время Сицилія; она считалась изъ всѣхъ областей Рима плодороднѣйшей и самой цвѣтущей по своей культурѣ, такъ что Катонъ называетъ ее житницей Италіи.

Но уже здѣсь представляется тотъ фактъ, на который мы неоднократно обращали вниманіе читателей, что наивысшая культура страны и доходность помѣстій совпадали съ разореніемъ сельскихъ обывателей, земледѣльцевъ.—Сицилія сдѣлалась главнымъ предметомъ добыванія для всѣхъ римскихъ спекулянтовъ; чтобы понизить продажную цѣну земель, запрещено было мѣстнымъ жителямъ покупать ихъ внѣ предѣловъ своихъ округовъ и, для бóльшаго стѣсненія продажъ, подѣлано было до 70 такихъ малѣйшихъ округовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было ни одного владѣльца изъ туземцевъ;

округъ Леонтины въ 7,500 десят. принадлежалъ одной римской фамиліи Мназистратосъ.

Доходность сицилійскихъ помѣстій росла съ каждымъ днемъ, но въ то же время безпощадно преслѣдовались и выселялись крестьяне; цѣлыя деревни продавались на свозъ и вся провинція, по свидѣтельству Цицерона, сдѣлалась добычей римскихъ администраторовъ и ихъ клевретовъ промышленниковъ, подрядчиковъ и ростовщиковъ. Въ концѣ второго столѣтія послѣдовалъ кризисъ въ римскомъ поземельномъ бытѣ, кризисъ, столь извѣстный въ исторіи подъ именемъ законовъ Гракховъ, на которые римскіе патриціи и всѣ послѣдующіе аристократическіе классы новыхъ временъ наложили проклятіе, называя ихъ раздѣломъ земель и грабежомъ имуществъ.

Поистинѣ, никакого раздѣла земель не было и не предполагалось, и никакого грабительства Гракхи не замышляли. Предложенія ихъ вовсе даже не относились къ частнымъ имуществамъ, и, имѣя въ виду казенныя земли, стремились къ тому единственно, чтобы пресѣчь захватъ пустыхъ земель алчными патриціями и чиновниками Рима, образовать изъ нихъ запасъ для надѣла крестьянъ и регулировать колонизацію новыхъ областей, гдѣ неистовства корыстныхъ консуловъ и проконсуловъ обирали жителей и разоряли страны.

По закону Лицинія предполагалось запретить помѣщикамъ держать на общихъ пастбищахъ болѣе 100 штукъ крупнаго скота или 500 мелкаго.

Тиверій Гракхъ требовалъ, чтобы при раздачѣ государственныхъ земель въ завоеванныхъ провинціяхъ онѣ разбивались на участки не болѣе 500 югеровъ (jugerum=595 кв. саженъ).

Но уже тогда, до Рождества Христова, подобные умыслы считались преступными и назывались антисоціальными; реформы Гракховъ, какъ извѣстно, были отклонены и обойдены; ихъ же наущенію были приписаны бунты рабовъ и крестьянъ въ Сициліи и Греціи, послѣдовавшіе послѣ отмѣны сихъ законовъ, и кровопролитныя усмиренія возстаній водворили наконецъ царство порядка въ смущенной римской республикѣ.

Остальное извѣстно: римское общество быстро возвышалось до кульминаціоннаго пункта своего величія и своей ци-

вилизаціи, а коренныя области римской имперіи пустѣли, заглушались и дичали; Сицилія, Римская Кампанія, Греція, Малая Азія, все Средиземное поморье въ великій вѣкъ Августа уже находились въ томъ же безплодномъ положеніи, въ коемъ они нынѣ обрѣтаются послѣ восемнадцати вѣкового отдыха.

Науки, художества процвѣтали, а народъ грубѣлъ; изъ высшихъ и среднихъ сословій патриціевъ и плебеевъ все выше и выше выдѣлялись землевладѣльцы и капиталисты съ несмѣтными богатствами, съ утонченными нравами, съ высокимъ образованіемъ, а общественная нравственность упадала, распутству аристократическихъ классовъ вторилъ, тономъ нѣсколько выше, развратъ демократіи, кормившейся подаяніями казны и богачей.

Во время имперіи въ Римѣ считалось отъ 200 до 300 тысячъ неимущихъ, на содержаніе коихъ при Августѣ тратилось отъ $2^1/_2$ до $5^1/_2$ милліоновъ рублей въ годъ, около 20% государственныхъ доходовъ.

Вникая въ эту исторію древняго міра надо, кажется, признать, что форма правленія имѣла очень мало вліянія на ходъ цивилизаціи и благоустройства этихъ обществъ; они ихъ испробовали всѣ безъ исключенія, и ни одна, съ одной стороны, не воспрепятствовала быстрому, неукротимому развитію культуры, и, съ другой стороны, не прекратила такого же быстраго обѣднѣнія народа, экономическаго разстройства и нравственнаго развращенія; демократическія правленія въ этомъ отношеніи были такъ же безсильны, какъ и аристократическія, и какъ только плебеи смѣнили патриціевъ въ управленіи Римомъ, такъ изъ нихъ же, изъ рядовыхъ людей, стали выдѣляться промышленники, торговцы, аферисты, образовавшіе новую, простонародную олигархію, не родовую, а денежную, основанную на принципѣ вольнаго, равномѣрнаго владѣнія, но продолжавшую хищническую эксплуатацію страны и народа по примѣру патриціевъ [1]).

Преданія римскаго поземельнаго устройства перешли всецѣло и къ народамъ новѣйшаго міра, и замѣчательно, что главныя черты аграрнаго строя, который мы выше описали, встрѣчаются во всѣхъ странахъ, населенныхъ латинскою и

германскою расой, какъ точные, можетъ быть и безсознательные, снимки съ классической цивилизаціи древнихъ.

Испанскіе гранды, итальянскіе принцы, шотландскіе ландлорды, нѣмецкіе риттергутсбезитцеры были достойные преемники римскихъ патриціевъ и, воспитываясь на классическихъ образцахъ древняго міра, примѣняли въ особенности къ самимъ себѣ, къ своимъ хозяйствамъ и своимъ помѣстьямъ начала, выработанныя въ Римѣ о священныхъ правахъ собственности.

Главная система этого хозяйства, какъ мы выше сказали, состояла въ томъ, что крупные собственники, пріобрѣтая власть надъ низшимъ классомъ, выгоняли земледѣльцевъ, и на мѣсто хлѣбопашества заводили залежное и выгонное хозяйство, которое имѣло для нихъ ту выгоду, что ставило ихъ въ независимость отъ рабочихъ, освобождало ихъ отъ всякихъ отношеній съ строптивыми служителями и рабами. Поэтому развитіе скотоводства составляло основу вотчиннаго аристократическаго землевладѣнія, и принципъ этотъ передавался изъ рода въ родъ и изъ одного вѣка въ другой, отъ римскихъ патриціевъ первыхъ столѣтій послѣ Рожд. Хр. до англійскихъ лордовъ XIX столѣтія.

Въ Испаніи всѣ богатые гранды обратились къ тонкорунному овцеводству и соединились въ одну корпорацію подъ названіемъ mesta, которая получила въ 1556 г. уставъ и значительныя привилегіи. Мериносовыя стада перегонялись весной изъ низменныхъ пастбищъ въ горныя, а осенью, въ концѣ сентября, шли обратно, проходя такимъ образомъ изъ южныхъ провинцій въ сѣверныя два конца, по 500 верстъ въ каждый, около 1000 верстъ, и употребляя на это ежегодно отъ 60 до 70 дней. Этимъ господскимъ стадамъ предоставлено было право по всему разстоянію прогона пастись на крестьянскихъ поляхъ, для чего отводилось съ обѣихъ сторонъ дороги обрѣзной земли по 40 саженъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ это товарищество овцеводовъ перегоняло такимъ образомъ нѣсколько сотъ тысячъ головъ изъ одного конца Испаніи въ другой, и чинило по всему протяженію полное опустошеніе крестьянскихъ луговъ и полей. Mesta была отмѣнена кортесами 1820 года.

Въ Португаліи, въ началѣ XIX столѣтія $^3/_4$ всѣхъ земель

принадлежали рыцарскимъ орденамъ, монашеству и казнѣ; крестьянство совершенно поникло и распродавало остатки своихъ владѣній городскимъ обывателямъ; около $^2/_3$ всѣхъ угодій были запущены и страна эта, нѣкогда славившаяся своимъ плодородіемъ и отпускавшая въ XIII ст. большіе запасы хлѣба заграницу, въ XVIII—производила хлѣба всего на 6 мѣсяцевъ своего продовольствія.

Но самую полную картину олигархическаго опустошенія представляютъ намъ папскія владѣнія и такъ называемая Campagnia di Roma. Здѣсь сошлись вмѣстѣ вліянія католической іерархіи и свѣтской олигархіи, и своею двойственною властью разорили и страну, и народъ. Уже въ XV ст., вмѣстѣ съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ (renaissance) возродились и преданія владычества древнихъ патриціевъ. Сисмонди въ исторіи итальянскихъ республикъ (т. XII, стр. 43) пишетъ, что въ то время одному семейству Colonna принадлежало больше деревень, чѣмъ въ настоящее время считается всѣхъ фермеровъ въ папской области, и точно такъ какъ въ древнемъ Римѣ и въ Испаніи, новые вельможи систематически обращали пашенныя земли въ залежи и выгоны; озабоченные этимъ опустошеніемъ страны, нѣкоторые папы пробовали запретить эту дикую систему хозяйства; Сикстъ IV (ум. въ 1484 г.) постановилъ, что $^1/_3$ земель во всякомъ помѣстьѣ должна быть засѣяна хлѣбомъ. Климентъ VII въ XVI ст., Пій IV въ XVIII — подтверждали эти узаконенія; но римскіе князья возражали, что овцеводство для нихъ несравненно выгоднѣе хлѣбопашества, что на сумму 8000 скудій (11,000 руб.) они могутъ завести овчарню въ 2,500 головъ и выручать чистаго дохода до 2,000 скудій т.-е. 25%, чего, разумѣется, никакое другое полеводство не дастъ.

Въ новѣйшее время, Пій VII, желая заселить пустыни римской окрестности, издалъ законъ (1802 г.), по коему залежныя земли облагались двойною податью, покуда онѣ не распаханы.

Но всѣ эти благія предначертанія не состоялись; слабость римской власти и ея потворство знатнымъ родамъ римской аристократіи парализовали эти народолюбивыя мѣропріятія; богатые собственники, не живя въ деревнѣ, постоянно отсутствуя изъ своихъ помѣстій, законтрактовывали свои земли

оптовымъ съемщикамъ, крупнымъ фермерамъ, и вся римская область обратилась въ тощія пастбища, гдѣ насилу прокармливаются овцы и козы. Крестьянскія владѣнія почти исчезли въ средней Италіи, между тѣмъ какъ въ сѣверной Ломбардіи и Піемонтѣ считалось въ 1861 г. 1.264,753 крестьянъ-собственниковъ и 1.248,286 половниковъ.

Въ началѣ XIX столѣтія изъ всей римской Кампаніи около 40% земель принадлежали монастырямъ и церковнымъ братствамъ и около 60% свѣтскимъ владѣльцамъ, коихъ считалось не болѣе 100 фамилій. Въ настоящее время принадлежитъ 64 духовнымъ корпораціямъ 68,250 дес. и 113 семействамъ высшей аристократіи 114,660 дес., изъ этого числа князья Боргезе имѣютъ 20,200 дес., Сфорца 10,100 и Памфили 4,550 десятинъ.

Изъ этого обзора разныхъ цивилизацій древнихъ и среднихъ вѣковъ видно, что чрезмѣрное преобладаніе крупной собственности, поглощеніе крестьянскаго элемента помѣстнымъ, притѣсненіе и обезземеленіе низшаго класса земледѣльцевъ и мѣстныхъ землевладѣльцевъ у всѣхъ народовъ совпадали съ наивысшей культурой страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и были предвѣстниками близкаго паденія этихъ цивилизацій, разложенія самихъ обществъ и упадка народнаго хозяйства вообще.

Само собой разумѣется, что при этомъ дѣйствовали и другія причины, другія внѣшнія и политическія вліянія; но главный предметъ раздора было все-таки неравномѣрное распредѣленіе недвижимыхъ имуществъ и вытѣсненіе мѣстныхъ жителей, хлѣбопашцевъ, стадами скота, которыя кормились на угодьяхъ, отобранныхъ у людей.

Такъ было въ древнемъ мірѣ, и замѣчательно, что эти явленія повторяются во всѣхъ странахъ Новаго Свѣта, слово въ слово, черта въ черту.

Въ главѣ объ Англіи мы описали систему хозяйства, введенную въ горной Шотландіи и Ирландіи, страшныя опустошенія, происшедшія въ началѣ XIX столѣтія въ этихъ странахъ и поголовное изгнаніе мелкихъ оброчниковъ для очищенія господскихъ полей подъ выгонъ скота. Всѣ эти опе-

раціи, какъ-то: прочистка помѣстій (clearing of estates) въ Англіи, размежеваніе въ Германіи (Verkoppelung, Consolidation), имѣли безспорно очень полезное дѣйствіе на сельское хозяйство и усилили въ общей сложности производительность страны и богатство народа; мекленбургскія помѣщичьи имѣнія много выиграли отъ выселенія бѣднѣйшихъ обывателей, на мѣсто коихъ завелись благоустроенныя фермы съ обширными пастбищами и съ раціональной системой полеводства, прославившейся во всей Германіи подъ названіемъ мекленбургскаго выгоннаго хозяйства (Koppelwirthschaft).

Въ Шотландіи округа, прочищенные ландлордами, тоже представляютъ благовидную картину общаго улучшенія сельскаго хозяйства и довольства мѣстныхъ жителей, то-есть тѣхъ изъ нихъ, которые остались на мѣстахъ послѣ эмиграціи и разоренія ихъ односельцевъ.

Улучшеніе быта въ Ирландіи въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія тоже приписывалось отчасти упраздненію мелкихъ фермъ, соединенію ихъ въ большія господскія запашки, введенію травосѣянія, турнипса и другихъ кормовыхъ растеній, которыя замѣнили хлѣбные и картофельные посѣвы и содѣйствовали къ разведенію улучшенныхъ породъ мясного и дойнаго скота. Однимъ словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что скотоводство въ обширныхъ размѣрахъ возможно только въ очень крупныхъ имѣніяхъ, и что оно положительно способствуетъ къ удобренію почвы, усиленію производительности и процвѣтанію сельскаго хозяйства.

Поэтому нельзя отрицать, въ отношеніи сельско-хозяйственной культуры, пользы крупнаго землевладѣнія и преимущества округленныхъ, совокупленныхъ дачъ передъ мелкими, раздробленными участками. Чтобы сравнить выгоды и неудобства того или другого порядка владѣнія, нужно предварительно условиться о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ на самый предметъ спора, и вотъ эти-то условія мы теперь и разсмотримъ.

Прежде всего нужно здѣсь оговорить о чемъ именно идетъ рѣчь—о правѣ ли поземельной собственности, или о дѣйствительномъ владѣніи, о помѣстьѣ и имуществѣ или о хозяйствѣ и земледѣльческой эксплуатаціи? Случается, что очень обширныя имѣнія разбиваются на самыя мелкія фермы,

оброчныя статьи, хутора, и, наоборотъ, что мелкіе участки, принадлежащіе разнымъ владѣльцамъ, обработываются однимъ хозяиномъ-арендаторомъ, или однимъ сельскимъ обществомъ, товариществомъ, компаніей. Но весьма часто эти два понятія смѣшиваются; когда ведутся пренія о преимуществѣ большихъ запашекъ и крупныхъ помѣстій, то приводятся безъ различія примѣры такихъ имѣній, гдѣ господскія угодья сдаются мелкими участками, и другихъ, гдѣ эксплуатація производится самимъ хозяиномъ или однимъ фермеромъ въ большихъ размѣрахъ. Различіе между этими двумя порядками владѣнія всего нагляднѣе обнаруживается при сравненіи Англіи съ Ирландіей: въ Англіи средній размѣръ помѣстій (estates) почти вдвое меньше, чѣмъ въ Ирландіи, въ первой приходится на одно помѣстье 458 дес., во второй 889; напротивъ, размѣры фермъ (farms) въ 9 разъ больше, и на одну квадратную милю приходится въ Англіи только 83 фермы, а въ Ирландіи 711.—Въ послѣдней на 5,000 помѣстій приходится фермъ 682,184 или на одно имѣніе 131 ферма. Очевидно, что тутъ представляются два вопроса совершенно различные, первый о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, второй о крупной и мелкой культурѣ (de la grande et petite culture), вопросы, которые до того смѣшиваются, что въ оффиціальныхъ статистикахъ Англіи до новѣйшихъ временъ (если не ошибаемся, до 50-хъ годовъ) число помѣстій показывалось по числу отдѣльныхъ фермъ, не принимая въ разсчетъ, что на одно имѣніе приходилось нѣсколько десятковъ фермъ.

Мы разсмотримъ сначала первый вопросъ—собственно о нормальномъ размѣрѣ помѣстья, имѣнія или подворнаго участка, принадлежащаго одному владѣльцу [2]).

По разсчетамъ извѣстнаго публициста Leonce de Lavergne (de l'economie rurale en France, p. 49) высшимъ разрядомъ землевладѣльцевъ во Франціи можно считать около 50,000 семействъ, владѣющихъ среднимъ числомъ 300 гектаровъ каждый (261 десят.). По другимъ французскимъ экономистамъ (Rubichon, Passy, Moreau de Jones) къ крупнымъ собственникамъ относятся владѣльцы, имѣющіе 880 гектаровъ

(800 десят.) или средняго дохода 13,000 франковъ. Въ Германіи подоходный налогъ считается съ имѣній, имѣющихъ отъ 500 до 1,000 моргеновъ пространства (смотря по провинціямъ) и около 1,000 тал. чистаго дохода, и, придерживаясь этому, нѣкоторые нѣмецкіе экономисты называютъ крупными помѣстья, имѣющія не менѣе 400—450 морг. (100—116 десят.). Въ Англіи Mac-Culloch отзывается, что едва-ли можно признать крупными владѣнія менѣе 750—1,000 десятинъ; въ Шотландіи высшій классъ землевладѣльцевъ состоитъ изъ 276 лордовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ дохода не менѣе 5000 L. (35—40 тысячъ рублей). Прусскій министръ Мантейфель въ рѣчи своей, 21 ноября 1849 г., заявилъ, что онъ считаетъ крупныхъ собственниковъ около 490 дворянскихъ фамилій, имѣющихъ каждая не менѣе 8,000 тал. дохода.

Изъ этого видно, какъ различны и сбивчивы понятія о богатствѣ въ разныхъ странахъ,—3,250 руб. дохода во Франціи, 8,000 въ Пруссіи, 40,000 въ Шотландіи.

Мы полагаемъ, что это разногласіе происходитъ собственно оттого, что подъ словами „крупная собственность" разумѣется не всегда одно и то же понятіе, и чтобы опредѣлить его точнѣе, надо представить себѣ, что къ этому высшему разряду принадлежатъ только аристократическія фамиліи, которыя пользуются не только независимостью и самостоятельностью, но и политическимъ или общественнымъ вліяніемъ вслѣдствіе своего богатства. Это вліяніе, независимое отъ привилегій и сословныхъ правъ, истекаетъ изъ территоріальныхъ и житейскихъ отношеній; при обширномъ владѣніи, смежные жители, мелкіе владѣльцы само собой ставятся въ нѣкоторую зависимость отъ богатаго своего сосѣда и подчиняются ему въ хозяйственныхъ своихъ отношеніяхъ, хотя бы по личнымъ и гражданскимъ правамъ признавались съ нимъ равными. Но такое землевладѣніе, которое обезпечивало бы подобное вліяніе на окружающую среду, давало бы возможность проживать въ столицахъ и большихъ городахъ на первомъ ряду, занимать почетное мѣсто между богачами другого разряда,—банкирами, первостатейными купцами и промышленниками, такое землевладѣніе въ наше время должно имѣть очень высокую норму. Помѣщикъ съ 13,000

франками въ Парижѣ, или 1,000 талеровъ въ Германіи будетъ играть очень униженную роль, и даже въ провинціи, въ своемъ околоткѣ, не будетъ выдѣляться изъ общей массы обывателей-хозяевъ. Поэтому, если крупное землевладѣніе разсматривается само по себѣ, какъ одинъ изъ элементовъ гражданскихъ обществъ, какъ охранительное начало, подпирающее другія политическія учрежденія, престолъ и алтарь, монархическую власть и народную независимость, и снабжающее правленіе страны безкорыстными и самостоятельными дѣятелями, служащими изъ чести безъ жалованья, въ почетныхъ должностяхъ, если, однимъ словомъ, оно принимается въ этомъ дѣйствительномъ аристократическомъ смыслѣ, то къ этому разряду могутъ быть отнесены только владѣльцы, имѣющіе по меньшей мѣрѣ 10,000 талеровъ или рублей дохода.

За исключеніемъ Англіи, классъ этотъ очень малочисленъ во всѣхъ континентальныхъ государствахъ. Въ Пруссіи, какъ мы видѣли, насчитываютъ всего 490 помѣщичьихъ семействъ съ доходомъ 8,000 тал. Въ Россіи, при крѣпостномъ правѣ, къ высшему классу землевладѣльцевъ отнесены были владѣльцы, имѣвшіе болѣе 1,000 душъ, что̀ соотвѣтствуетъ приблизительно доходу 10,000 руб., и таковыхъ считалось 1,453; по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, къ этому разряду причислены собственники, владѣющіе въ средней сложности 3,279 десятинами каждый, и ихъ считается 14,722; эта послѣдняя норма 3,279 десятинъ ниже первой 1,000 душъ, и имѣнія такихъ размѣровъ даютъ дохода несравненно менѣе 10,000 руб., за исключеніемъ развѣ черноземныхъ губерній. Поэтому вѣрнѣе будетъ придерживаться прежняго счета, и примѣрно считать въ высшемъ аристократическомъ классѣ землевладѣльцевъ около 1,500 дворянскихъ фамилій, имѣющихъ не менѣе 10,000 руб. дохода, разумѣется съ примѣсью значительнаго числа владѣльцевъ недворянскаго происхожденія.

Изъ этого видно, что пропорція аристократическаго элемента почти одинакова въ Россіи и Пруссіи; у насъ на 70 милліоновъ жителей 1,500 крупныхъ землевладѣльцевъ; въ Пруссіи на 20—21 милліонъ (въ 1849 году) 490. При всей своей малочисленности, классъ этотъ играетъ во всѣхъ со-

временныхъ обществахъ первенствующую роль, и хотя онъ въ новѣйшее время утратилъ бо́льшую часть своихъ привилегій, но соціальнаго своего значенія не потерялъ. Рѣдкіе ряды этихъ родовыхъ дворянъ пополняются сбродомъ разныхъ новобранцевъ, разбогатѣвшихъ купцовъ, банкировъ, промышленниковъ, которые спѣшатъ покупать имѣнія, чтобы записаться въ благородное сословіе землевладѣльцевъ и думаютъ поддержать свое достоинство солидарностью интересовъ съ высшей аристократіей. Главное отличіе этого разряда собственниковъ и главный принципъ ихъ политики состоитъ въ томъ, что они одни способны исправлять почетную службу въ разныхъ должностяхъ государственнаго и общественнаго управленія, безъ жалованья и возмездія, и что они одни и защищаютъ этотъ принципъ внутренняго управленія; и дѣйствительно, если главнѣйшая принадлежность и выгода аристократическаго управленія есть почетная служба высшихъ сословій, то этотъ порядокъ можетъ быть примѣненъ только къ очень богатымъ людямъ, проживающимъ изъ чистой ренты своихъ помѣстій, безъ всякихъ заботъ хозяйственной эксплуатаціи, и норма, нами выше указанная (10,000 руб.), намъ кажется въ этомъ отношеніи скорѣе слишкомъ низкой, чѣмъ высокой.

Итакъ, если разсматривать землевладѣніе съ точки зрѣнія общественнаго и политическаго значенія, то изъ общихъ рядовъ дворянскихъ помѣстій надо выдѣлить этотъ разрядъ богатѣйшихъ собственниковъ. Такъ и было въ Англіи; nobility не смѣшивалось съ gentry; ландлорды рѣзко отличались отъ провинціальнаго дворянства; несмѣтныя ихъ богатства давали имъ, безъ всякой искусственной поддержки, вѣсъ и вліяніе, и разныя реформы, при предложеніи коихъ всякій разъ опасались, что они потрясутъ аристократическій строй Англіи, по сіе время не умалили ихъ значенія, не нарушили аристократическаго строя англійскаго общества. На континентѣ тоже пробовали ввести или возсоздать подобное же аристократическое сословіе, но съ меньшимъ успѣхомъ; въ Пруссіи въ особенности это составляло и составляетъ понынѣ завѣтное стремленіе высшаго дворянства; при разныхъ проектахъ внутренняго управленія, нѣсколько разъ предлагалось отдѣлить изъ рыцарскихъ имѣній (Rittergüter) наиболѣе крупныя помѣстья, и это

отчасти проведено въ нынѣ существующей конституціи. Этихъ богатыхъ землевладѣльцевъ называютъ Meistbegüterte, также bevorrechtigte Grundbesitzungen, befestigter Grundbesitz. Палата господъ предполагала ихъ отдѣлить въ особый избирательный съѣздъ подъ названіемъ Wahlverband der grossen Grundbesitzer.

Къ этому высшему классу предполагалось приписать: a) имѣнія медіатизированныхъ принцевъ (mediatisirte Reichsherrschaften), коихъ считается 15; b) заповѣдныя дворянскія вотчины, именуемыя Standesherrschaften, коихъ всего въ Пруссіи 65; c) самыя крупныя помѣстья, коихъ министръ Мантейфель, глава реакціонерной партіи, насчитывалъ 490. Но очевидно, что наличный составъ этого аристократическаго класса былъ слишкомъ слабъ, чтобы на немъ основать какую-либо систему правленія; изъ 500 фамилій трудно набрать почетныхъ должностныхъ лицъ для государства въ 20 милліоновъ жителей, а съ другой стороны, трудно привлечь къ безвозмездной службѣ людей средняго состоянія, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ и промыслами. Несмотря однако на свою малочисленность, эта отборная группа составляетъ въ Германіи, какъ и въ Англіи, ядро высшаго дворянства (der hohe Adel, nobility), и отъ нея совершенно отличается родовое помѣстное сословіе (Junkerthum, gentry), которое хотя и тянетъ къ аристократическому классу по чувству благороднаго своего достоинства и свѣтскаго тщеславія, но въ сущности, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, ближе стоитъ къ среднему торговому классу, или даже къ зажиточному крестьянству, чѣмъ къ высшему кругу великосвѣтскаго придворнаго и столичнаго дворянства.

Отдѣляя такимъ образомъ въ высшій разрядъ крупныхъ землевладѣльцевъ малочисленный, но вліятельный классъ, образующій великосвѣтское общество, мы теперь разсмотримъ слѣдующіе два класса: среднихъ и мелкихъ владѣльцевъ.

Къ среднему классу мы отнесемъ тѣ имѣнія, которыя по пространству своему превышаютъ рабочія силы самихъ владѣльцевъ и ихъ семействъ, и для обработки требуютъ наемныхъ рабочихъ, или же, по излишеству

угодій, отчасти сдаются въ оброчное содержаніе, доставляя хозяину, кромѣ валового дохода съ собственной своей культуры, еще ренту за землю, сданную въ аренду или исполу. Таковыя имѣнія мы называемъ помѣстьями.

Наконецъ, третій разрядъ мелкихъ владѣній будетъ состоять изъ участковъ, обработываемыхъ непосредственно самими домохозяевами, съ своими домочадцами, и эти владѣнія мы называемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова крестьянскими.

Такъ какъ среднее число рабочихъ въ одной семьѣ болѣе или менѣе извѣстно, и во всѣхъ странахъ представляетъ почти одинаковую пропорцію, и что, съ другой стороны, рабочія силы, требуемыя для обработки пашни и луговъ тоже могутъ быть приблизительно опредѣлены, то нормальный размѣръ одного владѣнія или хозяйства можетъ быть въ данной мѣстности выведенъ изъ этихъ двухъ фактовъ, изъ пространства угодій, удобныхъ земель, какое можетъ быть воздѣлано рабочими силами одной семьи.

Само собой разумѣется, что эта норма не можетъ быть выражена положительными числами, и что она измѣняется, во-первыхъ, по наличному числу рабочихъ въ одной семьѣ, и, во-вторыхъ, по соображеніямъ климата и культуры.

Мы выше сказали, что пропорція между семьями или дворами, хозяйствомъ и числомъ душъ и рабочихъ, хотя и разнится въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но въ общихъ итогахъ, въ средней сложности, выходитъ почти равная въ разныхъ полосахъ и странахъ у народовъ, живущихъ осѣдло и занимающихся хлѣбопашествомъ. Въ Россіи это среднее число выходитъ на 1 дворъ $1^1/_2$ работника м. п. или, считая столько же рабочей силы въ женщинахъ и подросткахъ, 3 рабочихъ души обоего пола въ одномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Отношеніе ревизскихъ душъ мужского пола къ дворамъ выходитъ по всей Имперіи какъ 3,03 къ 1, или, считая все населеніе мужского и женскаго пола, 6,07 душъ всѣхъ половъ и возрастовъ на 1 дворъ.

Въ великороссійскихъ губерніяхъ пропорція эта мало измѣняется и колеблется между 2,53 рев. д. на 1 дворъ въ Новгородской губ. и 3,30 въ Курской. Въ западномъ краѣ число душъ больше, 4,07 въ Виленской, 4,97 въ Ковенской,

и наконецъ самое бо́льшее въ остзейскихъ губерніяхъ; среднимъ числомъ по тремъ балтійскимъ губерніямъ выходитъ 9,44 рев. душъ на 1 дворъ. Въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ цифра выходитъ гораздо бо́льшая, потому что къ двору причисляются и батраки, служители, хотя и не принадлежащіе къ семейству, но проживающіе въ крестьянскомъ домѣ. Собственное же число домохозяевъ, т.-е. женъ и дѣтей, въ разныхъ губерніяхъ почти одинаковое и можно приблизительно принять нормой одного хозяйства такое пространство удобныхъ земель, пашенныхъ и сѣнокосныхъ, какое можетъ быть обработано тремя рабочими, изъ коихъ полтора мужского пола и полтора женщинъ и подростковъ.

Но, какъ сказано, разсчетъ рабочей силы обусловливается многими соображеніями: — чѣмъ грубѣе почва, тѣмъ болѣе требуется труда для ея обработки; чѣмъ суровѣе климатъ и отъ этого короче сезонъ полевыхъ работъ, тѣмъ тяжелѣе бываетъ рабочая страда и затруднительнѣе воздѣлываніе обширныхъ запашекъ. Кромѣ того, нормальный размѣръ хозяйствъ зависитъ также отъ культуры и системы полеводства: на плодоперемѣнное и выгонное хозяйство идетъ менѣе рабочей силы, чѣмъ на трехпольное; на винодѣліе, пчеловодство, огородничество несравненно болѣе, чѣмъ на хлѣбопашество. На Рейнѣ и въ южной Баваріи 2 десят. виноградниковъ считаются уже большимъ помѣстьемъ; во Франціи винодѣліе даетъ средняго валового дохода 2000 фр. съ 1 гектара (0,91 десят.), разумѣется, съ низкихъ сортовъ вина (vins du pays); въ Сербіи считаютъ, что на 200 кв. саж. виноградниковъ выходитъ столько же работы, какъ на 1,000 кв. саж. пашни. Табачныя плантаціи требуютъ очень много рукъ: на 1 дес. не менѣе 120 рабочихъ. Въ испанской провинціи Валенсіи, гдѣ главный промыслъ шелководство, имѣніе въ 10 десят. признается очень крупнымъ и богатымъ помѣстьемъ.

Изъ этого можно вывести общій законъ, что чѣмъ суровѣе климатъ и грубѣе почва, тѣмъ меньше оказывается площадь земли, могущей быть обработанною данной рабочей силой, и тѣмъ меньше долженъ быть нормальный надѣлъ семьи, средній размѣръ хозяйства. Но, съ другой стороны, при таковыхъ дурныхъ свойствахъ почвы и климата, воздѣлываются

простые продукты, такъ-называемые сѣрые хлѣба (рожь и овесъ), требующіе наименьшей работы и дающіе также меньшія средства пропитанія, и это соображеніе дѣйствуетъ, напротивъ, на расширеніе хозяйствъ. Такимъ образомъ тутъ противодѣйствуютъ два соображенія; одно, заставляющее сокращать трудъ, облегчать работу, другое, побуждающее къ увеличенію размѣра воздѣлыванія земель, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ земледѣлію характеръ экстенсивной культуры, которая и преобладаетъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ Россіи.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма важнымъ экономическимъ вопросомъ, который долженъ быть предварительно разрѣшенъ: на какомъ основаніи слѣдуетъ разсчитывать земледѣліе — по рабочей ли силѣ, или по нуждамъ и расходамъ на продовольствіе и содержаніе? Какой размѣръ хозяйства или владѣнія надо признать нормальнымъ и полнымъ: тотъ-ли, который соотвѣтствуетъ рабочимъ силамъ обыкновенной крестьянской семьи, или тотъ, который покрываетъ расходы на продовольствіе и содержаніе такой семьи?

Вопросъ этотъ много занимаетъ европейскихъ публицистовъ нашего времени, и германскіе ученые называютъ первый разсчетъ по рабочему размѣру Arbeitsfläche, второй по продовольственному Nahrungs или Unterhaltungsfläche, стараясь вывести среднюю пропорціональную, соотвѣтствующую тому и другому. Хотя такіе выводы и могутъ показаться съ перваго взгляда нѣсколько гадательными, но они, кромѣ научнаго интереса, имѣютъ еще несомнѣнную практическую пользу и важность, ибо въ новѣйшихъ законодательствахъ и мѣропріятіяхъ вопросы эти постоянно возбуждаются въ разныхъ формахъ: при введеніи разныхъ прямыхъ налоговъ весьма часто дѣлаются изъятія въ пользу бѣднѣйшихъ обывателей, и проводится какая-то неуловимая черта, отдѣляющая самостоятельныя хозяйства (Selbstständige Nahrungsstellen) отъ другихъ; въ русскихъ уставахъ и положеніяхъ безпрестанно подтверждается, что земельный надѣлъ долженъ обезпечить не только нужды сельскаго сословія, но и отбываніе податей и повинностей, и вообще понятіе о самостоятельности

крестьянскихъ хозяйствъ все болѣе и болѣе входитъ въ политическую программу правительствъ нашего вѣка.

Но вопросъ усложняется тѣмъ, что рабочій размѣръ хозяйства не вполнѣ соотвѣтствуетъ продовольственному, другими словами, что многія семейства нуждаются для своего продовольствія въ большемъ пространствѣ угодій, чѣмъ могутъ ихъ обработать, или располагаютъ бóльшими силами, чѣмъ могутъ ихъ употребить въ своихъ хозяйствахъ. Въ послѣднемъ случаѣ вопросъ разрѣшается само собою тѣмъ, что многосемейные домохозяева снимаютъ чужія земли или отпускаютъ своихъ домочадцевъ на отхожіе промыслы. Но въ другомъ случаѣ, когда рабочихъ въ семьѣ мало, а душъ много, разрѣшеніе труднѣе, и тутъ-то и представляется загадка; чтó правильнѣе: разсчитывать ли земельный надѣлъ и самостоятельность хозяйства по силамъ или по нуждамъ, по рабочему размѣру или по продовольственному? Въ бóльшей части законодательствъ, въ русскомъ въ особенности, принято за руководство второе основаніе, и во всѣхъ мотивахъ нашихъ реформъ и законовъ всегда выставляется какъ высшая цѣль— **обезпеченіе нуждъ и польза сельскихъ жителей отводомъ такого надѣла, который соотвѣтствовалъ бы средней потребности продовольствія семейства средняго размѣра.**

Мы полагаемъ, что это основаніе ошибочно, что оно и породило многочисленныя недоразумѣнія, встрѣчающіяся въ нашемъ сельско-хозяйственномъ быту, въ колоніальныхъ и крестьянскихъ нашихъ уставахъ. **Не нужды, а силы, не продовольствіе и содержаніе, а рабочая способность должны служить мѣриломъ землевладѣнія;** не число душъ, требующихъ пропитанія, а число рабочихъ мужиковъ и бабъ, доставляющихъ эти средства.

Очевидно, что если домохозяинъ владѣетъ такимъ обширнымъ участкомъ, что онъ не успѣваетъ его обработать, то отъ этого средства его пропитанія не увеличиваются, владѣніе становится номинальнымъ правомъ, земли запускаются, дичаютъ и выходятъ изъ его хозяйственнаго завѣдыванія. При этомъ обыкновенно дѣлается разсчетъ, что излишнія земли сдаются въ аренду и поэтому усиливаютъ денежныя средства собственника; но это относится только къ частнымъ

случаямъ, которые мы здѣсь не разсматриваемъ; если же предположить, какъ это и было при надѣлѣ крестьянъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, что всей массѣ мѣстныхъ жителей и переселенцевъ отводится, напр., по 10, 15, 20 десятинъ на душу, то съемщиковъ чужихъ земель оказывается меньше, чѣмъ сдатчиковъ; арендная цѣна падаетъ и оброчныя статьи приносятъ собственнику самый ничтожный доходъ, а арендаторъ отвлекается отъ собственнаго хозяйства, которое разстраивается отъ небрежной культуры и непосильной работы на обширномъ пространствѣ.

Поэтому неправильно предполагать, что продовольствіе рабочаго семейства обезпечивается пространствомъ его владѣнія, и что чѣмъ меньше плодородіе почвы и цѣнность земли, тѣмъ шире должно быть его владѣніе. Высшее условіе есть рабочая сила, и она, а не нужды крестьянъ, можетъ служить мѣриломъ подворнаго или душевого надѣла.

Мы признаемъ нормальнымъ, самостоятельнымъ хозяйствомъ такое, которое соотвѣтствуетъ: во-первыхъ, числу рабочихъ въ одной семьѣ, выведенному изъ общей сложности одного уѣзда или другого территоріальнаго округа и, во-вторыхъ, среднему размѣру угодій пашенныхъ и сѣнокосныхъ, какое можетъ быть воздѣлано однимъ рабочимъ взрослымъ и женатымъ, съ помощью своихъ домочадцевъ, въ теченіи одного года.

Такъ, напримѣръ, если въ уѣздѣ N. N. пропорціональное отношеніе рабочихъ душъ къ 1 двору выходитъ какъ 1,5, то нужно опредѣлить по мѣстнымъ условіямъ, сколько одинъ работникъ можетъ воздѣлать пашни и луговъ; положимъ примѣрно 10 десятинъ и, помноживъ это число на 1,5, мы получимъ 15 дес., какъ средній размѣръ одного семейнаго участка или надѣла. Этотъ-то размѣръ нѣмецкіе экономисты называютъ Arbeitsfläche, и онъ имѣетъ въ Германіи нѣкоторое историческое основаніе, такъ какъ первоначальныя поселенія въ нѣмецкихъ земляхъ производились по гуфамъ, а гуфа означала такое пространство, какое можетъ быть воздѣлано одной семьей земледѣльца при пароконной рабочей упряжи. Изъ древнихъ актовъ и грамотъ видно, что гуфа

прежде считалась примѣрно въ 40, 60 и 90, 80, 120 моргеновъ. Въ настоящее время средній размѣръ хозяйства въ Германіи гораздо меньшій; по изслѣдованіямъ новѣйшихъ экономистовъ (Roscher, Rau, Schmoller) въ южной Германіи участокъ въ 14—17 морг. (3½—4½ десят.) соотвѣтствуетъ рабочей силѣ одного крестьянскаго двора; но этотъ разсчетъ относится къ плодороднѣйшей странѣ, гдѣ винодѣліе и хмѣлеводство—культуры, требующія наибольшаго ухода—составляютъ главный промыселъ жителей. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ведется одно хлѣбопашество, размѣръ этотъ считается больше и минимумъ рабочей площади (minimum der Arbeitsfläche) полагается въ 40—50 моргеновъ (10—12½ дес.) на одно семейство изъ трехъ рабочихъ душъ. Въ окрестностяхъ Гейдельберга, при очень мягкой и плодородной почвѣ, полагается, что парой лошадей или воловъ можно обработать 42—56 морг. (10½—14 дес.) и что на двуконную упряжь требуется 4—5 рабочихъ, изъ коихъ 3 полнаго возраста, а прочіе дѣти и недоросли.

Противъ этого разсчета рабочаго размѣра хозяйства выводится другой—о размѣрѣ нужномъ для продовольствія (Nahrungsfläche) и, по соображеніямъ тѣхъ же экономистовъ, онъ выходитъ меньше, чѣмъ первый; это значитъ, что рабочая семья при нормальномъ своемъ составѣ можетъ обработать болѣе, чѣмъ ей нужно для своего пропитанія, или, другими словами, что она можетъ заработать нѣкоторый излишекъ, дающій ей средства содержанія сверхъ насущныхъ потребностей пропитанія.

Въ Шотландіи, по мнѣнію Робертсона, самостоятельными хозяйствами можно признать фермы въ 40 акровъ (15 дес.); онѣ считаются крестьянскими, потому что воздѣлываются самими фермерами, между тѣмъ какъ фермы въ 200 акровъ (74 дес.) называются Gentlemans farms, господскими фермами, потому что сами хозяева не работаютъ въ полѣ, а только надзираютъ за рабочими.

Въ Ирландіи наименьшій размѣръ крестьянскаго двора, обезпечивающій пропитаніе семейнаго рабочаго, полагается въ 10—20 ирландскихъ акровъ (6¼—10½ десятинъ).

Въ Германіи на средней почвѣ minimum подворнаго участка полагается въ 24 морг. (6 десят.), но чтобы обезпечить само-

стоятельность хозяина, требуется болѣе, примѣрно 50 морг. (12½ дес.), а при дурной почвѣ отъ 60—80 морг. (15—20 десят.). Вообще же, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Германіи съ большою точностью, оказывается, что на среднихъ почвахъ и въ умѣренныхъ климатахъ земледѣлецъ можетъ производить болѣе, чѣмъ ему нужно для своего содержанія и пропитанія семейства, и что этотъ излишекъ составляетъ около 3/5 или 2/3 валового дохода. Это значитъ, что при полномъ надѣлѣ, соотвѣтствующемъ рабочей силѣ одного крестьянскаго хозяйства (примѣрно 12, 15 десят.) потребуется для продовольствія только 8—10 дес., а остальныя угодья могутъ идти на покрытіе другихъ хозяйственныхъ расходовъ.

На основаніи этихъ разсчетовъ нѣкоторые экономисты предполагали, что надо опредѣлить наименьшій размѣръ крестьянскаго двора (minimum der Bauernhofs) и что правительство должно озаботиться, чтобы крестьянскія хозяйства не дробились ниже извѣстной нормы; въ прошломъ столѣтіи камералистъ Justi предлагалъ въ Австріи, чтобы этотъ минимумъ былъ не менѣе 30 морг. (7½ дес.). Австрійское правительство приняло отчасти это предложеніе и опредѣлило нормальную величину полнаго двора, Hof, половиннаго, Halbhof и четвертного, Viertelhof; запрещено было дѣлить подворные участки менѣе, чѣмъ на ¼ размѣра полнаго двора, что составляло въ Штиріи 5 іоховъ, въ Австріи 7—10, въ Зальцбургѣ 10 (1 іохъ=0,52 дес.), въ Венгріи 25 морг. (6¼ дес.). Впослѣдствіи, при регулированіи крестьянскихъ надѣловъ, принята была бо́льшая пропорція: на полное тяглое хозяйство полагается 81 морг. (20¼ дес.), на полу-тяглое 45 морг., и этотъ размѣръ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, дѣйствительно соотвѣтствуетъ рабочей силѣ крестьянской семьи.

Въ Веймарѣ разсчитываютъ, что при надѣлѣ въ 36 морг. (9 дес.) семейство изъ 3 рабочихъ, мужика, бабы и подростка, имѣетъ полное занятіе.

Въ юго-западной Германіи, Баденѣ, Баваріи, Виртембергѣ предѣлъ рабочей силы (die Arbeitsgränze) одного семейства полагается въ 10—14 моргеновъ (2½—3½ дес.); въ другихъ, менѣе привольныхъ мѣстностяхъ болѣе, около 5—7 дес.,

и такія хозяйства, по отзыву мѣстныхъ жителей, требуютъ не менѣе 3 постоянныхъ рабочихъ.

Несмотря на разнообразіе этихъ свѣдѣній, мы въ нихъ находимъ однако общія указанія, опредѣляющія нормальный размѣръ одного хозяйства при среднемъ числѣ рабочихъ душъ 3, и общемъ числѣ душъ обоего пола около 6—7.

Въ южной Германіи, при высокихъ культурахъ этой страны, 4—5 дес. составляютъ уже полный подворный участокъ; въ сѣверной на тяглое хозяйство (spannfähige Bauernstelle) считается 10—14 дес., въ Шотландіи и Ирландіи 12—15 десятинъ.

Переходя затѣмъ къ Россіи, мы должны прежде всего замѣтить, что наши климатическія условія очень измѣняютъ у насъ эту пропорцію.

Главное различіе нашего земледѣлія заключается не въ качествѣ почвы, которая въ общей сложности не хуже, чѣмъ въ средней Европѣ, а въ черноземной полосѣ даже лучше, но въ суровости нашей зимы и краткости полевого рабочаго сезона. Русскій земледѣлецъ долженъ исполнить въ 5—6 мѣсяцевъ, а въ сѣверной полосѣ въ 4 тѣ же самыя работы, которыя нѣмецкій крестьянинъ производитъ въ 9, и при обширномъ надѣлѣ, не успѣвая воздѣлывать пашню, какъ слѣдуетъ, запускаетъ, и портитъ ее грубой культурой, мелкой орьбой, небрежной работой. По преданію отцовъ, нѣкогда забиравшихъ всѣ земли, какія они могли только захватить, наши крестьяне и понынѣ стѣсняются малоземельемъ, стремятся къ расширенію своихъ владѣній, и, бросая свои надѣльныя подворныя угодья, снимаютъ отхожія пустоши, запольныя пашни, лѣсные покосы, лежащіе иногда въ громадномъ разстояніи отъ ихъ жилья. Но разсчетъ ихъ при этомъ ошибоченъ: если земледѣлецъ въ сѣверной Германіи, гдѣ почва очень скудная и предметы культуры тѣ же, какъ въ Россіи (рожь, овесъ, ячмень, картофель), съ помощью жены и дѣтей, не осиливаетъ болѣе 10—14 дес., а въ Ирландіи 12—15 дес., то очень сомнительно, чтобы русскій хлѣбопашецъ могъ одолѣть трудъ обработки такого же пространства, такъ какъ онъ располагаетъ для полевыхъ работъ гораздо меньшимъ временемъ. Разумѣется, онъ можетъ облегчить и ускорить работу разными способами, оставляя траву на прокосахъ,

огрѣхи и обсѣвки на пашнѣ, бороня въ одинъ слѣдъ вмѣсто двухъ или трехъ, вспахивая свое поле какъ можно мельче; такъ онъ и дѣлаетъ, но не нужно, кажется, доказывать, что отъ этого трудъ его не дѣлается болѣе производительнымъ. Поэтому мы думаемъ, что въ Россіи, при среднемъ числѣ рабочихъ душъ въ одномъ дворѣ (полторы мужского пола и столько же женскаго или дѣтей, всего 3), нормальный размѣръ одного хозяйства, соотвѣтствующій рабочей силѣ семейнаго домохозяина, будетъ никакъ не болѣе 10—15 дес., причемъ высшую норму въ 15 дес. мы допускаемъ только въ нѣкоторыхъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ рабочая пора продолжается не менѣе 6 мѣсяцевъ, и гдѣ не введено еще унавоживаніе полей.

Въ сѣверной и навозной полосѣ 10 дес. пашни и луговъ будетъ, по нашему мнѣнію, крайній предѣлъ подворнаго надѣла.

Это послѣднее наше заключеніе отчасти противорѣчитъ началамъ, принятымъ въ Россіи для опредѣленія средняго подушнаго надѣла.

Извѣстно, что въ крестьянскомъ положеніи 1861 г. и послѣдующихъ принято было другое основаніе: размѣръ нормальнаго владѣнія исчислялся не по рабочимъ силамъ, а по нуждамъ сельскихъ обывателей; исходное предположеніе было то, что земельный надѣлъ долженъ обезпечить содержаніе семейства, и, кромѣ того, отбываніе повинностей, и изъ этого слѣдовало, что чѣмъ менѣе производительна почва и скуднѣе урожай, тѣмъ болѣе отводилось пространства для покрытія хозяйственныхъ нуждъ и казенныхъ взысканій.

О томъ, можетъ ли одолѣть хозяинъ трудъ, на него налагаемый, и выгадаетъ ли онъ лишній доходъ отъ излишне нарѣзанныхъ ему угодій, объ этомъ не спрашивали. Предполагалось, что трудъ чернорабочаго не имѣетъ предѣла, что онъ можетъ все воздѣлать и за все платить, сколько бы ему ни отвели удобной земли, и что рабочія руки должны непремѣнно найтись, если не въ семьѣ, такъ въ обществѣ, на которое и возложена порука за подати и повинности. Къ этому нужно прибавить, что основанія, принятыя правительствомъ, приходились какъ разъ по нраву русскихъ земле-

дѣльцевъ: изстари привыкнувъ къ распашному хозяйству, къ споркой, быстрой работѣ, къ приволью и простору, они дорожили не столько качествомъ, удобствомъ владѣній, сколько обширностью и количествомъ. Народолюбивые агитаторы даже очень ловко пользовались этимъ настроеніемъ ихъ, чтобы утверждать въ крестьянахъ мнѣніе, что они стѣснены малоземельемъ, что имъ слѣдуетъ просить и ожидать прибавки ихъ первоначальнаго надѣла, возвращенія обрѣзанныхъ земель или даже уступки всѣхъ помѣщичьихъ лѣсовъ и угодій.

Мы думаемъ, что, напротивъ, никакой подарокъ не былъ бы для русскаго крестьянства болѣе вреденъ, какъ чрезмѣрное расширеніе земельнаго надѣла, и что въ большей части Россіи, особенно сѣверной и восточной полосѣ, надѣлы ихъ въ настоящее время, далеко превышая рабочія силы мѣстнаго населенія, обратились въ тягость сельскимъ обществамъ и всему крестьянскому сословію.

По разсчетамъ одной правительственной коммиссіи (податной) на крестьянскій дворъ причитается земли:

въ сѣверныхъ губерніяхъ.		въ восточныхъ губерніяхъ.	
Олонецкой	26,26 дес.	Самарской	29,01 дес.
Вологодской. . . .	25,10 »	Уфимской	29,05 »
Вятской	23,88 »	Оренбургской . . .	46,62 »
		Астраханской . . .	60,27 »
		Таврической . . .	24,66 »
		Ставропольской . .	58,25 »

Въ казачьихъ земляхъ на 1 служилаго казака приходится: въ землѣ войска Донскаго 174 десят., Кубанскаго 169, Астраханскаго 284, Оренбургскаго 226, Уральскаго 464.

Откидывая крайнія восточныя губерніи, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ колоніальныя территоріи, мы полагаемъ, что во всей сѣверной полосѣ, отъ Олонецка до Вятки и Самары, широкій надѣлъ крестьянъ вовсе не способствовалъ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ, разстроилъ и продолжаетъ разстроивать сельское хозяйство.

Разумѣется, что прямое послѣдствіе такого чрезмѣрнаго надѣла есть то, что извѣстная часть его сдается въ оброчное содержаніе, въ аренду, что одинокія рабочія и слабыя семьи передаютъ излишнія земли въ другія руки; но это предполо-

женіе не всегда сбывается на практикѣ: когда общая сложность земель превышаетъ общій итогъ мѣстныхъ рабочихъ силъ, тогда является другая комбинація, которую никакъ нельзя признать благодѣтельною для народнаго хозяйства; бѣднѣйшіе домохозяева запускаютъ и наконецъ бросаютъ свои нивы, общество и всѣ крестьяне средняго состоянія, пользуясь таковымъ же владѣніемъ, только-что имъ посильнымъ, разумѣется, отказываются отъ этой излишней и пустой земли, которая уже болѣе или менѣе истощена прежнимъ хозяиномъ; земля нѣсколько лѣтъ гуляетъ и дичаетъ, оброчная цѣна на нее съ каждымъ годомъ упадаетъ, и когда она достаточно понизилась, когда, съ другой стороны, строгія взысканія сборовъ и повинностей окончательно стѣснили сельское общество и хозяевъ, тогда покупщиками или съемщиками этихъ угодій являются наиболѣе зажиточные односельцы, мѣстные торговцы и промышленники, и разбираютъ ихъ за пол-цѣны, въ видѣ спекуляціи и хозяйственнаго оборота, или въ зачетъ заборовъ и долговъ разорившагося обывателя.

Такимъ образомъ излишняя пропорція земель вовсе нейдетъ въ пользу и прокъ общей массы сельскаго населенія, но непосредственно обращается въ выгоду высшаго разряда крестьянъ и мѣстныхъ жителей, которые являются закупщиками и оптовыми ихъ съемщиками. По мѣрѣ того, какъ слабосильные крестьяне отказываются отъ пашни, ее пріобрѣтаютъ въ вѣчное владѣніе или снимаютъ въ годы зажиточнѣйшіе поселяне; ихъ хозяйства растутъ и укрѣпляются, по мѣрѣ того, какъ первые упадаютъ, и непосредственнымъ послѣдствіемъ этого переворота оказывается, что дѣйствительное владѣніе переходитъ все болѣе и болѣе въ однѣ руки зажиточныхъ домохозяевъ.

Этотъ переходъ совершается послѣдовательно и систематически въ Германіи, при содѣйствіи и поощреніи помѣстнаго сословія, которое также принимало участіе въ таковой распродажѣ крестьянскихъ излишнихъ земель, и привело къ тому результату, что рядомъ съ неимущими батраками и поденщиками, и въ однихъ селеніяхъ съ бобылями, поселенными на усадебной землѣ, завелось аристократическое крестьянство, имѣющее всѣ свойства помѣстнаго сословія, и неимѣющаго ничего общаго съ классомъ земледѣльцевъ. Во многихъ мѣст-

ностяхъ сѣверной Германіи, въ Помераніи, Силезіи, Голштейнѣ, Ганноверѣ, а также и въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, въ каждомъ селѣ встрѣчаются землевладѣльцы, номинально приписанные къ крестьянству, но ведущіе свои хозяйства совершенно на помѣстномъ правѣ, наемными рабочими, батраками и служителями, или сдающіе бо́льшую часть своихъ земель въ аренду.

Средній размѣръ всѣхъ тяглыхъ хозяйствъ въ Пруссіи выходитъ въ 100 морг., между тѣмъ какъ въ вышеприведенныхъ разсчетахъ нѣмецкихъ экономистовъ нормальный размѣръ одного крестьянскаго хозяйства полагается не болѣе 40—50 морг. Значитъ, тяглые крестьяне завладѣли двойной пропорціей земли, и столько же стѣснили владѣнія прочихъ своихъ односельцевъ.

Мы этимъ хотимъ только сказать, что при сужденіи о мало и многоземельи, о крупномъ и мелкомъ владѣніи, нужно принять въ основаніе не насущныя нужды продовольствія и содержанія, но наличныя силы рабочаго, земледѣльческаго класса. Послѣднія, какъ мы выше объяснили, въ общей сложности превышаютъ первыя, и потому потребности мѣстнаго населенія будутъ сами собой обезпечены, коль скоро землевладѣніе соотвѣтствуетъ рабочей силѣ этого населенія.

Изъ этихъ соображеній мы выводимъ слѣдующее опредѣленіе крупнаго и мелкаго хозяйства въ крестьянскомъ быту:

а) Крупными или многоземельными мы назовемъ такіе подворные участки (или въ мірскомъ владѣніи полевые надѣлы), которые требуютъ, кромѣ личнаго труда самихъ хозяевъ, еще постоянной помощи наемныхъ рабочихъ. Мы говоримъ постоянной, потому что необходимость прихватывать вспомогательныхъ рабочихъ при нѣкоторыхъ полевыхъ работахъ, жатвѣ, уборкѣ сѣна, встрѣчается въ каждомъ, даже самомъ мелкомъ хозяйствѣ. Но если крестьянскіе участки и надѣлы такъ велики, что хозяева должны держать круглый годъ наемныхъ батраковъ, если вообще итогъ работъ превышаетъ хозяйственный трудъ самихъ владѣльцевъ, то таковыя хозяйства могутъ уже быть признаны многоземельными. Далѣе, если эта пропорція возвышается и достигаетъ такихъ размѣровъ, что хозяинъ, не работая лично, становится только

надзирателемъ надъ своими батраками, или, не нуждаясь для внутренняго своего потребленія всѣмъ количествомъ угодій, сдаетъ часть ихъ въ арендное и оброчное содержаніе, то въ такомъ случаѣ крестьянское хозяйство теряетъ свое значеніе и, постепенно приближаясь къ помѣстному владѣнію, наконецъ и вовсе сливается съ нимъ по порядку веденія работъ, управленію имѣніемъ и по образу жизни и интересамъ землевладѣльцевъ.

b) Мелкими, малоземельными хозяйствами, наоборотъ, можно назвать такія, при которыхъ бóльшая часть домашней, семейной рабочей силы не находитъ себѣ примѣненія внутри хозяйства, и должна искать занятій извнѣ, на другихъ промыслахъ, или на чужихъ земляхъ, и когда это отношеніе доходитъ до того, что бóльшая часть рабочихъ душъ принуждена пропитывать себя бóльшую часть года отхожимъ и наемнымъ трудомъ, то такія владѣнія нельзя уже называть сельскими хозяйствами и владѣльцевъ ихъ крестьянами-земледѣльцами. Они постепенно понижаются въ разрядъ огородниковъ, кутниковъ, по-русски бобылей, пользующихся усадебною осѣдлостію безъ полевого надѣла, и, наконецъ, на крайнемъ предѣлѣ малоземелья, превращаются въ поденщиковъ и батраковъ, имѣющихъ только собственное жилище для ночлега, но проводящихъ весь свой вѣкъ въ наемной работѣ.

Въ бóльшей части Европы крестьянскія хозяйства приняли въ настоящее время одинъ изъ двухъ выше описанныхъ видовъ; въ однѣхъ странахъ средній ихъ размѣръ такъ великъ, что они имѣютъ характеръ помѣстій; въ другихъ такъ малъ, что подворные участки состоятъ изъ однихъ дворовъ и огородовъ. Если отличительное свойство крестьянскаго быта есть то, что хозяинъ, владѣя участкомъ земли, обработываетъ его собственными рабочими силами и извлекаетъ изъ своего хозяйства главныя средства пропитанія, то это свойство утрачено въ бóльшей части сельскаго населенія Европы.

Мы уже описали въ предъидущихъ главахъ смутное положеніе малоземельныхъ крестьянъ во Франціи, Ирландіи, на Рейнѣ, положеніе, породившее неумолкаемыя пренія объ измельченіи поземельной собственности и цѣлую литературу о средствахъ возстановленія самостоятельнаго земледѣльческаго сословія.

Но въ то же время и въ тѣхъ же мѣстностяхъ заявляются и совершенно противоположныя жалобы, что крестьянскія хозяйства болѣе и болѣе теряютъ свое хозяйственное значеніе, что они не воздѣлываются самими владѣльцами, а сдаются въ аренду по клочкамъ и полосамъ: въ Прусской Саксоніи, также въ округахъ Магдебургскомъ и Галскомъ большая часть крестьянъ сдаетъ свои земли подъ свекловичныя плантаціи, и, получая очень выгодную ренту, вовсе не ведетъ собственнаго хозяйства; въ Силезіи, въ Ольденбургѣ запросъ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ на земли такъ силенъ, что крестьяне - собственники, въ этихъ областяхъ очень зажиточные, предпочитаютъ всякому полеводству сдачу своихъ земель подъ жилье и огороды безземельнымъ ремесленникамъ; въ Вестфаліи разбираются такимъ образомъ почти всѣ земли подгородныхъ крестьянъ и арендная плата доходитъ отъ 10 до 25 р. за моргенъ (40—100 р. за десятину).

Такимъ образомъ полные тяглые хозяева (Vollbauern), по своему быту и порядку эксплуатаціи, все болѣе сближаются съ помѣщичьимъ сословіемъ, хлѣбопашествомъ непосредственно не занимаются и проживаютъ чистымъ доходомъ, рентой изъ своихъ имуществъ; между тѣмъ какъ другой разрядъ малоземельныхъ крестьянъ впалъ въ другую крайность и долженъ искать пропитанія въ промыслахъ и наемныхъ работахъ.

Послѣ этого понятно, что вопросъ объ измельченіи собственности (Morcellirung des Grundbesitzes, morcellement du sol) вращается въ безвыходномъ кругу, и что разнорѣчивыя разсужденія о выгодахъ и неудобствахъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія не приходятъ ни къ какимъ разрѣшеніямъ.

Недоразумѣніе заключается въ томъ, что пропорціональное отношеніе между пространствомъ владѣній и рабочими силами землевладѣльца, при настоящемъ аграрномъ строѣ, вездѣ нарушено; одни владѣютъ гораздо бо́льшей площадью, чѣмъ могутъ обработать, другіе несравненно меньшей; тѣ и другіе изъ хозяевъ-земледѣльцевъ превратились одни въ нанимателей, другіе въ наемниковъ, и эксплуатація, пользованіе, дѣйствительная культура и непосредственное владѣніе перешли изъ рукъ самихъ собственниковъ въ чужія руки арендаторовъ, фермеровъ, крупныхъ и мелкихъ съемщиковъ [3]).

Мы полагаемъ, что это и есть тотъ высшій законъ, по коему можно судить о благоустройствѣ поземельнаго владѣнія въ данной странѣ, т.-е., что для народнаго хозяйства высшее значеніе имѣетъ только то соображеніе, кѣмъ и какъ производится самая культура страны: самими ли владѣльцами, крупными и мелкими помѣщиками и крестьянами за свой счетъ, или другими лицами, промышленниками и рабочими, фермерами и оброчниками за свой страхъ, съ уплатой опредѣленной ренты владѣльцу.

Величина помѣстья, размѣръ подворнаго участка при этомъ не входятъ въ разсчетъ, но вопросъ разрѣшается объемомъ и порядкомъ веденія хозяйства.

Наука и практика сельско-хозяйственной теоріи, равно какъ и политическая экономія, согласны въ томъ, что непосредственная эксплуатація самимъ владѣльцемъ представляетъ въ агрономическомъ отношеніи неисчислимыя выгоды.

Очевидно, что хозяйство, и въ особенности земледѣліе, можетъ быть ведено вполнѣ самостоятельно, независимо, только самими собственниками; что только они могутъ свободно распоряжаться полеводствомъ, измѣнять сѣвообороты и всякія системы и планы хозяйства по обстоятельствамъ, соображаться въ своихъ культурахъ съ вѣчно измѣняющимися условіями климата, почвы, погоды и рыночныхъ или торговыхъ цѣнъ. Всѣ эти соображенія такъ извѣстны, что мы не считаемъ нужнымъ ихъ исчислять; самое простое и важное изъ нихъ есть то, что рента, арендная плата, оставаясь въ рукахъ самого хозяина, увеличиваетъ его оборотный капиталъ, и такъ какъ рента эта, постоянно возвышаясь, нынѣ поглощаетъ почти всю прибыль земледѣлія, то изъ этого слѣдуетъ, что положеніе фермеровъ и оброчниковъ будетъ все болѣе стѣсняться по мѣрѣ того, какъ выгоды собственниковъ будутъ возростать. Поэтому вопросъ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, объ измельченіи собственности, о средствахъ удержанія самостоятельныхъ хозяевъ намъ кажется совершенно празднымъ, а, напротивъ, существеннымъ другой вопросъ — **преобладаетъ ли въ данной мѣстности хозяйственная культура или арендное содержаніе, состоитъ ли бо́льшая часть угодій въ непосредственной эксплуатаціи самихъ землевладѣльцевъ или во временномъ и услов-**

номъ пользованіи съемщиковъ, и какое оказывается соотношеніе первыхъ ко вторымъ, то-есть бóльшая часть населенія промышляетъ ли земледѣліемъ на собственныхъ земляхъ или на чужихъ.

Эту пропорцію мы постараемся прослѣдить въ разныхъ странахъ Европы и въ Россіи.

Самую благопріятную пропорцію представляетъ въ этомъ отношеніи Франція. Землевладѣльцевъ, воздѣлывающихъ лично свои земли (propriétaires cultivants eux memes leur sol) показывается во французскихъ статистикахъ 7.825,777 жителей об. п. и противъ нихъ арендаторовъ (fermiers) и половниковъ (metayers)—4.863,566, такъ что по этимъ общимъ итогамъ выходитъ, что большинство сельскихъ обывателей ведетъ хозяйство за свой счетъ на собственныхъ земляхъ. Къ сожалѣнію, во французскихъ статистикахъ нигдѣ не показывается размѣровъ владѣній, и исчисленія разныхъ экономистовъ (до Лаверна включительно) по этому предмету совершенно гадательныя; чтобы сдѣлать какой-либо правильный выводъ объ отношеніи собственныхъ хозяйствъ къ фермерскимъ, надо бы знать пространство, число десятинъ тѣхъ и другихъ, а объ этомъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, какъ мы и объяснили въ главѣ о Франціи, что изъ числа вышепоказанныхъ собственниковъ около половины (3.600,000 или по другимъ показаніямъ—3.900,000) изъяты изъ поземельнаго оклада, по неимуществу, или по той причинѣ, что поземельный окладъ ихъ, составляя менѣе 5 сантимовъ, не покрывалъ расходовъ взиманія. Эти домохозяева признаются однако собственниками (propriétaires) и причисляются къ разряду владѣльцевъ, лично воздѣлывающихъ свои земли, но земли ихъ состóятъ бóльшею частію изъ огородовъ и усадебъ, къ коимъ они прибавляютъ полевыя угодья, пашни и покосы, снимаемые у смежныхъ владѣльцевъ за денежную плату или исполу.

Итакъ, хотя по поголовному счету лицъ большая часть французскихъ крестьянъ принадлежитъ къ сословію собственниковъ, но по хозяйственному своему быту они больше относятся къ классу арендаторовъ, и главный ихъ промыселъ есть содержаніе, арендованіе чужихъ земель.

Въ Италіи противъ 1.264,753 крестьянъ, собственниковъ считается (по статистической вѣдомости 1866 года) 1.248,286 половниковъ.

Въ Бельгіи вся культурная территорія распредѣлена такъ, что $65^3/_4$ процентовъ воздѣлывается фермерами, а $34^1/_4$% самими хозяевами; но въ это послѣднее количество входитъ еще большое число имѣній, сданныхъ въ пользованіе за натуральныя повинности исполу—или въ работу, такъ что площадь хозяйственной эксплуатаціи относится къ арендной, какъ 1:3.

Въ западной части Германіи фермерство постепенно вытѣсняетъ всякую другую эксплуатацію; въ округахъ Кобленцъ, Триръ и Дюссельдорфъ изъ 225 дворянскихъ помѣстій только 65 имѣютъ собственныя хозяйства; всѣ прочія разбиты на мельчайшія оброчныя статьи отъ $^1/_2$ моргена до 10 (отъ $^1/_8$ десят. до $2^1/_2$) и арендуются по громаднымъ цѣнамъ отъ 48 до 160 руб. за десятину.

Въ восточныхъ областяхъ Пруссіи самостоятельныя хозяйства болѣе развиты; въ 1861 году въ Прусскомъ королевствѣ считалось:

	собственниковъ. (Gutsbesitzer)	арендаторовъ. (Zeitpachter)
въ имѣніяхъ болѣе 300 мор. . .	6,838	4,403
„ „ отъ 15 до 300 „ . . .	301,012	53,715
„ „ менѣе 15 „ . . .	457,918	58,715

Наконецъ, въ Англіи фермерство составляетъ почти исключительный способъ эксплуатаціи; только изъ прихоти, для развлеченія своего отъ суетъ, политическихъ и торговыхъ занятій, богатые лорды заводятъ изрѣдка образцовыя фермы съ господскими запашками; общій же способъ веденія хозяйства есть арендованіе земель, и эти порядки сдѣлались такими всеобщими, что долгое время фермы и помѣстья вовсе не различались въ Англіи; тѣ и другія считались самостоятельными хозяйствами, отдѣльными имѣніями, независимо отъ того, кто ими владѣлъ, самъ ли собственникъ или временный арендаторъ.

Изъ этого видно, что въ бóльшей части Западной Европы хозяйственная эксплуатація сдѣлалась исключеніемъ,

а арендованіе—общимъ правиломъ; при этомъ надо замѣтить, что земледѣліе достигло высшаго усовершенствованія и высшей производительности въ тѣхъ именно краяхъ, гдѣ наиболѣе развито фермерство: въ Англіи, Бельгіи и на Рейнѣ; но въ соціальномъ отношеніи оно уже отчасти обнаружило зловредныя свои дѣйствія, и такъ какъ явленіе это новое и восходитъ не далѣе начала текущаго столѣтія, то надо предвидѣть, что дѣйствіе это еще много усилится отъ тѣхъ же причинъ.

Самая зловредная изъ всѣхъ комбинацій есть та, при коей крупное помѣстное и вотчинное землевладѣніе совпадаетъ съ мелкимъ и кратковременнымъ арендованіемъ; при такомъ порядкѣ обѣ стороны теряютъ всѣ свои выгоды, и хотя бы онѣ и находили нѣкоторую прибыль или удобство въ такихъ вольныхъ сдѣлкахъ, но, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства и еще болѣе въ отношеніи соціальномъ, такая организація должна быть признана зловредною, ибо ведетъ неминуемо къ истощенію почвы и къ разоренію народа.

Первое послѣдствіе всякой арендной системы есть отлученіе помѣстнаго сословія отъ своихъ имуществъ; но когда фермерство устроено, какъ, напримѣръ, въ Англіи и Шотландіи, въ видѣ долгосрочныхъ условій, съ формальными контрактами, то фермеръ, можно сказать, поступаетъ на мѣсто самого владѣльца, вступаетъ во всѣ его права и заинтересованъ до извѣстной степени въ улучшеніи хозяйства и сбереженіи производительныхъ силъ почвы; вмѣстѣ съ тѣмъ фермеры, принадлежа къ сословію болѣе или менѣе образованному, обезпеченные отъ произвола собственниковъ на долгіе сроки, вносятъ въ сельскій бытъ нѣкоторый элементъ самостоятельности, интеллигенціи и въ общественномъ самоуправленіи замѣняютъ отчасти отсутствующее сословіе землевладѣльцевъ.

Англійскіе farmers принесли несомнѣнную пользу какъ сельскому хозяйству раціональными улучшеніями культуръ, такъ и соціальному строю своего отечества жительствомъ среди народа, на образованіе коего имѣли они прямое, всесильное вліяніе.

Но это должно быть приписано именно тому, что фер-

меры, представляя собою интеллигенцію страны, имѣли постоянное жительство внутри страны, въ средѣ сельскаго сословія и служили такимъ образомъ посредниками между отсутствующими собственниками и рабочимъ людомъ. До начала настоящаго столѣтія ихъ положеніе было совершенно самостоятельное; арендныя условія (leases) заключались на 14—21 годъ и въ дѣйствительности были почти безсрочные, такъ какъ богатые ландлорды не отказывали своимъ фермерамъ безъ крайней необходимости или при окончательной ихъ несостоятельности. Только въ новѣйшее время формальные контракты стали замѣняться вольными сдѣлками (tenancy at will), а вмѣстѣ съ тѣмъ начали обнаруживаться и всѣ неудобства такой системы арендованія.

Другой порядокъ, о коемъ мы и отозвались какъ о самомъ вредномъ, то-есть сдача крупныхъ помѣстій по мелкимъ участкамъ оброчнымъ крестьянамъ, искони существуетъ въ Ирландіи и главнѣйшее, неминуемое и самое пагубное послѣдствіе его—отлученіе собственниковъ (абсентеизмъ).

Если помѣстное владѣніе крупныхъ собственниковъ имѣетъ какую-либо разумную основу (raison d'être) и какое-либо благое дѣйствіе, то это безспорно то, что, пользуясь бо́льшими средствами, они могутъ производить и бо́льшія затраты на улучшеніе культуры, заводить на излишніе капиталы сельско-промышленные заводы и фабрики, оживляющіе внутренніе рынки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жительствомъ своимъ посреди сельскаго сословія, съ одной стороны, вліять на образованіе народа, съ другой—возвращать ему часть доходовъ, извлекаемыхъ изъ его труда. Крупныя помѣстья такимъ образомъ составляютъ пробныя станціи, на которыхъ испытываются, и съ бо́льшею основательностію, чѣмъ на образцовыхъ фермахъ и въ земледѣльческихъ академіяхъ, разные новые пріемы и орудія—и въ то же время они сами собой образуютъ центры сбыта многихъ продуктовъ, невыдерживающихъ дальней перевозки и долгаго храненія, какъ-то: свекловица, картофель и т. п., продаваемые крестьянами на винокурни, свеклосахарные и другіе заводы.

Съ другой стороны, если мелкія хозяйства имѣютъ нѣкоторыя выгоды передъ крупными, то онѣ состоятъ въ томъ, что земледѣлецъ, располагая своимъ трудомъ совершенно свободно, можетъ приспособить его во всякое время къ той или другой отрасли хозяйства, не теряя времени на дальніе переѣзды и переходя мгновенно отъ одной работы къ другой. Трудъ его будетъ производительнѣе, интенсивнѣе — онъ извлечетъ изъ почвы болѣе, чѣмъ хозяинъ, обработывающій обширную запашку, но за то и изнуритъ ее скорѣе, особенно если не имѣетъ средства запасать удобрительные туки. Поэтому мелкая культура имѣетъ всегда склонность истощать почву производствомъ наиболѣе цѣнныхъ, но и наиболѣе тяжелыхъ продуктовъ: льна, конопли, хмѣля, табака и т. п., и только интересъ собственности можетъ заставить земледѣльца въ такомъ случаѣ беречь производительныя силы своей земли. Но когда, съ одной стороны, владѣлецъ, незаинтересованный въ доходности хлѣбопашества, предоставляетъ эксплуатацію срочнымъ арендаторамъ и, извлекая изъ своего помѣстья опредѣленную и неизмѣнную ренту, проживаетъ ее въ чужихъ краяхъ—и когда, съ другой стороны, земледѣлецъ, снимая чужія земли на короткіе сроки и по вольной сдѣлкѣ, то-есть до востребованія, прямо заинтересованъ въ извлеченіи изъ оброчной платы возможно бóльшаго количества наиболѣе цѣнныхъ продуктовъ—тогда, разумѣется, всѣ относительныя выгоды крупнаго владѣнія и мелкой культуры одновременно утрачиваются и всѣ ихъ вредныя дѣйствія совмѣстно обнаруживаются.

Отлученіе (абсентеизмъ) собственниковъ и арендованіе земель по мелкимъ участкамъ составляютъ въ совокупности самую зловредную изъ всѣхъ системъ хозяйства.

Отлученіе (абсентеизмъ) имѣло во всѣхъ странахъ Европы гибельное вліяніе на хозяйственный бытъ сельскаго населенія, и въ частности на соціальное положеніе помѣстнаго сословія, и, надо замѣтить, что аристократическій блескъ и вліяніе высшихъ классовъ удержались въ наше время только въ тѣхъ странахъ, гдѣ крупные землевладѣльцы постоянно, изъ рода въ родъ, обитали въ своихъ помѣстьяхъ и непосредственно участвовали въ хозяйственномъ управленіи. Какъ извѣстно, въ Англіи первая забота и завѣтная мечта ландлордовъ было

поддержаніе сельскаго или помѣщичьяго быта не только въ полномъ блескѣ, но и въ теснѣйшемъ союзѣ съ прочими сельскими обывателями; въ самомъ королевствѣ Англіи фермы были обширныя, сроки арендныхъ условій продолжительные— 7, 14, 21 годъ. Кромѣ того, богатѣйшіе лорды считали своимъ долгомъ (noblesse oblige) проживать бо́льшую часть года въ деревнѣ, съ августа до апрѣля, и, тратя значительную часть доходовъ на широкое гостепріимство, имѣли еще особыя образцовыя фермы, гдѣ они занимались лично сельскимъ хозяйствомъ, съ нѣкоторою прихотью, но съ положительною пользою для прочихъ жителей, для коихъ эти господскія запашки служили повѣрочной инстанціей для испытанія разныхъ агрономическихъ пріемовъ и орудій. Такими же общеполезными, хотя можетъ быть и не доходными, хозяйствами были и королевскія фермы въ Виндзорѣ и др., гдѣ производились на счетъ королевской фамиліи и знатнѣйшихъ герцоговъ пробы паровыхъ плуговъ, молотильныхъ машинъ, локомобилей, жатвенныхъ и сѣнокосильныхъ машинъ.

Въ Германіи примѣры эти были всегда рѣдки, потому что средняя норма состояній рыцарей-помѣщиковъ была гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи; во всей Пруссіи считалось вотчинниковъ, имѣющихъ болѣе 8,000 тал. дохода, 490, между тѣмъ какъ въ одной Шотландіи было 276 лордовъ съ доходомъ въ 5,000 L. и болѣе (35,000 тал.); притомъ, аккуратность и бережливость, часто переходящія въ скупость, отличающую нѣмецкое племя, не допускали такого щедраго и отчасти неразсчетливаго употребленія доходовъ; нѣмецкіе риттергутсбезитцеры, проживая въ своихъ за́мкахъ, думали болѣе о сбереженіяхъ, чѣмъ о примѣрѣ и поученіи своихъ сосѣдей, а для политическаго и общественнаго своего вліянія пользовались орудіемъ, котораго англійская аристократія не имѣла — вотчинною властью и патримоніальнымъ судомъ.

Всего менѣе отличаются своими сельско-хозяйственными вкусами и наклонностями народы латинской расы, и высшія сословія во Франціи, Италіи, Испаніи никогда не могли освоиться съ мирными занятіями сельской жизни. Въ Испаніи и Италіи высшее дворянство всегда проживало въ городахъ, гдѣ и настроило столько великихъ памятниковъ художествъ и искусствъ, представляющихъ нынѣ живописныя раз-

валины померкнувшей славы; palazzo въ городѣ и обширныя пастбища въ селеніи составляли все хозяйство этихъ праздныхъ грандовъ и римскихъ князей, и аристократическія ихъ чувства проявлялись болѣе въ почетномъ правѣ накрывать свои головы передъ королемъ или сажать своихъ женъ и дочерей на скамейки (табуреты) въ присутствіи высочайшихъ особъ, чѣмъ въ устроеніи своихъ богатыхъ помѣстій въ благословенной странѣ, имъ отъ Бога дарованной. Англичанинъ Joung разсказываетъ, что уже въ концѣ прошлаго столѣтія онъ не находилъ въ Испаніи нигдѣ слѣдовъ помѣщичьяго сельскаго быта; фермы управлялись наемными приказчиками, и мѣстные гранды Испаніи считали даже унизительнымъ учитывать своихъ повѣренныхъ и приказчиковъ, управлявшихъ самовластно ихъ имѣніями.

Во Франціи, до временъ Людовика XIV, дворянство сохраняло характеръ помѣстнаго провинціальнаго сословія; но усиліямъ Ришелье и великаго короля удалось превратить его въ чисто придворный классъ, и съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ Бретани, Вандеи и немногихъ другихъ провинцій, знатныя фамиліи всѣ переѣхали на жительство въ Парижъ и Версаль; передъ революціей 1789 г. считали, что не болѣе $^1/_{10}$ французскаго дворянства проживаетъ въ провинціи, а $^9/_{10}$ на службѣ при дворѣ и въ арміи. Въ настоящее время сельская жизнь вошла опять въ моду велико-свѣтскаго французскаго общества, и люди нѣсколько зажиточные считаютъ приличнымъ выѣзжать на осенніе и зимніе мѣсяцы изъ Парижа въ свои Chateaux; но образъ жизни ихъ—дачный, а вовсе не хозяйственный, ставитъ ихъ въ совершенно чуждыя отношенія къ мѣстнымъ жителямъ, такъ что послѣдніе даже не знаютъ именъ этихъ парижскихъ выходцевъ и называютъ ихъ обыкновенно по названію села или помѣстья, имъ принадлежащаго.

Въ Россіи, до половины царствованія Александра I, знатное дворянство не переставало быть вмѣстѣ и вліятельнымъ помѣстнымъ сословіемъ; богатыя фамиліи, имѣя сыновей на службѣ и заѣзжая въ Петербургъ и Москву на зиму, имѣли главное мѣсто жительства въ своихъ селахъ, гдѣ, правда, занимались болѣе псовой охотой, роговой музыкой, соленьемъ и вареньемъ разныхъ плодовъ и ягодъ, чѣмъ сельскимъ хо-

зяйствомъ; но по крайней мѣрѣ это сожительство съ народомъ давало дворянству несомнѣнную солидарность съ крестьянскимъ бытомъ, нравы нѣсколько грубые, но ясное сознаніе народныхъ нуждъ и пользъ; изъ этого сословія вышли люди, подавшіе первые голоса въ пользу освобожденія крестьянъ и другихъ реформъ царствованія Екатерины и Александра I. Но въ концѣ царствованія Александра I послѣдовала въ быту россійскаго дворянства очень крутая перемѣна: оно подраздѣлилось на два разряда — высшее и помѣстное дворянство. Первое, разумѣя подъ высшимъ дворянствомъ помѣщиковъ въ 1000 и болѣе душъ, въ полномъ своемъ составѣ поступило на службу при дворѣ и въ гвардію; второе заняло второстепенныя должности въ гражданской службѣ и въ арміи; на мѣстахъ, въ деревняхъ, оставались старики и недоростки, или люди неспособные къ военной службѣ, бездарные и безграмотные. Императоръ Николай I засталъ уже это положеніе довольно утвердившимся, и такъ какъ онъ одинаково не жаловалъ ни аристократическихъ, ни демократическихъ тенденцій, то очень разумно воспользовался этими придворными и служебными склонностями помѣстнаго сословія, чтобы приковать знатное дворянство къ своему двору, а мелкопомѣстное къ военной и гражданской службѣ, и во все царствованіе этого Государя благородное сословіе было, можно сказать, совершенно отлучено отъ сельскаго и земскаго быта народа.

Абсентеизмъ сдѣлался общимъ правиломъ, жительство въ деревнѣ исключеніемъ, считавшимся въ аристократическомъ кругу ссылкой и опалой; первостатейныя дворянскія фамиліи, обладавшія во всѣхъ концахъ Россіи необъятными вотчинами съ подмосковными усадьбами и роскошными парками, не смѣли и не желали отлучаться, даже на лѣтнее время, отъ маневровъ въ Красномъ-Селѣ, или придворныхъ выходовъ въ Петергофѣ, и строили себѣ дачи изъ барочнаго лѣса около императорскихъ дворцовъ, предпочитая эти балаганныя помѣщенія своимъ великолѣпнымъ, но отдаленнымъ сельскимъ жилищамъ. На человѣка, выходящаго въ отставку для поправленія своихъ дѣлъ, или просящагося въ продолжительный отпускъ для занятія своимъ хозяйствомъ, это легкомысленное общество и начальство смотрѣли недружелюбно, за-

подозривали его въ вольнодумствѣ или, по крайней мѣрѣ, нездравомыслiи, и сожалѣли о печальной необходимости, въ какую онъ себя поставилъ — жить въ деревенской глуши.

Мы не беремся рѣшить вопроса — умышленна ли была эта политика, или случайное стеченіе обстоятельствъ, поверхностное образованіе и иноземное воспитаніе высшаго класса привели его къ такимъ результатамъ, — но вѣрно то, что это многолѣтнее отчужденіе титулованнаго и родового дворянства отъ сельскаго быта довершило реформу Петра I, превративъ всѣ прежніе боярскіе роды въ служилое или, вѣрнѣе сказать, служительское сословіе, не имѣвшее, за весьма рѣдкими исключеніями, ничего общаго съ русскимъ народомъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія можно было насчитать нѣсколько тысячъ крупныхъ и богатѣйшихъ помѣщиковъ, съ роду не бывшихъ въ своихъ имѣніяхъ, говорившихъ съ трудомъ по-русски и вовсе не понимавшихъ крестьянскаго нарѣчія, воспитанныхъ въ іезуитскихъ школахъ или у французскихъ эмигрантовъ и аббатовъ, и перешедшихъ въ католическую вѣру съ женами и дѣтьми, и считавшихъ лучшимъ тономъ своего свѣтскаго общества — пренебреженіе ко всему русскому быту — какъ дворянскому, такъ и крестьянскому.

Это настроеніе обнаружилось очень ярко, когда приступлено было къ крестьянской реформѣ, и если дальновидная политика правительства желала именно устранить вліяніе аристократическаго элемента на рѣшеніе этого вопроса, то надо признать, что она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Придворное и высшее служебное дворянство оказалось такъ мало свѣдущимъ въ предметахъ хозяйственнаго устроенія крестьянъ, что дѣло само собой выпало изъ его рукъ и перешло въ другія, и реформа произведена была въ духѣ и на началахъ, несоотвѣтствовавшихъ ожиданіямъ и совѣтамъ этихъ вліятельныхъ кружковъ людей, приближенныхъ къ престолу.

Въ отношеніи соціальномъ это отчужденіе крупныхъ землевладѣльцевъ имѣло въ нѣкоторомъ смыслѣ и полезное дѣйствіе: оно парализовало ихъ вліяніе и лишило ихъ той опоры, того знанія сельскаго быта, коими воспользовалось дворянство Германіи и остзейскихъ губерній, для поворота крестьянской реформы въ свою исключительную пользу.

Но въ хозяйственномъ отношеніи вообще оно имѣло въ Россіи такія же зловредныя послѣдствія, какъ и въ другихъ странахъ.

Въ теченіи этого долгаго 40-или-50-лѣтняго періода военно-придворнаго быта, помѣщичьи хозяйства пришли въ застой и быстро приближались къ упадку. Агрономическое образованіе, которое въ концѣ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Александра возникло-было и проявилось въ учрежденіи вольнаго экономическаго общества, въ трудахъ Мордвинова, Муравьева и др., въ концѣ царствованія Николая I совершенно поникло, и ученый агрономъ считался въ сельскомъ хозяйствѣ столь же безполезнымъ и вреднымъ, какъ образованные офицеры въ фронтовой службѣ. Такіе люди, какъ графъ А. П. Бобринскій, коему Россія обязана введеніемъ свеклосахарной промышленности и устройствомъ первой желѣзной дороги (царскосельской), хотя и принадлежали къ высшему кругу общества, но признавались въ этомъ кругу эксцентрическими мечтателями и прожектерами и послѣдователей не находили. Свеклосахарные заводы кое-гдѣ и строились по его примѣру и совѣтамъ, но бóльшею частію и разстраивались по безтолковому управленію владѣльцевъ и недостатку оборотнаго капитала, или сдавались въ аренду купцамъ и промышленникамъ. Виновуреніе сдѣлалось привилегіею тѣхъ высшихъ сановниковъ, которые, по личнымъ своимъ связямъ съ министерствомъ финансовъ, получали выгоднѣйшія поставки по высокимъ цѣнамъ на армію, флотъ и въ казну. Все хозяйство богатыхъ помѣщиковъ было въ рукахъ наемныхъ служителей, бóльшею частію инородцевъ, нѣмцевъ и поляковъ, обращавшихся съ безпощадной строгостью и спѣсивымъ высокомѣріемъ съ крѣпостными барщинниками. Однимъ словомъ, крупное землевладѣніе окончательно утратило тѣ черты, тѣ достоинства, которыя могутъ его оправдать въ глазахъ простого народа, и сохранило только тѣ, которыя дѣлаютъ его въ хозяйственномъ отношеніи непроизводительнымъ и безплоднымъ.

Къ счастію Россіи, этотъ періодъ былъ не такъ продолжителенъ, чтобы истощить производительныя силы нашей обильной земли; притомъ же, отбытіе помѣщиковъ изъ своихъ имѣній послужило въ другомъ отношеніи и въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ къ пользѣ крестьянъ; въ сѣверо-восточной, лѣсной полосѣ Россіи помѣщичьи имѣнія были совершенно покинуты ихъ владѣльцами, крестьяне переведены на оброкъ, всѣ полевыя угодья предоставлены въ ихъ пользованіе и лѣсныя дачи ихъ расхищенію; мѣстное управленіе обыкновенно довѣрялось бурмистру или старостѣ изъ тѣхъ же крестьянъ, и отношенія землевладѣльца съ оброчниками ограничивались доставкой по одному или по два раза въ годъ оброчной суммы. Хотя эти оброчные оклады и были иногда высокіе (30 и 50 р. съ тягла), но такъ какъ крестьяне пользовались почти безотчетно господской землей, распахивали лѣсныя нивы и пустоши, выгоняли скотину по необъятнымъ пространствамъ пустопорожнихъ ухожей, и выплачивали большую часть оброка изъ самовольно порубленнаго лѣса, то положеніе ихъ было несравненно лучше, чѣмъ положеніе барщинниковъ средней полосы Россіи.

Разумѣется, въ отношеніи народнаго хозяйства вообще эта хищническая культура имѣла только вредныя послѣдствія, и когда, послѣ этого безпечнаго разгула крестьянскаго состоянія, пришлось разбирать и дѣлить между помѣщикомъ и крестьянами выпаханныя поля и вырубленные лѣса, то ни та, ни другая сторона, обѣ виновныя въ опустошеніи, не хотѣли принять на свой счетъ этихъ разоренныхъ полей и лѣсовъ.

Итакъ, абсентеизмъ высшаго помѣщичьяго сословія въ Россіи имѣлъ два различныя дѣйствія на бытъ крестьянъ: онъ послужилъ къ самостоятельному развитію сельскаго общиннаго строя въ сѣверо-восточной полосѣ, которую можно назвать полосой оброчной—и, напротивъ, къ угнетенію крестьянъ въ среднихъ, подмосковныхъ губерніяхъ, гдѣ преобладали барщинныя хозяйства, управляемыя выходцами изъ Польши и прибалтійскихъ губерній.

Въ той и другой полосѣ онъ имѣлъ одинаково вредное дѣйствіе на народное хозяйство, истощивъ почву безразсудной эксплуатаціей; крестьянинъ-оброчникъ, точно такъ, какъ наемный приказчикъ, заинтересованъ только въ извлеченіи возможно бо́льшаго прихода для удовлетворенія барина, про-

живающаго этой рентой, сбереженіе же производительныхъ силъ и вообще улучшеніе почвы и культуры не могло входить въ его разсчетъ.

Поэтому самой вредной комбинаціей разныхъ системъ землевладѣнія оказывается та, при коей большія площади принадлежатъ, по номинальному праву собственности, однимъ лицамъ, а культура, земледѣліе, то-есть дѣйствительное владѣніе, производится посредствомъ мелкихъ арендаторовъ, оброчниковъ.— Эта комбинація болѣе вредна для землевладѣльца, чѣмъ для земледѣльца въ странахъ малонаселенныхъ, гдѣ нѣтъ большой конкурренціи съемщиковъ-арендаторовъ, и, наоборотъ, болѣе пагубна для послѣднихъ въ мѣстностяхъ малоземельныхъ и густо населенныхъ, гдѣ предложеніе оброчныхъ статей всегда ниже запроса на земли. Первый случай представляется въ сѣверной Россіи, гдѣ капитальное богатство помѣщичьихъ имѣній было положительно разграблено оброчными крестьянами; второй — въ Ирландіи, гдѣ крупные землевладѣльцы, пользуясь непомѣрнымъ приращеніемъ сельскаго населенія, въ концѣ прошлаго столѣтія довели своихъ оброчниковъ и мелкихъ фермеровъ до крайняго разоренія. Но во всякомъ случаѣ абсентеизмъ имѣетъ послѣдствіемъ упадокъ аристократическаго элемента въ смыслѣ политической вліятельной партіи; легкомысленная французская noblesse, праздные итальянскіе и испанскіе гранды и русское именитое дворянство, отъ своего образа жизни, потеряли нить общественныхъ нуждъ и пользъ, смыслъ народныхъ интересовъ, и отъ этого самаго лишились и способности заправлять дѣлами своихъ отечествъ; англійская аристократія потому и осталась аристократіей, что отъ сельскаго быта другихъ сословій не отлучалась и всегда состояла на лицо, принимая живое участіе въ мелочныхъ занятіяхъ провинціальнаго и сельскаго быта и въ податныхъ тягостяхъ, раскладкахъ повинностей, смѣтахъ и разверсткахъ земскихъ и общественныхъ сборовъ.

На вопросъ, предложенный въ началѣ этой главы — которое землевладѣніе или какая культура лучше: крупная

или мелкая? — мы теперь отвѣчаемъ, что задача эта неразрѣшима, потому что она невѣрно и неясно поставлена.

Крупныя помѣстья имѣютъ большія преимущества въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, покуда они не перешли предѣла хозяйственнаго завѣдыванія, личнаго и непосредственнаго надзора владѣльца; но, очевидно, когда они дѣлаются такъ обширны, что разбиваются для удобства эксплуатаціи на отдѣльныя фермы и запашки, или когда они, разсѣянныя на большія разстоянія, управляются особыми приказчиками и сдаются въ аренду мелкими участками, то они утрачиваютъ ipso facto выгоды и удобства крупной культуры.—Номинальная принадлежность ихъ одному лицу по праву верховной собственности (dominium eminens) не имѣетъ никакого значенія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, если дѣйствительное владѣніе и эксплуатація находятся въ другихъ рукахъ. Въ соціальномъ же отношеніи такая централизація положительно вредна, ибо она отнимаетъ у земледѣльца большую часть прибылей, уплачиваемыхъ собственнику въ видѣ ренты.

Но, съ другой стороны, нѣкоторыя отрасли земледѣлія и сельско-хозяйственныхъ промысловъ доступны только крупнымъ хозяйствамъ, расположеннымъ въ одной окружной межѣ сплошнымъ участкомъ; скотоводство, овцеводство, выгонное хозяйство вообще, также винокуреніе, свеклосахарное производство возможны только въ большихъ имѣніяхъ, при нѣкоторомъ просторѣ и открытыхъ сообщеніяхъ.

Мы объяснили въ главѣ о земледѣліи, какое существенное условіе всякаго агрономическаго прогресса составляетъ воздѣлываніе корнеплодныхъ, картофеля, свеклы и т. п., и переработка ихъ посредствомъ мѣстнаго производства въ другіе болѣе цѣнные продукты, причемъ выгадываются громадные запасы кормовъ и скопы навоза. Мы положительно считаемъ, что никакое раціональное земледѣліе не можетъ быть устроено, если въ сѣвооборотъ не введены корнеплодныя, а такъ какъ они не выдерживаютъ ни дальней перевозки, ни долгаго храненія, то производство ихъ обусловливается мѣстнымъ сбытомъ или въ города изъ подгородныхъ селеній, или на заводы, устраиваемые въ большихъ имѣніяхъ.

Выгонъ скота на пастбище требуетъ также нѣкотораго простора и округленія дачъ, и раздѣлъ общинныхъ выгоновъ на подворные участки былъ въ западной Европѣ первый шагъ къ притѣсненію крестьянскаго землевладѣнія и шагъ такой рѣшительный, что онъ сразу подавилъ весь бѣднѣйшій классъ хлѣбопашцевъ.

Поэтому нѣкоторая пропорція крупныхъ помѣстій не только полезна, но и необходима въ данной мѣстности для оживленія сельскихъ промысловъ мелкихъ земледѣльцевъ. Пропорцію эту можно признать правильной, если помѣстное и крестьянское владѣніе занимаютъ равныя пространства, каковая пропорція и выходитъ въ великороссійскихъ губерніяхъ: въ 30 губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, считается земель, принадлежащихъ крестьянамъ, 70.285,923, и земель частнаго владѣнія, казны и удѣловъ 75.187,129 десятинъ. Пропорція между крестьянскими и владѣльческими землями выходитъ какъ 48% къ 52%.

Въ частности, по 30 великороссійскимъ губерніямъ крестьянскій элементъ преобладаетъ въ 16 губерніяхъ, а владѣльческій въ 14; самыя крайнія пропорціи представляются въ Олонецкой губ., гдѣ крестьянскихъ земель 31% и владѣльческихъ 18%, и, наоборотъ, въ Костромской и Таврической, гдѣ первыхъ только 28 и вторыхъ 78%.

Въ большей части центральной Россіи отношеніе выходитъ почти равное, какъ 45 къ 54.

Совершенно другая пропорція выходитъ въ другихъ краяхъ Россіи. Въ 8 губерніяхъ юго- и сѣверо-западнаго края, за исключеніемъ Гродненской губ., о коей мы не нашли свѣдѣній, крестьянской земли считается 11.207,503, а помѣщичьей 19.148,334 десятинъ. Отношеніе ихъ какъ 36,66% къ 63,33% [1]).

Въ прибалтійскомъ краѣ (по военно-статистическому сборнику, отд. 1, стр. 225) помѣщикамъ принадлежитъ 72,6% всѣхъ удобныхъ земель, крестьянамъ казеннымъ около 8% и крестьянамъ-собственникамъ 2,5%.

Въ привислянскомъ краѣ помѣщичьихъ земель 5.333,543 и крестьянскихъ 3.609,721 десятина.

Самая выгодная пропорція для крестьянъ оказывается въ Финляндіи: частнаго владѣнія было въ 1864 г. дворянскихъ

земель 1.481,555, прочихъ землевладѣльцевъ 682,892, крестьянскихъ земель 18.479,144 десятины.

Далѣе, если судить о степени развитія землевладѣльческаго элемента по среднему размѣру помѣщичьихъ имѣній, то наибольшій размѣръ оказывается въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ на 1 владѣльца приходится.

въ Курляндской губерніи		3,602 дес.
„ Лифляндской „		3,527 „
„ Эстляндской „		3,110 „

Затѣмъ въ западныхъ губерніяхъ:

въ Минской губерніи		2,356 „
„ Волынской „		1,595 „
„ Кіевской „		1,553 „
„ Подольской „		1,543 „
„ Могилевской „		1,142 „
„ Витебской „		1,185 „
„ Ковенской „		1,248 „

Далѣе, широкій размѣръ помѣстій приходится еще на нѣкоторыя лѣсныя и степныя губерніи: Олонецкую 1,826 дес., Ставропольскую 1,386 дес., Оренбургскую 1,430, Таврическую 3,563 и Пермскую, гдѣ на 1 помѣщика приходится громадная цифра 174,854 дес. Но эти губерніи находятся еще большею частію въ положеніи колоніальныхъ территорій и цѣнность земель въ нихъ еще очень низка, такъ что въ сравненіи съ остзейскимъ и западнымъ краемъ помѣстное сословіе здѣсь несравненно бѣднѣе, несмотря и на крупный размѣръ владѣній.

Что же касается собственно великороссійскихъ губерній, то въ нихъ средній размѣръ помѣстій въ 6,7 разъ меньше, чѣмъ въ прибалтійскомъ краѣ, въ 2,3 раза меньше, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ; въ центральной Россіи на 1 помѣщика приходится среднимъ числомъ десятинъ: въ Курской губ. 171, въ Рязанской 191, Полтавской 184, Тульской 248, Орловской 298, Смоленской 300, въ Черниговской 281.

Изъ этого мы выводимъ общее соображеніе, что собственно въ коренной Россіи отношеніе крупнаго помѣстнаго земле-

владѣнія къ мелкому крестьянскому въ средней сложности довольно правильное; очень обширныя имѣнія находятся только на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ, въ Пермской и Таврической губ., и средній размѣръ помѣстій идетъ, понижаясь, изъ малонаселенныхъ краевъ лѣсной и степной полосы въ центральнымъ губерніямъ, оставаясь такимъ образомъ въ правильномъ соотношеніи къ общей густотѣ населенія и къ нормальному размѣру крестьянскихъ надѣловъ.

Отношеніе это измѣняется значительно въ западномъ краѣ, гдѣ помѣщичьи владѣнія составляютъ уже не половину, какъ въ Россіи, а около ²/₃ всѣхъ удобныхъ земель; и если принять во вниманіе, что въ эту группу губерній входитъ плодороднѣйшая полоса Волынской, Подольской и Кіевской губ., то выходитъ, что помѣстье въ 1,500 дес. (средній размѣръ одного помѣстья) въ этомъ краѣ имѣетъ по крайней мѣрѣ тройную цѣнность противъ такого же средняго помѣстья въ Оренбургской или Олонецкой губерніяхъ.

Но самое гнѣздо крупнаго землевладѣнія есть прибалтійскій край. Въ общей сложности трехъ прибалтійскихъ губерній считается всѣхъ дворянскихъ имѣній 1826, въ нихъ слишкомъ 6 милліоновъ десятинъ и средній размѣръ одного помѣстья 3,420 дес.; а такъ какъ продажная цѣна земли, по указаніямъ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, колеблется между 48 р. въ Эстляндіи и 80 р. въ Курляндіи, то, принимая среднюю цѣну 64 руб. за десятину, мы получимъ среднюю стоимость одного помѣстья 218,880 рублей.

Въ хлѣбороднѣйшей черноземной полосѣ великороссійскихъ губерній, принимая цѣну 1 дес. въ 60—80 рублей, мы получимъ слѣдующія суммы, соотвѣтствующія вышепоказанной средней стоимости одного помѣстья:

	Средній размѣръ одного имѣнія.		Цѣна десятины.		Сумма.
въ Тамбовской губерніи	427 дес.	×	80 руб.	=	34,160 руб.
„ Орловской „	298 „	×	75 „	=	92,350 „
„ Воронежской „	465 „	×	60 „	=	27,900 „

Въ лѣсной и степной полосѣ, гдѣ продажная цѣна около 10—15 рублей:

	Средній размѣръ одного имѣнія.		Цѣна десятины.		Сумма.
въ Олонецкой губерніи	1826 дес.	×	10 руб.	=	18,260 руб.
„ Оренбургской „	1302 „	×	10 „	=	13,020 „
„ Ставропольск. „	1386 „	×	15 „	=	19,790 „

Наконецъ, если сравнить средній размѣръ помѣщичьихъ имѣній въ остзейскомъ краѣ съ таковымъ же въ Пруссіи, и именно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Пруссіи, гдѣ достоинство почвы одинаковое, то оказывается, что на 1 владѣльца-рыцаря приходится:

въ округѣ Кёнигсбергъ . . .	2,096 мор.	=	524	дес.
„ „ Данцигъ	2,538 „	=	634	„
„ „ Маріенвердеръ . .	3,424 „	=	856	„

Значитъ, втрое и вчетверо меньше, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ [5]).

Изъ вышеприведенныхъ разсчетовъ можно, кажется, сдѣлать слѣдующіе общіе выводы объ относительной пользѣ крупныхъ и мелкихъ культуръ, фермъ, хуторовъ, крестьянскихъ дворовъ. Исходя изъ общаго положенія, что аграрное устройство должно имѣть въ виду надѣленіе бо́льшей части жителей земельною собственностью, надо ограничить таковой надѣлъ извѣстнымъ предѣломъ, чтобы предупредить захватъ всѣхъ земель одними домохозяевами и безземелье другихъ. Таковымъ предѣломъ должна служить средняя рабочая сила одного семейства, и хотя она очень различна по отдѣльнымъ дворамъ, но въ сложности всякой группы населенія, сельскаго общества или волости, или уѣзда, она всегда выходитъ приблизительно ровная, пропорціональная числу ревизскихъ душъ и жителей обоего пола. При общинномъ бытѣ въ великороссійскихъ губерніяхъ рабочихъ мужиковъ выходитъ почти вездѣ одинаково, немного болѣе половины всѣхъ ревизскихъ душъ; по разнымъ разсчетамъ приходится на 100 рев. душъ работниковъ 50, 52, 55 и на 1 крестьянскій дворъ или 1 семейство $1^1/_2$ работника мужского пола. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ участковое владѣніе, пропорція выходитъ другая, на 1 дворъ приходится и больше жителей, и больше работниковъ; такъ, напр., въ Лифляндской и Кур-

ляндской губерніяхъ считается въ каждомъ дворѣ отъ 3 до 4 работниковъ, потому что каждый крестьянинъ-хозяинъ держитъ нѣсколько батраковъ. Но въ Россіи можно принять средней, очень близкой къ дѣйствительности, нормой—$1^1/_2$ работника на одно семейство. Далѣе, мы можемъ изъ опыта всѣхъ земледѣльческихъ странъ убѣдиться, что для рабочей силы есть также извѣстный предѣлъ; покуда земли много, хлѣбопашецъ, разумѣется, расширяетъ свою культуру по возможности, но, работая на просторѣ, работаетъ хуже и производитъ пропорціонально менѣе. Можно кажется безошибочно принять, что болѣе 10 дес. пашни и луговъ 1 работникъ при правильной системѣ полеводства осилить не можетъ, и такъ какъ мы выше вывели пропорцію $1^1/_2$ работника на 1 дворъ, то изъ этого выходитъ, что нормальный надѣлъ 1 двора будетъ равенъ 15 десят. или 5 дес. на душу муж. пола. Этой нормѣ приблизительно соотвѣтствуютъ и всѣ размѣры, принятые въ другихъ государствахъ для отвода земель подъ новыя поселенія и крестьянскія хозяйства: нѣмецкая гуфа считалась въ 40—60 моргеновъ (10—15 дес.), остзейскій гакъ и польская уволока въ 20 дес., англійская hilde въ 33 акра (12 дес.), американская section (участокъ, отводимый эмигрантамъ изъ казенныхъ земель) въ 40 акровъ (14,8 дес.). Всѣ эти мѣры существовали въ тѣ первобытныя времена, когда еще населеніе было и въ Европѣ такъ же рѣдко, какъ нынѣ въ Россіи. Въ Америкѣ нормальный размѣръ въ 40 акровъ принятъ и нынѣ въ среднихъ штатахъ, гдѣ пустыхъ земель еще болѣе, чѣмъ у насъ.

Впрочемъ и новѣйшія свѣдѣнія подтверждаютъ, что подворные участки въ 15 дес. составляютъ высшій предѣлъ, едва ли не превышающій рабочую способность крестьянскаго хозяйства. Въ Англіи, по свидѣтельству англійскихъ экономистовъ, фермы въ 40 акровъ (14,8 дес.) обработываются самими фермерами—мѣстными крестьянами, но какъ только онѣ переходятъ эту норму, то уже составляютъ большею частью предметъ промышленныхъ оборотовъ среднихъ сословій и воздѣлываются наемными батраками.

Относительно крестьянскихъ участковъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, мы приводимъ ниже замѣчательный отзывъ извѣстнаго агронома и ученаго (А. Ф. Митендорфа), что участки

въ 8,12 десятинъ составляютъ нормальный размѣръ крестьянскаго хозяйства, что надѣлъ въ 4—5 дес. очень стѣснителенъ для крестьянъ; съ другой стороны, мѣстные жители также показываютъ, что подворные участки въ 30—40 дес. не соотвѣтствуютъ нуждамъ и силамъ крестьянъ и превышаютъ ихъ платежныя и рабочія силы [6]).

При первоначальномъ поселеніи нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи мы также видимъ, что размѣры подворныхъ и душевыхъ надѣловъ были слишкомъ велики, по 50—60 дес. на семейство, 15—20 дес. на душу. Слабые хозяева не могли справиться съ такими участками, и всѣ земли перешли въ руки зажиточныхъ и многосемейныхъ домохозяевъ, которые вытѣснили всѣхъ прочихъ.

Замѣчательно, что расширеніе крестьянскихъ надѣловъ и образованіе особенно крупныхъ подворныхъ участковъ было всегда однимъ изъ стремленій помѣстнаго класса въ нѣмецкихъ земляхъ, какъ въ коренной Германіи, такъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ владѣльцы германской расы имѣли преобладаніе, причемъ главнымъ мотивомъ выставлялось то, что лучше имѣть въ странѣ немного самостоятельныхъ и зажиточныхъ хозяевъ, чѣмъ большее число поселянъ малоземельныхъ и бѣдныхъ, между тѣмъ какъ въ демократическихъ обществахъ, какъ Америка, предпочитаются средніе подворные участки, соотвѣтствующіе нуждамъ и пользамъ семейнаго рабочаго.

Мы полагаемъ, что и въ Россіи необходимо установить такую норму, въ виду будущихъ переселеній и колонизаціи нашихъ восточныхъ окраинъ и всѣ наши разсчеты сходятся къ тому, что надѣлъ отъ 4 до 5 дес. на душу муж. пола, 12—15 десятинъ на дворъ надо признать нормальнымъ; въ тѣхъ уѣздахъ или губерніяхъ, гдѣ пропорція значительно меньше этой нормы, нужно поощрять переселенія; въ тѣхъ, гдѣ она много выше, нужно привлекать новожиловъ; мы имѣемъ еще со временъ крѣпостного права свѣдѣнія, подтверждающія эти разсчеты въ первомъ изданіи свода законовъ (т. IX, ст. 631) предоставлялось право иска о свободѣ крестьянамъ въ томъ случаѣ, если помѣщикъ оставитъ при нихъ менѣе $4^1/_2$ дес. на душу. Статья эта была выпущена при второмъ изданіи по нѣкоторымъ, очень понятнымъ опасеніямъ, но за то перешла въ практику опекунскаго совѣта,

который при залогѣ имѣній не принималъ такихъ, гдѣ приходилось менѣе 4 дес. на душу [7]).

Относительно помѣстнаго владѣнія нормальнаго размѣра принять нельзя и все зависитъ оттого, какъ распредѣлена самая культура.

Коль скоро хозяинъ работаетъ не самъ лично съ своими домочадцами, а посредствомъ наемныхъ рабочихъ, то ему выгоднѣе имѣть запашку нѣсколько просторную и держать нѣсколько рабочихъ и лошадей, чѣмъ 1 или 2 батраковъ или одну пару рабочаго скота. Выгода при этомъ двоякая: 1) содержаніе, и въ особенности харчи и кормъ извѣстнаго числа людей или скота, обходится пропорціонально дешевле; пищи, заготовляемой для 4—5 человѣкъ, обыкновенно хватитъ и на шестого; помѣщенія и топлива тоже; 2) по разсчету, очень вѣрно выведенному англичанами и приведенному выше, на обработку большой запашки требуется пропорціонально менѣе рабочей силы, чѣмъ на мелкую. Если сравнить по этому разсчету мелкую ферму въ 10—11 десятинъ съ крупной въ 100 дес., то выходитъ, что для первой нужно почти 2 рабочихъ и 3 лошадей, а для второй, въ десять разъ бо́льшей, не 20 рабочихъ и 30 лошадей, какъ бы слѣдовало по пропорціи, а только 12 работниковъ и 18 штукъ рабочаго скота. Этотъ разсчетъ сдѣланъ для англійскихъ интенсивныхъ хозяевъ; въ Россіи, при нашей распашной и небрежной культурѣ, рабочей силы требуется меньше; но пропорція будетъ та же: если на крестьянскій дворъ съ надѣломъ въ 10 дес. требуется не менѣе 1 рабочаго мужского пола, то на помѣщичью запашку въ 100 дес. требуется не 10 батраковъ, а только 7 или 8.

Но также несомнѣнно, что слишкомъ большія помѣстья, размѣры коихъ превышаютъ силы и способность надзора самого хозяина, не представляютъ никакихъ выгодъ для народнаго хозяйства. Когда имѣніе такъ обширно, что владѣлецъ не можетъ имъ управлять непосредственно, когда онъ принужденъ довѣрять эксплуатацію наемному прикащику или сдавать свои запашки въ аренду, то въ первомъ случаѣ наемная плата, а во второмъ — арендная поглощаетъ бо́льшую

часть прибылей земледѣлія, и таковыя крупныя помѣстья приносятъ менѣе дохода, чѣмъ приносили бы тѣ же самыя земли, еслибъ они были подѣлены между мелкими владѣльцами, или на мелкіе хутора и фермы.

Этому обстоятельству, преобладанію среднихъ размѣровъ фермъ и культуръ, слѣдуетъ приписать безпримѣрное процвѣтаніе сельскаго хозяйства во Франціи, гдѣ считается около $^1/_2$ милліона землевладѣльцевъ, имѣющихъ среднимъ числомъ отъ 27 до 65 десятинъ. Даже и въ Англіи, гдѣ землевладѣніе очень крупное, помѣстья всѣ разбиты на фермы среднихъ размѣровъ, около 150—200—250 десятинъ.

Обширныя эксплуатаціи приносятъ пропорціально меньше дохода, чѣмъ среднія, и чѣмъ интенсивнѣе становится система полеводства, тѣмъ необходимѣе переходить отъ большихъ запашекъ къ мелкому фермерскому и хуторскому хозяйству. Въ Россіи въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ трехпольное или плодоперемѣнное полеводство съ удобреніемъ уже введено, помѣщичьи запашки въ 200—300 десятинъ намъ кажутся нормальными, такъ какъ онѣ могутъ быть ведены самимъ хозяиномъ, безъ помощи приказчиковъ и управляющихъ. Поэтому мы думаемъ, что и помѣстное владѣніе подходитъ подъ одно и то же правило, какъ крестьянское: оно наиболѣе прибыльно для хозяина, наиболѣе полезно въ агрономическомъ и общественномъ отношеніи, когда хозяйство имѣетъ такіе размѣры, что можетъ быть ведено самимъ владѣльцемъ и на его счетъ; оно становится менѣе выгодно, если онъ, по большому объему имѣнія, принужденъ нанимать постороннихъ людей для надзора, держать контору, и расходовать часть своей ренты на управленіе; еще менѣе, если владѣлецъ, не осиливая своими средствами эксплуатацію обширнаго помѣстья, сдаетъ свои земли въ аренду или въ оброкъ, и, наконецъ, крупное землевладѣніе можетъ быть признано положительно зловреднымъ для страны и народа, когда богатые и знатные вотчинники, заоброчивая свои помѣстья оптовымъ съемщикамъ, и переоброчивая ихъ мелкимъ кортомщикамъ на короткіе сроки, проживая сами вдали отъ своихъ имѣній, и вліяя, по своему общественному положенію, заочно на хозяйственное управленіе, эксплуатируютъ такимъ

образомъ пространныя полосы въ виду временныхъ своихъ нуждъ и пользъ, для извлеченія наибольшей ренты, изъ коей ничего не возвращается для удобренія почвы и улучшенія сельскаго хозяйства. Въ такихъ случаяхъ (а случаевъ этихъ много и въ западной Европѣ и въ Россіи) едва ли можно сомнѣваться въ преимуществѣ мелкой культуры надъ крупной, крестьянскаго владѣнія надъ помѣщичьимъ. Оставляя даже въ сторонѣ всѣ прочія соображенія, нельзя не признать, что первое имѣетъ уже то преимущество, что крестьянинъ, проживая съ своимъ семействомъ и своимъ скотомъ на мѣстахъ производства, самымъ этимъ жительствомъ своимъ и присутствіемъ удобриваетъ подворную почву, расходуетъ весь свой доходъ въ томъ же околоткѣ, гдѣ пашетъ землю, и поэтому невольно и безсознательно, несмотря на грубые свои земледѣльческіе пріемы, содѣйствуетъ улучшенію почвы, сбыту продуктовъ, оживленію промысловъ, болѣе чѣмъ баринъ, проживающій свои доходы въ городахъ и столицахъ.

Окончательный нашъ выводъ слѣдующій.

Словопренія о преимуществѣ крупнаго и мелкаго землевладѣнія не имѣютъ смысла, если рѣчь идетъ только о размѣрахъ владѣній; право собственности, принадлежность земли одному или нѣсколькимъ владѣльцамъ, тутъ не причемъ. Вопросъ можетъ быть только о размѣрахъ культуръ, т.-е. пространства запашки, воздѣлываемой однимъ хозяиномъ или обществомъ домохозяевъ. И здѣсь также едва ли можно указать нормы крупной, среднейи мелкой эксплуатаціи.

Но можно признать высшимъ закономъ аграрнаго строя слѣдующее положеніе.

Средній, нормальный размѣръ одного владѣнія есть тотъ, который болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ рабочей силѣ самого собственника или его денежнымъ оборотнымъ средствамъ.

Положеніе такихъ мѣстностей, гдѣ большая часть домохозяевъ должна отыскивать свое пропитаніе внѣ своихъ хозяйствъ, также ненормально, какъ и положеніе тѣхъ странъ, гдѣ крупные владѣльцы, проживая въ чужихъ краяхъ, передаютъ свои обширныя помѣстья въ содержаніе другимъ ли-

цамъ, оптовымъ арендаторамъ или мелкимъ съемщикамъ. Въ обоихъ случаяхъ нарушается пропорція между правомъ собственности и дѣйствительнымъ владѣніемъ, земледѣліемъ.

Въ первомъ случаѣ зарождается и растетъ быстро сельскій пролетаріатъ. Во второмъ-неминуемо вводятся въ страну хищническія культуры, истощающія почву и растрачивающія народное хозяйство.

Вредъ отъ обѣихъ этихъ крайностей — одинаковый, равносильный; и поэтому странно, что жалобы и совѣтованія объ измельченіи крестьянскихъ земель, о вредѣ мелкопомѣстности и черезполосности общиннаго владѣнія, о несравненномъ преимуществѣ крупнаго землевладѣнія, вотчинной собственности, что всѣ таковыя патріотическія и гуманныя заявленія выходятъ отъ того класса людей, которые впали въ другую крайность или даже въ ту же самую, дробя свои обширныя имѣнія на мельчайшія оброчныя статьи, сдавая ихъ бѣднымъ землевладѣльцамъ въ годовое содержаніе и заводя такимъ образомъ посреди крупныхъ помѣстій мелкую культуру, передѣляемую и передаваемую ежегодно изъ однѣхъ рукъ въ другія—однимъ словомъ, систему хозяйства соединяющую всѣ невыгоды крупной собственности со всѣми неудобствами мелкаго и срочнаго землевладѣнія.

Безконечныя и безъисходныя пренія европейскихъ экономистовъ о пользѣ и вредѣ крупнаго и мелкаго владѣнія, и противорѣчащіе примѣры странъ, достигшихъ наивысшаго народнаго богатства при діаметрально противоположныхъ аграрныхъ системахъ, какъ напр. Англія и Франція—должны насъ убѣдить, что вопросъ этотъ поставленъ неправильно. Не размѣры владѣній, не измельченіе крестьянскихъ участковъ во Франціи и на Рейнѣ, не округленіе помѣщичьихъ дачъ въ Англіи и восточной Пруссіи повліяли на громадное приращеніе поземельной и валовой производительности въ новѣйшее время—противоположныя причины не могутъ имѣть тождественныхъ дѣйствій и одинаковыхъ послѣдствій.

Оптовая сумма поземельныхъ доходовъ, валовой итогъ земледѣльческой (и всякой другой) производительности возрастаютъ въ наше время съ небывалой быстротой отъ другихъ—простыхъ и естественныхъ причинъ: оттого, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы народонаселеніе достигло того момента пресы-

щенія, когда недвижимыя имущества цѣнятся выше всякаго товара, а рабочія силы всюду представляются въ избыткѣ, и эти-то именно края, гдѣ населеніе наиболѣе густо, Англія, Франція, Бельгія, прирейнскія области Германіи, отличаются наилучшей культурой, совершенно независимо отъ ихъ аграрнаго строя, отъ организаціи землевладѣнія—аристократическаго въ однѣхъ странахъ, демократическаго въ другихъ.

Но доказательства, взятыя изъ примѣровъ этихъ странъ и приписывающія богатство страны и народа тому или другому порядку владѣнія и наслѣдованія, доказательства эти ничего не доказываютъ. Что сельскіе промыслы процвѣтаютъ въ этой полосѣ, пользующейся изъ всего земного шара самымъ благодѣтельнымъ климатомъ, естественными путями сообщенія по морямъ и рѣкамъ и обильными запасами всякихъ продуктовъ растительнаго и минеральнаго царства, это несомнѣнно и неудивительно. Что при такой интенсивной культурѣ и при густотѣ населенія, цѣнность и рента земель возрастаетъ въ непрерывной прогрессіи, это также совершенно естественно. Въ Китаѣ, сколько извѣстно, при подобныхъ же условіяхъ, земледѣльческая производительность стоитъ еще выше и цѣнность земель дошла до того, что бѣдные люди, не находя себѣ мѣста на материкѣ, живутъ на рѣкахъ и озерахъ.

Но вопросъ въ томъ, какъ распредѣляются эти прибыли усовершенствованной культуры?

И на этотъ вопросъ современныя европейскія общества даютъ отвѣтъ вовсе неудовлетворительный. Средняя норма владѣнія, которую можно примѣрно считать въ 10 дес. на хозяйство (4—5 дес. на душу мужского пола), встрѣчается очень рѣдко. Крестьянство, разумѣя подъ этимъ названіемъ классъ земледѣльцевъ, проживающихъ на собственныхъ земляхъ, воздѣлывающихъ свои земли и питающихся продуктами своихъ хозяйствъ, крестьянство видимо исчезаетъ въ Европѣ. Оно раскололось на два сословія: одно владѣющее гораздо бо́льшимъ пространствомъ, чѣмъ можетъ обработать, и производящее культуру такимъ же порядкомъ, какъ помѣстные владѣльцы, батраками, поденщиками, или сдающее часть своихъ угодій, по излишеству, въ арендное содержаніе; другое малоземельное или вовсе безземельное, которое бо́льшую часть го-

да или круглый годъ промышляетъ наемной работой и службой у другихъ владѣльцевъ.

Отъ этого—расколъ и сословная рознь, которыя въ прежнія времена раздѣляли аристократическіе классы отъ простонародья, нынѣ проникаютъ все глубже въ ряды сельской демократіи, въ самое крестьянство. Крестьяне-собственники, полные хозяева въ Германіи, Франціи, въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ, все болѣе примыкаютъ въ высшимъ и среднимъ классамъ землевладѣльцевъ, и по существу имѣютъ съ ними одинаковые интересы; крестьяне-бобыли и безземельные отдѣляются отъ нихъ такъ же рѣзко, какъ нѣкогда отличались отъ графовъ и бароновъ горожане, буржуа и бюргеры; покидая безпріютное свое сельское житье, они переселяются въ чужіе края или въ города и на фабрики, гдѣ и усиливаютъ ряды буйной демагогіи, точно такъ, какъ ихъ односельцы крестьяне-собственники служатъ подкрѣпленіемъ консервативной партіи, такъ-называемой партіи порядка.

Положеніе это тѣмъ болѣе опасно, что силы обѣихъ сторонъ равны.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹) Аграрная исторія Рима замѣчательна тѣмъ, что представляетъ полную картину всѣхъ тѣхъ треволненій, черезъ которыя проходятъ въ наше время европейскія общества. Она изложена вкратцѣ, но очень отчетливо, въ новѣйшемъ сочиненіи бельгійскаго публициста Laveley, изъ коего мы заимствуемъ эти свѣдѣнія. Первоначальный надѣлъ римскихъ гражданъ былъ очень тѣсный; до пуническихъ войнъ каждому civis romanus, при занятіи новыхъ земель, отводилось изъ общественныхъ полей (ager publicus) 2 югера (juger около 595 кв. с., или ¼ десятины). Вскорѣ однако этотъ надѣлъ былъ признанъ недостаточнымъ; Нума Помпилій началъ отводить по 7 югеровъ на душу, что̀ и подтверждено было Сервіемъ Тулліемъ, съ объясненіемъ, что это дѣлается для того, чтобы плебеи отнынѣ впредь воздѣлывали бы не чужія земли, а свои собственныя и были бы отъ этого болѣе заинтересованы въ защитѣ своего отечества. Но распоряженія римскихъ царей встрѣтили немедленно сопротивленіе патриціевъ и при каждомъ новомъ завоеваніи поднимался вопросъ о полномъ надѣлѣ по 7 югеровъ и о четвертномъ по 2 югера; при покореніи Латиновъ (338 до Р. Х.) роздано было по 2 югера, послѣ пораженія Пирра по 7 югеровъ. Аграрные законы имѣли преимущественно въ виду; а) ограничить извѣстной нормой

владѣніе одного лица по предложенію Т. Гракха 500 югер. и по 250 югер. на каждаго изъ дѣтей хозяина, что составляетъ при семействѣ изъ 3 душъ 1250 югеровъ (312 д.), и b) установить неотчуждаемость участковъ, надѣленныхъ плебеямъ изъ государственныхъ земель (ager publicus). Патриціи въ особенности возставали противъ этого послѣдняго стѣсненія, и тогда же, до Рождества Христова, пустили въ ходъ ученіе о вольной продажѣ поземельныхъ имуществъ, о полномъ правѣ распоряженія собственниковъ, каковое ученіе, подъ другимъ только именемъ („мобилизаціи собственности") и перешло къ помѣстнымъ сословіямъ нашего времени; они очень вѣрно разсчитывали, что стоитъ только предоставить мелкимъ владѣльцамъ право продажи своихъ имуществъ, чтобы завладѣть ими посредствомъ разныхъ понудительныхъ и добровольныхъ сдѣлокъ, и потому, послѣ смерти Гракховъ (въ 121 и 100 г. до Р. Х.) исходатайствовали новый законъ, разрѣшающій продажу надѣловъ плебеямъ. Послѣдующія попытки реформаторовъ Сервія Румга (65 г. до Р. Х.), Флавія и самого Юлія Кесаря пріостановить распродажу плебейскихъ земель не имѣли успѣха и latifundia вскорѣ покрыли всю Италію. Въ первыя столѣтія до и по Р. Х., по описанію Плинія, Сенеки и другихъ писателей, государственныя земли были уже всѣ подѣлены между патриціями; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ager publicus былъ весь захваченъ однимъ, двумя владѣльцами; Плиній приводитъ примѣръ, что на протяженіи 6 римскихъ миль лежало всего 11 помѣстій, принадлежавшихъ 9 владѣльцамъ. Изъ этого видно, что latifundia древнихъ патриціевъ распространялись точно такимъ же порядкомъ и такими же способами, какъ вотчины и помѣстья новѣйшихъ ландлордовъ и риттергутсбезитцеровъ, что ager publicus составлялъ въ древности такое же общее достояніе, какъ въ новѣйшее время германская марка, англійская openfields, французскія communaux, что право частнаго землевладѣнія было введено собственно для того, чтобы предоставить мелкимъ собственникамъ право отчужденія своихъ имуществъ, и что этимъ правомъ воспользовались помѣстныя сословія древняго Рима, какъ и современныхъ Англіи и Германіи, для скупки мелкихъ участковъ у бѣднѣйшихъ, несостоятельныхъ обывателей; далѣе, что юридическое и экономическое ученіе о полномъ правѣ собственности, о вольной продажѣ недвижимыхъ имуществъ, о мобилизаціи землевладѣнія имѣло уже тому 2000 лѣтъ тоже самое послѣдствіе, какое проявляется нынѣ въ Западной Европѣ, а именно, что волей и неволей, давленіемъ крупной собственности на мелкую, властью привилегированныхъ сословій надъ простонародьемъ, земледѣльцы изгоняются изъ своихъ подворныхъ участковъ отчасти силой, но большею частью по сдѣлкамъ, называемымъ добровольными, но въ сущности вынужденными крайней нищетой продавцовъ.

---

[1]) Крупное, среднее и мелкое землевладѣніе. Понятія о размѣрахъ владѣнія разнообразны и различны до крайности. Нѣмецкіе экономисты (Rau) называютъ крупными помѣстьями такія, гдѣ самъ хозяинъ, занимаясь управленіемъ, общимъ надзоромъ надъ хозяйствомъ, не имѣетъ уже времени участвовать въ работахъ и производитъ ихъ рабочими наемными; средними такія, гдѣ владѣлецъ, употребляя стороннихъ рабочихъ и нѣсколько упряжей рабо-

чаго скота, самъ однако тоже работаетъ въ полѣ; наконецъ, мелкими такія, гдѣ работаютъ одни только хозяева съ своими домочадцами и съ одной пароконной упряжью.

Roscher справедливо замѣчаетъ, что такіе участки, которые недостаточны для занятія рабочихъ силъ одного семейства, не могутъ быть признаны сельскимъ имѣніемъ (Landgut) и что владѣльцы такихъ участковъ не имѣютъ характера земледѣльцевъ. Французскій экономистъ Passy называетъ мелкими владѣніями тѣ, которыя требуютъ для обработки менѣе одного плуга, средними тѣ, которыя воздѣлываются 1 или 2 плугами, крупными всѣ прочія. Впрочемъ, для обсужденія выгодности крупнаго или мелкаго владѣнія гораздо важнѣе вопросъ о культурѣ и эксплуатаціи, чѣмъ соображенія о принадлежности, собственности земель; въ Англіи эти понятія такъ смѣшались, что фермы (farms) часто принимаются за помѣстья (estates) и фермеровъ иногда называютъ хозяевами. Въ Пруссіи большая часть дворянскихъ помѣстій (Rittergüter) эксплуатируется самими помѣщиками или управляющими, и средній размѣръ помѣщичьихъ запашекъ простирается отъ 500 и до 800 десятинъ; въ Мекленбургѣ около 2700 моргеновъ, въ восточной Пруссіи 3200—3400 мр., въ Англіи средній размѣръ помѣстій несравненно больщій, но фермы имѣютъ въ средней сложности не болѣе 200—269 акровъ (60—70 дес.), поэтому Пруссія можетъ скорѣе быть признана страною крупной культуры, чѣмъ Англія. Понятно, что чѣмъ плодороднѣе почва и чѣмъ болѣе цѣнны продукты, воздѣлываемые въ данной мѣстности, тѣмъ болѣе понижается средній размѣръ владѣній: на Рейнѣ и въ южномъ Тиролѣ 2 дес. виноградниковъ считаются уже богатымъ помѣстьемъ; во Франціи съ одного гектара (0,91 дес.) виноградниковъ полагается около 2000 фран. валового дохода и 1000 фр. чистаго дохода; въ Сербіи считаютъ участокъ въ 200 кв. саж. виноградной плантаціи равнымъ 1000 кв. саж. обыкновенной пахатной почвы. Воздѣлываніе табака требуетъ особенно много рукъ; на одну десятину не менѣе 120 рабочихъ дней. Въ Испанской провинціи Валенсіи, гдѣ шелководство главный промыселъ жителей, имѣніе въ 10 дес. составляетъ уже очень крупное владѣніе. Въ Пруссіи для поземельнаго налога средняя доходность 1 десятины усадебной земли принимается въ 12 руб., пахатной 5 р. 28 к., луговой 5 р. 40 к., сѣнокосной въ 1 р. 80 к., кустарника въ 1 р. 32 к. Въ Брабантѣ и Фландріи считаютъ, что $^3/_4$ дес. льняного посѣва даютъ доходъ, достаточный для пропитанія цѣлой семьи. Отношеніе рабочей силы къ пространству имѣній измѣняется не пропорціонально размѣру запашки, но съ нѣкоторой выгодой для крупныхъ имѣній; A. Joung считаетъ, что въ Англіи требуется для фермы:

въ 30 акровъ по 1 рабочему на 15 акр. и по 1 лошади на 10 акровъ.
„ 55 „ „ — „ „ 18 „ „ „ — „ „ 11 „
„ 88 „ „ — „ „ 22 „ „ „ — „ „ 14 „

Блокъ полагаетъ, что хозяйственный инвентарь стóитъ въ большомъ имѣніи отъ 60 до 80% валового дохода, а въ мелкомъ хозяйствѣ 70—99%. Въ Саксоніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ приходится на 100 акр. (50 дес.) $3^1/_3$ лошадей, а въ дворянскихъ только $1^1/_2$. Въ Бельгіи, въ странѣ мелкопомѣстнаго владѣнія, приходится на 100 гектаровъ (91 десят.) 10 лошадей, въ Англіи 6. Lullin de Chateauvieux называетъ во Франціи имѣнія въ 56 гект. (50 д.) круп-

ными, а Mac-Culloch въ Англіи признаетъ таковыми только помѣстья въ 2—3 тысячи акровъ (500—700 дес.);—герцогъ Argyll полагаетъ, что большими фермами (high-farms) можно называть только тѣ, которыя платятъ аренды болѣе 500 L. (3500 р.). Въ Шотландіи Robertson принимаетъ за нормальный размѣръ мелкихъ фермъ, обработываемыхъ самими оброчниками, 40 акр. (15 дес.); большихъ фермъ, гдѣ арендаторъ имѣетъ только надзоръ за хозяйствомъ, 200 акровъ (75 дес.). Rau считаетъ, что для содержанія семейства (Nahrungs, Unterhaltungsfläche) нужно 3/5 или 2/3 той площади, какую онъ можетъ обработать (Arbeitsfläche). Въ Ирландіи принимаютъ наименьшій размѣръ крестьянскаго хозяйства въ 10—20 акр. (6¼—12½ д.); въ Германіи (Roppe) при наилучшей почвѣ полагается, что семейство можетъ прокормиться на 6—7 морг. (1½—1¾ десят.), на средней почвѣ нужно 24 морг.; чтобы достичь нѣкоторой зажиточности, полагается на 1 дворъ не менѣе 50 морг. (12½ д.), а при дурной почвѣ отъ 15 до 20 дес. Въ королевствѣ Саксоніи наименьшій размѣръ владѣнія, достаточный для прокормленія семьи, полагается (Rening) въ 6½ мор. (1¾ д.). Въ юго-западной Германіи полный участокъ, занимающій сполна рабочую силу 1 семейства, выходитъ въ 14—17 мор. (3½ до 4¼ дес.); около Гейдельберга на пару воловъ считаютъ запашки 28—35 моргеновъ (7—9 десят.). Герцогъ Ричмондъ, одинъ изъ богатѣйшихъ шотландскихъ лордовъ, имѣетъ въ своихъ помѣстьяхъ 300 cottagers (однодворцевъ съ усадьбой) и 439 фермеровъ, изъ коихъ 108 платятъ ему аренды по 3—5 L. (25—40 р.), 64 платятъ по 5—10 L., 82—по 20—50 L. и 51 платятъ по 100 L. (750 р.) и болѣе. Самъ владѣлецъ затрачиваетъ въ годъ болѣе 1000 L. на разныя улучшенія въ своихъ фермахъ Въ одномъ имѣніи, проданномъ герцогомъ Сутерландъ, было господской запашки 1,200 акровъ (444 дес.), и кромѣ того, 37 фермеровъ, изъ коихъ у 7 было отъ 110 до 300 акр., а у 14 мелкихъ оброчниковъ (crofters) по 200 акр. и менѣе.

---

[2]) Подъ словами крестьянскій дворъ, крестьянское владѣніе, надо вообще разумѣть не принадлежность земли лицу, приписанному къ крестьянскому сословію, но способъ владѣнія и культуры земли, т.-е. называть крестьянскими такіе участки, которые обработываются, хотя и не исключительно, но преимущественно, большую часть года, самими хозяевами. Разумѣется, что при этомъ надо допустить нѣкоторыя исключенія и измѣненія; но въ данной мѣстности или полосѣ можно всегда приблизительно опредѣлить и среднее число рабочихъ душъ, и средній размѣръ угодій, пашни и луговъ, которыя могутъ быть обработаны однимъ рабочимъ или одной семьей.

Въ тѣ времена, когда земли было вволю, опредѣленіе это такъ и дѣлалось; полный крестьянскій дворъ, Hufe, полагался въ Германіи—въ 40—60 моргеновъ (10—15 дес.), въ Англіи hilde въ 33 акра (12 дес.). Но впослѣдствіи этотъ нормальный размѣръ сдѣлался исключеніемъ, и крестьянское землевладѣніе подраздѣлялось на двѣ категоріи: одну крупную, большею частію превышающую рабочія силы крестьянской семьи, и поэтому эксплуатируемую, подобно помѣщичьимъ хозяйствамъ, посредствомъ наемныхъ батраковъ или арендованія излишнихъ земель; другую, чрезмѣрно мелкую, далеко не соотвѣтствующую ра-

бочей, семейной силѣ. Это относится какъ къ собственно крестьянскимъ дворамъ, такъ и къ подворнымъ участкамъ, на коихъ они водворены въ качествѣ арендаторовъ и фермеровъ. Мы видѣли, что въ Пруссіи тяглыя крестьянскія владѣнія (spannfähige bauerliche Besitzungen), числомъ 359,668, имѣютъ средняго размѣра 25 дес., а мелкіе (kleine ländliche Stellen), коихъ числилось (1851 г.) 556,104, только 2,2 десятины.

Первая категорія настолько же превышаетъ средній размѣръ крестьянскаго хозяйства, насколько вторая его не достигаетъ. Въ южной Германіи пропорція крупныхъ подворныхъ участковъ еще сильнѣе; изъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ считалось въ Баваріи 21% имѣвшихъ болѣе 120 морг. (30 д.) и 32% болѣе 60 морг. (15 дес.); въ плодородныхъ равнинахъ этой страны владѣніе въ 15—30 дес. выходитъ уже совершенно изъ ряда крестьянскихъ хозяйствъ, и представляетъ цѣнность отъ 6 до 12 тысячъ рублей.

Англія и Ирландія представляются какъ два образца противоположныхъ системъ земледѣлія; хотя въ обѣихъ странахъ преобладаетъ крупное землевладѣніе, но самая культура, пользованіе землей совершенно различныя: въ Ирландіи имѣнія разбиты на мелкія фермы, въ Англіи на крупныя; всѣхъ фермъ считается въ Англіи 284,374 и въ Ирландіи 905,371.

Изъ этого числа фермъ	въ Англіи.	въ Ирландіи.
менѣе . . . 5 акровъ (1,85 дес.)	18,975	317,264
отъ . . 5— 10 „	25,299	187,909
„ 10— 20 „	—	187,582
„ 10— 50 „	93,025	—
„ 50—100 „	53,274	—
„ 20—100 „	—	187,213
болѣе . . . 100 „ (37 дес.)	92,805	25,403

Англійскіе экономисты (Robertson, Mac-Culloch) считаютъ, что фермы пространствомъ до 40 акровъ (14,80 дес.) обработываются самими оброчниками, и что участки болѣе крупные содержатся фермерами-капиталистами, которые употребляютъ наемныхъ рабочихъ.

Въ Англіи такихъ большихъ фермъ, болѣе 50 акровъ, оказывается около половины—146,000, и въ Ирландіи, наоборотъ, мелкихъ фермъ, менѣе 20 акровъ, болѣе половины, около 500,000. Фермъ, и вообще культуръ средняго размѣра, т.-е. такихъ, которыя бы съ одной стороны соотвѣтствовали рабочей силѣ земледѣльческаго семейства, и съ другой,—покрывали бы его насущныя нужды, такихъ фермъ мало, какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи.

---

*) Число десятинъ земли въ западныхъ губерніяхъ:

	у крестьянъ.	у частныхъ владѣльцевъ.
Виленской	1.206,460	1.754,304
Витебской	1.077,069	2.085,490
Кіевской	1.613,814	2.201,872
Ковенской	1.150,068	1.541,799

	у крестьянъ.	у частныхъ владѣльцевъ.
Минской	1.515,679	4.798,089
Могилевской	1.441,000	2.161,479
Подольской	1.543,785	1.722,349
Волынской	1.649,628	2.882,952
итого	11.197,503 или 36,66%	19.148,334 или 63,33%

По Гродненской губерніи свѣдѣній о количествѣ владѣльческихъ земель не имѣется.

---

[5]) Мы выписываемъ эти исчисленія изъ военно-статистическаго сборника (отдѣлъ о землевладѣніи, стр. 173 и послѣдующія). Странно, невообразимо, что при существованіи центральнаго статистическаго совѣта и комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и въ 56 (если не ошибаемся) губерніяхъ статистическихъ комитетовъ, единственныя свѣдѣнія, имѣющіяся по этому важнѣйшему предмету народнаго хозяйства, собраны военнымъ вѣдомствомъ, офицерами генеральнаго штаба!!!

Не мѣшало бы имѣть это въ виду при будущемъ очередномъ съѣздѣ международнаго статистическаго комитета, и, вмѣсто профессоровъ политической экономіи и предсѣдателей статистическихъ совѣтовъ и комитетовъ, выбрать въ депутаты отъ Россіи штабъ-и оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба, которые, повидимому, только одни и изучаютъ статистику Россійской Имперіи. Смѣшно и грустно слышать высокопарныя разсужденія нашихъ ученыхъ и администраторовъ о высшихъ основаніяхъ политической экономіи, народнаго хозяйства, объ устройствѣ и улучшеніи быта сельскихъ сословій въ то время, какъ никакихъ положительныхъ данныхъ не имѣется, и не собирается ни по одной изъ отраслей народнаго хозяйства, кромѣ развѣ тѣхъ статей, которыя подлежатъ казеннымъ податнымъ окладамъ.

Трудъ редакторовъ военно-статистическаго сборника есть первый и единственный опытъ описанія поземельныхъ отношеній въ Россіи; трудъ, разумѣется, не полный, но замѣчательный по систематическому, разумному своду разнородныхъ свѣдѣній и ихъ основательной группировкѣ.

---

[6]) Мы имѣли случай прочесть по этому предмету двѣ новѣйшія записки, напечатаныя въ докладѣ коммиссіи московскаго общества сельскаго хозяйства по вопросу объ устройствахъ крестьянскихъ хуторовъ. Одна изъ этихъ записокъ составлена извѣстнымъ нашимъ агрономомъ А. Ф. Митендорфомъ, безспорно лучшимъ знатокомъ сельскаго быта остзейскихъ губерній и притомъ безпристрастнымъ его цѣнителемъ. Вотъ что онъ пишетъ:

„Считаю долгомъ заявить, что прибалтійскій край обязанъ благоденствіемъ— правда, только относительнымъ—своего сельскаго хозяйства единственно системѣ крестьянскихъ хуторовъ. Всѣ недостатки феодальства съ лихвою окупились благодѣяніями этой системы. Выяснилось:

1) Что въ прибалтійскомъ краѣ меньше 4—5 дес. поля (многопольнаго сѣвооборота) нельзя отвести семейству. Къ нимъ достаточное количество луговъ и выгона, различно, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Эти крестьяне пополняютъ свои доходы работами на сторонѣ.

2) Примѣрно 8—12 дес. поля обнимаютъ тѣ фермерскіе хутора, которые обработываются семействомъ безъ помощи работника, т.-е. семействомъ средней численности. Крестьянинъ живетъ однимъ хлѣбопашествомъ.

3) Есть фермерскіе крестьянскіе хутора, обработывающіе 30 дес. и болѣе помощью работниковъ.

4) Чувствуется большой недостатокъ хуторовъ № 1-й, необходимыхъ для созданія рабочей силы для имѣній владѣльческихъ многоземельныхъ. Созданію таковыхъ противодѣйствуетъ желаніе крупныхъ хозяйствъ вести свое дѣло въ большихъ размѣрахъ нанятыми работниками, и какой-то вкравшійся необдуманный страхъ, что образуется пролетаріатъ.

5) Условій особенныхъ нѣтъ, хотя все основано на контрактахъ. Крестьянинъ пользуется землею безъ стѣсненій. Среднею арендною платою можно считать девять рублей съ десятины поля, къ которой отпускаются въ безплатную придачу луга и выгонъ, въ достаточномъ количествѣ.

6) Лучше всѣхъ удаются хутора, на которыхъ возводятся строенія, копаются канавы, засѣваются зимніе посѣвы владѣльцами. Крестьяне вступаютъ въ готовый хуторъ и платятъ аренду со дня вступленія. Въ противномъ случаѣ дается отъ 3 до 6 льготныхъ лѣтъ.

7) Съ тѣхъ поръ какъ, лѣтъ 15 тому назадъ, крестьяне стали покупать хутора въ собственность, съ разсрочкою платы отъ 12, до 40 лѣтъ, явились такія улучшенія сельскаго хозяйства, что никакъ того предполагать нельзя было. Это былъ исполинскій шагъ впередъ, и черезъ 20 лѣтъ край нельзя будетъ узнать. Вездѣ вытаскиваютъ каменья роютъ канавы, заимствуютъ иностранные плуги, вездѣ явились у крестьянъ, вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ, машины простыхъ устройствъ, вездѣ обстраиваются. Все это двигается, несмотря на то, что ежегодно многія тысячи душъ выселяются въ сосѣднія губерніи, преимущественно въ Псковскую по причинѣ дешевизны тамъ земель (до десяти кратъ дешевле нашихъ), арендуемыхъ и покупаемыхъ нынѣ цѣлыми помѣстьями на капиталы, заработанные въ прибалтійскомъ краѣ простыми сельскими работниками.

Въ другой запискѣ исправляющаго должность губернатора Курляндіи г. Горна разсматривается вопросъ о мелкихъ хуторахъ, и вотъ какъ отзывается губернаторъ:

„Здѣсь никогда не существовало ничего сходнаго съ общинною землею въ другихъ губерніяхъ Имперіи, и на усадебныхъ хозяевахъ вовсе не лежитъ круговой поруки въ исправномъ взносѣ арендной платы. Усадьба образуетъ отдѣльную ферму, достаточно округленную пашнями, лугами, а иногда и пастбищами, надѣленную нужными строеніями и нѣкоторымъ инвентаремъ. Территоріальное пространство такой фермы составляетъ въ общей сложности отъ 25 до 50 десят. и, слѣдовательно, доставляетъ земледѣльческихъ занятій во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ сколько нужно для одного семейства. Усадебный хозяинъ (арендаторъ или собственникъ), раздѣляя съ своимъ семействомъ всѣ работы, не менѣе того однако же бываетъ обыкновенно принуж-

денъ нанимать одного или нѣсколькихъ вольныхъ работниковъ, которые нанимаются бо́льшею частію на одинъ годъ, а иногда лишь на одно лѣто. Несмотря на то, здѣсь никогда не встрѣчается, чтобы такая ферма, какъ бы велика она ни была по своему объему, подвергалась раздѣлу въ семействѣ, и это объясняется мѣстными условіями экономическаго быта, изложеніе коихъ было бы важно въ виду предполагаемаго московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства устройства мелкихъ хуторовъ на владѣльческихъ земляхъ, дабы эта мѣра не оказалась безуспѣшною вслѣдствіе назначенія слишкомъ мелкихъ поземельныхъ участковъ.

„По всѣмъ симъ соображеніямъ необходимо, при данныхъ условіяхъ развитія земледѣлія, климата и степени образованія народа, покинуть систему надѣленія крестьянскихъ семействъ лишь такими поземельными участками, которые соотвѣтствуютъ ихъ рабочей силѣ, а имѣть болѣе въ виду чисто хозяйственные интересы, которые подъ конецъ все-таки совпадаютъ съ дѣйствительными интересами народа. Хозяйственные же интересы требуютъ, чтобы крестьяне были надѣляемы поземельными участками такихъ размѣровъ, при коихъ возможны бы были дѣйствительное развитіе сельскаго хозяйства и образованіе хорошихъ хозяевъ. Причина упадка крестьянскихъ хозяйствъ, на который указываетъ московское общество сельскаго хозяйства, заключается не въ однихъ только передѣлахъ земли и въ лежащей на крестьянскихъ хозяевахъ круговой порукѣ, но, быть можетъ, преимущественно въ существованіи крестьянскаго хозяйства на слишкомъ ограниченномъ пространствѣ, какъ необходимомъ послѣдствіи права каждаго отдѣльнаго крестьянскаго семейства на самостоятельное владѣніе землею въ волостномъ округѣ. Не каждый человѣкъ, а потому и не каждый крестьянинъ рожденъ быть хорошимъ домохозяиномъ, а тѣмъ менѣе хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. Несмотря на то, въ Россіи каждый крестьянинъ необходимо долженъ вести сельское хозяйство, и притомъ на такомъ маломъ поземельномъ участкѣ, который вообще не даетъ никакой возможности образоваться сельскому хозяину, и при такихъ условіяхъ, при коихъ онъ не имѣетъ даже собственнаго интереса въ томъ, чтобы ввести у себя какія-либо улучшенія, такъ какъ даже самый плохой хозяинъ не лишается своего владѣнія.

„Дѣло не въ томъ, чтобы каждый владѣлъ землею, что̀ часто ведетъ къ образованію общаго пролетаріата, а въ томъ, чтобы каждый могъ пріобрѣтать достаточныя средства существованія.

„Если недостаточное для каждаго отдѣльно владѣніе трехъ лицъ будетъ сосредоточено въ рукахъ одного изъ нихъ, болѣе способнаго и опытнаго въ веденіи хозяйства, то послѣдній можетъ сдѣлаться зажиточнымъ хозяиномъ и платить хорошо за работу своимъ обоимъ товарищамъ. Что̀ могъ бы выиграть оттого цѣлый народъ“.

Эти два мнѣнія двухъ остъ-зейскихъ жителей представляютъ дѣло нѣсколько различно: А. Ф. Митендорфъ склоняется къ тому, что нормальная величина фермы или хутора должна соображаться съ рабочими силами семейства безъ помощи работника, и потому онъ принимаетъ низшей нормой крестьянскаго хутора въ 4—5 дес., и средней въ 8—12 дес. Г. Горнъ, напротивъ, считаетъ среднюю величину фермы въ 25—50 дес. и мотивируетъ свой разсчетъ главнымъ соображеніемъ, „что надѣлъ крестьянскихъ семействъ дол-

женъ имѣть въ виду не ихъ рабочія силы, а хозяйственные интересы“.

Мы столько же согласны съ первымъ изъ этихъ мнѣній, сколько противны второму. Къ доводамъ, нами выше приведеннымъ, мы не имѣемъ ничего болѣе добавить; но для опроверженія мнѣнія курляндскаго губернатора приводимъ собственныя его слова: „хозяйственные интересы—пишетъ г. Горнъ,—подъ конецъ все-таки совпадаютъ съ дѣйствительными интересами народа“. Подъ конецъ! но гдѣ же и когда наступаетъ этотъ конецъ? Гдѣ, въ какой счастливой странѣ свѣта произошло это конечное совпаденіе? хозяйственные интересы не удовлетворены ли вполнѣ въ Англіи, въ сѣверной Германіи, но совпали ли они съ интересами народа? Если это совпаденіе послѣдовало, то отчего же волнуются и негодуютъ эти народы? отчего въ этихъ странахъ агитируются соціальные и аграрные вопросы? и отчего изъ Англіи, Мекленбурга и также изъ остзейскаго края, гдѣ хозяйственные интересы обезпечены, гдѣ крестьянскія фермы и хутора округлены, гдѣ подворные участки наслѣдственны, переселяются люди въ Америку, или даже въ такую отсталую и дикую страну, какъ Россія, гдѣ хозяйственные интересы не ограждены, надѣлы подушные, и мірскіе передѣлы съ круговой порукой задерживаютъ всякую культуру? Отчего? Оттого, что при системѣ хозяйственнаго надѣла по 25—50 дес. на семейство и нераздѣльности подворныхъ участковъ, народъ, т.-е. большинство населенія остается безъ земли, и таковое безземельное свое положеніе, вопреки ученію нѣмецкихъ экономистовъ и старанію дворянъ германской расы, не признаетъ дѣйствительнымъ своимъ интересомъ.

---

¹) Чтобы наши предположенія о нормальномъ надѣлѣ не показались произвольными и гадательными, мы приводимъ отзывы компетентныхъ судей, мѣстныхъ жителей остзейскихъ губерній и Литвы, и перновскаго эстонскаго крестьянскаго сельско-хозяйственнаго общества, поданные въ коммиссію для изслѣдованія сельскаго хозяйства и напечатанные въ трудахъ этой коммиссіи, также начальника Курляндской губерніи. Мы признаемъ ихъ судьями въ этомъ дѣлѣ, потому что они живутъ въ томъ краѣ, гдѣ участковое владѣніе наиболѣе развито.

Въ остзейскомъ краѣ, по положенію 26 февраля 1870 г., предполагалось надѣлить безземельныхъ крестьянъ казенныхъ имѣній или полными участками—въ 12—20 десят., или мелкими—въ 5 десят. Послѣдніе подлежали отводу только тамъ, гдѣ крестьяне имѣли побочный доходъ отъ рыбныхъ ловель и отъ заработковъ на фабрикахъ и въ городахъ, и могъ быть, по усмотрѣнію начальства и по желанію крестьянъ, увеличенъ до 8 десят. и уменьшенъ до 3. Но мѣстная администрація, состоящая изъ нѣмцевъ и дѣйствующая въ духѣ германской культуры, усмотрѣла изъ этого только возможность уменьшить надѣлъ до 3 десят. и большую часть крестьянъ посадила на таковые бобыльскіе участки въ 3 дес. и даже менѣе.

„Вліяніе этого,—пишетъ курляндскій губернаторъ,—обнаруживается въ Альшвангенской волости, гдѣ число мелкихъ хозяйствъ размножилось выше мѣры и взиманіе оброчныхъ платежей дѣлается годъ отъ году затруднительнымъ“.

Почти то же самое заявляется изъ Виленской губерніи.

„Положеніе крестьянъ,—доноситъ одинъ землевладѣлецъ,—надѣленныхъ 3-десятинными участками, не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія правительство хотѣло обезпечить за надѣленными. Они на своихъ участкахъ содержатъ 1 корову и нѣсколькихъ овецъ, и, по неимѣнію средствъ для содержанія лошади, нанимаютъ конную рабочую силу у крестьянъ-хозяевъ изъ-за пѣшихъ дней, отработываемыхъ лѣтомъ". На эти работы, по разсчету землевладѣльца Виленской губ., выходитъ до 70—85 лѣтнихъ дней, и малоземельные крестьяне такимъ образомъ постепенно превращаются въ батраковъ своихъ односельцевъ полныхъ хозяевъ.

Относительно среднихъ надѣловъ въ 12—15—20 дес. всѣ отзывы единогласно подтверждаютъ, что они достаточны для безбѣднаго существованія крестьянской семьи, и мы въ особенности ссылаемся на мнѣніе А. Ф. Митендорфа, приведенное въ предъидущемъ примѣчаніи, гдѣ именно указывается на главный характеръ такихъ хозяйствъ, что „они обработываются семействомъ средней численности безъ помощи работниковъ, и что крестьяне занимаются однимъ хлѣбопашествомъ".

Другой вопросъ — полезно ли увеличивать размѣры крестьянскихъ надѣловъ сверхъ этой нормальной пропорціи 15—20 десят.?

Извѣстно, что во всѣхъ германскихъ земляхъ постоянною заботою правительства и дворянства было созданіе самостоятельнаго крестьянскаго сословія (kräftiger Bauernstand) и что въ Пруссіи, какъ мы видѣли, средній надѣлъ полныхъ хозяевъ выходитъ очень крупный — 110 морг. (около 40 десят.). То же самое происходитъ и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ: подъ благовиднымъ предлогомъ обезпечить крестьянъ полнымъ хозяйствомъ, стараются увеличить надѣлы однихъ выше указанной мѣры и уменьшить другіе до 3 десятинъ, чтобы такимъ образомъ разбить крестьянское сословіе на два разряда. Но противъ этого протестуютъ сами крестьяне: крестьянское сельско-хозяйственное общество (изъ г. Пернова, Лифляндской губ.) описываетъ подробно и наглядно эту процедуру надѣленія крестьянскихъ участковъ; они полагаются въ 10 талер. (30—40 десятинъ), арендная плата въ 100 руб., продажная цѣна въ 2,500 руб. Размѣры такихъ участковъ и сумма, требуемая для покупки, очевидно превышаютъ и нужды и средства большей части крестьянъ средняго состоянія.

Другіе мѣстные жители Лифляндской губ. тоже заявляютъ, что крестьяне— „жалуются на законъ, которымъ самый меньшій размѣръ крестьянскаго хозяйства опредѣленъ въ 10 тал. (около 30 дес.); много крестьянъ желаютъ купить участки меньшаго размѣра; но такіе изъ землевладѣльческихъ полей рѣдко продаются. Крестьяне черезъ это бываютъ вынуждены или переселяться во внутреннія губерніи, или проживать у крестьянъ-хозяевъ на постоѣ, нерѣдко въ зависимости и въ стѣсненномъ положеніи".

„Женатыхъ рабочихъ помѣщичьи хозяйства почти нигдѣ не нанимаютъ. Крестьянскія хозяйства въ 5 талеровъ (15—20 дес.) прочны, рабочіе участки въ 5—10 десят. вблизи помѣщичьихъ имѣній и крестьянскихъ дворовъ имѣли бы доходъ въ заработкахъ. Участковъ менѣе 5 десятинъ не слѣдовало бы допускать".

ГЛАВА XIV.

КОЛОНИЗАЦІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Колоніи европейскихъ государствъ.

Разныя системы колонизаціи и вліяніе ихъ на народный бытъ.—Устройство новыхъ поселеній должно служить дополненіемъ ко всякому поземельному положенію; оно должно имѣть въ виду разселеніе на новыхъ мѣстахъ наростающаго населенія.—Разный характеръ колоній англо-саксонскихъ и другихъ народовъ.—Французскія и испанскія колоніи; причина ихъ неудачъ и разстройства.—Англійскія колоніи: ошибочная колоніальная политика Англіи въ прежнія времена и новѣйшія реформы.—Канада; переходы эмигрантовъ изъ Канады въ Соединенные Штаты.—Австралія: поселеніе ссыльныхъ (convicts), введеніе срочно-обязанныхъ рабочихъ, продажа казенныхъ земель; система колонизаціи Вакфильда.—Колонизація въ Соединенныхъ Штатахъ: присужденіе и продажа общественныхъ земель (public-lands); размежеваніе земель на участки; отводъ земель школамъ и учебнымъ заведеніямъ; громадные размѣры этой операціи.—Управленіе государственными имуществами въ Америкѣ.—Концессіи земель для осушенія болотъ.—Сравненіе американской колоніальной системы съ англійской; недостатки этой системы.—Общій взглядъ на колоніальную политику европейскихъ государствъ.—Колоніи плантаторскія и колоніи земледѣльческія.—Старанія англійскаго правительства усилить рабочій классъ въ своихъ колоніяхъ.—Рабочія книжки (livrets) во французскихъ колоніяхъ.—Даровой надѣлъ и концессіи или пожалованія имѣли вездѣ вредное вліяніе на колонизацію. Продажныя цѣны колоніальныхъ земель; продажа съ торговъ или по установленной цѣнѣ (prix-fixe); выгоды и неудобства той и другой системы.—Порядокъ управленія колоніями и главныя черты колоніальной политики англо-саксонскихъ государствъ, Англіи и сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Мы начали это сочиненіе съ главы объ эмиграціи и кончаемъ его главой о колонизаціи.

Эти два явленія, какъ намъ кажется, означаютъ два противоположные момента народнаго быта, два періода: одинъ—населенія и водворенія, другой—пресыщенія и переселенія;

но въ исторіи древнихъ и средневѣковыхъ обществъ они не имѣли того значенія, какое представляется нынѣ, потому что, при необъятной площади имѣвшихся въ запасѣ свободныхъ территорій и при рѣдкости населенія, колонизаціонное движеніе направлялось, кáкъ и куда хотѣло, по всему земному шару. Колоніи въ древнемъ мірѣ были не что иное, какъ забранные края, завоеванныя провинціи, гдѣ побѣдители присвоивали себѣ земли и имущества туземцевъ и основывали поселенія изъ выходцевъ, ставя ихъ въ непосредственную зависимость отъ метрополіи [2]).

Мы не въ этомъ отношеніи и не съ этой точки зрѣнія разсматриваемъ колоніи. Несмотря на всѣ глубокомысленныя сужденія о колоніальной политикѣ, несмотря на потоки крови и чернилъ, пролитые для завоеванія новыхъ территорій и заключенія трактатовъ объ ихъ удержаніи—польза колоній для коренной земли, для метрополіи, остается вопросомъ спорнымъ и темнымъ.

Если, съ одной стороны, мы видимъ въ исторіи, что потеря колоній иногда совпадала съ паденіемъ государствъ, напр., Италіи, Голландскихъ Штатовъ, то съ другой—разрывъ Англіи съ могущественнѣйшей своей американской колоніей указываетъ намъ противное, что богатство страны и благосостояніе народа много выигрываютъ отъ свободныхъ и равноправныхъ отношеній, и что старая Англія никогда не была болѣе сильна и богата, какъ въ полустолѣтіе, послѣдовавшее за освобожденіемъ новой Англіи.

Въ современномъ мірѣ, при пресыщеніи всѣхъ европейскихъ и бóльшей части азіатскихъ государствъ населеніемъ, намъ кажется, что колонизація принимаетъ другой характеръ, чѣмъ тотъ, который доселѣ ей придавался. Пріобрѣтеніе новыхъ областей само по себѣ причиняетъ государству положительный вредъ, если онѣ не служатъ для правильнаго разселенія и хозяйственной эксплуатаціи. Алжиръ и Кавказъ составляютъ для Франціи и Россіи статью безвозвратнаго и непроизводительнаго расхода въ нѣсколько десятковъ милліонóвъ.

Но, кромѣ того, также сомнительно, чтобы и новыя поселенія или раздачи земель, или промышленныя и торговыя предпріятія послужили бы въ пользу государству, если они

производятся безъ плана и системы, какъ они производились доселѣ въ бо́льшей части колоній европейскихъ государствъ.

Способы поселенія и занятія территоріи были обыкновенно, въ странахъ малонаселенныхъ, совершенно произвольные и случайные; являлись компаніи, товарищества промышленниковъ, откупали земли у казны за безцѣнокъ, пріискивали на нихъ съемщиковъ, перепродавали ихъ съ барышами, и, такимъ образомъ, съ перваго же дня водворяли въ странѣ хищническую культуру, отъ которой сельское хозяйство никогда болѣе оправиться не могло.

Еще болѣе вредно дѣйствовала на колоніальныя земли система пожалованій и концессій; чтобы избѣгнуть прямыхъ расходовъ изъ государственной казны, правительство въ разныя времена прибѣгало для награжденія своихъ служителей къ этому способу: вмѣсто денежныхъ окладовъ, жаловало имъ земли и имѣнія въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ недвижимыя имущества были малоцѣнны, съ предоставленіемъ имъ широкихъ льготъ и разныхъ правъ для заселенія пустыхъ земель; но такъ какъ эти дары обыкновенно доставались людямъ заслуженнымъ, престарѣлымъ воинамъ, маститымъ сановникамъ, отставнымъ царедворцамъ и царскимъ любимцамъ, то-есть все такимъ личностямъ, которыя, проведя свой вѣкъ на поляхъ брани и службы, не имѣли никакихъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ, то понятно, что они не могли заняться эксплуатаціей своихъ помѣстій и принуждены были передавать ихъ въ другія руки, обыкновенно оптовымъ съемщикамъ, которые заоброчивали земли мелкимъ съемщикамъ или приказчикамъ и повѣреннымъ, которые управляли этими вотчинами безотчетно. Остальныя земли, нерозданныя частнымъ лицамъ, управлялись казной, коронными чиновниками, то-есть опять людьми, вовсе неподготовленными къ хозяйственному управленію, чуждыми мѣстному заселенію и незаинтересованными въ охраненіи народнаго хозяйства отъ хищничества временныхъ владѣльцевъ, отъ безсмысленныхъ и противуестественныхъ культуръ, изнуряющихъ почву и разоряющихъ хлѣбопашцевъ.

Изъ этихъ двухъ системъ эксплуатаціи трудно сказать, которая худшая: у насъ въ Россіи казенное управленіе уже издавна заслужило дурную славу; государственныя имуще-

ства, до вступленія въ управленіе гр. Киселева, слыли вертепами безсовѣстнаго лихоимства; но когда это мнѣніе о вредѣ непосредственной казенной эксплуатаціи утвердилось и проникло до правительства, то оно прибѣгло къ другой системѣ—всемилостивѣйшихъ пожалованій, которая едва ли, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, лучше первой.

Послѣдствія ея, какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, были плачевныя.

Въ политическомъ и соціальномъ отношеніи вопросъ о владѣніи, о правѣ собственности не имѣетъ никакого значенія и обусловливается не состояніемъ и положеніемъ землевладѣльца, а свойствами, нравами, народностью и религіей земледѣльцевъ.

Бо̀льшая часть имѣній, пожалованныхъ Екатериной II Потемкинымъ, Нарышкинымъ, Зубовымъ, въ западномъ краѣ, въ продолженіи цѣлаго столѣтія управлялись и арендовались поляками и евреями; громадныя вотчины, какъ Бѣлая-церковь и многія другія, перешли по наслѣдству къ польскимъ фамиліямъ и служили главнѣйшимъ рессурсомъ польской эмиграціи; имѣнія Зубовыхъ въ Литвѣ, гдѣ польская шляхта свила себѣ самыя уютныя гнѣзда, были главнымъ поприщемъ дѣйствій шаекъ Сѣраковскаго и другихъ въ 1863 г. Изъ имѣній русскихъ помѣстій, управляемыхъ поляками, вывезено было много милліоновъ русскихъ рублей на вооруженіе повстанцевъ въ 1862—63 годахъ.

Новѣйшія мѣры къ обрусенію западнаго края имѣли такое же ошибочное направленіе, предполагая, что водвореніе русскаго помѣстнаго сословія можетъ измѣнить духъ мѣстнаго населенія. Управляющими, экономами, оффиціантами и арендаторами остались все тѣ же шляхтичи и евреи, и русскіе генералы и помѣщики внесли въ этотъ край только развѣ свои имена и гербы. Однимъ словомъ, землевладѣніе, принадлежность имуществъ не имѣетъ, по нашему разумѣнію, никакого вліянія на развитіе народныхъ чувствъ и связей; оно дѣйствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи даже въ противномъ смыслѣ, ибо помѣстное сословіе, во всякомъ случаѣ самымъ фактомъ своего владѣнія, болѣе или менѣе стѣсняетъ крестьянскія владѣнія и навлекаетъ на себя неизбѣжныя столкновенія съ смежными сельскими жителями, такъ что

русскіе помѣщики, водворяясь въ западномъ краѣ, принимали на себя и нѣкоторую часть той старинной вражды, которую хлопцы питали къ панамъ.

Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи раздача обширныхъ помѣстій не на службу, какъ верстались они въ до-Петровской Руси, а за службу, то-есть въ видѣ награды или пенсіи, уже потому вредна, что переноситъ въ сельскій бытъ людей вовсе неподготовленныхъ къ дѣлу, и, напротивъ, привыкшихъ въ школѣ военной дисциплины и канцелярскаго дѣлопроизводства къ такой точности и къ такимъ строгимъ порядкамъ, какіе въ простонародный бытъ ввести очень трудно. Встрѣчая, такимъ образомъ, съ перваго же шага цѣлый рядъ неудачъ, они очень скоро разочаровываются въ возможности правильнаго веденія хозяйства, бросаютъ свои жалованныя имѣнія и передаютъ ихъ оптовымъ арендаторамъ на произволъ судьбы. Раздача обширныхъ помѣстій генераламъ въ Самарской губ., на Кубани и въ землѣ Войска Донскаго имѣла по сіе время только одно очень рѣзкое и едва ли благопріятное дѣйствіе: она расплодила, въ размѣрахъ, небывалыхъ въ Россіи и не встрѣчающихся въ другихъ полосахъ Имперіи, классъ промышленниковъ, арендующихъ оптомъ обширныя господскія дачи, въ чисто-спекулятивномъ, торговомъ духѣ, какъ оброчныя статьи, изъ коихъ извлекаютъ возможно бóльшую доходность при наименьшихъ затратахъ.

Колонизація, какъ мы ее разумѣемъ, должна имѣть въ виду не усиленіе помѣстнаго элемента и крупнаго землевладѣнія, а заселеніе пустыхъ земель хлѣбопашцами, осѣдлыми домохозяевами, живущими на мѣстѣ и воздѣлывающими собственныя земли за свой счетъ.

Мы вспоминаемъ, что когда, въ пылу преній о крестьянской реформѣ, нѣкоторые изъ общественныхъ дѣятелей того времени выражали намѣреніе, посредствомъ земельнаго надѣла крестьянъ, предупредить возникновеніе въ Россіи сельскаго пролетаріата, то люди мнительные возражали имъ, что зло это неизбѣжно, и что попытки эти останутся безсильными противъ общаго хода человѣческихъ обществъ, вездѣ состоящихъ изъ людей слабыхъ и сильныхъ, рабочихъ и дрях-

лыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Люди мнительные были отчасти правы, ибо очевидно, что распредѣленіе имуществъ не можетъ быть установлено на вѣчныя времена, и что надѣлъ, отведенный крестьянамъ въ 1861 г., долженъ былъ вскорѣ оказаться въ однѣхъ мѣстностяхъ излишнимъ, въ другихъ недостаточнымъ. Въ настоящее время эти зловѣщія предсказанія начинаютъ сбываться, и мы видѣли въ предъидущихъ главахъ этого сочиненія, что число безземельныхъ крестьянъ быстро возрастаетъ; противники земельнаго надѣла указываютъ на это явленіе съ нѣкоторымъ злорадствомъ, посмѣиваясь надъ легковѣрными реформаторами, которые возмечтали отклонить отъ русской земли бурю, повѣявшую на западныя общества.

Но тѣ общественные дѣятели, которые провели освобожденіе крестьянъ съ землей, съ своей стороны могутъ оправдать себя отъ этихъ нареканій: они предвидѣли, точно такъ, какъ и ихъ противники, неизбѣжное зарожденіе пролетаріата, не считали своего дѣла вѣковѣчнымъ, и, чтобы регулировать дальнѣйшее разверстаніе угодій и разселеніе жителей, предначертали, что по истеченіи 9-лѣтъ будетъ даровано крестьянамъ другое право, столь же существенное, какъ и владѣніе землей — право вольнаго перехода. Право это они не регламентировали, потому что 9-лѣтній опытъ долженъ былъ указать, какъ его устроить, но принципъ былъ проведенъ въ положеніи о крестьянахъ утвердительно. Но когда наступилъ девятый годъ, положеніе дѣлъ измѣнилось; другіе дѣятели и другія направленія возымѣли верхъ. Вольный переходъ казался многимъ очень просвѣщеннымъ людямъ предвѣстникомъ новой Пугачевщины; онъ въ особенности угрожалъ остзейскимъ баронамъ выселеніемъ ихъ батраковъ, эстовъ и латышей, тяга коихъ въ великороссійскія губерніи усиливалась съ каждымъ годомъ; люди, заправлявшіе судьбами русскаго народа, опасались, чтобы съ наступленіемъ 20 февраля 1870 г., въ первый день десятаго года, русскіе крестьяне не поднялись всѣ разомъ съ родныхъ своихъ пепелищъ, грабя и зажигая помѣщичьи усадьбы. Это было повтореніе, слово-въслово, тѣхъ опасеній и страховъ, которые заявлялись и въ 1861 г. тѣми же людьми, изучившими бытъ и мнѣнія русскаго народа въ канцеляріяхъ и казармахъ.

Вольный переходъ по этимъ соображеніямъ былъ отсроченъ, и такъ какъ этотъ роковой 9-ый годъ, по волѣ Божіей, совпалъ съ неурожайными годами во всей сѣверной полосѣ Россіи, то и пролетаріатъ въ крестьянскомъ быту нѣкоторыхъ губерній немедленно проявился въ эти годы.

Это скорбное явленіе можетъ быть поэтому приписано не положенію 19 февраля, а, напротивъ, тому обстоятельству, что мѣры, предначертанныя въ этомъ законодательномъ актѣ, не могли быть приведены въ дѣйствіе по причинамъ, независящимъ отъ составителей положенія.

Поэтому можно несомнѣнно признать, что поземельное положеніе, введенное въ Россіи въ 1861 г., хотя и составляетъ лучшую страницу въ исторіи современныхъ гражданствъ, остается все-таки полу-мѣрой, покуда оно не продолжено, не дополнено широкой системой колонизаціи, вольнаго перехода и переселеній; только совокупностью этихъ двухъ мѣръ, изъ коихъ первая относится къ настоящему народному быту, вторая къ будущему, можетъ быть предупреждено излишнее скопленіе населенія въ однихъ мѣстахъ, малоземелье и тѣснота—въ другихъ, и достигнуто, насколько вообще достижимо совершенство въ человѣческихъ учрежденіяхъ, равномѣрное распредѣленіе поземельной собственности.

Съ этой точки зрѣнія мы разсмотримъ въ этой главѣ вопросъ о колонизаціи.

Замѣчательно, что русское правительство издавна, со временъ Екатерины II, было крайне озабочено населеніемъ областей приволжскихъ и новороссійскихъ, вновь присоединенныхъ къ Имперіи, и съ этой цѣлью постоянно вызывало инородцевъ, нѣмцевъ и славянъ, между тѣмъ какъ своимъ подданнымъ оно возбраняло переселенія, или допускало ихъ только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ и при стѣснительныхъ условіяхъ, приходило даже всякій разъ въ волненіе, когда изъ какой-либо мѣстности открывалось сильное передвиженіе въ другую, и преслѣдовало полиціей и военными командами эту естественную тягу людей къ мѣстамъ привольнымъ и просторнымъ. Мы знаемъ, что это отчасти объя-

сняется существовавшимъ у насъ крѣпостнымъ правомъ и существующею досель податною и паспортною системами, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не пожалѣть о такой пагубной политикѣ, выписывавшей поселянъ изъ другихъ странъ, съ дарованіемъ имъ разныхъ льготъ и преимуществъ, и въ то же время удерживавшей коренное населеніе въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, или по безплодью почвы, или по малоземелью, сельское хозяйство все болѣе и болѣе стѣснялось и исправное отбываніе повинностей становилось невозможнымъ.

Мы полагаемъ, что земля составляетъ неотъемлемое достояніе того народа, который ее пріобрѣлъ, присоединилъ къ государственному своему строю цѣною крови пролитой или труда и денегъ, затраченныхъ на занятіе и устройство территорій, и что колонизація должна имѣть въ виду — разселеніе на таковыхъ новыхъ мѣстахъ избытка жителей изъ коренныхъ областей государства.

Такъ разумѣемъ мы правильную колоніальную систему: не пожалованье отдѣльнымъ личностямъ обширныхъ пространствъ, превышающихъ рабочія и денежныя средства, требуемыя для эксплуатаціи; не концессіи промышленникамъ, которые обращаютъ поземельныя имущества въ спекулятивный способъ наживы; не населеніе пустыхъ земель выходцами изъ другихъ странъ, а отводъ ихъ въ полную собственность обывателямъ, поселяющимся на нихъ для собственной хозяйственной обработки полевыхъ и лѣсныхъ угодій. И какъ бы эти поселяне ни были грубы и невѣжественны, какъ бы ни была первобытна ихъ культура, все-таки отъ нихъ будетъ болѣе пользы, чѣмъ отъ крупныхъ собственниковъ и концессіонеровъ, уже потому, что они на землѣ имѣютъ жительство и возвращаютъ ей производительные соки, извлекаемые изъ нея же, для прокормленія рабочихъ, семействъ ихъ и скота.

Мы подраздѣляемъ эту главу „О колонизаціи“ на два отдѣла; въ первомъ мы представимъ очеркъ колоніальной политики и системъ, принятыхъ въ другихъ государствахъ, и прослѣдимъ ихъ успѣшные или неудачные опыты, ихъ выгоды и неудобства, преимущественно въ хозяйственномъ отноше-

ніи; во второмъ отдѣлѣ постараемся изслѣдовать, какая система колонизаціи можетъ быть примѣнена къ русской землѣ, и какое направленіе, руководство можетъ и должно быть ей дано.

Извѣстно, что опытовъ колонизаціи было очень много, но что изъ нихъ прочныхъ и вполнѣ успѣшныхъ оказалось очень мало. Большая часть испанскихъ и французскихъ колоніальныхъ предпріятій окончилась полнѣйшей неудачей, и всѣ они являютъ намъ печальный примѣръ хищнической эксплуатаціи, разорившей туземцевъ и принесшей мало пользы и самой метрополіи. Напротивъ, колоніи англо-саксонской расы бо́льшею частію процвѣтаютъ, и нѣкоторыя изъ нихъ разрослись до могущественныхъ державъ, обогатившихъ и продолжающихъ обогащать свою прародительницу—старую Англію. Изъ этого обыкновенно заключаютъ о какой-то естественной, прирожденной способности англичанъ къ колонизаціи, и, отыскивая причины такого племеннаго ихъ преимущества, многіе экономисты полагаютъ, что оно можетъ быть приписано свободѣ и самостоятельности англійскихъ учрежденій, воспитывающихъ людей энергическихъ и находчивыхъ. Это воззрѣніе отчасти вѣрно; но при этомъ надо сдѣлать оговорку, что до конца прошлаго столѣтія, или даже до начала настоящаго, англійскія колоніи находились въ положеніи очень смутномъ и разстроенномъ, слѣдовали такимъ же превратнымъ системамъ, какъ и всѣ прочія, и что только въ новѣйшее время, съ перемѣной колоніальной политики, измѣнились къ лучшему ихъ состояніе и отношеніе колоній къ метрополіи. Разница между англійскими и другими колоніями состоитъ только въ томъ, что въ первыхъ система управленія и населенія была своевременно исправлена по указаніямъ опыта и по соображеніямъ дѣйствительныхъ народныхъ пользъ и нуждъ, между тѣмъ какъ Франція, Испанія, Голландія, придерживаясь прежней политикѣ концессій и покровительства крупнымъ собственникамъ, продолжаютъ угнетать переселенцевъ централизаціей администраціи и землевладѣнія.

Поэтому мы думаемъ, что успѣхъ колонизацій зависитъ не столько отъ способностей самихъ переселенцевъ, сколько отъ дѣйствій и мѣръ, принимаемыхъ

мѣстными властями и центральнымъ правительствомъ при водвореніи и размѣщеніи новыхъ жителей; эти-то порядки мы и должны внимательно прослѣдить, чтобы уразумѣть правильную систему колонизаціи и отличить ее отъ безплодныхъ опытовъ, произведенныхъ въ разныхъ странахъ свѣта и производимыхъ понынѣ въ Алжирѣ, въ южной Америкѣ и у насъ, на Кавказѣ [3]).

Какъ выше сказано, Испанія, Франція, Голландія придерживаются до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, одной системы, Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты другой, и, прослѣдивъ ту и другую, мы получимъ полную картину колонизаціоннаго движенія нашего времени и сравнительныхъ ихъ достоинствъ и недостатковъ.

Мы начнемъ съ первой.

Франція, какъ извѣстно, обладала обширнѣйшими территоріями въ Африкѣ, Америкѣ и Азіи въ XVIII столѣтіи, затѣмъ лишилась ихъ во времена революціонныхъ войнъ, но по заключеніи мира 1815 г. была отчасти возстановлена въ нѣкоторыхъ своихъ владѣніяхъ, а въ 1830 г. пріобрѣла новую, обширную колонію, Алжиръ, гдѣ могла примѣнить къ дѣлу опыты свои и другихъ народовъ и указанія науки.

Но замѣчательно, что съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ французская администрація слѣдовала неуклонно одной и той же колоніальной политикѣ, главныя черты коей были слѣдующія: обширныя территоріи передавались отъ казны или монополистамъ-концессіонерамъ, или торговымъ компаніямъ; тѣмъ и другимъ дѣлались обыкновенно авансы изъ казначейства для покрытія расходовъ на обзаведеніе; далѣе, дарились имъ разныя льготы и привилегіи, право безпошлиннаго вывоза матеріаловъ для судостроенія, право храненія въ складахъ компаніи всякаго транзитнаго товара, особыя преміи для товаровъ, нагруженныхъ и доставляемыхъ изъ Франціи, преміи, доходившія до 50 и 75 фр. съ тонны; наконецъ, имъ также уступались, часто даромъ, большія площади пустыхъ земель (terres vagues). Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе колоніальными землями было всегда централизовано и неразрывно связано съ метрополіей. Губернаторы (intendants)

назначались изъ Версаля и обыкновенно по личному выбору самого короля, такъ какъ должности эти были предметомъ особыхъ искательствъ королевскихъ фаворитовъ и любовницъ. Съ ними вмѣстѣ переносились въ колоніи и всѣ традиціи феодальнаго права; концессіонеры владѣли своими помѣстьями на господскихъ правахъ (à titre de seigneuries) и водворяли на нихъ поселянъ, на правахъ обязанныхъ крестьянъ (en roture), облагая ихъ всякими поборами по своему усмотрѣнію. Печальныя послѣдствія этой политики обнаружились издавна. Уже въ 1769 г. французскій писатель Мореле насчитывалъ 55 большихъ колоніальныхъ компаній, которыя обанкрутились въ теченіи полутора столѣтія; но до самой революціи система крупныхъ концессій продолжалась безпрерывно, и послѣдней изъ нихъ была знаменитая компанія Лау подъ фирмою „Миссиссипи", разорившая половину Франціи. Дѣйствіе этой системы было такое, что въ началѣ XVII столѣтія, послѣ семилѣтняго владѣнія Франціи, въ Канаду переселилось только 40 новосельцевъ, между тѣмъ какъ въ смежную англійскую колонію Мериландъ, въ 20 лѣтъ послѣ ея основанія, переселилось 12.000 европейцевъ. Предостереженія заявлялись со всѣхъ сторонъ противъ вредныхъ ея послѣдствій: въ концѣ прошлаго вѣка французскій писатель Малуэ (Malouet), описывая жалкое положеніе французской Гвіаны, прямо указывалъ на разорительное дѣйствіе даровыхъ концессій, и, вмѣсто пожалованій обширныхъ имѣній крупнымъ собственникамъ, просилъ о введеніи продажи земель по мелкимъ участкамъ. Но такія мнѣнія уже и въ то время обзывались демагогическими, и правительство наперекоръ имъ продолжало свои опыты концессій; между прочимъ, графъ Шуазель, получивъ разрѣшеніе на основаніе новой колоніи въ Гвіанѣ, раздѣлилъ цѣлую провинцію Куру на два майоратныя имѣнія между двумя вѣтвями своей фамиліи, и перевезъ 15,000 нищихъ разночинцевъ въ свои владѣнія, не устроивъ и не развѣдавъ ничего въ населяемой странѣ; изъ 15 тысячъ новосельцевъ умерло 12 тысячъ, и опытъ этотъ стоилъ графу и казнѣ 30 мил. франковъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что всѣ опыты Франціи для колонизаціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. для заселенія пустыхъ территорій, окончились полнѣйшею неуда-

чей. Но французскія колоніи съ плантаторскимъ характеромъ, т.-е. съ обширными культурами сахара, табака, кофе, индиго и съ работою невольниковъ, имѣли сравнительно лучшій успѣхъ, и въ концѣ XVIII столѣтія на Антильскихъ островахъ, въ Мартиникѣ, Санъ-Доминго, процвѣтали многія промышленныя заведенія съ громадными оборотами. Только характеръ ихъ былъ исключительно фабричный; плантаціи воздѣлывались неграми, управлялись приказчиками и принадлежали владѣльцамъ, проживавшимъ вдали, во Франціи. Не пользуясь никакой самобытностью, онѣ сами собой пали, какъ только революціонныя войны прервали ихъ сношенія съ метрополіей.

Послѣдніе министры Людовика XVI, Тюрго и Неккеръ, старались еще спасти колоніи введеніемъ мѣстнаго самоуправленія, открыли-было колоніальныя собранія депутатовъ и хотѣли ввести нѣкоторую самостоятельность въ управленіе, но уже было поздно; революціонная буря скоро смела не только эти собранія, но и самыя колоніи, и, въ концѣ XVIII вѣка, Франція, утративъ часть своихъ американскихъ владѣній, Канаду, увидѣла полную несостоятельность всѣхъ прочихъ своихъ территорій.

По умиротвореніи Европы въ 1815 г., часть колоній, завоеванныхъ Англіей, была возвращена Франціи; въ Гвіанѣ, Сенегамбіи, Индіи раздавались по прежнему даровыя концессіи, и по прежнему вся власть сосредоточивалась въ мѣстныхъ комиссарахъ (commissaires, commandants), назначаемыхъ изъ Парижа. Черезъ 40 лѣтъ послѣ несчастной попытки графа Шуазеля (о коей мы выше упомянули), правительство реставраціи опять вздумало основать другую колонію въ той же Гвіанѣ такимъ же способомъ, отводомъ земель одному подрядчику и перевозкой переселенцевъ на казенный счетъ. Разумѣется, эта попытка опять окончилась разореніемъ и концессіонеровъ, и эмигрантовъ.

Около того же времени, въ началѣ XIX столѣтія, и такимъ же административнымъ порядкомъ основаны были и другія колоніи въ Австраліи, на берегахъ рѣки Лебедь, въ Мексикѣ, въ Гватемалѣ (бельгійцами), въ Чили и Перу (нѣмцами).

Но самый полный и назидательный примѣръ неудачной колонизаціи—это Алжиръ. Впрочемъ, здѣсь надо прежде всего

замѣтить, что страна эта, сама по себѣ, представляла поприще нѣсколько неудобное для водворенія европейцевъ: пустопорожнихъ, свободныхъ земель не было во всемъ краѣ, вся территорія была подѣлена между арабами, и французское правительство могло собственно располагать только имѣніями, конфискованными у алжирскаго дея и другихъ арабскихъ начальниковъ. Отъ этого съ самаго начала и до конца являются въ распоряженіяхъ постоянныя колебанія.

Вскорѣ, по завоеваніи края въ 1832 г., приняты были мѣры для предупрежденія самовольныхъ переселеній (immigration spontanée). Въ 1835 г. всѣхъ переселенцевъ было въ Алжирѣ только 11,221. Въ послѣдующіе годы число ихъ умножилось, и въ 1845 г. считалось европейцевъ 95.530 душъ. Тогда правительство прибѣгло къ другимъ способамъ: отъ переселенцевъ требовалось, чтобы они предъявляли извѣстную сумму денегъ или имущества въ видѣ залога или обезпеченія: отъ рабочихъ и мастеровыхъ 400 фр., отъ лицъ, желающихъ пріобрѣсть поземельную собственность, 1,500—3,000 фр. Подъ вліяніемъ такой политики заселеніе Алжирскаго поморья шло, разумѣется, медленно и въ 1864 г., черезъ 34 года послѣ покоренія края, европейское населеніе состояло только изъ 235,740 человѣкъ. Между тѣмъ во все это время шли многорѣчивыя, безпрестанныя пренія во французскихъ палатахъ и журналахъ о системѣ колонизаціи и управленія Алжира.

Главными противниками были военное и гражданское вѣдомства, а съ другой стороны, приверженцы экономической свободы, самоуправленія и защитники административной централизаціи. Тѣмъ и другимъ удавалось временно склонять правительство въ свою пользу; въ 1855 г. утверждено было даже особое министерство (ministère special de l'Algérie et des colonies), которое должно было ввести въ это вѣдомство либеральную политику и покровительствовать частнымъ поселеніямъ, сельско-хозяйственной культурѣ, подавляемой военнымъ и административнымъ произволомъ; но дѣло все-таки не шло; самое покореніе Алжира, торжественно отпразднованное и подтвержденное сдачею Абдель-Кадера, мало измѣнило ходъ колонизаціи.

Испробована была и такъ-называемая система выселенія

туземцевъ (cantonement indigène), которая состояла въ томъ, что арабовъ выселяли съ приморскихъ береговъ во внутрь страны и раздавали ихъ земли французамъ; но эта мѣра до того раздражала мирныхъ арабовъ, что они мгновенно и поголовно обращались къ разбоямъ, поджигательствамъ и убійствамъ.

Тогда опять усилили систему даровыхъ концессій, только съ новымъ условіемъ, что за всякій участокъ въ 100 гектаровъ и болѣе, концессіонеръ обязанъ внести залогу по 10 фр. съ гектара, затѣмъ обязаться произвести въ извѣстный срокъ работы, означенныя въ кондиціяхъ (cahier des charges); залоговая сумма не возвращалась, но засчитывалась владѣльцу за произведенныя распашки и расчистки, по ревизіи и удостовѣреніи инспектора колоній, такъ что по свидѣтельству людей, изучившихъ эти операціи, такъ называемыя даровыя концессіи обходились не дешевле вольной покупки земель.

Наконецъ, въ новѣйшее время, въ 1856—1860 гг. испробована въ Алжирѣ и американская система продажи земель по нарицательной цѣнѣ, т.-е. безъ переторжки (à prix fixe et bureau ouvert) и другая англійская, продажа съ публичныхъ торговъ (aux enchères), введенная въ 1863 году.

Сколько можно судить по результатамъ небольшого періода, послѣдній порядокъ отчужденія казенныхъ земель (terres domaniales) оказался наиболѣе успѣшнымъ. Тому лѣтъ 20, по свидѣтельству Jules Duval (Histoire de l'émigration, Paris, 1869 г.), т.-е. въ пятидесятыхъ годахъ, при системѣ концессій отведено было всего-на-всего 83,000 сельскимъ обывателямъ 280,000 гектаровъ. Въ 1863 г., при совмѣстной продажѣ по нарицательной цѣнѣ и съ торговъ, продано было всего 7,500 гект., причемъ оказалось, совершенно естественно, что всѣ лучшія земли были разобраны по первому способу, и что на публичные торги оставлялись только худшіе участки, забракованные первыми покупателями.

Въ 1864 г. продажа производилась исключительно съ торговъ, и къ концу этого года колонистовъ, владѣвшихъ землей, оказалось уже 110,553 и у нихъ владѣній 567,277 гектаровъ; средній размѣръ тѣхъ участковъ, которые были куплены съ торговъ, былъ несравненно меньше (8,60 гект.),

чѣмъ размѣръ участковъ, запроданныхъ по нарицательной цѣнѣ (26,30 гект.).

Изъ выше сказаннаго видно, что колоніальная политика Франціи основана была на началахъ вредныхъ и шаткихъ—административной централизаціи и даровыхъ концессій, которыя и подрывали самостоятельность колоній, и нѣкоторое улучшеніе послѣдовало только въ наше время отъ перемѣны системы поземельнаго надѣла.

Но это ложное направленіе преобладало не въ однѣхъ французскихъ колоніяхъ, но и во всѣхъ другихъ, кромѣ англійскихъ.

Испанскія владѣнія въ Вестъ-Индіи поддерживались только трудомъ невольниковъ и монополіей крупныхъ собственниковъ-плантаторовъ, и вообще во всѣхъ колоніяхъ испанскихъ, голландскихъ, отчасти и англійскихъ (до второй четверти настоящаго вѣка), главнымъ предметомъ колоніальной политики, высшимъ условіемъ успѣха полагалась поддержка обширныхъ плантацій сахарныхъ, табачныхъ и другихъ, которыя, въ свою очередь, для своего процвѣтанія требовали удержанія обязательнаго, крѣпостного труда; такимъ образомъ крупное землевладѣніе и невольный трудъ составляли главнѣйшія основанія всѣхъ колоній испанскихъ въ Кубѣ, С.-Доминго, англійскихъ на Антильскихъ островахъ и въ Ямайкѣ, французскихъ въ Кайенѣ, Мартиникѣ, голландскихъ въ Гвіанѣ.

Главное и общее ихъ свойство было именно это плантаторское хозяйство, такъ что, по очень вѣрной характеристикѣ одного французскаго писателя (Leroy Beaulieu), можно раздѣлить всѣ европейскія колоніи на два рода: колоніи плантаторскія (colonies à plantations) и земледѣльческія (colonies agricoles).

Первыя повсемѣстно пришли въ упадокъ, не выдержавъ кризиза, послѣдовавшаго отъ прекращенія торга невольниками и освобожденія негровъ. Исторія колонизаціи XIX вѣка представляетъ цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ континентальныхъ правительствъ къ поддержанію плантацій, введенію новыхъ промышленныхъ компаній съ субсидіями и концессіями отъ казны, къ удержанію рабства въ однѣхъ колоніяхъ, и къ замѣнѣ невольничьяго труда (тамъ, гдѣ онъ

былъ отмѣненъ) разными комбинаціями, обезпечивающими плантаторамъ дешевый, обязательный трудъ наемныхъ рабочихъ.

Въ Гвіанѣ, какъ мы выше сказали, французское правительство два раза пробовало основать колоніи съ широкими субсидіями и концессіями, и оба раза потерпѣло полнѣйшую неудачу.

Въ Сенегамбіи то же: въ окрестностяхъ С.-Луи отведены были земли промышленнымъ компаніямъ, построены громадныя зданія, устроены обширныя запашки (grandes cultures); послѣ десятилѣтняго опыта, стоившаго казнѣ нѣсколько милліоновъ, эта правительственная колонія разрушилась и концессіонеры бѣжали. — Въ Мартиникѣ, по донесеніямъ адмирала Брюа 1849 г., большія запашки были уже почти всѣ покинуты въ первые два мѣсяца послѣ освобожденія негровъ, но земледѣліе и мелкая культура оживали.

Въ сороковыхъ годахъ, по настоятельному ходатайству плантаторовъ приняты были мѣры къ населенію (immigrations) вольныхъ рабочихъ, и тогда открылось въ разныхъ странахъ свѣта новое передвиженіе, которое имѣло цѣлью замѣнить трудъ невольниковъ будто-бы вольнонаемнымъ трудомъ, но въ сущности вводило только новый родъ рабочей кабалы.

На островахъ Св. Маврикія и Бурбонѣ ловкіе администраторы успѣли уговорить освобожденныхъ рабовъ законтрактовать свой трудъ на 2 года, по соглашенію съ землевладѣльцами; но по истеченіи срока изъ 60,000 рабочихъ осталось на мѣстѣ не болѣе $^1/_4$; тогда опять, по иниціативѣ французскаго правительства, придуманы были для удержанія рабочихъ **рабочія книжки** (livrets), которыя однако не помогли горю и заставили прежнихъ рабовладѣльцевъ прибѣгнуть къ другому способу — выпискѣ рабочихъ изъ Индіи и Африки. Этимъ способомъ плантаціи были поддержаны, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ эмансипаціи, въ африканскихъ колоніяхъ Франціи; на одинъ островъ Бурбонъ перевезено было въ 10 лѣтъ, 1848—1858 гг., до 58,000 индійцевъ, законтрактованныхъ на разные сроки. Но мѣра эта, благопріятная для нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, имѣла въ соціальномъ отношеніи самыя пагубныя послѣдствія; эти

кабальные работники, принадлежащіе къ изнѣженнымъ, сластолюбивымъ и развращеннымъ націямъ стараго азіатскаго материка, перевозили съ собой всѣ распутные нравы своихъ отечествъ, предавались, по недостатку женскаго населенія, самому гнусному разврату, и, кромѣ того, вступали немедленно во враждебныя отношенія къ вольно-отпущеннымъ мѣстнымъ рабочимъ.

Въ испанскихъ колоніяхъ, Кубѣ и другихъ, эта система эмиграціи была испробована вмѣстѣ съ невольничествомъ, которое удерживалось до настоящаго времени и приняло даже въ нашъ вѣкъ особенно суровый характеръ. Несмотря на запрещенія и поиски англійскихъ крейсеровъ, провозъ африканскихъ невольниковъ повидимому продолжается понынѣ, и число негровъ-рабовъ постоянно прибываетъ; кромѣ того, съ сороковыхъ годовъ началось и переселеніе китайскихъ рабочихъ, такъ называемыхъ кули (coolis), которыхъ въ 1862 г. считалось на Кубѣ уже 60,000 человѣкъ.

Результаты этой политики были здѣсь еще хуже, чѣмъ во французскихъ колоніяхъ, и злополучные Антильскіе острова находятся, какъ извѣстно, уже около 20 лѣтъ въ состояніи хронической революціи и возвратныхъ мятежей, казней и злодѣяній всякаго рода.

Изъ испанскихъ колоній процвѣтала только одна Порто-Рико, гдѣ, вмѣсто крупныхъ плантацій, завелось особое сословіе мелкопомѣстныхъ европейцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Xivaros, воздѣлывавшихъ, съ помощью вольныхъ рабочихъ, небольшіе участки подъ личнымъ своимъ надзоромъ. Сельское населеніе этого небольшого островка состояло въ 1834 г. изъ 360,000 жителей, размѣщенныхъ въ 44,295 дворахъ (по 8 душъ на 1 дворъ), между коими считалось 300 сахарныхъ заводовъ, 148 кофейныхъ плантацій и 1,277 мелкихъ участковъ, воздѣлывавшихъ сахарный тростникъ. Но съ 1830 г. положеніе вещей стало измѣняться и въ Порто-Рико: рабовладѣніе усилилось, эмиграція умножилась и крупныя культуры начали вытѣснять мелкую.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ превратныхъ идей о необходимости обязательнаго труда для поддержанія крупной культуры, Испанія не только покровительствовала рабовладѣнію, но и вводила его вновь въ свои владѣнія, и черезъ это

произвела такую соціальную смуту, что въ настоящее время богатѣйшія ея колоніи, Антильскіе острова и Куба, хотя еще и принадлежатъ ей номинально, но въ дѣйствительности отложились отъ повиновенія испанскому правительству и ждутъ перваго случая, чтобы передаться Соединеннымъ Штатамъ, зорко слѣдящимъ за политическими смутами сосѣдней державы.

Мы могли бы привести еще много и другихъ примѣровъ неудачной колонизаціи; но и этихъ достаточно, чтобы вывести нѣкоторыя общія заключенія, которыя мы формулируемъ такъ: вездѣ, гдѣ правительства задались мыслей основать колоніи оффиціальнымъ путемъ, посредствомъ концессій большимъ компаніямъ, или пожалованія крупнымъ собственникамъ, и гдѣ введена была система плантацій, т.-е. производства исключительно такъ называемыхъ колоніальныхъ продуктовъ, хлопка, сахара, кофе, табака; вездѣ, гдѣ мелкое владѣніе, хлѣбопашество, земледѣліе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, было подавлено и вытѣснено крупной культурой, тамъ первоначально, съ помощью труда невольниковъ и запретительной торговой системы, развились громадныя богатства; нѣсколькихъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ было достаточно для процвѣтанія цѣлой колоніи, и благосостояніе ихъ измѣрялось числомъ мѣстъ и тоннъ вывезеннаго товара. Когда одно изъ основныхъ условій этой организаціи, крѣпостной трудъ, отпало, то плантаторское хозяйство нѣсколько разстроилось; но этотъ кризисъ былъ временный, и не это, не эмансипація негровъ была причиною паденія французскихъ и испанскихъ колоній; чернокожіе рабы были вскорѣ замѣнены разноцвѣтными закабаленными рабочими, индійцами, китайцами и тѣми же неграми, продаваемыми не въ вѣчное рабство, но въ срочную кабалу; пріобрѣтеніе ихъ обходилось не дороже, а иногда и дешевле, чѣмъ прежняя покупка невольниковъ; въ нѣкоторыхъ колоніяхъ вольнонаемные рабочіе замѣстили съ излишкомъ невольниковъ; на островѣ Бурбонѣ, вмѣсто прежнихъ 60,000 негровъ-рабовъ, считалось уже въ 1858 г. 58,000 наемниковъ (engagés) и 15,000 вольноотпущенниковъ, оставшихся на плантаціяхъ; въ Мартиникѣ, гу-

бернаторъ доносилъ въ 1858 г., что его озабочиваетъ не недостатокъ рукъ, а напротивъ, злоупотребленіе рабочей силы (On me demande partout des bras, et partout je ne vois qu'abus de bras).

Главная причина упадка всѣхъ плантаторскихъ колоній была, поэтому, не недостатокъ рабочихъ и ихъ дороговизна, —причина, на которую обыкновенно и во всѣхъ странахъ ссылаются помѣщики при освобожденіи крѣпостныхъ, а другая, болѣе коренная и глубокая, преобладаніе системы концессій и крупныхъ культуръ, исключительно занятыхъ производствомъ колоніальныхъ продуктовъ, пренебрегавшихъ хлѣбопашествомъ и подавлявшихъ конкурренціей невольнаго труда мелкое землевладѣніе и простонародное земледѣліе. Мы не говоримъ, чтобы эта причина была единственная, но что она была только коренная, изъ которой вытекали всѣ прочія: и монополія промышленныхъ компаній, и покровительственные тарифы, и торгъ невольниками, и новѣйшая система законтрактованія рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Алжирѣ, эта причина дѣйствовала одна, такъ какъ невольничество никогда въ Алжирѣ не существовало, и что земельная собственность, равно какъ и торговля, были вполнѣ свободны; но достаточно было этой ошибки, введенія системы даровыхъ концессій, чтобы парализовать успѣхъ колонизаціи, и это совершенно естественно: коль скоро пожалованіе, всемилостивѣйшій даръ или концессіи становятся источникомъ частныхъ богатствъ, то они дѣлаются преміей не бережливости и трудолюбія, а искательства, угожденія и лести. Иногда они случайно достаются людямъ, дѣйствительно заслужившимъ признательность и награду, но бо́льшею частію расхищаются промышленниками и спекулянтами, имѣющими въ виду быструю наживу, а не раціональное хозяйство; а такъ какъ изъ всѣхъ средствъ обогащенія хлѣбопашество есть едва ли не самое медленное, то они пренебрегаютъ этой простой культурой, занимаясь исключительно производствомъ цѣнныхъ продуктовъ, отъ этого самаго истощаютъ почву, возвышаютъ цѣну жизненныхъ припасовъ, нужныхъ для продовольствія народа, и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода наружнаго блеска, торговаго и промышленнаго процвѣтанія приводятъ страну въ безлюдное состояніе, а сельскихъ жителей въ нищенство.

Такъ было по крайней мѣрѣ во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ, слѣдовавшихъ этой политикѣ, во всѣхъ безъ исключенія; въ англійскихъ такъ же, какъ и въ другихъ, и спаслись отъ упадка и разоренія только тѣ изъ нихъ (именно англійскія), которыя во́-время уразумѣли фальшивость прежней колоніальной системы и исправили ее новыми аграрными законоположеніями.

Этими новѣйшими реформами мы теперь и займемся.

До начала настоящаго столѣтія, какъ мы выше сказали, всѣ европейскія державы придерживались одной общей политики—покровительства плантаторскихъ интересовъ, съ коими тѣсно связывались интересы торговли и мореплаванія метрополій.—Отъ этого узкаго взгляда болѣе всѣхъ потерпѣла въ политическомъ отношеніи Англія, утративъ свои сѣверо-американскія владѣнія, хотя съ другой стороны, торговой и хозяйственной, она отъ этой утраты болѣе выгадала, чѣмъ проиграла. Наученные этимъ опытомъ англичане, по возстановленіи мира, начали измѣнять свое колоніальное управленіе: освобожденіе негровъ, запрещеніе торга невольниками, облегченіе акта мореплаванія и, наконецъ, введеніе мѣстнаго самоуправленія послужили, можно сказать, предварительными и подготовительными мѣрами къ болѣе радикальнымъ реформамъ. Медленно и постепенно, съ крайнею осмотрительностью, подвигалось англійское правительство на этомъ поприщѣ: освобожденіе негровъ послѣдовало въ 1833 г. и продолжалось до 1839 г.; въ сороковыхъ годахъ статсъ-секретарь колоній, лордъ Стэнли, уже доносилъ, что число мелкихъ собственниковъ быстро прибываетъ; что въ Ямайкѣ въ два года, 1838—1840 гг., водворились на собственныхъ земляхъ 7,340 вольно-отпущенниковъ; что въ Гвіанѣ негровъ-землевладѣльцевъ было уже 15,996 душъ и 3,222 двора; что въ той же Гвіанѣ были примѣры, что товарищества негровъ въ 150—200 человѣкъ покупали казенныя земли на сумму 150—200 и 400 тысячъ франковъ. Около того же времени другіе агенты доносили, что вольноотпущенные раскупили земель на сумму $2^1/_2$ мил. франковъ.—Въ 1842 г. сельско-хозяйственный кризисъ достигъ высшей степени; рабочая плата доро-

жала, плантаторы унывали и оглашали Англію своими воплями о разореніи. Но уже въ 1844—46 гг. положеніе улучшилось, большая часть вольно-отпущенныхъ возвратилась на работы и поденная плата понизилась до нормальной цѣны — $1^1/_2$ шиллинга (45 копѣекъ) въ день.

Въ другой англійской колоніи, Канадѣ, положеніе вещей было, въ первой четверти настоящаго вѣка, тоже очень смутное: система концессій держалась твердо и англійское правительство раздавало щедрой рукой огромныя пространства пустыхъ казенныхъ земель разнымъ лицамъ, преимущественно церковнымъ причтамъ и англійскому духовенству; мѣстное самоуправленіе, отчасти введенное въ концѣ прошлаго столѣтія по настоянію Фокса, стѣснялось по вліянію реакціонерной политики Питта и его послѣдователей. Расхищеніе казенныхъ земель приняло громадные размѣры: въ Нижней Канадѣ одинъ губернаторъ роздалъ 60 лицамъ 1.425,000 акровъ, въ Верхней Канадѣ въ 1825 г. изъ общаго количества 17 мил. акровъ было отведено по даровымъ концессіямъ 15 мил.; послѣ американской войны XVIII столѣтія было пожаловано подданнымъ, оставшимся вѣрными англійской коронѣ, до 3 мил. акровъ. Въ Новой-Шотландіи изъ 6 мил. акровъ роздано 5.750,000. Островъ принца Эдуарда былъ весь пожалованъ англійскимъ джентльменамъ, изъ коихъ въ настоящее время осталось 4 крупныхъ землевладѣльца.

Дѣйствія этой политики обнаружились въ томъ, что эмиграція изъ Канады въ Соединенные Штаты все усиливалась, несмотря на сравнительную рѣдкость населенія въ первой изъ этихъ странъ, и въ 1850 г. считалось между гражданами республики 147,711 выходцевъ изъ Канады; кромѣ того, и въ политическомъ отношеніи начинали проявляться неудовольствія, жалобы сельскихъ жителей на притѣснительную систему концессій и даже нѣкоторыя сепаратистическія стремленія къ присоединенію къ Соединеннымъ Штатамъ. Но правительство все еще не рѣшалось отмѣнить прежніе порядки надѣла земель, и старалось одновременно регулировать владѣніе пожалованными имѣніями и продажу казенныхъ земель; для первыхъ установлены нѣкоторыя правила: концессіонеры обязывались поселиться на отведенныхъ имъ участкахъ въ теченіи мѣсяца со дня пожалованія, воздѣлать

и обсѣять не менѣе 12 акровъ въ 4 года, и построить жилое зданіе не менѣе 12 фут. длины и 18 фут. ширины. Такая мелочная регламентація требовала, разумѣется, и мелочного надзора, который на дѣлѣ оказался неисполнимымъ.

Съ другой стороны, до 1850 г. продажныя цѣны казенныхъ земель были высокія: 10, 15, 20 шил. за акръ (около 9, 13, 17 р. за десятину), и при продажѣ мѣстная администрація обыкновенно выдѣляла изъ каждаго участка по $^1/_7$ доли для духовенства и $^1/_7$ на казну, такъ что между запроданными участками оставались всегда пустопорожнія, обширныя пустоши, затруднявшія сообщеніе и сожитіе поселянъ.

Послѣ 1850 г. начались въ Канадѣ радикальныя реформы: казенные и церковные участки разрѣшено продавать, продажная цѣна сбавлена на 5 шил. за акръ (около 4, $4^1/_2$ р. за десятину). Въ Новомъ-Браунштейгѣ установлена цѣна 3 шил. за акръ (2 р. 70 к.—3 р. за дес.) съ уплатой наличными 25% и разсрочкой 75% на три года. Кромѣ того, допущено для уплаты очень важное и полезное облегченіе, что покупатель можетъ разсчитаться, вмѣсто денегъ, натуральною повинностію, принимая на себя починку или сооруженіе дорогъ и мостовъ, которыя зачитываются ему въ уплату за землю.

Съ этого времени, съ 1850 г., распродажа земель пошла очень быстро, и въ 1866 году было обмежеванныхъ и объявленныхъ къ продажѣ акровъ 9.866,267, а въ два года, 1865—1867, было распродано акровъ 1.132,246, по средней цѣнѣ 42 и 68 центовъ (1 р. 75 к.—2 р. 40 к. за десятину).

Благодаря этимъ своевременнымъ реформамъ, Англія отклонила грозу, уже очень близко подступавшую въ 40-выхъ годахъ, возстанія своихъ канадскихъ колоній. Она довершила освобожденіе Канады актомъ 1867 г., по коему колоніи этой, подъ именемъ Dominion, дарована полная автономія, съ особымъ намѣстникомъ и парламентомъ. Но, впрочемъ, надо замѣтить, что прежніе порядки управленія и земельнаго надѣла наложили на эту территорію особый отпечатокъ крупнаго землевладѣнія, отъ котораго она по сіе время не можетъ освободиться и который вліяетъ вредно на хозяйственный бытъ страны. Главное различіе между поземельнымъ положеніемъ въ Канадѣ и смежными съ ней Соединенными Штатами

заключается въ системѣ поземельныхъ (государственныхъ и земскихъ) сборовъ: въ англійскихъ владѣніяхъ облагаются только угодья, культурныя земли; въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ земли безъ различія, производительныя и пустыя, и хотя съ перваго взгляда казалось бы, что первая система должна быть выгоднѣе для землевладѣльцевъ, но въ дѣйствительности оказывается противное: при обложеніи однихъ угодій, т.-е. воздѣланныхъ земель, сумма поземельнаго сбора выходитъ въ Канадѣ незначительная и для разныхъ мѣстныхъ потребностей, въ особенности для проведенія дорогъ, приходится казнѣ возвышать другіе косвенные налоги; при американской системѣ обложенія всѣхъ земель сумма ихъ покрываетъ всѣ мѣстные расходы, падая дѣйствительно нѣсколько тягостно на владѣльцевъ обширныхъ пустошей, но и заставляя ихъ въ то же время воздѣлывать и населять пустыя и дикія земли, такъ какъ онѣ облагаются наравнѣ съ производительными. Поземельный сборъ въ Американскихъ Штатахъ очень умѣренный, и идетъ почти весь сполна на устройство и содержаніе сельскихъ дорогъ, а улучшеніе сообщеній такъ сильно вліяетъ на продажу земель, что среднія продажныя цѣны выше въ Штатахъ, чѣмъ въ Канадѣ, и что, несмотря на это, англійскіе подданные находятъ болѣе выгоднымъ покупку земель въ американскихъ владѣніяхъ, чѣмъ въ своемъ краѣ. Вообще Канада занимаетъ особое мѣсто въ современной колонизаціи по своему болѣе крупному землевладѣнію, но замѣчательно, что какъ въ старой Англіи, такъ и въ англійскихъ колоніяхъ аристократическій элементъ дѣйствовалъ несравненно разумнѣе и умѣреннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; такъ, между прочимъ, въ испанскихъ колоніяхъ и французскихъ плантаторы ни о чемъ не заботились кромѣ своихъ эксплуатацій, торговыхъ привилегій и удержаніи невольничества; въ Канадѣ, напротивъ, крупные собственники первые подали голосъ о политическихъ правахъ и самоуправленіи и провели широкую реформу 1867 г., которая обезпечила всѣмъ гражданамъ равноправность и полную самостоятельность мѣстнаго управленія.

Также и поземельныя компаніи, воспользовавшіяся обширными концессіями казенныхъ земель, дѣйствовали въ Канадѣ съ бо́льшимъ тактомъ и умѣньемъ, чѣмъ въ другихъ земляхъ:

онѣ приступили дружно къ обмежеванію и таксаціи своихъ владѣній, затрачивали большія суммы на расчистки, распашки и проведеніе дорогъ, и, затѣмъ, не увлекаясь мечтой большихъ эксплуатацій, распродавали часть своихъ земель, приведенныхъ въ культурное состояніе, по очень выгоднымъ цѣнамъ; въ Нижней Канадѣ нѣкоторыя изъ этихъ поземельныхъ компаній выручали за такія угодья по 30 шил. за акръ [4]).

Такимъ образомъ, благодаря высокому смыслу, отличающему высшія сословія Англіи, крупные землевладѣльцы и богатые промышленники оказали здѣсь большія услуги странѣ и народу, какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи.

Канада въ настоящее время находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; къ ней въ особенности направляется притокъ эмигрантовъ изъ среднихъ классовъ Англіи: ремесленники, фермеры, скопившіе нѣкоторые капиталы и находящіе вѣрное и прочное имъ помѣщеніе въ канадскихъ земляхъ. Бѣдные люди, чернорабочіе преимущественно, переселяются въ Соединенные Штаты, гдѣ высокіе заработки даютъ имъ надежду пріобрѣсть со временемъ сумму, нужную для поселенія и покупки имущества; надежда эта иногда обманчива и много тружениковъ погибаютъ въ этой борьбѣ съ нищетой, но многіе также выигрываютъ въ эту лотерею нечаянныя преміи и быстро обогащаются. Въ Канадѣ наоборотъ, по отзывамъ англійскихъ публицистовъ, случаи внезапнаго обогащенія рѣдки, прибыли земледѣлія и сельскаго хозяйства очень умѣренны, но за то вѣрны и прочны, такъ что, по словамъ лорда Сиденгама, колонизація въ Канадѣ, по сравненію съ Соединенными Штатами, имѣетъ значеніе лотереи, въ которой всѣ билеты выигрываютъ, между тѣмъ какъ при переселеніяхъ въ Американскіе Штаты билеты съ выигрышами достаются немногимъ.

Мы не беремся рѣшить, насколько это сравненіе вѣрно; въ сужденіяхъ своихъ объ Америкѣ англичане обыкновенно пристрастны и односторонни. При этомъ надо еще замѣтить, что въ дѣлѣ колонизаціи, какъ и во многихъ другихъ житейскихъ соображеніяхъ, люди часто предпочитаютъ невѣрные шансы быстраго и большого выигрыша постепенному, хотя бы и болѣе вѣрному улучшенію своего быта, какъ это поло-

жительно подтверждается громадными успѣхами всѣхъ государственныхъ займовъ съ преміями.

Этой ли причинѣ, или другимъ слѣдуетъ приписать послѣдовательные переходы жителей Канады въ Соединенные Штаты, но несомнѣнно, что притокъ европейскихъ эмигрантовъ постоянно уклоняется изъ первой въ послѣднюю страну, и что многіе обыватели, уже поселившіеся въ англійской колоніи, черезъ нѣсколько лѣтъ переселяются въ Штаты. По показаніямъ Дюваля (Histoire de l'Emigration, p. 283), изъ общаго числа англійскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ Канаду съ 1834 по 1858 г. всего 746,559 человѣкъ, около $^2/_3$ перешло далѣе въ Соединенные Штаты; въ 1859 г. изъ 20,240 переселенцевъ, высаженныхъ въ Канадѣ, перешло въ Штаты 13,940 человѣкъ.—Все это указываетъ, несмотря на противныя мнѣнія англичанъ, что колонизація идетъ успѣшнѣе и представляетъ болѣе выгодъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и что либеральная политика англійскаго правительства новѣйшаго времени не могла загладить слѣдовъ прежнихъ ошибочныхъ мѣропріятій, по коимъ уступлено въ даръ крупнымъ собственникамъ и компаніямъ бо́льшая и лучшая часть государственной территоріи.

Точно такія же колебанія и промахи знаменуютъ и колоніальное управленіе въ англійскихъ владѣніяхъ южной Африки, въ Капландѣ и Наталѣ; сначала земли раздавались почти безплатно, за ничтожную годовую ренту; потомъ въ 1843 г. продавались по цѣнѣ 2 фр. за акръ; въ 1855 г. опять введена система даровыхъ концессій; губернаторы надѣляли фермеровъ участками въ 1,500 акровъ, требуя отъ нихъ только предъявленія извѣстнаго капитала. Въ 1849 г., нѣкто Жонстонъ купилъ около Наталя 25 квадратныхъ миль и, подраздѣливъ ихъ на 5 имѣній, каждое въ 16,000 акровъ, началъ торговать и перепродавать ихъ отдѣльными участками, не заботясь о культурѣ и спекулируя на земли, какъ на биржевой товаръ. Наконецъ, въ 1857 г. правительство, чтобы прекратить эту игру, разорившую многихъ владѣльцевъ, установило продажу казенныхъ земель по цѣнѣ (prix-fixe) 4 шил. за акръ.

Теперь перейдемъ поочереди къ той новѣйшей и обширнѣйшей колоніи, Австраліи, гдѣ Англія выказала всю мудрость и все искусство своей политики; гдѣ она, наученная и проученная опытами другихъ народовъ и собственными своими ошибками и неудачами, примѣнила къ дѣлу, къ практикѣ, поученія науки и исторіи, основавъ изъ элементовъ самыхъ скудныхъ по внутреннему своему содержанію, изъ ссыльныхъ преступниковъ, и на почвѣ крайне-тощей и мало-производительной, богатѣйшую колонію нашего времени.

Для насъ, русскихъ, эти изслѣдованія въ особенности поучительны, потому что мы очень склонны приписывать успѣхи другихъ народовъ и наши собственныя неудачи счастію и случаю, исключительно невыгоднымъ обстоятельствамъ, въ кои будто бы мы поставлены судьбой, нашимъ географическимъ положеніемъ, климатомъ и почвой; между тѣмъ въ двухъ колоніяхъ Англіи, Канадѣ и Австраліи, мы находимъ обстоятельства крайне неблагопріятныя для поселеній: въ первой—суровый климатъ, ледовитую почву, во второй—очень невыгодныя геологическія и климатическія условія. Вся Австралія составляетъ громадную массу, имѣющую видъ острова, но всѣ свойства и неудобства континентальныхъ странъ; берега ея мало доступны по причинѣ скалъ и отмелей, ихъ опоясывающихъ; заливовъ и гаваней нѣтъ, рѣкъ и озеръ мало; $^3/_4$ острова заняты голыми и песчаными пустынями; безводіе и сухость климата дѣйствуютъ въ Австраліи едва ли не пагубнѣе на сельское хозяйство, чѣмъ въ нашихъ заволжскихъ степяхъ; засухи повторяются каждыя 11—12 лѣтъ и продолжаются каждый разъ 2, 3 года; были примѣры (въ 1826—1829 гг.), что онѣ продолжались 4 года сряду; однимъ словомъ, недостатокъ водяныхъ сообщеній и сухость климата составляютъ здѣсь, повидимому, такую же преграду колонизаціи, какъ и въ нашемъ юго-восточномъ краѣ, и если они были преодолѣны, то полезно и для насъ изслѣдовать средства, употребленныя англичанами въ такой борьбѣ съ стихіями. Съ другой стороны, и въ соціальномъ отношеніи Австралія представляетъ нѣкоторое сходство съ нашей Сибирью, такъ какъ главное и коренное населеніе этого края были тоже ссыльные. Какъ же справилась Англія съ этими грубыми элементами и стихіями, съ коими Россія издавна ве-

детъ безплодную борьбу? Это мы должны здѣсь изслѣдовать.

По открытіи извѣстнымъ мореплавателемъ Кукомъ береговъ Новаго Валлиса, въ 1787 г. въ Ботанибей прибылъ первый транспортъ ссыльныхъ, въ числѣ 800 человѣкъ. Черезъ два года, въ 1789 г., собрано было, въ первый разъ, нѣсколько мѣръ хлѣба на фермѣ около Сиднея. Въ 1790 г. поселился въ Австраліи первый европейскій колонистъ, squatter, а въ 1803 г. высланы были изъ Сиднея въ Англію первые образчики шерсти. Затѣмъ, съ начала настоящаго столѣтія открылся періодъ безпримѣрнаго приращенія богатства, которое выражается наглядно въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ 1850 г.	Въ 1861 г.	Въ 1871 г.
всѣхъ жителей было	505,906 чел.	1.266,432 чел.	1.915,070 чел.
отпущено товаровъ	4.358,892 ф. с.	24.464,217 ф. с.	28.881,832 ф. с.
привезено „	4.598,718 „ „	23.536,857 „ „	28.421,352 „ „

	Въ 1856 г.	Въ 1861 г.	Въ 1867 г.	Въ 1870 г.
подъ пашней и зерновыми хлѣбами было акровъ .	423,732	634,984	940,350	1.201,682
головъ рогатаго скота. .	3.146,520	4.039,839	3.886,965	4.712,918
тонкорунныхъ овецъ . .	17.124,023	23.741,506	47.284,677	51.294,241

Эти валовыя числа даютъ намъ общее понятіе о ходѣ и настоящемъ характерѣ новой могущественной колоніи.

Краткую современную исторію Австраліи можно раздѣлить, примѣрно, на два періода, изъ коихъ одинъ продолжается до конца пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, другой—начинается съ 1858 или 1861 г. Первый періодъ—подготовительнаго устройства, водворенія крупныхъ владѣльцевъ, переселенія ссыльныхъ и процвѣтаніе овцеводства и производства шерсти. Второй—со времени пріисканія золотоносныхъ почвъ; этотъ періодъ отличается отъ перваго тѣмъ, что страна начала заселяться вольными рабочими, мелкими поселянами; шерстяное производство въ этомъ періодѣ пріостановилось въ своемъ развитіи, а золотые пріиски привлекли массу европейскихъ эмигрантовъ. Этимъ двумъ періодамъ экономическаго развитія соотвѣтствуютъ и двѣ системы хозяйственнаго устроенія или управленія, которыя измѣнялись по мѣрѣ измѣненія мѣстныхъ нуждъ и пользъ, соображаясь

такимъ образомъ съ дѣйствительными обыденными потребностями страны и ея обитателей. Въ этомъ-то отношеніи исторія колонизаціи Австраліи особенно поучительна, показывая намъ живой примѣръ правительства, зорко слѣдящаго за интересами своихъ отдаленныхъ владѣній и управляющаго ими не по предвзятымъ системамъ и политическимъ тенденціямъ, а по здравымъ понятіямъ о житейскихъ хозяйственныхъ и соціальныхъ ихъ пользъ.

Мы уже выше сказали, что главный климатическій недостатокъ Австраліи, какъ и нашихъ юго-восточныхъ степей, есть безводіе, которое всегда заставляетъ первыхъ поселянъ группироваться около рѣкъ и водяныхъ источниковъ. Другое затрудненіе было недостатокъ рабочихъ рукъ: этими двумя обстоятельствами и обусловливались первыя мѣропріятія англійскаго колоніальнаго управленія въ этой части свѣта. Такъ какъ удобныя мѣста были мгновенно, съ самаго начала, заняты переселенцами, то правительство предложило имъ арендовать смежныя пустыя земли, негодныя для жительства, но очень привольныя для пастбищъ, за самую дешевую цѣну. Пустыя степи были разбиты на участки огромныхъ размѣровъ, въ 16,000 акровъ (около 6,000 десятинъ), которые запрещено было дробить; они отдавались въ аренду колонистамъ-скваттерамъ по цѣнѣ 10 ф. ст. въ годъ за весь участокъ. На таковыхъ выгонахъ держалось до 4,000 овецъ, и эта ничтожная плата за привольныя пастбища послужила главнымъ основаніемъ громаднаго развитія австралійскаго овцеводства. Но другой заботой было, во-первыхъ, привлеченіе рабочихъ, во-вторыхъ, удержаніе ихъ въ наемно-рабочемъ состояніи, такъ какъ можно было опасаться, что, при обиліи пустыхъ земель, каждый переселенецъ будетъ стараться пріобрѣсти участокъ въ собственность, вмѣсто того, чтобы наниматься въ работники у другого. Для этого положено было назначить первоначально столь же высокую продажную цѣну за землю, сколь дешева была арендная плата, о коей мы выше упомянули; цѣна эта была опредѣлена въ 1 L. за акръ, что́ равняется около 20 р. за десятину; кромѣ того, старожиламъ скваттерамъ, которые уже держали земли въ арендѣ предоставлено право первой купли таковыхъ земель (praeemption-right); этими двумя мѣрами покупка земель была затруд-

нена для мелкихъ эмигрантовъ, и они поневолѣ должны были наниматься въ работники къ богатымъ скваттерамъ, бо́льшею частію въ пастухи и овчары. Въ то же время, для усиленія рабочихъ рукъ, приняты были особыя мѣры противъ ссыльныхъ (convicts).

Въ продолженіи цѣлаго полустолѣтія, ссыльные преступники, какъ сказано, составляли почти единственное рабочее населеніе этой пятой части свѣта. Съ самаго начала принято было правило употреблять эту рабочую силу преимущественно для сельскаго устроенія и земледѣлія. Ссыльные (convicts) были раздѣлены на 2 класса: одни назначались для общественныхъ работъ, проведенія дорогъ и постройки портовъ—этотъ классъ былъ немногочисленъ; другая, несравненно бо́льшая часть convicts употреблялась собственно на сельско-хозяйственныя подготовительныя работы, которыя англичане такъ и называютъ—preparatory-works. При этомъ главнымъ правиломъ было не держать преступниковъ въ командахъ (in gangs) и въ тюремномъ заключеніи, не употреблять ихъ артелями на общія работы, но, напротивъ, распредѣлять ихъ по одиночкѣ на полевыя работы и для этого отдавать ихъ подъ надзоръ и въ распоряженіе домохозяевъ овцеводовъ-скваттеровъ.

Это была исходная мѣра всей колонизаціи Австраліи. Ссыльные, по востребованію колонистовъ-землевладѣльцевъ, назначались имъ въ работники на извѣстное число лѣтъ; хозяева обязывались давать имъ пищу и содержаніе, опредѣленныя особымъ уставомъ; ежегодно они обязаны были доносить о работахъ, производимыхъ конвиктами, и объ ихъ поведеніи. Выгоды хозяевъ отъ этого были значительныя. Лордъ Россель въ 1840 г. показывалъ въ парламентѣ, что австралійскіе хозяева выгадываютъ на каждомъ таковомъ рабочемъ противъ вольнаго 13 фунт. Казна имѣла тоже свои выгоды: содержаніе арестантовъ въ Англіи обходилось въ 24 фунт., содержаніе ссыльныхъ въ Австраліи, когда оно производилось отъ казны, стоило 14 фр., а весь расходъ на конвикта, отданнаго въ работу частнымъ владѣльцамъ, составлялъ для казны только 4 фр. въ годъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ казны и частныхъ владѣльцевъ, мѣра эта представляла несомнѣнную пользу и большія сбереженія. Большая часть ссыльныхъ раз-

биралась такимъ образомъ вольными колонистами; въ 1840 г. изъ общаго ихъ числа 40,000 человѣкъ было роздано въ частное услуженіе 26,000; работой ихъ хозяева были вообще довольны, хотя и разсчитывали, что вольно-наемный поденщикъ работаетъ на 33% болѣе, чѣмъ конвиктъ.

Опасенія, что такое размѣщеніе преступниковъ по отдѣльнымъ дворамъ и селеніямъ и на свободѣ угрожаетъ личной безопасности жителей, также не подтвердились, и одинъ изъ губернаторовъ западной Австраліи доноситъ министру колоній, что хотя въ его области считается до 3000 конвиктовъ, отданныхъ въ услуженіе вольнымъ поселянамъ, но что онъ ручается, что безопасность лицъ и имуществъ въ этомъ краѣ такъ же обезпечена, какъ и во всякой другой провинціи Великобританіи.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ (1836—1840 гг.) обнаружилась однако реакція противъ этой ссыльно-поселенной системы, которая дѣйствительно, оказавъ пользу въ свое время, отживала свой вѣкъ при быстромъ развитіи новой колоніи. Партія эмансипаторовъ (Emancipists) возставала противъ обязательнаго труда, просила отмѣны переселенія преступниковъ, и въ 1840 году ссылка была прекращена въ Новомъ Валлисѣ, въ 1853 г. въ Ванъ-Дименовой землѣ и во всей остальной Австраліи.

Съ этого времени открывается другой періодъ колонизаціи, который можно назвать временемъ аграрнаго устроенія, такъ какъ все вниманіе было обращено на правильное распредѣленіе поземельныхъ имуществъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что и Австралія не избѣгла вполнѣ вредныхъ послѣдствій прежнихъ системъ оптовыхъ концессій; въ первое время отважные промышленники нѣсколько разъ выпрашивали себѣ большія территоріи, и пытались, но почти всегда безуспѣшно, основать большія частныя колоніи; но цѣлый рядъ неудачныхъ предпріятій, изъ коихъ нѣкоторыя окончились разореніемъ капиталистовъ и погибелью колонистовъ, раскрыли глаза англійскому правительству. Система концессій была отмѣнена съ 1840 г. и новый порядокъ колонизаціи поставилъ себѣ главною задачею—согласить нужды и пользы землевладѣнія съ интересами рабочихъ-земледѣльцевъ въ такомъ смыслѣ, чтобы бѣдные чернорабочіе,

переселяющіеся безъ денежныхъ средствъ, были до нѣкоторой степени обезпечены вѣрными заработками на первое время, хотя бы и съ нѣкоторыми ограниченіями свободы труда—и чтобы, съ другой стороны, землевладѣльцы могли разсчитывать на постоянную прибыль рабочихъ и на ихъ службу [5]).

Задача тяжелая и по тому самому заслуживающая внимательнаго разслѣдованія.

Первое ея разрѣшеніе принадлежитъ англичанину Вакфильду, который изложилъ ее въ особой книгѣ, и, найдя послѣдователей, основалъ въ Англіи цѣлую школу подъ фирмою „школы систематической колонизаціи". Главныя положенія, которыя онъ защищалъ и послѣдовательно проводилъ, были слѣдующія: что благосостояніе новыхъ поселеній обусловливается наиболѣе отношеніемъ рабочихъ рукъ къ пространству занятыхъ земель,—что это соотношеніе такъ важно для взаимныхъ выгодъ хозяевъ и рабочихъ, что должно быть отчасти поддержано и принудительными мѣрами, а именно выселеніемъ эмигрантовъ на счетъ казны и отдачей ихъ въ работу колоніальнымъ владѣльцамъ, для заработка денегъ, нужныхъ для пропитанія ихъ въ первое время,—что, для предупрежденія легкомысленныхъ стремленій переселенцевъ къ покупкѣ земель, покуда не накоплено у нихъ достаточнаго оборотнаго капитала, нужно установить нѣсколько высокую и неизмѣнную продажную цѣну на земли (sufficient high price), откинувъ вовсе продажу съ торговъ.—Наконецъ, что вся сумма, выручаемая отъ продажи земель, должна быть откладываема въ особый земельный фондъ (landfund), а эти суммы употребляемы исключительно для перевозки рабочихъ въ колоніи и водворенія ихъ.

Далѣе, Wakefield, переходя съ практической почвы на теоретическую, приводитъ разныя соображенія и мотивы, которые должны служить основаніями его ученія: онъ утверждаетъ, что между капиталомъ, представителемъ коего въ пустыхъ территоріяхъ есть земля, и рабочей платой должно быть натуральное, нормальное соотношеніе; что поэтому колоніальныя земли имѣютъ сами собой нормальную свою цѣну (a sufficient price), и что цѣна эта будто бы соотвѣтствуетъ стоимости доставки рабочаго и тому пространству земли, ко-

торую онъ можетъ обработать. Наконецъ, возводя эту теорію о „sufficient price“ въ цѣлое ученіе, онъ говоритъ, что если, примѣрно рабочій можетъ воздѣлать 50 акровъ, то казна, истративъ на перевозку одного эмигранта извѣстную сумму, примѣрно 100 руб., должна установить извѣстную цѣну на земли по дѣленію 100 на 50, т.-е. въ 2 руб. за 1 акръ.

Это ученіе Вакфильда, малоизвѣстное на континентѣ, возбудило въ Англіи, въ сороковыхъ годахъ, живыя пренія и бурю опроверженій и подтвержденій. Высшіе авторитеты науки разошлись въ своихъ мнѣніяхъ; во главѣ оппонентовъ стоялъ извѣстный экономистъ Mac-Culloch, который обзывалъ всю систему Вакфильда абсурдомъ (absurdity), между тѣмъ какъ другіе, не менѣе вѣскіе авторитеты, и въ томъ числѣ Ст. Милль, ее защищали.

Англійское правительство, съ свойственнымъ ему политическимъ тактомъ, уразумѣло и слабыя и вѣрныя стороны этой замысловатой системы, откинуло преувеличенія и увлеченія изобрѣтателя и приняло, съ нѣкоторыми измѣненіями, главныя его основанія. Выкинуто было, разумѣется, ученіе „sufficient price“, такъ какъ основаніе его было черезчуръ шатко. Высокія продажныя цѣны на земли, принятыя въ первыя времена колонизаціи, оказались тоже несоотвѣтствующими настоящему положенію, такъ какъ онѣ составляли протекціонную систему исключительно для овцеводства, которая парализовала всякія другія культуры. Цѣны эти, доходившія до 1 фун., сбавлены были сначала на 5 шилинговъ за акръ, потомъ повышены до 8 шил., и въ 1838 г. установлены въ 12 шил. (9 р. 73 к. за десятину). Продажа производилась съ торговъ. Когда такимъ образомъ продажныя цѣны установились, то принята была, согласно предложенію Вакфильда, одна неизмѣнная цѣна (prix fixe) для всѣхъ земель Новаго-Валлиса въ 20 шил. (около 16 р. за десятину), цѣна, сравнительно съ прежними оцѣнками, довольно высокая. Продажа земель отъ этого внезапнаго повышенія нѣсколько уменьшилась: въ Новомъ - Валлисѣ выручено было отъ продажи въ 10 лѣтъ (1831—1841 гг.) только 1.923,631 фунт. ст., а въ слѣдующія 10 лѣтъ (1851—1861 гг.)—1.062,086 фунтовъ [6]).

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округахъ цѣны были еще выше: въ Портъ-Филиппѣ сначала 30 шил., потомъ 36 шил.,

и по послѣдней цѣнѣ продано въ одинъ 1858 годъ земель 3 мил. акровъ, на сумму 4.800,000 L.

Такимъ образомъ система Вакфильда о продажѣ по высокой цѣнѣ была вполнѣ и съ полнѣйшимъ успѣхомъ примѣнена въ Австраліи, но не внезапно, а постепенно, когда цѣны сами собой установились вольными торгами.

Изъ прочихъ его предложеній принято было только одно, но самое существенное,—что вся выручка отъ продажи земель должна быть ассигнована на субсидіи бѣднымъ эмигрантамъ, или на предварительныя работы межеванія, съемки плановъ. Главное руководство этими мѣрами поручено особому присутствію (board of commissionners), засѣдающему въ Лондонѣ и имѣющему одного изъ своихъ членовъ въ Австраліи. Въ теченіи 13 лѣтъ, съ 1849 по 1862 г., переселено съ казенными субсидіями изъ Англіи 253,900 эмигрантовъ и всѣ расходы на переселеніе покрыты изъ земельнаго фонда—land-fund. Лордъ Джонъ Россель предлагалъ, бывши министромъ колоній, установить слѣдующее распредѣленіе этого фонда: 50% на субсидіи эмигрантамъ, 15% на образованіе ихъ дѣтей, 10% на межеваніе и 25% на мѣстные расходы.—Колоніальныя власти и собранія придерживаются другой пропорціи: 75% на субсидіи переселенцамъ и 25% на мѣстные расходы. Повидимому, этихъ мѣръ было достаточно для полнѣйшаго, безпримѣрно быстраго развитія производительныхъ силъ Австраліи и введенія обязательнаго труда, предложеннаго Вакфильдомъ, не понадобилось; переселенія ссыльныхъ преступниковъ были прекращены, но на мѣсто ихъ явились вольные эмигранты изъ Англіи и переселенцы изъ Китая и Индіи. Въ десятилѣтіе (1851—1861 гг.) приращеніе богатства было громадное; въ слѣдующія десять лѣтъ нѣсколько слабѣе.

Изъ этого краткаго очерка историческаго развитія Австраліи видно, что она не можетъ быть причислена къ такъ-называемымъ земледѣльческимъ колоніямъ, о коихъ мы выше упомянули; площадь пахатныхъ земель въ ней очень незначительна въ сравненіи съ населеніемъ и составляетъ, по свѣдѣніямъ за 1870 г., на 1 жителя всего 0,58 десятины. Главный первенствующій промыслъ есть овцеводство, и овецъ приходится на 1 жителя около 25 штукъ [7]). Шерсть состав-

ляетъ здѣсь такой же преобладающій предметъ отпуска, такую же исключительную отрасль сельскаго хозяйства, какъ хлопокъ въ Индіи, табакъ въ Гаваннѣ, сахаръ и кофе на Антильскихъ островахъ. Поэтому Австралія скорѣе можетъ быть причислена къ тому разряду, который мы назвали колоніями съ плантаціями (colonies à plantations) и коихъ характеръ опредѣляется тѣмъ, что имъ болѣе свойственно крупное помѣстное землевладѣніе, съ обширными плантаціями или съ привольными выгонами, чѣмъ мелкое хлѣбопашество. По этому самому Австралія не могла обойтись безъ нѣкоторой поддержки отъ правительства для поставки рабочихъ, и искусственныхъ, почти насильственныхъ мѣръ для повышенія продажныхъ цѣнъ на земли; опасаясь, чтобы переселенцы, вмѣсто того, чтобы служить въ батракахъ и пастухахъ у хозяевъ-овцеводовъ, не принялись бы сами отъ себя за хлѣбопашество, англичане назначали высокія цѣны за земли, чтобы задержать ихъ продажу и удержать эмигрантовъ нѣкоторое время въ услуженіи у землевладѣльцевъ.

Въ заключеніи этой главы мы разсмотримъ относительныя преимущества и неудобства этой системы колонизаціи; здѣсь же должны засвидѣтельствовать, что, послѣ многихъ колебаній и ошибокъ, новѣйшія мѣропріятія англійскаго правительства дѣйствительно устранили въ Австраліи большую часть тѣхъ зловредныхъ дѣйствій, которыя загубили всѣ прочія плантаторскія колоніи [8]).

Затѣмъ мы переходимъ къ изслѣдованію колонизаціи другого рода, именно поселеній съ чисто-земледѣльческимъ характеромъ и въ другой части свѣта—въ Америкѣ.

Извѣстно, что въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ уже издавна идутъ, въ размѣрахъ небывалыхъ и съ успѣхомъ, тоже неслыханнымъ, переселенія и водвореніе бѣднѣйшихъ европейскихъ эмигрантовъ. Самый ходъ эмиграціи мы уже описали въ другой главѣ; здѣсь мы должны изслѣдовать другой, второй актъ этого перехода, т.-е. размѣщеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ жительства.

Политика Соединенныхъ Штатовъ была по этому вѣдомству совершенно иная, чѣмъ въ Европѣ; она болѣе основана

была на хозяйственныхъ соображеніяхъ, чѣмъ на политическихъ и торговыхъ. Американцы съ самаго начала примѣнили къ своему хозяйственному управленію нѣкоторыя простыя и непреложныя правила, которыя въ Европѣ хотя и признавались въ наукѣ и теоріи, но не вводились въ дѣйствіе; они уразумѣли, что казенное управленіе не приспособляется къ сельскому хозяйству и сельско-хозяйственнымъ промысламъ, и что, съ другой стороны, номинальное право собственности не обезпечиваетъ культуру, правильную эксплуатацію,—что земледѣліе въ буквальномъ смыслѣ слова, распашка полей, расчистка лѣсовъ, осушеніе болотъ производятся не вотчинниками и промышленниками, а черезъ ихъ посредство другимъ простымъ людомъ, хлѣбопашцами, дровосѣками, землекопами,—и изъ этого вывели заключеніе, что культура страны и народное богатство болѣе выиграютъ отъ присужденія земель непосредственно самимъ земледѣльцамъ, чѣмъ отъ пожалованія или уступки ихъ крупнымъ владѣльцамъ и оптовымъ съемщикамъ и концессіонерамъ по очень простой и извѣстной аксіомѣ, что всякая сдѣлка выгоднѣе изъ первыхъ рукъ, чѣмъ изъ вторыхъ. На этихъ соображеніяхъ основана была вся система колонизаціи и присужденія казенныхъ земель (public-lands) въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, которую мы здѣсь опишемъ въ главныхъ ея чертахъ.

Первыя мѣропріятія по этому предмету относятся къ первымъ годамъ республики: въ 1785 и 1804 гг., двумя актами конгреса, всѣ пустыя земли были изъяты изъ вѣдомства отдѣльныхъ штатовъ, признаны государственными, публичными, и подчинены непосредственно центральному правительству республики. Затѣмъ статутами 1830, 1832, 1834, 1841 и 1842 гг. гарантировано переселенцамъ право на пріобрѣтеніе извѣстнаго участка изъ казенныхъ земель и право преемственнаго вѣчнаго владѣнія таковыми надѣлами.

Полное законоположеніе по этому предмету послѣдовало позже, въ президентство Линкольна, и было издано въ іюлѣ 1862 г. подъ именемъ Homestead Act. Главныя его основанія слѣдующія:

1) Право на пріобрѣтеніе казенныхъ земель предоставляется всѣмъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ, если они достигли совершеннолѣтія, а равно и лицамъ женскаго пола,

еслѣ онѣ овдовѣли и имѣютъ семейство; исключаются лишь тѣ граждане, которые участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ республики, или содѣйствовали и служили непріятелю.

2) Всѣ таковые желающіе, съ 1 января 1863 г. имѣютъ право на надѣлъ не менѣе 40 акровъ (14,8 десятинъ); если они покупаютъ не болѣе одного участка въ 40 акровъ, то цѣна полагается по $1^1/_4$ доллара за акръ (4 р. 40 к. за десятину); если болѣе, до 160 акровъ, то цѣна двойная, $2^1/_2$ дол. (9 р. за десятину). Такимъ образомъ за наименьшій участокъ въ 14,8 дес. приходится всей платы около 62 рублей и за высшій отъ 29—58 дес., всего отъ 261 до 522 рублей.

3) Владѣльцы смежныхъ земель имѣютъ также право на полученіе изъ казенныхъ дачъ участка, прилегающаго къ ихъ владѣніямъ, на тѣхъ же условіяхъ и по той же цѣнѣ, но въ размѣрѣ не болѣе 160 акровъ (58 десятинъ).

4) Лица, желающія воспользоваться таковымъ правомъ, должны явиться въ мѣстное межевое присутствіе и дать присягу, что они желаютъ пріобрѣсти земли для собственной и личной эксплуатаціи, для жительства и хлѣбопашества, а не для уступки и перепродажи другимъ владѣльцамъ, и вообще не для спекулятивнаго оборота. — Послѣ этого они вносятъ задатка 10 долл. ($12^1/_2$ руб.) и вступаютъ немедленно во владѣніе отведеннымъ надѣломъ.

5) Окончательный вводъ во владѣніе производится не ранѣе какъ по истеченіи 5-лѣтняго срока (съ предоставленіемъ еще 2 лѣтъ отсрочки, всего 7 лѣтъ), причемъ, по минованіи этого срока, владѣлецъ долженъ представить двухъ свидѣтелей и подтвердить присяжнымъ ихъ показаніемъ, что онъ дѣйствительно, во все время со дня присужденія ему казеннаго надѣла, имѣлъ на немъ жительство и производилъ работы за свой счетъ и въ свою пользу. Это считается послѣднимъ дѣйствіемъ присужденія, и, по совершеніи его, владѣльцу выдается по установленной формѣ формальный документъ на вѣчное и потомственное владѣніе.

Этими пятью краткими статьями положены были основанія новой системѣ колонизаціи и землевладѣнія, которыя вѣроятно будутъ имѣть на аграрный и соціальный строй Новаго Свѣта болѣе вліянія, чѣмъ всѣ законодательныя и политическія мѣропріятія; онѣ, во-первыхъ, дали первенство и пре-

имущество мелкому землевладѣнію передъ крупнымъ, запрещая вовсе продажу участковъ болѣе 160 акровъ въ однѣ руки; во-вторыхъ, онѣ устроили кадры, если можно такъ выразиться, будущаго сословія землевладѣльцевъ-собственниковъ, придерживаясь принципа, что наилучшій порядокъ хозяйственной эксплуатаціи есть тотъ, при коемъ собственникъ самъ воздѣлываетъ свои земли и земледѣлецъ работаетъ не на хозяина, а самъ на себя. Предпосылая эти два правила, какъ исходныя положенія всѣмъ колонизаціоннымъ своимъ мѣропріятіямъ, казна Соединенныхъ Штатовъ не усумнилась пожертвовать для будущихъ благъ настоящими выгодами фиска, распродавая государственныя земли за сравнительно очень дешевую цѣну, 4 р. 40 к. за акръ.

Къ общественнымъ землямъ, public-lands, были причислены:

a) Земли, первоначально составлявшія собственность штата Нью-Іоркъ и уступленныя имъ въ пользу Союза въ 1871 г., и такія жѐ земли, тоже уступленныя другимъ штатамъ Виргиніей, Массачузетомъ, и земли, лежащія въ среднихъ штатахъ Огіо, Индіана, Иллиноисъ.

b) Разныя территоріи, пріобрѣтенныя покупкой или по трактатамъ отъ другихъ государствъ.

Операція эта потребовала очень сложныхъ, предварительныхъ межевыхъ работъ, и тутъ въ особенности проявился практическій смыслъ американцевъ, умѣющихъ производить колоссальныя операціи, не теряя времени и пренебрегая мелочными подробностями для достиженія главной желаемой цѣли.

Система, принятая для межеванія казенныхъ земель, отличается своею простотой: по первоначальному проекту, утвержденному еще въ 1785 г., приказано было разбить земли на прямоугольники; впослѣдствіи эти правила были пояснены и усовершенствованы, и въ настоящее время съемка и разверстка уже покончены на пространствѣ 179 милліоновъ десятинъ.

По этой системѣ прежде всего проводятся основныя линіи или базисы (Baselines), соотвѣтствующія градусамъ широты и пересѣкаемыя подъ прямыми углами другими линіями,

меридіанами, идущими по направленію долготы. Изъ этихъ прямоугольныхъ сѣченій образуются участки въ 6 квадр. миль, которые составляютъ округъ (township).—Округъ раздѣляется на кварталы (sections) каждый въ 1 квадр. милю, и кварталъ на полукварталы въ 320 акровъ, въ четверть 160, въ осьмушки 80 и наконецъ полу-осьмушки въ 40 акровъ (14,8 дес.).

Высшій размѣръ участковъ, присуждаемыхъ поселенцамъ, полагается въ 160 акровъ, низшій въ 40.

Въ теченіи 82 лѣтъ такимъ порядкомъ проведено было двадцать базисовъ, двадцать - три меридіана, и нарѣзано полныхъ участковъ въ 160 акровъ около 3 милліоновъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ съемка и разверстка уже совершенно покончены, но остается еще необмежеванныхъ земель около $^2/_3$.

Кромѣ поселенія, казенныя земли употреблены были также и на другіе предметы: на награжденія войска, служившаго въ разныя времена республикѣ, на содержаніе народныхъ школъ и разныхъ учебныхъ заведеній, на концессіи обществамъ желѣзныхъ дорогъ. По разнымъ актамъ 1847—1850—1855 и послѣдующихъ годовъ предоставляется всякому солдату, прослужившему въ арміи и флотѣ, право на полученіе, такъ-называемыхъ, наградныхъ земель (bounty-lands), и съ изданія перваго акта 1847 г. по 30 іюня 1867 г. роздано было 488,366 отставнымъ солдатамъ 50.028,320 акровъ, что составляетъ на одного среднимъ числомъ около 40 десятинъ.

На сельскія школы по акту 1785 г. отведена была особая территорія, лежащая на сѣверо-западѣ отъ штата Огіо; въ каждомъ кварталѣ (Section), разбитомъ на 16 участковъ, велѣно было отвести по 1 участку въ 640 акровъ на содержаніе народной школы. Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ штатахъ размѣръ этотъ удвоенъ, и положено отводить по 1,280 акровъ (473 дес.), съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ этихъ земель содержать въ каждомъ округѣ (township), кромѣ элементарныхъ школъ, еще учительскую семинарію.

Другой предметъ, на который тоже были ассигнованы концессіи земель—осушеніе болотъ. По акту 1849 года, штату Луизіанѣ отведенъ былъ большой надѣлъ земель вдоль Миссисипи, для устройства на нихъ плотинъ и шлюзовъ, для за-

щиты приречныхъ угодій отъ наводненій; въ слѣдующемъ году мѣра эта была распространена и на другіе штаты, и вообще предположено отдавать безплатно и въ вѣчное владѣніе мѣстнымъ начальствамъ и жителямъ неудобные болотистые грунты, обязывая ихъ осушить почву въ теченіи извѣстнаго срока.

Кромѣ того, ассигнуются также казенныя земли и въ пособіе отдѣльнымъ штатамъ для разныхъ общеполезныхъ предпріятій: на проведеніе шоссированныхъ дорогъ, каналовъ и другія сооруженія.

Наконецъ, въ новѣйшее время, обществу трансатлантической желѣзной дороги сдѣлана была громадная концессія, 184 мил. акровъ; но, кажется, опытъ этотъ былъ такой неудачный и повелъ за собой такія колоссальныя спекуляціи и обманы, что мѣра эта не будетъ болѣе примѣнена, и она дѣйствительно составляетъ первое и, къ сожалѣнію, очень зловредное отступленіе отъ прежней системы раздачи и распродажи земель по мелкимъ участкамъ. Вообще, эта необъятная государственная вотчина (Domaine) простирается отъ 29 до 49 градусовъ сѣверной широты, отъ большихъ озеръ и бассейна Миссиссипи до Тихаго океана и Берингова пролива; изотермическія линіи этой территоріи проходятъ съ сѣвера черезъ Норвегію и Россію къ устьямъ Амура, а съ юга черезъ сѣверную Африку, Египетъ, Аравію, Индію къ Кантону; никакое другое государство не представляетъ такого разнообразія климата, почвы, продуктовъ; объемъ этой территоріи public-lands въ 8 разъ болѣе Франціи, въ 15 разъ болѣе Пруссіи, въ 20 разъ болѣе Англіи и, за исключеніемъ Россіи, нѣсколько болѣе всей Европы, населеніе коей простирается до 200 милліоновъ жителей.

Если бы эти пустынныя страны со временемъ достигли такой же густоты населенія, какъ старые штаты, то на нихъ могли бы размѣститься 260 мил. жителей, а еслибъ населеніе ихъ было равно Англіи, то они бы вмѣстили 600 милліоновъ жителей.

Все пространство этихъ public-lands составляло въ 1840 г. около 2 мил. квадр. миль (англійскихъ), то-есть $^2/_3$ всего пространства Соединенныхъ Штатовъ, и равнялось 1,465 мил. акровъ. Съ присоединеніемъ нашихъ сѣверо-американскихъ

владѣній, еще необмежеванныхъ, но примѣрно исчисленныхъ въ 369 мил. акровъ, въ настоящее время государственныя земли имѣютъ пространства 1,834 мил. акровъ или около 674 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ къ 30 сентября 1860 г. считалось кадастрованныхъ и снятыхъ на планъ 441 мил. акровъ; распроданныхъ и пожалованныхъ 394 мил. акровъ; оставалось необмежеванныхъ около одного милліона акровъ. Въ теченіи послѣдующихъ 11 лѣтъ, съ 1860 г. по 1871 г., произведена вновь съемка и разверстка по 44.311,778 акровъ, чтó составляетъ въ годъ около 4 мил. обмежеванныхъ акровъ (1.480,000 дес.), и въ настоящее время остается еще свободныхъ казенныхъ земель 1,349 мил. десятинъ, считая въ томъ числѣ и новопріобрѣтенныя отъ Россіи сѣверо-американскія территоріи.

Передъ самой войной въ 1861—62 гг. межеваніе и распродажа public-lands достигали уже довольно значительныхъ размѣровъ: въ одинъ этотъ годъ распродано было 144,849 акр., на сумму 135,048 долларовъ, сдано въ аренду 611,824, уступлено штатамъ Ohio & Michigan для постройки желѣзныхъ дорогъ 597,129 и отведено на осушеніе болотъ 24,116; всего же въ теченіи года отчуждено изъ казеннаго владѣнія 1.377,922 акра или 509,860 десятинъ.

Нормальная цѣна, установленная по акту 1778 г., была первоначально 1 долларъ за акръ, потомъ была возвышена въ 1796 г. на 2 долл., и вновь понижена въ 1862 году на $1^1/_4$ доллара. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и по отдѣльнымъ кварталамъ, гдѣ уже распродано много земель, установлена высшая такса въ $2^1/_2$ доллара. Цѣна въ $1^1/_4$ долл. за акръ соотвѣтствуетъ около 4 р. 50 к. за десятину. Но, какъ видно изъ отчета за 1862 г., цѣна эта не всегда достигается, и въ этомъ году 144,849 акровъ проданы были за 135,048 долларовъ, чтò составляетъ за десятину 3 рубля 10 коп.

Послѣ войны операція эта усилилась: въ 1866—67 году отчуждено разныхъ казенныхъ земель 1.041,114 акровъ, въ томъ числѣ:

продано на наличныя деньги	756,619	акр.
тоже по праву присужденія (preemption)	1.788,043	„
пожаловано отставнымъ военнымъ чинамъ.	476,760	„
отведено подъ осушеніе болотъ	1.066,450	„

отведено подъ каналы и желѣзныя дороги	533,166	„
„ на земледѣльческія и техническія школы	2.420,072	„

Въ слѣдующихъ 1867—68 гг. отчуждено казенныхъ земель 6.655,742 акра.

Доходы отъ распродажи земель постоянно возрастаютъ; всего выручено по всѣмъ статьямъ:

въ 1867 году	1.347,862	долларовъ.
„ 1868 „	1.632,745	„
„ 1869 „	4.020,344	„

Управленіе казенными землями, составляя одинъ изъ немногихъ предметовъ вѣдомства центральныхъ властей американской республики, находится въ непосредственномъ завѣдываніи президента и конгресса, и поручается особой коммиссіи, Public-lands-Office, состоящей изъ главнаго коммиссара, секретаря, архиваріуса, регистратора, и 13 окружныхъ землемѣровъ.—Централизація этого вѣдомства въ рукахъ высшаго правительства составляетъ одну изъ главнѣйшихъ связей федераціи штатовъ, и очень сильное средство для поддержанія Союза и защиты его противъ сепаратистическихъ стремленій. Такъ разумѣлъ это и президентъ Линкольнъ, издавъ въ самомъ разгарѣ возстанія южныхъ штатовъ замѣчательный актъ о вотчинномъ владѣніи (Homestead Act) 1862 года.

Такимъ образомъ, федеративная связь закрѣпляется владѣніемъ территоріи въ 2 раза бо̀льшей, чѣмъ всѣ земли, принадлежащія отдѣльнымъ штатамъ; отчужденіе и присужденіе ихъ въ частную собственность остается въ рукахъ центральнаго правительства, и подобно тому, какъ въ монархіяхъ, для поддержанія патріотическихъ и вѣрно-подданническихъ чувствъ, расточаются высочайшія милости въ видѣ крестовъ, орденовъ, чиновъ, пенсіоновъ, въ Соединенныхъ Штатахъ сохраняется запасъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ десятинъ, годныхъ для поселенія нѣсколькихъ сотъ милліоновъ жителей, съ тою же цѣлью и, какъ кажется, съ лучшимъ разсчетомъ, ибо стремленіе къ пріобрѣтенію собственности, къ осѣдлому и хозяйственному быту еще болѣе сильно въ человѣческой природѣ, чѣмъ тщеславная слабость къ орденамъ и чинамъ.

Но и система, принятая въ Америкѣ, не лишена нѣкоторыхъ, очень значительныхъ неудобствъ, которыя мы здѣсь разсмотримъ на основаніи отчета, представленнаго главноуправленіемъ казенныхъ земель (Land-office) за 1862 годъ.

Во-первыхъ, оказывается, что правительство Соединенныхъ Штатовъ придерживается слишкомъ строгаго порядка при занятіи и завоеваніи новыхъ территорій, требуя отъ всѣхъ владѣльцевъ страны формальныхъ доказательствъ на принадлежащія имъ земли и подвергая, при малѣйшемъ подозрѣніи, строжайшему изслѣдованію, какъ самое право собственника, такъ и границы владѣннаго имъ участка.

Отъ этого возникли и возникаютъ ежедневно безчисленные процесы, и переселенцы часто заявляютъ свои права на покупку такихъ участковъ, которые заселены прежними жителями, ссылаясь на то, что они завладѣли землей самовольно, прежде изданія закона Homestead Act.

Далѣе, коммиссары заявляютъ, что этотъ актъ предоставляетъ поселенцамъ слишкомъ широкое право выбора, такъ какъ они могутъ заявлять свое право первой купли (preemption-right) на всѣ свободные участки безъ различія. Отъ этого очевидно происходитъ большая потеря для казны: поселяне постепенно выбираютъ лучшіе участки, худшіе остаются за казной, и надо предвидѣть, что въ скоромъ времени распродажа земель затруднится или даже прекратится вовсе; уже и теперь на наличныя деньги продаются только самые цѣнные сосновые лѣса, и доходъ отъ продажи казенныхъ земель въ послѣдніе годы начинаетъ уменьшаться.

Такъ какъ земли продаются со всѣми ихъ продуктами, то въ восточной части Соединенныхъ Штатовъ, при изобиліи цѣнныхъ минераловъ, разныхъ рудъ и каменноугольныхъ копей, присужденіе участковъ часто обращается въ спекуляцію; тѣ поселенцы, которые находятъ въ своихъ надѣлахъ разные металлы, мѣдь, желѣзо, не говоря уже о золотѣ и серебрѣ, наживаютъ громадныя богатства; сосѣди ихъ, соблазняясь ихъ счастіемъ, затрачиваютъ всѣ свои рабочія силы и денежныя средства на отысканіе такихъ же золотоносныхъ жилъ и песковъ; и хотя при этомъ нѣкоторые владѣльцы и обогащаются, но народное богатство и, еще болѣе, государственная казна терпятъ убытки отъ непроизводительныхъ и без-

успѣшныхъ работъ большинства этихъ поселенцевъ. Коммиссары, не высказывая прямо своихъ предположеній, ставятъ вопросъ — не признаетъ ли конгресъ нужнымъ изъять всякія копи и рудники изъ концессій и эксплуатировать ихъ за счетъ казны, обращая доходы на погашеніе государственнаго долга. Другіе предлагаютъ, не отступая отъ общаго начала — поощрять мелкое землевладѣніе, продолжать по прежнему распродажу этихъ земель, съ тѣмъ, однако, чтобы тѣ участки, гдѣ откроются цѣнныя ископаемыя, каменный уголь и минералы, были раздѣляемы на мелкія дѣлянки не болѣе 1 акра, вмѣсто нынѣшнихъ участковъ въ 40, 80, 160 акровъ, такъ какъ цѣнность и доходность такихъ земель относится къ прочимъ угодьямъ, по крайней мѣрѣ, какъ 40 къ 1; отъ таковой раздробительной системы горныхъ промысловъ коммиссары ожидаютъ громаднаго приращенія добычи металловъ и разсчитываютъ, что она возвысится со 100 милліоновъ долларовъ, нынѣ добываемыхъ, до 500 милліоновъ въ средней сложности.

То же самое оказывается и по копямъ каменнаго угля, которыя нашлись случайно въ немногихъ участкахъ, запроданныхъ съ разсрочкой по ничтожной цѣнѣ $1^1/_4$ доллара за акръ, принесли счастливымъ ихъ обладателямъ несмѣтныя богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ въ ихъ рукахъ монополію, очень вредную для народа и возвышающую цѣну топлива; около Санъ-Франциско и на всемъ востокѣ каменный уголь продается по 12 дол. за тонну на мѣстѣ (27 коп. за пудъ); для военныхъ кораблей уголь доставляется изъ Пенсильваніи на Тихій Океанъ, причемъ одна доставка обходится въ 20 долларовъ за тонну (45 коп. за пудъ), между тѣмъ какъ въ казенныхъ земляхъ безъ сомнѣнія лежатъ обильные и еще непочатые пласты каменнаго угля на всемъ протяженіи отъ горнаго хребта Дьяволо до Тихаго Океана; — такъ доносятъ члены-коммиссары Land-office.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ мѣры, принятыя въ Соединенныхъ Штатахъ для осушенія болотъ (Swamp-lands): до 30 іюня 1866 года было передано отъ конгреса отдѣльнымъ штатамъ таковыхъ болотистыхъ земель 43 мил-

ліона акровъ (17 милліоновъ десятинъ) на слѣдующихъ основаніяхъ.

Общимъ правиломъ полагается, что частные владѣльцы, а равно и правленія отдѣльныхъ штатовъ, если они находятъ въ числѣ земель, имъ проданныхъ или пожалованныхъ отъ казны, неудобные болотистые грунты, могутъ заявлять о томъ центральному правительству и получать для требуемыхъ работъ осушенія субсидіи или денежныя, или въ видѣ прирѣзки другихъ удобныхъ угодій.

Такъ, напр., по отчету за 1866 г. было выдано таковыхъ пособій (grants):

штату Иллинойсъ	деньгами . .	38,388 дол.	и землями . . .	280,503	акр.
„ Іова	„ . . .	65,286 „	„ „ . . .	50,896	„

Но очевидно, что такая мѣра представляетъ при исполненіи громадныя трудности, и коммиссары, коимъ она была поручена, въ каждомъ своемъ отчетѣ жалуются на затрудненія и на тяжкую отвѣтственность, которая на нихъ падаетъ по этому дѣлу.

Различными актами конгресса предначертаны, впрочемъ, подробнѣйшія, точнѣйшія и доходящія до мелочности инструкціи по производству этихъ дѣлъ о присужденіи болотныхъ субсидій (swamp-grants).

1) Болотистымъ грунтомъ признается только такой, который въ природномъ своемъ состояніи не можетъ быть воздѣланъ, не даетъ никакихъ произведеній и вовсе неудобенъ для культуры; и если въ отведенномъ участкѣ, полквартал̀ѣ 80 акровъ, оказывается такого грунта болѣе половины, то покупщикъ земли или мѣстное начальство (по участкамъ, пожалованнымъ школамъ) могутъ заявить требованіе о денежномъ пособіи для осушенія болотъ или о прирѣзкѣ излишней удобной земли. Но требованіе это должно быть во всякомъ случаѣ основано на предположеніи, что владѣлецъ желаетъ приступить къ осушенію почвы посредствомъ канавъ, плотинъ или дренажа.

2) Къ тому же разряду земель дозволено также относить и заливныя земли, если онѣ, подвергаясь постояннымъ періодическимъ затопленіямъ, неудобны для хлѣбопашества.

3) Заявленія, подаваемыя о выдачѣ субсидіи (indemnity),

должны быть подписаны, кромѣ владѣльца, двумя добросовѣстными свидѣтелями изъ помѣстныхъ обывателей, и заключать въ себѣ показанія подъ присягой о томъ, что означенныя угодья дѣйствительно неудобны для культуры, и съ описаніемъ тѣхъ работъ, которыя предполагаются нужными для приведенія почвы въ лучшее состояніе. Если самого владѣльца, первоначально купившаго землю отъ казны, нѣтъ на лицо, то мѣсто его заступаетъ агентъ, межевой чиновникъ штата.

4) Инструкціи межевымъ чинамъ предписываютъ слѣдующія правила для съемки и описанія болотныхъ земель: на планъ наносится въ цѣломъ составѣ пол-кварталъ, въ коемъ лежитъ эта земля, т.-е. не менѣе какъ $^{1}/_{6}$ часть округа (section), и планшеты, на коихъ нанесены эти участки, должны въ точности сойтись съ общими планами, хранящимися въ главномъ управленіи; на планахъ отмѣчаются внутренняя ситуація и наклонность площадей, также теченіе рѣкъ, глубина озеръ и всѣ детали, нужныя для опредѣленія гидравлическихъ работъ, требуемыхъ для осушенія почвы; правомъ на полученіе субсидій (grants) пользуются только такія земли, по коимъ землемѣръ признаетъ нужнымъ искусственныя сооруженія плотинъ, шлюзовъ, резервуаровъ или дренажа; наконецъ, предписывается составлять планы въ трехъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ хранить у землемѣра, другой въ мѣстной межевой конторѣ, третій представляется въ главное управленіе.

Но, несмотря на всѣ предосторожности, принятыя коммиссіей и правительствомъ, было много попытокъ обойти законъ, и весьма часто подавались заявленія ошибочныя или лживыя о такихъ будто-бы неудобныхъ земляхъ, которыя по провѣркѣ оказались очень годными и доходными.

Главное управленіе въ своемъ отчетѣ за 1862 годъ показываетъ, что изъ числа всѣхъ земель, заявленныхъ неудобными съ начала операціи до 30 сентября 1862 г., 44.498,351 акръ, около половины, т.-е. 20 милліоновъ акровъ, найдены были совершенно удобными, почему въ выдачѣ субсидій по нимъ отказано.

Таковы главныя черты этой колоссальной операціи, обновившей въ Америкѣ совершенно иную систему колонизаціи, чѣмъ та, которая дѣйствовала въ прочихъ частяхъ свѣта. Значеніе ея для всего стараго европейскаго общества и для Россіи въ особенности важно, потому что открываетъ грядущимъ поколѣніямъ новую соціальную будущность; а для Россіи готовитъ на крайнемъ востокѣ такого соперника въ дѣлѣ колонизаціи Сибири, противъ котораго трудно намъ будетъ устоять, если мы съ своей стороны не примемъ соотвѣтствующихъ мѣръ и не обратимъ вниманія на нашу колоніальную политику.

Въ американской системѣ можно подмѣтить много недостатковъ и погрѣшностей, которыя мы ниже и разберемъ, но надо признать, что въ виду усиленія державы многоземельной и малонаселенной, и также въ виду развитія и укрѣпленія демократическаго начала, на коемъ зиждется американская республика, трудно было избрать болѣе дѣйствительную и цѣлесообразную политику, какъ ту, которая проявилась въ упомянутомъ актѣ 1862 года. Она основана на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ европейскія управленія такъ-называемыхъ государственныхъ имуществъ, доменовъ и регалій.

Въ Европѣ всѣ таковыя имущества всегда разсматриваются какъ спеціальный доходъ казны, какъ фискальный рессурсъ, и ограждeніе этого общаго фонда отъ завладѣнія частныхъ лицъ составляетъ даже, по мнѣнію радикальныхъ партій, одно изъ условій общественнаго преуспѣянія; съ другой стороны, монархическія правительства, слѣдуя тому же принципу, употребляютъ ихъ для поддержанія въ своихъ подданныхъ и служителяхъ чувствъ преданности престолу и отечеству. Тѣ и другіе, правители и ихъ враги, радикалы и революціонеры сходятся въ томъ, что видятъ въ казенныхъ статьяхъ дохода основной фондъ народнаго или государственнаго богатства, и употребляютъ ихъ каждый по-своему для политическихъ своихъ цѣлей. Нѣкоторые государственные люди дошли даже до такого умозаключенія, что государственныя имущества служатъ залогомъ кредита государства, обезпеченіемъ его займовъ и что черезъ отчужденіе казенныхъ земель и оброчныхъ статей подрывается и самый кредитъ.

Въ Америкѣ, напротивъ, окончательно восторжествовала

другая политика, экономическая вѣра, что доходы казны прямо истекаютъ изъ народнаго богатства, а народное богатство обусловливается правильнымъ распредѣленіемъ имуществъ; что, поэтому, главная забота хозяйственнаго управленія должна состоять въ томъ, чтобы способствовать пріобрѣтенію имуществъ, равномѣрному и равноправному землевладѣнію, по возможности соотвѣтствующему рабочимъ силамъ, и среднему размѣру достоянія большинства жителей.

Изъ этого и выведены главныя начала разсматриваемыхъ нами узаконеній:

1) Что пустыя земли должны быть заселяемы, какъ можно поспѣшнѣе, какія бы для того ни потребовались временныя пожертвованія отъ государственной казны, и въ силу этихъ соображеній распродажа казенныхъ земель совершается по дешевой цѣнѣ, 4 р. 40 к. за десятину, по выбору самихъ покупщиковъ съ разсрочкой на 7 лѣтъ и по межеванію, произведенному въ самыхъ грубыхъ чертахъ по основнымъ линіямъ долготы и широты, прямоугольниками и кварталами. Очевидно, что при этомъ точность межевыхъ работъ, вѣрность плановъ приносится отчасти въ жертву быстротѣ, требуемой для приведенія въ извѣстность такихъ обширныхъ и малоцѣнныхъ угодій, которыя въ дикомъ своемъ видѣ оставались бы вовсе непроизводительными.

2) Что эксплуатація тогда только вполнѣ производительна, когда она производится непосредственно самимъ хозяиномъ, безъ найма постороннихъ рабочихъ, и потому размѣръ продаваемыхъ участковъ принятъ именно такой, какой соотвѣтствуетъ рабочей силѣ одинокаго хозяина (14 дес.).

Мѣра эта еще не обнаружила всѣхъ своихъ послѣдствій, во-первыхъ, потому, что бóльшая часть земель еще не обмежевана и не раздѣлена, и, во-вторыхъ, что свѣдѣнія о нихъ еще не успѣли проникнуть до европейскихъ безземельныхъ пролетаріевъ. Такая громадная операція, какъ распродажа 674 мил. десятинъ, не могла не встрѣтить въ первое время большихъ затрудненій, которыя повредили успѣшному ходу дѣла и породили большія замѣшательства и злоупотребленія. Но можно предположить, что великая республика справится и съ этимъ дѣломъ, устранивъ его недостатки, и распростра-

нитъ въ Европѣ свѣдѣнія, требуемыя массой эмигрантовъ, ожидающихъ своей очереди для переселенія; и тогда вліяніе этого мѣропріятія на соціальныя и аграрныя отношенія Стараго Свѣта будетъ безъ сомнѣнія очень сильное, ибо система земельныхъ надѣловъ, введенная въ Америкѣ, есть именно реализація завѣтной мечты европейскихъ рабочихъ—пріобрѣсти въ полную свою собственность изъ сбереженій своей трудовой жизни усадебную и полевую осѣдлость за дешевую цѣну и съ разсрочкой платежей.

Но для безпристрастной оцѣнки этого узаконенія надо отмѣтить также и нѣкоторыя слабыя его стороны.

Во-первыхъ, слишкомъ широкій произволъ, предоставляемый покупщикамъ при выборѣ своихъ участковъ; понятно, что при такой неограниченной свободѣ избранія покупаются ежегодно лучшія земли, а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ останутся только худшіе, бракованные участки, на которые трудно будетъ найти покупателей; поэтому коммиссары очень основательно предлагаютъ конгрессу установить очередь по округамъ (townships) и продавать только по одному или по два участка въ каждомъ штатѣ въ годъ. Во-вторыхъ, какъ уже выше замѣчено, одинаковый размѣръ и цѣна всѣхъ земель, безъ исключенія во всѣхъ территоріяхъ и безъ различія климата и почвы, составляетъ премію въ пользу тѣхъ счастливцевъ, которые случайно попадаютъ на разныя цѣнныя произведенія, скрытно лежащія въ нѣдрахъ земли; для уравненія этихъ шансовъ предлагается или изъять вовсе изъ распродажи тѣ земли, гдѣ будутъ открыты металлы и минералы, вознаграждая владѣльцевъ выкупной суммой,—или же разбивать такіе участки на мелкія дѣлянки въ 1 акръ (около 1/3 десятины).

Затѣмъ, лица, служащія по вѣдомству казенныхъ земель, очень жалуются на затрудненія, встрѣчаемыя ими при разбирательствѣ дѣлъ о неудобныхъ земляхъ, болотахъ (swamp-lands), объясняя, что около половины земель, показанныхъ подъ болотами, оказались, по изслѣдованію, годными для земледѣлія; изъ чего заключаютъ, что труды межевщиковъ и

таксаторовъ такимъ образомъ пропадаютъ даромъ, причиняя казнѣ значительные убытки.—На этотъ аргументъ, который въ Европѣ имѣлъ бы неоспоримую силу, главное управленіе отвѣчаетъ, въ своемъ докладѣ конгресу за 1867 годъ, что оно не признаетъ эти доводы достаточными для прекращенія операціи, такъ какъ посредствомъ изслѣдованій, исполняемыхъ техниками, опровергаются ложныя мнѣнія, а иногда и фальшивыя показанія о неудобствахъ, будто бы встрѣчаемыхъ для воздѣлыванія почвы, и черезъ это самое расширяется область производительныхъ земель, которыя, въ противномъ случаѣ, слыли бы еще много лѣтъ неудобными и оставались бы впустѣ; поэтому, пишетъ главный коммиссаръ, хотя повидимому казна и терпитъ убытокъ отъ напраснаго измѣренія 20 мил. акровъ, по коимъ заявленія владѣльцевъ были признаны неосновательными, но, съ другой стороны, все пространство это составляетъ приращеніе народнаго богатства, и земли, такимъ образомъ приведенныя въ извѣстность, возвращаются въ общее достояніе американскаго народа.

Мы полагаемъ однако, что эти аргументы американскихъ властей покажутся въ цивилизованной Европѣ съ ея бюрократическими и династическими интересами очень слабыми и натянутыми. Баснями соловья не кормятъ, а у насъ надо кормить и воеводъ и намѣстниковъ, армію и флотъ изъ казны и доходовъ государственныхъ имуществъ, а въ виду такой неотложной необходимости, разсуждать о будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, приращеніи народнаго богатства, жертвовать для будущихъ благъ кровными выгодами правителей и окружающаго ихъ сонма сановниковъ и чиновниковъ, тратить казенныя суммы для развѣдыванія земель и потомъ уступать ихъ въ пользованіе частныхъ лицъ, простыхъ рабочихъ—все это, мы опасаемся, покажется непрактическимъ, неудобоисполнимымъ и притомъ опаснымъ, какъ развитіе чисто-демократическаго землевладѣнія.

Не оспаривая трудностей и отчасти неудобствъ такой необъятной операціи, мы однако полагаемъ, что опытъ, произведенный въ Америкѣ, можетъ отчасти служить полезнымъ указаніемъ для тѣхъ странъ, которыя находятся въ условіяхъ совершенно подобныхъ, т.-е. рядомъ съ областями, уже довольно густо населенными, имѣютъ пространства пустынныя,

неразвѣданныя и лежащія какъ мертвый капиталъ въ рукахъ правительствъ и государственной казны.

Мы окончили описаніе главнѣйшихъ современныхъ колоній; остается сдѣлать сводъ изъ изложенныхъ свѣдѣній и представить ихъ въ нѣсколько систематическомъ порядкѣ.

Придерживаясь классификаціи французскаго экономиста Леруа-Больё, мы раздѣлили всѣ колоніи на двѣ группы — колоніи плантаторскія и колоніи земледѣльческія, различая ихъ, во-первыхъ, по порядку самаго ихъ основанія, во-вторыхъ, по способу отвода земель, и въ-третьихъ, по характеру землевладѣнія крупнаго въ первыхъ и мелкопомѣстнаго во вторыхъ.

Между ними есть однако и одна черта общая, обусловливающая успѣхъ всякой колонизаціи, это то, — что никакое поселеніе не можетъ быть предпринято безъ нѣкоторыхъ приготовительныхъ и предварительныхъ мѣръ, которыя въ англійскомъ колоніальномъ управленіи обозначаются терминами — the preparations, preparatory works, и состоятъ въ двухъ главныхъ дѣйствіяхъ: обмежеваніи и съемки на планы земель, отводимыхъ подъ поселеніе, и проведеніе нѣкоторыхъ главныхъ линій сообщеній грунтовыхъ, шоссейныхъ или желѣзныхъ дорогъ. Вездѣ, гдѣ такое приготовленіе было упущено, гдѣ поселенія устроились на-авось, по иниціативѣ самихъ переселенцевъ, или по приказу и велѣнію правительства, или даже по затѣямъ крупныхъ капиталистовъ и подрядчиковъ, хотя бы съ значительными денежными средствами, но безъ предварительнаго плана, тамъ они разрѣшились гибелью: голодомъ и моромъ большей части колонистовъ. Такъ разрушилось много колоній: французскія въ Гвіанѣ, на рѣкѣ Мана въ Сенегамбіи, на мысѣ Тегуантенекъ въ Мексикѣ, англійскія въ Австраліи на рѣкѣ Лебедь, нѣмецкія въ Чили и на Амазонской рѣкѣ, и много другихъ мелкихъ поселеній въ Южной Америкѣ, пропавшихъ безъ сдѣла.

Какъ же и какимъ порядкомъ должно быть приступлено къ этимъ работамъ? На чей счетъ и какими средствами, главное, какими рабочими силами могутъ онѣ быть исполнены въ странахъ пустынныхъ, гдѣ вольнонаемныхъ рабочихъ

не имѣется? Эти вопросы раздѣляли европейскихъ экономистовъ и правителей на два лагеря, пренія между коими еще нынѣ продолжаются.

Одни полагають, что такое приготовленіе само собой достигается посредствомъ концессій крупнымъ капиталистамъ и торговымъ или промышленнымъ компаніямъ, которыя расчищаютъ и распахиваютъ нови подъ будущія поселенія, и что для этого надо поддерживать эти хозяйственныя эксплуатаціи, по крайней мѣры въ первое время, охранительными мѣрами, изъ коихъ главная — покровительственный тарифъ на продукты, воздѣлываемые въ плантаціяхъ, и невольный или временно-обязанный трудъ рабовъ, ссыльныхъ или срочнообязанныхъ наемщиковъ.

На этомъ основаніи въ однѣхъ колоніяхъ (испанскихъ) удерживается понынѣ невольничество негровъ, въ другихъ — въ Австраліи переселено было нѣсколько сотъ тысячъ ссыльныхъ преступниковъ, въ-третьихъ (въ южно-американскихъ штатахъ, Виргиніи и др.) введены были настоящіе кабальные холопы подъ названіемъ — indented-servants, которые записывались за плантаторами на извѣстное число лѣтъ; наконецъ, по той же системѣ, англійское правительство поощряетъ всѣми силами отдачу эмигрантовъ на заработки землевладѣльцамъ и овцеводамъ въ Новомъ-Валлисѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ, гдѣ система концессій разсматривается именно съ этой точки зрѣнія, гдѣ предполагается, что богатые собственники и компаніи служатъ піонерами будущей колонизаціи, и гдѣ они, сами собственники, находятъ свои выгоды въ такомъ временномъ владѣніи съ цѣлію распродавать свои земли по мелкимъ участкамъ, тамъ несомнѣнно концессіи обширныхъ территорій приносятъ пользу.

Такъ, въ Канадѣ нѣкоторыя поземельныя компаніи, устраивая хутора (loghousses), воздѣлывая при нихъ небольшія запашки, и продавая ихъ съ разсрочками, въ кредитъ, мелкимъ владѣльцамъ (yeomenry, small yeomen), оказали дѣйствительно всему краю огромныя услуги. Но во всѣхъ другихъ колоніяхъ не видно, чтобы концессіи и пожалованія большихъ помѣстій и поддержка ихъ, болѣе или менѣе насильственная, посредствомъ рабочихъ, закрѣпленныхъ въ имѣніямъ, принесли

ожидаемую пользу; въ Австраліи, гдѣ эта система была примѣнена съ наибольшимъ искусствомъ и въ либеральномъ духѣ, съ наименьшимъ, по возможности, стѣсненіемъ вольнаго труда, послѣдствія не оправдали ожиданій; земли, какъ были, такъ и оставались подъ выгонами; пашни имѣется всего на 1.915,070 жителей—444,370 дес., и, вмѣсто хлѣбопашцевъ, Австралія населена 51 милліономъ овецъ.

Во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ системы концессіи и плантаторскихъ хозяйствъ имѣли еще худшія послѣдствія; выписка и законтрактованіе наемныхъ рабочихъ, вмѣсто прежнихъ невольниковъ, отчасти поддержали плантаторскія хозяйства въ моментъ кризиса при эмансипаціи негровъ, но затѣмъ причиняли въ соціальномъ отношеніи большія замѣшательства: антагонизмъ между вольноотпущенными и новыми наемниками принялъ во многихъ колоніяхъ, между прочимъ въ южноафриканскихъ колоніяхъ Франціи, самый ожесточенный характеръ. Не помогла также и другая мѣра, которую хотятъ нынѣ испытывать въ Россіи для удержанія рабочихъ: на островахъ Св. Маврикія, Бурбонѣ и другихъ заведены были такъ называемыя рабочія книжки „livrets“; но онѣ не только не достигли своей цѣли, но, напротивъ, стѣснили и устрашили рабочихъ, такъ что на островѣ Св. Маврикія изъ 60,000 вольноотпущенниковъ ушло изъ плантацій 45,000 человѣкъ. Однимъ словомъ, всѣ мѣры къ принудительному удержанію рабочихъ оказались, послѣ краткаго испытанія, или безуспѣшными, или болѣе вредными въ соціальномъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ полезными въ хозяйственномъ.

Испытавъ эти неудобства въ первое время колонизаціи Австраліи, испробовавъ и употребленіе ссыльныхъ на сельскія работы, и отдачу вольныхъ эмигрантовъ въ заработки, Англія въ новѣйшее время придумала другое, косвенное средство для удержанія рабочихъ—возвышеніе продажныхъ цѣнъ на земли до такой суммы (16 р. и выше за десятину), которая дѣлаетъ покупку недоступною или по крайней мѣрѣ очень трудною для бѣдныхъ эмигрантовъ, и заставляетъ ихъ нѣкоторое время работать по найму, чтобы выручить постепенно сумму нужную для пріобрѣтенія собственнаго имущества.

Мѣра эта, въ совокупности съ правиломъ употреблять суммы, вырученныя отъ продажи, на субсидіи переселенцамъ, имѣла дѣйствительно большой успѣхъ въ Австраліи. Она основана отчасти на вѣрныхъ соображеніяхъ: не подлежитъ сомнѣнію, что легкомысленное и притомъ неудержимое, страстное стремленіе переселенцевъ къ покупкѣ земель и заведенію хозяйства изъ скудныхъ и послѣднихъ своихъ средствъ причиняетъ, напримѣръ въ Америкѣ, частыя разстройства, стѣсняя хозяевъ недостаткомъ рукъ и возвышая непомѣрно рабочую плату.

Поэтому дѣйствительно желательно, чтобы рабочій не прежде переходилъ на хозяйство, какъ накопивъ извѣстную сумму, достаточную для эксплуатаціи. Это такъ; но затѣмъ представляется слѣдующій вопросъ: при каждомъ водвореніи предстоитъ два рода расходовъ: во-первыхъ, самая покупка, во-вторыхъ, обзаведеніе и оборотный капиталъ; чѣмъ выше будетъ продажная цѣна земли, тѣмъ менѣе будетъ оставаться у колониста средствъ для втораго рода расходовъ, и тѣмъ болѣе онъ рискуетъ, купивъ имущество за наличныя деньги, не имѣть возможности вести свое хозяйство, — такъ что, въ сущности, польза для рабочихъ при этой системѣ оказывается крайне сомнительною.

Но безспорно, что она представляетъ большія выгоды для хозяевъ, и тамъ, гдѣ однажды завелись крупное землевладѣніе, большія запашки и культуры, или выгонное хозяйство съ скотоводствомъ и овчарнями, тамъ, для поддержанія ихъ, для доставленія и обновленія рабочихъ силъ, едва ли можно измыслить болѣе практическую и полезную мѣру, какъ продажу земель по цѣнѣ нѣсколько возвышенной, и употребленіе этого фонда на переселеніе.

Затѣмъ, въ тѣсной связи съ вопросомъ о продажной цѣнѣ предлагается другой: **какъ установить эту цѣну? что признать дешевой, средней, высокой цѣной? и какъ открыть въ краяхъ еще неизвѣданныхъ дѣйствительную, нормальную стоимость поземельныхъ имуществъ?**

Опыты англо-саксонскихъ колоній въ Америкѣ и Австраліи разъяснили многое въ этихъ тяжелыхъ задачахъ, и прежде

всего опровергли мнѣніе (поддерживаемое нѣкоторыми школами экономистовъ), будто земля сама по себѣ, въ первобытномъ дикомъ своемъ состояніи, не имѣетъ никакой цѣнности и пріобрѣтаетъ таковую только отъ человѣческаго труда. Это мнѣніе вѣрно только въ отношеніи пустыхъ, вовсе ненаселенныхъ земель; но какъ только заводятся въ данной мѣстности первыя поселенія, какъ только пробиваются какія-либо пути сообщеній или высаживаются на берегахъ морей, озеръ, рѣкъ первые пришельцы, вскорѣ кругомъ нихъ земли пріобрѣтаютъ уже цѣнность, и въ самыхъ пустынныхъ краяхъ Канады и Австраліи на всякія самыя грубыя и дикія земли всегда являются покупатели.

Даровой надѣлъ, въ видѣ ли концессіи, или пожалованія, или отвода земель безплатно, есть, во всякомъ случаѣ, родъ милостыни, сопряженной съ казеннымъ убыткомъ; но, кромѣ того, безплатное пріобрѣтеніе собственности вездѣ и всегда имѣло дурное, если можно такъ выразиться, усыпляющее дѣйствіе на культуру и хозяйство; въ англійскихъ колоніяхъ замѣчено, что люди серьёзные, дѣловые, настоящіе хозяева предпочитаютъ покупать, хотя бы и по нѣсколько высокой цѣнѣ, земли изъ частныхъ рукъ, чѣмъ испрашивать разными окольными путями и потаенными способами пожалованіе земель. Поэтому можно признать безусловно, что безплатный земельный надѣлъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ собственниковъ, имѣетъ на нихъ самихъ и на народное хозяйство такое же зловредное дѣйствіе, какъ и всякое даровое подаяніе, поощряя тунеядство и низкопоклонство.

Но какимъ же способомъ установить и открыть справочную цѣну земель, нормальную, хотя бы и приблизительную, ихъ стоимость? Самый простой способъ—это публичные торги съ переторжками; онъ былъ испробованъ первоначально въ Соединенныхъ Штатахъ при продажѣ public-lands, на которыя назначалась очень низкая цѣна, какъ мы видѣли, 4 р. 40 к. за десятину. Но такъ какъ продажныхъ участковъ было всегда болѣе, чѣмъ торгующихся, то торги рѣдко состоялись и участки прямо (послѣ двухнедѣльнаго срока, назначаемаго для переторжки) присуждались по первоначальной оцѣнкѣ желающимъ, или даже ниже этой цѣны, когда кон-

куррентовъ было мало; по 3 руб. 10 коп. за десятину было распродано въ 1862 г. болѣе 144 тыс. акровъ.

Вообще таковыхъ предложенныхъ и нераскупленныхъ участковъ накопилось столько, что въ 1854 г. изданъ новый законъ, по коему земли, не проданныя по прошествіи 10 лѣтъ послѣ первыхъ торговъ, продаются по уменьшенной цѣнѣ: вмѣсто $1^1/_4$ долл. за акръ—по 1 доллару, послѣ 15 лѣтъ сбавляется еще 25%, послѣ 20 лѣтъ 50%, послѣ 25 л.—75%, наконецъ послѣ 30 л.—$87^1/_2$%.

Такимъ образомъ, при изобиліи земель система торговъ оказалась положительно недѣйствительной, и превратилась сама собой въ продажу по одинаковой и неизмѣнной цѣнѣ (à prix fixe et uniforme), и таковая нынѣ принята какъ въ англійскихъ колоніяхъ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но существенное различіе между англійскими и американскими порядками состоитъ въ томъ, что по первому продажа земель до нѣкоторой степени задерживается и регулируется высокой оцѣнкой, между тѣмъ какъ по второму покупка дѣлается общедоступной всѣмъ и каждому, даже бѣднѣйшимъ обывателямъ, по сравнительно дешевой цѣнѣ и съ облегченіемъ платежей. Въ обѣихъ этихъ странахъ та и другая система была принята сознательно, по долгому и внимательному обсужденію, исправлена по указаніямъ опыта и направлена къ двумъ различнымъ цѣлямъ: одна, англійская, къ поддержанію крупныхъ плантацій, фермъ и овчарень, въ духѣ аристократическаго англійскаго общества; другая—въ демократическомъ духѣ для развитія мелкой культуры, земледѣльческой колонизаціи, поселеній крестьянъ-хлѣбопашцевъ.

Мы описали выше главныя ихъ черты; дополнивъ ихъ еще нѣкоторыми отдѣльными свѣдѣніями, постараемся здѣсь вывести изъ сравненія ихъ общія указанія объ ихъ выгодахъ и недостаткахъ.

Одно изъ основныхъ началъ американской системы колонизаціи есть то, что она допускаетъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ узаконяетъ право первой заимки (jus primi occupantis) и вводитъ такимъ образомъ въ цивилизованное общество право, обыкновенно относимое къ временамъ перво-

бытнаго, самовольнаго поселенія. Это очень важно для Россіи, которая почти вся заселилась и отчасти продолжаетъ заселяться безъ вѣдома правительства и безъ всякихъ актовъ владѣнія. Въ Соединенныхъ Штатахъ squatter, заимщикъ, насельникъ, поселившійся, хотя бы и самовольно, въ пустыхъ казенныхъ земляхъ, покуда онѣ не обмежеваны и не ассигнованы въ продажу, не лишается впослѣдствіи права собственности на занятыя земли. Владѣніе его признается, въ нѣкоторомъ смыслѣ, если не законнымъ, то дѣйствительнымъ, если оно не превышаетъ 360 акровъ (133 десят.). Только онъ не можетъ противиться продажѣ своего участка, когда очередь до него дойдетъ, и въ такомъ случаѣ получаетъ, вмѣсто казны, въ свою пользу цѣну, назначенную для public lands, по $1^1/_4$ долл. за акръ.

Другое существенное отличіе американской системы есть то, что цѣна продажныхъ и нераспроданныхъ земель, какъ мы выше объяснили, понижается по прошествіи извѣстнаго срока, отъ 10 до 30 лѣтъ, и доходитъ наконецъ до ничтожной цѣны $12^1/_2$ центовъ за акръ (46 к. за десятину). Такъ какъ естественно, что лучшія земли раскупаются охотнѣе и скорѣе, а худшія остаются, то этимъ способомъ производится сама собой, безъ особаго и дорогого труда, расцѣнка и сортировка земель. При этомъ однако, въ предупрежденіе спекуляцій, требуется отъ покупателей присяжное показаніе, что они не купили прежде другого участка и не владѣютъ въ другихъ мѣстахъ имѣніемъ болѣе 360 акровъ.

Сопоставляя эти мѣры съ прежде указанными о продажѣ казенныхъ земель, мы видимъ въ нихъ полное осуществленіе демократическаго начала. Всякая система оптовой продажи, какая бы она ни была, съ торговъ или по оцѣночной и неизмѣнной цѣнѣ, имѣетъ то неудобство, что лучшія земли раскупаются или дороже, если допускается переторжка, или быстрѣе и предпочтительно, если оцѣнка одинаковая; американская система, присуждая земли безъ торговъ по установленной цѣнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ понижая ее при несостоявшейся продажѣ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ право первой заимки, открываетъ такимъ образомъ широкій, свободный доступъ къ землевладѣнію всѣмъ классамъ жителей, всѣмъ состояніямъ.

Въ запасѣ для бѣдныхъ обывателей остаются, правда, худшія земли, но цѣна ихъ пропорціонально очень низка, такъ что участокъ въ 40 акровъ (14 десят.) можетъ быть купленъ по цѣнѣ 46 коп. за десят., всего на сумму 6 руб. 44 коп.

Разумѣется, эти мѣры, примѣненныя къ громадной площади американской территоріи, повлекли за собой большія злоупотребленія, и, по нашему разумѣнію, ошибочность американской системы именно и заключается въ излишнемъ расширеніи и поспѣшности этой всеобъемлющей операціи. Если бъ продажа земель шла постепенно съ востока на западъ, какъ шла самая колонизація, и на каждый періодъ назначалось бы для продажи земель по одному или нѣсколько округовъ (townships), какъ предлагаютъ сами коммиссары, то такія расхищенія, какъ мы видѣли (наприм. ложное показаніе о 20 милл. акровъ болотистыхъ земель), вѣроятно были бы избѣгнуты.

Но въ тѣхъ штатахъ, гдѣ продажа земель организована была правильно, дѣйствіе ея на благосостояніе жителей, на развитіе хлѣбопашества, скотоводства и всѣхъ сельскихъ промысловъ превосходитъ всѣ примѣры, какія только представляются въ исторіи древней и новѣйшей цивилизаціи. Такъ, между прочимъ, въ штатѣ Огіо въ 50 лѣтъ, съ 1790 г. по 1840 г., поселилось вновь, среди дремучихъ лѣсовъ, 1.519,000 жителей, образовалось многолюдное сословіе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (small yeomen) и вся страна покрылась мелкими фермами, исключительно занятыми хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ и производящими, безъ пособія другихъ промысловъ, огромную торговлю зерновыми хлѣбами, мяснымъ и молочнымъ скотомъ.

Поэтому можно положительно признать, что въ странахъ земледѣльческихъ, гдѣ почва и климатъ привольны для сельскаго хозяйства, а промышленность мало развита, этотъ порядокъ поселенія по мелкимъ участкамъ, распродаваемымъ по дешевой цѣнѣ непосредственно земледѣльцамъ, производящимъ сами отъ себя культуру и сельскія работы—что этотъ порядокъ есть безъ сомнѣнія и безъ сравненія лучшая система колонизаціи.

Но другое дѣло въ краяхъ, гдѣ хлѣбопашество принимается туго, по суровости или чрезмѣрному зною климата, или по дикости почвы, покрытой высокоствольными лѣсами, или по особеннымъ свойствамъ страны, производящей цѣнные продукты—хлопокъ, сахаръ, кофе, табакъ, высокіе сорты шерсти, минералы, руду, золото и серебро. Тамъ, сколько можно судить по опытамъ всѣхъ европейскихъ народовъ, хлѣбопашество и мелкое землевладѣніе не можетъ повидимому конкуррировать съ обширными плантаціями и большими хозяйствами; наемный трудъ представляетъ болѣе выгодъ бѣдному люду, чѣмъ культура зерновыхъ хлѣбовъ и другихъ сырыхъ и малоцѣнныхъ продуктовъ; тонкорунное овцеводство вытѣсняетъ другія породы простого крестьянскаго скота, и вообще частныя хозяйства принимаютъ видъ болѣе промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, имѣющихъ въ виду отпускъ товара въ чужіе края, а не внутреннее продовольствіе и потребленіе.

Тамъ преобладаетъ экстенсивное хозяйство и оно требуетъ поддержки, протекціи правительства, которая въ прежнія времена ему и оказывалась посредствомъ дарового труда невольниковъ, а въ настоящее время даруется въ видѣ разныхъ наемниковъ, временно-обязанныхъ служителей или ссыльныхъ, отдаваемыхъ въ кабалу плантаторамъ и землевладѣльцамъ.

Въ принципѣ, a priori, трудно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ системъ колонизаціи лучше: первыя земледѣльческія колоніи могутъ процвѣтать только въ такихъ краяхъ, гдѣ климатъ и почва сходны съ климатическими и земледѣльческими условіями той страны, откуда выходятъ переселенцы; подъ тропиками или въ знойныхъ степяхъ Средней Азіи, европейцы оказываются дурными колонистами. Поэтому нужно признать, что и плантаторскія колоніи имѣютъ свое обширное поприще дѣйствія на земномъ шарѣ, и если онѣ не могутъ существовать безъ обязательннаго труда, безъ закрѣпленія или закабаленія рабочихъ, то можно допустить и эту прискорбную необходимость, чтобы избѣгнуть кризиса въ колоніальной торговлѣ, снабжающей европейскіе рынки предметами насущнаго потребленія.

Безспорно также, что въ государствахъ, имѣющихъ об-

ширныя территоріи въ смежности съ коренными землями, какъ Far-West въ Соединенныхъ Штатахъ, Сибирь и Кавказъ въ Россіи, колонизація должна имѣть чисто земледѣльческій характеръ, т.-е. предложить себѣ главною цѣлью развитіе мелкой культуры, хлѣбопашества и скотоводства.

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ объ управленіяхъ колоніями и прежде всего разрѣшить по принципу, могутъ ли новыя поселенія быть предоставлены сами себѣ, иниціативѣ самихъ колонистовъ; нужно ли и полезно ли вмѣшательство и руководство правительства; требуется ли нѣкоторое содѣйствіе государственной казны въ видѣ субсидій переселенцамъ или регулированія порядковъ ихъ водворенія, или авансовъ для первоначальныхъ расходовъ?

Англичане долгое время утверждали, какъ аксіому колоніальной политики, что колоніи должны сами себя содержать, и называли это self-supporting principle [9]). Предполагалось, что авансы, основной фондъ для колоніи даются только въ видѣ концессій и что этими щедрыми подаяніями обезпечивается благосостояніе будущихъ поселеній. Дѣйствительно, въ тѣхъ краяхъ, какъ, напримѣръ, въ Канадѣ, гдѣ концессіонеры, не гоняясь за эксплуатаціей обширныхъ имѣній, благоразумно распорядились продажей земель по мелкимъ участкамъ, тамъ расходы правительства нѣсколько сократились. Но въ бо́льшей части случаевъ крупныя концессіи не только не покрыли мѣстныхъ расходовъ, но причинили еще казнѣ двойные расходы на ликвидацію запутанныхъ счетовъ.

Впослѣдствіи оказалось, что, несмотря на протекціонные и запретительные тарифы, коими поддерживались промыслы и торговля колоній, администрація ихъ сто́итъ все-таки дороже, чѣмъ прибыли, изъ нихъ извлекаемыя, и въ 1853 году, министръ колоній разсчитывалъ, что чистый убытокъ государственной казны по колоніальному управленію простирается въ годъ на 2.300,000 фунт. стерлинговъ.

Въ новѣйшее время экономисты и государственные люди Англіи пришли къ убѣжденію, что для правильной колони-

заціи необходимо ассигновать фонды и суммы изъ казны метрополіи, или отдѣлять изъ валового мѣстнаго дохода нѣкоторыя статьи для развитія и устройства новыхъ поселеній; также, что переселенія не могутъ быть организованы безъ руководства центральнаго правительства и субсидій колонистамъ; однимъ словомъ, что въ первое время, при водвореніи поселянъ на новыхъ мѣстахъ, необходима имъ нѣкоторая помощь, а впослѣдствіи, когда уже колонія окрѣпла, также необходимы имъ полная самостоятельность и самоуправленіе.

Этимъ правиламъ слѣдуютъ и Англія съ аристократическимъ стремленіемъ ввести въ колоніяхъ крупную культуру, и Соединенные Штаты при введеніи демократическаго, мелкаго землевладѣнія; поэтому этотъ ходъ колонизаціи можетъ быть признанъ во всякомъ случаѣ и при всякихъ видахъ переселенія наиболѣе основательнымъ, правильнымъ, успѣшнымъ.

Главныя черты новѣйшей колоніальной политики этихъ государствъ могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ правилахъ:

1) При всякой колонизаціи требуются предварительно двѣ работы: межеваніе и съемка на планы территоріи, отводимой для поселенія, и проведеніе путей сообщеній. Только эти работы и должны быть исполнены центральнымъ правительствомъ, на казенный счетъ. Всѣ прочія работы, распашка полей, расчистка лѣсовъ, осушеніе болотъ и т. п., должны быть предоставлены самимъ колонистамъ, съ нѣкоторой преміей отъ казны за работы, требующія особыхъ затратъ, какъ-то осушеніе болотъ.

2) Казенныя земли должны быть продаваемы, а не жалуемы или отводимы въ даръ, и притомъ, по одинаковой и неизмѣнной цѣнѣ (à prix fixe et uniforme), установленной для каждаго округа, уѣзда, стана или волости особо. Для открытія настоящихъ справочныхъ цѣнъ на земли, въ Америкѣ первоначально допущены были торги, но вскорѣ они были отмѣнены, такъ какъ большая часть изъ нихъ не состоялась, и, вмѣсто переторжки, то-есть наддачи цѣнъ, принято было за правило понижать цѣну на участки, нераспроданные при первыхъ торгахъ.

3) Относительно цѣнъ Англія и Соединенные Штаты придерживаются разныхъ принциповъ, первая высокихъ цѣнъ, въ 20—30 шил. за акръ (13 р. и до 25 р. за десят.), вторая низкихъ, отъ $1^1/_4$ до $2^1/_2$ долл. за акръ (4 р. 40 к. до 9 р. за дес.), съ пониженіемъ цѣнъ по прошествіи 30 лѣтъ до 46 к. за десятину.

Англія при этомъ имѣетъ въ виду задержать слишкомъ быстрое водвореніе бѣдныхъ эмигрантовъ, неимѣющихъ достаточныхъ средствъ для веденія хозяйства,—и, съ другой стороны, доставлять хозяевамъ-землевладѣльцамъ постоянную прибыль рабочихъ рукъ отъ вольныхъ наемниковъ.

Въ Америкѣ, наоборотъ, преслѣдуется другая цѣль—облегчить по возможности рабочему люду пріобрѣтеніе имущества и осѣдлости, хотя бы и на худшихъ земляхъ, но по цѣнѣ самой дешевой. Эти два направленія обусловливаются и самымъ характеромъ культуры и землевладѣнія. Въ Австраліи и прочихъ англійскихъ колоніяхъ имѣется въ виду поддержать плантаціи, овцеводство, отпускную торговлю; въ Америкѣ—хлѣбопашество и внутреннее продовольствіе. Усиленіе рабочаго наемнаго труда есть главная цѣль англійскаго колоніальнаго управленія; размноженіе хозяйствъ, хлѣбныхъ посѣвовъ, развитіе самостоятельнаго сельскаго быта—главный интересъ американскаго правительства.

4) Разныя системы, придуманныя для принудительнаго закрѣпленія рабочихъ, какъ прямыя, такъ и косвенныя, оказавъ нѣкоторую пользу въ первое время послѣ эмансипаціи негровъ, впослѣдствіи, и очень скоро, обнаружили свою несостоятельность.

Рабочія книжки (livrets) во французскихъ колоніяхъ, употребленіе ссыльныхъ (convicts) или законтрактованныхъ служителей (intented servants) въ англійскихъ, выписка и закабаленіе рабочихъ изъ Китая, Индіи,—всѣ эти мѣры въ настоящее время уже повсемѣстно осуждаются, какъ болѣе вредныя въ соціальномъ отношеніи, чѣмъ полезныя въ хозяйственномъ.

Соединенные Штаты никогда ихъ не примѣняли; Англія ихъ отмѣнила, и для привлеченія рабочихъ установила другой порядокъ: провозъ бѣдныхъ эмигрантовъ на счетъ казны, ас-

сигнуя на этотъ расходъ 75% изъ валовой суммы прихода отъ продажи казенныхъ земель.

5) Наконецъ, обѣ эти англо-саксонскія державы, придерживаясь принципа, что въ первое время для колонизаціи нужно содѣйствіе центральнаго правительства и казны, также неуклонно соблюдали другое правило—давать новонаселеннымъ краямъ полную самостоятельность мѣстнаго управленія, коль скоро въ нихъ набираются нужные элементы для самоуправленія, хотя бы въ первое время и скудные, лишь бы только насущныя нужды и пользы мѣстныхъ жителей имѣли своихъ представителей.

Въ Канадѣ, Капландіи, Новомъ-Валлисѣ англичане ввели парламенты и земскія учрежденія, на подобіе своихъ собственныхъ установленій въ старой Англіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ, коль скоро новая территорія заселяется, ей даруется вольная конституція, какъ въ коренныхъ областяхъ. Связь колоній съ метрополіей отъ этого неизбѣжно ослабѣваетъ; зависимость нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Канады отъ Англіи, почти номинальная: многіе даже предвидятъ и предсказываютъ, что великобританская имперія не долго удержитъ эти юныя и свѣжія вѣтви древняго англо-саксонскаго корня. Но англичане не смущаются этими угрозами сепаратизма, которыя принимаются такъ къ сердцу въ другихъ государствахъ и оскорбляютъ чувствительный патріотизмъ правителей и подданныхъ; они испытали и знаютъ, что тщеславное стремленіе держать подъ своимъ скипетромъ отдаленныя провинціи и предписывать имъ законы и налоги обходится дорого податнымъ обывателямъ коренныхъ земель, что отъ этого прославляется корона, кормятся сановники и чиновники, наживаются промышленники, торговцы и банкиры, но простые люди, податные классы, терпятъ большіе убытки. Въ новѣйшее время, въ 1858 г., послѣ всѣхъ усовершенствованій и упрощеній колоніальнаго управленія, министерство колоній еще заявляло парламенту дефицитъ въ 16—17 милліоновъ рублей въ годъ. Разсчетливая англійская нація поэтому примиряется съ мыслей объ отпаденіи, въ болѣе или менѣе близкой будущности, своихъ эмансипированныхъ колоній, и заботится о томъ, чтобы посредствомъ мѣстнаго самоуправленія и равномѣрной податной системы сократить

расходы на нихъ государственной казны и центральнаго правительства.

6) Податная система нѣсколько различна въ англійскихъ и американскихъ колоніяхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ принято правило—коль скоро земли проданы въ частныя руки, то облагать ихъ умѣреннымъ, невысокимъ сборомъ, одинаковымъ, огульнымъ по всѣмъ сортамъ земель, не различая пустыхъ и дикихъ земель отъ угодій, между тѣмъ какъ въ Канадѣ (и, если не ошибаемся, также въ Австраліи) облагаются позельнымъ налогомъ и болѣе высокой платой только культурныя земли, пашни, луга, и усадьбы [10]).

Американская податная система еще дополняется, во-первыхъ, тѣмъ, что на предметы общей пользы, какъ-то: содержаніе школъ, земледѣльческихъ и другихъ училищъ, ассигнуются особые участки казенныхъ земель (public-lands), и вовторыхъ, что неудобныя земли (swamp-lands) уступаются безплатно частнымъ лицамъ для ихъ улучшенія.

Система эта имѣетъ демократическій характеръ: она поощряетъ мелкопомѣстное владѣніе, заставляетъ крупныхъ собственниковъ распродавать пустыя, непроизводительныя земли, или пріискивать для нихъ фермеровъ, земледѣльцевъ, чтобы не платить лишняго налога за бездоходныя пустоши; и такъ какъ поземельный сборъ ассигнуется сполна на мѣстные расходы, преимущественно на дорожную повинность, то земли сами собой получаютъ бóльшую цѣнность отъ проведенія по нимъ новыхъ путей сообщенія.

Англійскіе порядки раскладки имѣютъ болѣе аристократическій характеръ; они поддерживаются крупными землевладѣльцами и компаніями въ Канадѣ, овцеводами въ Австраліи, плантаторами на Вестъ-Индскихъ островахъ, несмотря на оппозицію прочихъ жителей и въ противность самому правительству, которое уже нѣсколько разъ входило съ предложеніями объ установленіи общаго равнаго налога на частныя земли. Дѣйствію этой податной системы должно быть отчасти приписано, что въ Австраліи хлѣбопашество принимается очень туго и медленно, а изъ Канады происходитъ постоянное переселеніе въ Соединенные Штаты.

Но общею связью финансоваго управленія въ Англіи и

Америкѣ является слѣдующій основной принципъ: что пустыя казенныя земли не должны быть разсматриваемы какъ доходная статья казны, но единственно какъ запасной фондъ для заселенія этихъ же самыхъ земель, для колонизаціи.

Англія, озабоченная развитіемъ своего пролетаріата, употребляетъ этотъ фондъ для вывоза эмигрантовъ; Соединенные Штаты, наоборотъ, для привлеченія новосельцевъ и устройства для нихъ мелкихъ фермъ (loghousses), сельскихъ дорогъ и народныхъ школъ.

Которая изъ этихъ двухъ системъ лучше, цѣлесообразнѣе? которая изъ нихъ болѣе примѣнима къ русской землѣ? Это вопросы, которые разрѣшаются мѣстными интересами страны и народа. Мы разсмотримъ ихъ въ слѣдующей главѣ въ отношеніи къ Россіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹) Изъ сочиненій, которыми мы пользовались въ этой главѣ, особенно рекомендуемъ читателямъ слѣдующія: Jules Duval — Histoire de l'Emigration, Paris, 1869; Leroy-Beaulieu — De la Colonisation des peuples modernes, Paris, 1874; Roscher — Kolonien, Kolonial-politik und Auswanderung, Leipzig, 1856; Siaman — System of the american Government, The American Year-Book and National Register for 1869. Сочиненіе Леруа-Больё можно признать лучшимъ, образцовымъ изложеніемъ этого предмета по новѣйшимъ свѣдѣніямъ.

---

²) Когда появилась въ печати, въ „Сборникѣ Государственныхъ знаній", первая глава этого сочиненія — „объ эмиграціи", мнѣ, между прочимъ, сдѣлано возраженіе — что явленіе переселенія не составляетъ, какъ я это представилъ, признака разстройства общественнаго организма, а, напротивъ, живую потребность обществъ, достигшихъ высшей культуры, гдѣ люди стремятся, по избытку внутреннихъ своихъ силъ, къ примѣненію ихъ внѣ своего отечества, къ оплодотворенію другихъ странъ сѣменами цивилизаціи, созрѣвшими у нихъ. Другіе критики замѣтили, что желаніе улучшить свой бытъ есть чувство, присущее человѣческой природѣ, и что всегда и во всѣхъ странахъ люди предпріимчивые, энергическіе увлекались мечтой о переселеніи въ чужіе, невѣдомые края, гдѣ изобиліе плодовъ земныхъ принимало въ ихъ во-

ображеніи колоссальные размѣры. Это такъ; но въ каждомъ проявленіи человѣческаго организма слѣдуетъ, какъ намъ кажется, различать спорадическіе припадки отъ хроническихъ, случайныя приключенія, неизбѣжныя въ жизни каждаго органическаго и общественнаго тѣла, отъ коренныхъ, существенныхъ пертурбацій, принимающихъ постоянный характеръ. Что въ каждомъ гражданскомъ обществѣ встрѣчаются люди, недовольные своимъ положеніемъ и отыскивающіе другую среду для своего жительства и промысловой своей дѣятельности — это несомнѣнно и совершенно естественно; но когда число этихъ людей, постоянно и последовательно возрастая, доходитъ до такого процента, какъ въ Ирландіи или Германіи, то едва ли можно признать такое явленіе нормальнымъ и въ экономическомъ отношеніи благопріятнымъ; переселеніе во всякомъ случаѣ сопряжено съ расходами непроизводительными: на распродажу имущества, на переѣздъ и на новое обзаведеніе, и когда сумма этихъ убытковъ составляетъ въ годъ около 30 милл. руб. (считая на 1 эмигранта по 100 руб. и около 30 тыс. эмигрантовъ въ годъ), то нельзя назвать такое явленіе вообще выгоднымъ экономическимъ оборотомъ. — Что же касается до причинъ, породившихъ въ наше время эмиграцію въ усиленномъ видѣ, то мы вполнѣ согласны съ нашими оппонентами, что главное побужденіе есть прогрессивное стремленіе низшихъ классовъ къ улучшенію своего быта; но они также должны согласиться съ нами, что такому улучшенію наиболѣе препятствуетъ неравномѣрное распредѣленіе недвижимыхъ имуществъ, чрезмѣрное развитіе крупнаго владѣнія, стѣсненіе мелкихъ собственниковъ и обезземеленье народныхъ массъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти причины проявляются съ наибольшею силою, тамъ и эмиграція принимаетъ въ наше время все бóльшіе размѣры, такіе размѣры, какихъ она не достигала нигдѣ и никогда, ни въ древнемъ мірѣ, ни въ новомъ.

---

³) Между колоніями англо-саксонскими и всѣми другими, основанными другими народами, представляется еще та разница, что первыя проистекли бóльшею частію изъ экономическихъ побужденій, а вторыя изъ политическихъ: первые колонисты изъ Англіи, заселившіе сѣверную Америку, были земледѣльцы, бѣжавшіе отъ экономическаго и аграрнаго кризиса, постигшаго въ XVI столѣтіи Великобританію, между тѣмъ какъ колонизаторы южной Америки были военныя дружины или торговыя компаніи, вторгавшіяся вооруженной рукой въ новыя территоріи. При этомъ замѣчательно, что это главное эмиграціонное движеніе XVI столѣтія изъ Англіи было порождено тѣми же самыми причинами, которыя усилили такъ внезапно переселенія и въ наше время, въ первой половинѣ этого столѣтія. Въ царствованіе Елисаветы, въ поземельныхъ отношеніяхъ произошелъ внезапный кризисъ, начались тѣ расчистки помѣстій (clearing of estates), которыя мы описали въ главѣ о землевладѣніи въ Англіи. Современные писатели разсказываютъ, съ какимъ рвеніемъ всѣ землевладѣльцы Великобританіи начали замѣнять хлѣбопашество скотоводствомъ, обращать свои запашки въ искусственные луга и выгоны и выселять фермеровъ и крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Одинъ англійскій историкъ (William Jacob) описываетъ живыми красками это

опустошеніе страны; между прочимъ онъ приводитъ слова одного епископа (Latimer), который въ 1548 году, въ одной изъ своихъ проповѣдей, выразился такъ: „эта система залужаній и загораживаній (these graziers and inclosers) есть оскорбленіе англійской короны! Гдѣ прежде жили люди и велись хозяйства, теперь встрѣчаемъ однихъ пастуховъ съ собаками. Не оскорбленіе ли это короны?“ Въ другомъ сочиненіи того же времени приводятся слова одного крестьянина: „эти изгороди и выгоны насъ всѣхъ разорятъ; мы не находимъ больше земли для пашни, все забирается подъ выгонъ овецъ и рогатаго скота; въ моемъ околоткѣ, на пространствѣ 6 миль, упразднилось въ послѣдніе годы 12 крестьянскихъ дворовъ; гдѣ прежде кормилось 30 человѣкъ, теперь кормится стадо барановъ или гуртъ воловъ. Бѣдные поселяне совсѣмъ изнываютъ, и, подъ гнетомъ нищеты, ждутъ переворотовъ для облегченія своей участи. А всему вина — эти стада овецъ, которыя вытѣснили хлѣбопашество; теперь у насъ только и видны, что овцы, овцы да овцы (sheep, sheep and sheep)“.

Эти простосердечныя жалобы и сѣтованія подтверждаютъ еще разъ мнѣніе, нами высказанное въ началѣ этого сочиненія, что эмиграція была порождена не пресыщеніемъ европейскихъ странъ населеніемъ, не недостаткомъ земель, а злоупотребленіями помѣстнаго права, захватомъ земель у крестьянъ.— Сельскій пролетаріатъ зарождается, какъ мы видимъ, уже въ XVI столѣтіи, а вмѣстѣ съ нимъ начинаются и переселенія обезземеленныхъ хлѣбопашцевъ.

---

[4]) Вотъ подробныя свѣдѣнія о распродажѣ земель въ Канадѣ за два года— 1865 и 1866.

	Продано акровъ 1865 г.	Продано акровъ 1866 г.	на сумму долларовъ 1865 г.	на сумму долларовъ 1866 г.
Казенныхъ земель (Crownlands)	681,449	332,256	256,914	186,156
Церковныхъ земель (Clergylands)	33,117	76,267	38,113	85,719
Училищныхъ земель (Commonschollands). .	5,248	3,839	10,020	9,916
Итого .	719,814	412,362	305,047	281,791

Свѣдѣнія эти не полны; недостаетъ свѣдѣній объ училищныхъ земляхъ въ Нижней Канадѣ (Leroy Beaulieu, De la Colonisation, p. 407).

---

[5]) Системѣ концессій былъ нанесенъ послѣдній ударъ страшнымъ эпизодомъ колоній на рѣкѣ Лебедь (въ западной Австраліи): нѣкто г. Пиль, получивъ концессію огромнаго пространства земель, собралъ 50,000 фунт. стерл. капитала и завербовалъ въ Англіи 300 рабочихъ, съ женами и дѣтьми, которыхъ перевезъ на свой счетъ. Но только-что они прибыли на мѣсто, какъ большая часть изъ нихъ отказалась отъ службы г. Пилю, и, покинувъ его, почти одного, разбрелись по пустынѣ, гдѣ они самовольно присвоивали себѣ небольшіе участки, строились на нихъ и думали завестись собственными хо-

зяйствами. Почти всѣ эти несчастные умерли положительно съ голода, а подрядчикъ Пиль разорился, и это происшествіе сдѣлало сильное впечатлѣніе въ Англіи. Въ то же время (около 1830 г.) поступили петиціи изъ Канады по тому же предмету: канадцы жаловались, что бо̀льшая часть помѣстій, розданныхъ въ награду за преданность престолу и отечеству еще въ концѣ прошлаго столѣтія, въ настоящее время вовсе покинуты этими вѣрноподданными джентльменами и лежатъ уже около полустолѣтія впустѣ. Такихъ имѣній считалось 3 милл. акровъ. Кромѣ того, были еще пожалованы послѣ войны наградные участки, по 2,000 акровъ полковникамъ, 1,200 капитанамъ, по 800 оберъ-офицерамъ, по 80 рядовымъ, 600,000 акровъ милиціонерамъ и 500,000 нѣмецкому наемному войску. Эта раздача земель, все въ награду за подвиги американской войны, продолжалась до 1825 г., и въ это время оказалось, что бо̀льшая и лучшая часть всей необъятной территоріи Нижней Канады уже была въ рукахъ англійскихъ отсутствующихъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ изъ двухъ главныхъ колоній, Австраліи и Канады, поднялась одновременно сильнѣйшая агитація противъ концессій и пожалованій.

---

[6]) Съ 1831 года отмѣнена система концессій и началась въ Новомъ Валлисѣ продажа земель съ торговъ; сначала казенная цѣна назначена была въ 5 шилл. за акръ, но на торгахъ цѣны возвысились и выручено было 126,000 фунтовъ стерл. или, по средней цѣнѣ отъ 7 до 8 шил. за акръ (567—649 коп. за десятину) и распродано 350,000 акровъ въ одинъ годъ. — Въ 1838 г. казенная цѣна назначена уже 12 шил., и отъ этого внезапнаго повышенія продажа въ первое время нѣсколько уменьшилась, но вскорѣ возобновилась еще съ бо̀льшею живостью, и въ теченіи 10 лѣтъ (1831—1841 гг.) приносила доходу слишкомъ $1^1/_4$ милліона рублей ежегодно. Весь этотъ приходъ шелъ на субсидіи переселенцамъ, и число ихъ сильно прибывало: въ 1831 г. эмигрантовъ было только 766, въ 1833 г. ихъ было 4691, а въ 1838 г. около 10,000 человѣкъ. — Съ 1850 г. прекратилась продажа съ торговъ и всѣ земли пущены въ продажу по одинаковой цѣнѣ — въ Новомъ Валлисѣ по 20 шил., въ другихъ мѣстахъ по 30 и 36 шил. (послѣдняя цѣна равняется почти 30 р. за десятину). Цѣна эта, сравнительно съ первоначальными оцѣнками въ 7—8 шиллинговъ, почти вчетверо выше и въ сравненіи съ американскими цѣнами, установленными въ Соединенныхъ Штатахъ по $1^1/_4$ доллара за акръ, въ 7 разъ дороже. Замѣчательно, что эти высокія цѣны состоялись по такимъ землямъ, гдѣ не встрѣчались ни золотые пріиски, ни другіе цѣнные ископаемые.

---

[7]) Овцеводство составляетъ главный промыселъ Австраліи въ такой степени, что на населеніе, безъ малаго въ 2 мил. жителей, имѣется пахатной земли всего 750,000 десятинъ, а овецъ слишкомъ 51 мил. головъ (въ 1870 г.). Для поддержанія овчарень и производства шерсти принята одна очень дѣйствительная мѣра: каждому владѣльцу, закупающему отъ казны 40 акровъ (15 десят.), отводится выгоновъ 640 акровъ (236 десят.) въ арендное содержаніе, срокомъ отъ 1 до 14 лѣтъ, и за очень дешевую плату въ 10 фунт. стерл. за

всѣ 640 акровъ, что составляетъ около 33—34 коп. за десятину.—Этимъ способомъ избѣгается отчужденіе большихъ пространствъ, которыя, при оптовой продажѣ, пошли бы по очень низкой цѣнѣ, и выгонное хозяйство составляетъ, можно сказать, первый періодъ эксплуатаціи казенныхъ дачъ. По мѣрѣ того, какъ онѣ обстроиваются и заселяются, казна пускаетъ ихъ въ продажу. Многолѣтній и постоянный выгонъ скота также способствуетъ и удобренію почвы.

---

[8]) Въ одной изъ новѣйшихъ австралійскихъ колоній, Тасманіи, приняты слѣдующія мѣры для привлеченія эмигрантовъ: Тасманія, какъ и другія австралійскія колоніи, нуждается въ рабочихъ рукахъ; ихъ отсутствіе объясняетъ малое развитіе земледѣлія и заводской промышленности.

Въ видахъ поощренія эмиграціи, мѣстный парламентъ сдѣлалъ распоряженіе, по которому всякому взрослому и хорошо аттестованному колоніальнымъ агентомъ въ Европѣ эмигранту выдается удостовѣреніе въ надѣленіи его землею на сумму 113 р. с.; эмигрантъ ниже 15-лѣтняго возраста пользуется землею въ половинномъ количествѣ. Единственнымъ условіемъ постановлено, чтобы эмигрантъ уплатилъ, какъ за свой переѣздъ, такъ и за переѣздъ своего семейства и слугъ. Кромѣ того, каждый, желающій поселиться въ колоніи и пріѣхавшій туда на свой счетъ, получаетъ свидѣтельство на право выбора въ теченіи 12-ти-мѣсячнаго срока для себя—одиннадцати, для жены—восьми и для всякаго изъ дѣтей—четырехъ десятинъ земли. Право владѣнія его, какъ собственностью, выдается однакожъ не ранѣе, какъ послѣ пятилѣтняго пользованія.

До сихъ поръ продано или роздано поселенцамъ около 3.760,000 акровъ земли, во владѣніи правительства остается еще 13.000,000 акровъ. Коронныя земли продаются по 1 ф. стерл. за акръ, но всякій, пріобрѣтающій землю на сумму, превышающую 15 ф. стерл., можетъ разсрочить уплату на восемь лѣтъ. При покупкѣ земли въ количествѣ, не меньшемъ ста акровъ, вносится только одна тридцатая капитала, по оцѣнкѣ 1 ф. стерл. за акръ, съ правомъ заплатить остальную сумму по частямъ въ теченіи 14 лѣтъ. Если же земля не покупается, но арендуется, въ количествѣ не болѣе 100 акровъ, то рента производится въ размѣрѣ шести пенсовъ за акръ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, одного шиллинга въ продолженіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ и двухъ шиллинговъ за акръ за все остальное время.

---

[9]) Self-supporting principle—принципъ самосодержанія. Принципъ этотъ былъ также испытанъ на практикѣ англичанами, и оказался вполнѣ непримѣнимымъ.

Въ царствованіе Вильгельма IV изданъ былъ актъ (Act 4, 5 Guillamme IV, ch. XCV), который основанъ былъ на томъ общемъ правилѣ, что колоніи должны содержать себя изъ собственныхъ доходовъ. Актомъ этимъ предписывалось всѣ суммы, выручаемыя отъ продажи земель, употреблять исключительно на доставку рабочихъ въ колоніи, а на всѣ прочіе расходы, какъ межеваніе, устройство дорогъ и т. п., никакого бюджета не полагалось, но разрѣшалось

главному управленію (board of Commissioners) заключать займы за счетъ колоній въ томъ предположеніи, что при дальнѣйшемъ ихъ развитіи онѣ сами будутъ уплачивать и погашать эти займы изъ мѣстныхъ доходовъ. Система эта была примѣнена въ южной Австраліи: въ тридцатыхъ годахъ колоніальное управленіе заключило заемъ въ 20,000 фунт. стерл. и приступило съ увлеченіемъ къ разнымъ устройствамъ и сооруженіямъ; земли, отведенныя подъ постройку новаго города, Аделаидъ, уступленныя первоначально по цѣнѣ 12 шиллинговъ за акръ, перепродавались по 6 фунтовъ во вторыя руки, т.-е. въ 12 разъ дороже, а въ 1839 году нѣкоторые центральные плацы въ этомъ городѣ достигли баснословной стоимости, 1000 и 2000 фунт. за акръ.—Подгородныя сельскія имѣнія, коихъ цѣна назначена была въ 12 шил. за акръ, продавались по 1 фунт.; колонія въ нѣсколько годовъ выручила отъ продажи земель громадныя суммы и въ одинъ 1839 годъ перевезла на свой счетъ 5,316 эмигрантовъ и распродала 150,000 акровъ, по 1 фунт. за акръ.

Послѣдователи ученія Вакфильда о self-supporting principle указывали съ гордостью на блистательный успѣхъ колонизаціи, подтверждающей на практикѣ ихъ теорію, какъ вдругъ послѣ 1839 г. послѣдовалъ кризисъ: мѣстныя власти, заключая одинъ заемъ за другимъ, вдругъ увидѣли несостоятельность своего положенія.

Черезъ четыре года послѣ основанія колоніи, бюджетъ ея представилъ уже дефицитъ въ 120,000 фунт.; годовыхъ расходовъ было 140,000 ф., а доходовъ только 20,000 фунтовъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало и банкротство, и въ 1840 г. англійское правительство должно было принять на себя ликвидацію дѣлъ и уплату долговъ этой колоніи.

---

[10]) Податная система и порядокъ обложенія новыхъ земель, отводимыхъ подъ поселенія, имѣетъ, разумѣется, большое вліяніе на колонизацію; но замѣчательно, что опыты, произведенные въ Америкѣ, совершенно противорѣчатъ системамъ и правиламъ, принятымъ европейскими государствами въ ихъ колоніяхъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что Англія, для поощренія переселеній, не только раздавала земли даромъ, но и не облагала ихъ, покуда онѣ лежали впустѣ, между тѣмъ какъ американцы отчуждали казенныя земли не иначе, какъ за деньги, и вмѣстѣ съ тѣмъ, облагали ихъ всѣ огуломъ поземельнымъ сборомъ, не различая дикихъ и пустыхъ земель отъ пашни и луговъ. Казалось бы, что первая система должна быть дѣйствительнѣе для привлеченія колонистовъ. Всѣ европейскія правительства, между прочимъ и русское, слѣдуя примѣру англійскаго, считали даже нужнымъ гарантировать переселенцамъ полную льготу отъ всякихъ платежей на извѣстное число лѣтъ. Но въ дѣйствительности, въ живой практикѣ, обнаруживается противное: освобожденіе дикихъ земель, пустошей отъ налога, составляя родъ преміи для непроизводительныхъ земель, задерживаетъ ихъ культуру,—между тѣмъ какъ американская система обложенія всѣхъ земель огульнымъ сборомъ (разумѣется, умѣреннымъ) побуждаетъ владѣльцевъ приступать немедленно къ ихъ эксплуатаціи, чтобы выручать доходъ, по крайней мѣрѣ покрывающій поземельную плату. При этомъ надо замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ весь сборъ, взимае-

мый съ земель, идетъ на устройство и содержаніе путей сообщенія, и что такимъ образомъ поземельный налогъ служитъ непосредственно для устройства тѣхъ же земель.—Какъ бы то ни было, но послѣдняя система оказывается настолько лучшей, что англійскіе эмигранты постоянно переходятъ изъ Канады въ Соединенные Штаты. Одинъ англійскій писатель (Lord Sydenham), который въ дѣлахъ колоніальныхъ пользуется большимъ авторитетомъ, пишетъ, что, несмотря на то, что земли въ Канадѣ стоютъ нѣсколько дешевле, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ и еще пользуются льготой отъ податей, покупка ихъ оказывается менѣе выгодной, потому что въ Канадѣ нѣтъ тѣхъ удобствъ сообщеній, какія имѣются въ южныхъ американскихъ областяхъ (Leroy-Beaulieu. De la Colonisation, p. 395—396).

ГЛАВА XV.

КОЛОНИЗАЦІЯ.

ОТДѢЛЪ 2.

Переселенія въ Россіи.

Различіе между переселеніями въ Россіи и колонизаціей въ другихъ странахъ. — Общая характеристика русскихъ переселеній; главныя ихъ направленія — въ древней Руси, въ XVIII столѣтіи, въ новѣйшее время. — Нѣмецкія колоніи. — Колонизація Донской области. — Калмыцкая степь. — Поселенія на Кавказѣ. — Кубанская область. — Новѣйшіе эпизоды переселеній въ Пятигорскомъ уѣздѣ. — Ставропольская губернія. — Настоящее положеніе русскихъ поселеній на Кавказѣ. — Башкирскія земли и Зауралье. — Киргизская степь. — Этнографическія и климатическія отличія этого края. — Хищническая культура. — Грубая эксплуатація земель инородцевъ. — Главные вопросы при устройствѣ колонизаціи въ Россіи: нужны-ли регламентація переселеній, выборъ мѣстности для поселеній, направленіе современныхъ переселеній? — Какую слѣдуетъ принять систему колонизаціи въ Россіи? — Нормальный размѣръ надѣловъ для колонистовъ. — Продажа земель подъ новыя поселенія. — Необходимость кредита. — Заключеніе объ общемъ значеніи колонизаціи въ Россіи.

Переселенія въ Россіи имѣютъ иной характеръ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ они происходятъ въ видѣ эмиграціи, т.-е. выхода изъ отечества, какъ, напримѣръ, въ Германіи, или перемѣщенія изъ одной части свѣта въ другую, изъ метрополіи въ дальнія, трансатлантическія колоніи. У насъ переселенія имѣютъ нѣкоторое сходство съ колонизаціей въ Соединенныхъ Штатахъ, въ томъ отношеніи, что свободныя территоріи, куда направляются колонисты, въ Америкѣ, какъ и въ Россіи, примыкаютъ однѣ съ запада, другія съ востока къ кореннымъ областямъ и составляютъ съ ними одинъ сплошной материкъ; но и съ тѣмъ различіемъ, что американская республика большею частію населяется

эмигрантами изъ другихъ странъ и націй, между тѣмъ какъ въ Россіи главная масса переселенцевъ набирается почти исключительно изъ внутреннихъ губерній, великороссійскаго и малороссійскаго племени.

Колонизація въ Европѣ имѣетъ болѣе характеръ эмиграціи, т.-е. выхода, которому соотвѣтствуетъ въ Америкѣ и въ Австраліи имиграція, т.-е. водвореніе, поселеніе, а въ Россіи переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ внутренняго народнаго быта, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія, и притомъ въ края, не представляющіе большой разницы съ климатомъ и почвой коренныхъ областей.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ, имѣя, съ одной стороны, въ серединѣ государства довольно густо населенныя мѣстности, гдѣ при сильномъ развитіи помѣщичьяго элемента крестьяне издавна стѣсняются малоземельемъ, а съ другой—громадныя пространства пустыхъ и дикихъ земель, русское правительство должно было находить прямыя выгоды въ перемѣщеніи жителей изъ центра страны въ ея окраины. Но, стѣсняемое крѣпостнымъ правомъ и паспортно-податной системой, оно не могло дѣйствовать на этомъ поприщѣ послѣдовательно и систематически. По временамъ у насъ пробуждалось чувство внезапнаго попеченія о населеніи юго-восточныхъ степей, вызывались иностранные колонисты, предлагались земли въ Самарѣ, Сибири казеннымъ крестьянамъ, но какъ только переходы эти усиливались, то возникали опасенія, большею частію съ полицейской и фискальной точки зрѣнія, и благія начинанія прекращались.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, наперекоръ всѣмъ запрещеніямъ, безъ спроса и вѣдома властей, переходъ русскихъ хлѣбопашцевъ, рыболововъ и другихъ черныхъ людей происходилъ постоянно изъ вѣка въ вѣкъ, по одному и тому же направленію—съ запада на востокъ, со временъ Ярослава и новгородской вольницы до нашихъ временъ, въ періодъ вольнаго перехода, какъ и во времена крѣпостного права. Полицейскія запрещенія и помѣщичьи расправы имѣли только то дѣйствіе, что часть переселенцевъ погибла отъ преслѣдованій и казней за бродяжничество, и что другая, притомъ

бóльшая часть, поселилась безъ вѣдома правительства и долго укрывалась отъ всякихъ повинностей и распоряженій начальствъ.

Въ настоящее время одно изъ препятствій къ правильной организаціи переселеній устранено—это крѣпостное право; другое, податная система, подлежитъ неминуемой и близкой реформѣ. Мы полагаемъ, что пришло время обсудить и вводить правильную колонизацію, и что эта мѣра является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ началъ, которыя приняты въ основаніе крестьянской реформы.

Дѣйствительно, никакое поземельное положеніе, никакіе аграрные законы не обезпечиваютъ ни культуры страны, ни благосостоянія народа, если они, имѣя въ виду настоящія пользы и нужды, упускаютъ изъ виду будущія потребности. Поземельный надѣлъ, все равно, подворный, подушный или тягловый, соразмѣряется только съ наличнымъ числомъ и наличными силами одного поколѣнія; предполагая, что нѣмецкая гуфа или русскій душевой надѣлъ и соотвѣтствуетъ настоящему составу сельскаго населенія, нужно предвидѣть, что затѣмъ вскорѣ обнаруживается насыщеніе и далѣе пресыщеніе страны—или, наоборотъ, что, по мѣрѣ осушенія болотъ, расчистки лѣсовъ, распашки луговъ и выгоновъ, площадь культурныхъ земель такъ расширяется, что подворные и подушные участки, а равно и помѣщичьи запашки превышаютъ рабочія силы мѣстнаго населенія.

Эти два явленія совершаются именно въ настоящее время въ Россіи и указываютъ, что наступаетъ время введенія общей системы колонизаціи. Среднее годовое приращеніе жителей составляетъ слишкомъ 1% населенія (1,12% и 1,14%), и поэтому равняется 800 или 900 тыс. прибылыхъ душъ въ годъ; въ центральной Россіи періодъ пресыщенія уже наступаетъ. Съ другой стороны, полудикое хозяйство нашихъ восточныхъ провинцій отживаетъ послѣдніе свои дни; кочевые инородцы бѣднѣютъ, стада ихъ вымираютъ и они сами ищутъ поселянъ и покупателей на свои земли; нóвей, цѣлины остается мало, залежное хозяйство изнываетъ. Казаки, башкиры, калмыки, съ своими надѣлами въ 30, 50, 60 десятинъ на душу, не находятъ рукъ для ихъ обработки, и, отставая понемногу отъ кочевого своего быта, не при-

ставъ еще къ хлѣбопашеству, открываютъ для русскихъ поселеній необъятное пространство въ нѣсколько милліоновъ десятинъ.

Мы разсматриваемъ переселенія въ Россіи только съ этой точки зрѣнія, какъ средство для постепеннаго уравненія земельныхъ надѣловъ и правильнаго размѣщенія населенія, какъ дополнительную мѣру къ положеніямъ, даровавшимъ русскимъ обывателямъ недвижимую собственность, и полагаемъ, что надо обращаться бережливо съ этимъ запаснымъ фондомъ народнаго хозяйства, не расточая его иностраннымъ колонистамъ, полудикимъ инородцамъ и лицамъ, уже владѣющимъ другими имуществами, но сохраняя его неприкосновенно для поселенія тѣхъ обывателей, которые вытѣсняются приращеніемъ населенія и малоземельемъ изъ родныхъ первобытныхъ своихъ мѣстъ жительства.

Въ предъидущихъ главахъ мы уже объяснили, что большая часть Россіи заселилась не одновременнымъ вторженіемъ и завоеваніемъ, какъ европейскія страны, но постепеннымъ передвиженіемъ коренного славянскаго племени на востокъ, гдѣ оно встрѣчалось и отчасти сливалось съ инородцами финской и татарской расы.

Водвореніе это было мирное и не сопровождалось ни насиліемъ, ни вытѣсненіемъ туземцевъ, ни отнятіемъ у нихъ земель, и это именно и отличаетъ развитіе и основаніе русскаго государства отъ исторіи другихъ странъ, отъ нашествія варваровъ въ Европѣ, отъ порабощенія черноважихъ въ южной Америкѣ и истребленія индійцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Русскіе насельники никого не истребляли, никого не вытѣсняли, занимали только пустыя земли и, поселяясь среди инородцевъ, постепенно ихъ поглощали, налагая на всѣхъ печать своей народности и подданства русскому царю. Движеніе это происходило не сплошными массами; примѣровъ, чтобы цѣлыя селенія и волости поднимались на переселенія однимъ разомъ, очень немного въ древней и новой Руси. Русскіе колонисты шли артелями, товариществами, безъ оружія, съ косой и топоромъ, но шли неудер-

жимо и безостановочно по одному и тому же направленію, на востокъ.

Эта тяга русскихъ поселянъ съ запада на восточныя окраины тѣмъ болѣе замѣчательна, что она искони рѣзко противорѣчила направленію всѣхъ правителей и государей, которые, напротивъ, все тянули на западъ, тягались съ Литвой, Польшей, Швеціей, прорубали окна въ Европу, между тѣмъ какъ ихъ вѣрноподданные безъ ихъ спроса и вѣдома, и главное безъ ихъ помощи, а иногда и подъ страхомъ казни за самовольные захваты, завоевывали имъ одно царство за другимъ, расширяя предѣлы русскихъ земель до Ледовитаго моря и Восточнаго океана.

Извѣстно, что первыми колонистами въ Россіи были новгородцы, и первое поприще ихъ дѣйствій крайній сѣверъ— Вологда, Архангельскъ, Пермь и Вятка. Тутъ они встрѣтились съ инородцами, туземными племенами, сначала финскими, и далѣе съ лопарями, зырянами, самоѣдами; но встрѣча ихъ была повидимому очень мирная: что русскіе не вытѣсняли и не истребляли инородцевъ, это доказывается тѣмъ, что мѣстное нарѣчіе русскихъ въ Архангельской губерніи приняло много словъ изъ финскаго языка и что черты лица ихъ носятъ слѣды смѣшенія съ финскимъ обликомъ; но, съ другой стороны, въ общественномъ отношеніи они совершенно покорили себѣ этихъ туповатыхъ и малорослыхъ дикарей и присоединили ихъ съ древнѣйшихъ временъ безповоротно къ русской землѣ, безъ всякаго содѣйствія войска и правительства.

Нѣмецкіе филологи (Кастренъ, Шифнеръ), отыскивая съ особымъ рвеніемъ слѣды финской расы, прямо свидѣтельствуютъ, что лопари и финны окончательно поглощены русской національностью, и что слѣды финскаго происхожденія отыскиваются только въ отдаленной Мурманской области, гдѣ эти инородцы еще живутъ особнякомъ, въ полу-дикомъ состояніи.

Съ IX и до XIII вѣка колонизація, повидимому, придерживалась преимущественно Сѣверной Двины и ея притоковъ, но постепенно начала уклоняться на востокъ къ верховьямъ Волги и къ бассейну Камы. Тутъ она встрѣтила на своемъ пути болѣе развитыя племена и организованныя общества;

тутъ жили разные осколки прежнихъ сильныхъ племенъ татарскаго и монгольскаго происхожденія, также народы югорскіе, вогулы, остяки, съ которыми новгородцы воевали долго—съ X по XIII столѣтіе; наконецъ, на крайнихъ предѣлахъ сѣверо-востока еще держалась Пермь, нѣкогда могущественная Біармія, куда ходили тѣ же новгородцы по торговымъ своимъ дѣламъ, за пушнымъ товаромъ.

Въ этихъ первыхъ опытахъ русской колонизаціи все загадочно, смутно, почти баснословно; самое происхожденіе и національность многихъ туземныхъ племенъ, какъ-то чувашей, неопредѣленно; на этомъ рубежѣ Европы и Азіи повидимому селились, осаживались всѣ отсталыя племена и орды передвиженія народовъ, татары, монголы, чухны, югры; нѣкоторые изъ нихъ еще славились преданіями своего изстариннаго богатства. Новгородцы выносили изъ Заволжья и Урала баснословные разсказы о богатыряхъ великой Біарміи и ихъ сокровищахъ.

Также неясно, какого рода были сношенія Великаго-Новгорода съ этими инородческими областями: Югрой, Біарміей, Заволочьемъ. Хотя въ лѣтописяхъ и упоминается о походахъ новгородцевъ въ эти страны, о покореніи Заволочья, Перми, но вопросъ въ томъ, какимъ порядкомъ совершались эти собиранія земель: оффиціальнымъ, государственнымъ или частнымъ?

Намъ представляется, что они происходили такъ: на новгородскомъ вѣчѣ возникали смуты, конецъ вооружался на конецъ, улица на улицу, и такъ какъ по древнему и новому русскому порядку сходокъ разногласія разрѣшаются не большинствомъ голосовъ, но побіеніемъ и изгнаніемъ одной изъ сторонъ, то вѣроятно изъ партіи слабѣйшей, разбитой на вѣчѣ, послѣ того какъ многіе изъ нихъ были убиты и спущены въ Волховъ, другіе искали спасенія въ бѣгствѣ и уходили изъ-подъ власти своихъ вѣчевыхъ противниковъ. Изъ нихъ образовались ватаги, артели, станы выходцевъ, которые сначала шли на сѣверъ по Двинѣ, гдѣ почти всѣ земли были пусты и свободны; потомъ, услыхавъ про богатства страны по ту и другую сторону „уваловъ“ (Урала), направились къ ней вслѣдъ за новгородскими же торговцами, издавна промышлявшими въ этихъ краяхъ. Бо́льшею частію это была вольница съ буйными разбойничьими нравами; они шли „безъ

Новгородскаго слова" искать новаго жилья, опасаясь возвратиться на родину, откуда ихъ вытѣсняло вѣчевое большинство; на Волгѣ и ея притокахъ они строили ладьи, такъ называемыя „ушкуи" и, спускаясь на нихъ по матушкѣ-рѣкѣ грабили города болгарскіе, перехватывали караваны, шедшіе изъ Каспія вверхъ въ Сарай и Болгары; разоряли цѣлыя области, но также и заводили свои новые городки и слободы.

Въ 1170 году новгородскіе „ушкуйники" утвердились на землѣ Камы и основали городъ Хлыновъ, нынѣшнюю Вятку. Новгородъ нѣсколько разъ пытался утвердить свое владычество на самомъ Уралѣ, въ 1193 году ходилъ оружіемъ противъ своихъ пермскихъ и югорскихъ данниковъ, но походы эти, тянувшіеся до XV столѣтія, были бо̀льшею частію неудачны.

Въ особенности способствовало колонизаціи сѣверо-восточныхъ окраинъ нашествіе татаръ; съ водвореніемъ татарскаго ига къ новгородцамъ присоединились и выходцы изъ средней Россіи, изъ Ростовской и другихъ областей; спасаясь отъ татарскихъ разореній, отъ поголовной переписи и вымогательствъ ханскихъ баскаковъ и численниковъ, сельское сословіе средней Руси потянуло на востокъ по путямъ, проложеннымъ шайками и ватагами первыхъ колонистовъ. Но эти переселенія имѣли уже болѣе мирный характеръ, чѣмъ первыя. Вятка оставалась долго и остается понынѣ представительницей своевольнаго новгородскаго духа; она долго служила притономъ всѣхъ русскихъ бѣглецовъ, управляясь атаманами и выборными, и отзывалась на призывъ всякаго, кто сулилъ ей добычу и деньги; на югъ и востокъ отъ Вятки, въ Перми, Самарѣ водворялись болѣе кроткіе обыватели среднихъ областей, земледѣльцы, отыскивавшіе не добычу, а привольныя для хлѣбопашества угодья.

Такимъ образомъ, во все это время, до сверженія татарскаго ига, переселенія имѣли въ Россіи одно направленіе на сѣверо-востокъ и одинъ характеръ частной предпріимчивости, безъ всякаго вмѣшательства правительственныхъ властей.

Въ XV столѣтіи московскіе государи начинаютъ уже регулировать переселенія, стараясь обратить ихъ въ свою

государственную пользу: въ Казанской области поселяются служилые люди, которые должны служить оплотомъ противъ финскихъ и татарскихъ племенъ средняго Поволжья, строются города Цивильскъ, Уржумъ, Санчурскъ. На югъ отъ Москвы тоже выводятся оборонительныя линіи поселеній; въ первой половинѣ XV-го столѣтія мы находимъ уже въ лѣтописяхъ казаковъ рязанскихъ.

Далѣе, по мѣрѣ вытѣсненія и усмиренія татарскихъ ордъ, крымскихъ, кубанскихъ, ногайцевъ, киргизовъ, калмыковъ, переселенія все болѣе поворачиваютъ на югъ. Отъ правительства устраиваются большія линіи украинскихъ городовъ, но далеко за черту этихъ оффиціальныхъ поселеній служилыхъ людей проникаютъ новоселья черныхъ людей, бѣглыхъ и бродягъ; и въ самомъ краю степей, въ Тмутараканѣ, основывается столица русскаго бродяжничества, такой же притонъ своевольной колонизаціи, какъ Вятка на сѣверѣ, куда бѣгутъ со всѣхъ сторонъ московскаго царства крѣпостные люди, опальные дворяне и послѣдователи старой вѣры.

Наконецъ, въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія передвиженія эти достигаютъ высшей силы. Числовыя показанія правительства, какъ ни старались мѣстныя власти преуменьшить эти безпорядки, свидѣтельствуютъ, что цѣлыя массы народа были въ бѣгахъ. По показанію военной коллегіи, въ 1728 году считалось бѣглыхъ изъ призывныхъ рекрутъ 198,876 человѣкъ. Въ 1742 году въ двухъ губерніяхъ, Бѣлгородской и Воронежской, показывалось въ бѣгахъ 10,423 человѣка.

Въ это время владычества при русскомъ дворѣ шляхетства, баронства и знатныхъ персонъ, крѣпостное право свирѣпствовало люто; русскіе люди бѣжали во всѣ стороны, даже въ Литву, Польшу, Лифляндію, Турцію и Малую Азію подъ предлогомъ раскола, но болѣе для избѣжанія крѣпостной кабалы.

Но главное направленіе новгородскихъ выходцевъ было на востокъ, на Волгу и Каму. Астраханскія степи сдѣлались главнымъ притономъ этихъ бродягъ, которые сами себя называли „сходцами“, потому что они за собой никакой вины не считали и не думали покидать родину или выходить изъ подданства русскаго царя — а только „сходились“ изъ вну-

тренних губерній въ извѣстные пункты, гдѣ житье было особенно разгульное. Такъ, однимъ изъ этихъ пунктовъ считалась большая слобода (если не ошибаемся) на Иргизѣ, которая носила заманчивое названіе „Разбалуй-городокъ". Въ 1745 году сенатъ пишетъ указомъ 19 марта, „что подлыхъ людей бѣжавшихъ велѣно выселять въ Петербургъ" (какое разумное и благодѣтельное повелѣніе—переводить людей изъ страны виноградниковъ и бахчей въ царство тундръ и болотъ!), „но что оные подлые отъ той высылки бѣгутъ изъ Астрахани въ Персію и басурманятся, также въ степи на кубанскую сторону, и за Яикъ на бухарскую сторону, и тамъ, промысломъ звѣринымъ питаясь, звѣрски въ отчаяніи живутъ".

Это отчаяніе тронуло кроткую императрицу и въ томъ же указѣ отмѣнено переселеніе въ Петербургъ, а вмѣсто того повелѣно отводить на Волгѣ пустыя мѣста, „которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенныя во всякомъ случаѣ потребны". Sic!

Тогда направленіе переселеній опять нѣсколько уклонилось на сѣверъ; отъ правительства предложены были казенныя земли пермскихъ заводовъ и, по первому объявленію о томъ, въ Астрахани тотчасъ объявилось 3000 бѣглецовъ, которые изъявили желаніе селиться у заводовъ и самохотно обязались платить подушный окладъ въ 40 алтынъ.

Это доказываетъ, что „подлые люди" были въ душѣ вѣрнѣйшіе подданные русскихъ государей, что они проживали звѣрски въ бѣгахъ по отчаянію отъ лютыхъ преслѣдованій и съ радостью возвращались подъ законъ, какъ только открывалась имъ возможность.

Но поселенія на пермскихъ заводахъ вскорѣ оказались такимъ же обманомъ: несчастныхъ сходцевъ приписывали къ заводамъ, заставляли ставить руду, отдавали во временное или безсрочное владѣніе частныхъ промышленниковъ, и движеніе опять направлялось на юго-востокъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія Астрахань сдѣлалась обѣтованной землей для людей, искавшихъ вольности. Въ 1757 году въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ крестьяне поднялись массами для переселенія въ Царицынъ и Камышинъ; они уходили открыто, забирая лошадей и пожитки и уводя за собой свои

семьи; носились слухи, что бѣглыхъ велѣно приписывать въ какому-то шелковому заводу, состоящему подъ управленіемъ какого-то коммиссара-полковника Парубуча!! 13 января 1758 года разосланъ былъ указъ ловить разносителей этихъ ложныхъ слуховъ, „которые ласкаютъ вольностью простой народъ“.

Около того же времени усилились и переселенія въ Оренбургскій край. Губернаторъ Неплюевъ въ 1744 году доносилъ, „что вся Исетская провинція населилась въ послѣдніе 50 лѣтъ русскими бродягами, гулящими людьми, и какъ значительно не безъизвѣстно бóльшею частію помѣщичьими людьми“.

Многіе изъ нихъ уже пользовались на новыхъ мѣстахъ правами гражданства, въ то время, какъ иски и переписки объ ихъ отысканіи и возвращеніи все еще продолжались на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства. Въ оренбургскихъ крѣпостяхъ числилось въ 1741 году бѣглыхъ, записанныхъ въ окладъ и службу, 5,154 души мужского пола, а чрезъ 6 лѣтъ при новой переписи ихъ оказалось вновь прибывшими еще 711 человѣкъ. Большая же часть скрывалась въ безъизвѣстномъ отсутствіи въ башкирскихъ и мещерякскихъ степяхъ.

Когда возникъ вопросъ о возвращеніи ихъ на родину, то Неплюевъ докладываетъ, что въ его губерніи „исполнить это некѣмъ, ибо въ нихъ большая часть бѣглыхъ наберется“. Вслѣдствіе требованій Неплюева, указомъ 27 іюля 1745 года, правительство отступилось отъ своихъ распоряженій о возвращеніи бѣглыхъ и постановило не возвращать вовсе тѣхъ изъ нихъ, которые ушли до ревизіи 1719 года, а тѣхъ, которые записались въ казаки, хотя и послѣ 1719 года, такъ и оставить на мѣстѣ ихъ жительства, въ казакахъ.

Это распоряженіе было первое дѣйствіе колонизаціи оренбургскаго и уральскаго края, и вскорѣ оказались выгоды этой новой политики. Бѣглецами и сходцами оживились горные промыслы, ими же держались и крѣпости оренбургской линіи, отражались разбои башкирцевъ, распахивались дикія и привольныя ковыльныя степи; на югѣ, въ Астрахани, Пензѣ такіе же городки и слободы охраняли русскія земли отъ кубанцевъ, киргизовъ и другихъ инородческихъ шаекъ. По предложенію того же разумнаго администратора Неплюева, и

сами инородцы, принявшіе крещеніе, поселялись особо и осѣдло на самарской лукѣ, около Ставрополя, посреди русскихъ поселеній.

Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ половинѣ XVIII столѣтія высказывалось ясно одно изъ тѣхъ направленій, которымъ слѣдуетъ непреложно по настоящее время русская колонизація, именно на юго-востокъ къ Астрахани, Оренбургу и вплоть до Каспійскаго моря и Кавказскихъ предгорій.

Другой главный трактъ переселеній былъ по Камѣ на Уралъ. Въ 1731 году Анна Іоанновна дала указъ, что пригороды Казанской и Симбирской губерній были населены предками ея величества и что нынѣ повелѣвается устроить двѣ закамскія линіи, старую и новую; старую вести отъ Волги у пригорода Бѣлый-Яръ на Яикъ, къ селу Троицку, а новую южнѣе, черезъ Пензу и Саратовъ на Царицынъ. Въ то же время приняты были мѣры объ отводѣ земель по Камѣ и ея притокамъ служилымъ людямъ, о военныхъ поселеніяхъ драгунскихъ, рейтарскихъ и мушкатерскихъ полковъ; рядовому пѣхотныхъ полковъ отводить по 20 десятинъ, конному по 55 десятинъ.

Но всѣ таковыя благія начинанія были прерваны, какъ извѣстно, Пугачевскимъ возстаніемъ. Въ концѣ XVIII столѣтія и царствованія Екатерины мирная колонизація закамскаго и заволжскаго края вовсе прекратилась; волненіе умовъ, неповиновеніе и частые бунты заводскихъ крестьянъ, строптивость казаковъ и бродяжничество всего населенія заставили правительство приступить къ другимъ мѣрамъ для колонизаціи и въ другихъ полосахъ Россіи.

Для заселенія новопріобрѣтеннаго Новороссійскаго края положено пригласить иностранцевъ, и во все царствованіе Екатерины иностранная колонизація составляетъ предметъ постоянныхъ и исключительныхъ заботъ правительства.

Мы не будемъ здѣсь описывать этого эпизода колонизаціи въ Россіи, потому, во-первыхъ, что оно изслѣдовано подробно и основательно въ замѣчательномъ сочиненіи г. Клауса „Наши Колоніи", на которое мы уже ссылались въ главѣ XII, и изъ коего заимствуемъ и нижеслѣдующія свѣ-

дѣнія; во-вторыхъ, и потому, что не видимъ, чтобы эти мѣропріятія и всѣ попеченія русскихъ государей о привлеченіи колонистовъ-инородцевъ имѣли бы прочный успѣхъ; иностранныя поселенія, очевидно, не пустили корней въ русской землѣ, несмотря на хозяйственное преуспѣяніе многихъ изъ нихъ; благой ихъ примѣръ вовсе не подѣйствовалъ на туземное русское населеніе; наши мужички ничего не заимствовали отъ колонистовъ, а, наоборотъ, колонисты многое переняли изъ сельскаго быта и мірской организаціи русскихъ селеній. Наконецъ, что́ всего замѣчательнѣе, мы видимъ именно въ настоящее время, что по прекращеніи льготы отъ воинской повинности, нѣмцы и моравы поднимаются массами, цѣлыми обществами и волостями, бросаютъ свои земли и переселяются въ Америку и Австралію. Это все означаетъ, что иностранныя переселенія не имѣли въ Россіи соціальнаго значенія, что они не образовали новыхъ согражданъ въ нашемъ отечествѣ, какъ въ Америкѣ, гдѣ нѣмцы вполнѣ сливаются съ англо-саксонцами, и что все это движеніе было поверхностное, случайное и временное, вызванное щедрыми льготами русскаго правительства и желаніемъ избѣгнуть военной службы.

Но мы однако должны коснуться исторіи нѣмецкихъ колоній въ одномъ отношеніи, чтобы подтвердить мнѣніе, изложенное въ предъидущей главѣ,—что даровой надѣлъ землей простыхъ поселянъ, какъ и даровыя концессіи крупнымъ собственникамъ, вліяетъ вредно на поселенія, даетъ имъ характеръ временнаго пользованія, а не прочной осѣдлости, и какъ въ прочихъ странахъ, такъ и въ Россіи, болѣе повредилъ колоніямъ, чѣмъ содѣйствовалъ ихъ благосостоянію.

Эта система колонизаціи была объявлена въ Россіи торжественно и всенародно манифестомъ 1763 года, и для привлеченія желающихъ правительство не поскупилось на щедроты: оно приняло на свое иждивеніе не только дорожные расходы и путевыя деньги, но и прокормленіе переселенцевъ и свободное ихъ квартированіе въ теченіи полгода; далѣе, обѣщало имъ отпускъ заимообразно, но безъ процентовъ, на 10 лѣтъ суммы, потребной на обзаведеніе, вспоможенія по мѣрѣ каждаго состоянія, кормовыя деньги до намѣреннаго имъ мѣста, наконецъ и полную льготу отъ податей и повин-

ностей на 30 лѣтъ—„никакихъ податей ни платить, ни службу ни служить“ (манифестъ 22 іюля 1763 года, ст. 3 и 6). Какъ изъ этого видно, правила, обнародованныя въ 1763 году, совершенно соотвѣтствовали той колоніальной политикѣ, которая въ то время принята была въ Европѣ, а именно системѣ дарового надѣла съ значительными привилегіями, системѣ, впослѣдствіи оказавшейся безплодною и вредною, и нынѣ повсемѣстно отвергнутой.

Въ слѣдующемъ 1764 году изданы были дополнительныя правила къ манифесту: 1) назначены мѣстности для водворенія колонистовъ по Волгѣ до Царицына, по Медвѣдицѣ и Хопру, отъ Хопра вверхъ по Дону до Битюга, также земли Пензенской провинціи до Саратова; 2) переселенцевъ водворять округами, округи занимать „на подобіе циркула“, разсчитывая на каждый округъ по 1,000 семействъ поселенцевъ, примѣрно въ 60—70 верстъ окружности; 3) дать земли каждой семьѣ независимо отъ числа душъ по.30 десятинъ. Пунктомъ 4) постановлено очень важное правило: мѣста для поселенія располагать такъ, „чтобы нѣкоторую часть угодій оставлять впустѣ для будущихъ дѣтей, дабы они, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли“.

Это послѣднее распоряженіе, повидимому, ясно указываетъ намѣреніе законодателя обезпечить земельнымъ надѣломъ и грядущія поколѣнія. Но вслѣдъ за этой статьей постановляется другое правило, лишающее ее всякаго значенія—„наслѣдуютъ по закону только меньшіе сыновья (миноратство); если меньшій сынъ къ хозяйству негоденъ за малолѣтствомъ или какой-либо другой неспособностью, то оставить на волю отцовскую, а если отецъ при жизни не распорядился, то начальство назначаетъ опекуна, или же передаетъ участокъ ближайшему родственнику, изъ тѣхъ, которые земли не имѣютъ“. Наконецъ особой статьей постановлено, что ни хозяева, ни ихъ наслѣдники не могутъ ни продать, ни заложить, ни даже раздѣлить своихъ участковъ.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ узаконеніяхъ сопоставлены двѣ цѣли, исключающія одна другую: благое намѣреніе надѣлять поземельными участками прибылое населеніе и установленіе единонаслѣдія и заповѣднаго владѣнія, а такъ какъ при послѣднемъ порядкѣ число безземельныхъ дѣтей прибы-

ваетъ ежегодно, то вскорѣ и оказалось, что запасныхъ участковъ уже болѣе не было и „что, придя въ возрастъ и женясь, они хозяевами быть не могли“.

Понятно, что изъ такихъ противорѣчащихъ правилъ должны были возникнуть большія недоразумѣнія: въ одномъ параграфѣ правительство какъ будто обязывалось надѣлять всѣхъ будущихъ дѣтей, въ другомъ исключало изъ наслѣдованія всѣхъ сыновей, кромѣ младшаго, и запрещало дѣлить участки.

Въ тѣхъ колоніяхъ, которыя подчинились этимъ правиламъ, вскорѣ возникли смуты: обдѣленныя дѣти требовали отвода новыхъ земель; коренные домохозяева отказывали имъ въ раздѣлѣ своихъ участковъ; тѣ и другіе были правы; междуусобія, возникшія по этому поводу, разстроили многія колоніи, и правительство не нашло другого средства имъ помочь, какъ переселять ихъ на новыя мѣста съ значительными убытками для казны и для самихъ переселенцевъ.

Поволожскія колоніи, состоявшія бо́льшею частію изъ чеховъ и моравовъ, повидимому, съ самаго начала уклонились отъ этихъ нѣмецкихъ порядковъ, пересаженныхъ съ Эльбы на Волгу, и распорядились, какъ и русскіе мужички, „по своему“—устроили общественное управленіе, надѣлили односельцевъ по числу душъ и производили передѣлы для уравненія домохозяевъ, такъ что правительство принуждено было отступиться отъ заведеннаго порядка подворнаго надѣла и установило въ 1790 г. нормальный надѣлъ по 20 дес. на душу, а въ 1840 г. по 15 дес.—Съ тѣхъ поръ благосостояніе земледѣльцевъ стало быстро возрастать, и уже въ 1808 г. оффиціально засвидѣтельствовано, что между поволжскими колонистами не было ни одного семейства, которое не работало бы однимъ плугомъ, а по 10-й ревизіи безземельныхъ душъ оказалось всего 8 изъ 102 тысячъ душъ колонистовъ Самарской и Саратовской губерній.

Въ другихъ колоніяхъ основанія, изложенныя въ законахъ 1763—1764 г., были отчасти примѣнены, но положеніе о миноратствѣ было отвергнуто всѣми поселенцами.

Тѣмъ не менѣе подворный надѣлъ и законъ о единонаслѣдіи имѣлъ вездѣ свои обыкновенныя послѣдствія: одна половина поселянъ бѣднѣла, другая богатѣла.

Проѣзжіе ревизоры, администраторы и туристы, восхи-

щались благоустройствомъ нѣмецкихъ колоній Новороссійскаго края, и, сравнивая ихъ домовитый, зажиточный бытъ съ горемычною участью русскихъ крестьянъ, приписывали благосостояніе первыхъ участковому владѣнію, а бѣдность вторыхъ исключительно мірскому владѣнію. Но они не слышали жалобъ другой части тѣхъ же нѣмцевъ, оставшихся вовсе безъ имуществъ, не читали ихъ постоянныхъ прошеній о дополнительномъ надѣлѣ, объ отводѣ имъ новыхъ земель, не знали о междуусобіяхъ и распряхъ, волновавшихъ эти общества въ теченіи полу-вѣка, и о тѣхъ жертвахъ, которыя принесены были одною частію населенія для благоустройства другой.

Итакъ, исторія иностранной колонизаціи въ Россіи указываетъ намъ только какъ колонизировать не слѣдуетъ; не слѣдуетъ вызывать переселенцевъ и давать имъ кормовыя деньги на проѣздъ, не устроивъ прежде поселенія на мѣстахъ, не обмежевавъ и не снявъ на планы необходимыя земли; отъ излишней поспѣшности высшаго правительства и злоупотребленій низшихъ начальниковъ произошло то, что бо́льшая часть колоній не получила нормальнаго надѣла или ожидала отвода земель до послѣднихъ годовъ: въ Самарской губерніи колонисты получили назначенную имъ 15-десятинную пропорцію только въ 1841 году, а въ Саратовской въ 1859 г., и то съ вычетомъ 24 тысячъ десятинъ.

Также не слѣдуетъ заманивать переселенцевъ соблазнительными привилегіями и льготами и уступкой земли даромъ, потому что такое легкое пріобрѣтеніе завлекаетъ людей неразсчетливыхъ и легкомысленныхъ къ переселенію и владѣнію имуществами, которыя они не въ силахъ эксплуатировать.

Не надо и нельзя навязывать колонистамъ порядки землевладѣнія и наслѣдованія, позаимствованныя изъ другихъ странъ, хотя бы изъ тѣхъ, откуда они вышли, и хотя бы иноземные эти порядки съ точки зрѣнія раціональнаго сельскаго хозяйства и казались лучшими. Тѣ обычаи, которые существуютъ въ той странѣ, куда они переселяются, имѣютъ свои причины существованія (leur raison d'être) и вліяютъ всесильно на хозяйственный бытъ новосельцевъ. Подушный надѣлъ, по русскому обычаю, былъ принятъ нѣкоторыми колоніями наперекоръ распоряженіямъ попечительнаго правительства, ре-

комендовавшаго имъ участкое владѣніе и единонаслѣдіе, и эти колоніи (приволжскія) преуспѣваютъ, между тѣмъ какъ другія, принявшія нѣмецкіе порядки подворнаго владѣнія, впали въ междуусобія и безконечные споры и иски.

Наконецъ, , и это соображеніе главное, исторія нашихъ иностранныхъ колоній являетъ намъ живой и наглядный примѣръ, какъ зарождается сельскій пролетаріатъ при подворномъ и участковомъ владѣніи, какъ онъ растетъ и развивается совмѣстно и параллельно съ благосостояніемъ крестьянъ-домохяевъ, указываетъ даже и самую пропорцію или процентъ этого прироста безземельныхъ крестьянъ. При первоначальномъ водвореніи нѣмецкихъ колонистовъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія имъ отведены были обширные подворные участки: по 50, 60, 65 десятинъ на семейство въ южныхъ губерніяхъ, и 30, 35 десятинъ въ сѣверныхъ; въ Саратовской губерніи приходилось на душу около 15 десятинъ, въ Таврической 8—15. Такой надѣлъ, превышающій вдвое и втрое средній размѣръ надѣловъ русскихъ крестьянъ, повидимому долженъ былъ надолго обезпечить земельный бытъ колонистовъ, и былъ имъ дарованъ, какъ мы выше сказали, именно съ тою цѣлью, „чтобы нѣкоторую часть угодій оставлять впустѣ для будущихъ дѣтей“ (дополнительныя правила къ манифесту 22 іюля 1763 г.). Но эти благія намѣренія не осуществились, и въ настоящее время, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, которыя мы выписали изъ сочиненія г. Клауса, считается въ нѣмецкихъ колоніяхъ:

семействъ, надѣленныхъ землей.	11,968
въ нихъ душъ мужского пола	49,020
семействъ безъ земли.	6,280
въ нихъ душъ мужского пола	25,739

Такимъ образомъ выходитъ, что въ теченіи не болѣе полустолѣтія (нѣкоторыя колоніи основаны въ первой половинѣ настоящаго вѣка) на 100 душъ колонистовъ наросло 50 душъ пролетаріевъ.

Но всего болѣе замѣчательно, что этотъ процессъ обеземеленья одной части населенія въ пользу другой и здѣсь, на этой слабой вѣткѣ германской культуры, оказывается исклю-

чительной принадлежностью нѣмецкаго племени, какъ свидѣтельствуютъ положительныя цифры: въ то время, какъ между нѣмецкими колонистами, число безземельныхъ поселянъ достигло уже 25,739 душъ, въ славянскихъ колоніяхъ, сербскихъ и болгарскихъ, не было ихъ вовсе.

Въ Бендерскомъ уѣздѣ въ одномъ округѣ нѣмецкихъ колонистовъ считается семействъ, надѣленныхъ землей, 879, въ другомъ 999 и семействъ безъ земли въ первомъ 1,325, во второмъ 1,189.

Въ томъ же уѣздѣ, въ 19 селеніяхъ болгарскихъ, водворенныхъ въ 1811—1830 годахъ, семействъ, владѣющихъ землей, 5,036, а безземельныхъ ни одной души [1]).

Одновременно и параллельно съ этими опытами иностранной колонизаціи, покровительствуемой правительствомъ, продолжалось и усиливалось другое передвиженіе, строго имъ запрещенное и преслѣдуемое всякими страхами и угрозами, это переселенія русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній на южныя и юго-восточныя окраины.

Движеніе это несомнѣнно имѣло свой корень въ крѣпостномъ правѣ и усилилось во второй половинѣ XVIII столѣтія, потому что въ это время и крѣпостная зависимость сдѣлалась еще строже, суровѣе, при кроткихъ и благодушныхъ императрицахъ, чѣмъ въ древней Руси, при Петрѣ и его предкахъ. Но такъ какъ за казной состояла масса крестьянъ, почти равная помѣщичьимъ, которые считались и сами себя признавали вольными, то все-таки непонятно, по какимъ глубокомысленнымъ соображеніямъ правители признавали нужнымъ вызывать инородцевъ и въ то же время запрещать переселенія своимъ вѣрноподданнымъ, всѣми силами порывавшимся въ тѣ же края, на Волгу и Донъ, куда перевозили на казенный счетъ менонитовъ и всякихъ нѣмецкихъ сектаторовъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эмиграція нѣмцевъ начала слабѣть; правительство, мало-по-малу убѣждаясь въ непроизводительности своихъ затратъ на этотъ предметъ, пріостановило прежнія щедрыя пособія колонистамъ, и, наконецъ, въ 1819 г. отмѣнило вовсе систему субсидій и льготъ, и запре-

тило даже нашимъ миссіямъ выдавать паспорты желающимъ переселяться въ Россію. Впрочемъ, эта мѣра исходила болѣе изъ политическихъ, чѣмъ изъ экономическихъ соображеній; извѣстно, что въ эту эпоху царствованія Александра, эпоху конгресовъ, и подъ внушеніями иностранныхъ дипломатовъ, произошелъ крутой поворотъ въ нашей политикѣ; Меттернихъ успѣлъ убѣдить государя, что нѣмецкіе колонисты могутъ сдѣлаться въ Россіи агентами всемірной революціи, и на этомъ основаніи всѣмъ переселенцамъ безусловно былъ запертъ входъ въ Россію.

Но это запрещеніе соблюдалось слабо или существовало недолго, потому что переселенія колонистовъ продолжались безостановочно, и многіе округа въ Бессарабской области и Екатеринославской губерніи заселились колонистами въ 1823—1830 годахъ. Но колоніи эти возникали сами собой, безъ содѣйствія правительства, по инціативѣ самихъ переселенцевъ.

Перейдемъ теперь къ внутренней колонизаціи новѣйшихъ временъ, которая, какъ сказано, совершалась бо̀льшею частію тайно и точно такъ же строго преслѣдовалась властями, какъ иностранная колонизація милостиво поощрялась.

Съ того времени, какъ пугачевщина отбила переселенія отъ Урала и Сибири, главная тяга русскихъ выходцевъ направилась на юго-востокъ, и главными поприщами русской колонизаціи сдѣлались Донская земля и Кавказъ. Эти двѣ обширныя территоріи мы разсмотримъ отдѣльно.

Донская земля, какъ извѣстно, начали заселяться уже издавна, въ XVI столѣтіи. Въ наказѣ царскому послу Третьяку Губину 1521 года упоминается, что въ это время всѣ земли отъ Азова вверхъ по Дону, до переволоку и до устья Медвѣдицы были совершенно пусты, считаясь номинально принадлежностью азовскихъ татаръ. Спустя 50 лѣтъ, земли эти уже были заняты казаками, и въ 1574 году казаки были до того сильны, что взяли приступомъ, „изгономъ“ городъ Азовъ.

Численность казаковъ въ XVII столѣтіи можно приблизительно опредѣлить по количеству царскаго жалованья, отправляемаго ежегодно изъ Москвы на Донъ для поголовной раздачи служилымъ казакамъ, и по этому разсчету извѣстно, что

число ихъ съ начала до конца этого столѣтія возросло отъ 10,000 до 30,000.

Главный приливъ казаковъ шелъ изъ Малороссіи: впослѣдствіи, когда начались преслѣдованія раскольниковъ, контингентъ старовѣровъ сталъ сильнѣе, и верховья Дона и притоки его, Хоперъ, Медвѣдица, Донецъ, заселились преимущественно русскими послѣдователями старой вѣры, но до XVIII столѣтія Донская область оставалась пустыней. При Петрѣ I всего казачьяго населенія было около 28,000; отъ разныхъ бунтовъ и переселеній оно упало до 21,000, и только въ 1775 году достигло опять прежняго числа 28,000. Только съ этого времени приливъ переселенцевъ началъ усиливаться, и уже въ 1812 году донское войско могло выставить до 60,000 служилыхъ, каковое число соотвѣтствуетъ полмилліону жителей обоего пола.

Въ это время колонизація войсковыхъ земель приняла уже тотъ характеръ, который она сохранила до нашихъ временъ; въ нее входили три элемента: помѣстный, казацкій и инородческій.

Первый, помѣстный уже началъ образовываться въ половинѣ XVIII столѣтія изъ казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ, коимъ войсковая канцелярія или станичники уступали обширныя земли, преимущественно въ округахъ, отдаленныхъ отъ Дона, Міусскомъ и Донецкомъ; владѣльцы этихъ земель населяли ихъ преимущественно малороссами, такъ-называемыми черкасами, которые записывались добровольно за донскими помѣщиками въ качествѣ обязанныхъ поселянъ и впослѣдствіи обращены были въ крѣпостное состояніе.

Казаки, коренные жители края, занимали низовья Дона, первоначально пространство отъ Черкаска до Цымлянска и, оттуда поднимаясь на сѣверъ, строили новыя станицы по бассейну рѣки и по ея притокамъ. Наконецъ инородцы, калмыки, сначала кочевавшіе между станичными юртами, были постепенно оттѣснены на юго-западъ, въ задонскія степи, и, въ концѣ прошлаго столѣтія, вошли въ составъ донского войска, къ коему были приписаны по воинской повинности.

Теперь разсмотримъ по порядку эти три главныя составныя части населенія казачьихъ земель.

Въ предъидущихъ главахъ этого сочиненія мы уже объяснили, что все колонизаціонное движеніе въ Россіи проистекало изъ крѣпостного права. Самое слово „казакъ" указываетъ его происхожденіе: оно означаетъ въ простонародномъ нарѣчіи вольнаго и неосѣдлаго человѣка, который земли не держитъ, нанимается на работу или въ услуженіе и противополагается пашенному, тягловому крестьянину. Въ древней Руси ихъ называли подсосѣдниками, захребетниками, потомъ крестьянскими дѣтьми, а при Романовыхъ—вольными государевыми людьми; но съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ слово „казакъ" (съ прилагательнымъ вольный) означаетъ въ крестьянскомъ быту человѣка неприписаннаго къ тяглу и неимѣющаго своего хозяйства.

Вотъ эти-то вольные люди, которые считали себя государевыми, но никакъ не помѣщичьими, которые признавали всѣ земли царскими, но отнюдь не владѣльческими, и потянули на Донъ и на Волгу, какъ только начало водворяться крѣпостное право.

Но, какъ мы видѣли, право это водворялось очень медленно и слабо до временъ Петра, и передвиженіе крестьянскихъ дѣтей въ казацкія земли шло постепенно и также очень тихо. Настоящее заселеніе этого края началось въ XVIII столѣтіи и открылось собственно съ того времени, какъ помѣщичья власть стала проникать до юга Россіи, до Украйны. Когда вольность Малороссіи во время Петра Великаго стала приходить въ упадокъ, всѣ люди, недовольные новыми порядками, бросились въ Запорожскую Сѣчь, а когда Сѣчь была уничтожена, то они пошли далѣе и проникли до Дона.

Но въ это время бо̀льшая часть земель была уже занята прежними переселенцами, казаками станичниками, и новымъ пришельцамъ приходилось уже испрашивать себѣ осѣдлость на другихъ основаніяхъ.

Малороссійскіе выходцы приняли съ того времени особое названіе черкасовъ и составили отдѣльный элементъ колоніальнаго поселенія, крестьянъ-хлѣбопашцевъ.

Въ 1763 году было уже записано въ подушный окладъ 20,000 душъ черкасовъ и крестьянскихъ поселеній считалось 232. Несмотря на жестокій штрафъ, назначенный по закону за пристанодержательство бѣглыхъ, малороссіяне безъ всякихъ

видовъ шли за Донъ и приписывались къ станицамъ и за войсковыми старшинами. Въ 1782 г. считалось за станицами 7,456 душъ крестьянъ и за помѣщиками 19,123. Съ этого времени переселенія еще усилились, закрѣпощенные малороссы толпами прибывали на Донъ, и по 5-й ревизіи 1795 г. крестьянъ насчитывали уже 58,492, изъ коихъ 54,628 за помѣщиками. Станичныхъ крестьянъ болѣе не прибывало, потому что казаки неохотно ихъ принимали, а которыхъ и приписывали къ станицамъ, то съ условіемъ, исправлять службу, причемъ и перечисляли ихъ въ казаки; въ 1811 году всѣ станичные крестьяне переписаны были въ войско и исключены изъ подушнаго оклада. Наконецъ, указомъ 1 февраля 1795 года повелѣно: „прикрѣпить донскихъ крестьянъ за имена донскихъ помѣщиковъ", и такимъ образомъ многіе владѣльцы, переманившіе бѣглыхъ черкасовъ и укрывавшіе ихъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, увидѣли себя, въ награду за пристанодержательство, счастливыми обладателями нѣсколькихъ сотъ и тысячъ крѣпостныхъ людей.

Дальнѣйшая судьба донскихъ поселеній уже не относится къ колонизаціи; достаточно упомянуть, что по положенію комитета 1835 г. велѣно было вывести помѣщиковъ и ихъ крестьянъ изъ станичныхъ юртъ и надѣлить ихъ изъ свободныхъ земель по числу ихъ крестьянъ, считая на душу по 15—20 дес.; что по положенію 1861 г. отрѣзано въ помѣщичье владѣніе по 12 дес. на душу 10-й ревизіи, изъ коихъ 3—4½ дес. поступили въ надѣлъ крестьянамъ, а остальныя въ распоряженіе помѣщика; что, такимъ образомъ, въ этомъ краѣ „не крестьяне пришли къ помѣщику по землѣ, а земля досталась помѣщику по крестьянамъ", и что бродяжничество, преслѣдуемое по закону, было окончательно принято тѣмъ же закономъ за основаніе помѣщичьей собственности и крестьянскаго владѣнія.

Второй разрядъ земель, такъ-называемыя станичныя, составляютъ ядро казацкихъ поселеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ типъ правомѣрнаго владѣнія, занесеннаго великорусскимъ племенемъ въ эти дальнія степи. Первобытно всѣ казаки надѣлялись равными паями станичныхъ земель, офицеры и чинов-

ники наравнѣ съ прочими; всѣ паи считались въ срочномъ владѣніи, надѣлялись служилымъ казакамъ, покуда они справляли службу, и отбирались отъ всѣхъ рядовыхъ и офицеровъ при отставкѣ; потомъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, со временъ знаменитаго атамана Платова, появляются изъятія: многіе заслуженные войсковые чины выпрашиваютъ или вымогаютъ себѣ пожизненное владѣніе таковыми срочными участками, потомъ обращаютъ ихъ безъ вѣдома и спроса станичниковъ въ постоянное, безсрочное владѣніе; въ царствованіе Николая дѣлаются разныя предположенія о выселеніи этихъ частныхъ владѣльцевъ изъ станичныхъ юртъ, объ отмежеваніи имъ земель въ другихъ мѣстахъ; казакамъ предполагается отвести по 30 дес. на душу, урядникамъ по 100, оберъ-офицерамъ 200, штабъ-офицерамъ 400, генераламъ 1600.

Наконецъ, положеніемъ 1863 г. этотъ узелъ разсѣкается и станичныя земли раздѣляются на 3 разряда: a) всѣмъ рядовымъ казакамъ отводится надѣлъ по 30 дес. на душу; b) офицерскіе срочные участки поступаютъ въ вѣчное и потомственное владѣніе войсковыхъ чиновъ; c) всѣ остальныя земли признаются запасными и предназначенными отчасти для надѣла прибылыхъ душъ, отчасти для чиновниковъ, конскихъ заводовъ и нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, частное и мірское землевладѣніе распредѣлилось на Дону поровну и въ наше время, являя намъ живой примѣръ тѣхъ порядковъ, коимъ слѣдовали русскія поселенія съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ; порядки эти были слѣдующіе: убѣгая отъ гражданскаго строя, заводимаго московскими царями, и въ особенности отъ водворяемаго ими крѣпостного права, вольные государевы люди уходили въ даль, но при этомъ, уклоняясь отъ закона, который признавали для себя стѣснительнымъ, они не думали и не хотѣли выдти изъ подданства государя. Уходили они собственно не изъ отечества и не изъ-подъ власти царя, а только отъ начальствъ и властей, поставленныхъ царемъ и, по ихъ мнѣнію, дѣйствовавшихъ наперекоръ высочайшей волѣ. Но страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они бѣжали безъ оглядки, какъ можно далѣе, и останавливались только на тѣхъ рубежахъ, гдѣ поселеніе и хлѣбопашество дѣлались невозможными.

Такъ было на Дону: казаки не останавливались на правомъ берегу рѣки, опасаясь, что тутъ ихъ могутъ еще захватить московскіе воеводы изъ украинскихъ городовъ и, переходя за Донъ, оставили пустыней всю приазовскую часть донского бассейна, нынѣшніе Міусскій и Донецкій округа. Они заняли сначала низовую часть лѣваго берега, потомъ потянулись вверхъ по рѣкѣ и, наконецъ, когда ихъ опасенія начали утихать, размѣстились и ближе, на притокахъ тихаго Дона, по Хопру и Медвѣдицѣ; далѣе, въ задонскомъ краѣ, они шли все далѣе, покуда не встрѣтились съ кочевьями калмыковъ, и тогда, занявъ длинную полосу по руслу рѣки, уступили восточную окраину кочевымъ инородцамъ [2]).

Такъ-называемая калмыцкая степь составляетъ третій разрядъ земель Войска Донского; но такъ какъ она простирается и дальше предѣловъ Донской области, то мы опишемъ ее отдѣльно въ общемъ ея составѣ. Составъ этотъ, впрочемъ, только нынѣ начинаетъ опредѣляться и по сіе время мало извѣстенъ не только русской публикѣ, но и русскому правительству. Права на земли тоже очень шатки во всей этой территоріи и въ послѣдній разъ (неизвѣстно—окончательно ли?) были регулированы предписаніемъ министра государственныхъ имуществъ 19 января 1862 года.

Извѣстно только, что первоначально, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, калмыки занимали своими кочевьями все пространство между Ураломъ и Дономъ, что ихъ съ востока тѣснили и грабили другія азіатскія орды: киргизы, трухменцы, башкиры, татары;—что они въ царствованіе Петра завладѣли всѣми урочищами и рыбными промыслами Волги, Дона, Урала и ихъ притоковъ,—наконецъ, что съ 1764 года начались попытки къ осѣдлому водворенію калмыковъ, попытки, продолжающіяся безуспѣшно по настоящее время. Главное домогательство калмыковъ состояло въ томъ, чтобы промѣнять свои заволжскія, безплодныя кочевья на болѣе привольныя земли нагорной стороны и укрѣпиться на правомъ берегу Волги. Эту свою политику они проводили съ большою хитростью, изъявляли разнымъ начальствамъ притворное желаніе перейти къ осѣдлому быту, жаловались на грабительство смежныхъ

инородческихъ ордъ, брались защищать русскія границы отъ ихъ набѣговъ и выставлять милицію въ русскую армію. Это имъ удалось вполнѣ: въ 1783 году былъ первый случай переселенія калмыковъ на правый берегъ Волги, который они называли крымскимъ, въ отличіе отъ лѣваго, прозываемаго ногайскимъ; для устройства предполагаемыхъ калмыцкихъ селеній ассигновано было 3,000 рублей въ годъ; въ 1785 г. данъ указъ князю Потемкину о заселеніи степи между Астраханью и Кизляромъ, и вслѣдствіе этого разрѣшенія калмыки цѣлыми улусами перешли Волгу и разсѣялись по всему пространству между Волгою и Дономъ.

Около того же времени произошло и другое передвиженіе: киргизы, кочевавшіе дотолѣ на р. Яикѣ и за Яикомъ, провѣдавъ о переходѣ калмыковъ за Волгу, начали подвигаться на западъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкто султанъ Букей, отдѣлившись отъ Большой-орды, прикочевалъ на луговой берегъ Волги, и въ 1801 году получилъ грамоту на устройство своей ставки въ урочищѣ „Нарынъ-пески".

Между тѣмъ и калмыки, перейдя на новыя земли, не вполнѣ отказались отъ прежнихъ; нѣкоторые улусы продолжали кочевать зимой на одномъ берегу Волги, лѣтомъ на другомъ, и имѣли за Волгой такъ-называемое „общее очередное кочевье", которое осталось и до настоящаго времени за ними и сдается отъ калмыцкихъ улусовъ въ аренду киргизамъ.

Были также и другіе эпизоды, еще болѣе запутавшіе поземельныя отношенія этого края: въ 1771 году часть калмыковъ бѣжала самовольно въ китайскія владѣнія и земли, ими упраздненныя, были тоже самовольно заняты астраханскими армянами; но въ 1828 году послѣдовало распоряженіе, по коему эти земли возвращены калмыкамъ, а бѣдные армяне послѣ пятидесяти-лѣтняго жительства выселены.

Въ 1806 году изданъ указъ объ отводѣ земель; для кочевья инородцамъ и калмыкамъ назначена „нагорная страна „отъ р. Волги на западъ, ограничиваемая съ одной стороны „дачами помѣщиковъ, казачьими и казенными поселеніями, „съ другой—Каспійскимъ моремъ и р. Кумой, а съ сѣвера „рубежемъ земель Войска Донскаго и колоніи Сарепты" (указъ 19 апрѣля 1806 года, п. 1).

Но если правительство имѣло благую цѣль содѣйствовать

заселенію края и переходу инородцевъ къ осѣдлости и хлѣбопашеству, то, надо признать, что оно совершенно ошиблось въ своихъ предначертаніяхъ, и рядомъ неудачныхъ мѣропріятій, напротивъ, пріостановило переселеніе русскихъ и другихъ выходцевъ, въ пользу полудикихъ азіатскихъ ордъ, никогда и не думавшихъ принять осѣдлость и воздѣлывать пашню. Мѣры эти продолжались послѣдовательно въ теченіи полустолѣтія.

Выше сказано, что въ 1828 году были выселены армяне, занявшіе земли калмыковъ, бѣжавшихъ въ Китай, и земли возвращены улусамъ и частнымъ владѣльцамъ (нойонамъ), которые на нихъ имѣли не больше правъ, какъ и армяне, ибо ихъ соплеменники бѣжали въ Китай самовольно.

Въ 1839 году повелѣно: строжайше запретить поселеніе на калмыцкихъ земляхъ казеннымъ крестьянамъ и вообще выходцамъ изъ внутреннихъ губерній (указъ 28 мая 1839 г.).

Въ 1846 году предположено устроить смѣшанныя поселенія изъ русскихъ крестьянъ и калмыковъ, „въ видахъ пріученія послѣднихъ къ осѣдлой жизни“ и для заселенія дорогъ, пролегающихъ черезъ степи. Съ этою цѣлью назначено: отводить, желающимъ водворяться, лицамъ привилегированныхъ сословій изъ калмыковъ по 1500, 400 и 200 дес., а простолюдинамъ по 30 десятинъ на душу.

Наконецъ, въ 1847 году послѣдовало еще новое положеніе, все съ тою же цѣлью—оберечь степь отъ поселенія посторонниxъ лицъ, въ надеждѣ, что калмыки и другіе татары сами водворятъ культуру и землевладѣніе въ своемъ краѣ. Подтверждено запрещеніе селиться кому бы то ни было на калмыцкихъ земляхъ, даже впускать скотъ и оставлять его на прокормленіе въ улусахъ, и предписано казенныя земли и угодья предоставить въ пользованіе калмыцкому народу, не допуская неправильнаго пользованія постороннихъ лицъ (положеніе 23 апрѣля 1847 года, Собраніе законовъ, №№ 11, 228).

Но эта гуманная политика не приносила желаемыхъ плодовъ и калмыцкая культура не принималась. Степь все-таки оставалась степью, калмыки—калмыками, ставки и кибитки единственными признаками жилья въ этой необъятной пустынѣ. Калмыки послѣдовательно обманывали мѣстную адми-

нистрацію притворными ходатайствами объ отводѣ имъ земель подъ поселенія, и администрація систематически вдавалась въ обманъ. Когда въ 1846—47 гг. послѣдовало вышеупомянутое распоряженіе о надѣлѣ привилегированныхъ лицъ, эти лица—нойоны, зайсанги, ханы и біи уговорили простолюдиновъ въ числѣ 500 кибитокъ, заявить о желаніи приступить къ поселенію; но изъ всѣхъ 500 семействъ не поселилось ни одно; тогда правительство отреклось отъ своего проекта смѣшанныхъ поселеній, „гдѣ калмыки обучались бы осѣдлой жизни у русскихъ", и такъ какъ проложеніе почтовыхъ трактовъ требовало нѣкоторыхъ заселенныхъ пунктовъ, то рѣшено было вызвать русскихъ крестьянъ. Они явились немедленно и всѣ участки, отведенныя подъ поселенія, были быстро заняты и обстроены русскими выходцами изъ внутреннихъ губерній.

Казалось бы, что эти опыты должны были убѣдить русское правительство въ безполезности старанія о привлеченіи инородцевъ къ осѣдлости; но опыты продолжались и въ 1862 году отведены были участки, предположенные въ 1846 году къ надѣлу, причемъ пропорція на душу была еще увеличена до 60 десятинъ и предписано, чтобы въ теченіи года устроено было на каждомъ участкѣ хозяйственное заведеніе (?), состоящее изъ такъ-называемыхъ „базовъ" или загоновъ для скота. На этомъ основаніи нарѣзано земли удобной—одному нойону 1,500 дес., 48 зайсангамъ 12,200, и 7,070 простолюдинамъ 290,065 и, кромѣ того, неудобной 405,355 десятинъ—всего 709,120 десятинъ.

Въ настоящее время еще трудно судить объ успѣхѣ этой новѣйшей мѣры, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія нѣсколько сбивчивы. Въ той части калмыцкихъ земель, которая подвѣдомственна Донскому войску обнаруживается, повидимому, переходъ немногихъ калмыковъ къ земледѣлію и въ 1868 году насчитано у нихъ 938 жилыхъ домовъ, 2347 телѣгъ и 261 плугъ. Хотя это количество земледѣльческихъ орудій (261) на цѣлый народъ не велико, но тѣмъ не менѣе русская администрація радуется и этому скромному результату вѣковыхъ своихъ усилій.

Относительно же всей прочей калмыцкой степи, новѣйшія извѣстія, позаимствованныя нами изъ сочиненія главнаго

попечителя калмыцкаго народа (ист. и статис. свѣдѣнія о калмыкахъ Г. М. Костенкова. С.-Петербургъ. 1870) не подтверждаютъ мнѣнія о благодѣтельномъ вліяніи либеральной политики правительства. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что къ 1 января 1868 года числилось калмыковъ 25,252 кибитки и въ нихъ душъ мужского пола 64,012, по другимъ свѣдѣніямъ нѣсколько болѣе, 68,329.

Хлѣба было посѣяно въ 1867—68 гг. озимаго 272 четв. и ярового 323, изъ коего собрано въ 1868 году перваго 1306 и второго 1984, итого на весь народъ 3290 четвертей!!

Но всего убѣдительнѣе и нагляднѣе представляется картина калмыцкаго быта изъ слѣдующаго исчисленія, въ коемъ показаны промыслы жителей.

	Всего народа.				
Наймомъ въ работы, преимущественно по рыболовству заняты. .	0,5%	37,940	душъ	14152	кибитки
Скотоводствомъ.	0,3%	25,571	„	8809	„
Хлѣбопашествомъ	0,003%	203	„	64	„
Ремеслами.	0,002%	138	„	45	„
Призрѣваемыхъ обществами . . .	0,02%	1344	„	66	„

Общее число земли, состоящей въ пользованіи калмыковъ, по вычисленіямъ главнаго попечителя, равно 7.747,039 дес., изъ коихъ 365 тысячъ считаются излишними и отдаются въ аренду; предполагая, чтó весьма сомнительно, что со временемъ всѣ калмыки, въ числѣ 64 или 68 тысячъ душъ муж. пола, примутъ осѣдлость и будутъ надѣлены по 40 дес. на душу, разсчитываютъ, что свободныхъ земель останется около 5 милліоновъ десятинъ.

Относительно скотоводства, которое, какъ извѣстно, составляетъ, по общепринятому мнѣнію, будто бы главный промыселъ этихъ народовъ, мы нашли въ томъ же сочиненіи слѣдующія свѣдѣнія: у 65,196 калмыковъ считалось всего крупнаго скота, верблюдовъ, лошадей и коровъ около 186,000 головъ или на душу около 3,—пропорція, которая встрѣчается и во многихъ селеніяхъ русскихъ степныхъ губерній, гдѣ надѣлъ крестьянъ не болѣе 6—8 десятинъ на душу.

Мы нарочно вошли въ нѣкоторыя подробности при описаніи поселенія калмыковъ, потому что тѣ же самые пріемы

повторялись при управленіи и другихъ инородцевъ, и изъ нихъ можно видѣть, какой длинный рядъ заблужденій знаменовалъ нашу колоніальную систему.

Оказывается, что такъ-называемыя калмыцкія земли вовсе калмыкамъ не принадлежали до конца прошлаго столѣтія; что они кочевали за Волгой, смѣшанные съ киргизами и татарами, коихъ орды занимали безграничную степь до китайскихъ владѣній; что все пространство нынѣшнихъ ихъ земель уступлено имъ русскимъ правительствомъ послѣ того, какъ они заняли самовольно ихъ своими ставками, и что эта уступка 7 милл. десятинъ была основана на предположеніи, что эти бродячіе азіаты ищутъ осѣдлости и нуждаются для своего скотоводства въ обширныхъ пастбищахъ.

Исходя изъ этого предположенія, русское правительство, тому болѣе 100 лѣтъ, наложило запрещеніе на калмыцкія земли, не дозволяло русскимъ выходцамъ селиться на нихъ, и отводило нѣсколько разъ обширныя дачи подъ мнимыя поселенія инородцевъ и ихъ начальниковъ, изъявлявшихъ притворное желаніе о переходѣ къ осѣдлости. Между тѣмъ столѣтній опытъ указываетъ, что все это было фальшиво—и стремленіе калмыковъ къ осѣдлости, и право ихъ на земли, и самое понятіе, составившееся объ ихъ бытѣ, объ ихъ обширномъ скотоводствѣ, требующемъ будто бы особеннаго простора.

При повѣркѣ оказалось совершенно противное: привилегированныя лица, нойоны, султаны, владѣльцы улусовъ воспользовались щедротами правительства для введенія крѣпостного права, и крѣпостнымъ правомъ для притѣсненія и разоренія своихъ улусовъ, вели и выигрывали процессы о наслѣдственныхъ своихъ правахъ на имѣнія, никому до того времени не принадлежавшія, и систематически обманывали высшее правительство и подкупали низшее начальство.

Когда, наконецъ, въ 60-хъ годахъ приступлено было къ исчисленію, то обнаружились слѣдующіе любопытные факты: на всемъ пространствѣ степи между Волгой и Дономъ занимались хлѣбопашествомъ 64 кибитки или семейства, которые высѣвали всѣ вмѣстѣ въ 1868 г.—593 четв. хлѣба, что̀ соотвѣтствуетъ примѣрно 400 дес. пашни изъ 7.700,000 десятинъ всѣхъ владѣній! Скотоводствомъ занималось меньше

половины ($^{3}/_{10}$) народа. Вся остальная часть проживала на наемной работѣ, на рыбныхъ промыслахъ, въ пастухахъ и табунщикахъ—и 66 семействъ (столько же, сколько считалось хлѣбопашцевъ) призрѣвалось обществами.

Осѣдло и домовито жили только немногія селенія русскихъ крестьянъ, которымъ въ видѣ изъятія и не въ примѣръ другимъ разрѣшено было въ 1847 году занять земли, отведенныя и незанятыя калмыками. Но, несмотря на этотъ примѣръ, калмыцкая степь и понынѣ считается достояніемъ кочевыхъ инородцевъ и строжайше оберегается отъ вторженія русскихъ поселянъ.

Другую обширную и привольную колоніальную территорію составляетъ Кавказъ.

Подъ этимъ общимъ названіемъ можно разумѣть край какъ по сю сторону Кавказскихъ горъ (Ставропольскую губернію, Кубанскую область), такъ и Закавказье. Къ сожалѣнію, объ этой послѣдней части мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній; извѣстно только, что правительство въ разныя времена учреждало въ Закавказскихъ областяхъ колоніи изъ ссыльныхъ раскольниковъ, что многіе изъ нихъ (поселенія молоканъ и духоборцевъ) находятся въ очень цвѣтущемъ состояніи, что въ одной Эриванской области считается нынѣ 14,934 семейства русскихъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ и до 30,000 на земляхъ казенныхъ, что̀ равняется, примѣрно, 300,000 жителей обоего пола.

Такимъ образомъ, русскія поселенія уже проникли до знойнаго края, лежащаго у подошвы Арарата, и дошли до этого предѣла русской имперіи на свой страхъ и на свой коштъ, не только безъ пособій, но и безъ всякаго руководства правительства.

О странѣ, лежащей по сю сторону Кавказа, мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія, и на основаніи ихъ полагаемъ, что весь этотъ край можетъ быть разсмотрѣнъ, какъ первый пунктъ русской колонизаціи, если къ организаціи ея будетъ нынѣ приступлено.

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ ставропольскимъ статистическимъ комитетомъ, въ этой губерніи (за исключеніемъ

Кубанской и Терской областей) считается 65,600 квад. верстъ, или около 7 милліоновъ десятинъ. Жителей обоего пола: городскихъ—55,671, сельскихъ—244,838 и инородцевъ 79,679. На 1 квадратную версту (104 десят.) приходится 5—6 жителей обоего пола, или около 3 ревизскихъ душъ. Всѣхъ селеній 74, деревень и поселковъ 37, колоній 6; на 1 поселеніе приходится 529 квад. верстъ. Въ Кубанской области считается 83,462 квад. версты, или 8.694,000 десятинъ; всѣхъ жителей 733,043 и поселеній 320. На 1 квадратную версту приходится 8—9 жителей обоего пола. На одно поселеніе 260 квадратныхъ верстъ.

Всѣ данныя, которыя имѣются объ этомъ краѣ, представляютъ его положеніе въ такомъ видѣ, что оно какъ нельзя болѣе удобно къ введенію правильной колонизаціи.

Извѣстно, что послѣ покоренія Кавказа произошло во всемъ этомъ краѣ всенародное броженіе, которое продолжается понынѣ, постоянно усиливаясь, и которое можетъ быть представлено въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: во-первыхъ, горскіе жители начали выходить большими массами въ Турцію и отчасти возвращаться обратно изъ Турціи; во-вторыхъ, разныя инородческія кочующія племена изъявляютъ притворное желаніе перейти къ осѣдлости; въ-третьихъ, продолжается и усиливается переселеніе русскихъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній,—наконецъ, прибываютъ изъ разныхъ странъ и иностранные колонисты, наслышавшись о привольныхъ владѣніяхъ, покинутыхъ мусульманами.

Эти одновременныя движенія, смутныя, но неукротимыя, совершаются на нашихъ глазахъ, не обращая на себя вниманія русскаго общества. Общаго ихъ описанія мы нигдѣ не находимъ и должны удовольствоватѣся отрывочными свѣдѣніями, выписанными изъ журнальныхъ статей и частныхъ описаній. Первое изъ этихъ явленій, выходъ мусульманскихъ племенъ въ Турцію, сопровождается еще обратнымъ движеніемъ, стремленіемъ разныхъ христіанскихъ племенъ, подвластныхъ Турціи, къ переселенію на Кавказъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходитъ въ настоящее время нѣчто похожее на средневѣковое переселеніе народовъ.

Между прочимъ, мы имѣемъ слѣдующія данныя о Пятигорскомъ уѣздѣ, гдѣ, повидимому, на довольно тѣсномъ про-

странствѣ сошлись всевозможныя передвиженія. Немедленно послѣ плѣненія Шамиля и подъ вліяніемъ мусульманскаго фанатизма, поднялись ногайцы и стали уходить въ Турцію, чтобы спастись отъ ожидаемыхъ преслѣдованій гяуровъ; греки изъ Турціи, провѣдавъ объ ихъ эмиграціи, просились на ихъ мѣсто; въ то же время, въ шестидесятыхъ годахъ, начали прибывать русскіе переселенцы, отыскивая осѣдлость и испрашивая земли для водворенія; наконецъ, проникли до Кавказа, до подножія Эльбруса, обитатели противоположнаго края имперіи, эстонцы, и основали особую колонію на границѣ Кубанской области.

Можно легко себѣ представить, какой переполохъ причинили эти переселенія нашей администраціи, привыкшей дѣйствовать въ духѣ полицейскаго порядка и благочинія, и производить текущія дѣла по установленнымъ формамъ дѣлопроизводства.

Прежде всего представилось то обстоятельство, что ногайцы уходили въ Турцію не всѣ поголовно, что въ аулахъ и поселкахъ оставались отсталыя семьи, проживавшія въ одиночествѣ среди покинутыхъ сакль и, разумѣется, пользовавшіеся таковымъ одиночествомъ и окружающимъ ихъ опустѣніемъ для нѣкоторыхъ небезуспѣшныхъ промысловъ—конокрадства, пристанодержательства, иногда и разбоя. Озабоченная этими безпорядками, мѣстная администрація не нашла ничего лучше, какъ предложить, а потомъ и принудить ногайцевъ, оставшихся на родинѣ, къ выселенію на новыя имъ отведенныя мѣста; избрана была казенная дача на р. Кумѣ, куда выведены были всѣ остальные ногайцы, въ одно селеніе Кангелы и куда велѣно также водворять и тѣхъ ногайцевъ-выходцевъ, которые возвращались обратно изъ Турціи. Эта крутая мѣра, разумѣется, возбудила сильный ропотъ между мусульманами, оставшимися вѣрными Россіи, и озлобила ихъ еще больше, чѣмъ ихъ единородцевъ, передавшихся падишаху. Послѣдніе подсмѣивались надъ простодушными своими единородцами и спрашивали: „много-ль вы-де выиграли, что остались за Россіей; васъ лишили отцовскихъ земель и согнали въ кучу, какъ стадо барановъ“.

Въ то же время, въ 1862 году, открылось встрѣчное движеніе грековъ изъ Турціи въ Россію; при первыхъ слухахъ

объ упраздненіи ногайскихъ ауловъ, турецкіе греки начали толпами выходить на нашу границу, высылали ходаковъ для осмотра земель и въ пограничныхъ турецкихъ городахъ появились агенты и коммиссіонеры, которые отбирали подписки отъ желающихъ переселиться на Кавказъ. Уже въ 1862 году ихъ оказалось столько, что по смѣтѣ министра государственныхъ имуществъ ассигновано было 1.200,000 на пособіе грекамъ-колонистамъ. Въ 1864 г. они двинулись цѣлыми колоннами, и такъ какъ никакихъ подготовительныхъ мѣръ не было принято, то мѣстное начальство совершенно растерялось: переселенцамъ указывали пустопорожнія казенныя дачи, они требовали другихъ земель, лучшихъ угодій и, не спрашиваясь властей, самовольно селились на пригодныхъ земляхъ во владѣльческихъ имѣніяхъ; ихъ выгоняли военной силой изъ землянокъ, которыя они себѣ устраивали на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Тогда, скитаясь безъ пріюта, они впадали въ совершенную нищету и правительство вынуждено было отдавать ихъ на прокормленіе крестьянамъ смежныхъ русскихъ селеній, за условленную плату. Только черезъ 5—6 лѣтъ, въ 1867—1868 гг. удалось, наконецъ, съ помощью казаковъ и военныхъ экзекуцій, водворить этихъ непрошенныхъ гостей на отведенныхъ имъ участкахъ. Наконецъ, третья колонна переселенцевъ прикочевала на Кавказъ изъ Балтійскаго поморья; въ 1865 году толпа эстовъ явилась въ Пятигорскъ и основала тамъ, на границѣ Кубанской области, за рѣкою Валаусомъ, большую колонію.

Такимъ образомъ, въ этотъ короткій періодъ, 1862—1866 гг., все населеніе Пятигорскаго округа передвинулось. На возвращеніе бѣжавшихъ ногайцевъ, на переселеніе тѣхъ изъ нихъ, которые остались на родинѣ, на водвореніе грековъ затрачены были отъ казны большія суммы; кромѣ того, этимъ инородцамъ дарованы и льготы: ногайцамъ на 8 лѣтъ отъ подушной подати и на 12 отъ рекрутской повинности, а грекамъ выданы денежныя пособія отъ казны и хлѣбныя ссуды изъ сельскихъ магазиновъ.

Но въ то же время, какъ открылось это скитаніе инородческихъ выходцевъ, то изъ Россіи въ Турцію, то обратно изъ Турціи въ Россію, образовался, и съ бо́льшею правильностію, постоянный, послѣдовательный притокъ русскихъ по-

селянъ изъ внутреннихъ губерній на Кавказъ; и замѣчательно, что въ то время, какъ правительство считало своимъ долгомъ призрѣвать разноплеменныхъ выходцевъ, оно какъ будто не вѣдало о переселеніяхъ русскихъ крестьянъ, предоставляя имъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ, какъ они знаютъ, на свой коштъ и на свой страхъ. Льготъ имъ никакихъ не давалось, кромѣ отсрочки рекрутской повинности на 3 года; затѣмъ, отъ нихъ требовалось свидѣтельство объ уплатѣ всѣхъ податей и сборовъ по прежнему ихъ жительству, и со дня водворенія съ нихъ взимались сполна всѣ прямые налоги по общей раскладкѣ, наравнѣ съ старожилами. Несмотря на это неравенство условій, колонизація русскихъ изъ внутреннихъ губерній шла несравненно быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ поселеніе иностранныхъ колонистовъ: агентами русскихъ переселенцевъ служили люди бывалые, разносчики, красноторговцы, офени, приходившіе на лѣто изъ великороссійскихъ губерній для своей торговли; они высматривали мѣста, удобныя для поселеній, указывали ихъ своимъ землякамъ и являлись, такимъ образомъ, опытными и свѣдущими руководителями переселеній. Первоначально, наибольшій контингентъ русскихъ выходцевъ доставляли Малороссія и Новороссійскій край, но въ послѣднее время они стали появляться изъ всѣхъ губерній и, какъ сказано, несмотря на строгія условія, на нихъ возлагаемыя, несмотря на то, что они лишены тѣхъ льготъ, коими пользуются въ томъ же уѣздѣ ногайцы и греки, русскія колоніи оказываются настолько прочнѣе и зажиточнѣе инородческихъ, что для пособія симъ послѣднимъ администрація прибѣгала къ русскимъ поселянамъ и отдавала имъ на харчи и содержаніе иностранныхъ колонистовъ, переселенныхъ на счетъ казны.

Эти данныя, хотя и относящіяся къ одной отдѣльной мѣстности Кавказа, къ Пятигорскому уѣзду, представляютъ намъ живую картину переворота, происходящаго во всемъ этомъ краѣ и подтверждаютъ то мнѣніе, которое мы изложили въ предъидущей главѣ, какъ одинъ изъ основныхъ законовъ колонизаціи,—что даровой надѣлъ, безплатная концессія или отводъ земель не способствуютъ успѣшности поселеній, со-

блазняя бо́льшею частію людей легкомысленныхъ, неспособныхъ къ тяжкому труду новаго водворенія.

Подобное же передвиженіе происходитъ и въ Кубанской области и отчасти въ Ставропольской губерніи, по настоящее время. Кубанская область занимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ послѣднее, т.-е. новѣйшее мѣсто въ ряду заселенныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Въ 1778 году по всей линіи р. Кубани было только нѣсколько укрѣпленій, построенныхъ Суворовымъ, а въ 1800 г. всѣхъ поселеній считалось только 33.

Въ началѣ столѣтія приняты были первыя мѣры къ правильной колонизаціи: въ селеніи Среднемъ-Егорлыкѣ, лежащемъ на границѣ области по тракту на Аксай и Ростовъ, учреждена контора для надзора за переселеніями, она подчинена ставропольскому нижне-земскому суду; кубанская линія соединена съ Аксаемъ и далѣе съ Донской землей рядомъ казачьихъ постовъ, съ земляными окопами.

Въ 1805 году сдѣланъ правительствомъ первый вызовъ желающихъ переселиться изъ внутреннихъ губерній на Кавказъ. Охотникамъ обѣщана 5-лѣтняя льгота отъ податей и сверхъ того пособіе отъ казны деньгами, лѣсомъ и скотомъ. Управленіе конторой и всѣми дѣлами о переселеніяхъ поручено особому смотрителю.

Съ тѣхъ поръ, повидимому, переселенія, которыя до того времени питались почти исключительно бѣглыми и бродягами, уходившими отъ крѣпостной зависимости, начали принимать болѣе легальный характеръ. Но все-таки наплывъ безпаспортныхъ продолжался безостановочно, и когда въ 1832 году приняты были мѣры къ обезпеченію продовольствія по случаю неурожая, то въ селеніи Безопасномъ, одномъ изъ первоначальныхъ въ области, оказалось 612 душъ, никуда не приписанныхъ и проживавшихъ съ 1826 года безъ всякаго вида.

Кавказское намѣстничество имѣло не мало хлопотъ съ переселенцами: по заведенному обычаю, прежде приходили изъ Россіи ходаки, называемые на Кавказѣ „осадчіе“ (отъ слова осаждать, поселять); они осматривали мѣстность, выбирали любую, потомъ возвращались на родину и на слѣдующій годъ, при-

ведя партію, подавали прошеніе въ казенную палату о причисленіи въ избранное ими селеніе; но, пока тянулась переписка, переселенцы расходились по уѣзду, а не рѣдко и по всей губерніи, проживали гдѣ хотѣли, перемѣняя нѣсколько разъ свои заявленія о припискѣ то къ тому, то къ другому селу, и, разумѣется, столько же затрудняли начальство, сколько и начальство ихъ затрудняло проволочкой и медленностью переписки.

Несмотря на это, колонизація края шла уже довольно успѣшно въ первой половинѣ XIX столѣтія: новыхъ поселеній прибавилось въ этотъ періодъ немного, всего 133 съ 1800 по 1860 годъ, потому что мѣстъ удобныхъ и главное безопасныхъ отъ набѣговъ горцевъ было мало, но за то въ старыя поселенія прибывали значительныя массы русскихъ выходцевъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ селѣ Безопасномъ, о которомъ мы выше упомянули, считалось въ 1837 г. 1409 душъ муж. пола въ 567 дворахъ, а въ 1867 г. 2868 душъ въ 750 дворахъ.

Настоящее колонизаціонное движеніе началось съ эпохи покоренія Кавказа, и одновременно съ выселеніемъ закубанскихъ горцевъ русскія колоніи начали быстро проникать въ этотъ благодатный край. Въ десятилѣтіе съ 1861 по 1871 г. число новыхъ поселеній, основанныхъ русскими поселенцами, достигло 150, т.-е. безъ малаго того же числа, сколько было основано всѣхъ поселеній съ 1778 года по 1860, въ 82 года.

Всѣхъ селеній считается по временамъ ихъ основанія:

до 1800 года — 37	и въ нихъ по настоящее время жит. муж. пола.	83,747
отъ 1800 до 1860—133	„ „ „ „ „ „ „	144,032
отъ 1861 до 1871—150	„ „ „ „ „ „ „	155,376

Всего населенія въ Кубанской области было въ 1871 году 672,244 души обоего пола, а въ 1872 году—733,043. Такъ какъ естественное приращеніе народонаселенія по вѣдомостямъ о родившихся и умершихъ составляло 6713, то остальное число означаетъ новосельцевъ, прибывшихъ на Кавказъ въ одинъ годъ—54,106 душъ обоего пола.

Чтобы представить себѣ наглядно, какое еще широкое поприще для колонизаціи открывается въ томъ краѣ, мы прилагаемъ новѣйшія свѣдѣнія о числѣ жителей разныхъ сословій и о распредѣленіи между ними земель.

Городскихъ жителей считается: душъ мужского пола 19,608, городскихъ земель — десятинъ 26,393. Дворянъ потомственныхъ: душъ мужского пола 1,711, земель помѣщичьихъ—десятинъ, 297,276. Кромѣ того, у почетныхъ туземцевъ, число коихъ не показано—десятинъ 133,750.

Наконецъ, сельскихъ и военныхъ сословій числится по послѣдней ревизіи около 286,000 душъ мужского пола и за ними считается въ общинномъ владѣніи станицъ и ауловъ (большею частію нынѣ упраздненныхъ по выселеніи горцевъ) 8,234,500 десятинъ.

Всего по области имѣется земли 8.694,000 десятинъ.

Подъ тѣ же условія подходятъ болѣе или менѣе и прочія мѣстности Кавказскаго предгорья, Терская область, часть Дагестанской и Сухумской и Ставропольская губернія. Къ сожалѣнію, точныхъ статистическихъ свѣдѣній о нихъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ весь этотъ край переформированъ вновь въ 1871 году, причемъ отъ Ставропольской губерніи отошли нѣкоторыя части къ упомянутымъ областямъ; поэтому всѣ числовыя данныя о населеніи и прочихъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ смѣшались, и хотя нынѣ и разбираются съ большимъ усердіемъ статистическимъ комитетомъ Ставропольской губерніи, но еще не приведены въ полную извѣстность.

Изъ изданій этого комитета, коихъ вышло, если не ошибаемся, уже 6 выпусковъ, а также изъ записокъ, намъ обязательно сообщенныхъ однимъ частнымъ лицомъ, изслѣдовавшимъ этотъ край въ 1873—1874 годахъ, мы постараемся извлечь главныя черты, его характеризующія.

Настоящій моментъ тѣмъ особенно важенъ для колонизаціи русской земли вообще и этой юго-восточной окраины въ особенности, что нынѣ одновременно открываются два движенія, два стремленія въ мѣстномъ населеніи: одно, которое мы выше описали между мусульманами, къ выселенію и

переходу подъ турецкое владычество; другое между кочевыми инородцами, калмыками, ногайцами и другими, къ осѣдлой жизни и водворенію на постоянныя жительства. Мы уже объяснили, что это послѣднее движеніе намъ кажется обманчивымъ и притворнымъ, что инородцы подъ предлогомъ осѣдлости стараются только захватить лучшія земли, и, сами ихъ не воздѣлывая, перепродаютъ другимъ или оставляютъ впустѣ. Но тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія.

Въ 1863—64 годахъ приняли осѣдлость, или заявили о таковомъ своемъ желаніи 607 семействъ трухменцевъ и 300 ногайцевъ, и получили на душу 30 десятинъ въ Ставропольской губерніи. Въ 1866 году изъ калмыковъ, которые всѣ считались кочевыми и при ревизіяхъ переписывались по кибиткамъ, оказалось 4500 душъ въ 40 селеніяхъ. Въ 1868 году изъ тѣхъ же калмыковъ 185 кибитокъ, т.-е. семействъ, въ коихъ считалось 642 души муж. пола, получили въ надѣлъ 28,769 десятинъ, т.-е. по 44 десятины на ревизскую душу. Впрочемъ, это передвиженіе началось и нѣсколько раньше, при первыхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1859 г. ногайцы поднялись массами для переселенія въ Турцію, и хотя нѣкоторая часть изъ нихъ, около 1300 душъ, впослѣдствіи возвратилась, но отъ нихъ осталось въ распоряженіе казны свободныхъ земель громадная площадь въ 895,000 десятинъ. Земли эти были подѣлены такъ: 167,000 десятинъ пожалованы разнымъ служащимъ въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ лицамъ, 86,000 прирѣзано къ другимъ селеніямъ, предъявившимъ ходатайства о дополненіи ихъ надѣла, 46,000 возвращены ногайцамъ (по 35 десятинъ на душу), 106,000 отведены трухменцамъ подъ зимовники и кочевья, 20,000 подарено Терскому казачьему войску, 112,000 взято въ удѣлъ; наконецъ, изъ всего этого числа 895 тысячъ предназначено для поселеній менѣе 1/4, всего 220 тысячъ десятинъ.

Изъ этого отдѣльнаго примѣра видно, съ какою расточительностью обращается наша администрація съ этими привольными и плодородными землями, присуждая ихъ безъ всякой системы то частнымъ лицамъ, то селеніямъ, уже надѣленнымъ землей, то кочевымъ инородцамъ, то удѣльному вѣдомству, и расхищая такимъ образомъ капиталъ государ-

ственныхъ имуществъ, который составляетъ главнѣйшій запасъ грядущихъ поколѣній.

По тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя мы успѣли собрать, капиталъ этотъ, т.-е. свободныя земли Кавказскаго края, имѣетъ громадную цѣнность и можетъ обезпечить на долго колонизацію изъ внутреннихъ губерній.

Общія климатическія и экономическія условія этой страны таковы, что она можетъ быть причислена къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ Россіи. По всей западной части ея, начиная съ береговъ Дона, у Ростова, до рѣки Кумы, у подножья Кавказскаго хребта, тянется широкая полоса чернозема; къ ней примыкаютъ, съ одной стороны, привольныя степи большой и малой Кабарды, располагающіяся отъ Егорлыка до Владикавказа и Пятигорска, съ другой—нѣкоторые горные округа, покинутые прежнимъ ихъ населеніемъ и еще мало изведанные, гдѣ посреди горъ и скалъ расположены долины и подгорныя равнины съ плодороднѣйшей почвой. Спеціальныя культуры, садоводство, винодѣліе, шелководство, марена, табакъ играютъ уже нынѣ значительную роль въ народномъ хозяйствѣ этого края, хотя и находятся въ самомъ грубомъ, первобытномъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ страна эта обезпечена и тѣми главными условіями, которыя составляютъ важнѣйшій недостатокъ нашихъ русскихъ степей и наиболѣе затрудняютъ наши степныя хозяйства, а именно лѣсомъ и водой. Лѣсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣется весьма много: по отчету губернатора за 1872 годъ, въ одной Кубанской области имѣется казеннаго лѣса 375,000 десятинъ. По всей полосѣ, примыкающей къ горному хребту, обиліе водъ и горныхъ потоковъ дозволяетъ ввести правильную систему орошенія, которая представитъ для земледѣлія неисчислимыя выгоды.

Хозяйственное положеніе этого края въ настоящее время очень неопредѣленное; въ немъ отражаются, какъ послѣдніе отголоски, всѣ перевороты, происшедшіе во внутреннемъ и внѣшнемъ управленіи Россіи въ послѣднее время: и крымская война, и покореніе Кавказа, и освобожденіе крестьянъ, и новое разграниченіе губерній и областей. Неопредѣленность эта еще усугубляется тѣмъ, что въ системѣ управленія царствуетъ полная анархія и что по мѣрѣ освобожденія земель

и открытія новыхъ, непочатыхъ богатствъ страны они распредѣляются, жалуются, отводятся и разбираются безъ всякаго предначертанія, кѣмъ и какъ случится, или, вѣрнѣе сказать, тѣми лицами или обществами, которыя, провѣдавъ о какой-либо привольной мѣстности, первые заявляютъ желаніе ее пріобрѣсти.

Большія пространства поступили по пожалованію въ собственность военачальниковъ и чиновниковъ кавказскаго штата: въ Кубанской области за частными владѣльцами считалось въ 1872 году около 375,000 десятинъ; въ Черноморіи всѣмъ офицерамъ казачьяго полка пожалованы хутора; въ Пятигорскомъ уѣздѣ надѣлены большія имѣнія генералу Евдокимову и прочимъ военнымъ чинамъ, участвовавшимъ въ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ; на рѣкахъ Большой и Малой Кугултѣ въ 1863 году разбито было 82,650 десятинъ на 40 участковъ, которые розданы служащимъ на Кавказѣ. Около нихъ еще остается 87,108 десятинъ пустыхъ казенныхъ земель. По извѣстіямъ, заимствованнымъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, помѣстья эти, какъ и слѣдовало предвидѣть, находятся въ совершенно запущенномъ состояніи: владѣльцы, состоящіе бо́льшею частію на службѣ, въ нихъ не живутъ и хозяйство не завели и не заводятъ, земли сдаются въ аренду; съемщиками являются бо́льшею частію выходцы изъ отдаленныхъ губерній: Воронежской, Харьковской, Екатеринославской. Сроки арендъ довольно долгіе, 5—6 лѣтъ, арендныя цѣны дешевыя: на Кубани отъ 40—50 копѣекъ за десятину на кругъ, въ Черноморіи до 2 рублей. Арендаторы, снимая помѣщичьи и офицерскіе хутора, на нихъ не живутъ, а поселяются обыкновенно въ ближайшихъ станицахъ, гдѣ нанимаютъ усадьбы по цѣнѣ 3—4 копѣйки на квадратную сажень и выгонъ по 50 копѣекъ въ лѣто со штуки скота. Такимъ образомъ, большая часть всемилостивѣйше пожалованныхъ имѣній представляетъ видъ полнѣйшаго опустѣнія: ни сами владѣльцы, ни съемщики въ нихъ не обитаютъ и хутора служатъ только пристанищами, куда наѣзжаютъ хлѣбопашцы для уборки хлѣбовъ и молотьбы. Понятно, что такое заочное хозяйство приноситъ мало выгодъ, и уже нынѣ, по прошествіи 10—15 лѣтъ, эти сановные и чиновные землевладѣльцы стараются наперерывъ одинъ пе-

редъ другимъ сбыть свои бездоходныя помѣстья промышленнымъ людямъ. Въ 1872 году считалось уже, что $^1/_7$ часть пожалованныхъ имѣній распродана; покупщиками являются большею частію крымскіе овцеводы, которые съ особенной ловкостью пользуются безденежьемъ и хозяйственнымъ невѣжествомъ этихъ импровизованныхъ помѣщиковъ, снимаютъ выпаханныя степи за безцѣнокъ и понемногу скупаютъ и цѣлыя имѣнія. Такъ напримѣръ, были случаи въ Ставропольской губерніи, что 500 десятинъ луговъ сдавались подъ выгонъ и нагулъ скота за 30 рублей въ годъ.

Этотъ порядокъ владѣнія ввелъ также во всемъ краѣ такую хищническую культуру, которую только можно придумать для истощенія почвы: земли разбиваются на 15 клиньевъ; 1) первый годъ по цѣлинѣ сѣется пшеница, 2) второй годъ на оборотѣ того же пласта вторично пшеница, 3) затѣмъ наволокомъ овесъ, 4) послѣ овса ячмень и 5) ленъ; когда такимъ образомъ пятью послѣдовательными урожаями, безъ отдыха и удобренія, земля достаточно изнурена, чтобы заростать пыреемъ, ее предаютъ волѣ Божьей; на 6-й годъ еще пользуются покосомъ, на 7-й появляется типхнякъ, сорная трава, негодная для пищи никакому скоту. Далѣе наступаетъ цѣлый періодъ 8 лѣтъ непроизводительнаго состоянія, лучшія земли въ рѣдкихъ случаяхъ сдаются еще кое-гдѣ подъ выгонъ по невѣроятно низкой цѣнѣ, какъ мы выше сказали, отъ 6 до 25 копѣекъ за десятину. Наконецъ, послѣ 15-лѣтняго оборота предполагается, что почва вполнѣ отдохнула и признакомъ такого отдохновенія считается появленіе ковыля; тогда возобновляется тотъ же сѣвооборотъ, если — чтб очень сомнительно — почва выдерживаетъ эту вторичную пытку.

Отъ этого безсмысленнаго порядка культуръ происходитъ, разумѣется, быстрый переворотъ въ цѣнности земель. Цѣльныя, невыпаханныя угодья быстро дорожаютъ и въ 10 лѣтъ средняя ихъ стоимость поднялась съ 3 рублей на 10 и 12. Число покупателей тоже возрастаетъ, но, съ другой стороны, мягкія земли, залежи и выгоны упадаютъ въ цѣнѣ съ такою же быстротой. Въ Пятигорскомъ уѣздѣ, напримѣръ, большая казенная дача въ 12,000 десятинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ эксплуатаціи вышеупомянутымъ способомъ, сдана нынѣ на 12 лѣтъ по 15 копѣекъ за десятину.

Относительно рабочихъ, Кавказъ представляетъ условія очень выгодныя, какія именно и требуются для колонизаціи новыхъ земель. Мужикъ съ бабой заработываетъ въ годъ до 350 рублей; въ лѣтнюю страду пара рабочихъ мужского и женскаго пола нанимается по 5 рублей въ день; полный рабочій съ мальчикомъ-подросткомъ и тремя парами воловъ получаетъ до 400 рублей въ лѣто; такія высокія цѣны, разумѣется, все болѣе привлекаютъ рабочихъ изъ великороссійскихъ малоземельныхъ губерній, и въ послѣднее время притокъ ихъ изъ Курска, Орла, Тамбова сталъ замѣтно усиливаться.

Особымъ эпизодомъ новѣйшей колонизаціи, послѣдовавшей уже въ XIX столѣтіи, одновременно съ поселеніями на Кавказѣ, было водвореніе такъ называемой „Киргизской или Букеевской внутренней орды". Когда въ исходѣ прошлаго столѣтія часть калмыковъ ушла въ Китай (въ 1771 году), другая выпросила себѣ заволжскую степь и перекочевала къ югу. Все пространство между Волгой и Ураломъ осталось необитаемымъ.

Въ 1801 году, нѣкто султанъ Букей испросилъ себѣ дозволеніе перейти на постоянное жительство въ степь, называемую Рынь-Пески. Дозволеніе было дано и Букей съ нѣсколькими тысячами кибитокъ киргизъ-кайсаковъ перекочевалъ за Уралъ. Но тутъ немедленно воспослѣдовали разныя распоряженія попечительнаго мѣстнаго начальства, которыя привели бѣдныхъ киргизовъ въ совершенное разстройство. Первый попечитель, генералъ-маіоръ Поповъ, былъ отданъ за злоупотребленія подъ судъ; слѣдующій, генералъ Завалишинъ, сталъ заводить такіе строгіе порядки (требовалъ вѣдомости о числѣ кибитокъ и душъ, отводилъ земли по межеванью), что киргизы въ числѣ 5,000 кибитокъ бѣжали обратно во-свояси, оставивъ своего хана съ 1,500 кибитками на новыхъ мѣстахъ жительства. Впослѣдствіи, если не ошибаемся, около 1809 года, часть этихъ киргизовъ возвратилась, за ними потянули разныя партіи подъ предводительствомъ отдѣльныхъ султановъ и біевъ, выходившія отъ Сыръ-Дарьи. Въ 1811 году всѣ они скопились около Оренбурга и, послѣ долгихъ переговоровъ и преній, приняли подданство

императору и выбрали себѣ ханомъ вышеупомянутаго султана Букея.

Но внутреннія смуты продолжались еще долго: въ 1827 году при какихъ-то слухахъ (оказавшихся ложными), что правительство хочетъ обложить ихъ воинскою повинностью, ордынцы взволновались и начали уходить за Уралъ; ихъ остановили военной силой.

Въ слѣдующемъ году кайсаки, потерпѣвъ неурожай въ своей степи, вторглись въ Саратовскую губернію, и долго кочевали по чужимъ землямъ; другая партія въ 674 кибитки бросилась за Уралъ и была остановлена и возвращена на мѣсто жительства опять вооруженной силой. Въ 1832 году нѣсколько родовъ, потерявъ отъ жестокой стужи часть своего скота, покинули свои приморскія зимовки и опять пошли въ Саратовскую губернію. Такимъ образомъ, передвиженія ихъ взадъ и впередъ, то на западъ къ Волгѣ, то на востокъ за Уралъ, продолжались до 1840 года, и замѣчательно, что во все это время наше правительство считало своимъ долгомъ удерживать этихъ дикихъ инородцевъ, отъ коихъ не извлекалось никакой пользы, кромѣ грабежа смежныхъ губерній.

Настоящія кочевья киргизовъ, показываемыя на картахъ кочевьемъ Внутренней орды, занимаютъ все пространство между низовьями Волги и Урала; къ сѣверу оно граничитъ съ землей Уральскаго войска (по рѣкѣ Малый Узень), протягивается на западъ до Элтонскаго озера и Царицынскаго уѣзда, и оттуда тянется на юго-востокъ, примыкая къ песчаной и безводной низменности, которая стелется до Каспійскаго моря. Сѣверная ея часть довольно плодородна, южная совершенно непригодна для хлѣбопашества, но по солонцоватости почвы удобна для скотоводства, въ мѣстахъ не лишенныхъ водопоя.

Топографическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ очень скудны: въ сѣверныхъ предѣлахъ, между рѣками Большой и Малый Узень и вдоль озеръ Камышъ-Самарскихъ, лежитъ лощина съ привольными лугами и пастбищами, имѣющая около 2,800 квад. верстъ (285,000 десятинъ). Другой участокъ, называемый Рынь-Пески, лежитъ въ серединѣ киргизской степи длинной полосой, на пространствѣ 150 верстъ длины и 20—40

верстъ ширины. Онъ образуетъ нѣсколько отдѣльныхъ лощинъ, окруженныхъ песчаными буграми и признается лучшей частью этой степи. Въ низкихъ мѣстахъ почва удобна для луговодства и хлѣбопашества, вода прѣсная, отличнаго качества, добывается вездѣ на глубинѣ 1½ аршина; при первомъ населеніи киргизовъ они нашли тамъ цѣлыя рощи высокоствольнаго лѣса, который нынѣ истребленъ до конца.

Этимъ почти и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о киргизской степи: ни пространство ея, ни народонаселеніе въ точности неизвѣстны; бо́льшая часть земель находится понынѣ въ спорномъ владѣніи; такъ, между прочимъ, вся луговая полоса между рѣками Узень состоитъ въ тяжбѣ между киргизами и уральскими казаками; внутри орды ведутся безчисленные и безконечные иски между отдѣльными родами и ихъ султанами, біями и старшинами.

Народонаселеніе считается кибитками: по донесенію генерала Попова въ 1802 году перешло киргизовъ съ султаномъ Букеемъ первый разъ 5,001 кибитка, второй разъ 1,265, около 30,000 душъ. Въ 1812 г. показывалось 7,500 кибитокъ, въ 1825—10,490, въ 1830—11,660, въ 1839—16,550 и въ нихъ 93,300 душъ обоего пола.

Пространство поземельныхъ угодій еще менѣе извѣстно. Ханы показывали въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія примѣрно слѣдующія цифры: a) степи годной для пастбищъ 5.898,000 десят., b) луговъ на суходолѣ 1.113,000 дес., c) камышу 117,000 дес., d) неудобныхъ земель, песку и солонцовъ или паковъ 1.050,000 дес.; итого 7.072,000 десятинъ. Всего приходится на 1 кибитку удобной земли 435 десятинъ.

Не придавая особаго значенія этимъ исчисленіямъ, мы только хотимъ засвидѣтельствовать, что и здѣсь, какъ въ башкирскихъ и калмыцкихъ степяхъ, Россія слѣдовала особой, совершенно своеобразной, политикѣ: вмѣсто того, чтобы удалять полудикихъ инородцевъ отъ своихъ предѣловъ, мы зазывали ихъ и удерживали насильно; вмѣсто того, чтобы хранить пустыни въ запасъ для русскихъ поселеній, мы ими надѣляли кочевыя племена, выходящія изъ глубины Азіи; и, не приведя въ извѣстность ни пространства земель, ни ихъ свойствъ и удобства, ни правъ собственности прежнихъ вла-

дѣльцевъ, отводили неизвѣстныя пространства по неизвѣданнымъ урочищамъ неизвѣстному числу переселенцевъ.

Это называлось въ Россіи колонизаціей, и эти порядки продолжались до новѣйшихъ временъ, до сороковыхъ годовъ нашего столѣтія.

Мы выше сказали, что колонизаціонное движеніе имѣло издревле въ Россіи два главные тракта: одно внизъ по Волгѣ и Дону, другое вверхъ по Камѣ и Бѣлой, и что это послѣднее направленіе, преобладавшее до конца XVIII столѣтія, было покинуто вслѣдствіе крестьянскихъ возстаній и казачьихъ бунтовъ въ царствованіе Екатерины II. Хотя съ того времени и по настоящее, несмотря на полное успокоеніе этого края, переселенія въ Зауралье все еще не возобновились, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ скоромъ времени это движеніе вновь откроется, и вѣроятно въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ когда-либо.

Описавъ въ главныхъ чертахъ положеніе нашихъ юго-восточныхъ окраинъ, мы теперь постараемся представить очеркъ другой полосы, которая, по нашему понятію, имѣетъ для будущей колонизаціи такое же значеніе, какъ и кавказскія области. Это—такъ называемое *Зауралье.*

Очертить его границы трудно, почти невозможно; онѣ ускользаютъ отъ всякаго географическаго, или административнаго дѣленія, и мы должны ограничиться самымъ бѣглымъ эскизомъ, чтобы дать понятіе объ этой группѣ привольныхъ земель, которыя мы считаемъ поприщемъ для колонизаціи.

Извѣстно, что черноземная полоса Россіи, имѣя широкій базисъ на югѣ, гдѣ она разстилается отъ Подольской губерніи и Бессарабіи до Астраханской и Ставропольской, протягивается на сѣверо-востокъ полосой, постепенно съуживающейся, и оканчивается острымъ, клинообразнымъ угломъ на Уралѣ и за Ураломъ. Далѣе черноземъ еще встрѣчается отдѣльными группами, расположенными въ видѣ оазисовъ посреди горъ и озеръ, но, начиная отъ Екатеринбургскаго уѣзда, къ югу и западу хлѣбородная почва уже представляется сплошной, почти непрерывной массой.

Этотъ-то уголъ, предѣлъ и конецъ чернозема, мы и разсматриваемъ, какъ одинъ изъ первыхъ и удобнѣйшихъ пунктовъ нашей колонизаціи. Замѣчательное приволье этой страны

уже начало обращать на себя вниманіе нѣкоторыхъ частныхъ изслѣдователей и писателей, и въ послѣднее время появилось нѣсколько отдѣльныхъ статей и брошюръ, описывающихъ эту окраину европейской Россіи. Ее означаютъ различными названіями: то Зауральемъ, то Башкиріей, но точнаго опредѣленія ея границъ нельзя дать, такъ какъ ихъ нѣтъ и въ натурѣ. Главный центръ этой полосы Екатеринбургскій уѣздъ и въ немъ юго-восточный уголъ, занятый преимущественно башкирами; но этотъ одинъ уголъ, занимающій не болѣе $^1/_8$ этого необъятнаго уѣзда, имѣетъ пространства 2,500 квад. верстъ, т.-е. около $2^1/_2$ мил. десятинъ.

Къ нему примыкаютъ нѣкоторые уѣзды и другихъ губерній: Челябинскій Оренбургской губерніи, Шадринскій Пермской, отличаются особымъ плодородіемъ почвы и толстымъ слоемъ чернозема, но имѣютъ болѣе характеръ степной мѣстности, безлѣсны и безводны. Съ южной стороны также подходятъ нѣкоторые уѣзды Уфимской и Самарской губерній, и вообще весь край, лежащій на обоихъ склонахъ Урала. Край этотъ отличается всѣми признаками, какіе могутъ служить для удобной колонизаціи, и мы постараемся ихъ здѣсь перечислить.

Въ этнографическомъ отношеніи онъ представляетъ ту особенность, что все населеніе его находится нынѣ въ какомъ-то переходномъ состояніи, среднемъ между кочевымъ бытомъ и осѣдлымъ. Большая часть жителей состоитъ изъ инородцевъ, обыкновенно подразумѣваемыхъ подъ именемъ башкировъ, но съ значительною примѣсью и другихъ племенъ: мещеряковъ, тептярей. Они считаются кочевыми, но въ настоящее время приняли уже нѣкоторую осѣдлость: по зимамъ живутъ въ домахъ и селеніяхъ, лѣтомъ перекочевываютъ съ пожитками и стадами съ мѣста на мѣсто, разбиваютъ въ степи войлочныя кибитки, и осенью, убравъ хлѣбъ и сѣно съ лѣтнихъ кочевокъ, возвращаются на зимнія квартиры. Потерявъ отчасти свой первобытный характеръ кочевыхъ скотоводовъ, не успѣвъ пристроиться къ земледѣлію, бѣдные башкиры, повидимому, утрачиваютъ постепенно всѣ свои жизненныя силы, и едва ли не принадлежатъ къ числу вымирающихъ племенъ, подобно краснокожимъ индійцамъ въ Америкѣ. По крайней мѣрѣ всѣ мѣстныя описанія сходятся

въ томъ, что ихъ хозяйственный бытъ упадаетъ съ непомѣрной быстротой, что табуны и стада ихъ сокращаются съ года на годъ, земли распродаются и расхищаются и что многія семейства, потерявъ скотъ и отказываясь отъ земли, впали въ безвыходную нищету. По нравственнымъ и вообще культурнымъ своимъ способностямъ это племя стоитъ очень низко. Неряшество, безпорядокъ, тупая всепокорность, отсутствіе всякой энергіи и предпріимчивости отличаютъ ихъ домашній бытъ и уже издавна обратили смиренныхъ башкирцевъ въ слѣпое орудіе всякихъ промышленниковъ, удалыхъ самозванцевъ и даже сосѣднихъ русскихъ крестьянъ. Съ шайками Пугачева и Разина они ходили на грабежъ въ Россію, но между тѣмъ сами не могли защитить ни себя, ни свои земли отъ систематическаго, хотя и мирнаго грабительства русскаго племени, и можно сказать, что и русская казна, и русскіе помѣщики, и русскіе крестьяне уже около столѣтія безпрерывно и безпрепятственно обираютъ безотвѣтныхъ башкирцевъ.

Извѣстно, что большая часть пермскихъ и уральскихъ казенныхъ заводовъ устроена на земляхъ, забранныхъ у башкирцевъ, или купленныхъ у нихъ за безцѣнокъ. Такихъ заводскихъ дачъ считается около 1 милліона десятинъ; одна изъ нихъ, Кыштымская, въ 150,000 дес. была куплена у башкирцевъ въ 1756 году за 150 рублей. Такими же способами, правдой и неправдой, пріобрѣтены въ концѣ прошлаго столѣтія и владѣльческія земли, по цѣнамъ баснословно дешевымъ. Вслѣдствіе безграмотности продавцовъ и предумышленной неопредѣленности купчихъ крѣпостей, завелись впослѣдствіи, уже съ начала столѣтія, нескончаемые процессы по этимъ купчимъ. Но такъ какъ башкиры никакихъ поземельныхъ мѣръ не знаютъ и всѣ измѣренія производятъ по лѣснымъ тропинкамъ и полевымъ межамъ, то понятно, что иски почти всегда рѣшаются противъ нихъ; такимъ образомъ казенные заводы и частные владѣльцы продолжаютъ по настоящее время оттягивать у башкирцевъ земли цѣлыми дачами, десятками тысячъ десятинъ.

Еще съ бо́льшею легкостью пользуются тупою безпечностью инородцевъ русскіе поселяне, которые разсѣяны по всему краю; они принадлежатъ, или принадлежали досел

къ разнымъ вѣдомствамъ: горнозаводскому, казенному и помѣщичьему, вслѣдствіе чего и получили разный надѣлъ,—заводскіе и казенные по 5 дес. на душу, помѣщичьи, разсчитывая на дешевое арендованіе чужихъ земель, согласились на такъ-называемый даровой надѣлъ по 5 осьминниковъ, или $1^1/_4$ десятины.

Кромѣ того надо замѣтить, что заводскіе крестьяне и нѣкоторая часть казенныхъ поселены на земляхъ очень дурного качества, вблизи заводскихъ рудниковъ у подошвы Урала, или въ самой серединѣ гористыхъ уваловъ. Отчасти по этимъ причинамъ, отчасти и по другимъ разсчетамъ, русскіе поселяне Зауралья завели у себя особый родъ хозяйства: свои собственныя земли, отведенныя имъ по граматамъ и записямъ, они пашутъ изрѣдка, никогда не удабриваютъ ихъ и часто вовсе запускаютъ; вмѣсто того, они снимаютъ у башкирцевъ, также у частныхъ владѣльцевъ обширныя дачи, иногда отдаленныя отъ ихъ селеній на 50—100 верстъ и переводятъ туда свое полеводство.

Такой порядокъ эксплуатаціи имѣетъ свои выгоды, временныя и случайныя, но и самыя пагубныя послѣдствія для будущности края: выгоды состоятъ въ томъ, что башкирскія земли, а отчасти и помѣщичьи, до сихъ поръ сдаются по цѣнамъ непомѣрно дешевымъ: первыя никогда не дороже 50 копѣекъ за десятину, обыкновенно много дешевле, и часто по $12^1/_2$; вторыя нѣсколько дороже, но рѣдко выше 1 рубля. Сдѣлки эти называются „пахать въ татарахъ“ и заключаются слѣдующимъ порядкомъ: зимой бакширцы, нуждаясь въ деньгахъ, наѣзжаютъ и снуютъ по русскимъ деревнямъ. Зная ихъ обжорливость и лакомство, крестьяне принимаютъ ихъ гостепріимно, кормятъ и поятъ на убой, выдаютъ имъ задатки впередъ на нѣсколько лѣтъ, и такимъ образомъ выманиваютъ у нихъ земли за безцѣнокъ. Затѣмъ самое это полеводство, это „паханье въ татарахъ“ имѣетъ всѣ свойства дикой татарщины: крестьянинъ-съемщикъ, сговорившись, и всегда словесно, съ башкиромъ-вотчинникомъ, выѣзжаетъ весной на снятый участокъ, строитъ, или перевозитъ срубъ для полевой избы и овина, поднимаетъ цѣлину и старый залежъ, двоитъ ихъ въ теченіи лѣта, и затѣмъ уѣзжаетъ, оставляя землю подъ яровой посѣвъ слѣдующаго года. Ози-

мыхъ хлѣбовъ, ржи и пшеницы, сѣется мало и преимущественно на помѣщичьихъ хуторахъ; яровые же посѣвы слѣдуютъ безостановочно, покуда хлѣбъ родится и почва не зарастаетъ ягодникомъ и сорными травами, причемъ съемщикъ молотитъ и убираетъ только зерно, а солому оставляетъ башкиру-вотчиннику для корма скота.

Помѣщичьи хозяйства ведутся такимъ же татарскимъ порядкомъ, какъ и башкирскія: правильныхъ сѣвооборотовъ нѣтъ; небольшая часть запашекъ сдается крестьянамъ; озимый хлѣбъ сѣется по сихъ поръ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ видѣ опыта; подъ яровые дѣлается осенью вспашка, по возможности мелкая, и прямо на жниву сѣется овесъ, ярица, ячмень, и это называется „сѣять на чертопарѣ". Можно легко себѣ представить, какое вліяніе на производительность почвы имѣютъ всѣ эти дикіе пріемы—„чертопаръ" и „паханье въ татарахъ"! Съемщики наживаются, вотчинники и владѣльцы разоряются, и эти два параллельныя движенія составляютъ главную характеристику экономическаго положенія этого привольнаго края. Русскіе 'крестьяне являются здѣсь, какъ и во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они пользуются просторомъ и свободой, полными хозяевами страны; сосредоточенные въ большихъ селахъ и слободахъ, изъ коихъ многія имѣютъ до 1000 и болѣе душъ, они снимаютъ громадныя пространства лучшихъ угодій и живутъ привольно; рѣдкій хозяинъ высѣваетъ менѣе 30—40 четвертей яровыхъ хлѣбовъ, многіе имѣютъ запашки до 100 дес.; у бóльшей части крестьянъ имѣется отъ 5 до 10 лошадей и нерѣдко до 25 штукъ рогатаго скота.

Но эти временные прибыли и барыши не должны скрывать бѣдственныхъ послѣдствій, угрожающихъ всему краю и всѣмъ жителямъ совокупно, отъ неистоваго хищничества, продолжающагося уже болѣе ста лѣтъ; и чѣмъ изобильнѣе естественныя богатства и производительныя силы данной мѣстности, тѣмъ прискорбнѣе видѣть такое расхищеніе народнаго богатства, все равно, кто бы имъ ни пользовался, крестьянинъ или помѣщикъ, съемщикъ или вотчинникъ, русскій или башкирецъ.

По этимъ-то соображеніямъ мы и сочли нужнымъ обратить особое вниманіе на этотъ край, такъ-называемое За-

уралье, который по всѣмъ описаніямъ есть одна изъ привольнѣйшихъ полосъ русской имперіи и по своему положенію, на перевалѣ изъ Европы въ Азію, представляется какъ первый, удобнѣйшій этапный пунктъ для колонизаціи нашихъ восточныхъ владѣній.

Мы выше сказали, что въ этнографическомъ отношеніи Башкирія представляетъ уже нынѣ всѣ признаки территоріи, упраздняемой первобытными жителями подъ давленіемъ другой, проникающей въ нее народности; въ настоящее время нагорные башкирцы почти совершенно вытѣснены съ прежнихъ своихъ мѣстъ жительства въ западныя пригорія Урала и въ равнины. По примѣрнымъ исчисленіямъ, вотчинные башкирцы владѣютъ нынѣ не болѣе 1/3 прежнихъ своихъ земель, и, не смотря на это, владѣнія ихъ такъ обширны (въ нѣкоторыхъ волостяхъ по 60 десятинъ одной пахатной земли на душу), что видимо превышаютъ ихъ нужды и рабочія силы. Часть земель принадлежитъ имъ по древнему праву заимки, и эти земли называются вотчинными, а владѣльцы ихъ вотчинниками; другая часть отведена правительствомъ тѣмъ изъ башкирцевъ, которые по разнымъ случайностямъ лишились своихъ земель, и эти надѣлы называются припускными, а хозяева припущенниками; надѣлы эти также громадные: у 12,000 башкирцевъ Екатеринбургскаго и Шадринскаго уѣздовъ 350,000 десятинъ.

Такой избытокъ земель, при совершенной неспособности этихъ кочевыхъ инородцевъ къ земледѣлію, разумѣется, понижаетъ арендную плату, и всѣ мѣры, попеременно вводимыя для удержанія вотчинныхъ земель въ собственности башкирцевъ, оказались безсильными противъ конкурренціи нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ, предлагаемыхъ ежегодно въ сдачу и продажу. Испробованы были и мѣры кротости въ родѣ поощренія сельскаго хозяства, денежныхъ премій за улучшеніе культуры, и мѣры строгости съ помощью кантонныхъ начальниковъ изъ татаръ, выгонявшихъ своихъ единовѣрцевъ по наряду на полевыя работы; но ни гуманность, ни суровость не исправили башкирцевъ: они все-таки охотнѣе нанимаются въ батраки и поденщики, чѣмъ воздѣлываютъ свои земли, и предпочитаютъ готовые харчи и хозяйское содержаніе долгосрочному обороту земледѣлія, тре-

бующему затраты денегъ и труда за цѣлый годъ впередъ до жатвы и молотьбы.

Въ новѣйшее время то же чувство гуманности внушило новыя предположенія для охраненія башкирской собственности, и въ 1868 году послѣдовало положеніе, по коему опредѣлено: a) надѣлить вотчинниковъ 45 десятинами на душу, а припущенниковъ 15, и b) запретить не только продажу, но и отдачу въ кортому всѣхъ таковыхъ надѣльныхъ земель.

Время укажетъ, насколько эта запретительная система лучше прежнихъ—гуманной и принудительной. Она вѣроятно, если только будетъ введена въ дѣйствіе (а это сомнительно), повліяетъ на арендныя цѣны, возвыситъ плату помѣщичьихъ земель, которыя такимъ образомъ останутся единственнымъ рессурсомъ русскихъ крестьянъ-съемщиковъ; но, кромѣ этой пользы и выгодъ 7—8 крупныхъ землевладѣльцевъ и нѣкоторыхъ заводчиковъ, едва ли можно ожидать другихъ послѣдствій отъ новоизобрѣтенной системы башкирскихъ хозяйствъ.

Какъ бы то ни было и какими бы мѣрами ни придумали охранить Зауралье, настоящими владѣльцами и хозяевами этого края остаются и останутся не безпечные и тупые башкирцы, не помѣщики и заводчики, отсутствующіе и проживающіе вдали, а русскіе поселяне, и для колонизаціи великороссійскаго племени, такъ-называемая Башкирія представляетъ всѣ требуемыя условія.

Во-первыхъ, глубокій слой плодороднѣйшаго чернозема, который разстилается отъ самаго Екатеринбурга, гдѣ послѣдній его клинъ лежитъ въ 20 верстахъ отъ города, на западъ до Урала и на югъ по рѣкѣ Синаръ, по берегамъ большихъ озеръ, вплоть до границъ Оренбургской губерніи. На западныхъ окраинахъ онъ нѣсколько мельче и перемежается съ глинистыми и кремнистыми почвами; но къ юго-востоку глинистыя и каменистыя примѣси исчезаютъ, уходя въ подпочву и оставляя поверху толстую и необъятную площадь чернозема; изрѣдка, гдѣ растительный слой особенно рыхлъ, черная почва смѣшивается съ пескомъ и глиной, вымываемыми изъ подпочвы, и тамъ образуется такъ-называемая сѣрая земля, особенно пригодная для пшеницы. Мѣстами, непосредственно подъ слоемъ чернозема, находится плитнякъ, известка, мергель, матеріалы строительные. При техническихъ опы-

тахъ, произведенныхъ на нѣкоторыхъ заводахъ, почти вездѣ въ почвѣ оказались минеральныя соли и сѣрнокислый натрій, которые даютъ особенную силу растительности травъ. Однимъ словомъ, въ агрономическомъ отношеніи здѣсь представляются всѣ условія высшей производительности и раціональнаго земледѣлія.

Во-вторыхъ, изобиліе водъ и лѣса также соотвѣтствуетъ требованіямъ колонизаціи. На восточномъ склонѣ Урала рѣкъ мало, но за то по всему протяженію Башкиріи въ Екатеринбургскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ расположенъ цѣлый архипелагъ озеръ, большихъ и малыхъ, числомъ около 150, на берегахъ коихъ и группируется большая часть селеній. Изобиліе рыбъ въ этихъ озерахъ такое же чрезвычайное, какъ и чрезвычайны, съ одной стороны, дешевыя цѣны, взимаемыя башкирцами за ихъ арендованіе, и съ другой—прибыли, наживаемыя съемщиками рыбныхъ промысловъ. Всѣхъ башкирскихъ озеръ считается 2,400 квадратныхъ верстъ, за которыя годовой арендной платы взимается около 10,000 рублей. Чтобы судить о выгодности этихъ промысловъ, достаточно упомянуть, что за одно изъ этихъ 150 озеръ уплочено аренды въ послѣднія 12 лѣтъ 75,000 рублей и что, несмотря на то, что плата въ теченіи 50 лѣтъ увеличена въ 30 разъ, она все-таки непомѣрно дешева и оставляетъ громадные барыши арендатору, содержащему это озеро съ 1819 года.

Наконецъ, и третье очень важное условіе плодородія и благосостоянія, лѣсная растительность, отличаетъ этотъ край отъ соотвѣтствующей черноземной полосы великороссійскихъ губерній, гдѣ, какъ извѣстно, недостатокъ лѣса составляетъ главнѣйшее неудобство въ климатическомъ и экономическомъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Зауралья, между прочимъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, лѣса изводятся по русскому обычаю безпощадно и новосельцы считаютъ первымъ своимъ дѣломъ выжигать лѣсную поросль и вычищать ее подъ пашню; но, несмотря на всѣ ихъ старанія, Екатеринбургскій уѣздъ еще до сихъ поръ богатъ лѣсами высокоствольныхъ породъ, и можно безошибочно принять, что не менѣе $^1/_3$ уѣзда представляетъ сплошную массу глубокаго чернозема съ густымъ строевымъ лѣсомъ.

Этого краткаго очерка достаточно, чтобы дать понятіе о

привольѣ Зауралья. Мы здѣсь и коснулись главнаго богатства страны, минеральныхъ рудъ, шахтъ и заводовъ, потому что они находятся во владѣніи казны и немногихъ крупныхъ собственниковъ; но очевидно, что эти промыслы, обезпечивая поселянамъ заработки, служатъ дополненіемъ и подспорьемъ сельскому хозяйству и что, такимъ образомъ, здѣсь соединяются выгоды земледѣлія и промышленности, всѣ условія, требуемыя для успѣшной колонизаціи. Но при этомъ нужно заявить, что выгоды эти и благопріятныя условія исчезаютъ не по годамъ, а по днямъ, и по часамъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя намъ удалось собрать, край этотъ подвергается именно въ настоящее время, можно сказать, послѣднимъ ударамъ хищнической эксплуатаціи. Со всѣхъ сторонъ наѣзжаютъ люди торговые, купцы и промышленники, и раскупаютъ за безцѣнокъ послѣднія земли у тупыхъ башкирцевъ. Земли эти еще по сіе время terra incognita: такъ-называемыя башкирскія „вотчины“ не размежеваны, „надѣлы“ припущенниковъ не отведены; сдѣлки заключаются примѣрно на извѣстное число десятинъ, но безъ точнаго указанія мѣстности, которая, по неимѣнію плановъ, и не можетъ быть указана; пишется запродажная запись на лоскуткѣ простой бумаги, бумага подписывается кѣмъ попало, покупная сумма разсрочивается на нѣсколько лѣтъ и коммерсантъ, выдавъ ничтожный задатокъ, вступаетъ во владѣніе обширной дачей. Тогда онъ поджидаетъ русскихъ переселенцевъ, подходящихъ въ послѣднее время большими артелями изъ Вятской, Казанской и другихъ губерній и, пользуясь ихъ незнаніемъ мѣстныхъ цѣнъ на земли, сажаетъ пришлыхъ людей на свои дачи, продавая имъ участки по цѣнѣ въ 20 разъ выше той, по которой они куплены у башкирцевъ.

Такъ-то промышляютъ „колонизаторы этого края“, обирая башкирцевъ и русскихъ, такъ-то расхищаются въ пользу немногихъ частныхъ лицъ и въ ущербъ государства и народа, одна за другой, необъятныя и привольныя территоріи, гдѣ сотни тысячъ поселянъ могли бы найти осѣдлость и собственность [3]).

Описавъ отдѣльно тѣ главныя полосы, которыя мы считаемъ наиболѣе удобными для первыхъ опытовъ колонизаціи,

постараемся теперь сгруппировать ихъ и представить въ нѣкоторой цѣлости, въ общей связи, территоріальныя и этнографическія условія переселеній въ Россіи.

Здѣсь представляются два вопроса, находящіеся между собой во взаимномъ соотношеніи: откуда выходятъ переселенцы? и куда они переходятъ?

Если-бъ переходы въ Россіи были вольные, и если-бъ администрація за ними слѣдила, то можно было бы отвѣчать на эти вопросы, хотя и приблизительно вѣрно; но почти всѣ переселенія въ древней Руси и новѣйшей были тайныя, свѣдѣній о нихъ не имѣется, и мы можемъ примѣрно только начертить линіи, по коимъ шли и идутъ эти народныя передвиженія.

Между тѣмъ это и составляетъ главное, основное начало всѣхъ дальнѣйшихъ предначертаній, ибо несомнѣнно, что переселенія, точно такъ, какъ и всякія торговыя и промышленныя передвиженія, не могутъ быть произвольно направлены по новымъ путямъ, если они не проложены самимъ народомъ, не указаны народными потребностями. Поэтому, не имѣя оффиціальныхъ свѣдѣній, мы должны по крайней мѣрѣ выслѣдить, по частнымъ и отрывочнымъ извѣстіямъ, тѣ главные тракты, по коимъ двигаются главныя массы русскихъ переселенцевъ.

Это намъ указывается отчасти и отхожими промыслами, которые составляютъ какъ-бы введеніе къ переселеніямъ. Не имѣя ни права, ни нужныхъ средствъ для перехода на новыя мѣста жительства, русскіе крестьяне отлучаются временно на заработки, проходя для этого громадныя разстоянія и часто запуская собственныя свои земли и хозяйства для выручки очень невѣрныхъ барышей. Очевидно, что если-бъ переселенія не затруднялись у насъ отчасти фискальными и полицейскими мѣрами, отчасти и совершеннымъ невѣдѣніемъ, гдѣ найти свободныя земли, то бо́льшая часть тѣхъ людей, которая отходитъ ежегодно за тысячи верстъ для прісканія работъ, предпочла бы перейти въ тѣ же края на жительство. Поэтому, движеніе отхожихъ промысловъ можетъ служить и предначертаніемъ будущаго колонизаціоннаго движенія.

Главныхъ полосъ, изъ коихъ выходятъ отхожіе промыслы рабочихъ, можно считать по изслѣдованіямъ автора, на кото-

раго мы уже выше ссылались (Чаславскаго, „Земледѣльческіе отхожіе промыслы“), двѣ: одна западная, имѣющая свой центръ въ Харьковской и Курской губерніяхъ, другая восточная, протягивающаяся отъ Рязанской губерніи до Симбирской. Каждая изъ нихъ имѣетъ и особый районъ, куда рабочіе направляются. Изъ западной полосы они проходятъ преимущественно въ Новороссійскій край и отчасти на Донъ и Кубань, изъ восточной—въ Самарскую, Оренбургскую и Уфимскую губерніи и далѣе на Уралъ и за Уралъ, въ Сибирь.

Обѣ эти полосы имѣютъ нѣкоторыя черты сходства между собой и вмѣстѣ съ тѣмъ очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ смежныхъ съ ними краевъ, куда направляются выходцы. Черты сходства слѣдующія: во-первыхъ, густота населенія, наибольшая изъ всѣхъ русскихъ губерній, и вслѣдствіе этого малоземелье крестьянъ; во-вторыхъ, особое развитіе помѣстнаго элемента, которое въ этомъ краѣ, особенно въ западной полосѣ отъ Курска до Полтавы и Польши, несравненно сильнѣе, чѣмъ въ прочей имперіи; въ-третьихъ, условія почвы и порядокъ полеводства. Изъ этихъ причинъ, вліяющихъ на отхожіе промыслы, главная послѣдняя — система полеводства, принятая во всемъ черноземномъ краѣ.

Извѣстно, что страна эта была занята и населена большею частію въ XVI и XVII столѣтіяхъ, по мѣрѣ того какъ отражались и оттѣснялись татарскія кочевыя орды и разбойничьи шайки, и что необходимость защищаться отъ нихъ заставила русскихъ поселянъ этого края группироваться въ очень крупныя селенія; вмѣстѣ съ тѣмъ приволье плодороднаго чернозема и ковыльныхъ степей, при первобытномъ просторѣ населенія, ввело въ нихъ самую распашную, экстенсивную систему хозяйства, такъ-называемую залежную. Но въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго, обстоятельства эти начали измѣняться; приращеніе населенія заставило крестьянъ перейти къ трехпольному сѣвообороту, и тогда оказались всѣ пагубныя послѣдствія прежняго порядка полеводства: степи и нагорные луга были всѣ распаханы, большая часть поемныхъ сѣнокосовъ тоже срѣзаны подъ бахчи и огороды; отъ вырубки лѣсовъ и распашки прибрежныхъ земель рѣки мелѣли, ручьи иссякали; залежное полеводство по необходимости замѣнялось трехпольнымъ, но при этомъ

самые пріемы земледѣлія не измѣнялись: по преданію дѣдовъ и отцовъ признавалось, что черноземъ не требуетъ и даже не терпитъ удобренія, по обычаю старины гурты овецъ и табуны коней паслись „вольно, нехранимо" на пашняхъ, точно такъ какъ въ прежнія времена на степяхъ; по недостатку топлива дрова замѣнялись соломой и навозомъ (кизякомъ), однимъ словомъ, переходя къ трехпольному сѣвообороту, при коемъ главное условіе есть удобреніе пашни въ пару, хлѣбопашцы черноземной полосы остались при всѣхъ преданіяхъ залежнаго хозяйства и продолжаютъ свою первобытную культуру, все еще ссылаясь на примѣръ своихъ стариковъ. Итакъ, мы думаемъ, что коренная причина, стѣсняющая сельское хозяйство въ этой полосѣ и заставляющая жителей искать промысловъ и работъ на чужихъ земляхъ, лежитъ не столько въ малоземельѣ, сколько въ распущенности и закоснѣлости земледѣлія, живущаго, если такъ можно выразиться, на образцахъ и примѣрахъ прошлаго невозвратнаго простора и разгула. Стѣсненіе крестьянъ не таково, чтобы препятствовало правильному хозяйству. Въ самыхъ густонаселенныхъ губерніяхъ причитается въ средней сложности:

въ	Курской	губерніи	3,34	дес.	на	ревиз.	душу
„	Харьковской	„	3,28	„	„	„	„
„	Тамбовской	„	4,08	„	„	„	„
„	Казанской	„	3,30	„	„	„	„

Если принять въ соображеніе производительность богатой черноземной почвы и сравнить ее съ безплодными песками и подзоломъ среднихъ губерній, то нельзя не признать, что надѣлъ въ 3—4 дес. на душу, около 10 на хозяйство, былъ бы совершенно достаточенъ, если-бъ другія причины не вліяли на разстройство крестьянскаго быта въ этомъ краѣ. Причины эти различны по разнымъ мѣстностямъ: въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ конкурренція евреевъ, шляхтичей и другихъ разночинцевъ поднимаетъ арендную плату до такихъ высокихъ цѣнъ, что крестьяне не находятъ сдаточныхъ земель по своимъ средствамъ; казенныхъ земель въ черноземной полосѣ очень мало, отъ 0,1 до 8,3 процента всѣхъ удобныхъ земель; помѣщичьи запашки, которыя въ централь-

ныхъ губерніяхъ бо́льшею частію сдаются крестьянамъ, здѣсь отчасти обработываются по прежнему и даже барщиной, отчасти же эксплуатируются оптовыми съемщиками и отбираются подъ табачныя и свекловичныя плантаціи или подъ ленъ; самый порядокъ заселенія крупными слободами въ 1000 и болѣе душъ, удобный при первобытномъ залежномъ хозяйствѣ, составляетъ въ настоящее время, со введеніемъ трехпольнаго сѣвооборота, постоянное затрудненіе для проѣзда и прогона скота и для полевыхъ работъ на отдаленныхъ полосахъ.

Наконецъ, на восточныхъ предѣлахъ черноземной полосы представляются нынѣ новыя, еще неразслѣдованныя и мало извѣстныя обстоятельства, которыя едва ли не сильнѣе всѣхъ прочихъ вліяютъ на отхожіе промыслы и переселеніе,—это такъ-называемый четвертной надѣлъ, который уже получилъ въ простонародьѣ и другое многознаменательное названіе „нищенскаго надѣла“. Мѣра эта, какъ извѣстно, неосторожно пропущенная въ Положеніе 19 февраля, по настоянію нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ низовыхъ губерній, единодушно отвергнутая болѣе смышленымъ и развитымъ народомъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній, безусловно противная общему духу законоположенія о крестьянахъ, имѣла неожиданный успѣхъ въ приволжскомъ краѣ. Во всей полосѣ нагорнаго берега Волги, начиная отъ Нижегородской губерніи до Симбирской и Саратовской и уклоняясь на западѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тамбовской и Курской, крестьяне приняли этотъ Данаевъ даръ и образовался цѣлый рядъ селеній съ таковымъ четвертнымъ надѣломъ, т.-е. селеній бобылей. Разсчетъ крестьянъ при этомъ былъ хотя и ошибочный, но довольно соблазнительный. При низкихъ цѣнахъ на земли, существовавшихъ въ этомъ краѣ до 1861 года, крестьяне разсчитывали, что наемъ земель обойдется имъ дешевле, чѣмъ пріобрѣтеніе ихъ по выкупной цѣнѣ; они также ожидали, что господскія запашки упразднятся, и поступятъ всѣ въ ихъ пользованіе и что, такимъ образомъ, они будутъ устанавливать произвольныя цѣны на сдаточныя и оброчныя статьи окольныхъ помѣщичьихъ имѣній. Какъ извѣстно, надежды эти не сбылись: продажныя и арендныя цѣны не упали, а возвысились втрое; выгадали помѣщики, изъ коихъ

многіе опасались разоренія; проиграли земледѣльцы, которые ожидали всякихъ благъ отъ своего отказа принять полный надѣлъ. Но кто бы ни выигралъ и ни проигралъ, первое послѣдствіе этой мѣры было то, что на предѣлахъ черноземной полосы образовались, и не сплошной массой, а околотками, разсѣянными по обширному пространству, группы селеній безъ полевого надѣла—ядро и зародышъ сельскаго пролетаріата.

Этими соображеніями, какъ намъ кажется, опредѣляются главные районы и мѣстности, откуда слѣдуетъ ожидать переселенія, выхода крестьянъ: во-первыхъ, изъ малоземельныхъ селеній Курской, Харьковской, Симбирской губерній, гдѣ земли приходится на душу менѣе 3 десятинъ;—во-вторыхъ, изъ Малороссіи и юго-западнаго края, гдѣ сильное развитіе помѣстнаго элемента, оптовое арендованіе, конкурренція евреевъ и поляковъ и особый характеръ земледѣльческой культуры, именно табачныя и свекловичныя плантаціи, возвышаютъ арендную плату за земли до цѣнъ, недоступныхъ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ, и, въ-третьихъ, изъ всего приволжскаго края, гдѣ разсѣяны селенія съ даровымъ надѣломъ.

Означивъ примѣрно полосу, откуда выходятъ переселенцы, постараемся указать, куда они переходятъ.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, опубликованныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, мы узнаемъ только, что со времени учрежденія министерства до 1859 г., т.-е. въ 25 лѣтъ всѣхъ переселенцевъ изъ казенныхъ крестьянъ было 57,442 семейства и въ нихъ 188,936 ревизскихъ душъ, что составляетъ со включеніемъ женъ и дѣтей около 400,000 жителей обоего пола. Переселенцы эти распредѣляются такъ: почти вся масса ихъ выходитъ изъ центральной полосы; изъ 13 губерній вышло 93% всего числа переселенцевъ, и изъ всѣхъ прочихъ только 7%. Въ числѣ этихъ 13 губерній 8 черноземныхъ, прочія—Смоленская, Псковская, Калужская и Тульская.

По мѣсту отправленія министерство публиковало только свѣдѣнія за 2 года, 1857—1859. Въ эти годы переселилось по сѣверо-восточному направленію, въ Самару, Оренбургъ и

Сибирь 2242 семейства, всего 8356 ревизскихъ душъ, и по юго-восточному, на Кавказъ, 648 семействъ—2795 душъ. Въ 1857 году переселенцы направлялись почти исключительно въ западную Сибирь, именно 1916 душъ мужского пола, 90% всего числа переселенцевъ. Въ слѣдующемъ 1858 году переселенія шли почти поровну въ обѣ стороны, 44% на Кавказъ, 45% въ Самарскую, Оренбургскую и Тобольскую губерніи. Въ 1859 году главная струя направилась въ Сибирь, 65%, и другая, вдвое слабѣйшая—на Кавказъ. Въ 1860 году движеніе это внезапно, но только временно уклонилось къ Крыму вслѣдствіе эмиграціи татаръ, но вскорѣ и прекратилось.

Но эти числа, опубликованныя министерствомъ государственныхъ имуществъ, относятся только къ оффиціальному, легальному переселенію и притомъ одного разряда казенныхъ крестьянъ, между тѣмъ какъ главная масса русскихъ выходцевъ всегда набиралась изъ другого вѣдомства, помѣщичьихъ крестьянъ и изъ тайныхъ сходцевъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій помѣщичьей власти, или изъ раскольниковъ и военныхъ дезертировъ. О нихъ оффиціальныхъ свѣдѣній разумѣется нѣтъ; извѣстно только, что бо́льшая часть Донской земли, Кубанской области, Астрахани, Самары, Оренбурга населилась этими пришлыми людьми, и что движеніе это продолжается и нынѣ, по тому же направленію, усиливаясь съ тѣхъ поръ, какъ покореніе Кавказа открыло свободный путь переселенцамъ. Такъ, напримѣръ, въ Кубанской области считалось въ 1800 году всего 37 русскихъ поселеній, а въ 1871 году 320, и въ нихъ жителей мужского пола 155,376. Въ одинъ 1871 годъ прибыло на Кубань 54,106 душъ обоего пола.

Но мы приводимъ эти данныя не для указанія числа переселенцевъ, ибо признаемъ эти исчисленія очень невѣрными и неточными, а единственно для того, чтобы объяснить главныя направленія, по коимъ естественно и непреложно прокладывается путь колонизаціи въ Россіи; мы признаемъ такихъ главныхъ трактовъ два:

Одинъ идетъ прямо на сѣверо-востокъ, начиная съ Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи, проходитъ черезъ южные уѣзды Уфимской, уклоняется нѣсколько на югъ въ

Оренбургскую и достигаетъ предѣловъ европейской Россіи на Уралѣ, ниже Екатеринбурга, въ той мѣстности, которую мы выше описали подъ именемъ Зауралья или Башкиріи. Часть переселенцевъ проходитъ по тому же тракту и далѣе въ Тобольскую губернію, даже въ восточную Сибирь и за Амуръ.

Другой, древнѣйшій путь переселеній идетъ на юго-востокъ, сначала по притокамъ Дона, Донцу и Медвѣдицѣ въ западные округа Донской области, Міусскій и Донецкій; затѣмъ, минуя казацкія земли, куда переселенцевъ не принимаютъ, къ Кавказу на Кубань, Терекъ, Лабу, Сунжу; другая вѣтвь того же пути проходитъ въ калмыцкія степи до Астраханской губерніи, и третья—къ самой подошвѣ горнаго хребта и въ Закавказье до Арарата.

Эти двѣ главныя линіи—изъ приволжскаго края за Волгу на Уралъ, и другую—изъ Малороссіи, Курска и Харькова на Донъ и на Кавказъ, мы и признаемъ историческими, древнѣйшими и современными трактами русскихъ переселеній, и на устройство и облегченіе передвиженій по этимъ путямъ мы и желали бы обратить вниманіе.

Въ предъидущей главѣ мы объяснили, по опыту всѣхъ другихъ государствъ, что колонизація требуетъ непремѣнно двухъ предварительныхъ мѣръ: 1) приведенія въ извѣстность свободныхъ земель, межеванья ихъ и съемки на планы, и 2) облегченія и удешевленія сообщеній.

Здѣсь прежде всего нужно объясниться и согласиться на счетъ термина „свободныя земли". Въ строгомъ смыслѣ, свободными можно называть только земли, принадлежащія казнѣ, ненаселенныя и находящіяся въ непосредственномъ ея распоряженіи; таковыхъ земель показано въ статистическомъ обзорѣ государственныхъ имуществъ угодій и лѣсовъ въ Оренбургской губерніи 514,138 десятинъ, въ Самарской, 2,824,239, въ Астраханской 611,071. Мы не причисляемъ сюда земли другихъ губерній, которыя не входятъ въ районъ, нами принятый для колонизаціи; также откидываемъ и всѣ неудобныя земли, хотя многія изъ нихъ, въ особенности со-

лонцоватыя степи Архангельской губерніи, отчасти употребляются для пастбищъ; затѣмъ все-таки остается казенныхъ пустыхъ земель, признанныхъ удобными въ этихъ трехъ заволжскихъ губерніяхъ, 4 милліона десятинъ.

Но такое опредѣленіе свободности земель было бы вѣрно въ буквальномъ и юридическомъ смыслѣ, но неточно и неполно въ хозяйственномъ и общественномъ. Въ дѣйствительности, когда въ извѣстной полосѣ, болѣе или менѣе пространной, населеніе рѣдко, земли не заселены, продажныя и арендныя цѣны низки, то бо́льшая часть земель можетъ быть признана de facto свободною, хотя бы de jure она принадлежала частнымъ лицамъ. Самая степень культуры земель опредѣляетъ это отношеніе: покуда обиліе земель таково, что хозяинъ съ своими стадами можетъ безпрепятственно перекочевывать съ однихъ пастбищъ на другія, или хлѣбопашецъ распахивать новыя степи и расчищать лѣсныя нивы, переходя съ однихъ угодій на другія, до тѣхъ поръ можно считать, что такія мѣстности открыты для переселеній. Поэтому киргизскія и калмыцкія степи, гдѣ на одну кибитку, то-есть на одно семейство, приходится по 200, 300 и 400 десятинъ, казачьи земли, гдѣ на одного служилаго казака оказывается отъ 174 десятинъ (въ Донскомъ войскѣ) до 464 (въ Уральскомъ), Ставропольская губернія и Кубанская область, гдѣ приходится на одно поселеніе 260 и 549 квадратныхъ верстъ, могутъ быть въ средней сложности разсматриваемы какъ территоріи колоніальныя, свободныя. Это подтверждается и самыми фактами: такъ, напримѣръ, въ Кубанской области нѣтъ вовсе земель вполнѣ свободныхъ, всѣ онѣ приписаны къ ауламъ и станицамъ, или розданы офицерамъ, или пожалованы гражданскимъ и военнымъ лицамъ; а между тѣмъ въ эту провинцію и направляется главная масса переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній,—масса, усиливающаяся съ каждымъ годомъ и доходящая въ послѣднее время до 50-ти тысячъ переселенцевъ [4]).

Такимъ образомъ можно считать, что кромѣ земель, остающихся въ распоряженіи казны, подъ новыя поселенія поступитъ еще значительное пространство: 1) инородческихъ земель—башкирскихъ, калмыцкихъ и киргизскихъ; 2) разныя войсковыя, запасныя земли, казачьихъ войскъ Уральскаго,

Донскаго, Кубанскаго и 3) большая часть имѣній, розданныхъ и пожалованныхъ частнымъ лицамъ и почетнымъ туземцамъ.

Итакъ, за исключеніемъ многихъ неудобныхъ земель и за надѣломъ всѣхъ мѣстныхъ жителей и инородцевъ, можно безошибочно считать, что свободныхъ земель на этой восточной окраинѣ окажется много милліоновъ десятинъ, ожидающихъ еще переселенцевъ, чтобы сдѣлаться производительными. Но эти земли, какъ сказано, неизвѣстны никому въ Россіи, ни правительству, ни народу ни по пространству, ни по мѣстоположенію, и переселенцы не только не имѣютъ возможности ихъ отыскать, но и нигдѣ, ни въ какой административной инстанціи не могутъ даже справиться, есть ли свободныя земли и гдѣ онѣ.

Поэтому первымъ и неотложнымъ дѣломъ представляется теперь 1) межеванье казенныхъ земель незаселенныхъ и состоящихъ въ распоряженіи казны, и 2) отводъ постоянныхъ надѣловъ инородцамъ и казакамъ съ тѣмъ, чтобы излишнія земли были отведены подъ поселенія. Такія межевыя работы должны быть по возможности упрощены. Для новыхъ поселеній нужны только генеральные планы съ означеніемъ межъ и живыхъ урочищъ: ни внутренней ситуаціи, ни различія по угодьямъ не требуется на первое время, потому собственно, что вслѣдствіе поселенія всѣ эти признаки немедленно измѣняются. Еще менѣе можно допустить таксацію таковыхъ земель, потому, во-первыхъ, что цѣнность и доходность ихъ въ первое время совершенно неопредѣленны, и, во-вторыхъ, что расходъ на эту операцію часто превышаетъ стоимость самыхъ имѣній. Такъ, въ Уфимской губерніи, гдѣ въ 1871 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о надѣленіи служащихъ казенными дачами, таксація, производимая этимъ землямъ, такъ задержала дѣло, что участки до сихъ поръ не отведены владѣльцамъ, и, по отзыву губернатора, они едва ли будутъ въ состояніи воспользоваться своимъ правомъ. Если для мѣстныхъ жителей, принадлежащихъ къ среднему классу и все-таки обезпеченныхъ казеннымъ жалованьемъ, такія проволочки оказываются стѣснительными, то, спрашивается, какую возможность имѣютъ бѣдные переселенцы выжидать по цѣлымъ годамъ этихъ сложныхъ мѣропріятій попечительнаго начальства?

На Кавказѣ, по отзыву ставропольскаго статистическаго комитета, русскіе выходцы изъ внутреннихъ губерній ожидаютъ распоряженій объ отводѣ надѣла такъ долго, что часто расходятся по всей Кубанской области и водворяются на частныхъ земляхъ, прежде чѣмъ придетъ разрѣшеніе о надѣленіи ихъ изъ казенныхъ дачъ.

Въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ дѣло объ отводѣ надѣла тянулось до 1859 г. и окончилось тѣмъ, что колонисты не досчитались 24,000 дес. Мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы, какъ толпы эстовъ и латышей прибѣгали въ столицу и испрашивали свободныхъ земель у петербургскаго градоначальника, потомъ пересылались на попеченіе новгородскаго земства, запирались въ казармы и помирали въ тифѣ отъ дурной пищи и стужи,—или, какъ греки и болгары, записывались въ пограничныхъ городахъ у какихъ-то факторовъ-евреевъ на поселенія въ Россіи, и, приходя въ Крымъ или на Кубань, не находили ни свободныхъ земель, ни присутствія начальства, у коего могли бы получить свѣдѣнія и справки о пустыхъ земляхъ, упраздненныхъ татарами и горцами.

Однимъ словомъ, приглашая колонистовъ, русская администрація не имѣетъ ни положительныхъ свѣдѣній, ни межевыхъ плановъ свободныхъ дачъ. Поэтому, намъ кажется, что первое дѣло колонизаціи есть **межеванье и съемка на планы свободныхъ казенныхъ дачъ**, которыя предназначаются для поселеній, и работа эта вовсе не такъ затруднительна, какъ думаютъ, если производить ее въ главныхъ и общихъ чертахъ. Можно примѣрно считать, что въ степныхъ мѣстностяхъ одна партія землемѣровъ съ однимъ инструментомъ пройдетъ въ лѣто до 10 тысячъ десятинъ, и что работа эта съ вольной цѣны обойдется не дороже 15 копѣекъ. Въ Америкѣ въ теченіи одного года 1861 — 1862 размежевано и разбито на участки 3.150,670 акровъ (около 1 милліона десятинъ). Поземельныхъ округовъ во всѣхъ территоріяхъ, гдѣ предположено продавать казенныя земли, считается 61, а межевыхъ конторъ или отдѣленій 10. Со времени открытія дѣйствій по 1862 годъ было размежевано и разбито на участки въ 40 акровъ public-lands 495 тысячъ акровъ, или около 184 тысячъ десятинъ!!

Вторая подготовительная мѣра есть устройство путей сообщеній. Линіи желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ составляютъ главныя артеріи сообщеній, но не слѣдуетъ и преувеличивать ихъ значенія, ожидая отъ нихъ чудотворнаго дѣйствія на населеніе краевъ, гдѣ онѣ проложены. Лучшимъ примѣромъ тому служатъ двѣ главныя желѣзнодорожныя линіи въ Россіи, Николаевская и Варшавская, которыя, проходя чрезъ пустынныя мѣстности Новгородской, Псковской и другихъ губерній, нисколько не содѣйствовали къ заселенію этого края. Также ошибоченъ и разсчетъ на почтовые тракты: въ Россіи правительство всегда начинало съ того, что по вновь присоединеннымъ областямъ проводило прямые тракты, и на положенныхъ дистанціяхъ среди необитаемыхъ степей строило станціонные дома. Ни желѣзныя дороги, ни почтовые тракты сами по себѣ не содѣйствуютъ культурѣ промежуточныхъ странъ, если при выборѣ направленія станціонныхъ пунктовъ не принимаются въ уваженіе мѣстныя нужды и польза, если онѣ не проводятся по мѣстамъ уже нѣсколько заселеннымъ, не примыкаютъ къ побочнымъ трактамъ, пристанямъ и внутреннимъ рынкамъ и если, кромѣ того, не принимаются нужныя мѣры къ удешевленію и облегченію проѣзда.

Въ Америкѣ для эмигрантовъ устроены, какъ извѣстно, на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ особые поѣзды, такъ и называемые „эмигрантскими“, то-есть смѣшанные товаро-пассажирскіе, на коихъ простой народъ перевозитъ съ собой и весь домашній свой скарбъ, мебель, орудія и пр. за удешевленную плату.

Англійское правительство даже принимаетъ на свой счетъ провозъ эмигрантовъ въ Австралію и Канаду и бо́льшую часть (75%) суммы, вырученной отъ продажи казенныхъ земель, ассигнуетъ на этотъ предметъ. Мы должны также упомянуть о другой очень полезной мѣрѣ колоніальнаго управленія въ Канадѣ, по коей дозволяется насельникамъ, вмѣсто денежной платы за земли, принимать на себя, по расцѣнкѣ, устройство и содержаніе проселочныхъ дорогъ въ своемъ околоткѣ.

Въ Россіи прежній порядокъ отправленія почтовой повинности, извѣстный подъ именемъ ямской гоньбы, имѣлъ очень полезное дѣйствіе на заселеніе пустыхъ земель и удобства

сообщеній, гораздо больше, чѣмъ проложеніе почтовыхъ трактовъ съ казенными станціями и содержателями почтъ. Ямскія селенія, избранныя не по математическому разсчету разстояній, но по дѣйствительному размѣщенію жителей и по трактамъ, уже проложеннымъ народными потребностями, сдѣлались сосредоточіемъ пассажирскаго и торговаго движенія, и многія изъ нихъ разрослись до размѣровъ большихъ слободъ и даже городовъ. Не предлагая возвращенія къ прежнимъ порядкамъ во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ они отжили свое время, мы полагаемъ, что въ новыхъ областяхъ весьма полезно засчитывать въ уплату за землю натуральныя повинности—дорожную и почтовую.

Наконецъ, третья и послѣдняя изъ тѣхъ мѣръ, которыя, по нашему мнѣнію, должны предшествовать переселеніямъ и быть приняты, прежде чѣмъ вызывать и приглашать колонистовъ—есть устройство колоніальнаго управленія.

Мы выше объяснили, что главное замѣшательство, воспрепятствовавшее правильной колонизаціи въ Россіи, была неопредѣлительность инстанцій, завѣдывавшихъ поселеніями, недостатокъ правилъ и законоположеній, и вообще какая-то таинственность, которая окружала всѣ дѣйствія по переселеніямъ.

Они поручались обыкновенно экстреннымъ чиновникамъ, командируемымъ то отъ высшаго правительства, то отъ губернскаго начальства, передавались изъ одного министерства въ другое, изъ палатъ государственныхъ имуществъ въ губернскія правленія, и на мѣстѣ разбирались всѣми возможными властями и канцеляріями, которыя, какъ извѣстно, производили эти дѣла не безкорыстно. Однимъ словомъ, русскій крестьянинъ, желающій переселиться, не находилъ нигдѣ ни свѣдѣній о свободныхъ земляхъ, ни указаній, гдѣ ихъ отыскивать, ни присутствія, гдѣ бы можно было навести справку, и, пересылаемый отъ одного начальства къ другому съ разными отговорками и отписками, невольно впадалъ въ сомнѣніе, не скрываютъ ли отъ него злоумышленные чиновники и господа царскихъ милостей и указовъ о даровомъ надѣлѣ привольными землями. Дѣла о колонизаціи должны быть

непремѣнно сосредоточены въ центральномъ учрежденіи, министерствѣ, или главномъ управленіи и имѣть мѣстныхъ агентовъ, непосредственно завиеящихъ отъ главнаго управленія. Даже въ такихъ государствахъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, гдѣ принципъ мѣстнаго самоуправленія развитъ въ высшей степени, дѣла колоніальныя всѣ сосредоточены въ высшемъ правительствѣ, и органами его по этому вѣдомству служатъ спеціальныя коммиссіи, не входящія въ составъ губернскаго или, въ Англіи, графскаго управленія, но прямо зависящія отъ центральныхъ учрежденій. Оно не можетъ быть иначе, если сообразить, что это вѣдомство имѣетъ дѣло съ людьми, переходящими изъ одной губерніи въ другую, или приходящими изъ чужихъ краевъ и не избравшихъ еще окончательно новыхъ мѣстъ жительства.

Но, кромѣ того, всѣ дѣла о переселеніяхъ, пріемъ колонистовъ, временное ихъ размѣщеніе, выборъ и отводъ земель такъ рѣзко отличаются отъ другихъ обыкновенныхъ формъ канцелярскаго и полицейскаго дѣлопроизводства, что должностныя лица общихъ присутственныхъ мѣстъ рѣшительно теряются въ такихъ экстраординарныхъ случаяхъ, и въ бюрократическихъ странахъ, какъ Франція, колонизація была окончательно заторможена администраціей и ея формалистикой.

По этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, что управленіе колоніями и переселеніями должно быть основано на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

Оно должно быть сосредоточено въ одномъ центральномъ учрежденіи.

Мѣстное управленіе должно быть поручено конторамъ или коммиссіямъ, независящимъ отъ губернскаго начальства.

Составъ коммиссій долженъ быть по возможности упрощенъ: одного главнаго агента съ потребнымъ числомъ техниковъ, землемѣровъ, инженеровъ, лѣсничихъ достаточно на цѣлый округъ.

Округи должны быть очерчены, независимо отъ раздѣленій на губерніи и уѣзды, по соображеніямъ объ удобствахъ поселеній и сообщеній.

Районъ ихъ долженъ быть не болѣе 100 — 150 верстъ,

такъ чтобы переѣздъ изъ одного края въ другой могъ совершаться въ одинъ день.

Свѣдѣнія, ими собираемыя о свободныхъ земляхъ, должны быть сообщаемы во всѣ уѣздныя управы съ объясненіемъ кондицій, на коихъ допускаются переселенія и отводъ земель.

Таковы, по нашему мнѣнію, главныя мѣры, которыя должны быть приняты предварительно, т.-е. прежде чѣмъ объявлять о вольности перехода и вызывать переселенцевъ:

1) Межеванье и съемка на планы свободныхъ земель.

2) Устройство и облегченіе сообщеній.

3) Учрежденіе центральнаго и мѣстнаго управленія переселеній.

Затѣмъ представляется самый важный и существенный вопросъ: какая система колонизаціи будетъ принята въ Россіи? и этотъ вопросъ подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ статей, которыя мы разсмотримъ поочереди.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить: какой порядокъ принять для отвода земель подъ новыя поселенія — даровой ли надѣлъ, или продажу? Далѣе, чтó признается полезнѣе: введеніе въ новыхъ территоріяхъ крупнаго землевладѣнія, промышленныхъ компаній, акціонерныхъ обществъ, или водвореніе мелкихъ хозяевъ—хлѣбопашцевъ и сельскихъ крестьянскихъ обществъ? И, наконецъ, если принята будетъ система продажи, то какимъ порядкомъ ее производить, съ торговъ ли, или присужденіемъ по установленной цѣнѣ (á prix fixe), по высокой или низкой цѣнѣ, на наличныя деньги или съ разсрочкою, и съ помощью казны и кредитныхъ учрежденій?

На эти вопросы мы хотимъ отвѣчать не голословными сужденіями, а опытами другихъ странъ и народовъ, которые далеко опередили насъ въ дѣлѣ колонизаціи. Относительно перваго предположенія—слѣдуетъ ли отводить земли поселянамъ безплатно или за деньги, мы въ предъидущей главѣ объяснили, что, несмотря на кажущуюся гуманность дарового надѣла, этотъ способъ поселенія вездѣ оказался нецѣлесообразнымъ и недѣйствительнымъ. Какъ и всякое другое подаяніе, оно развиваетъ тунеядство и праздношатаніе, при-

влекаетъ людей легкомысленныхъ, неспособныхъ къ прилежному труду. Колонистъ, получающій землю въ даръ, въ первое время не считаетъ себя крѣпкимъ къ ней, колеблется въ выборѣ того или другого участка и ищетъ лучшихъ земель, если за лучшія, какъ и за худшія, съ него платы не полагается. Можно сказать, что настоящая серьёзная колонизація начинается только съ того момента, когда насельцы уплатили или затратили какую-либу сумму на покупку и обзаведеніе; и это относится какъ къ мелкимъ поселянамъ, такъ и къ крупнымъ собственникамъ, къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ, какъ и къ концессіонерамъ-промышленникамъ, къ нѣмцамъ-колонистамъ, какъ и къ русскимъ генераламъ, получившимъ имѣнія по высочайшему пожалованію—концессіи. Даръ вездѣ имѣлъ параливующее дѣйствіе на новыя колоніи, усыпляя частную предпріимчивость и личный трудъ, источникъ народнаго богатства.

Это мы предпосылаемъ всѣмъ дальнѣйшимъ сужденіямъ, какъ исходное положеніе, доказанное опытомъ всѣхъ иностранныхъ колоній.

Труднѣе разрѣшить второй вопросъ: какой порядокъ поселеній выгоднѣе—крупныя ли имѣнія на правахъ помѣстій, въ видѣ запашекъ, плантацій, заводовъ, или мелкіе подворные участки, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ средней рабочей силѣ крестьянской семьи?

Мы выше объяснили, что этотъ вопросъ разрѣшается двояко: въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ преимущественно воздѣлываются цѣнные отпускные товары: хлопокъ, сахаръ, кофе, табакъ, тонкорунная шерсть, или преобладаютъ горные промыслы, тамъ лучше принимаются большія культуры, съ наемными, или невольными, или срочно-обязанными рабочими, подъ надзоромъ землевладѣльца-хозяина, плантатора, заводчика, овцевода. Наоборотъ, въ тѣхъ территоріяхъ, гдѣ, по континентальному свойству климата и страны, по отдаленности портовъ и морей, по недостатку сообщеній, отпускная торговля затруднена, и гдѣ преимущественно производятся продукты мѣстнаго потребленія, сѣрые хлѣба́, ленъ, конопля, сало, кожи, тамъ мелкая культура, производимая самими хо-

зяевами-хлѣбопашцами, водворяется легче и даетъ лучшіе результаты, чѣмъ крупныя культуры.

Законъ этотъ подтверждается опытами всѣхъ европейскихъ колоній: къ первому разряду принадлежатъ Антильскіе острова, Вестъ-Индія, Австралія и почти всѣ колоніи, французскія и испанскія; ко второму—западная окраина (Farwest) Соединенныхъ Штатовъ и отчасти Канада.

Правда, въ Канадѣ, несмотря на земледѣльческій характеръ страны, долго преобладало крупное землевладѣніе и система концессій и пожалованій; но за то и колонія эта долгое время находилась въ полномъ застоѣ, и до новѣйшихъ реформъ не могла соперничать съ Соединенными Штатами, англійскіе эмигранты переходили черезъ Канаду, чтобы селиться въ американскихъ территоріяхъ и, несмотря на субсидіи и льготы англійскаго правительства, предпочитали покупать казенныя земли у американскаго правительства.

Если это такъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что и въ Россіи попытки введенія крупнаго землевладѣнія, помѣстной собственности въ нашемъ заволжскомъ краѣ, или на Кавказѣ имѣютъ очень мало шансовъ на успѣхъ.

За исключеніемъ горныхъ промысловъ на Уралѣ, мы не находимъ во всей этой территоріи никакихъ производствъ цѣнныхъ, торговыхъ продуктовъ и всѣ условія климата, почвы, путей сообщеній указываютъ, что страна эта пригодна только для хлѣбопашества и скотоводства.

Этотъ второй вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу мелкихъ культуръ, крестьянскихъ поселеній, и остается разсмотрѣть, какіе нормальные размѣры установить для такихъ поселеній и для надѣловъ подворныхъ или подушныхъ? Мы видѣли, что въ Америкѣ норма одного подворнаго участка полагается въ 40 акровъ—около 15 десятинъ; переселенцамъ дозволяется покупать и болѣе, напримѣръ, 2, 3 и до 4 участковъ, но по удвоенной цѣнѣ, и болѣе 4 участковъ (около 60 дес.) въ однѣ руки не продается. Изъ этого можно заключить, что 15 дес. признается надѣломъ, достаточнымъ для водворенія сельской рабочей семьи.

Въ Россіи переселенцамъ и вообще обывателямъ восточныхъ окраинъ отводится несравненно бо́льшее количество

земли: нѣмецкимъ колонистамъ по 30 дес. на душу, по 50—60 на дворъ, ногайцамъ и калмыкамъ по 30—44 дес. на душу, башкирамъ по 45, киргизамъ букеевской орды 81; въ казацкихъ войскахъ считается еще нынѣ на душу: въ оренбургскомъ 64, въ уральскомъ 111, въ астраханскомъ 66 дес. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской и Оренбурской губерній причитается въ средней сложности на 1 дворъ крестьянскій въ Новоузенскомъ 46, въ Николаевскомъ 30, въ Оренбургскомъ 47, въ Верхнеуральскомъ 47 на душу, 166 дес. на дворъ. Въ Киргизской степи на 1 кибитку причитается 435 десятинъ. Такіе обширные надѣлы далеко превышаютъ рабочія силы крестьянской семьи.

Одинъ ученый изслѣдователь (г. Чаславскій), отъ коего мы заимствовали много свѣдѣній объ этомъ краѣ, совершенно основательно замѣтилъ, что размѣръ крестьянскаго владѣнія обусловливаетъ обыкновенно и систему сельскаго хозяйства въ данной мѣстности. Онъ полагаетъ, что при владѣніи болѣе 40 дес. на душу мужского пола преобладаетъ кочевое хозяйство съ скотоводствомъ; далѣе, что при уменьшеніи надѣла менѣе 40 десятинъ и до 20 жители переходятъ къ земледѣлію, но придерживаются залежной системы; наконецъ, если земли остается не болѣе 8—10 десятинъ, то хозяйства обращаются къ двухпольному, а потомъ къ трехпольному сѣвообороту.

Въ главѣ XIII этого сочиненія мы старались объяснить, что нормой для надѣла (все равно, подворнаго или душевого), должна служить средняя пропорція, выведенная изъ того пространства, какое можетъ быть обработано крестьянской семьей при обыкновенномъ среднемъ ея составѣ, и пришли къ заключенію, что такой средній надѣлъ можно полагать въ 10—15 дес. на дворъ, или 5—7 на ревизскую душу.

Если эти разсчеты вѣрны, то оказывается, что на всей нашей восточной окраинѣ владѣнія крестьянъ, инородцевъ и казаковъ много превышаютъ эту норму, а поэтому спрашивается: такія широкія владѣнія приносятъ ли дѣйствительную пользу и выгоду ихъ владѣльцамъ, способствуютъ ли правильному развитію земледѣлія, благосостоянію страны и народа?

Вотъ вопросы, требующіе предварительнаго разрѣшенія.

Переходя изъ одной крайности въ другую, многіе приписываютъ стѣсненіе быта русскихъ крестьянъ малоземелью (чтó отчасти и справедливо въ центральныхъ губерніяхъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ, потворствуя и льстя инстинктивному стремленію ихъ къ расширенію владѣній, полагаютъ, что чѣмъ болѣе отведено будетъ земли подъ крестьянскія поселенія, тѣмъ выше будетъ благосостояніе крестьянъ.

Это намъ кажется грубой ошибкой, которая можетъ увлечь народныя массы, внушить имъ необýзданное стремленіе къ захвату земель, но приведетъ ихъ вовсе не къ той цѣли, которую предполагаютъ—къ равномѣрному владѣнію, а, напротивъ, къ двумъ крайностямъ—обогащенію однихъ и безземелью другихъ. Коль скоро размѣры владѣнія значительно превышаютъ рабочія силы, то неизбѣжно происходятъ два параллельныя движенія въ экономическомъ быту народа: сильныя рабочія семьи прихватываютъ земли, слабыя ихъ сдаютъ; первыя постепенно округляютъ свои владѣнія, подряжаютъ своихъ односельцевъ на разныя работы, нанимаютъ поденщиковъ и батраковъ, такъ что бытъ ихъ все болѣе приближается къ помѣщичьему; вторыя, наоборотъ, обремененныя повинностями за такія угодья, которыя они не въ силахъ обработать, сдаютъ и распродаютъ ихъ за безцѣнокъ. Никакія запрещенія тутъ не дѣйствуютъ и если по закону формальная продажа не дозволяется, то крестьяне уступаютъ свои участки и полевыя полосы по частнымъ сдѣлкамъ въ безсрочное владѣніе.

Правда, при широкомъ и привольномъ владѣніи земледѣлецъ имѣетъ всегда возможность облегчить свой трудъ, прибѣгая къ разнымъ уловкамъ залежнаго или ляДиннаго хозяйства; но вопросъ въ томъ, извлекаетъ ли онъ больше пользы изъ этихъ системъ полеводства на 20 десятинахъ, чѣмъ изъ трехпольнаго сѣвооборота на 10? Посѣвы льна на рѣзахъ въ сѣверной полосѣ, бѣлотурки на новяхъ и залежахъ въ восточномъ краѣ даютъ ли въ средней сложности болѣе выгодъ хозяину, чѣмъ коренная его пашня,—еслибъ онъ ее удобрялъ и улучшалъ?

По нашему разумѣнію, всѣ эти экстенсивныя культуры, которыми такъ соблазняются русскіе хлѣбопашцы, составляютъ для нихъ чистый убытокъ и разстроиваютъ ихъ соб-

ственныя хозяйства, мірскія пашни и луга. Они бросаютъ свои подворныя пашни, чтобы снимать господскія угодья, подрѣзы и лядины, запускаютъ ближайшія полосы, чтобы пахать „въ татарахъ". На башкирскихъ земляхъ уходятъ изъ селеній въ степь и лѣса, тратя лучшее время года на переѣзды и скитаніе; и все это дѣлается не столько по нуждѣ и недостатку земель, сколько по склонности русскаго мужика къ простору и разгулу.

Слушая разсказы своихъ стариковъ о раздольѣ прежняго степного хлѣбопашества, о баснословныхъ урожаяхъ проса, льна, кубанки на ковыльныхъ степяхъ, подстрекаемые слухами о привольѣ самарскихъ, уральскихъ, кавказкихъ земель, бо́льшая часть нашего крестьянства въ центральныхъ губерніяхъ живетъ въ ожиданіи новаго дополнительнаго надѣла, который въ ихъ понятіяхъ полагается безмѣрный, сколько переселенецъ успѣетъ захватить.

Вотъ этимъ-то ожиданіямъ и пора положить предѣлъ, указывая малоземельнымъ селеніямъ пути и средства къ переселенію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опредѣляя размѣры и условія для пріобрѣтенія новыхъ угодій.

Для введенія правильнаго хозяйства и хлѣбопашества, для водворенія въ новыхъ земляхъ настоящихъ колонистовъ, нужно принять для надѣловъ норму умѣренную, соразмѣрную рабочимъ силамъ обыкновенной крестьянской семьи, каковую норму мы полагаемъ обыкновенно по 15 десятинъ на дворъ, причемъ допускается и продажа въ однѣ руки 2 и 3 подворныхъ участковъ, но съ прогрессивнымъ повышеніемъ цѣнъ за таковые добавочные надѣлы [5]).

При такомъ порядкѣ, разумѣется, бѣдные и одинокіе хозяева удовольствуются однимъ участкомъ, сильные и многосемейные хозяева заберутъ двойную и тройную пропорцію, но по высшей цѣнѣ, и эта разница цѣнъ будетъ регулировать и самую продажу. Болѣе 3 участковъ, болѣе 45 дес. на семейство, не слѣдуетъ надѣлять переселенцамъ.

Намъ остается разсмотрѣть послѣдній вопросъ, о порядкѣ отвода и нарѣзки земель подъ новыя поселенія и разрѣшить

нѣсколько послѣдующихъ задачъ: какъ производить продажу, съ публичныхъ ли торговъ или по нарицательной цѣнѣ (prix-fixe),—какую установить нормальную плату, высокую или низкую,—какимъ порядкомъ совершать купчія и вводъ во владѣніе,—допускать ли разсрочку платежей и пособія отъ казны или кредитныхъ учрежденій, и въ какой именно формѣ?

Относительно продажи съ торговъ мы видимъ, что она вполнѣ удалась въ Алжирѣ, и не имѣла никакого успѣха въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ первой изъ этихъ странъ бо̀льшая часть продажныхъ земель были имѣнія, конфискованныя у арабовъ, болѣе или менѣе воздѣланныя и извѣданныя; понятно, что прежняя культура, хотя впослѣдствіи и запущенная, давала имъ нѣкоторую стоимость и что торговыя цѣны опредѣлялись этой стоимостью; притомъ же пространство ихъ было ограниченное и со времени основанія колоній отведено было всего, въ 30 слишкомъ лѣтъ (1830—1864), подъ поселенія около $^1/_2$ милліона десятинъ.

Въ Америкѣ, напротивъ, площадь свободныхъ земель была такая обширная, свойство и доброта почвы такъ мало извѣстны, что торги почти никогда не могли состояться, такъ какъ предлагаемыхъ участковъ (sections) было всегда больше, чѣмъ торгующихся. Земли почти всегда присуждались по первоначальной оцѣнкѣ, такъ что послѣ нѣсколькихъ опытовъ правительство принуждено было отмѣнить эту систему и установило общую валовую и неизмѣнную цѣну за всѣ публичныя земли (public-lands). Точно также и въ Новомъ-Валлисѣ прежній порядокъ продажи съ торговъ былъ замѣненъ въ 1851 году продажей по установленной цѣнѣ, 20 шиллинговъ за акръ.

Точно также разногласны и даже противоположны свѣдѣнія о цѣнахъ на земли: въ новѣйшей англійской колоніи, въ Австраліи, выработалась цѣлая теорія о такъ-называемыхъ нормальныхъ цѣнахъ (sufficient price) на земли,—теорія, которую мы объяснили въ предъидущей главѣ, и сущность коей состоитъ въ томъ, что къ водворенію должны быть допускаемы только люди нѣсколько зажиточные, располагающіе капиталами. Для этого предлагалось продавать колонистамъ земли по цѣнѣ нѣсколько высокой, черезъ что задерживать

пріобрѣтеніе земель бѣдными, несостоятельными эмигрантами, и заставлять ихъ работать нѣсколько лѣтъ у землевладѣльцевъ, обезпечивая такимъ образомъ симъ послѣднимъ рабочую силу, въ коей они терпѣли сильную нужду.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, наоборотъ, придерживались очень низкой огульной продажной цѣны на всѣ казенныя земли, имѣя въ виду не вспомоществованіе землевладѣльцамъ, не обращеніе эмигрантовъ въ наемныхъ чернорабочихъ, но скорѣйшее ихъ по возможности водвореніе на собственныхъ земляхъ полными и самостоятельными хозяевами.

Другое очень важное условіе для водворенія колонистовъ есть разсрочка платежей. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ были приняты по этому предмету слѣдующія мѣры: вопервыхъ, требуется первоначально только уплата задатка, послѣ чего выдается покупщику Warrant, свидѣтельство или запродажная запись, по коей онъ въ теченіи 5 лѣтъ пользуется землей и вноситъ по частямъ купчую сумму; въ Канадѣ первоначально требовалась уплата наличными деньгами, но впослѣдствіи, въ 1850 г., установлено при продажѣ брать задатку по 25 %, а остальную сумму 75% разсрочивать на три года.

Разница же оказывается въ томъ, что при одномъ порядкѣ, продажѣ съ торговъ, лучшіе участки разбираются людьми, болѣе зажиточными, которые наддаютъ цѣны на торгахъ и оттѣсняютъ другихъ покупателей, а при другой системѣ, присужденіи, удобнѣйшія земли достаются первымъ пришельцамъ по очереди ихъ прибытія и заявленій, такъ что, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, для новыхъ выходцевъ остаются худшіе участки, которые они берутъ неохотно, если притомъ на всѣ земли цѣна установлена одинаковая.

Всѣ таковыя неудобства представились въ Соединенныхъ Штатахъ и главное управленіе колоній не нашло для нихъ другого средства, какъ пониженіе цѣнъ на участки, не распроданные въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ. Мы объяснили въ предъидущей главѣ эту мѣру: земли, первоначально оцѣненныя въ 1¼ доллара за акръ (4 р. 40 к. за десятину), если они въ теченіи 15 лѣтъ не нашли себѣ покупателей, усту-

паются за 1 долларъ, а послѣ 30 лѣтъ за 12½ центовъ (46 коп. за десят.), значитъ со скидкою 87½ процентовъ.

Хотя въ принципѣ мѣра эта кажется очень практическою, но она, по нашему мнѣнію, не можетъ быть принята безъ поправки. Противъ нея представляется то возраженіе, что въ теченіи такихъ долгихъ періодовъ, какъ 15 и даже 30 лѣтъ, цѣны очень измѣняются и по общимъ экономическимъ законамъ не упадаютъ, а, напротивъ, возвышаются. Справедливѣе бы было принять болѣе короткіе сроки, 6—12 лѣтъ, и установить, что тѣ участки, которые въ теченіи этихъ сроковъ не распроданы по нормальной цѣнѣ, продаются съ торговъ по цѣнѣ, какая состоится.

Система присужденія свободныхъ земель (preemption) собственно составляетъ премію для первыхъ колонистовъ, которые, разумѣется, выбираютъ себѣ лучшія земли, и въ этомъ отношеніи можетъ показаться нѣсколько несправедливой, стѣснительной для слѣдующихъ поселеній. Но надо также, съ другой стороны, принять въ соображеніе, что первые опыты заселенія пустыхъ странъ составляютъ такой подвигъ трудолюбія и отваги, что заслуживаютъ во всякомъ случаѣ особыхъ поощреній; правда, что по мѣрѣ заселенія цѣнность земель возвышается, но именно благодаря отважнымъ піонерамъ, которые вынесли лишенія и опасности перваго времени. Такимъ образомъ оказывается, что нормальныя цѣны регулируются сами собой: если, напримѣръ, цѣна эта установлена въ 3 рубля за десятину, то въ первый періодъ колонизаціи будутъ выбраны по этой цѣнѣ лучшія земли; но затѣмъ во второй періодъ и среднія или худшія угодья (исключая неудобныхъ земель) возвысятся въ цѣнности и будутъ стóить не менѣе того, чтó платилось въ первое время за земли сравнительно лучшія. Поэтому мы признаемъ систему присужденія земель по нормальной цѣнѣ болѣе удобной, чѣмъ продажу съ торговъ, въ особенности въ томъ отношеніи, что она можетъ быть произведена постепенно, въ теченіи цѣлаго года, по мѣрѣ прибытія переселенцевъ и заявленій ихъ о выбранныхъ ими участкахъ, между тѣмъ какъ для торговъ нужно назначить опредѣленные дни, которые очень часто неизвѣстны всѣмъ желающимъ и заставляютъ ихъ проживать по цѣлымъ

недѣлямъ и мѣсяцамъ въ ожиданіи, очень часто безплодномъ, срока, для торговъ назначеннаго.

Въ обоихъ случаяхъ открывается такимъ образомъ отъ казны кредитъ поселянамъ и притомъ кредитъ краткосрочный, на 5 лѣтъ и на 3 года, и личный, такъ какъ наложеніе запрещенія, совершеніе закладной и прочія формальности ипотечной системы непримѣнимы къ такимъ мелкимъ операціямъ, какъ покупка 15—30 десятинъ.

Здѣсь непосредственно представляется вопросъ: чѣмъ же обезпечивается исправная уплата и на чемъ основывается этотъ кредитъ, открываемый бо̀льшею частію людямъ, приходящимъ изъ дальнихъ, или даже чужихъ странъ и вовсе неизвѣстнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они водворяются?

Это и составляло долгое время затрудненіе колоніальной политики европейскихъ державъ: съ одной стороны, оказывалось, что бо̀льшая часть эмигрантовъ и колонистовъ люди несостоятельные; съ другой стороны, для поселенія ихъ непремѣнно требовались авансы, затраты. Съ точки зрѣнія фискальныхъ интересовъ и по правиламъ кредитнаго управленія, такія необезпеченныя ссуды считались заранѣе невозвратно потерянными и не допускались. Правительства предпочитали уступать земли даромъ бѣднымъ колонистамъ, или отводить ихъ тоже безплатно крупнымъ собственникамъ; въ странахъ, гдѣ фискально-бюрократическій духъ особенно развитъ, принимались еще болѣе строгія мѣры: въ демократической Франціи требовалось отъ переселенцевъ въ Алжирѣ предъявленіе капитала, отъ рабочихъ 400 франковъ, отъ лицъ, желающихъ пріобрѣсть земли, отъ 1500 и до 3000 франковъ. Англійское правительство до 50-хъ годовъ считало также вреднымъ такой приливъ бѣдныхъ колонистовъ и въ Австраліи старалось удержать ихъ отъ слишкомъ быстраго перехода въ осѣдлое состояніе, предполагая, что надо дать время эмигрантамъ заработать сумму, нужную для обзаведенія хозяйствомъ; въ Канадѣ оно ставило еще и другія условія: въ первый же мѣсяцъ послѣ отвода земли колонистъ обязывался поселиться на участкѣ, построить въ теченіи перваго года жилое строеніе и въ теченіи 4 лѣтъ распахать 12 акровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ принята другая система, нѣсколько рискованная, но простая и сокращенная: отъ колониста отбирается

при самой покупкѣ подписка, присяжный листъ, что онъ обязывается обитать на отведенномъ ему участкѣ, и эта подписка скрѣпляется двумя поручителями изъ мѣстныхъ обывателей, которые такимъ образомъ становятся надзирателями надъ своимъ новоприбывшимъ сосѣдомъ. Уплативъ затѣмъ небольшой задатокъ 10 долларовъ (13 руб.) за 40 акровъ (15 десят.), поселянинъ вступаетъ въ полное владѣніе землей, и ему дается 5 лѣтъ срочныхъ и 2 года льготныхъ для уплаты остальной суммы, что̀ составитъ примѣрно, за вычетомъ задатка, около 8—9 руб. годовой платы. Если въ теченіи первыхъ 5 лѣтъ онъ отлучился на продолжительный срокъ, болѣе 6 мѣсяцевъ, то земля у него отбирается со строеніями и хлѣбомъ, стоящимъ на корню. По истеченіи срока, если условія были соблюдены и деньги выплачены, ему выдается крѣпостной актъ на полныхъ правахъ собственности.

Эта упрощенная процедура во многомъ противорѣчитъ основнымъ понятіямъ о поземельномъ кредитѣ, какія выработались въ Европѣ, по коимъ ссуда и разсрочка платежей допускается не иначе, какъ по всѣмъ правиламъ ипотечной системы, съ инвентарнымъ описаніемъ, люстраціей, или оцѣнкой имущества, наложеніемъ запрещенія и пр. и пр. Бо̀льшей части нашихъ экономистовъ и финансистовъ она, безъ сомнѣнія, покажется дикой и грубой мѣрой, и дѣйствительно нельзя сказать, чтобы она обезпечивала казну отъ несостоятельности плательщиковъ. Можно также предположить, что американскіе скваттеры (squatters) находятъ прямыя выгоды забирать земли съ уплатою ничтожнаго задатка, сѣять и снимать съ нихъ хлѣбъ въ теченіи срочныхъ годовъ и затѣмъ бросать ихъ, не расплатившись съ казной. На дѣлѣ выходитъ однако не такъ.

Расходы на переселеніе и водвореніе составляютъ въ бюджетѣ крестьянина-колониста такую крупную сумму, такую затрату, что онъ приковывается самъ собой и крѣпче, чѣмъ записью, къ своему имуществу; расчистивъ поляну подъ усадьбу и огородъ, построивъ избу и распахавъ первую десятину, онъ въ первый же годъ сдѣлалъ авансъ, который ручается за его дальнѣйшую исправность, по крайней мѣрѣ за то, что онъ не откажется отъ своего хозяйства, если только онъ въ состояніи его содержать.

Опытъ, произведенный въ столь громадныхъ размѣрахъ въ Америкѣ, вполнѣ подтверждаетъ благонадежность и исправность въ платежахъ колонистовъ, несмотря на то, что между ними встрѣчаются самые отчаянные авантюристы; причемъ надо замѣтить, что когда конгресъ, отступая отъ первоначальной системы мелкихъ подворныхъ надѣловъ, допустилъ, въ виду общегосударственныхъ пользъ, крупныя концессіи для осушенія болотъ и проведенія желѣзныхъ дорогъ, то немедленно вкрались въ эти операціи страшныя злоупотребленія, между тѣмъ какъ собственно по продажѣ колонистскихъ земель поступленіе денегъ идетъ съ каждымъ годомъ успѣшнѣе.

Изъ всего вышесказаннаго мы выводимъ слѣдующія общія заключенія о переселеніяхъ въ Россіи:

1) Какъ на первое поприще колонизаціи, мы указываемъ на страну, лежащую за Волгой и Дономъ. Она начинается на сѣверѣ съ Екатеринбургскаго уѣзда и Башкирскихъ земель, проходитъ черезъ отдѣльные уѣзды Уфимской, Оренбургской и Самарской губерній, захватываетъ Калмыцкія и Киргизскія степи, далѣе восточные предѣлы Донской области и оканчивается на предгоріяхъ Кавказскаго хребта, въ Ставропольской губерніи и въ Кубанской области. Во всемъ этомъ краѣ земли еще дешевы, народонаселеніе рѣдко, почва бо́льшею частію плодородна и, кромѣ казенныхъ земель, имѣется нѣсколько милліоновъ десятинъ, принадлежащихъ инородческимъ ордамъ, казацкимъ войскамъ и кавказскимъ ауламъ, которые бо́льшею частію лежатъ впустѣ и открыты для новыхъ поселеній.

2) Параллельно этой колоніальной полосѣ протягивается, тоже съ сѣверо-востока на юго-западъ, другая полоса, которую можно назвать эмиграціонной. Она образуется, во-первыхъ, изъ приволжскихъ и низовыхъ губерній, изъ цѣлой массы помѣщичьихъ крестьянъ, принявшихъ даровой надѣлъ и которые уже нынѣ находятся на краю пролетаріата; во-вторыхъ — изъ малоземельныхъ селеній черноземной полосы, начиная съ Тамбовской губерніи до Курской и Харьковской.

3) Прежде чѣмъ объявлять о вольномъ переходѣ и при-

глашать переселенцевъ, нужно приступить къ слѣдующимъ предварительнымъ мѣрамъ:

Устроить особыя мѣстныя правленія, или конторы переселеній.

Обмежевать и снять на планы свободныя земли.

Устроить и облегчить сообщенія между вышеозначенными двумя полосами.

4) Систему концессій, пожалованій и дарового надѣла нужно отмѣнить окончательно, по принципу, и ввести въ колоніальное управленіе общее правило,—что земли пріобрѣтаются не иначе какъ покупкой, не цѣлыми имѣніями и помѣстьями, а подворными участками, и при непремѣнномъ условіи, чтобы переселенцы-покупатели водворялись на отведенныхъ участкахъ и въ теченіи извѣстнаго срока, 5—6 лѣтъ, обстроились и обзавелись хозяйствомъ.

5) Продажу съ торговъ можно допустить только въ мѣстностяхъ уже нѣсколько населенныхъ или для угодій, которыя были воздѣланы, такъ, напримѣръ, для земель, оставленныхъ горцами, ногайцами, татарами, вышедшими въ Турцію. Въ мѣстахъ пустынныхъ и на новыхъ земляхъ лучше принять для продажи одну огульную и неизмѣнную цѣну (prix fixe et uniforme). Такъ какъ при этой системѣ продажи слѣдуетъ предвидѣть, что лучшія земли будутъ разобраны, а худшія останутся за казной, то слѣдуетъ установить (какъ это принято въ Соединенныхъ Штатахъ), что, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, на участки не распроданные дѣлается скидка съ продажной цѣны.

6) Продажныя цѣны въ Россіи должны быть низкія, примѣрно въ 3—4 рубля за десятину. Мы должны имѣть въ виду не поддержаніе крупныхъ запашекъ, плантацій, овчарень, какъ въ Вестъ-Индіи или въ Австраліи, и не привлеченіе рабочихъ, а наоборотъ—введеніе хлѣбопашества, мелкой культуры и водвореніе переселенцевъ на собственныхъ хозяйствахъ, какъ въ Америкѣ. Задатки, требуемые при самомъ совершеніи покупки, должны быть умѣренные, а остальные платежи могутъ быть разсрочиваемы, причемъ обезпеченіемъ въ исправности покупателя служитъ самое его водвореніе и затраты имъ дѣлаемыя на постройку, распашку и обзаведеніе.

7) Послѣднее слово правильной системы колонизаціи, по

нашему мнѣнію, есть кредитное учрежденіе, имѣющее въ виду двѣ главныя операціи: a) закупку земель у крупныхъ собственниковъ для перепродажи ихъ мелкимъ владѣльцамъ-хлѣбопашцамъ, b) кредитованіе переселенцевъ и обезпечиваніе самихъ переселеній посредствомъ ссудъ и авансовъ.

Таковы, какъ намъ кажется, главныя начала, которыя должны служить основаніями колонизаціи въ Россіи.

Этотъ краткій очеркъ далеко не исчерпываетъ многосложнаго предмета, который мы предложили на разсмотрѣніе. Наша цѣль была не составленіе проекта о переселеніяхъ, а только указаніе общей связи между землевладѣніемъ и земледѣліемъ съ одной стороны—и переселеніями, отхожими промыслами, колонизаціей—съ другой. Никакое поземельное положеніе, никакой аграрный и соціальный строй не можетъ быть признанъ довершеннымъ, полнымъ и прочнымъ, если онъ не дополняется правильной системой колонизаціи. Это послѣдній нашъ выводъ, послѣднее слово нашихъ изслѣдованій о поземельномъ бытѣ разныхъ странъ и народовъ.

Всѣ законоположенія объ улучшеніи быта сельскихъ сословій, уставы сельскаго благоустройства и благочинія, инвентарныя, люстраціонныя, поземельныя, хозяйственныя положенія, однимъ словомъ, всѣ аграрные законы, имѣющіе въ виду регулировать поземельныя и соціальныя положенія, оказываются въ сущности полу-мѣрами, или временными распоряженіями, не достигающими своей цѣли; и какъ бы они ни были гуманны и либеральны въ моментъ ихъ изданія, черезъ нѣсколько лѣтъ, много черезъ одно или два поколѣнія, представляютъ уже значительные пропуски и недостатки. Земли и люди видоизмѣняются; приращеніе народонаселенія и улучшеніе культуръ доводятъ страну до наивысшей производительности, но затѣмъ наступаетъ и періодъ пресыщенія,—прежнія отношенія колеблются, разрушаются; прибылое населеніе ищетъ осѣдлости, новыхъ мѣстъ жительства и не находитъ ихъ, потому что всѣ земли заняты и подѣлены, или что цѣны недвижимыхъ имуществъ недоступны простому народу.

Въ такой моментъ аграрно-соціальнаго кризиса единственное спасеніе—это широкая и правильная система колонизаціи. Къ ней и прибѣгаетъ нынѣ Англія, запасая цѣлыя части свѣта для размѣщенія англо-саксонской расы.

Континентальныя государства, напротивъ, не имѣя колоній, какъ, напримѣръ, Германія, или не умѣя справиться съ колонизаціей, какъ Франція и Испанія, поставлены въ положеніе крайне затруднительное, изъ коего нѣтъ другого исхода, какъ долгія и кровопролитныя междуусобія и соціальная борьба, обыкновенно оканчивающіяся растлѣніемъ общества и распаденіемъ государства.

Россія еще далеко не дошла до того критическаго момента въ жизни народовъ, когда страна, пресыщенная населеніемъ, отказывается кормить своихъ обитателей. Но мы указали въ этомъ сочиненіи, что, кромѣ густоты населенія, есть еще и много другихъ причинъ, вліяющихъ также пагубно на размѣщеніе жителей и хозяйственный ихъ бытъ, и главной изъ нихъ признаемъ чрезмѣрное развитіе крупныхъ культуръ, подавленіе мелкаго крестьянскаго владѣнія помѣстнымъ и вотчиннымъ. Оно всегда сопровождается и оканчивается реакціей, обратнымъ движеніемъ обезземеленныхъ классовъ къ захвату чужихъ имуществъ, къ передѣлу земель, стремленію столь же насильственному, противозаконному и вредному, какъ и дѣйствія помѣстныхъ классовъ, отобравшихъ бо́льшую часть крестьянскихъ владѣній и общинныхъ земель подъ господскія запашки и пастбища для округленія и размежеванія своихъ владѣній.

Для предупрежденія этихъ зловредныхъ послѣдствій нужно принять заблаговременно мѣры къ огражденію мелкихъ хозяйствъ, и это-то время, какъ мы думаемъ, наступило въ Россіи.

Мы не должны скрывать отъ себя, что, несмотря на широкій и въ средней сложности достаточный земельный надѣлъ бо́льшей части крестьянъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и въ частныхъ случаяхъ, обнаруживается уже стѣсненіе многихъ хозяевъ и цѣлыхъ селеній и округовъ; что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ породило въ Россіи большую неравномѣрность владѣній; что самовластныя переселенія по распоряженію помѣщиковъ и самовольные переходы по инициа-

тивѣ крестьянъ происходили изстари во всей Россіи безъ всякихъ плановъ и предначертаній, и что всѣ эти причины начинаютъ проявлять свои дѣйствія именно въ настоящее время, когда водворилась свобода владѣнія, но еще не устроилась вольность переходовъ.

Къ этому устройству надо, пора приступить. Мы еще располагаемъ обширнымъ пространствомъ пустыхъ и привольныхъ земель, куда переселенія могутъ быть направлены; но этотъ запасъ народнаго хозяйства быстро расхищается частными владѣльцами и еще быстрѣе грубыми культурами. Общая масса русскаго крестьянства еще живетъ осѣдло, хозяйственно на собственныхъ земляхъ, но уже появляются и на Руси отдѣльныя личности и цѣлыя группы сельскихъ жителей, бросающихъ земли. Сельскій пролетаріатъ уже зарождается въ однихъ полосахъ имперіи и въ то же время въ другихъ цѣлые уѣзды и области лежатъ впустѣ, ожидая и вызывая переселенцевъ, которымъ не даютъ выхода наши полицейскіе и фискальные законы.

А время уходитъ, и тѣ же самыя огромныя замѣшательства, которыя проявились въ Старомъ Свѣтѣ, могутъ обнаружиться и у насъ; земли будутъ всѣ разобраны частными владѣльцами, приростающему населенію свободнаго мѣста не останется, крестьяне собственники будутъ постепенно превращаться въ бобылей, батраковъ и наемниковъ, и пролетаріатъ водворится и въ Россіи, рядомъ съ крупнымъ помѣстнымъ и мірскимъ землевладѣніемъ.

Желая избѣгнуть для русской земли тѣхъ замѣшательствъ, которыя постигли другія государства, мы старались въ этомъ сочиненіи обратить вниманіе на ту единственную, по нашему разумѣнію, мѣру, которая можетъ ихъ предупредить настолько, насколько вообще человѣческія мѣропріятія могутъ охранить народы отъ ихъ собственныхъ заблужденій и увлеченій.

Эта мѣра, дѣйствующая какъ регуляторъ поземельныхъ и соціальныхъ отношеній, открывающая правильный и законный выходъ изъ обществъ людямъ, разстроеннымъ въ своихъ хозяйствахъ и недовольныхъ своимъ положеніемъ, обезпечивающая осѣдлость и домовитость жителямъ малоземельныхъ мѣстностей или безплодныхъ странъ—есть колонизація.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Въ положеніяхъ о нѣмецкихъ колонистахъ мы находимъ разныя правила о выселеніи изъ коренныхъ колоній на дополнительные надѣлы. Такъ, напримѣръ, самарскимъ и саратовскимъ колонистамъ отведены дополнительныя земли въ Новоузенскомъ уѣздѣ.

Къ переселенію изъ коренныхъ колоній на дополнительные надѣлы допускаются только такіе хозяева, которые имѣютъ необходимыя для веденія хозяйства орудія, рабочія силы и скотъ. Увольняясь изъ обществъ по мірскимъ приговорамъ, они получаютъ деньгами, въ выдѣлъ изъ коренного водворенія, причитающіяся имъ по числу душъ, части изъ общественныхъ капиталовъ, строеній, хлѣбныхъ запасовъ и вообще всего общественнаго приходскаго и окружного, кромѣ земли, имущества. Прежде, въ началѣ переселенія, выдѣлъ этотъ составлялъ около 26 руб. на переселенческую душу; но при дальнѣйшемъ ходѣ переселенія общества нашлись вынужденными постепенно возвышать размѣръ выдѣла, такъ что къ 1867 г. онъ дошелъ уже до 100 р. и болѣе на душу. Независимо отъ сего, коренныя общества оказываютъ своимъ выселенцамъ вспомоществованіе натурою: подводами, хлѣбомъ и т. д. и льготою до 3 лѣтъ отъ платежа податей и повинностей, отбываніе которыхъ коренныя общества принимаютъ на свой счетъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, оставалось еще выселить изъ 12 коренныхъ губерній 13,104 души. При новыхъ колоніяхъ Новоузенскаго уѣзда въ 1866 г. считалось излишнихъ земель 101,081 дес., которыя разсчитаны на 6,739 душъ и, кромѣ того, 9,181 дес. для какихъ-то ожидаемыхъ выходцевъ изъ Пруссіи (?). Земли эти впредь до приселенія новыхъ выходцевъ состояли въ пользованіи обществъ за извѣстный оброкъ, уплачиваемый въ казну и причисляемый къ переселенческому капиталу. А. Клаусъ. („Наши колоніи". Приложеніе II, страница 44).

---

[2]) Мы постоянно указывали въ этомъ сочиненіи на тотъ замѣчательный фактъ, что распоряженія правительства въ Россіи имѣли вообще очень слабое вліяніе на поземельное устройство и хозяйственный бытъ, и что они постоянно, съ древнихъ временъ до новѣйшихъ, обходились разными средствами, или даже прямо и просто не исполнялись. Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ и притомъ современныхъ примѣровъ такого обхода законоположенія, послѣдовавшаго отъ верховной власти, есть размежеваніе Донскихъ земель. Мы выписываемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія изъ статьи: „Донскіе крестьяне", А. А. Караваева, напечатанной въ „Трудахъ Донского статистическаго комитета".

„Положеніе 1835 года въ теоріи порѣшило долгій споръ между казаками и помѣщиками: оно отдѣлило два враждебные элемента другъ отъ друга, оставивъ казаковъ единственными обладателями своихъ, рѣзко ограниченныхъ юртовыхъ довольствій, и выселивъ всѣхъ юртовыхъ крестьянъ на свободныя

войсковыя земли, избранныя по желанію ихъ помѣщиковъ. Какъ громомъ поразило это постановленіе юртовыхъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которымъ нужно было, во-первыхъ, безпокоиться отысканіемъ для себя другихъ мѣстъ для поселенія, тратиться на переселеніе хозяйства, а во-вторыхъ (самое тяжелое), разстаться съ неограниченными и богатыми юртовыми землями, на выборъ которыхъ у ихъ сильныхъ предковъ рука не дрогнула. Не менѣе ужаснымъ положеніе 1835 года показалось и тѣмъ помѣщикамъ, которые имѣли владѣнія на свободныхъ земляхъ и, слѣдовательно, не подлежали переселенію: имъ назначено опредѣленное количество десятинъ на душу 8-й ревизіи и тѣмъ самымъ изъ подъ ихъ распоряженія ускользнули огромныя пространства земель, владѣемыя ими на правѣ перваго завладѣнія. Но грустная практика умѣрила бѣдственное положеніе тѣхъ и другихъ владѣльцевъ: она въ продолженіи слишкомъ 30 лѣтъ не сошлась во взглядахъ съ мудрою правительственною мѣрою: надѣленіе помѣщиковъ опредѣленною нормою изъ войсковыхъ свободныхъ земель не исполнено по сію пору.

Причиною тому отчасти нежеланіе помѣщиковъ разстаться съ неограниченными и богатыми довольствіями, отчасти неясность и нерѣшимость межевыхъ правилъ, отчасти медленность межевыхъ дѣятелей. Эти же самыя причины неуспѣха межевыхъ работъ сильно задержали надѣлъ безпомѣстныхъ и мелкопомѣстныхъ чиновниковъ пожизненными (а впослѣдствіи срочными) участками, которые они должны были получать изъ свободныхъ войсковыхъ земель, отчасти лежащихъ въ пустыняхъ, отчасти долженствовавшихъ отдѣлиться отъ прежнихъ помѣщичьихъ (не-юртовыхъ) довольствій".

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ проволочекъ и уклоненій было то, что послѣ 30 лѣтъ по изданіи положенія, а именно къ 1 января 1866 г., по вѣдомости, составленной войсковымъ правленіемъ, межевое дѣло находилось въ слѣдующемъ видѣ: изъ 103,028 душъ крестьянъ, водворенныхъ въ Донской области, были надѣлены землей 81,108 ревиз. душъ, осталось ненадѣленныхъ землей— 26,674 душъ.

(Труды Донского Статистическаго Комитета, Новочеркаскъ, 1867 г. стран. 84, 85, 86).

---

[8]) Въ докладахъ коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства (Отдѣлъ IV, о землевладѣніи) мы находимъ отзывы двухъ мѣстныхъ начальниковъ, совершенно подтверждающихъ все, что̀ мы выше сказали о Башкирскомъ краѣ. Вотъ что̀ они пишутъ:

„Въ Уфимской губерніи значительныя пространства плодородныхъ земель и лѣсовъ состоятъ во владѣніи полудикихъ башкиръ; иногда на 1 ревизскую душу считается 300 дес. чернозема. Башкиры, народъ вообще апатичный ко всему, что̀ касается земледѣлія, не имѣя возможности справиться съ такими обширными пространствами, охотно соглашаются на продажу своихъ земель, чѣмъ умѣютъ пользоваться разные промышленники. Такъ, между прочимъ, куплена лѣсная дача въ 50,000 десятинъ, по 16 копѣекъ за десятину и еще съ разсрочкою. Для облегченія переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній пріобрѣтенія дешевыхъ земель безъ помощи посредниковъ-промышленниковъ, слѣдо-

вало бы правительству установить для себя предпочтительное право покупки продаваемыхъ башкирами земель, возложивъ на судебныя мѣста, вѣдающія совершеніемъ продажныхъ актовъ, обязанность увѣдомлять Управленіе Государственныхъ Имуществъ о всѣхъ тѣхъ продажахъ, гдѣ цѣна не достигаетъ нормы, опредѣленной впередъ для покупки правительствомъ; неполученіе судебнымъ мѣстомъ отвѣта въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ могло бы считаться равносильнымъ отказу правительства отъ своего права. Купленная такимъ образомъ земля могла бы быть разбиваема на мелкіе участки и продаваема переселенцамъ по сходной цѣнѣ съ разсрочкою платежей. Уфимскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства предлагается образованіе съ этою же цѣлью акціонернаго общества по проекту, представленному имъ и землевладѣльцемъ Авдѣевымъ оренбургскому генералъ-губернатору. Кромѣ покупки правительствомъ продаваемыхъ башкирами земель, уфимскій губернаторъ проектируетъ ссудо-переселенческій банкъ съ прямою цѣлью содѣйствовать переселенію, которое въ настоящее время совершается весьма медленно и доставляетъ въ годъ приращеніе населенія не болѣе 0,3%. Такой банкъ, съ возможнымъ упрощеніемъ самаго порядка производства своихъ операцій, давалъ бы ссуды переселенцамъ на покупку земель и на обзаведеніе, съ разсрочкою платежей, подъ залогъ пріобрѣтаемой земли. Переселенцамъ могли бы быть предоставлены: а) льготы по совершенію купчихъ крѣпостей на землю, каковыми пользуются крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости по ст. 6. положенія о выкупѣ; б) трехлѣтняя льгота по отправленію общихъ натуральныхъ повинностей; в) право въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ образовать отдѣльное общество, причисляться къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, безъ согласія послѣднихъ и безъ участія въ круговой порукѣ за земли, отведенныя по уставной граматѣ. На обязанности мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ должны бы лежать руководство переселенцевъ при перечисленіи ихъ и сношенія со всѣми мѣстами и лицами, до которыхъ относится ихъ переселеніе. Противъ опасенія, что подобныя льготы приведутъ въ движеніе народонаселеніе внутреннихъ губерній цѣлыми массами, уфимскій губернаторъ объясняетъ, что въ существѣ можно разсчитывать на переселеніе только тѣхъ, которые на родинѣ не имѣютъ надежды на лучшую будущность; масса же сельскаго населенія, крестьяне хотя нѣсколько домовитые, слишкомъ привязаны къ своей родинѣ".

---

[4]) Свободныя земли въ строгомъ смыслѣ слова составляютъ очень небольшую часть территорій нашихъ восточныхъ окраинъ, но пустыхъ земель еще остается необъятное пространство. Вотъ свѣдѣнія, какія мы могли собрать изъ разныхъ источниковъ:

Казенныхъ земель, оставшихся въ распоряженіи казны за надѣломъ крестьянъ: въ Астраханской губерніи	611,231
въ Оренбургской съ Уфимской	514,138
„ Самарской губерніи	2,824,239
Удѣльныхъ земель въ распоряженіи уѣздовъ	
„ Самарской губерніи	767,874

Калмыцкихъ земель считается въ Астраханской губерніи—8,699,415 десятинъ и въ Ставропольской—1,598,172. Изъ общаго ихъ количества отрѣзано и отчуждено въ разное время 773,193 и состоитъ въ пользованіи разныхъ лицъ, около 700,000 десятинъ. Большая часть этихъ земель не заселены и отдаются въ оброчное содержаніе, примѣрно 365,000. Въ Донской области войсковыхъ запасныхъ земель 1,562,000 десятинъ, отведенныхъ подъ табуны 802,000, въ двухъ калмыцкихъ участкахъ 78,000, всего свободныхъ земель, кромѣ калмыцкихъ степей—2,640,000. Изъ киргизской степи, за исключеніемъ неудобныхъ земель (1.050,000 дес.), можно считать около 6.000,000 луговъ и пастбищъ, и, полагая на душевой надѣлъ киргизовъ самую широкую пропорцію по 30 дес. на душу, какъ нарѣзано калмыкамъ, должно оставаться свободныхъ земель около 4.000,000. Башкирскія земли можно считать почти всѣ свободными для поселенія, такъ какъ ихъ владѣльцы сами ими не пользуются, а постоянно пріискиваютъ на нихъ съемщиковъ и покупателей. Общее число десятинъ башкирскаго владѣнія неизвѣстно, но въ одномъ Екатеринбургскомъ уѣздѣ полагается ихъ примѣрно около 2.000,000. Въ Кубанской области и на Кавказѣ собственно свободныхъ земель вовсе нѣтъ; всѣ земли принадлежатъ, какъ на Дону, или казачьимъ станицамъ и войскамъ, или офицерамъ; за Кубанью земли, оставленныя горцами, пожалованы въ частное владѣніе разнымъ лицамъ, служащимъ на Кавказѣ или почетнымъ туземцамъ; остальныя приписаны къ ауламъ. Но такъ называемой плоскости свободныхъ земель вовсе нѣтъ и казаки, имѣющіе по 20—30 дес. на душу, переселенцевъ на свои земли не принимаютъ. Несмотря на это, Кубань составляетъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ, куда направляются переселенцы изъ внутреннихъ губерній, и мы выше видѣли, что въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ основано 133 новыхъ русскихъ поселеній съ 155,000 жителей, а въ 1872 году прибыло въ одинъ годъ 54,106 душъ. Большая часть переселенцевъ приписываются къ городамъ, или покупаютъ земли у частныхъ владѣльцевъ: за городскими обществами считаются большія пространства общественныхъ земель, лежащихъ впустѣ, а за частными владѣльцами пожалованныхъ земель, 431,000 десятинъ; кромѣ того, въ нагорной полосѣ можно считать земель упраздненныхъ горцами около 1,500,000 дес. и на плоскости земель ногайцевъ, вышедшихъ въ Турцію, 895,000 дес. Это и составляетъ главный запасъ для новыхъ поселеній, примѣрно 3.000,000. Такимъ образомъ, по самому умѣренному разсчету оказывается пустыхъ, незаселенныхъ земель въ этой полосѣ слишкомъ 16.000,000. Если же принять, какъ мы это старались указать, что высшій размѣръ дѣйствительнаго владѣнія, какое можетъ быть обработано одной крестьянской семьей, есть 15 десятинъ на дворъ или тягло (10 дес. на ревизскую душу), то, за отчисленіемъ этой пропорціи на коренныхъ жителей, останется еще нѣсколько десятковъ милліоновъ десятинъ, за исключеніемъ неудобныхъ земель, для новыхъ поселеній.

---

[5]) Пропорція 15 дес. на подворный участокъ есть только примѣрная норма для хозяйствъ одинокихъ крестьянъ, одного мужика съ бабой. Само собой разумѣется, что эта норма должна быть различная въ разныхъ мѣстностяхъ и для разныхъ категорій поселянъ: во-первыхъ, въ степныхъ и совер-

шенно безлѣсныхъ мѣстахъ надо имѣть въ виду, что поселяне сѣютъ хлѣбъ не столько для корма скота и своего продовольствія, сколько для отопленія, употрѣбляя вмѣсто дровъ, солому и кизякъ, и что поэтому они должны производить огромное количество соломы и засѣвать большія пространства. Въ такихъ мѣстностяхъ подворный участокъ въ 15 десятинъ (6—7 дес. на ревизскую душу) будетъ недостаточенъ; во-вторыхъ, между переселенцами окажется много и такихъ многосемейныхъ хозяевъ, которые по составу своихъ семействъ пожелаютъ имѣть больше земли и по своимъ рабочимъ силамъ въ состояніи ее обработывать; въ этомъ соображеніи мы и предполагаемъ допустить продажу въ однѣ руки 2, 3 и 4 участковъ, но при этомъ возвышать прогрессивно цѣну, такъ чтобы переселенцы находили болѣе выгоды въ пріобрѣтеніи небольшого количества земли, и безъ нужды или достаточныхъ средствъ не забирали бы излишнихъ угодій. Эта комбинація намъ представляется какъ единственное средство для нѣкотораго (хотя, разумѣется, и не совершенно точнаго) распредѣленія поземельныхъ имуществъ, соразмѣрно силамъ и средствамъ поселянъ, чего никакими правилами достичь невозможно. Въ русскомъ земледѣльцѣ особенно развита страсть къ простору, къ распашному хозяйству, и этому можно противодѣйствовать не принудительными мѣрами, не ограниченіемъ его владѣній или отрѣзкой земли, но только такими способами, которые ему бы указывали прямую выгоду пахать меньше, но лучше, и забирать земли не болѣе, какъ ему нужно. Если онъ можетъ пріобрѣсть участокъ въ 15 дес. за 45 руб. съ разсрочкой, а за второй участокъ такого же размѣра долженъ заплатить 67 р. 50 к., за третій 90, за четвертый 135, то онъ безъ необходимости не будетъ брать лишней земли. Это составляетъ нѣкотораго рода премію для одинокихъ людей; но такъ какъ въ крестьянскомъ быту одиночество обыкновенно совпадаетъ съ бѣдностью, то намъ кажется справедливымъ предоставить нѣкоторыя выгоды при поселеніи бѣднымъ домохозяевамъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ИСТОЧНИКИ.

Альбертини. Англійское общинное владѣніе. (Отечес. Зап. 1860. №. 1).

Бестужевъ-Рюминъ. О колонизаціи великорусскаго племени. (Журналъ Министерства Народн. Просв. 1867. Іюль).

Бѣляевъ. О сельской общинѣ. (Русская Бесѣда. 1856. № 1).

» Крестьяне на Руси. (Вѣстникъ Общества любителей древности. 1860. Книга XI).

» О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. (Временникъ Общества любителей древностей Россійскихъ. 1851).

Бунге. Гармонія хозяйственныхъ отношеній. Спб. 1860.

Вешняковъ. Крестьяне собственники. (Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1858. № 3).

» Крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ. (Журн. Мин. Гос. Имущ. 1858. № 6).

Вороновъ. Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ. (Вѣстникъ Европы. 1876. Январь).

» О вліяніи общественнаго состоянія на права поземельной собственности. 1855.

Градовскій. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868.

Докладъ коммиссіи Московскаго Общества Сельскихъ Хозяевъ объ устройствѣ хуторовъ. Москва. 1875.

Ешевскій. Русская колонизація сѣверо-восточнаго края. (Вѣстникъ Европы. 1866. № 1).

Иванишевъ. О древней сельской общинѣ въ юго-западной Россіи. (Русская Бесѣда. 1857. № 3).

Ивановъ. Систематическое обозрѣніе помѣстнаго права. 1836.

» Поземельная собственность. (Русскій Вѣстникъ. 1858. № 1—6).

Карасевъ. О Донскихъ крестьянахъ. (Труды Донскаго Статистическаго Комитета. Вып. I. Новочеркаскъ. 1867).

Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. Спб. 1874.

Клаусъ. Наши колоніи. Спб. 1869.

Колонизація въ Австраліи. (Вѣстникъ Европы. 1871. Іюль).

Костенковъ. Историческія и статистическія свѣдѣнія о Калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи. Спб. 1870.

Лакіеръ. О вотчинахъ и помѣстьяхъ. Спб. 1848.

Миличевичъ. Сербская Община. (Русская Бесѣда. 1859. № 4).

Обручевъ. Военно-статистическій сборникъ. Спб. 1871.

Объ аграрномъ строѣ въ Ирландіи. (Вѣстникъ Европы. 1870. Мартъ).

Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодаръ. 1873.

» » Области войска Донскаго. Новочеркаскъ. 1873.

Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Ярославль. 1875.

Рихтеръ. Исторія крѣпостного сословія въ прибалтійскомъ краѣ. Рига. 1860.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка. Спб. 1870

Сабанѣевъ. Очерки Зауралья. Москва. 1873.

Самаринъ. Общинное владѣніе. (Русскій Вѣстникъ. 1858. № 13).

» Поземельная собственность и общинное владѣніе. (Русскій Вѣстникъ. 1858. № 1—6).

» Исторія эмансипаціи въ Пруссіи. (Журналъ «Сельское благоустройство». 1859).

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губерніи. Ставрополь. 1869—1870.

Свѣдѣнія о Донскихъ Калмыкахъ. Новочеркаскъ. 1872.

Сергѣевичъ. Вѣче и Князь. Москва. 1867.

Смирновъ. Историческіе очерки землевладѣнія въ Россіи. Ч. I.

Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ. (Вѣстникъ Европы. 1873. Іюнь—Ноябрь).

Соловьевъ. О поземельномъ владѣніи. (Отечественныя Записки. 1858. №№ 1, 2, 6, 7, 8, 9.)

» Споръ о сельской общинѣ. 1856.

Статистическій обзоръ Государственныхъ Имуществъ за 1858 г. Спб. 1861.

Тернеръ. Матеріалы для вопроса о поземельной собственности. (Журн. Минист. Госуд. Имуществъ. 1858. № 11).

» Сельское народонаселеніе во Франціи. (Отеч. Записки. 1858. №№ 3, 4).

Тройницкій. Крѣпостное населеніе Россіи. Спб. 1860.

Труды коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ Т. XIV. Спб. 1870 и Т. XXII. Ч. 3. Статистическія свѣдѣнія, касающіяся прямыхъ сборовъ. Отд. 1, и Приложеніе Отд. 2. Спб. 1873.

Труды коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства. Спб. 1873.

Уманцъ. Сельская Община. (Отечеств. Записки. 1863. №№ 8, 9, 10).

Ханыковъ. Очеркъ состоянія внутренней Киргизской орды. (Записки Географическаго Общества. Спб. 1874. Кн. II).

Циммерманъ. Соединенные Штаты. Москва. 1873.

Чаславскій. Отхожіе промыслы въ Россіи. (Сборникъ Госуд. Знаній. Вып. 2. Спб. 1874).

Чичеринъ. Обзоръ историческаго развитія сельской общины. (Русскій Вѣстникъ. 1856. № 3—4).

» — Областныя учрежденія Россіи. Москва. 1856.

» — Опыты по Исторіи Русскаго Права.

Bamberger. Die Arbeiterfrage. Stuttgart. 1873.

Blanqui. Mémoires de l'Academie des Sciences morales et politiques. 7—1.

Block. Maurice. Dictionnaire de l'administration française. (Organisation communale). Paris. 1862.

» Dictionnaire de l'économie politique. (Vaine pature). Paris. 1853.

Bonné. Etude sur le morcellement du sol en France. Bar-le-Duc. 1860.

Cauchy. De la propriété communale. Paris. 1848.
Charles Comte. Traité de la propriété. Paris. 1834.

Doniol. Histoire des classes rurales en France. Paris. 1857.
Duval. Histoire de l'émigration. Paris. 1869.

Engel. Preussische amtliche Statistik. Jahrbuch. 1.

Ferrand. De la propriété communale en France. Paris. 1859.
Fröbel. Die deutsche Auswanderung. Leipzig. 1858.

Gasparin. Métayage. Paris. 1862.

Haxthausen. Agrarverfassung in Nord-Deutschland. Berlin. 1869.
» Ländliche Verfassung Preussens. Königsberg. 1839.

Jahrbuch für die amtliche Statistik des Preussischen Staates. Berlin. 1862.

Kahn. Ueber Auswanderung. Berlin. 1871.

Laboulaye. Histoire de la propriété foncière.
Landau. Geschichte der Territorien. Gotha. 1854.
Landbill d'Irlande. (Revue des deux Mondes. 1870. 15 Juin et 15 Juillet).
Laveley. De la propriété et de ses formes primitives. Paris. 1873.
Lavergne. Economie rurale de la France. Paris. 1860.
Legoyt. La France et l'étranger. Paris. 1865.
Lehmann. Die deutsche Auswanderung. Berlin. 1861.
Leplay. Les ouvriers des deux Mondes. 1858.
Leroy-Beaulieu. De la colonisation des peuples modernes. Paris. 1874.
Lette. Die Vertheilung des Grundeigenthums. Berlin. 1858.
Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France. Paris. 1859.
Löwe. Geschichte der deutschen Territorial-Verfassung.

Maurer. Geschichte der Frohnhöfe. Erlangen. 1862—1863.
Monnier. De l'agriculture en France.

Nessmann. Die deutsche Auswanderung. Leipzig. 1873.

Passy. Des systèmes de culture. Paris. 1846.
Plogey. Du morcellement du sol en France.

Raine. Les origines de la France contemporaine. Paris. 1870.
Rau. Grundsätze de Volkswirthschaftpolitik. Leipzig. 1858.
» Das Minimum eines Bauergutes. (Archiv der politischen Oeconomie. 9 Band. 2. 1851).
Reichensperger. Die Agrarfrage. Trier. 1847.
Roscher. Colonialwesen. (Archiv der politische Oeconomie. 6 Band. 1, 4. 1847. 7 Band. 1, 3. 1848).
» National-Oeconomie des Ackerbaues. Stuttgart. 1871.
» Grundlage der National-Oeconomie. Stuttgart. 1869.
» Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Leipzig. 1856.
Rubichon. De l'agriculture en France. Paris. 1864.

Schmoller. Ländliche Arbeiterfrage. (Zeitschrift der Staatswissenschaft 12 Jahrgang).
Seelig. Die Verkoppelungs-Gesetzgebung in Hannover. 1852.
Special report on Immigration. Washington. 1871.
Stein. Handbuch der Verwaltungslehre. Band. 3. Stuttgart. 1869.
Stüwe. Die Landgemeinden. Jena. 1851.
Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft. S.-Petersburg. 1861.

Tellkampf. Ueber Arbeiter-Verhältnisse und Erwerbs-Genossenschaften in England und Nordamerika. Halle. 1870.

Vorschläge zur Beseitigung der Auswanderung. Berlin. 1873.

Walker. Die Sociale Frage. Berlin. 1873.
Wilhelmy. Die Zusammenlegung der Grundstücke. Berlin. 1856.
Wirth. Max. Grundlage der National-Oeconomie. Köln. 1873.
Wolowsky. De la division du sol en France. (Revue des deux Mondes. 1857. 15 Août).

ОПЕЧАТКИ

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
574	15 сн.	для закрѣплении	для закрѣпленія.
581	14 св.	craftes	crafters
611	2 „	Европѣ	Европѣ.
„	18 сн.	10 „	60 „
614	8 „	Gesinge	Gesinde
766	9 „	tenant-rigth	tenant-right.
805	10 „	платанціи	плантаціи
810	15 св.	der Bauernhofs	des Bauernhofs
841	9 „	совѣтыванія	сѣтованія
888	1 „	еслѣ	если
971	8 сн.	хозяства	хозяйства
1004	17 „	приселенія	переселенія.

3 2044 010 656 510

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

